

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

3(49)'2014

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

3(49)'2014

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2014

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

PhD, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор В. М. БРИЦЫН (Киев, Украина)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор, чл.-кор. РАН В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

доктор филол. наук, профессор Е. В. ШУСТРОВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2014. – Вып. 3 (49). – 265 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Из истории политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34

ББК Ш107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 14-04-0268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2014
© Политическая лингвистика, 2014

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

3(49)'2014

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Britsyn V. M., Ph. D. (Kiev, Ukraine)
Vasily V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Elizaveta V. Shustrova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Ekaterinburg 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10
--	----

ДИСКУССИИ

Воркачев С. Г. Краснодар, Россия	Лингвокультурная концептология и ее терминотерминосистема (продолжение дискуссии)	12
Горина Е. В. Лазарева Э. А. Екатеринбург, Россия	Интернет — это виртуальный дискурс: к вопросу о терминах	21

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Алферов А. В. Кустова Е. Ю. Пятигорск, Россия	О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации: подходы к исследованию	24
Базылев В. Н. Москва, Россия	Последний из могикан: Эрих Хонеккер	33
Вепрева И. Т. Купина Н. А. Екатеринбург, Россия	Тревожная лексика текущего времени: неофициальные этнонимы в функции актуальных слов	43
Дускаева Л. Р. Краснова Т. И. Санкт-Петербург, Россия	Интенциональность и модализация медиатекста в контексте культуры (опыт обобщения)	51
Иванова С. В. Уфа, Россия	Хитрое слово <i>leadership</i> , или еще раз о национально-культурной специфике	58
Сипко Й. Прешов, Словакия	События в Крыму в начале 2014 г. в русско-словацких лингвокультурных ассоциациях	69
Чапаева Л. Г. Москва, Россия	Антонимические прагмемы славянофильско-западнического дискурса	79
Шустрова Е. В. Екатеринбург, Россия	Холодное лето 2014-го: Барак Обама в американской карикатуре	85

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Асланова М. Г. Пятигорск, Россия	Структура профессиональной языковой личности политика (на материале американского политического дискурса)	96
Бессонова Л. Е. Симферополь, Россия	Иноязычные заимствования в политической лексике начала XX века	103
Галепа М. А. Новочеркасск, Россия	Российская парламентская журналистика начала XXI века	109
Друговейко К. О. Санкт-Петербург, Россия	Дискурсивные механизмы конструирования исторической памяти (на материале текстов российской и латвийской прессы)	115

Зарипов Р. И. Москва, Россия	Метафорические образы российской власти во французском политическом дискурсе	124
Керимов Р. Д. Кемерово, Россия	Метафорическое таргетирование в немецкой социально-политической коммуникации: сценарии внешней и внутренней политики ФРГ	129
Краснова Т. И. Санкт-Петербург, Россия	Оппозитивный дискурс о русском большевизме в харбинских газетах 1918—1919 годов	142
Култышева И. В. Нижний Тагил, Россия	Реализация стратегии удержания власти в предвыборной листовке	148
Молодыхенко Е. Н. Санкт-Петербург, Россия	Риторика превосходства: аксиологическая перспектива (Барак Обама о Крымском кризисе).....	155
Столяров А. А. Москва, Россия	Практики современного искусства в российских уличных протестах: индивидуальные и коллективные арт-перформансы 2011—2012 гг.	166

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Горина Е. В. Екатеринбург, Россия	Тематическое преобразование — структурная особенность Интернета	173
Гришин А. В. Брянск, Россия	Проблема заключения советско-английского Торгового соглашения 1921 года в работах англо-американских авторов периода «холодной войны»	180
Дзюба Е. В. Екатеринбург, Россия	Интеллект политика как категория русского «наивного» сознания	185
Зверев А. И. Москва, Россия	Метафора в креолизованном тексте (на примере герметических трактатов)	193
Кадырова Л. Д. Симферополь, Россия	Деривационные модели контаминированных образований в текстах СМИ	200
Кравцова Л. П. Каунас, Литва	«Герои нашего времени» в зеркале словаря и дискурса	206
Постникова А. А. Екатеринбург, Россия	Прецеденты Наполеоновской эпохи в коммуникативной памяти современной Франции: от «Аустерлица» до «бистро»	216
Хохлова С. Н. Омск, Россия	Деидеологизация концепта «рок» в медиатекстах, адресованных музыкантам	224
Шер Е. Ю. Екатеринбург, Россия	Ода В. К. Кюхельбекера «День святого Александра Невского» как образец эпидиктической ораторской речи второй трети XIX века	229

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Злоказов К. В. Екатеринбург, Россия	Репрезентация идей националистической направленности в креолизованном тексте	236
---	---	-----

Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса 242
Карапетян А. Э. Екатеринбург, Россия	Сотрудничество законодателя и лингвиста: лингвистическая экспертиза законодательных проектов 246
Морозов Г. Б. Нургалиева Г. Ф. Екатеринбург, Россия	Терминологическая нечеткость антикоррупционного законодательства России как фактор усиления коррупционности общества 248

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Лунц Ф. Уэст-Хартфорд, США <i>Пер. с англ. З. Ф. Темиргазиной, Г. А. Хамитовой</i>	Десять правил эффективного общения 256
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»262	

CONTENTS

Editorial principles of the journal "Political Linguistics"	10
---	----

DISCUSSIONS

Vorkachev S. G. Krasnodar, Russia	Linguocultural conceptlogy and its terminological system (continuation of discussion)	12
Gorina E. V. Lazareva E. A. Ekaterinburg, Russia	Internet — a virtual discourse: the question of the terms	21

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Alferov A. V. Kustova E. Y. Pyatigorsk, Russia	Interactional approach to the study of parliamentary communication	24
Bazylev V. N. Moscow, Russia	The last of the mohicans: Erich Honecker	33
Vepreva I. T. Kupina N. A. Ekaterinburg, Russia	The words of unrest in the world today: unofficial ethnonyms in real usage	43
Duskaeva L. R. Krasnova T. I. St. Petersburg, Russia	Intentionality and moralization of mediatext in the context of culture (the experience of the generalization)	51
Ivanova S. V. Ufa, Russia	What a clever word ' <i>Leadership</i> ' or national cultural specificity again	58
Sipko J. Prešov, Slovakia	Events in Crimea in early 2014 in Russian-Slovakian linguocultural associations	69
Chapaeva L. G. Moscow, Russia	Antonymous pragmemes in Slavophilic-Western discourse	79
Shustrova E. V. Ekaterinburg, Russia	Cold lonely summer 2014: Barack Obama in American political cartoon	85

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Aslanova M. G. Pyatigorsk, Russia	The structure of professional linguistic personality of a politician (in American political discourse)	96
Bessonova L. E. Simferopol, Russia	Foreign borrowing in political vocabulary of early XX century	103
Galepa M. A. Novocherkassk, Russia	Parliamentary journalism of Russia at the beginning of the XXI century	109
Drugoveyko K. O. St. Petersburg, Russia	Discursive mechanisms of forming historical memory (on the basis of the texts from Russian and Latvian press)	115

Zaripov R. I. Moscow, Russia	Metaphorical images of Russian power in French political discourse	124
Kerimov R. D. Kemerovo, Russia	Metaphorical target mapping in the German socio-political communication: scripts of the German foreign and internal policy.....	129
Krasnova T. I. St. Petersburg, Russia	Oppositional discourse about the Russian Bolshevism in Harbin newspaper of 1918—1919.....	142
Kultysheva I. V. Nizhny Tagil, Russia	Realization of the strategy of the retention of power in an election leaflet.....	148
Molodychenko E. N. Saint-Petersburg, Russia	Values and 'Superiority' rhetoric: the example of Barack Obama's speech on 2014 Crimea crisis	155
Stolyarov A. A. Moscow, Russia	The practices of modern art in Russian street protests: individual and collective art-performances of 2011—2012 years	166

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Gorina E. V. Ekaterinburg, Russia	Thematic transformation — a structural feature of the Internet	173
Grishin A. V. Bryansk, Russia	The problem of conclusion of Anglo-Soviet Trade Agreement of 1921 in works of English and American authors during the Cold War period	180
Dziuba E. V. Ekaterinburg, Russia	Intellect of a politician as a category of Russian naïve consciousness	185
Zverev A. I. Moscow, Russia	Metaphor in creolized texts (on the example of hermetic tracts).....	193
Kadyrova L. D. Simferopol, Russia	Derivation models of contaminated formations in mass-media texts	200
Kravtsova L. P. Kaunas, Lithuania	«Heroes of our time» as reflected in vocabulary and in discourse	206
Postnikova A. A. Ekaterinburg, Russia	Precedents of the Napoleonic era in communicative memory of contemporary France: from "Austerlitz" to "Bistro"	216
Khokhlova S. N. Omsk, Russia	Deideologization of the concept "Rock" in media texts addressed to musicians	224
Sher E. Yu. Ekaterinburg, Russia	The ode by V. K. Kuchelbecker «Day of St. Alexander Nevsky» as a model of apodictical oratorical speech of the second third of the XIX century	229

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Zlokazov K. V. Ekaterinburg, Russia	Representation of nationalistic ideas in creolized text	236
---	---	-----

Voroshilova M. B. Ekaterinburg, Russia	Cognitive arsenal and communicative strategies of modern nationalistic discourse	242
Karapatyan A. E. Ekaterinburg, Russia	Cooperation of legislator and linguist: linguistic expertise of legislative bills	246
Morozov G. B. Nurgaliyeva G. F. Ekaterinburg, Russia	Defects of interpretation of terms anti-corruption legislation of Russia as factor of strengthening of its corruption	248

PART 5. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Luntz F. West Hartford, USA <i>Transl. from English</i> <i>by Z. F. Temirgazina, G. A. Khamitova</i>	Ten rules of effective communication.....	256
Manuscripts requirements		262

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Из истории политической лингвистики», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Из истории политической лингвистики»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим

взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неформальные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования»

мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

ДИСКУССИИ

УДК 81'27
ББК Ш100.63

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

С. Г. Воркачев
Краснодар, Россия

S. G. Vorkachev
Krasnodar, Russia

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ И ЕЕ ТЕРМИНОСИСТЕМА (продолжение дискуссии)

LINGUOCULTURAL CONCEPTOLOGY AND ITS TERMINOLOGICAL SYSTEM (continuation of discussion)

Аннотация. Описывается понятийный аппарат лингвокультурной концептологии, устанавливается, что пафос критики лингвоконцептологии как части лингвокультурологии носит идеологический характер, что превращение «концепта» в базовый термин лингвокультурологии неслучайно и что отличить «лингвокультурный концепт» от одноименного псевдотермина можно лишь на фоне терминосистемы лингвоконцептологии.

Abstract. The article describes the notional apparatus of linguocultural conceptology. It is established that criticism of linguocultural conceptology as part of linguoculturology is rooted in ideology, that converting the notion of “concept” into the basic term of linguoculturology is not random and that distinguishing “linguocultural concept” from the pseudo-term of the same name is only possible on the background of the terminological system of linguocultural conceptology.

Ключевые слова: лингвокультурология; лингвокультурная концептология; концепт; термин; терминологическая система.

Key words: linguoculturology; linguocultural conceptology; concept; term; terminological system.

Сведения об авторе: Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры научно-технического перевода.

About the author: Vorkachev Segey Grigorievich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Scientific and Technical Translation.

Место работы: Кубанский государственный технологический университет (Краснодар).

Place of employment: Kuban State Technological University (Krasnodar).

Контактная информация: 350006, г. Краснодар, ул. Красная, 135, к. 110.
e-mail: svork@mail.ru.

Лингвокультурология, выделившаяся в отдельное научное направление в российской лингвистике в 90-х гг. прошлого века как раздел антропологической лингвистики, имеет своим предметом исследование проявлений культуры народа, главным образом духовной, отраженных и закрепленных в его языке и речи [См.: Маслова 1997: 8; 2001: 8, 11; Воркачев 2001: 64—65; Хроленко 2004: 25].

Базовой исследовательской единицей лингвокультурологии выступает (лингвокультурный) концепт, который в самом общем виде сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, «погруженному» в культуру и язык [См.: Воркачев 2011: 64], и если лингвокультурология занимается исследованием лингвокультуры в целом, то лингвоконцептология изучает отдельные фрагменты лингвокультуры, представленные (лингвокультурными) концептами, выступая по сути в качестве ипостасного имени первой.

Лингвоконцептология — продолжение и развитие классической, структурной и функциональной семантики [См.: Карасик 2013: 93], обогащенной данными культурологии, когнитологии, социологии, истории и прочих смежных дисциплин. Более того, по большому счету, лингвоконцептология и выступает как специфическая разновидность се-

мантики, направленная преимущественно на исследование национально-культурной части единиц ментального лексикона — концептов, «план выражения» которых представлен практически не ограниченным рядом языковых единиц. От структурной семантики к лингвоконцептологии перешли основные исследовательские методы — компонентный (семный) анализ и теория поля: полученные в результате компонентного анализа смысловые признаки концепта располагаются в семантическом пространстве в зависимости от своей значимости от ядра к периферии.

Однако, в отличие от семантики, исследовательский объект которой представлен значением как планом содержания конкретных языковых единиц, исследовательский объект лингвоконцептологии (концепт) гораздо шире: он имеет «сквозной» характер и включает в себя также семантику текстовых и дискурсных образований (паремии, афоризмы, художественные произведения и пр.), в которых «просматриваются» семантические признаки изучаемых ментальных единиц.

Лингвоконцептологические исследования направлены главным образом на изучение конкретных ментальных единиц, обладающих культурной спецификой и находящихся выражение в языке; общетеоретические проблемы связи языка и мышления, языка и культуры в

лингвоконцептологии напрямую не поднимаются — идеологически она удовлетворяется «слабым» вариантом гипотезы лингвистической относительности Сепира — Уорфа: язык и культура каким-то образом взаимосвязаны.

К числу непосредственных предшественников, внесших определяющий вклад в становление лингвокультурной концептологии, следует прежде всего причислить Анну Вежицкую, давшую первое определение лингвокультурного концепта и проанализировавшую «культуроспецифичные» концепты «дружба» и «свобода» [См.: Вежицкая 1999: 203—499], Н. Д. Арутюнову, проводящую лингвокультурологическое исследование концепта «истина/правда» и определившую лингвокультурные концепты как понятия жизненной философии и обыденные аналоги мировоззренческих терминов, закрепленные в лексике естественных языков [См.: Арутюнова 1993: 3—6; 1999: 617—631], и Ю. С. Степанова, впервые заговорившего о «многослойности» лингвокультурного концепта [См.: Степанов 1997: 45—56].

На фоне многочисленных лингвистических школ и направлений, учитывающих и исследующих связь языка с культурой в форме изучения тематических полей, семантических классов слов, установления зависимости языковых фактов и явлений от социальных и культурных факторов и т. п., лингвокультурная концептология выделяется своим комплексным и систематизированным подходом к предмету исследования и, может быть, в первую очередь — разработанностью своих исследовательских методик. Связь культурно маркированных операциональных единиц мысли со средствами их вербализации изучается здесь в единстве выделяемых разнокачественных составляющих — понятийной, образной и оценочной — при безусловном доминировании образной, на важность которой впервые обратил внимание В. фон Гумбольдт (Ср.: «...большое количество понятий, в особенности нематериального характера ... может выражаться посредством необычных и поэтому неизвестных метафор» [Гумбольдт 1960: 70]), а материал для исследования берется из всех возможных дискурсных областей.

Любое научное направление, и лингвоконцептология здесь не исключение, проходит стадии нормального жизненного цикла: зарождение/становление, зрелость/расцвет, упадок/забвение. Лингвоконцептология как часть лингвокультурологии выросла из перекрестки задач лингвострановедения, когда на место обучения иностранному языку через изучение культуры носителей этого языка пришло изучение культуры через язык.

Первое появление ее базового термина — «(лингвокультурного) концепта» — приходится на начало 90-х годов прошлого века [См.: Логический анализ языка 1991], и в эти же 90-е гг. она прошла свою первую стадию — стадию формирования, сопровождаемую привычным сопротивлением научной среды: зачем «множить сущности», для лингвистики вполне достаточно и значения как базового семантического термина; ваш концепт уже описал Герман Пауль сто с лишним лет назад — смотрите: «...вся совокупность представлений, содержащихся в душе человека» [Пауль 1960: 126], — чем не концепт?; «...концепт — это квазиметодологическая категория» [Сорокин 2003: 292] и пр.

В настоящее время лингвоконцептология проходит свою вторую стадию — затяжную стадию расцвета и триумфального подъема, чуть было не прерванную кризисом [См.: Воркачев 2011: 69]; отношение к ней и ее базовому термину радикально изменилось: «концепт» стал законодателем моды в российском языкознании, самым естественным образом появилось «лингвоконцептологическое эпигонство» и оказалось, что фактор моды по праву можно включать в число прочих признаков псевдонауки [См.: Воркачев 2013: 115—120].

В то же самое время критический «отпор» российской лингвокультурологии и, соответственно, лингвоконцептологии пришел оттуда, откуда его меньше всего можно было ожидать: от представителей западной и «эмигрантской» лингвистики, что само по себе, можно сказать, несколько лестно и свидетельствует о достаточно широкой известности этого научного направления.

Полемика по поводу лингвокультурологии, развернувшаяся на страницах журнала «Политическая лингвистика» в 2011—2012 гг. [См.: Павлова, Безродный 2011; Шмелев 2011; Дементьев 2012], вылилась со стороны противников лингвокультурологии в своего рода «Антилингвокультурологический манифест» — сборник статей антилингвокультурологической и антилингвоконцептологической направленности [См.: От лингвистики к мифу 2013], положения которого «подкрепились» еще и стебом по этому поводу в Интернете («лингвокультурологию чуют нутром», «басни про этноконцепты и ментальность» и пр. [См.: Зарубин 2013]).

Критический пафос «Манифеста» направлен в основном на два положения лингвокультурологии, зафиксированных в ее терминосистеме: «языковая картина мира» и «национальный характер / этнический менталитет», которые здесь употребляются исключительно в кавычках. Языковая «картина

мира», как и любая его картина, — это, безусловно, метафора, но метафорическое происхождение термина не может служить основанием для отрицания его эвристической валидности: ведь никого сейчас не смущают такие когнитивные метафоры, как «корень слова» или «языковая семья». Конечно, языковых картин мира ровно столько, сколько существует на земле носителей языка, но все эти картины вполне успешно тем или иным образом типизируются и стереотипизируются, сводятся к какому-то одному знаменателю, общему для той или иной социальной, профессиональной и (почему бы нет?) этнической либо национальной группы.

В статьях авторов сборника лингвокультурология и лингвокультурная концептология практически полностью отождествляются с гипотезой лингвистической относительности — ГЛО («в идейном содержании дисциплины „лингвокультурология“ нет ничего нового: та же система аргументации использовалась в эссеистике сто лет тому назад» [От лингвистики к мифу 2013: 22]), как с «сильным» ее вариантом, согласно которому язык полностью определяет мышление своих носителей (неогумбольдтианство, Вайсгербер), так и со «слабым», согласно которому язык определяет мышление лишь отчасти — «навязывает» или «подсказывает» категоризацию мира. Оценочное признание существования лингвокультурной специфики здесь квалифицируется как «лингвонационализм» [От лингвистики к мифу 2013: 50, 60, 62] и чуть ли не «лингвофашизм».

Конечно, у гипотезы лингвистической относительности и лингвокультурологии исторически общие антропоцентрические истоки, но на этом, пожалуй, сходство и кончается — у лингвокультурологии и лингвокультурной концептологии уже иные цели и задачи и иная исследовательская методика: с одной стороны, создание теоретической основы для преодоления трудностей и сбоев, возникающих при межкультурной коммуникации, а с другой — выработка комплексной методики описания периферийной (специфической для каждой лингвокультуры) части семантики ментальных единиц (концептов). Эвристическую ценность лингвокультурной концептологии создает, как представляется, методологическая комплексность, дающая возможность описывать весьма объемные семантические блоки в единстве с языковыми средствами их выражения.

Критика лингвокультурологии ведется с идеологических позиций: отрицается аксиоматика лингвокультурологии: этноса/нации, народа как объективной данности не существует, это — миф, фикция, конструкт,

imagined community по Бенедикту Андерсену. Соответственно, объективно не существует национального самосознания, национальной идентичности, национальной специфики, национального характера и менталитета и, конечно, языковой этноспецифики. Отрицание же этнокультурной специфики ментальных единиц (концептов) превращают лингвокультурологию и лингвокультурную концептологию в псевдонауки, такие же, как уфология и парапсихология, не имеющие своего объекта исследования.

Здесь можно заметить, что нет (практически, за редким исключением) людей, не обладающих национальной идентичностью, и эта коллективная идентичность и ощущение причастности к ней представляют собой реальность, хотя, может быть, и субъективную, которая вполне реальна в соответствии с «теоремой Томаса» («Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям») в межличностных и международных отношениях. Гражданская война на Украине — пример лингвокультурной войны: защита носителями русского языка своей языковой и культурной идентичности. Несовпадения в периферийной (коннотативной, оценочной) части ментальных единиц у носителей разных культур/языков — несомненный факт, на определенном уровне межъязыкового общения препятствующий пониманию.

И если авторами сборника объективность существования национального характера ставится под сомнение, то существование этнических стереотипов, в которых, собственно, и отражаются представления о первом, признается очевидным фактом [См.: От лингвистики к мифу 2013: 268—269].

Что же касается лингвокультурологического «пособничества» лингвонарциссизму [См.: От лингвистики к мифу 2013: 139—142], выражающемуся в любовании родным языком и всяческом его восхвалении, то такое любование присуще не лингвистам (к числу которых, в общем-то, относятся и лингвокультурологи), для которых родной язык отличается от всех прочих только тем, что его они лучше знают, а «мастерам художественного слова», упоминаемым в сборнике, и представителям «разговорного жанра» — Михаилу Задорнову, например.

Нужно, однако, отдать должное авторам сборника: среди четырех причин возникновения в России лингвокультурологии [См.: От лингвистики к мифу 2013: 178—180] приводится (последней!) одна вполне вразумительная: необходимость обновить толковые словари, расширив и углубив семантическое описание лексических единиц. Первая же

причина, идеологическая — участие в поисках утраченной «национальной идеи» — представляется явным преувеличением «роли лингвистики в истории», хотя, конечно, — «честь такая дорогая!».

Опять же вполне конструктивным моментом критики лингвокультурологических исследований представляется указание на такую «болеую точку», как отсутствие четкого критерия выделения базовых, «ключевых» лингвоконцептов. Но это отнюдь не врожденный порок лингвоконцептологии, а скорее ее беда: критерии эти предстоит еще отыскать и определить, в чем же заключается значимость лингвокультурных концептов для национальной культуры — в массовидности ли стереотипов при разноуровневости средств их выражения, распространенности в лексической системе определенных презумпций [См.: Шмелев 2011: 26], или в чем-либо другом.

В сборнике просматривается явная тенденциозность подборки иллюстративного материала: анализируются по большей части халтурно-эпигонские работы, свидетельствующие лишь о научной малограмотности и нечистоплотности их авторов, а также о крайней снисходительности диссертационных советов, принимающих такие работы к защите. Анализ добросовестно и профессионально выполненных лингвокультурологических работ, в которых есть то, отсутствием чего наделяется лингвокультурология (опрос информантов — «полевые исследования», использование данных корпусной лингвистики, дискурс-анализ), здесь практически не представлен.

В то же самое время непомерное количество халтуры отнюдь не свидетельствует о несостоятельности научной дисциплины — скорее наоборот, это следствие ее популярности и значимости. Из всего корпуса в двести тысяч защищенных диссертаций по лингвокультурологии можно было бы добавить примеры «покруче» и похлестче, чем приводимые в «Манифесте» избитые этно-стереотипы «скупых англичан», «доверчивых русских» и «аккуратных немцев» — это, например, концепты «боевой листок», «тапочки», «нефть», «Сочи» и пр.

И наконец, стебовой для русской лингвокультуры концепт «слон» [См.: Зарубин 2013] в индийской лингвокультуре, очевидно, представляет собой вполне достойный объект исследования, как концепт «бык» в культуре испаноязычной [См.: Соловьева 2009].

Лингвоконцептология как часть лингвокультурологии возникла, конечно, не вдруг и не на пустом месте: в число ее предтеч без оснований включают И. Гердера и

В. Гумбольдта, пытавшихся осмыслить роль языка в мышлении, и создателей «гипотезы лингвистической относительности» Э. Сепира и Б. Л. Уорфа, связавших язык и культуру его носителей, — идеологов антропоцентризма в лингвистике.

Из двух известных вариантов гипотезы лингвистической относительности — «сильного» (язык всецело определяет шаблоны мышления и «культурные коды») и «слабого» (язык лишь отчасти определяет шаблоны мышления и «культурные коды») — лингвоконцептология выбирает «третий» вариант: язык, мышление и культура взаимосвязаны, однако связь эта факультативна и не линейна — реализуется не всегда, не везде и необязательно напрямую, на что, кстати, указывал Б. Л. Уорф: «Между культурными нормами и языковыми моделями существуют связи, но не корреляции или прямые соответствия» [Уорф 1960: 168].

Как представляется, в триаде «язык — мышление — культура» особого разговора заслуживают два ее последних члена — мышление и культура.

Мышление как «направленный процесс переработки информации в когнитивной системе живых существ» [Меркулов 2004: 533] создателями гипотезы лингвистической относительности и ее последователями понимается нерасчлененно, гомоморфно, в то время как существуют его различные виды: мышление предметное, образное и логико-вербальное. Говорить о влиянии языка на предметное мышление не приходится: мы завязываем шнурки и закрываем двери без какого-либо посредства вербальных знаков; мышление образное обходится собственным языком — языком образов, а вот мышление логико-вербальное — операции суждения и умозаключения над понятиями для получения нового знания — едва ли может обойтись без языка, естественно, лишь в части формирования понятий, создающих для человека классификационную сетку картины мира. Понятие как совокупность существенных признаков предмета, будучи обличенным в слово, образует семантическую основу лексического значения, его смысловые скрепы, и уже к нему в составе значения добавляются различного рода несущественные признаки и коннотации, могущие быть специфическими для какого-либо этнического языка.

Культура также понятие весьма разнородное, достаточно размытое и неопределенное. Если исходить из самого общего, «апофатического» понимания культуры: культура — это не природа, а то в человеке, что передается от поколения к поколению

небиологическим путем (Ср.: «Я называю культурой человеческую среду, все то, что помимо выполнения биологических функций придает человеческой жизни и деятельности форму, смысл и содержание» [Бенвенист 1974: 31]), то язык — неотъемлемая часть культуры, и в качестве такового не может от нее не зависеть, как не может не зависеть часть от целого, и в этом смысле весь язык, как и любая его единица, культурно маркированы, а лингвокультурология утрачивает свой предмет. Как представляется, для определения этого предмета понятие культуры вообще необходимо сузить до культуры духовной [См.: Стернин 2013: 143], включающей мировоззрение, моральные установки и чувства и пр. — всё то, что определяет специфические поведенческие стереотипы и формирует стереотипы этнические как отражение национального характера и менталитета.

Несмотря на свои некоторые «врожденные пороки», в частности отсутствие межъязыковых переводческих аналогов, в конкурентной борьбе 90-х годов прошлого века «концепт» одолел своих протерминологических соперников [См.: Воркачев 2007: 18], и, естественно, хотелось бы выяснить причины доминирования именно «концепта» в лингвокультурологической терминологии.

Как представляется, причины эти коренятся главным образом в том, что слово «концепт» как протермин находит опору в лексической системе русского литературного языка и «подпитывается» употреблением как в современной обиходной речи, так и в общенаучном и «паранаучном» дискурсе.

В русской лексикографии «умное», «ученое» слово концепт как синоним понятия фиксируется лишь двумя толковыми словарями: *«Концепт [латин. conceptum] (филос.). Общее понятие, общее представление»* [Ушаков 2000, т. 1: 1455]; *«Концепт, [лат. conceptus — понятие, мысль, представление]. 1. Лог. Содержание понятия. 2. Книжн. = Концепция»* [Кузнецов 1998: 454]. В качестве логического термина он присутствует в энциклопедическом словаре: *«Концепт (от лат. conceptus — мысль, понятие), смысловое значение имени (знака), т. е. содержание понятия, объем которого есть предмет (денотат) этого имени»* [СЭС 1983: 623].

Уже из этих определений «концепта» и из самого факта включения лишь в несколько толковых словарей видно, что эта лексема для носителей русского языка на фоне ее ближайшего синонима «понятие» представляется несколько «экзотической» (кстати, частотными словарями она не фиксируется), что у нее отсутствует живая

«внутренняя форма» и что она выступает гиперонимом для практически всех семантических ментефактов — мысль, общее представление, смысл, сигнификат, концепция, понятие, теория и др.

«Концепт», в отличие от «понятия», не вошел полностью в обиходный дискурс и остается частью дискурса научного, что избавляет эту лексему от необходимости ретерминологизации при включении в терминосистему лингвоконцептологии. В лексической системе языка у нее имеется целый ряд «поддерживающих» ее производных: «концепция», «концептуализация», «концептуализация», «концептуализм», «концептуалист» и пр.

Пожалуй, наиболее доступным и четким признаком, позволяющим отделить научный дискурс от псевдонаучного, представляется адекватность/неадекватность употребления специфических отраслевых терминов, в которых вербализуется понятийная область соответствующего научного направления — терминосистема. Терминосистема выступает тем самым контрастным фоном, на котором «высвечивается» имитационность «провисающего» псевдотермина, который выпадает из этой системы, поскольку не связан с другими понятиями данного научного направления и либо представляет собой *flatus vocis* — «пустой звук», за которым не стоит никакого смысла, либо за ним стоят понятия другого научного направления.

В трудах российских языковедов, как отмечается [См.: Кашкин 2010: 296], в последнее время повторяется словосочетание «антропологическая парадигма», к адептам которой причисляют себя авторы этих трудов, где «антропологическая» выступает, очевидно, антонимом к определению «структурная». В «антропологическую парадигму» входят все научные направления, ориентированные на изучение человека как субъекта какой-либо деятельности, в том числе и речевой. Результатом предметной конкретизации «антропологической парадигмы» выступает «антропологическая лингвистика» (anthropological linguistics) — западный аналог российской лингвокультурологии, базовой составляющей и в некотором роде «вторым именем» которой является лингвоконцептология.

Имя «лингвоконцептология» в определенной мере двусмысленно, поскольку за ним скрывается не только концептология лингвокультурная, но и лингвоконцептология когнитивная, сформировавшаяся как направление даже несколько ранее первой в русле когнитивной лингвистики, в центре внимания которой находится язык как «об-

щий когнитивный механизм» [См.: Кубрякова и др. 1996: 53; Бабушкин 1996: 9]. Лингвистическая концептология, в задачи которой входит выявление средств вербализации концепта и моделирования его содержания, в конечном итоге методологически «встроилась» в лингвокультурную на этапе исследования понятийной составляющей лингвокультурного концепта в той мере, в которой последняя описывается с использованием мыслительных картинок, схем, фреймов, сценариев, инсайтов и пр.

Общепрофессиональная, лингвистическая терминология, представленная в названиях и вводных разделах диссертаций и монографий лингвокультурологической направленности («парольные слова»), включает такие единицы, как «(языковая, концептуальная, когнитивная) картина (образ, модель) мира», «область (поле)», «(национальная, этническая, лингвокультурная) концептосфера», «языковая (словарная, этносемантическая) личность», «(национальный, этнический) менталитет (ментальность, характер)», «дискурс».

Понятие «картины мира» как глобального образа мира (Weltbild), пришедшее в лингвистику из физики и философии в ходе «антропологического поворота» парадигмы гуманитарного знания и введенное в употребление в лингвистику И. Л. Вайсгербером [См.: Вайсгербер 2004: 66—67], приняло вид «(этно)языковой картины мира» как совокупности знаний о мире в обыденном сознании, зафиксированных в единицах языка. Поскольку в языке фиксируется отнюдь не вся информация о мире, то языковая картина предметно беднее концептуальной, отличается от последней этнокультурной спецификой и консерватизмом.

Имя «концептосфера», обозначающее совокупность концептов вообще, образованное по аналогии с «ноосферой» и «биосферой» и введенное в научный обиход академиком Д. С. Лихачевым, получая расширение «национальная, этническая, лингвокультурная», обозначает уже совокупность концептов лингвокультурных, выделяемых из языковой картины мира.

В свою очередь, на национальной концептосфере выделяются по какому-либо признаку более дробные сегменты, включающие группы концептов — «концептуальные области (поля)», — хотя, нужно заметить, концептуальная метафора сферы («шара») в случае концептосферы последовательно не проводится, и «концептосфера» обозначает как раз семантическую область: концептосферы «война», «жизнь», «возраст» и пр.

Под языковой личностью в лингвокультурной концептологии понимается закреп-

ленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя языка, включающий мировоззренческие установки, ценностные приоритеты и поведенческие реакции, отраженные в словаре — личность словарная, этносемантическая [См.: Воркачев 2001: 66; Карасик 2004: 22], которая выступает субъектом языковой картины мира и национальной концептосферы.

Любая личность — индивидуальная или групповая — имеет собственные взгляды на мир и на свое место в нем, обладает собственным характером и присущими только ей стереотипами поведения, и все это, безусловно, отражается в ее языке. Под термином «языковой менталитет» понимается совокупность специфически национальных мировоззренческих, психологических и поведенческих установок языковой личности как усредненного представителя множества носителей языка, зафиксированная в семантической системе последнего. Национальный менталитет, национальная ментальность и национальный характер — понятия соположенные и пересекающиеся, и в лингвокультурологических исследованиях часто не различающиеся.

Понятие дискурса как текста в единстве с экстралингвистическими условиями его реализации включено в терминосистему лингвоконцептологии через ее базовый термин — лингвокультурный концепт, выполняющий функцию организующего начала дискурса, когда политический дискурс организуется вокруг концептов «власть» и «политик», религиозный — вокруг концептов «вера» и «Бог» и пр.

Напрямую — через свою лексическую основу — в терминосистему лингвоконцептологии включено понятие концептуализации: процесса и результата «сотворения» концепта — структурирования знаний о мире. Соответственно, терминологическое наполнение этого понятия зависит от понимания концепта как *лингвокультурной* сущности: языковая концептуализация — это обогащение семантики определенного понятия признаками, заимствованными из семантики языковых показателей, лексикализирующих это понятие [См.: Исаева 2012: 58—59].

Узкоотраслевую, собственно дисциплинарную часть терминосистемы лингвоконцептологии образует прежде всего сам лингвокультурный концепт и его терминологические аналоги, а затем — его видовые номинации и номинации его составляющих.

В предельно широкое определение лингвокультурного концепта как единицы коллективного знания, имеющей языковое вы-

ражение и отмеченной этнокультурной спецификой [См.: Воркачев 2001: 70], свободно укладываются и вначале соперничавшие с ним «лингвокультурема», «мифологема», «логоэпистема», и его сегодняшний аналог «семантическая константа».

Внутри этих родовых дефиниционных границ по самым различным признакам выделяются разнообразные виды лингвокультурных концептов [См.: Воркачев 2011: 66—67], как разноименные («культурная доминанта», «ключевая идея», «лингвокультурный типаж»), так и образованные путем адъективного расширения базового термина («телеономные, эмоциональные, иллюкативные, регулятивные, параметрические и прочие концепты»).

Выстраиваемый терминологический ряд открыт, его члены образуют довольно стройную, хотя и не жесткую систему, в которой они связаны отношениями включения, выводимости и смежности, где составляющие складываются в лингвокультурный концепт, который может выступать организующим началом дискурса и который сам входит в состав какой-либо концептуальной области, входящей в состав национальной концептосферы, выделяемой, в свою очередь, из языковой картины мира, в то время как языковая личность — носитель языкового менталитета — представляется субъектом языковой картины мира и национальной концептосферы, а концептуализация — формой вербализации какого-либо понятийного содержания.

В своей массе единицы терминологического ряда лингвоконцептологии соответствуют большей части требований, предъявляемых к «идеальному термину», характеризующему такими признаками, как лексическая и словообразовательная системность, наличие словарной пометы, тенденция к моносемичности в пределах своей терминологической области, стилистическая нейтральность, наличие дефиниции, отсутствие синонимии, точность, номинативность, независимость от контекста [См.: Алимуратов и др. 2011: 15—20], куда можно было бы еще добавить отсутствие антонимии.

Так, например, базовый термин «лингвокультурный концепт», безусловно, отличается словообразовательной системностью («лингвоконцептология», «лингвоконцептологический анализ» и пр.), однако о наличии словарных помет говорить не приходится, поскольку в толковых словарях он отсутствует. Он стремится, насколько это у него получается, к однозначности и стилистически нейтрален в границах научного дискурса, у него имеется дефиниция. Он номинативен

в том смысле, что отправляет к реалии исследовательского аппарата определенной научной области, а вот что касается точности, независимости от контекста и отсутствия синонимии, то здесь можно заметить, что его точность, в принципе, ограничивается контекстом теории, создаваемой определенной «школой» лингвоконцептологии либо отдельным исследователем, а наличие синонимов напрямую зависит от понимания его сущности последователями этих «школ».

Вместе с тем на фоне терминосистем естественных наук терминосистему лингвоконцептологии отличает определенная аморфность и «размытость» определений терминов, присутствие в ней синонимии, что свидетельствует, очевидно, как о «гуманитарной» ориентации этого научного направления, так и о динамизме его развития.

Однако нечеткость и в какой-то мере даже двусмысленность определений лингвоконцептологических терминов следует, как представляется, главным образом из неопределенности понимания культуры, которой обусловлена национальная специфика *лингвокультурного* концепта: берется ли здесь вся культура целиком, материальная и духовная, в противостоянии природе, либо только культура духовная. Определенную роль здесь играет также неразличение национальной ментальности как общего мировидения носителей языкового сознания и менталитета как совокупности ее специфических черт.

Несмотря на существенный разброс во мнениях относительно сущности лингвокультурного концепта, внутри его предельно широкого определения, о котором уже говорилось и которое в общих чертах совпадает с определением концепта А. А. Вежбицкой («Объект из мира „Идеальное“, имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире „Действительность“»), в понимании его отличительных признаков на сегодняшний день уже существует определенный консенсус. Основными, обязательными характеристиками лингвокультурного концепта признаются: 1) многомерность как следствие его синтетизма — наличие семантически разнородных составляющих; 2) иерархичность, системная зависимость признаков; 3) этноспецифичность. В число его дополнительных, факультативных признаков попадают номинативная плотность как множественность способов вербализации; дискурсная (социокультурная, онтогендерная, аксиологическая) вариативность и дискурсоцентричность — способность выступать в качестве организующего начала дискурса.

Как представляется, можно утверждать, что лингвокультурологическое понимание концепта ограничивается, с одной стороны, понятием как логической категорией совокупности существенных признаков объекта, а с другой — значением как совокупностью семантических признаков, закрепленных за определенной единицей языка.

И если речь идет о «псевдолингвокультурном концепте», то имеется в виду употребление термина «лингвокультурный концепт» либо в контексте «понятия», либо в контексте «значения», либо вообще произвольно, когда «концептом» называют всё что угодно, фрейм, например [См.: Савицкий 2012: 59], руководствуясь исключительно лингвистической модой.

Подытожим.

Лингвокультурология имеет своим предметом исследование проявлений культуры народа, главным образом духовной, отраженных и закрепленных в его языке и речи. Базовой исследовательской единицей лингвокультурологии является лингвокультурный концепт, который в самом общем виде сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, «погруженному» в культуру и язык, и если лингвокультурология занимается исследованием лингвокультуры в целом, то лингвоконцептология изучает отдельные фрагменты лингвокультуры, представленные лингвокультурными концептами.

Лингвоконцептология — продолжение и развитие классической, структурной и функциональной семантики, обогащенной данными культурологии, когнитологии, социологии, истории и прочих смежных дисциплин; она выступает в роли специфической разновидности семантики, направленной преимущественно на исследование национально-культурной части единиц ментального лексикона. От структурной семантики к лингвоконцептологии перешли основные исследовательские методы: компонентный (семный) анализ и теория поля, — однако, в отличие от семантики, исследовательский объект которой представлен значением как планом содержания конкретных языковых единиц, исследовательский объект лингвоконцептологии гораздо шире: он имеет «сквозной» характер и включает в себя также текстовые и дискурсные образования.

На фоне многочисленных лингвистических школ и направлений, учитывающих и исследующих связь языка с культурой, лингвокультурная концептология выделяется комплексным и систематизированным подходом к предмету исследования и разработанностью своих исследовательских мето-

дик. Связь культурно маркированных операциональных единиц мысли со средствами их вербализации изучается здесь в единстве выделяемых разнокачественных составляющих, а материал для исследования берется из всех возможных дискурсных областей.

Первое появление базового термина лингвоконцептологии — «(лингвокультурный) концепт» — приходится на начало 90-х гг. прошлого века, и в эти же 90-е гг. она прошла свою первую стадию — стадию формирования, — сопровождаемую привычным сопротивлением научной среды. В настоящее время лингвоконцептология проходит свою вторую стадию — затяжную стадию расцвета и триумфального подъема; отношение к ней и ее базовому термину изменилось: «концепт» стал законодателем моды в российском языкознании, и появилось «лингвоконцептологическое эпигонство». В то же самое время критический «отпор» российской лингвоконцептологии, пафос которого направлен в основном на два ее термина: «языковая картина мира» и «национальный характер/этнический менталитет», — был дан представителями западной и «эмигрантской» лингвистики, в работах которых лингвокультурология и лингвокультурная концептология практически полностью отождествляются с гипотезой лингвистической относительности. Критика лингвокультурологии ведется с идеологических позиций — отрицается аксиоматика лингвокультурологии: этноса/нации, народа как объективной данности не существует, это — миф, фикция, соответственно, объективно не существует национального характера и менталитета и, конечно, языковой этноспецифики. Тем не менее эта критика в какой-то мере вполне конструктивна и указывает на такую «боле-вую точку» лингвоконцептологии, как отсутствие четкого критерия выделения базовых, «ключевых» лингвоконцептов.

Превращение именно «концепта» в базовый термин лингвокультурологии представляется неслучайным: причины его терминологизации коренятся преимущественно в том, что слово «концепт», в отличие от терминологических новообразований, находит опору в лексической системе русского литературного языка и «подпитывается» употреблением как в современной обиходной речи, так и в общенаучном дискурсе.

Отличить «лингвокультурный концепт» от одноименного псевдотермина можно лишь на общем фоне терминосистемы лингвоконцептологии, включающей вместе с ним такие единицы, как «(языковая, концептуальная, когнитивная) картина (образ, модель) мира», «область (поле)», «(нацио-

нальная, этническая, лингвокультурная) концептосфера», «языковая (словарная, этносемантическая) личность», «(национальный, этнический) менталитет (ментальность, характер)», «дискурс», имена составляющих лингвокультурного концепта и его разновидностей. Псевдоконцепт из этой терминосистемы «выпадает», когда «лингвокультурным концептом» называют либо «понятие», либо «значение», либо вообще все что угодно, руководствуясь исключительно лингвистической модой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимуратов О. А., Лату М. Н., Раздубев А. В. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий). — Пятигорск, 2011.
2. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. — М.: Наука, 1993. С. 3—7.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999.
4. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. — Воронеж: Воронеж. ГУ, 1996.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974.
6. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. — М.: УРСС, 2004.
7. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64—72.
8. Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2007. Т. 66, № 2. С. 13—22.
9. Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2011. Т. 70, № 5. С. 64—74.
10. Воркачев С. Г. К апологии лингвокультурного концепта // Studia selecta: избранные работы по теории лингвокультурного концепта. — Волгоград: Парадигма, 2013.
11. Гумбольдт фон В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. — М.: Госучпедиздат М-ва просвещения РСФСР. Ч. 1. С. 68—86.
12. Дементьев В. В. Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях: к дискуссии А. Д. Шмелева с А. В. Павловой и М. В. Безродным о «лингвонарциссизме» // Политическая лингвистика. 2012. № 1(39). С. 11—16.
13. Зарубин К. Константин Андреев: введение в суверенное языкознание. 2013. 30 окт. URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/67120>.

14. Исаева Л. А. О соотношении понятий «концептуализация», «стереотипизация» и «прецедентизация» // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 2. С. 58—60.
15. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004.
16. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. — М.: Гнозис, 2013.
17. Кашкин В. Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации. — Воронеж: Воронеж. ГУ, 2010.
18. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: МГУ, 1996.
19. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. — СПб.: Норинт, 1998.
20. Логический анализ языка: культурные концепты. — М.: Наука, 1991.
21. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. — М.: Наследие.
22. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2001.
23. Меркулов И. П. Мышление // Философия: энцикл. слов. — М.: Гардарики. С. 533—535.
24. От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». — СПб.: Антология, 2013.
25. Павлова А. В., Безродный М. В. Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 11—20.
26. Пауль Г. Принципы истории языка. — М.: Изд-во иностр. литературы, 1960.
27. Савицкий В. М. Идея, схваченная знаком. Несколько вопросов по поводу объекта лингвоконцептологии. — Самара: ПГСГА, 2012.
28. СЭС = Советский энциклопедический словарь. — М.: Советская энцикл., 1983.
29. Соловьева Н. И. Актуализация лингвокультурного концепта «бык» в испанской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2009.
30. Сорокин Ю. А. Две дискуссионные реплики по поводу когнитивного «бума» // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. — Волгоград: Перемена, 2003. Ч. 1. С. 283—294.
31. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Языки русской культуры, 1997.
32. Стернин И. А. О некоторых дискуссионных проблемах лингвокультурологии // Человек. Язык. Культура. — Киев: Изд. дом Д. Бурого, 2013. Ч. 1. С. 138—149.
33. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. — М.: Изд-во иностр. литературы, 1960. Вып. 1. С. 135—167.
34. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. — М.: Астрель-АСТ, 2000.
35. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. — М.: Флинта-Наука, 2004.
36. Шмелев А. Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 21—33.

Е. В. Горина
Э. А. Лазарева
Екатеринбург, Россия

E. V. Gorina
E. A. Lazareva
Ekaterinburg, Russia

**ИНТЕРНЕТ — ЭТО ВИРТУАЛЬНЫЙ
ДИСКУРС: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНАХ**

**INTERNET — A VIRTUAL DISCOURSE:
THE QUESTION OF THE TERMS**

Аннотация. Анализируется виртуальное и реальное в Интернете. Авторы пытаются ответить на вопрос, что можно считать реальным, а что виртуальным в дискурсе Интернета. Интернет характеризуется как виртуальное образование, состоящее из множества субдискурсов. Виртуальное из глубины интернет-пространства становится реальным всегда, когда переводится в состояние видимого, читаемого объекта. Тем самым корректируется распространенное представление о том, что дискурс Интернета исключительно виртуален. Конституирующим признаком Интернета является постоянный переход элементов из одного состояния (виртуальное) в другое (реальное).

Abstract. The article analyzes the virtual and the real on the Internet. The authors raise the problem of what can be considered real and what is virtual in the discourse of the Internet. Internet is characterized as a virtual entity consisting of a plurality of sub-discourses. From the depths of the virtual Internet space becomes real whenever brought into a state of visible, readable object. The wide spread opinion of virtual character of the Internet is questioned. Constitutive feature of the Internet is constant transition of the elements from one position (virtual) to the other (real).

Ключевые слова: виртуальность; реальность; дискурс; Интернет; субдискурс.

Key words: virtuality; reality; discourse; internet; subdiscourse.

Сведения об авторе: Лазарева Элла Александровна, доктор филологических наук, профессор, кафедра теории архитектуры и профессиональных коммуникаций.

About the author: Lazareva Ella Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory of Architecture and Professional Communication.

Место работы: Уральская государственная архитектурно-художественная академия (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Academy of Architecture and Arts (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620000, Екатеринбург, Толмачева, 24, к. 409.
e-mail: elazareva@r66.ru.

Сведения об авторе: Горина Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и стилистики департамента «Факультет журналистики» Института гуманитарных наук и искусств.

About the author: Gorina Evguenia Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language and Stylistics, Faculty of Journalism, Institute of the Humanities and Arts.

Место работы: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Place of employment: Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin.

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
e-mail: gorina9@yandex.ru.

Термины «виртуальность», «виртуальная реальность», «виртуализация» стали привычными, необходимыми для описания окружающей нас действительности, приобретающей новые грани в результате мощного технического прогресса. Исследователи разных областей знания используют слово «виртуальный» по отношению к различным явлениям (виртуальные частицы — в физике, виртуальные состояния человека — в психологии, виртуальные память, объект — в компьютерной технике, виртуальная кабина — в самолетостроении и т. д.). Психологи, социологи, лингвисты говорят о виртуализации общества, что в первую очередь связано

с его компьютеризацией [Войскунский 2002; Носов 2000; Розин 2000]. Действительно, каждый пользователь Интернета знает, что Интернет — это виртуальный мир. Сам термин «виртуальность» определяется как нечто представляемое, воображаемое, невидимое, нечто из мира мысленных представлений о действительности [Лутовинова 2009; Райзберг, Лозовский 2007]. Мы хотели бы поговорить о том, насколько справедливо применение термина «виртуальность» («виртуальный») при характеристике Интернета и его дискурса.

В научном мире сложилась тенденция называть дискурс Интернета виртуальным.

На наш взгляд, это не совсем корректно. Дискурс Сети нельзя считать исключительно виртуальным. Виртуальность — это концептуальный признак Всемирной сети. Глобальный дискурс Интернета жизнеподобен, организован подобно дискурсу самой жизни: «Интернет следует считать продолжением обитания среды человека, где посредством социальных коммуникаций он имеет возможность удовлетворить свои социальные потребности» [Бальжирова 2003: 13; см. также: Лазарева, Горина 2013]. В результате дискурс Интернета велик по своему объему, его невозможно охватить, как нереально оценить сразу всё, что окружает нас в реальной действительности. Содержательно Интернет невероятно богат, структурно всё его разнообразие представлено в великом множестве субдискурсов, образующих глобальный дискурс Сети. Мы открываем рабочую страницу в Интернете и видим, что она составлена из большого количества субдискурсов: «новости», «политика», «погода», «культура», «спорт», «финансы», «реклама», «развлечения», «кино», «медиа», «философия», «игры», «гадания», «гороскопы», «почта», «авто» и мн. др. На каждой площадке Сети (сайт, форум, портал, СМИ, блог и др.) субдискурсы представлены в разном количестве и в разных сочетаниях друг с другом. Суть заключается в том, что субдискурсы демонстрируют составную природу Интернета. Благодаря составному характеру Интернет систематизирован и ясен пользователю. Виртуальность как внутренний признак Сети характеризует все субдискурсы, которые скрыты в пространстве Интернета.

Пользователь не может одновременно просматривать все субдискурсы, видеть всё их содержание. Более того, открывая страницу в Сети, человек видит по большей части гиперссылки, ведущие на тот или иной субдискурс, а не саму информацию. Например, в интернет-СМИ читателю предлагаются заголовки и анонсы, полный же набор сведений располагается отдельно от главной страницы издания, ее следует открыть в виде нового окна, вкладки, страницы. Следовательно, все невидимые пользователю субдискурсы являются виртуальными. И количество виртуальных субдискурсов образует виртуальный мир Интернета, его глубину и мощь. При этом глубина Сети не просто разнообразна, но и трехмерна. Гиперссылки переводят пользователя с окна на окно, со страницы на множество других сетевых страниц, где всё новые и новые ссылки ведут всё глубже в интернет-пространство. Когда человек открывает одну из предло-

женных ему гиперссылок, он оказывается на новой странице в Интернете, там видит следующие ссылки, ведущие на новые страницы, и т. д. Переходы приводят и к смене субдискурсов, и к смене предмета речи, заинтересовавшего пользователя, и к пониманию трехмерной глубины сетевого пространства. И так, гиперссылки скрывают виртуальные субдискурсы, которые можно увидеть, только открыв их в виде новой вкладки (страницы, окна). Когда человек видит гиперссылку, например, читает заголовки в интернет-СМИ, то он представляет, воображает, что за информация скрывается за ссылкой, он не может воспринимать скрытые субдискурсы, а может только предположить о них что-либо. Виртуальный дискурс не воспринимаем, пользователь не может знать ни объем ожидающей его информации, ни ее качество, ни ее полезность, ни то, насколько она интересна, и т. д. Однако, как только пользователь открывает ссылку на субдискурс в виде самостоятельного окна, субдискурс утрачивает свое виртуальное состояние и становится реальным.

Виртуальность как конституирующий признак Сети всегда оценивается в соотношении с реальностью. Эти понятия противопоставлены друг другу, мы используем их как антонимы. Если виртуальный — это невидимый, воображаемый, то реальный — это видимый, воспринимаемый, осязаемый, настоящий. В Интернете мы каждый раз делаем реальными виртуальные субдискурсы. Когда пользователь переходит по ссылке и оказывается на странице с представленным субдискурсом, субдискурс становится явным, а не мыслимым. Пользователь переводит его из состояния «воображаемого» в состояние видимого, конкретного. Следовательно, глобальный дискурс Интернета представлен множеством виртуальных субдискурсов, которые пользователь всякий раз «реализует», делает реальными, пригодными для восприятия.

Виртуальность — это невидимость, формальное отсутствие при воображаемом наличии. Если говорить о том, что в Интернете мы имеем дело только с виртуальными дискурсами, то они оказываются невозможными для восприятия человеком без специальных средств. По своей природе человек не может воспринимать виртуальное, невидимое, поэтому трехмерное пространство Сети нельзя увидеть. Если считать Интернет исключительно виртуальным, то он не мог бы быть оценен пользователями, а остался бы на уровне предположения, фантазии. Чтобы воспринять виртуальное, его надо перевести в какую-либо знаковую систему,

сделать реалистичным, вербализованным, т. е. пригодным для восприятия. Необходимы некие средства перевода виртуального в состояние реального. В Интернете таким средством являются гиперссылки. Благодаря им мы каждый субдискурс открываем в отдельном «окне», вытаскивая из трехмерного пространства Сети на плоскость экрана. Мы переводим виртуальное в вид реально существующих текстов и изображений. Виртуальное приобретает реальные цвета, формы, объем, набор текстов, оказывается детализированным. Таким образом, пользователь в Интернете постоянно совершает работу по переключению виртуальных дискурсов в реальные.

Виртуальность и реальность — это две стороны одной медали. Без виртуального наполнения дискурс Интернета невозможен, а без реального всё его богатейшее содержание не может быть воспринято человеком. Виртуальное и реальное сопровождает человека повсюду. Например, книга реальна, а содержание ее виртуально для читателя до тех пор, пока он не прочтет книгу. Когда читатель открывает книгу, он переводит воспринимаемое содержание в вербализованный текст, данный в виде плоскости, привычной и удобной для чтения. Мы не можем увидеть трехмерное пространство Интернета, как, например, видим конкретное здание библиотеки, тоже хранящей огромные объемы информации, но можем сделать каждый его субдискурс реальным в виде привычных представленных на плоскости текстов, понятных и пригодных для восприятия. Виртуальное в Интернете неуловимо, хотя оно отражает реальность, подчеркивает жизнеподобие Сети. Кроме того, виртуальное проявляется в реальном, иначе оно не может быть узнано. Сочетание виртуального и реального показывает, что трехмерность сочетания текстов сложна для восприятия. Человек может воспринимать то, что видит на плоскости монитора или иного носителя. То, что скрывается в глубине Интернета, в его трехмерности, остается загадкой и предположением для пользователя.

«Виртуальный» значит «скрытый», при этом постоянно окружающий человека в Интернете или в реальном мире. Однако мы считаем, что называть виртуальным то, что приобрело выражение на плоскости монитора, стало понятным и воспринимаемым, не совсем справедливо. В свете наших рассуждений некорректно будет сказать, что мы анализируем виртуальные тексты или виртуальные дискурсы Интернета. Виртуальные тексты анализировать никак невозможно,

поскольку они не могут быть восприняты. Мы анализируем вполне реальные тексты, переведенные в плоскостное состояние, мы работаем с конкретными сообщениями, набором сообщений, реальными средствами их выражения, реальными иллюстрациями и т. д. Виртуально то, что скрыто в трехмерной глубине Сети. Реально то, что стало воспринимаемым, видимым. Следовательно, Интернет — это виртуальное образование, сотканное из множества виртуальных составляющих и приобретающее реальный вид каждый раз, когда мы открываем какую-либо из его страниц, вкладок. Мы делаем реальной какую-либо часть Интернета, поскольку воспринимаем только то, что имеет вид реально существующего объекта. Анализируем то, что смогли перевести в форму реально существующего текста, изображений или иного образования. Виртуально все, что в глубине Сети. Реально все, что мы от туда «достали» и можем прочитать, увидеть.

Сочетание виртуального и реального, постоянный переход элементов Сети из одного состояния в другое — это конституирующий признак Интернета, его особенность и обязательное условие для существования. Однако, на наш взгляд, следует учитывать смену состояний виртуального и реального в Сети для корректности формулировок и проведения исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бальжирова Т. Ж.* Интернет как средство социальной коммуникации в условиях формирующегося в России информационного общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Улан-Удэ, 2003.
2. *Войсунский А. Е.* Интернет — новая область исследований в психологической науке // Ученые записки каф. общ. психол. МГУ. — М. : Смысл, 2002. Вып. 1. С. 82—101.
3. *Лазарева Э. А., Горина Е. В.* Структурно-содержательные признаки дискурса Интернета (на примере субдискурса о событии «Падение метеорита») // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2013. № 21 (312). С. 315—319.
4. *Лутвинова О. В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : моногр. — Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009.
5. *Носов Н. А.* Виртуальная реальность // Новая философская энцикл. — М. : Мысль, 2000. Т. 1. С. 403—404.
6. *Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2007. (Б-ка словарей «ИНФРА-М»).
7. *Розин В. М.* Существование, реальность, виртуальная реальность // Концепция виртуальных миров и научное познание / отв. ред. И. А. Акчурин, С. Н. Коняев. — СПб. : РХГИ, 2000. С. 56—74.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'42:81'27

ББК Ш105.51+Ш100.621

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.21

А. В. Алферов A. V. Alferov

Е. Ю. Кустова E. Y. Kustova

Пятигорск, Россия Pyatigorsk, Russia

О ДИСКУРСИВНОМ СТАТУСЕ И КАТЕГОРИЯХ ПАРЛАМЕНТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Аннотация. Парламентская коммуникация отличается прежде всего институциональностью и рядом категорий, которые рассматриваются в статье с точки зрения интеракционного подхода как к форме, так и к содержанию составляющих парламентскую коммуникацию дискурсов и текстов. В статье предлагается метод категориальных оппозиций как средство концептуализации парламентской коммуникации в контексте политической лингвистики.

Ключевые слова: парламентский дискурс; политическая коммуникация; изотопия политического текста; французский парламентский дискурс; сайты французского парламента; интеракционность парламентского дискурса.

Сведения об авторе: Алферов Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, директор Научно-исследовательского центра интеракционной лингвистики и институционально-правовой коммуникации.

Место работы: Пятигорский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru.

Сведения об авторе: Кустова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Пятигорский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
e-mail: lenakustov@yandex.ru.

INTERACTIONAL APPROACH TO THE STUDY OF PARLIAMENTARY COMMUNICATION

Abstract. Parliamentary communication is characterized, first of all, by institutional and conventional forms and a number of categories, which are considered in the article from the point of view of interactional linguistic approach both to the form and meaning of the texts that make up parliamentary communication. The paper proposes a method of categorial oppositions as a means of conceptualization of parliamentary communication in the context of the political linguistics.

Key words: parliamentary discourse; PR policy of French parliament; parliamentary communication; isotopy of parliamentary discourse; interactional linguistic analysis.

About the author: Alferov Aleksandr Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology and Intercultural Communication, Director of Centre of Interactional linguistics & Institutional Communication.

Place of employment: Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk).

About the author: Kustova Elena Yurievna, Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology and Intercultural Communication.

Place of employment: Pyatigorsk State Linguistic University.

Триада «Коммуникация — дискурс — текст» (К-Д-Т) — это, пожалуй, самый яркий концептуальный «кубик Рубика» современной лингвистики (см., напр.: [Ван Дейк 1989; Демьянков 2007; Карасик 2002; Кубрякова, Александрова 1997; Патюкова 2009] и др.). Сегодняшняя дискуссия, возникшая вокруг этих взаимопересекающихся и дополняющих друг друга категорий, сменила не менее острую и по своему пафосу, да и по сути полемичку по поводу языкового и речевого статуса

высказывания и предложения (см., напр.: [Алферов 2007]), обострившую в свое время «вечную» проблему Речи и Языка. Однако за общей кажущейся простотой объяснительной дихотомии Э. Бенвениста «ПРОЦЕСС — РЕЗУЛЬТАТ» [Бенвенист 1974] стоит принципиально большая их эвристическая и методологическая значимость. И это в немалой степени касается политической лингвистики [Демьянков 2002; Чудинов 2012; Charaudeau 2002; Sacriste 2001].

Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза»).

© Алферов А. В., Кустова Е. Ю., 2014

Сталкиваясь с коммуникативным пространством социальной и политической реальности, можно легко обнаружить градуальность конвенционализации, и/или так называемой институционализации существующих на этом пространстве речевых процессов, действий, актов, речевых жанров (событий): переговоров, дебатов, деклараций, прокламаций, наконец, всякого рода «псевдоинформационных сообщений» — диффамаций, лжи, клеветы, — которые концентрируются в коммуникативном фокусе «информационной войны». Поэтому политическую коммуникацию можно прежде всего расценивать как **регламентированную** и **нерегламентированную** в большей или меньшей степени.

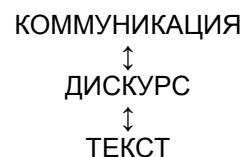
Парламент как политический институт и как актер социально-политической интеракции современного общества является отражением всех этих бурных процессов, но является при этом тем «ограниченным институциональным пространством» и механизмом, изначально направленным на регламентированность политической деятельности. Рассматривая парламентскую коммуникацию как «концентрированное выражение» политических процессов, исследователи могут прийти к более четкому представлению о системе и структуре политического *Языка* и политической *Речи*.

Три вышеприведенные категории (*коммуникация*, *дискурс* и *текст*) в применении к парламентской деятельности имеют несколько принципиальных внешних и внутренних (имманентных) характеристик, которые в какой-то степени коррелируют с *политическими речевыми процессами* в целом.

Первой такой характеристикой представляется дихотомия (градуальная) «**открытость — закрытость**». Парламентская коммуникация отличается регламентом, определяющим время, пространство и форму того или иного парламентского события: слушаний, дебатов, вопросов правительству, заседаний парламентских комиссий и т. д. Все эти события сопровождаются традиционными декларативами: «Заседание объявляется открытым/закрытым». Прекращается ли при этом коммуникация? Нет, как не прекращается сама *Речь*. Более того, естественно, что и начало, как и пресуппозиция, любой парламентской коммуникации лежит за пределами не только одного заседания или сессии и не прерывается даже «парламентскими каникулами». Внешняя форма **институциональности** (закрытости) противостоит внешней **политизированности** (открытости) и даже внешней обыденности формы парламентской коммуникации.

Парламентская коммуникация суть производное от окружающей ее общеполитической полемической коммуникации, характеризующейся прежде всего агональностью, идеологической конфронтацией, непримиримостью позиций, вседозволенностью речевых и часто далеко не парламентских средств аргументации. Это, конечно же, имеет место и внутри парламентской интеракции, но тем не менее парламентский **дискурс** отличается необходимостью принятия решений, которые имеют больший политический вес, требуют значительно большей меры ответственности, не только политической, но и взвешенной гражданской и государственной позиции. Встает вопрос о механизмах превращения полемической по своей сути политической коммуникации в институциональную законотворческую **текстовую** деятельность. Здесь можно ставить вопрос об институциональности парламентской коммуникации как о мере ответственности субъектов, в ней участвующих.

Таким образом, рассматривая триада К-Д-Т в коммуникативном пространстве парламентской деятельности может быть представлена следующим достаточно тривиальным образом:

Однако здесь иерархия основана не только на принципе включения и пересечения («каждый текст — коммуникация, и наоборот»), но и на градуальности степени открытости, ответственности и регламентированности (институциональности): в коммуникативном пространстве парламентской деятельности — парламентской коммуникации — возможна открытость как в смысле незавершенности, перманентности, так и в смысле способности включать в себя форму и содержание внешней общеполитической коммуникации и вмешиваться в это общеполитическое коммуникативное пространство (например, декларации, заявления, решения об оказании помощи, защите интересов граждан, выражение поддержки или осуждения того или иного политического события, соболезнования и пр.).

Природа **парламентского дискурса** заключается прежде всего в диалогизме, **интеракционности** [См.: Алферов 2011, 2013; Алферов, Кустова, Попова 2013]. В природе парламентской коммуникации заложена институциональная необходимость сосуществования различных дискурсов —

идеологических, партийных, культурных, этнических, наконец, *идиополитических* (о термине см.: [Белошапкина]), т. е. присущих тем или иным ярким политическим фигурам. Главной характеристикой **парламентского дискурса** становится, таким образом, его **персонализация и интенциональность** («адресат — адресант»). Можно сказать, что максимальное многоголосие и полифоничность парламентской коммуникации преломляется в полифонии [Бахтин 1979] и диалогизме парламентского дискурса. К парламентской коммуникации, рассматриваемой в целом, трудно приложить известный принцип *Cui prodest?* (кому выгодно?), тогда как парламентский дискурс, хотя и пронизан интересами многих (корпоративность), более ограничен и конкретен в своей речевой интенциональности (намерениях, целях). Реализацию такой интенциональности мы считаем **текстом** — *речевым результатом* (не важно, письменный он или устный, существует как документ или устное высказывание в процессе фонации), т. е. *реализацией интенционального дискурса, имеющего явного «бенефицианта» и эксплицитно представляемого автора* (индивидуального или коллективного). Такая персонализированная ответственность закрепляется и в протоколах заседаний парламента, в которых фиксируются либо наиболее релевантные высказывания, представленные на официальном сайте, например российского законодательного собрания [Федеральное собрание], либо все реплики, выкрики с мест и перебивание оратора («реплицированный дискурс» [Алферов, Шамугия, 2013]), которые отражаются в так называемых интегральных протоколах (*compte-rendu intégral*), например французской Национальной ассамблеи [Assemblée Nationale].

Поэтому **институциональность парламентской коммуникации определяется наличием фиксированных текстов** (от реплики парламентария до конституции), *отражающих дискурсы* (партийные, идеологические, этнические и пр.) акторов парламентской деятельности (коммуникации). Ю. С. Степанов, например, считает, что *дискурс* при таком подходе представляет собой «особое использование языка (например, русского) для выражения особой *ментальности* и *особой идеологии*» [Степанов 2001: 4].

Однако полифоническая открытость парламентской коммуникации сочетается с имманентной закрытостью парламентского дискурса и тем более парламентского текста. Парламентский текст достаточно «герметичен» в своей институциональности. Наличие юридической и экономической терми-

нологии, интертекстовые ссылки-референции на артикул той или иной статьи закона или поправки к закону, ссылки на соответствующие положения Конституции, на постановления правительства и прочее и прочее отталкивают «простого налогоплательщика» своей **интертекстовой и терминологической** (юридической) сложностью и вызывают через **текст** недоверие к **дискурсу**, т. е., в конечном счете, к самим парламентариям, к их деятельности вообще. Так, 29 августа 2012 г. по инициативе целого ряда международных общественных организаций, занимающихся мониторингом парламентской деятельности, была принята международная «Декларация о парламентской открытости» [Opening parliament], охватывающая такие вопросы, как продвижение культуры открытости, обеспечение «прозрачности парламентской информации», «легкого доступа к этой информации» и обеспечение «электронного распространения парламентской информации». Французский сайт «Граждане и парламентарии» в 2013 г. развернул интерактивную акцию «Восстановить доверие между гражданами и парламентариями», которая высветила основные вопросы, стоящие на повестке дня, в следующих формулировках:

- существует кризис доверия к парламентариям со стороны французских граждан;
- представительство в парламенте не отражает социальную структуру французского общества;
- парламентарии не заботятся об информационной связи со своими избирателями;
- законы принимаются не в интересах всего общества, а в частных (корпоративных) интересах, и т. д. [Parlement-et-citoyens.fr].

Таким образом, появилась еще одна внешняя сторона открытости парламентской коммуникации: по сути дела, сама жизнь потребовала **концептуализации** (осмысления структуры и системы) парламентской коммуникации, и этот вызов был принят не только лингвистами-теоретиками, но и практиками — конструкторами сетевой коммуникации, что отразилось в создании и модернизации официальных сайтов национальных законодательных собраний. В основу такой концептуализации ложится главное имманентное свойство любого парламентского дискурса — **интертекстуальность**. Как отмечает А. П. Чудинов, «политические публикации нашей эпохи часто строятся и воспринимаются как своего рода диалог с другими текстами: автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов, подчеркивает собственную позицию на фоне обширного дискурса. Такой текст

оказывается насыщенным множеством скрытых и откровенных цитат, исторических ссылок, реминисценций, аллюзий, прецедентных метафор; его полное восприятие возможно только в дискурсе, с использованием множества фоновых знаний из различных областей культуры» [Чудинов 2003: 27].

В контексте веб-пространства к имманентной характеристике **интертекстуальности** парламентской коммуникации теперь тесно примыкает внешняя характеристика **гипертекстуальности**, пронизанной вышперечисленными проявлениями общей политической коммуникации во всем её многообразии, информационной сущностью политических событий и процессов, составляющих **пропозицию** и **модальность** парламентской коммуникации [Алферов, Кустова 2014]. По мнению Е. И. Горошко, Интернет предоставил беспрецедентные возможности для «жизни и функционирования» гипертекста на экране компьютера, создав особое коммуникативное социальное пространство, которое видится как некая среда, в которой протекают социальные, культурные, духовные процессы, сопровождаемые непрерывной транзакцией информационно-коммуникативных ресурсов. В этом социокультурном интернет-пространстве отражается все множество коммуникативных практик и подпространств, создаваемых людьми на настоящий момент» [Горошко 2010: 14].

Официальные сайты представляют парламентскую коммуникацию, что называется, в «3D». Один и тот же ее фрагмент, например заседание французского парламента или парламентской комиссии, представлено и в текстовых протоколах, и в видеозаписи, которая доступна и «активна» на главном сайте в течение текущего года. Протокол заседания перемещается в архив, также доступный любому пользователю Интернета. Все имена политиков снабжены гиперссылками, соотносящимися с их официальным представлением с указанием партийной принадлежности, сроков парламентского мандата и даже места в амфитеатре зала заседаний. Кроме того, гиперссылки соотносятся и со всеми внутрипарламентскими выступлениями каждого депутата, составляющими его парламентский «резерв», а также с его политическими выступлениями в СМИ, любыми публичными акциями и заявлениями. Сайт предоставляет возможность составить дискурсивный портрет любого парламентария и парламентской партии в мультимедийном формате, связан гиперссылками с их личными сайтами и блогами.

Такая открытость в виде мультимедийной протокольной гипертекстуальности пар-

ламентской коммуникации позволяет говорить об **изотопии** (совокупной множественности смыслов) парламентских дискурсов, составляющих парламентскую коммуникацию [Алферов, Кустова 2014; Растье 2001].

Институциональная целостность, которая обеспечивается целенаправленностью и конвенциональностью парламентской деятельности, необходимо предполагает взаимодополняющий характер всех парламентских дискурсов как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах. Гипертекстуальность и поликодовость парламентской внешней **PR-коммуникации** позволяет определить тот механизм понимания целостности парламентской коммуникации, который задействован в процессе интерпретации парламентских дискурсов, когда общий смысл вытекает из совокупности смыслов отдельных элементов, а каждый отдельный дискурс понимается только в интертекстовых связях с другими дискурсами и в рамках целого.

Интертекстовая природа электронного «гипертекста», возможность «перемещения» из одного дискурсивного пространства в другое, поликодовость дискурсов, аудиовизуальный канал передачи сообщения — всё это дает мощный инструмент для постижения инноватки и интерактивности парламентской коммуникации.

Некоторое время назад считалось, что «парламентская коммуникация в мировой практике является объектом пристального внимания теоретиков политической коммуникации, однако в России, в связи со спецификой ее парламентаризма, а также определенным тяготением парламентской коммуникации к аппаратным формам (значительная закрытость части материалов, редактирование их перед публикацией) она оказывается изученной недостаточно и, более того, привлекающей куда меньший интерес по сравнению с публичной коммуникацией» [Белошапкина]. Это суждение было высказано больше десяти лет назад и, наверное, имело под собой определенные основания. Однако сегодня даже поверхностный взгляд на документацию официального сайта российского Федерального собрания (протоколы заседаний, видеодокументы, трансляции заседаний Государственной думы, размещенные в Интернете) позволяет говорить о значительном прогрессе в сторону прозрачности парламентского процесса и парламентской коммуникации в России. Это открывает большие возможности перед исследователями российских парламентских дискурсов [Федеральное собрание].

Однако обеспечение доступности информации еще не является гарантией ее

эффективности. Релевантность, как известно, прямо пропорциональна доступности текста и обратно пропорциональна интерпретационному усилению [Sperber, Wilson 1989]. Политический дискурс отличается амбивалентностью. Партии и политики, придерживающиеся разных взглядов и идеологий, преследующие иногда противоположные цели, пользуются практически одной и той же риторикой, апеллируют к одним и тем же человеческим, христианским и демократическим ценностям. Что плохого, казалось бы, в словах «да здравствует Украина» и «героям слава», если бы не их сегодняшний злоебный подтекст и, как оказалось, кровавый контекст.

Поэтому интерактивность парламентской коммуникации, постоянная обратная реальная или «веб-опосредованная» через Интернет, «Твиттер» и т. п. связь с гражданами, которые, по сути, представляют конечный «конклюзивный» адресат и бенефициант парламентской коммуникации, предполагает рассмотрение парламентских дискурсов в их институциональной целостности, интеракционной динамичности и конвенциональной статичности (конклюзивные тексты). Парламентский дискурс **интерактивен** и вступает в коммуникативное пространство политической коммуникации в виде элемента структуры и системы глобального **гипертекста**.

Интеракциональная природа парламентского дискурса диктует и интеракциональный подход к его исследованиям. Теоретической базой такого подхода становятся традиции русской школы диалогизма, развивающей идеи М. М. Бахтина, функционального структурализма Р. Якобсона [Якобсон 1975], методологии отечественных и зарубежных исследователей «критического анализа» дискурса [Демьянков 2002; Charaudeau 2002], речевого (конверсационного) анализа (conversational analysis) [Moeschler 1985, 1986] и корпусной лингвистики [Charaudeau 2009; Kerbrat-Orecchioni 2005], а также бурно развивающейся сегодня политической лингвистики [Демьянков 2002; Чудинов 2012].

Анализ политического (в том числе и парламентского) дискурса требует герменевтического, интерпретационного подхода, опирающегося на разного рода пресуппозиции, необходимые для понимания не только «семантики», но и прагматики дискурса. Эти пресуппозиции и их интерпретации можно представить в виде взаимодействия метадихотомий, таких как «Люди ↔ Тексты», «Парламентский ↔ Политический», «Диалогичный ↔ Монологичный», «Конвенциональный ↔ Обыденный» (дискурсы) [Алферов, Кустова 2014] и др.

Метод концептуальных оппозиций, интеракциональный по своей сути, может стать основой анализа парламентской коммуникации. Такие оппозиции существуют не только на метауровне, но составляют глубинную структуру дискурсивной организации парламентской коммуникации. Они существуют не в смысле непреодолимых противоречий, а в смысле противопоставляемых, но взаимодействующих друг с другом, перетекающих друг в друга антиномий. Говоря о дихотомичности такого подхода, мы имеем в виду градуальность проявления той или иной оппозиции в ее конкретной реализации.

Например, дихотомия *Люди ↔ Тексты*, как уже отмечалось, предполагает два аспекта прагматического анализа: а) адресанты и адресаты — интенциональные субъекты и целевые субъекты (партийная принадлежность / электорат); б) «почему»-тексты и «зачем»-тексты — иллокутивно-интенциональный и перлокутивный аспекты текста (устного/письменного). Парламентская коммуникация представлена коллективными и персональными дискурсами, производящимися кем-то в чьих-то интересах (инклюзивных, общих, или эксклюзивных, частных), и направленными на ту или иную целевую аудиторию [Алферов, Кустова, Попова 2013].

Простой пример. Известно, что актуальную информацию (смысл) невозможно понять, если не знать, кто отправитель этой информации.

Так, следующий отрывок протокола заседания Национальной ассамблеи, расположенного на официальном сайте, свидетельствует об имплицитности речевой интенции говорящих и скрытых смыслах, стоящих за репликами участников речевого взаимодействия:

<i>Charles de La Verpillière.</i>	<i>Г-н Шарль де ля Верпиер.</i>
Monsieur le Premier ministre,	Господин премьер-министр,
depuis le mois de mai 2012,	с мая 2012 г. вы контролируете всю власть...
vous contrôlez tous les pouvoirs.	

<i>M. Jean Launay.</i>	<i>Г-н Жан Лонэ (реплика с места).</i>
Par la volonté du peuple!	Волею народа!

<i>M. Charles de La Verpillière.</i>	<i>Г-н Шарль де ля Верпиер.</i>
En vingt mois, qu'avez-vous fait de ce pouvoir absolu ? Rien ! Rien d'utile pour la France!	За двадцать прошедших месяцев чего вы добились этой абсолютной властью? Ничего. Ничего нужного народу Франции!
[Assemblée Nationale]	

Очевидно, что понять смысл реплики «Волею народа!», т. е. ее аргументативную направленность (*pro/contra*), можно только

в том случае, если известно, какие позиции занимают протагонисты данного репликативного дискурса [Алферов 2011]. Ответ на этот вопрос можно получить здесь же, на сайте, в гипертекстовом режиме *онлайн* (по гиперссылке):

M. Charles de la Verpilliere — оппозиционер, член партии СНД (UMP) [Assemblée Nationale]

M. Jean Launay — социалист, принадлежит к правящему большинству [Assemblée Nationale]

Отсюда становятся понятными иллюкативная направленность и смысл агонального, контраргументативного речевого акта «*Волею народа!*» парламентария Ж. Лонэ, предваряющего последовавшую критику оппозиционера.

Кроме того, люди, участвующие в парламентской коммуникации, существуют не только в качестве реальных политиков — субъектов парламентской коммуникации. Они входят в текст уже не просто в качестве *онимов* с исключительно референтной, денотативной функцией, но и в качестве своего рода концептов, приобретая сигнификативное, коннотативное значения [Siblot 2001] и даже гипертекстуальность [Вардзелашвили, Певная 2010]. Имена В. В. Путина, А. Меркель, Б. Обамы обладают понятийным содержанием, вмещающим всю их политическую историю, которая сопровождается эмоционально-оценочными коннотациями. Как

это ни печально для французов, имя нынешнего президента Ф. Олланда вызывает скорее разочарование и грустный скепсис, выплескивающийся в политический и, в частности, парламентский дискурс в виде карикатурных «никнов»: седьмого президента Пятой французской республики окрестили *Monsieur Royal* (когда он был спутником Сеголен Руаяль, а так, т. е. по имени супруга, называют только женщин), *Monsieur ni oui ni non* (*Г-н ни да ни нет*), а с легкой руки супруги Николя Саркози — Карлы Бруни — он получил прозвище *Pingouin*.

Интертекстуальность таких «ярлыков» во многом определяет политические концептуальные стереотипы и интерпретацию парламентских дискурсов. Еще один пример. Сегодня значительную роль в политической жизни Франции играет партия «Национальный фронт», традиционно «крайне правая», которая в политическом узусе часто трактуется как «националистическая», однако на самом деле достаточно гибкая и часто конструктивная в парламентской деятельности, победившая на последних муниципальных выборах во многих городах и регионах Франции, завоевавшая сильные позиции в Европейском парламенте в мае 2014 г. и занявшая сегодня объективную позицию в вопросе об Украине. Так, на одном из заседаний комиссии Национальной ассамблеи по международным отношениям 26 февраля 2014 г. депутат от «Национального фронта» Марион Марешаль-Лё Пэн в вопросе министру иностранных дел Лорану Фабиусу отметила, что, нарушая принцип невмешательства, Европарламент в своей позиции по Украине игнорирует тот факт, что часть протестующих Майдана относится к неонацистам и крайне правым. Тут же последовала прослеживаемая в видеотексте бурная реакция удивленно-ироничного протеста со стороны парламентариев [Vidéos-ASSEMBLÉE NATIONALE], понять которую можно только при соотнесении с бытующими политическими стереотипами о «Национальном фронте» как о крайне правой, националистической партии. В ответ на эти «коммуникативные происки» Марион Лё Пэн заметила, что «слишком просто сводить всё к примитивным оценочным клише, как это делают французские СМИ». Вот как это передано в тексте протокола:

«**Mme Marion Maréchal-Le Pen.** Je regrette que l'Union européenne ait, une fois de plus, fait fi du principe de non-ingérence, en soutenant des manifestations, qui dénonçaient certes la corruption, mais auxquelles ont participé des milices néonazies et des partis d'extrême-droite qui risquent d'entrer demain au

nouveau gouvernement ukrainien. (*Exclamations de plusieurs commissaires.*) **Chers collègues, votre analyse du Front national est aussi simpliste que celle des médias français!** [Commission des affaires étrangères].

Здесь еще раз проявляется оппозиция «политическая коммуникация vs. парламентский дискурс». Последний должен по определению быть более конструктивным, абстрагироваться от сиюминутных и часто «заказных» течений политического «мейнстрима», а уж тем более не опираться лишь на ангажированную «информацию» СМИ, втянутых в «информационную» войну. Здесь, помимо **деонтологии** парламентского дискурса, встает вопрос о **степени коммуникативной ответственности** как дискурсивно-прагматической категории парламентской коммуникации.

В интеракциональной лингвистике достаточно подробно разработана номенклатура стратегий, маркеров и операторов речевого взаимодействия, релевантная также для парламентской и для полемики политической коммуникации (см., напр.: [Алферов 2001; Тамразова 2009; Шамугия 2006]).

Большое значение в определении роли и дискурсивных функций парламентской коммуникации приобретает номенклатура и типология парламентских текстовых корпусов [Chagaudeau 2009], т. е. совокупности анализируемых текстов определенных жанров (протоколы дебатов, поправки к закону, запрос партийной группы и т. п.). В проверке валидности их интерпретации и эффективности их воздействия большое значение приобретают количественные методы, например модифицированный контент-анализ [Баранов 2007; Почепцов 2001], дополняемый когнитивно-концептуальным анализом, например выявлением концептуальных метафор партийного или идеополитического дискурса [Чудинов, Будаев 2008]. Итак, типология корпусов парламентской коммуникации основывается на уже упомянутой имманентной категории **«конвенциональность ↔ неконвенциональность»**. Дискурсы и их реализация могут, с одной стороны, иметь строго институциональный характер (проект закона, отчеты комиссий, порядок ведения заседания и пр.), с другой — носить более или менее свободный характер выражения как в плане стиля, так и в плане реализации дискурса (дебаты, вопросы правительству и пр.). В последнем случае в протоколы попадают неинституциональные дискурсивные элементы (реплики, восклицания, аплодисменты и прочее, зафиксированные в протоколах) [Алферов, Шамугия 2013].

Имманентные характеристики, позволяющие ориентироваться не только на конвенциональный тип дискурса и текста (документа), также могут быть рассмотрены при помощи интеракционального метода концептуальных оппозиций, к которым относятся следующие:

1. Монологизм/монологичность ↔ диалогизм/диалогичность дискурса. Парламентский дискурс может иметь четыре формы в зависимости от количества адресантов и типа внутренней интеракциональности:

- а) *монологическая монологичная речь* — один адресант и однонаправленная интенциональность, например ответ министра на вопрос парламентария;
- б) *монологическая диалогичная речь* — один адресант, но разнонаправленная интенциональность, например выступление в парламенте, освещающее различные противоречивые варианты решения проблемы (про- и контраргументы) или различные точки зрения;
- в) *диалогическая монологичная речь* — два и более адресанта и однонаправленная интенциональность, например выступление представителей одной партии, излагающих ее позицию (коаргументация);
- г) *диалогическая диалогичная речь* — парламентские дебаты (множественный адресант, разнонаправленные интенции) [См. также: Алферов, Шамугия 2013].

2. Кооперативность (корпоративность) ↔ **агональность** (противодействие). Данная дихотомия проявляется на разных уровнях анализа дискурса: пропозициональном (выбор темы обсуждения), иллюкутивном (декларативность, вопросительность, оптативность и пр.), аргументативном («pro» и «contra», аргумент ad hominem и пр.), интерперсональном (похвалы, лесть, обвинения, оскорбления и пр.).

3. Полемичность ↔ конклюдивность. Эта дихотомия отражает этапы законотворчества (от обсуждения до принятия законодательного документа).

Помимо дискурсивной структуры корпусов и содержательного анализа пропозиции парламентских текстов, интеракциональное исследование парламентских дискурсов направлено на динамические аспекты речевого взаимодействия: иллюкутивный, интерперсональный и аргументативный факторы парламентской интеракции [Алферов 2007].

Представленный список выведенных категорий в виде концептуальных антиномий парламентской коммуникации, характеризующий ее дискурсы, остается открытым. Политическая лингвистика, оперируя методологическим аппаратом риторики, теории дискурса, теории аргументации, прагмалин-

гвистики, всё еще находится на стадии формирования собственного понятийного аппарата. Разрабатываемый интеракционный подход к смыслообразованию и интерпретации парламентского дискурса должен, на наш взгляд, занять свое место в теории и прикладных реализациях отечественной политической лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алферов А. В.* Дейксис de dicto: функциональный класс интеракционных индексалов // Филологические науки. 2001. № 2. С. 85—93.
2. *Алферов А. В.* На пути к грамматике речи: интеракционные категории высказывания // Язык и действительность : сб. науч. тр. памяти В. Г. Гака. — М. : Ленанд-УРСС, 2007. С. 457—461.
3. *Алферов А. В.* Интеракционная лингвистика и структура диалога // Вестн. ПГЛУ. 2011. № 4. С. 135—137.
4. *Алферов А. В.* Некоторые интеракционные аспекты парламентской коммуникации // Материалы 7-го междунар. конгр. «Мир через языки, образование, культуру». Симпозиум 11-й. — Пятигорск, 2013. С. 5—8.
5. *Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е.* Интеракционное регулирование когнитивного пространства собеседников // Вестн. ПГЛУ. 2013. № 2. С. 77—79.
6. *Алферов А. В., Кустова Е. Ю.* Пропозиция и модальность парламентской коммуникации: Французская Национальная Ассамблея в лицах // Личность, речь и юридическая практика : сб. науч. тр. междунар. науч.-метод. конф. — Ростов н/Д : ДЮИ, 2014. Вып. 17. С. 10—14.
7. *Алферов А. В., Кустова Е. Ю.* Изотопия парламентского дискурса (на материалах официального сайта Французской Национальной Ассамблеи) // 8-й Конвент РАМИ : «Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления» (МГИМО, Москва, 25—26 апр. 2014 г.). URL: <http://www.rami.ru/ru/sections/25-2011-05-12-09-16-54/sektsii-viii-konventa-rami/152-sektsiya-13-politika-i-politiki-politicheskij-diskurs-kak-ob-ekt-lingvisticheskogo-analiza>.
8. *Алферов А. В., Шамугия Л. Г.* Репликативный дискурс парламентских дебатов (на материале скриптов заседаний Французского Парламента) // Вестн. ПГЛУ. 2013. № 3. С. 107—111.
9. *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику. — М. : Эдиториал УРСС, 2007.
10. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. — М. : Советская Россия, 1979.
11. *Белашапкина Н. Н.* Политические процессы в сфере теории речевого воздействия. URL: <http://konf-csu.narod.ru/ze/lib/beloshapkina.html> (дата обращения: 20.02.2014).
12. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. — М. : Прогресс, 1974.
13. *Ван Дейк Т. А.* Язык, познание, коммуникация. — М. : Прогресс, 1989.
14. *Вардзелашивили Ж. А., Певная Н. П.* Концепт как маркер гипертекстуальности // Гипертекст как объект лингвистического исследования : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. — Самара : ПГСГА, 2010. С. 7—11.
15. *Горошко Е. И.* Гипертекст 3.0: лингвистический анализ // Гипертекст как объект лингвистического исследования : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. — Самара : ПГСГА, 2010. С. 14—19.
16. *Демьянков В. З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — М., 2002. № 3. С. 32—43.
17. *Демьянков В. З.* Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык, культура, общество : 4-я междунар. науч. конф. (Москва, 27—30 сент. 2007 г.) : пленарные доклады. — М. : Моск. ин-т иностранных языков ; Рос. акад. лингвист. наук ; Ин-т языкознания РАН ; науч. журн. «Вопросы филологии», 2007. С. 86—95.
18. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.
19. *Кубрякова Е. С., Александрова О. В.* Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. — М. : Диалог-МГУ, 1997. С. 48—62.
20. *Патюкова Р. В.* Сопоставительный анализ понятий публичной и политической коммуникации // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 34 (172). Сер.: Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 67—72.
21. *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. — М. : Ваклер ; Киев : Рефл-бук, 2001.
22. *Растье Ф.* Интерпретирующая семантика. — Н. Новгород : Деком, 2001.
23. *Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.
24. *Тамразова И. Г.* Функционально-прагматические характеристики эристического дискурса (на материале французского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2009.
25. *Федеральное собрание Российской Федерации.* Государственная дума : офиц. сайт. URL: <http://www.duma.gov.ru/> (дата обращения: 14.06.2014).
26. *Чудинов А. П.* Интертекстуальность политического текста // Политическая лингвистика. 2003. № 10. С. 27—34.
27. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2012.
28. *Чудинов А. П., Будаев Э. В.* Метафора в политической коммуникации. — М. : Флинта, 2008.
29. *Шамугия Л. Г.* Функционально-прагматические характеристики французского парентетического дискурса (на материале парламентских дебатов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2006.
30. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М. : Прогресс, 1975. С. 193—230.
31. *Assemblée Nationale.* Site officiel. URL: <http://www.presidentie.assemblee-nationale.fr/> (дата обращения: 29.05.2014).
32. *Charaudeau P.* «A quoi sert d'analyse le discours politique?» // Anàlisi del discurs polític / IULA-UPF. Barcelona, 2002. URL: <http://www.patrick-charau>

deau.com/A-quoi-est-d-analyse-le-discours.html (дата обращения: 1.05.2014).

33. Charaudeau P. «Dis-moi quel est ton corpus, je te dirai quelle est ta problématique», revue *Corpus* n°8, Nice, 2009. URL: <http://www.patrick-charaudeau.com/Dis-moi-quel-est-ton-corpus-je-te,103.html>.

34. *Commission des affaires étrangères*. Mercredi 26 février 2014. Séance de 8 heures 30. Compte rendu n° 47. URL: http://www.assemblee-nationale.fr/14/cr-cafe/13-14/c1314047.asp#P5_47.

35. Kerbrat-Orecchioni C. *Le discours en interaction*. — P. : A.Collin, 2005.

36. Matoesian G. Intertextuality, affect, and ideology in legal discourse // *Text*. Vol. 19, № 1. B. ; N. Y., 1999. P. 73—109.

37. Moeschler J. *Pragmatique conversationnelle: aspects théoriques, descriptifs et didactiques* // *Etudes de linguistique appliquée*. 1986. № 63. P. 40—50.

38. Moeschler J. *Argumentation et Conversation. Eléments pour une analyse pragmatique du discours*. — P. : Hatier, 1985.

39. *Opening parliament*. URL: <http://blog.openingparliament.org/> (дата обращения: 1.05.2014).

40. *Parlement-et-citoyens.fr*. URL: : <https://www.parlement-et-citoyens.fr/enquete/> (дата обращения: 1.05.2014).

41. Sacriste V. *Sociologie de la communication publicitaire* // *L'Année sociologique*. 2001/2. Vol. 51. P. 487—498.

42. Siblot P. De la dénomination à la nomination. Les dynamiques de la signification nominale et le propre du nom // *Cahiers de praxématique*. 2001. № 36. P. 189—214.

43. Sperber D., Wilson D. *La pertinence. Communication et cognition*. — P. : Minuit, 1989.

44. *Vidéos-ASSEMBLÉE NATIONALE Commissions*. Mercredi 26 février 2014. Situation en Ukraine. URL: <http://videos.assemblee-nationale.fr/video.5255.commission-des-affaires-etrangeres--situation-en-ukraine-26-fevrier-2014#> (дата обращения: 22.04.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

УДК 811.112.1'27(Хонеккер Э.)
ББК Ш143.24-006

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04

В. Н. Базылев V. N. Bazylev
Москва, Россия Moscow, Russia

**ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН:
ЭРИХ ХОНЕККЕР**

Аннотация. Статья продолжает серию психополитического анализа автопортретов политиков. Предыдущие статьи были посвящены автопортретам В. Жириновского, А. Лебеда, В. Новодворской, И. Хакамады, Л. Кучмы, А. Акаева, К. Илюмжинова и др. Данная статья — первая попытка обратиться не к русскому, а к немецкому языковому автопортрету — автобиографии руководителя ГДР с 1971 по 1989 г. Эриха Хонеккера. Цель исследования — показать стратегию чтения и понимания автобиографии политического лидера как коммуникативного ролевого акта, авторизующего его (политика) самоосознание и саморепрезентацию.

Ключевые слова: автобиография политика; психополитика; стратегия чтения; интерпретация текста.

Сведения об авторе: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания.

Место работы: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва).

Контактная информация: 117485, г. Москва, ул. Ак. Волгина, 6, к. 235.
e-mail: vladimir@4unet.ru.

**THE LAST OF THE MOHICANS:
ERICH HONECKER**

Abstract. The article continues a series of psychopolitical analysis of politicians' profiles. Previous articles were devoted to self-profiles by V. Zhirinovsky, A. Lebed, V. Novodvorskaia, I. Khakamada, L. Kuchma, Askar Akaev, Kirsan Ilyumzhinov, etc. This article is the first attempt to address the self-profile — (autobiography) of GDR leader from 1971 to 1989, Erich Honecker. The purpose of research is to show the strategy for reading and understanding an autobiography of a political leader as a communicative act of recording the politician's self-awareness and self-representation.

Key words: politician's autobiography; psychopolitics; reading strategy; text interpretation.

About the author: Bazylev Vladimir Nikolayevich, Doctor of Philology, Professor, Department of General Linguistics & Russian Linguistics.

Place of employment: Pushkin State Russian Language Institute (Moscow).

Данной публикацией продолжается серия психополитических анализов автопортретов политиков, начатая автором в конце 1990-х гг. [Базылев 1997, 1999, 2000, 2004а, 2004б, 2005, 2007, 2008]. Заголовок статьи — это, безусловно, аллюзия. «Последний из могикиан» («Der letzte der Mohikaner») — это первый фильм индейской серии, в которой справедливые индейцы борются за свою независимость против «белых» пришельцев — «новых» американцев. Фильм был поставлен в 1956 г. на киностудии DEFA в Германской Демократической Республике (ГДР), которой тогда как новому самостоятельному государству исполнилось всего 7 лет. Своего политического и экономического врага ГДР видела в соседней ФРГ, за спиной которой стояли США. Кто мог тогда предполагать, что всего через 34 года ГДР исчезнет с политической карты Европы? В основу сюжета фильма легла книга немецкого писателя Карла Майя, который сочинял свои индейские романы в одной из германских тюрем, где сидел за мошенничество, и брал большинство своих историй прямо из головы. Герой нашей статьи также не избежал тюрьмы. Эта «индейская эпопея» в ГДР завершилась в 1983 г., именно тогда, когда в СССР и

в странах так называемого восточного блока началась «перестройка», которая затронула всех политических лидеров стран социалистического лагеря, положив конец его существованию. В иносказательном плане в современной русской лингвокультуре название романа/фильма употребляется как прецедентный текст для описания последнего представителя какого-либо отмирающего социального явления или группы людей — сторонников каких-либо идей, отживших свое время.

1. На фотографии справа налево: Юмжагийн Цэдэнбал (1916—1991), Эрих Хонеккер (1912—1994), Л. И. Брежнев (1906—1982), Густав Гусак (1913—1991), Янош Кадар (1912—1989), Эдвард Герек (1913—2001), Николае Чаушеску (1918—1989), Тодор Живков (1911—1998)

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Эрих Хонеккер (нем. Erich Honecker; 25 августа 1912, Нойнкирхен — 29 мая 1994, Сантьяго-де-Чили) — немецкий политический деятель, руководитель Германской Демократической Республики (1971—1989) — генеральный секретарь СЕПГ и председатель Госсовета ГДР. Родился 25 августа 1912 года в Нойнкирхене (Саар), в семье горняка. В 1926 году Хонеккер вступил в Коммунистический союз молодежи Германии. В 1930 году учился в Московской международной ленинской школе. Принимал участие в строительстве Магнитогорского металлургического комбината в составе интернациональных рабочих бригад. В том же году вступил в Коммунистическую партию Германии. В 1931 году Хонеккер возвратился в Германию, в 1937-м был арестован и приговорен к 10 годам заключения. Срок отбывал в Бранденбургской каторжной тюрьме, из которой был освобожден советскими солдатами в апреле 1945 года. Сразу же после окончания войны он стал секретарем по делам молодежи в КПГ и председателем Центрального антифашистского молодежного комитета. Год спустя, в 1946 году, его избрали Председателем Союза свободной немецкой молодежи. В 1956 году он окончил курс в Высшей партийной школе при ЦК КПСС в Москве. В том же году Эрих Хонеккер стал государственным секретарем по вопросам безопасности, в 1958 году — членом Политбюро, в 1960 году — членом Национального Совета обороны. В 1971 году, заручившись поддержкой Брежнева, Хонеккер добился отставки предыдущего партийного и государственного руководителя ГДР — Вальтера Ульбрихта, отправленного на „заслуженную пенсию“. Хонеккер стал первым секретарем ЦК СЕПГ и председателем Национального совета обороны. С 1976 года — генеральный секретарь ЦК СЕПГ и председатель Государственного совета ГДР. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 августа 1982 года за личный вклад в дело борьбы с фашизмом в годы 2-й мировой войны и в связи с 70-летием со дня рождения, Хонеккеру было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали „Золотая Звезда“. В октябре 1989 года, в ходе перестройки, Хонеккер был снят со всех партийных и государственных постов, в декабре исключен из СЕПГ. Практически сразу в отношении него было возбуждено уголовное дело в государственных измене, в злоупотреблениях властью и в хищениях государственной собственности. В апреле 1990 года добавилось новое обвинение — в убийствах граждан ГДР при попытках пересечь Берлинскую стену. После объединения Германии в 1990 году, он укрывался сначала в берлинской больнице „Шарите“, в частном доме сельского священника, а затем — в советском военном госпитале Группы советских войск в Германии недалеко от города Потсдама. В марте 1991 года Хонеккера тайно вывезли на военном самолете в СССР, где он стал «личным гостем» президента М. С. Горбачева. Но уже при Ельцине, в декабре 1991 года, Хонеккер был обязан в трехдневный срок покинуть страну. Поначалу он нашел убежище в посольстве Чили в Москве. 30 июля 1992 года

был экстрадирован из России администрацией Ельцина в Германию. Судебное преследование против него было прекращено из-за плохого состояния его здоровья. Он эмигрировал в Чили, где скончался от рака в городе Сантьяго-де-Чили 29 мая 1994 года [Петелин, Степанов 2013].

Цель исследования — показать стратегию чтения и понимания автобиографии политического лидера как коммуникативного ролевого акта, авторизирующего его (политика) самоосознание и саморепрезентацию. Предмет анализа — автобиография Эриха Хонеккера: *Erich Honecker. Aus meinem Leben.* — Berlin : Dietz Verlag, 1981 [Honecker 1981].

Автобиография, по словам Бориса Дубина, выступает в том числе моделью внутренней организации культуры [Дубин 2001: 99]. Надо отметить, что автобиография политика, как она писалась во второй половине XX в., например Н. С. Хрущевым, Л. И. Брежневым, М. С. Горбачевым, следствие не личного желанья рассказать о себе, о своем жизненном пути и опыте, а скорее общественная необходимость, потребность социальной культуры. В этом смысле автобиография как регулятивная модель индивидуального свершения не только ставит под вопрос традиционные формы жизненного пути, но и заново определяет границы идентичности в качестве значимого и доступного образца для молодого поколения, например «России молодой». Во второй половине XX в. адресат не только гражданин социалистического государства, а уже любой человек в мире. Не случайно автобиография была написана Э. Хонеккером по просьбе англо-американского издательства «Pergamon Press» и впервые увидела свет в серии «Leaders of the World»: *Auf Wunsch des Herausgebers der Reihe "Leaders of the World", Präsident Robert Maxwell, hat der Generalsekretär des Zentralkomitees der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands und Vorsitzende des Staatsrates der Deutschen Demokratischen Republik, Erich Honecker, für den anglo-amerikanischen Verlag PERGAMON PRESS LTD., Oxford, eine Autobiographie geschrieben* [Honecker 1981: 9].

Автобиография Эриха Хонеккера — это, можно сказать, жанр «реставраторского» периода, следующего за собственно революционным переломом, которым стали разделение Германии после Второй мировой войны и образование Германской Демократической Республики. Постепенно в стране происходит ослабление революционного настроения, нормализуется и рутинизируется существование всего общества, закрепляются победы, подводится баланс дости-

жений и утрат, устанавливаются обновленные рамки коллективного существования, складываются образы жизни новых социальных групп.

Именно поэтому написанная Э. Хонеккером автобиография представляет прежде всего модель немецкой социал-демократической политической культуры. Ведь вся история человечества — это путь в социалистическое будущее, о чем с великой убежденностью Э. Хонеккер будет говорить еще в начале 80-х гг. XX в. во время своего визита в Эфиопию на открытии памятника К. Марксу и Ф. Энгельсу.

Auch auf dem vierten Kontinent beginnt der Sozialismus Fuß zu fassen. Die persönlichen Erlebnisse in Afrika haben mich in dieser Überzeugung bestärkt. Im November 1979 legte ich gemeinsam mit Mengistu Haue Mariam, dem Vorsitzenden des Provisorischen Militärischen Verwaltungsrates und des Ministerrates des Sozialistischen Äthiopien, in Addis Abeba den Grundstein für das erste Karl-Marx-Denkmal auf afrikanischem Boden. Das war ein Symbol für den unaufhaltsamen Gang der Geschichte, deren allgemeine Gesetze zuerst von Karl Marx und Friedrich Engels erkannt wurden und deren Verlauf sie voraussagten. Dieser Weg führt die Menschheit in die sozialistische Zukunft [Ibid.: 401].

Автобиография для самого автора, с одной стороны, упорядочение собственного жизненного опыта, своеобразная авторская модель жизни, ее смысла. Для Э. Хонеккера это путь от первых собраний немецких коммунистов в доме отца в 1918 г. до создания Германской Демократической Республики после Второй мировой войны — об этом прежде всего он и будет рассказывать в своей автобиографии в первой главе, которую назовет «Aus einer Arbeiterfamilie»: *In jenen Jahren hörte ich auch zum erstenmal den Namen Wladimir Iljitsch Lenin. „Wir müssen es machen wie Lenin“, wurde auf den Versammlungen gesagt. Es zu machen wie Lenin, das haben die deutschen Kommunisten damals und in der Folgezeit immer wieder versucht <...> Nach dem zweiten Weltkrieg kam dann die Wende, auf dem Gebiet der 1949 gegründeten Deutschen Demokratischen Republik (DDR), mit deren Entwicklung, wie noch zu zeigen sein wird, die besten Jahre meines Lebens eng verbunden sind [Ibid.: 8—9].*

С другой стороны, это самопредъявление автора в свете некоторой достаточно условной автобиографической реконструкции. Себя самого Э. Хонеккер в автобиографии с самого начала именуется не иначе как *Sonntagskind*: *Gewiß wird es an Glückwünschen der Verwandten und Bekannten zur*

Geburt eines „Sonntagskindes“ nicht gefehlt haben. Doch sorgenfrei ist dieser Sonntag für Karoline Honecker und ihren Mann bestimmt nicht gewesen [Ibid.: 1-2].

В немецкой лингвокультуре фразеологизм *Sonntagskind* (русск. «баловень судьбы, счастливчик») характеризует не просто человека, которому везет по жизни — семантика слова включает такой фрагмент, как «даже несчастье оборачивается для него удачей» [Duden 2002].

В связи с вышесказанным предметом повествования становятся не просто внутренние перипетии автобиографии как модели культуры, но и социально-историческое поле конфликтов между определенными позициями автора в обществе и культуре — конфликтов открытых, подразумеваемых или умалчиваемых. Так, вспоминая свой 65-летний юбилей 1977 г., Э. Хонеккер не забудет написать о том, как не любили коммунистов в его школе: *Im Sommer 1977, anlässlich meines 65. Geburtstages, hielten Rundfunk- und Fernsehstationen der Bundesrepublik Deutschland (BRD) es für nötig, in Wiebeiskirchen einige meiner ehemaligen Schulkameraden nach ihren Erinnerungen an mich zu befragen <...> Die Befragten erinnerten auch daran, „daß der Erich sich früh schon, sehr früh politisch betätigt hat“. Und das ist zweifellos richtig. Kurz vor meinem zehnten Geburtstag, im Sommer 1922, wurde ich Mitglied der Kommunistischen Kindergruppe in Wiebelskirchen. Ich war damals gerade in die fünfte Klasse der Volksschule gekommen. Die Zugehörigkeit zur Kinderorganisation der Kommunisten wurde in der Schule nicht gern gesehen. Doch mir machte sie Spaß [Honecker 1981: 11].*

Перипетии биографии Э. Хонеккера, как их описывает сам автор, связаны в первую очередь со становлением и эволюцией автономной личности. Именно с этого начинается третья глава, посвященная вступлению автора в партию немецких коммунистов («In die Partei Ernst Thälmanns»): *Die Zuspitzung des weltweiten Klassenkampfes hatte meinen Wunsch, in die Partei der Kommunisten einzutreten, verstärkt. Die KPD, die im März 1930 über 135 000 Mitglieder zählte, war die einzige Partei, die konsequent für Frieden, Arbeit und Brot kämpfte. Doch im Grunde waren der Eintritt in die KPD und der Weg des politischen Funktionärs, der sich damit für mich verband, eine natürliche Konsequenz meiner Herkunft, Kindheit und Jugendzeit. Mein Vater war, wie gesagt, aktives Mitglied dieser Partei. Seine besten Arbeitskollegen gehörten zur Partei der deutschen Kommunisten. Ich selbst hatte in der Kommunistischen Kindergruppe und bei Jung-Spartakus erste politische Erfah-*

rungen erworben. Und nach meinem Schulabschluss Ostern 1926 war die Arbeit im Kommunistischen Jugendverband Deutschlands, im KJVD, bald zu meinem wichtigsten Lebensinhalt geworden... [Ibid.: 23—24].

Однако жизненный путь Хоннекера не предопределяется исключительно происхождением и статусом родителей, а соответствует его принципиальной открытости как личности, которая осознает свое индивидуальное призвание, самореализуется, обретает успех или заканчивает свой жизненный путь крахом. В момент написания автобиографии Хонеккер, конечно, не может знать, чем закончится его политический и жизненный путь. Пока же, в 1981 г., Хонеккер будет восторженно вспоминать о своей первой поездке в СССР в 1930 г.: *Von großer Bedeutung für mein weiteres Leben war zwischen August 1930 und August 1931 mein erster Aufenthalt in der Sowjetunion, im Land Lenins <...> Auch für mich war das Land Lenins mein Vaterland, seine Partei war meine Partei, sein Jugendverband mein Jugendverband. In den Rotarmisten, die auf die Trittbretter der Wagons sprangen, sah ich, obgleich mir persönlich unbekannt, meine Brüder und Genossen. Am liebsten hätte ich sie umarmt und nach russischer Sitte geküßt, weil sie das Land der Arbeiter und Bauern vertraten, weil sie an ihren Budjonny-Mützen den roten Stern trugen, der auch das Abzeichen der KPD war. Dieser Stern war mir schon als Kind lieb und teuer. Er leuchtete in die Zukunft. <...> Auf dem Belorussischen Bahnhof der sowjetischen Hauptstadt angekommen, war alles ganz neu für mich. Die Menschen auf dem Bahnsteig, in der Bahnhofshalle und auf dem Vorplatz gaben mir eine erste Vorstellung vom Vielvölkerstaat UdSSR. Ich verstand noch kein Wort Russisch, sollte allein den Weg zum Hotel „Lux“ finden, kam mir aber keineswegs allein und verlassen vor. Die heutige Gorkistraße, die vom Belorussischen Bahnhof zum Roten Platz führt, hieß damals noch Twerskaja. Ich ging sie hinunter, um mich erst etwas umzusehen — in dieser legendären Stadt, in der das Herz der Weltrevolution schlug* [Ibid.: 36].

Автобиография Хоннекера — это процесс самоконституирования личности, умножения типов «я»: *Sonntagskind — Mitglied der Kommunistischen Kindergruppe in Wiebelskirchen — mein Eintritt in die Partei und die Funktion eines politischen Instruktors — der Angeschuldigte Honecker — Vorsitzender der FDJ — Kandidat in das Politbüro — An der Spitze der Partei...*

Отношение к себе выступает как задача самореализации. Эта задача есть конечная цель жизни. По словам М. Фуко, «самореа-

лизация — конечная цель жизни любого человека, форма существования — только некоторых <...>. Самореализация должна достигнуть того „Я“, на которое она нацелена. Вот в чем заключается главная формула. Существуют три типа мастерства, три типа умения — *techné*, необходимые для формирования молодого человека. 1. Наставление примером: пример великих людей и сила традиции формируют модель поведения. 2. Наставление знаниями: передача знаний, манеры поведения и принципов. 3. Наставление в трудности: мастерство выхода из трудной ситуации, сократовское *techné*. Эти три типа мастерства покоятся на некоей игре невежества и памяти» [Фуко 2007: 67].

Wichtiger als solche Bekanntschaften waren natürlich das Studium an der Lenin-Schule und die Teilnahme am gesellschaftlichen Leben in Moskau, der Kontakt zu den Moskauer Werktätigen. Das Studium habe ich diszipliniert und fleißig betrieben, wie es sich für einen Arbeiter jungen gehört. Jahre später überreichten mir sowjetische Genossen Kopien von Unterlagen über mich, die sich im Archiv der Lenin-Schule befanden. Unter den Dokumenten war auch die abschließende Beurteilung. „Zeigte beim Studium Interesse und Begabung, ein starker und selbständiger Junge“, heißt es da. „Er wird zur Teilnahme an der Prüfung empfohlen.“ Die schriftlichen Arbeiten wurden mit „gut“ bewertet, ebenso die mündlich ausgewiesenen Studienergebnisse. Die Beurteilung lautete weiter: „Ein sehr begabter und fleißiger Genosse. Tat sich durch seine aktive Teilnahme an Konferenzen und Konsultationen hervor. Hat sich den Stoff des Lehrgangs gründlich angeeignet. Versteht es ganz gut, die Theorie mit dem Klassenkampf in Deutschland zu verbinden. Erfüllte den Studienauftrag gewissenhaft; Wissensaneignung — Note 5.“ [Honecker 1981: 41].

Не случайно, что «Я» начинает в какой-то момент автобиографии настолько доминировать над самим автором, что автор «забывается», «проговаривается». Так это происходит в главе, посвященной годам тюремного заключения (глава 8. «Jahre der Haft»); по словам автора, в 1942 г. (уже после поражения фашистов под Москвой) начальник тюрьмы ходатайствует о досрочном освобождении Хоннекера в связи с его исправлением: *Am 12. Oktober 1942 schrieb die Leitung des Zuchthauses, daß ich mich „bisher gut geführt und ordentlich gearbeitet“ hätte, woraus der Schluß gezogen werden könne, ich sei im Laufe meiner „Strafzeit zur Einsicht gekommen“* [Ibid.: 101].

Эти многочисленные «я» — последствия драматической ломки чисто индивидуали-

стических представлений о личности в истории Германии первой половины XX в.: фашизм с его нивелированием личности в конце концов приводит к формализации социальных, «внешних» аспектов автобиографии [Рахшмир 1981]. В частности, она принимает вид типовой схемы социализирующего процесса как такового и фиксируется в форме анкетного листка или послужного списка:

Auf der 16. Tagung am 3. Mai 1971 wählte mich das Zentralkomitee der SED einstimmig zu seinem Ersten Sekretär. Walter Ulbricht hatte darum gebeten, ihn von dieser Funktion zu entbinden, da sein Alter und seine Verantwortung gegenüber dem Zentralkomitee, der gesamten Partei und dem Volk es ihm nicht länger gestatteten, diese Tätigkeit auszuüben.

Für mich war es, wie jeder begreifen wird, eine besonders denkwürdige Stunde. Die Partei der Arbeiterklasse, in deren Reihen ich damals seit über vier Jahrzehnten wirkte und die den Sinn und Inhalt meines gesamten Lebens ausmacht, hatte mich an ihre Spitze berufen. Das war ein großer Vertrauensbeweis, eine Entscheidung, die mich tief bewegte. Seit frühester Jugend hatte ich in der Partei Ernst Thälmanns gekämpft, die schwere Schule des antifaschistischen Widerstandskampfes durchlaufen und fast zehn Jahre in den Kerkern des Faschismus zugebracht. Seit März 1946 Mitglied des Zentralkomitees der KPD, gehöre ich seit dem Vereinigungsparteitag im April 1946 ununterbrochen dem Parteivorstand beziehungsweise dem Zentralkomitee der SED an. 1950 wurde ich als Kandidat des Politbüros und 1958 als Mitglied des Politbüros und als Sekretär des Zentralkomitees gewählt.

Die mehr als zwei Jahrzehnte des Wirkens im Politbüro hatten mein Leben entscheidend geprägt. Ich arbeitete an der Seite von Wilhelm Pieck, Otto Grotewohl, Walter Ulbricht, Friedrich Ebert, Bruno Leuschner, Hermann Matern, Heinrich Rau und Herbert Warnke. Durch meine Tätigkeit in den verschiedenen Funktionen im Kollektiv der Parteiführung wurde ich allseitig auf diese höchste Funktion in unserer Partei vorbereitet [Ibid.: 241—242].

Целостный образ личности Эриха Хонеккера в форме автобиографии приобретает вид условной модели саморегуляции человека в индивидуальных рамках. Автобиография Э. Хонеккера вбирает в себя значения истории — истории общества и индивида, индивида как общественного существа, формируемого по образу общества, — и ориентируется на стандарты фотографической документальности. Дело в том, что, по словам Р. Барта, «при взгляде на фотографию представление о том, что все так и было на самом деле, подавляет ощущение

субъективности» [Барт 1989: 311]. Отсюда большое количество фотографий, сопровождающих автобиографию, запечатлевающих, документирующих и тем самым обосновывающих весь остальной текст: здесь и ранняя юность (участие в сводном оркестре в 1929 г. — иллюстрация 2), и политическая зрелость (заседание в президиуме Международного съезда коммунистических и рабочих партий в 1969 г. — иллюстрация 3), и признание духовных лидеров послевоенной Германии (беседа с немецкой писательницей А. Зегерс в 1976 г. — иллюстрация 4). Фотографии в автобиографической книге, как считает Р. Барт, «выполняют идеологическую функцию, как бы ведут читателя среди множества иконических знаков, зачастую весьма тонко манипулируя читателем, руководят им, направляя к заранее заданному смыслу» [Там же: 306].

2

3

4

Для Э. Хонеккера его автобиография — это воплощение индивидуальной смысловой целостности в ее временном, «историческом» развертывании. Образ жизненного пути предстает при этом как последовательное и необратимое самоосуществление личности, управляемой в своем освоении окружающих обстоятельств и преодолении

встречающихся преград собственными разумом и волей. Об этом на страницах книги будет идти речь постоянно, начиная с рассказов о юности в главе 2 «Als Kind bei Jung-Spartacus»: *Im Juni 1922, als ich in die Kommunistische Kindergruppe eintrat, erreichte die KPD nur zwei Mandate im Landesrat (Zentrum 16, SPD 5). Im Januar 1924 waren es fünf Mandate für unsere Partei (Zentrum 14, SPD 6). Im März 1928 blieb die KPD bei fünf Mandaten (Zentrum 14, SPD 5). Und im Februar 1932 errang unsere Partei acht Mandate (Zentrum 14, SPD 3)* [Honecker 1981: 19—20].

Автобиография как синоним искомой полноты самореализации становится в конечном счете микромоделью культуры, понимаемой в духе кантовского Просвещения. Это как бы универсальная история взросления конкретного человека и всего общества, в данном случае социалистического немецкого общества, возглавляемого и руководимого Социалистической единой партией Германии: *In den Funktionen, mit denen mich die Sozialistische Einheitspartei Deutschlands betraute, sowohl im sozialistischen Jugendverband als auch im Kollektiv ihrer Führung, nutzte ich jede Möglichkeit, um mich durch persönlichen Kontakt über das Leben der Werktätigen und das, was sie bewegt, über die konkrete Situation im Lande zu informieren. Gewissermaßen „aus erster Hand“* [ibid.: 210].

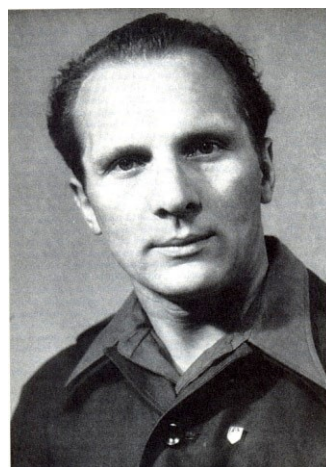
Путь к себе в автобиографии структурируют ситуации постижения некоего жизненного проекта, как бы «попадания» в его ритм и структуру. Но выстроен данный маршрут так, что сам подобный план проступает и реализуется лишь в ситуации его исполнения, а не навязан «со стороны», «сверху» и не существует вне индивида, действующего на свой страх и риск. Об этом подробно Э. Хонеккер будет писать в главе, посвященной своей нелегальной работе в Рурской области в середине 30-х гг. (глава 6. «Illegal im Ruhrgebiet»): *Auch wir im Saargebiet verstärkten unseren antifaschistischen Kampf. Am 1. Mai 1933, als Hitler im „Reich“ zum großen Schlag gegen die Gewerkschaften ausholte, organisierte ich in Saarbrücken eine große Kampfdemonstration <...> Die antifaschistische Einheitsfront began sich zu formieren* [ibid.: 66].

Масштабом для оценки полноты осуществления жизненных планов выступает, как видим, только «я» в его самостоятельности и самоответственности, т. е. универсальности. И в этом — важнейшая, наряду с целостностью, структурированностью и направленностью, особенность автобиографии как смысловой структуры, как схемы организации опыта.

So halte ich es auch heute So halte ich es auch heute, in meiner Funktion als Generalsekretär des Zentralkomitees der SED und als Vorsitzender des Staatsrates der Deutschen Demokratischen Republik bei meinen Treffen mit Arbeitern, mit Bürgern in Städten und Gemeinden, mit Angehörigen der Nationalen Volksarmee und der anderen bewaffneten Organe [ibid.: 210].

Э. Хонеккер сам обозначит ту область, которая послужит для складывающегося индивидуального самосознания источником значений и образцов индивидуальной воплощенности в образцово-автобиографической форме. Это, конечно же, духовная сфера чтения, где самопонимание и поведение неотрывны от сравнения себя с классическими идеалами — от Рима до Гете и Шиллера и героев Великой французской революции: *Während der Einzelhaft wie auch in den folgenden Zuchthausjahren las ich viel, um mein Allgemeinwissen zu erweitern, vor allem Werke von Johann Wolfgang Goethe, Friedrich Schiller und William Shakespeare, aber auch von dem Historien Schriftsteller Felix Dahn „Ein Kampf um Rom“* [ibid.: 96].

Таким образом оформляется один из важнейших компонентов автобиографии Э. Хонеккера — персонифицированный образ индивидуальной целостности. Эта подчеркнута важная функция цельности есть неотъемлемый атрибут структуры автобиографического образца эпохи 60—80-х гг. XX в. — эпохи «массовой культуры» с ее клише «идола» и «звезды». Она становится нормой реальности — нормой наглядной, портретной (как на фотографии 1953 г., изображающей Э. Хонеккера — Председателя Союза свободной немецкой молодежи; см. иллюстрацию 5) [Honecker 1981: 120].

5

Автобиография Э. Хонеккера — это вся немецкая история; история как измерение коллективного существования немцев, как

форма самопредъявления и самопонимания немецкого коллективного «мы»: *Wir pflegen nicht allein revolutionäre, sozialistische Traditionen. Natürlich sind uns das Erbe eines Thomas Münzer und der revolutionären Kämpfe der Bauern des 16. Jahrhunderts, das Erbe der 1848er Revolution in Deutschland besonders kostbar. Vor allem gilt das für das Erbe der Klassiker unserer Weltanschauung, Karl Marx und Friedrich Engels, und die reichen Traditionen der deutschen und der internationalen revolutionären Arbeiterbewegung. Wenn wir die geschichtliche Leistung von Martin Luther und Carl von Clausewitz würdigen, so stehen wir ganz in den Traditionen von Marx, Engels und Lenin, der deutschen Arbeiterbewegung und unserer Geschichte seit 1945. Es entspricht unserem Weltbild, die Geschichte in ihrem objektiven, tatsächlichen Verlauf, in ihrer gesamten Dialektik zu erfassen. Dazu gehört die Sicht auf Größe und Grenzen hervorragender Persönlichkeiten der Geschichte* [Ibid.: 436—437].

Однако в первую очередь автобиография Э. Хонеккера — это немецкая история XX в. Именно о ней идет речь в книге.

О рождении нового немецкого государства (ГДР) в послевоенные годы: *Es gibt Ereignisse Es gibt Ereignisse im Leben eines Volkes, deren historische Größe und Tragweite mit zunehmendem zeitlichem Abstand immer markanter hervortreten. Die Gründung der Deutschen Demokratischen Republik am 7. Oktober 1949 zählt zweifelsohne dazu. Die Errichtung des ersten sozialistischen Staates der Arbeiter und Bauern auf deutschem Boden — das läßt sich aus der Sicht von drei Jahrzehnten feststellen — markierte die entscheidende Wende in der Geschichte des deutschen Volkes. Mehr noch, sie bildete einen Wendepunkt in der Geschichte Europas* [Ibid.: 157].

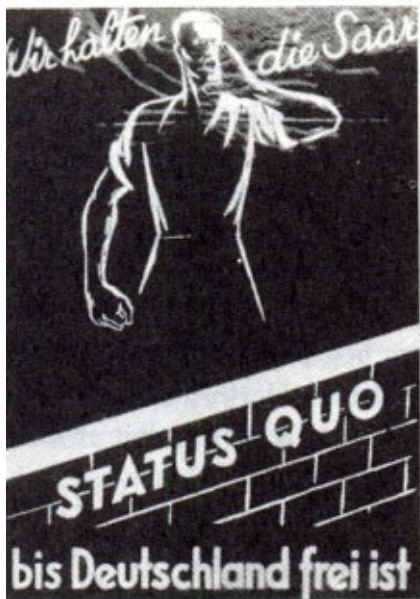
О решении бытовых задач в ГДР, а именно о строительстве жилья о как выполнении завета самого Ф. Энгельса: *Unser Zentralkomitee beschloß Unser Zentralkomitee beschloß im Oktober 1973 ein Wohnungsbauprogramm, um bis 1990 in der DDR die Wohnungsfrage als soziales Problem zu lösen. Damit verwirklichen wir ein altes Ziel der revolutionären Arbeiterbewegung und schaffen ein gutes Stück Sozialismus. Geleitet von der Verantwortung für das Wohl unseres Volkes, nahmen wir den Wohnungsbau als Kernstück in das sozialpolitische Programm unserer Partei auf. Schon Friedrich Engels brandmarkte als junger Revolutionär in seinem Buch „Die Lage der arbeitenden Klasse in England“ die erbärmlichen Wohnverhältnisse der englischen Industriestädte. Später deckte er in seiner Schrift „Zur Wohnungsfrage“ den mehrfachen Ausbeutungs- und Abhängigkeitsmechanismus auf,*

dem die Werktätigen auf diesem Gebiet ausgesetzt sind. Der Gang der Geschichte hat seine Feststellungen vollauf bestätigt [Ibid.: 304—305].

О судьбах молодежи в новой, демократической Германии: этому посвящены в книге отдельные главы с характерным названием — «Der Jugend neue Horizonte» (глава 19) и «Mit der Jugend für die kommunistische Zukunft» (глава 27).

В автобиографии тем самым актуализируется прошедшее, порождая фантомную конструкцию «скрытого» и «подлинного» прошлого, о котором адресату мало что известно. Языком этой актуализации выступают собственные имена, реминисценции, цитаты, документы и, конечно же, фотографии (напр., плакат КПГ 1934 г. — ил. 6; фотографии Э. Хонеккера в период его учебы в Москве в 1930—1931 гг. — ил. 7; голландский паспорт Хонеккера на имя М. Тъядена 1935 г. — ил. 8) [Ibid.: 34, 76]. В этом смысле сфера автобиографии — это либо идеология как миф о прошлом (в терминах К. Манхайма), либо утопия как ретроспекция создания, планирующего настоящее и будущее (по Ф. Тенбруку и К. Ясперсу).

Что касается значимых имен, то для Э. Хонеккера это будут, например, имена Э. Тельмана и Сталина, Вайнерта, Волленберга и Бухарина: *Am 14. Und 15. November 1932 nahm ich in Prieros bei Berlin an der tagung des Zentralkomitees des KJDV teil. Es war das letzte Mal, daß ich unseren unvergeßlichen Ernst Thälmann sah, das erste und letzte Mal, daß ich mit ihm persönlich sprechen konnte* [Ibid.: 57]; *In der Nähe Stalins weilte ich während meines Aufenthaltes in Moskau zweimal. Auf dem IX. Kongreß des Leninschen Kommunistischen Jugendverbandes der Sowjetunion (Komsomol) vom 16. bis 26. Januar 1931 im Moskauer Bolschoi-Theater saß ich vier Reihen hinter ihm im Präsidium, und ich sah ihn anlässlich einer Sitzung des Obersten Sowjets im Großen Saal des Kreml. Erich Wollenberg hatte mich hingebracht. Auf den Stufen zum Großen Saal des Kreml kam uns der legendäre Reitergeneral Budjonny entgegen, über dessen Kriegslist im Kampf gegen die Weißgardisten die „AIZ“ gerade einen spannenden Bericht veröffentlicht hatte. Wollenberg, der Budjonny persönlich kannte, stellte mich vor. Noch heute bin ich Wollenberg dafür dankbar, obwohl er sich, wie gesagt, später auf die Seite des Gegners schlug. Ich lernte auch Karl Radek kennen — nicht nur seine berühmten Witze, sondern seine Persönlichkeit. Er schrieb damals, wenn ich mich recht erinnere, wichtige Artikel für die „Iswestija“, wie auch Bucharin, der als führender Kopf der Rechtsopposition galt...* [Ibid.: 41].

6

7

Это в первую очередь описание институциональной структуры общества. «Вехи» официальной автобиографии образует процесс карьеры. Жизнь человека предстает здесь в виде послужного списка, curriculum vitae, разделы которого «озаглавлены» соответствующими институтами с указанием статуса в их рамках и выражений внутринституционального, общегосударственного либо общественного одобрения, признания — премий, наград и др. (см., например, главу 20 «An der Spitze der Partei»).

Личность политика, в нашем случае самого Э. Хонеккера, реальна тут лишь в той мере, в какой архивирована. Поэтому она «музеифицируется» самим индивидом уже при жизни, который представляет музейный взгляд на настоящее из будущего как на прошлое. Пример тому — «выкладывание» на страницах книги архивных (музейных) материалов. Например, удостоверение жертвы нацизма (ил. 9) [Ibid.: 440].

9

8

Итак, при чтении автобиографии Э. Хонеккера выстраивается связность всех языковых ресурсов, авторизующих самосознание, самоорганизацию и саморепрезентацию автора. Вслед за Б. Дубиным эту связность можно схематически представить следующим перечнем.

Далее на страницах автобиографии неизбежно появляются образы социального авторитета: от Э. Тельмана и И. Сталина до В. Ульбрихта и А. Зегерс. Речь тут может идти о своего рода галерее персонажей — от носителей морального авторитета нации до фигур литературной, интеллектуальной или духовной власти. Примером последнего может служить фотография с представителем Ватикана (ил. 10) [Ibid.: 452].

10

В подобной композиции автобиографии объединяются значимые для автора те или иные исторически действующие категории элит. Это независимые интеллектуалы, которые выступают в обществе так или иначе признанными законодателями норм самосознания и самопонимания, хранителями образцов культуры. Именно эти люди задают стандарты оценки, порождают и узаконивают общественную репутацию политического деятеля.

За этим следует универсальная ценность личностной автономии. Автобиография предстает в этом случае культурной конструкцией, структурой смысловой инициации. Этим обуславливаются и пределы автобиографического жанра: автобиография как разгадка личности или как педагогический пример.

Отсюда следует мифология автобиографии. Автор постоянно использует вполне трафаретные интерпретации событий и действий. Так, это наиболее наглядно отражено в тексте главы 29 с характерным названием — «Unsere Demokratie»: *Die Deutsche Demokratische Republik ist ein sozialistischer Staat, der sich grundlegend von allen bisherigen deutschen Staatswesen unterscheidet. Von Anfang an waren bei uns Konzerngewaltige, Bankherren und Großgrundbesitzer, faschisten, Militaristen und revanchisten von der Macht ausgeschaltet. Was wir wollten und erreichten, war, das gesamte werktätige Volk in die Erörterung und Entscheidung aller Grundfragen der gesellschaftlichen Entwicklung einzubeziehen, sie an der Leitung der Staat, Wirtschaft, Bildung und Kultur, an der Bewältigung der jeweiligen Aufgaben und an der Kontrolle über die Durchführung gemeinsamer Beschlüsse unmittelbar zu beteiligen* [Ibid.: 354].

Связность излагаемого жизненного целого удостоверяется, кроме перечисленного, особыми фигурами предвосхищения, которые превращают повествование о жизни в исполняющееся пророчество [Базылев 2012: 30]. Для Э. Хонеккера, по его словам, таковыми стали имя Ленина и события Ноябрьской революции в Германии 1918 г., приведшие к созданию Веймарской республики: *Für mich war das einleuchtend. Ich gewann ein klares Weltbild. Ich nahm mir vor, mein Leben dem Kampf für eine Welt des Friedens und des Sozialismus zu widmen. An dieser Lebensaufgabe habe ich festgehalten, bis heute* [Honecker 1981: 9].

Автобиографии как примеру нужна обобщенность, аллегоричность, непрменная осмысленность любой детали. Автобиографии как разгадке требуется «второй план» и «тайный смысл» — исходная замкнутость началом и концом задает жизни

структуру предначертания: *Ich kann mich an keinen Augenblick in meinem Leben erinnern, da ich an unserer Sache gezweifelt hätte — weder in der Kindheit noch in der Jugendzeit, den Jahren der politischen Arbeit im Kommunistischen Jugendverband Deutschlands und de Eintritts in die Kommunistische Partei Deutschlands, weder im antifaschistischen Widerstandskampf 1933 bis 1935 noch im faschistischen Zuchthaus 1937 bis 1945...* [Ibid.: 9].

Тем самым автобиография Э. Хонеккера становится на какое-то время воплощением энергии реванша целого поколения немцев, переживших фашизм, две мировые войны, послевоенное восстановление, и жажды успеха со стороны одиночек и новичков на социальной сцене. Это автобиография «взлета». Истинная же биография завершается «падением» — не столько метафорическим, сколько буквальным. Это «падение» наступает гораздо раньше реального политического краха личности Э. Хонеккера и ГДР — государства, им построенного и управляемого. «Падение» начинается для всех политических лидеров стран социализма конца XX в. с наступлением эпохи массовых обществ, безразличных к индивидуальным обстоятельствам жизни и деятельности даже самого выдающегося «Я» и даже при миллионкратном их тиражировании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев В. Н. Автопортреты политиков: от психопозитики к психополитике (филологические этюды) // Политический дискурс в России — 3 : материалы рабочего совещания. — М. : Диалог-МГУ, 1999. С. 9—45.
2. Базылев В. Н. Герой на улице. Образ речи Владимира Жириновского // Независимая газета. 1997. 2 апр. С. 5.
3. Базылев В. Н. «История болезней»: Александр Лебедь и Валерия Новодворская // Политический дискурс в России — 4: материалы рабочего совещания. — М. : Диалог-МГУ, 2000. С. 21—30.
4. Базылев В. Н. «Картины жизненного пути» Лазаря Кагановича: фрагменты исторической политической психологии личности // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26). С. 20—28.
5. Базылев В. Н. Лингвистическая персонология: Ирина Хакамада // Изв. Урал. ГПУ. Сер.: Лингвистика. 2005. Вып. 15. С. 163—167.
6. Базылев В. Н. Нехаризматическая популярность: Леонид Кучма // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004а. С. 5—11.
7. Базылев В. Н. Образование как автобиографический факт: Кирсан Илюмжинов и Алексей Брючихин // Политический дискурс в России — 9 : материалы круглого стола. — М. : МАКС Пресс, 2007. С. 9—21.
8. Базылев В. Н. Предвосхищение и язык // Предвосхищение и язык : материалы Всерос. науч. конф. — М. : Изд-во СГА, 2012. С. 9—51.

9. *Базылев В. Н.* Сцены и персонажи, увиденные в хрустальном шаре: Аскар Акаев // Политический дискурс в России — 7 : материалы постоянно действующего семинара. — М. : МАКС-Пресс, 2004б. С. 5—15.

10. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М. : Прогресс, 1989.

11. *Дубин Б. В.* Слово — письмо — литература: очерки по социологии современной культуры. — М. : Новое литературное обозрение, 2001.

12. *Петелин Б. В., Степанов Г. В.* Эрих Хонеккер // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 117—128.

13. *Рахимир П. Ю.* Происхождение фашизма. — М. : Наука, 1981.

14. *Фуко М.* Герменевтика субъекта. — М. : Наука, 2007.

15. *Duden: Redewendungen* : Wörterbuch der deutschen Idiomatik. — Dudenverlag, 2002.

16. *Honecker E.* Aus meinem Leben. — Berlin : Dietz Verlag, 1981.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

УДК 81'373.4
ББК Ш105.316

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.47

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

И. Т. Вепрева I. T. Vepreva

Н. А. Купина N. A. Kupina

Екатеринбург, Россия

Ekaterinburg, Russia

**ТРЕВОЖНАЯ ЛЕКСИКА ТЕКУЩЕГО
ВРЕМЕНИ: НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ
ЭТНОНИМЫ В ФУНКЦИИ
АКТУАЛЬНЫХ СЛОВ**

**THE WORDS OF UNREST
IN THE WORLD TODAY:
UNOFFICIAL ETHNONYMS
IN REAL USAGE**

Аннотация. Анализируется группа неофициальных этнонимов, актуализация которых связана с украинским политическим кризисом. По данным лексикографических источников, психолингвистического эксперимента, высказываний, извлеченных из текстов российских газетных изданий, устанавливаются словарные значения актуальных слов, особенности отражения их семантики в языковом сознании студенческой молодежи. С учетом разграничения чужой и собственно авторской речи выявляются контекстные смыслы лексемы «москаль», интерпретируются сопутствующие идеологемы, мифы, формулы коллективной идентичности.

Abstract. The authors analyze the group of unofficial ethnonyms, brought into active usage by the Ukrainian political crises. Using lexicographical sources, psycholinguistic experiment and utterances from Russian newspapers, the authors register the vocabulary meanings of actively used words and the peculiarities of reflection of their content in the mind of student audience. Differentiating the author's speech and direct utterances, the article defines the contextual meanings of the lexeme "moskal" and interprets the associated ideologemes, myths and collective identity formulas.

Ключевые слова: этноним; неофициальный этноним; национализм; идентичность; языковое сознание; чужая речь; собственно авторская речь; идеологема; миф.

Key words: ethnonym; unofficial ethnonym; nationalism; identity; language consciousness; direct utterance; author's speech; ideologeme; myth.

Сведения об авторе: Вепрева Ирина Трофимовна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой риторики и стилистики русского языка.

About the author: Vepreva Irina Trofimovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language.

Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина (Екатеринбург).

Place of employment: The Ural Federal University named after the First Russian President Boris Yeltsin (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620000, Екатеринбург, Ленина, 51, к. 312.
e-mail: irina_vepreva@mail.ru.

Сведения об авторе: Купина Наталия Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка.

About the author: Kupina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Rhetorics and Stylistics of the Russian Language.

Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина (Екатеринбург).

Place of employment: The Ural Federal University named after the first Russian President Boris Yeltsin (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620000, Екатеринбург, Ленина, 51, к. 312.
e-mail: natalia_kupina@mail.ru.

Собственно этнонимы, или «названия различных видов этнических общностей: наций, народов, племен и др.» [Матвеева 2010: 548], исследователи отличают от этностереотипов. Этностереотип «понимается как стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или собственный этнос» [Крысин 2003: 450]. Этностереотипы получают «языковое выражение в виде слов, словосочетаний, фразеологически или синтаксически обусловленных конструкций и т. п.» [Там же: 451].

Например, устойчивое выражение *Не стерпело русское сердце*, которое употребляется в значении «из себя вышел, в драку пошел» [Даль 1980, т. IV: 114], содержит самохарактеристику, передает стереотипное представление об эмоциональности, несдержанности, порывистости русского речевого поведения.

В речевом обороте носителей социальных языков используются неофициальные этнонимы (слова и устойчивые сочетания), в значениях которых закреплено наивное, как правило, негативное, стереотипное представление о том или ином этносе. Например,

слово *чурка* функционирует в молодежном сленге как пренебрежительное название «азиата или кавказца» [Никитина 2004: 310]. Нельзя не заметить, что внешний облик, поведенческая манера, психологические особенности азиатов и кавказцев не являются идентичными. В данном случае, скорее всего, реализуется оппозиция «свой — чужой», а «чужой» значит «не наш», «не русский». Точность образных аналогий и эмоционально-оценочных компонентов лексического значения неофициальных этнонимов далеко не всегда соответствует критерию объективности.

Социальная отмеченность, направленная оценочность этностереотипов ограничивают их употребление в речи носителей русского литературного языка. Обращает на себя внимание тот факт, что неофициальные этнонимы, в значении которых закреплена отрицательная оценка, в текстах русской художественной литературы в основном маркируют речевые партии персонажей. Специальный анализ показывает, в частности, что в прозе А. П. Чехова персонажи «некультурные и неинтеллигентные, хотя бы и принадлежащие имущему классу, а также образованные люди в преднамеренно отрицательных контекстах, с подчеркнутым посланием оскорбить, говорят *жид*» [Йокояма 2003: 463]. Социальная отмеченность, отрицательная эмоционально-экспрессивная окраска обуславливают восприятие подобных слов как этически неуместных, задевающих национальное достоинство, наносящих моральный вред адресату или третьему лицу.

Начавшееся в феврале 2014 г. обострение социально-политической ситуации на Украине сопровождается актуализацией неофициальных этнонимов *москаль*, *кацап*, *жид*. В то же время ожидаемого всплеска употреблений лексемы *хохол* не произошло.

Попытаемся установить специфику актуальных слов на материале словарных толкований, данных психолингвистического эксперимента, высказываний, извлеченных из текстов российских СМИ (февраль — май 2014 г.).

В толковых словарях русского языка новейшего времени эти слова не отмечаются [Толковый словарь... 2006] или отмечаются частично. Например, в словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой зафиксировано слово *москаль* — «(устар. пренебр.). На Украине и в Белоруссии: прозвище русских, а также (стар.) солдат» [Толковый словарь... 2008: 462]. Отношение авторов однотомных словарей к данной группе слов как единицам, не востребованным речевым узусом, косвенно отражает факт нейтрализации этнического

противопоставления русских и украинцев в картине мира россиян.

В толковых словарях советского периода эти единицы фиксируются нерегулярно с типовыми пометами *груб.*, *прост.*, *презр.* и *устар.* Приведем извлечения из толкового словаря под редакцией Д. Н. Ушакова (ТСУ).

Москаль — «(дореволюц. пренебр.). Шовинистическое прозвище, прилагавшееся жителями Украины и Белоруссии к русским, представителям Московского государства, а также к солдатам» [ТСУ 1938, т. 2: 263]; *кацап* — «(дореволюц. бран.). Шовинистическое обозначение русского в отличие от украинца в устах украинцев-националистов, возникшее на почве национальной вражды» [ТСУ 1935, т. 1: 1338]. Общий семантический компонент ('русский в отличие от украинца') не конкретизируется.

Хохол — «(дореволюц. разг. шутол., бран.). В устах шовинистов-великороссов — украинец»; *жид* — «(дореволюц.). 1. В устах антисемитов — еврей (презрит.). 2. *перен.* В кругах антисемитов — скряга (простореч. бран.). [Первонач. не имеет презрит. или бран. оттенка, но впоследствии стало ходовым шовинистическим обозначением еврея и приобрело черносотенный характер]» — [ТСУ 1935, т. 1: 867].

Официальная идеологическая установка на дружбу, равенство и братство народов исключала данные и подобные слова из активного лексикона советских людей. Отметим, что в «Толковом словаре языка Совдепии» [Мокиенко, Никитина 1998] анализируемые лексемы отсутствуют, так как объективно не входят в состав советизмов. Косвенно свидетельствует об их «живучести» лексема *жидовоз* — «*Разг. Шутол.-ирон.* Самолет, выполняющий рейс Ленинград — Вена, на котором из СССР обычно улетали еврейские эмигранты» [Мокиенко, Никитина 1998: 190].

Советская языковая политика, поддерживающая фундаментальные идеологемы, трактовала неофициальные этнонимы как «пережитки прошлого», связывала их с «тяжелым наследием царского режима». Между тем, по нашим наблюдениям, в межличностном и межгрупповом общении лексические этностереотипы продолжали употребляться то как средства проявления непримиримой вражды, то как обидные прозвища, то как шуточные ярлыки, то как самоиронизмы. О специфике отражения семантики неофициальных этнонимов *хохол*, *жид*, *кацап*, *москаль* в языковом сознании молодых людей можно судить по данным пилотного эксперимента, который был проведен нами в период украинского кризиса (май 2014 г.). Количество информантов — 90.

Студентам первого и второго курсов Уральского федерального университета было предложено в письменном виде ответить на следующие вопросы:

— Как вы понимаете значение слова?

— Считаете ли вы возможным употребление данного слова в собственной речи?

ХОХОЛ

53,2 % информантов воспринимают слово *хохол* как неофициальный этноним. Типичные толкования: *Неприличное название украинцев; Просторечное / жаргонное название украинцев; Думаю, что это оскорбительное название украинцев; Негативное / бранное / грубое / оскорбительное / уничижительное / презрительное название / прозвище украинцев; Грубоватое / шутовое и слегка негативное, чуть презрительное название украинцев / жителей Украины.*

Нерегулярно в толкованиях встречаются указания на тех, кто данную номинацию употребляет: *Русские так часто называют украинцев; Русский может так назвать украинца; Русский человек может так обратиться к украинцу; Неодобрительное название представителями русской национальности украинца или человека, в речи которого слышны особенности украинского языка.*

В приведенных ответах на вопрос проявляется осознание обозначаемого (так называют *украинцев*), которое сопровождается двумя группами эмоционально-экспрессивных «добавок»: 1) отрицательные общеоценочные компоненты: 'негативное', 'неприличное'; частнооценочные компоненты: 'оскорбительное', 'бранное', 'грубое', 'уничижительное', 'презрительное', 'неодобрительное'; 2) смягченные оценочные компоненты: 'слегка негативное', 'чуть презрительное', 'грубоватое', 'шутовое'. Нерегулярно дается указание на *русских*, в речи которых данное прозвище употребляется. Украинский кризис не способствовал развитию отрицательно-оценочных компонентов семантики лексемы.

46,5 % информантов определяют слово *хохол* как безоценочный этноним. Типичные толкования: *хохол — Украинец; Человек украинской национальности; Украинец по происхождению.* Заметно редуцирование семантического компонента 'этническая принадлежность': *хохол — Житель Украины; Гражданин Украины; Человек, проживающий на Украине; Представитель Украины; Человек, говорящий на украинском языке.*

Российские студенты, как свидетельствуют ответы, не употребляют лексему *хохол* и ее родовой вариант в собственной речи, но считают допустимым ее шутовое использование в семейном общении и в дру-

жеском кругу: *Мой папа маму хохлушкой называет; Можно употреблять это слово в шутку, с друзьями; При встрече русского и украинца можно назвать друг друга „москалем“ и „хохлою“.*

Таким образом, слово *хохол* находится в активном речевом обороте. Оно осознается большинством информантов как неофициальный этноним, который употребляется, в зависимости от ситуации, то с негативной, то с шутовской окраской. Наметилось использование этой лексемы как безоценочного этнонима.

ЖИД

44,6 % опрошенных воспринимают данную лексему как неофициальный этноним. Типичные толкования: *Негативное / бранное прозвище еврея; Грубое / обидное / пренебрежительное / оскорбительное / ругательное / обидное / презрительное название еврея; Еврей — употребляется в шутку; Пренебрежительное наименование / прозвище людей еврейской национальности русскими; Эмоционально-экспрессивное выражение с целью оскорбления еврейской национальности; Старинное уничижительное название еврея.*

В приведенных ответах проявляется осознание обозначаемого (так называют *еврея / евреев*), которое сопровождается выделением типичных эмоционально-оценочных «добавок»: 1) общей оценки 'негативное'; 2) частнооценочных компонентов: 'бранное', 'грубое', 'пренебрежительное', 'оскорбительное', 'ругательное', 'обидное', 'презрительное', 'уничижительное', 'шутовое', а также 'старинное'. Указание на тех, кто данное прозвище употребляет, в ответах отсутствует (лишь одно толкование включает семантическую долю 'со стороны русских').

22 % опрошенных понимают слово как безоценочный этноним: *жид — Еврей; Лицо еврейской национальности; Тот, кто исповедует иудейскую веру; Гражданин Израиля.*

О влиянии украинского кризиса на актуализацию слова косвенно свидетельствуют единичные аномальные толкования: *жид — Еврей или украинец; Человек украинской национальности; Поляк или еврей.* Некоторые из опрошенных (8,2 %) не представили ответ на предложенный стимул.

20 % опрошенных выделяют вторичное значение лексемы. Типичные толкования: *Жадный человек; Жадный и недоверчивый человек; Жадный, наживший состояние человек; Жадный, корыстный человек; Жадный, скупой человек; Грубоватое обозначение жадности и скупости; Человек, который жалеет свое имущество для окружающих его людей; Человек, который стремитель-*

но *наживается, очень жадный; Тот, кто берет всё, не отдает ничего.*

Изредка встречаются типовые ассоциативные отклики: *Жид — Жадный — так обычно говорят о евреях.* При этом сравнительные обороты (*жадный, как еврей*) в толкованиях отсутствуют. В 5,2 % ответов встречаем толкования и первого, и второго значений.

Как свидетельствуют полученные ответы, студенты не употребляют слово *жид* и не считают возможным его употребление (30 %); не употребляют слово *жид*, но считают возможным его употребление (64 %); употребляют слово *жид* изредка — в обществе друзей, в шутку (6 %).

Таким образом, слово *жид* не вышло из активного речевого оборота. Как неофициальный этноним с негативными эмоционально-экспрессивными включениями оно осознается большинством информантов. В активном лексиконе молодежи данное слово закреплено также в общехарактеризующем значении «жадный, скупой» (о человеке).

Российские студенты, как правило, не употребляют лексику *жид* в собственной речи. В то же время многие допускают ее шутливое использование в дружеском кругу.

КАЦАП

Лишь 14,3 % опрошенных осмысливают слово *кацап* как неофициальный этноним. Типичные толкования: *Грубое название русских, используется украинцами; Оскорбительное прозвище по отношению к русским; Жаргонное наименование русских, как правило, используется жителями Украины; Слово используется украинскими националистами как унижительное прозвище, оскорбительное название русских; Слово, которое используется для названия русских, чтобы их обидеть.*

В приведенных ответах проявляется осознание обозначаемого (так называют *русских*), которое сопровождается выделением типичных эмоционально-оценочных «добавок» к прозвищу ('грубое', 'оскорбительное', 'обидное') и указанием на тех, кто данное прозвище употребляет (*украинцы, жители Украины, украинские националисты*).

Лишь в двух ответах прослеживается понимание слова *кацап* как безоценочного этнонима: *Название русского человека.*

О влиянии украинских событий февраля — мая 2014 г. косвенно позволяют судить отдельные толкования, свидетельствующие о включении лексики в поле этнонимов и одновременно — о наведенном экстралингвистическом контекстом произвольном замещении идентификатора: *кацап — Это украинец; Кажется, это украинский еврей.*

В большинстве случаев (85,7 %) ответ на поставленный вопрос отсутствует. Встречаются также следующие реакции: *Не знаю; Не знаю, не слышал(а); Слышал(а) по телевизору, но смысла не понял(а); В новостях слышал, но в смысл не вникал; В Интернете попадалось, но не поняла.*

Таким образом, слово *кацап*, по всей видимости, вышло из активного употребления, устарело. Как неофициальный этноним (оскорбительное прозвище русских со стороны украинцев) оно осознается лишь небольшой группой опрошенных. В речи российских студентов не употребляется.

МОСКАЛЬ

Несмотря на очевидную актуализацию в СМИ слова *москаль* в период украинского кризиса, 33 % информантов не понимают его денотативного значения. Типовые ответы: *Не знаю; Слышал(а), но не понял(а) значения; Единственно, что я связываю с этим словом, — это слово с Украины; Не имею точного представления, но знаю, что это оскорбительное слово.*

43 % студентов толкуют лексику *москаль* как неофициальный этноним. Типичные толкования: *Просторечное / жаргонное название русских, употребляется на Украине; Так украинцы называют русских с негативной окраской; Остро негативное прозвище по отношению к русским; Грубое / бранное / оскорбительное название русского жителями Украины; Русские, которые, якобы, против Украины; Прозвище русских в украинском языке, сейчас приобрело презрительный оттенок.*

Частотны (22 %) расширительные толкования значения лексики *москаль*: *Так на Украине презрительно называют русских и москвичей; Грубое название москвича и русского в речи украинцев; Жаргонное название русских и москвичей, употребляется на Украине; Думаю, что это оскорбительное прозвище русских и москвичей; Отрицательное прозвище русских и москвичей.*

Менее частотны (18 %) обусловленные опознанием корня суженные толкования с включением негативных «добавок»: *москаль — Сниженное прозвище москвича; Так на Украине с некоторым пренебрежением называют москвичей; Так, по-моему, украинцы неодобрительно называют москвича; Бранное название москвича у жителей Украины; Сниженное — житель Москвы.* Отметим, что этимологические словари устанавливают словообразовательную связь: *москаль* — от *Москва* [Фасмер 1967, т. 2: 659], которая, очевидно, не утратилась до настоящего времени. В подобных случаях лексема *москаль* осознается как экспрес-

сивный катаяконим, т. е. «оттопонимическое образование» [Подольская 1988: 65].

Во всех случаях идентификаторы *русский* (1), *русский и москвич* (2), *москвич* (3) сопровождаются эмоционально-оценочными «добавками».

(1) Общеоценочные компоненты: 'негативное', 'остро негативное'; частнооценочные компоненты: 'бранное', 'грубое', 'уничижительное', 'презрительное', 'оскорбительное'.

(2) Общеоценочный компонент: 'отрицательное'; частнооценочные компоненты: 'презрительное', 'грубое', 'оскорбительное'.

(3) Общая оценка выражена косвенно; частнооценочные компоненты: 'сниженное', 'пренебрежительное', 'неодобрительное', 'бранное'.

Наведенные кризисом на Украине семантические компоненты: '*якобы против Украины*'; '*Пропутинские* русские (одно толкование); '*Сейчас*' приобрело презрительный оттенок.

Регулярны уточнения: *кто / где* употребляет слово *москаль* (*украинцы; жители Украины; на Украине*).

24 % информантов воспринимают лексему *москаль* как безоценочный этноним. Типичные толкования: *москаль — Русский; Так на украинском языке называют русского*.

Единичны толкования без включения дифференциального семантического компонента 'этническая принадлежность' и без коннотативных приращений: *москаль — Житель России; Гражданин России; Русскоговорящий человек*. Ср.: *Так на Украине называют москвича; Житель Москвы*.

Таким образом, слово *москаль*, по всей видимости, закреплено в языковом сознании современной молодежи как неофициальный этноним — *Негативное прозвище русских / негативное прозвище русских и москвичей*, а также как катаяконим, значение которого включает отрицательную эмоциональную оценку.

Из ответов следует, что российские студенты данную лексику в собственной речи не употребляют, воспринимая ее как ярлык, который используется в речи украинцев по отношению к русским и москвичам.

Продемонстрируем особенности употребления неофициальных этнонимов в текстах российских СМИ на примере слова *москаль*. Как было отмечено, активизация данной единицы в речи обусловлена политическим кризисом на Украине. Базой данных «Интергум» (февраль — май 2014 г.) было зафиксировано 1353 словоупотребления.

Важно подчеркнуть, что все неофициальные этнонимы оказываются в зоне чужой речи, отражают некое «произведение точек

зрения» действующих лиц [Успенский 1995] и одновременно исключаются из собственно авторской речи российского журналиста.

В период украинского кризиса широкое распространение получили лозунги, которые на страницах российских газет заключаются в кавычки, сигнализирующие о чужой речи. Воспроизводится ситуация эмоционального взрыва, переходящего в агрессию: *Огромная толпа на площади Независимости в Киеве, стараясь согреться на морозе, радостно прыгает под речовку: „Кто не скачет, тот москаль“. С другой — скандируют: „Москалей на ножи“*. Лозунги-призывы содержат смыслы 'физическое воздействие / расправа', 'кровь', 'насильственная смерть': *„Бей жидов и москалей“*; *„Утопим жидов в крови москалей“*; *„Смерть москалям“*; *„Вырежем всех москалей и их запродавцев“*; *„Москаляку на гиляку“*; *„Порвите москалей“*. Цитируются лозунги, призывающие изгнать русских с украинской земли: *„Геть москалей“*; *„Геть с Украины, москали кляты“*; *„Долой клятых оккупантов-москалей“* и др.

Слово *москаль* сопровождается экспрессивными эпитетами, выражающими ненависть, презрение, отторжение. Типичные характеристики: *клятые москали, проклятые москали, зажавшиеся москали, злые москали, злобные москали, гнусные москали, кровавые москали, коварные москали, поганые москали*. Параллельно тиражируются ярлыки: *оккупанты-москали, захватчики-москали, совки-москали, сепаратисты-москали*.

По данным российских печатных СМИ, в речевой украинской действительности широкое распространение получили высказывания с однородными членами, выраженными неофициальными этнонимами. В зоне авторской речи журналиста может располагаться комментарий, акцентирующий осуждение ксенофобии: *Разве не странно, что осуждающая фашизм Европа поддерживает радикальных украинских националистов, считая борцами за свободу и демократию тех, кто еще недавно открыто призывал „бить жидов и москалей“*. Здесь и в других случаях персонифицированным субъектом речи оказывается «радикальный украинский националист», имя которого называется в редких случаях. Например: *Лидер партии „Свобода“ Олег Тягнибок со сцены кричит: „Геть москалей“*. Собирательный субъект речи — националисты, националистическая организация, националистически настроенная толпа, выкрикивающая готовый лозунг, речовку, дразнилку или поддерживающая соответствующее, прямо или имплицитно выраженное предписание. Формулы черного юмора («Хороший *москаль* — мертвый

москаль»; *«Москаль, москаль, гімно пле-скаль»*; «Дякую тобі, Боже, що я не **мос-каль»** и др.) не снимают адресной агрессии: *Уровень ненависти к „клятым москалям“ в некоторых областях Украины — как уровень радиации в Чернобыле.*

Вирус ксенофобии заражает украинский язык: охваченные энергией неприятия, однородные ряды этнонимов расширяются. СобираТЕЛЬНЫЙ субъект *мы* прямо выражает этническую интолерантность: *Мы хотим быть уверены, что завтра ни китаец, ни негр, ни жид, ни москаль не придут отбирать наш дом...* Подобные высказывания подкрепляются уловкой в виде отсылки к истории, позволяющей аргументировать тезис «Иностранцы стремились уничтожить украинскую государственность». Например: *Выступая на мероприятии, посвященном памяти одного из руководителей Украинской повстанческой армии, политик заявил: „Они (националисты) взяли автомат на шею и пошли в те леса, они готовились и боролись с москалями, боролись с немцами, боролись с жидовой и с другой нечистью, которая хотела забрать у нас наше украинское государство“.*

Российские журналисты пытаются объяснить взрыв ксенофобии на Украине распадом СССР, разрушением советского народа — особой надэтнической общности: *Несложно подсчитать, что многие из них (нынешних националистов) появились на стыке эпох, в ту самую пору, когда происходил тектонический разлом советской цивилизации и миллионы людей, называвшихся прежде „советским народом“, вдруг начали ощущать себя „москалями“, „чурками“, „хохлами“.*

Между тем в речи «чуждое» этническое причудливо объединяется с отвергнутым советским. В националистическом сознании отождествляются иностранцы и коммунисты: *Уже вслух разносится от правых радикалов-националистов — „убей коммуниста, жида, москаля“.* Формулы идентичности (*украинцы = европейцы; Украина — это Европа; ср.: русские = советские; Россия — это совок*) искусственно разъединяют два народа, имеющих общее советское прошлое: *Во Львове многие демонстранты, опрошенные журналистами, огрызались: «Пусть „нормальные люди“ пойдут в Европу, а „совки“ останутся с москалями».*

В высказываниях с ключевым словом *москаль* прослеживается «дискриминационная тактика отчуждения» [Безугла, Романченко 2013: 71]; в высказываниях с ключевым словом *Европа* — тактика уравнивания.

Оживают характерные для тоталитарного сознания идеологемы врага и чистки.

С одной стороны, образ врага укрупняется; с другой — детализируется с помощью экспрессивной однородности: *И вся энергия несчастья, которая будет накапливаться и на востоке, и на западе, и в центре, будет персонифицирована на образ врага — России, русских, „москалей“; Восставшие регионы надо жестко подавить и зачистить от „москалей“; Главными своими врагами ООН объявила „коммунистов, евреев, москалей и поляков“.*

Сама идея этнической чистки как средства избавления от врага ужасает россиян: *Шановне панове, почитайте хотя бы, что несут сейчас в Верховной Раде лидеры крайне правых западных партий, требующих вычистить всех москалей с Украины и запретить лаять на собачьем русском языке.*

Отречение от общих исторических корней (*Мы ничего общего не имеем с этими москалями! У нас своя тысячелетняя история*) активизирует мифы, основанные на идее расового превосходства. Миф 1. «Древние укрывы» — особая арийская раса. Миф 2. «Москальи — это финно-угры»: *Чего, мол, с москалями говорить, они даже не славяне, а „недочеловеки-финноугры“, а мы зато щирые арийцы!* В российской прессе излагаются получившие хождение на Украине мифологизированные установки: *„Угрофинские москальи“ (это почти научный термин, имеющий в независимой широкое хождение) выжили только потому, что их кормил и поил народ Украины.* Параллельно цитируется еще один оксюморон — «азиатские москальи» (Миф 3): *„Древние укрывы“ — свободный европейский народ, принадлежавший к высшей расе, а москальи — азиатское отребье.*

Журнал «Русский дом» комментирует: *Пилсудский настаивал на монгольском происхождении москалей, это делалось, чтобы создать расовую пропасть.* В данном случае находим указание на несамостоятельность нынешних мифологических конструкций, но не их опровержение, которое, скорее всего, и не требуется.

Материалы российской прессы свидетельствуют о неприемлемости оголтелого национализма. Общим местом является экскурс в недавнее прошлое, когда людей не делили на *москалей, хохлов, черных, лиц кавказской национальности — всё это были „Мы“, все они были „НАШИ“.* Отсутствуют призывы вернуться в «совок», но отстаиваются принципы интернационализма. Вспышка этнической ненависти находит психологическое обоснование: *Нет возврата к Советскому Союзу, и это правильно! Но кое-*

чему хорошему у прошлого можно поучиться. К примеру, украинцам не комплексовать, как нынче, перед **москалями**! Все эти выкрики в адрес **москалей** — это комплекс неполноценности. Не понимаю, с чего вдруг? Ведь украинский народ сильный, народ огромный, талантливый, с богатейшей духовной культурой. Своеобразная уступка этнической нетерпимости — попытка разграничения «москалей» и русских, обнаруживающая готовность понять истоки ненависти: *Согласен с тем, что **москали** в большинстве своем просто отвратительны! Но **москали** и **русские** — разные люди! **Москали** — сборная финансов уродов и мошенников, а **русские** люди — трудяги! Не все, конечно, к сожалению.*

Российский ответ на утверждение «Во всем виноваты проклятые **москали**» — признание нецелесообразности политики компромисса, связанной с решением газовой проблемы. Уступчивость русских наталкивается на неблагодарность, цинизм и изворотливость противоположной стороны. Например, реакцией на анекдот, сконструированный в вопросно-ответной форме, является, с одной стороны, вербализация эмоции вопиющей несправедливости; с другой стороны, трезвый перечень стратегически не продуманных действий «не в свою пользу». Приведем выдержку из газеты «Своими именами»:

<...> рассказывают такой анекдот:

*Зачем Украине трезубец? — Чтобы насаживать на него **москалей**. — Но они будут протухать. Поэтому их надо чаще менять.*

Мы теряемся от этой наглости. Мы не находим в себе ни злобы, ни ненависти, чтобы тем же ответить. <...> Далее следуют иронические реплики-реакции от имени излишне доверчивых «москалей». Вот некоторые из них:

***Москалей** насаживали на трезубец, когда безнаказанно воровали газ в магистральных газопроводах. И чтобы скрыть свое бессилие, московские власти назвали воровство газа „несанкционированным отбором“. **Москалей** насадили на трезубец, когда купали газ по дружеским ценам, а перепродавали по мировым. **Москалей** насадили на трезубец по самое горло, когда вынудили нести многомиллиардные затраты на строительство новых трубопроводов в обход Украины. <...>*

В 2006 году Кремль девять месяцев пытался слезть с трезубца, жестко предлагая Украине европейские цены на газ. Однако премьер Украины на вопрос журналистки „Даст ли Россия газ Украине на украинских условиях?“ с усмешкой ответил: „Куда она денется!“ Казалось, Кремль не

*снесет такой оплеухи, но **москали** даже не огрызнулись, они прочно сидели на трезубце, и Киев лишь „поменял **москаля** на трезубце“, добившись цены на газ меньше европейской.*

Установка на трезвый прагматизм, как следует из многочисленных комментариев, должна возобладать в отношениях между Украиной и Россией, способствовать выработке «общей стратегии взаимодействия» [Щербинина 2006: 98].

Закономерен вопрос: является ли представленный языковой материал объективным отражением определенного периода языкового существования? Действительно, актуальные высказывания приводились российскими журналистами со ссылками на чужую речь. В некоторых случаях в прессе допускались неточности, в том числе неточности перевода, однако фальсификация языкового материала, прежде всего текстов-примитивов (лозунгов, речовок, кричалок, дразнилок), сочетаний-ярлыков, перечислительных рядов, включающих неофициальные и официальные этнонимы, исключена.

Технология формирования образа врага с использованием механизмов этнической идентичности не является новой для суггестивного языка вражды, однако намеренных выпадов, вербальных оскорблений украинцев в исследованном материале не обнаружено.

Важно, что события на Украине, как показал проведенный эксперимент, не вызвали ненависти к украинцам со стороны студенческой молодежи. В русской культурной среде (исключения должны быть исследованы особо) преднамеренное употребление в речи неофициальных этнонимов в составе инвективных высказываний по-прежнему осознается как непозволительное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безугла Л. Р., Романченко И. О. Лингвопрагматика дискримінації у публіцистичному дискурсі. — Харків : ФОП Лисенко І. Б., 2013.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Рус. яз., 1978—1980.
3. Йокояма О. «Свои» и «чужие»: межкультурная коммуникация и этнические стереотипы в чеховской России // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная моногр. / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 463—474.
4. Крысин Л. П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная моногр. / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 458—463.
5. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. — Ростов н/Д : Феникс, 2010.

6. Мокшенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998.
7. Никитина Т. Г. Молодежный сленг : толковый словарь. — М. : АСТ, 2004.
8. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М. : Наука, 1988.
9. Русско-украинский словарь : в 3 т. АН УССР. — Киев : Наукова думка, 1968.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Русский язык, 1981—1984.
11. Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. — М. : Эксмо, 2006.
12. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 2008.
13. ТСУ = Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935—1940.
14. Успенский Б. А. Поэтика композиции // Семиотика искусства / Б. А. Успенский. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 7—225.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М. : Прогресс, 1964—1973.
16. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. — М. : КомКнига, 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Л. Р. Дускаева
Т. И. КрасноваСанкт-Петербург, Россия
St. Petersburg, Russia**ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ
И МОДАЛИЗАЦИЯ МЕДИАТЕКСТА
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ
(опыт обобщения)**

Аннотация. Рассматриваются вопросы анализа речевой структуры политических медиатекстов, а также вопросы взаимосвязанного понимания категорий интенциональности, текстовой модальности и референции. В центре внимания — семантика медиатекста и дискурса, испытывающая влияние внешнего (социокультурного) и внутреннего (ментального) контекстов. Излагаются общие проблемы интерпретации медиатекстов с использованием терминов «интенциональность», «идеологическая модализация», «идеологическая оценка», «ментальное состояние». Обосновывается основополагающая роль модальных нагрузок в построении картины мира и формации медиатекста.

Ключевые слова: медиатекст; контекст; интенциональность; ментальное состояние; модус; оценка; предикат; модальность; идеологическая модализация.

Сведения об авторе: Дускаева Лилия Рашидовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой речевой коммуникации, Институт «Высшая школа журналистики и прикладных коммуникаций».

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Контактная информация: 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., д. 26, к. 703.
e-mail: lrd2005@yandex.ru.

Сведения об авторе: Краснова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речевой коммуникации, Институт «Высшая школа журналистики и прикладных коммуникаций».

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Контактная информация: 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., д. 26, к. 703.
e-mail: taikrasnova@yandex.ru.

L. R. Duskaeva
T. I. Krasnova

St. Petersburg, Russia

**INTENTIONALITY AND MORALIZATION
OF MEDIATEXT IN THE CONTEXT
OF CULTURE
(the experience of the generalization)**

Abstract. The article is devoted to analysis of the speech structure of the political media texts, as well as the interrelated categories of intentionality, understanding of the text by modality and references. The focus is the media text and discourse semantics, experiencing the impact of the external (socio-cultural) and internal (mental) contexts. Presentation devoted to general problems of interpretation of the texts using the terms “intentionality”, “ideological modalization”, “ideological score”, “mental state”. The foundation role of modality in the world picture construction and media text creation is proved.

Key words: media text; context; intentionality; mental status; modus; score; predicate; modality; ideological modalization.

About the author: Duskaeva Liliya Rashidovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Speech Communication, Institute “Graduate School of Journalism and Mass Media Communication”.

Place of employment: St. Petersburg State University.

About the author: Krasnova Tatiana Ivanovna, candidate of philological sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Verbal Communication, Institute “Graduate School of Journalism and Mass Media Communication”.

Place of employment: St. Petersburg State University.

Интенциональность и связанные с ней категории модуса и модальности играют ключевую роль в теории порождения речи [Ср.: КСКТ 1996: 129; Зеленщиков 1997: 198—218 и сл.]. Речь рассматривается как система культурно обусловленного поведения (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Б. М. Гаспаров, Г. В. Елизарова, А. А. Зализняк, В. В. Колесов, Ю. М. Лотман, Е. В. Падучева, Ю. С. Степанов, Д. Н. Шмелев и др.), поскольку убеждения и ценности представляют собой некие точки отсчета и определяют поведение человека [Hymes 1995: 274; Елиза-

рова 2000: 23]. Убеждения, касающиеся взаимоотношений форм пропозиций, и ценности, которые ассоциируются с этими убеждениями, позволяют человеку соотносить их со своим внутренним состоянием и конструировать свое поведение и видение действительности в оценочных модальностях. В ментальном мире говорящего такое видение представляет собой модель интерпретации действительности, основанную не только на соотношении базовых модальных сущностей Действительного, Возможного и Необходимого, но и с учетом аксиологиче-

ских аспектов модальности [См.: Краснова 1999]. В этом смысле медиатекст — это сконструированное речевое поведение, соответствующее интенциональному состоянию (~ ментальности говорящего) и культурным моделям описывающего или предписывающего характера.

Для интерпретации медиадискурса наиболее важным оказывается понятие интенциональности и анализ ее проявлений в речи, связанных с модальностью. Обратимся сначала к трактовкам интенциональности, чтобы выявить ее связь с категорией «медиа-текст».

Анализ интенциональности, в частности выявление доминирующих интенций в общественном сознании при интерпретации медиатекстов, стало следствием развития когнитивного метода в области исследований политической коммуникации и медиадискурса [Кожина 1996; Солганик 2000; Кубрякова 2001; Клушина 2008; Павлова 2000; Дускаева 2012 и др.]. В **философских** исследованиях интенциональность рассматривается как активное сознание, направленная на установление связей с окружающим миром, на постижение предметного мира действительности. Считается, что в лингвистику указанное понятие вошло после работ Д. Серла, который определил его как соотношенность сознания и предмета, в результате которой происходит смыслообразование, предназначенное для речевого выражения. Тем самым интенциональность становится предметом лингвистической рефлексии. Однако у Д. Серла речь идет об интенции речевых актов, а не текстов. Смена научной парадигмы, начавшаяся в 1970-х гг., выразившаяся в отказе от изучения языка как имманентно понимаемой системы и в переходе к изучению языка как деятельности, актуализировала в этой категории такие компоненты значения, как намеренность, целенаправленная активность сознания, связь с деятельностью и достижением определенного результата (работы И. П. Сусова, Г. В. Колшанского, Т. М. Дридзе, А. А. Залевской, Р. М. Фрумкиной, Е. С. Кубряковой и др.). Такое широкое понимание интенциональности стало использоваться для смыслового анализа не только речевых единиц, но и текста. Представления о включенности текста в деятельность, подтвержденные исследованиями по психосемантике речи, в лингвоориентированной аналитической философии вписались в сегодняшнюю гуманитаристику и прочно утвердили представление о том, что интенциональность субъекта речи, активность его сознания являются мотивационно-смысловыми детерминанта-

ми, определяющими направленность, содержание и структуру речевой деятельности, без которых невозможно полноценное ее изучение.

По данным исследований **психологов**, выражение интенционального состояния человека следует считать важнейшей составляющей речевого взаимодействия [См., напр.: Павлова 2000]. Не случайно в психологии интенции рассматриваются как предметные направленности субъекта, выступающие основой и глубинным содержанием речи, которое непосредственно связано с целями деятельности и «видением мира» субъектом, его желаниями, нуждами, установками. В современных семантических исследованиях текста интенциональность понимается как замысел и детерминант его смысловой структуры [Напр.: Кубрякова 2001: 77]. Аналогичен подход к определению роли интенциональности в **функциональной стилистике**, исследующей речемыслительную деятельность, где смысловая структура как воплощение замысла текста рассматривается в совокупности экстралингвистических факторов, выступающих основой текстопорождения в определенной сфере общения [Кожина 1996: 77]. Замысел текста многослоен: «Главное отличие смысловой структуры целого текста — в возможности объективации в ней, отражении не только собственно фрагмента действительности (денотата в узком смысле — вещи, факта), но и процессов коммуникативно-познавательной (когнитивной) деятельности субъекта, как и структуры самого знания, а также — шире — социокультурного контекста» [Кожина 1996: 86]. Следовательно, в смысловой структуре текста усматривается иерархичность, отражающая не только фрагмент действительности (денотат), но и целенаправленную активность сознания познающего субъекта, связывающую коммуникативную деятельность с достижением определенного результата. О такой многослойности интенциональности сознания, мотивирующей формирование смысловой структуры журналистских текстов, пишет психолог Н. Д. Павлова: «Интенциональная структура текстов представляет собой иерархически организованную систему. Направленность на действительность образует нижний уровень иерархии. Интенции второго уровня — апологизация и критика — модифицируют анализ действительности и в свою очередь испытывают влияние направленности говорящего на аудиторию. Направленность на адресата, воздействие, агитацию составляет верхний уровень системы. Под влиянием этой направленности интенции нижних уровней ие-

рархии приобретают конкретно соотнесенное с адресатом выражение, обеспечивающее адекватное восприятие и пропагандистское воздействие выступления. Интенции скоординированы между собой и иерархичны. За речью — целостное интенциональное состояние говорящего. Интенциональность в конкретном акте создания текста формируется как „взаимосвязь и соподчинение интенций“, что позволяет „обосновать представление об иерархичности интенционального состояния субъекта речи“» [Павлова 2000: 23].

Транспонируя эти выводы на интенциональность автора-журналиста, мы рассматриваем его речь (текст) как многослойное иерархическое образование, в котором взаимодействуют дескриптивная составляющая (тот или иной фрагмент действительности) и модусная составляющая, которая включает, в свою очередь, валюативную, определяющую общественную ценность дескриптивного содержания медиатекстов, и нормативно-побудительную, формируемую на основе определения ценности дескриптивного. Важно подчеркнуть при этом, что модусная ориентированность, которая фокусирует взгляд на мир, оказывается важнейшей в смысловой организации медиатекста, поскольку определяет смысл информирования, формируя специфическое ценностное содержание медиатекста. Экстралингвистические факторы ориентированности в медиатексте, согласно Г. Я. Солганику, это «общественные интересы», а также «представления субъекта речи о пользе, выгоде, политических целях» [Солганик 2000: 15]. Отбираемая для публикации фактуальная сторона сообщения определяется модусом установочного целеполагания (тем, что необходимо, возможно или желательно показать). Следовательно, в смысловой структуре медиатекста отражается не просто тот или иной фрагмент мира, но опыт его восприятия и осмысления, что позволяет «установить, с каким видением мира мы столкнулись в данном тексте, что и по какой причине привлекло внимание человека, какие именно фрагменты знания и оценок в нем закрепились и т. д.» [Кубрякова 2001: 78].

Обратимся к понятиям модальности и модализации медиатекста, затрагивающим ряд других важнейших категорий семантики.

Специфика идеологической работы в сфере публицистики состоит в том, что это пропагандистская деятельность ярко выраженной оценочной (прагматической) направленности. Прагматика ставит в центр внимания речевой акт, основные компоненты которого хорошо известны (К. Бюлер) и получи-

ли подробное освещение (работы Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, Т. В. Шмелевой и др.). Особенное внимание уделяется семантике, связанной с вектором «автор — адресат» (или «идеолог → адресат»). Такая семантика получила в некоторых работах наименование интересубъектной (межличностной) модальности. По текстоцентрической концепции А. Г. Баранова [Баранов 1993], содержание и объем модальности определяется через разнообразные отношения между участниками текстовой деятельности. В текстоцентрической концепции выявляется цепочка зависимостей когнитивных, поведенческих и коммуникативных функций языка. Примечательно, что она выражается отношением соответствия в группе «ЦЕННОСТЬ — ОЦЕНКА — МОДАЛИЗАЦИЯ».

Согласно исследованиям [Марьянчик 2013], наиболее активны в медиаполитическом тексте идеологическая, интеллектуальная, этическая и утилитарная оценки. К тому же в область ценностей (в рамках той или иной культуры) нас приводят эмоциональные факторы желаний и нужды, привносимые в убеждения, в то время как «ценности — это внутренние ... стандарты для направления действий...» [Rokeach 1968: 160]. *Идеологическая модальность* (разновидность аксиологической) рассматривается как совокупность оценочных значений и отношений, которые базируются на политических взглядах [Ср.: Марьянчик 2013: 16—17]. Основная задача идеологической модальности — управление процессом интерпретации высказываний адресатом. Мы исходим из того, что интерпретирующая функция базируется на ценностных параметрах отражения действительности, проявляется через поведенческие ориентировки и регуляции, в основе которых лежит оценка, или главная составляющая эмоций, как отмечают психологи. Оценка является *интенциональной основой механизмов модализации*, служащих задачам идеологии, поскольку выполняет функцию связующего звена между ментальной сферой говорящего и социально-культурным контекстом. Именно оценке принадлежит ведущая роль в изменении значений, в переоценке слова и его перемещению из одного ценностного контекста в другой. *Идеологическая оценка* (с ограничивающим ее концептом «приятие» или «неприятие») rozpoзнается в дискурсе как модальная рамка, которая накладывается на дескриптивное содержание языковых выражений, но, строго говоря, определяется видом дискурса в целом, т. е. всем комплексом его элементов, включая идеологическую основу, модальность, точку зрения, ситуативную пресуппо-

зицию высказывания, стереотипы и шкалу оценок, которые существуют в культурных представлениях говорящих (или созданы усилиями групп). *Идеологическая модализация*, с нашей точки зрения, связана с ценностными источниками смысла и способствует процессу переосмысления слова в дискурсе. Например, модализация приятием/неприятием обеспечивается, условно говоря, ментальными действиями интерпретатора, которые мы бы назвали не совсем осознанным выбором в духе реакции *принимаю/отвергаю*.

Направление соответствия между идеологической пропозицией и действительностью оформляется модалностью: либо *мир* выступает в качестве «точки отправления» и заданного критерия истинности слов (онтологическая модалность, *de re*), либо же *слова* рассматриваются как своего рода проект, в соответствии с которым строится новое положение дел в мире (деонтическая модалность, *de dicto*). Слова, или модалные операторы (модалные глаголы, глаголы пропозициональной установки, вводно-модалные слова и оценочные слова), создают уровень интерпретации, который целиком подчинен функционированию категории модалности и процессу текстовой модализации.

Как уже говорилось, основная задача модалности — управление процессом интерпретации высказываний адресатом. При этом в речи фактор модалности связан с разными аспектами оценочности и выбором предоставляемых языком способов выражения значений говорящим. Отметим здесь *идеологически обеспеченный культурой* характер модализации в медиатексте: она служит процессу эффективного внедрения риторической формы идеологии в общественное сознание. В этой связи нельзя не сказать о своеобразии категории **«точка зрения»** в дискурсе. ^Аксиологическое видение прямо зависит от точки зрения, с которой ведется наблюдение. Именно точка зрения определяет интерпретацию объекта субъектом (модалность лишь управляет этим процессом). При этом «точка зрения» обозначает способ существования текстов в дискурсе как явления скорее автономного по отношению к говорящему. Этот способ существования подразумевает извне *заданный* идеологический проект, культуру ограничения, настроенную «оптику» рассмотрения объекта и актуализационные возможности формы. В рамке пресуппозиции точка зрения существует вместе с субъектом идеологии и способна определять в тексте направление смыслового означивания. При этом текст может пониматься лишь в рамках

системы ценностных установок, имеющих единый смысл для интерпретаторов.

Для изучения особенностей отображения «картины мира» необходимо прежде всего понимание важности процессов номинации и предикации как основных для порождения речи в определенном контексте.

В конкретном высказывании **номинации**, а также пропозиция в целом имеют своих референтов и свою референцию в структуре действительности. Референцию определяют как ту информацию, которую имя сообщает слушателю. Исходят из существования двух уровней референции — уровня внутренних потенциальных свойств лексической единицы и уровня актуальной референции в речевых актах [См.: Николаева 1987: 121 и сл.]. Актуальное реферирование считается мысленным действием говорящих, а не выражением. «Референция наряду с предикацией составляет основу языковой коммуникации. Используя языковые единицы, мы, во-первых, осуществляем референцию к внеязыковым объектам, а во-вторых, приписываем (предсказываем) им какие-то свойства» [Шмелев 2002: 16]. При этом «именно оценка определяет то, что данное предметное значение вошло в кругозор говорящих» [Волошинов 1995: 324]. Референция и оценка связаны в ментальном поле медиатекста. Референция создается не только референцией предметных наименований (термов), но и референцией компонентов с пропозициональным значением, которые в нашем материале соотносятся с фактами, событиями, ситуациями, вызывающими приятие или неприятие идеологического субъекта.

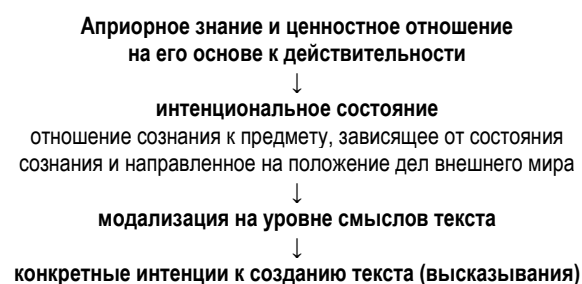
Например, ниже предикаты диктума выражают объективную информацию. Это глаголы акционального подкласса с его семантическими разрядами физического действия, перемещения, речевого действия и социальных intersubъективных действий: «Был принят целый ряд полицейских мер. Председательская трибуна *была окружена охраной* из латышей, а позади слушателей *размещены группы красноармейцев*. У входа в дом Урицкого, где происходил митинг, *стояли наготове два броневика*. По закрытию митинга все выступавшие *были арестованы*» (Варшавская речь, 1919). Перед обозначенными «фактами» в речь вводится отрицательный смысл (были приняты «полицейские меры»), и возникает целенаправленное высказывание, к которому может быть применен критерий идеологической оценки с концептом «неприятие». В философии понятие «экзистенция» не случайно связывается с понятием **«предикация»** (Э. Мах, А. Дж. Айер, Б. Рассел, Э. Гуссерль,

Ж.-П. Сартр, А. Ф. Лосев; из лингвистов — Ю. С. Степанов, В. В. Колесов; см. обзор мнений в монографии: [Степанов 2010. Гл. IV]. Пространственно-временные координаты говорящего (актуализационная рамка «я — здесь — сейчас») неразрывно связаны с предикацией. Но в соответствии с *интенционально обусловленной модализацией* находится и другая функция предиката — его способность образовывать смысл высказывания *под диктатом* концепта «приятие»/«неприятие». Предикаты соответствуют не «вещам», а **«отношениям»**. Предикаты выступают в роли особых семантических сущностей языка, которые типизируются не в форме словарных единиц, глаголов, а в форме *пропозициональных функций* и соответствующих им схем предложений. В этом смысле **актуализационные категории модуса в структуре синтаксической организации предложения** включаются, чтобы отобразить состояние мира, причем не только внешнего, но и внутреннего (ментального). Сравните: «Предикат сущности всегда понимался как некое совпадение „внешних“, объективных отношений, существующих в мире, и „внутренних“ отношений, существующих в акте предикации в нашем сознании» [Степанов 2010: 139]. Физическое и психическое, объективное и субъективное в определенные моменты содержат общие элементы; предикация осознавалась как связь и момент этой общности.

В трактовке понятий «ментальное состояние» и «модализация» мы придерживаемся взглядов, синтезирующих психологическую природу порождения речи [Греймас, Фонтаний 2007]. Ментальное состояние понимается как «состояние вещей» в трансформируемом субъектом мире; но это также «состояние души» субъекта-оператора, который готов к действию, и само переживание отношения в различных аспектах и трансформациях. Ментальное состояние уже предполагает концептуальную структуру и код, предшествующие речи. Эмоции, согласно данным психолингвистики, проявляются как «наиболее глубокие формы категоризации, определяющие общие контуры выстраиваемого сознанием концептуального образа мира» [Оптимизация речевого воздействия 1990: 24]. Переживание отношения выражается в **модализации** субъекта через модализацию объекта (ср., например, идеологизированные сейчас в медиадискурсе термины *Россия* или *Украина*) и далее вкладывается, благодаря языку, в речь и тексты. Модализация существует в определенной мере как *процесс передачи интенционального состояния*. Этот процесс сводится

к репрезентации своих убеждений, мотивов, оценок и к стремлению «заразить» ими адресата, т. е. повлиять на состояние собеседника так, чтобы оно соответствовало желаниям говорящего.

Мы выделяем дотекстовый и текстовый этапы модализации. В ментальном поле дискурса *дотекстовый* этап модализации высказываний можно представить как психически детерминированное пропозициональное отношение. Оно складывается на уровне сознания с учетом ряда зависимостей в поле внутреннего.

Имея в виду *текстовый* этап модализации, отметим другие существенные моменты. До некоторых пор область модальных категорий была так малоизучена, что полагались в основном на предикат, на перечни модальных глаголов и эксплицитный модус в духе Ш. Балли. Теперь можно говорить о модализации в узком и в широком смысле. В *узком* смысле модализация включает в себя то, что традиционно называется модальностью (знание, хотение, долженствование, возможность/невозможность, уверенность/неуверенность и т. п.). Все известные нам модальности происходят из рациональной категоризации и составляют, таким образом, модальные структуры — часть инструментария «семиотики страстей» и способа интерпретации происходящего [См.: Греймас, Фонтаний 2007]. Другая же часть, если понимать модализацию в *широком* смысле, — это наблюдаемые на уровне поверхностных нарративных структур модальные устройства, охватывающие прагматическую и когнитивную области. Это пересечение множества структур, путь от одной модализации к другой в течение всего синтаксического развертывания. В силу этого предикат может быть сверхдетерминирован: его идеологическое означивание может передаваться несколькими модусными категориями — актуализационными, квалификативно-оценочными, социальными. Так, в следующем высказывании грамматическая модальность предиката событийного действия (семантика быденного настоящего в видовой форме глагола) интенционально сопряжена с модальностью обвинения: ...*слышат выстрелы на*

Софийской площади и на окраинах подола. Это — ваши ярые „співробітнікі“ расстреливают ни в чем не повинных людей, попавших к ним в руки (Варшавская речь, 1919). Модальная нагрузка определяет сначала предикат в его связывающей функции, а затем способна распределяться, вкладываясь в каждую актантную позицию: в наименование агенса (вы, «ваши ярые „співробітнікі“») или пациенса («ни в чем не повинных людей»). Таким образом, к инструментарию модализации, помимо лексических наименований, относится схемная семантика, актанты, характер предикации (агенса, пациенса, производимое действие), — иначе говоря, концептуальное объединение, интерпретация (Ср. с интенциональными категориями интерпретации, выделенными в публицистическом тексте Н. И. Клушиной [Клушина 2008]. Список категорий составили наименование, идеологема, оценка, интерпретация, стереотип, тональность). Важно, что актантные категории в их ролевой семантике и характер их обозначения в целом носят модальный характер и способны наделять собственным модальным статусом сообщение как «зрелище» (spectacle). Сама структура сообщения предписывает определенное видение мира. Оно прямо связано с состоянием сознания того, кто говорит, и способно передаваться тому, кто воспринимает речь.

В целом можно констатировать следующее. В междисциплинарных исследованиях, связавших в процессе разработки «теории речевых актов» лингвистическую философию и психологию, интенциональность относят к свойству многих ментальных состояний субъекта речи. Один и тот же объект может становиться разными предметами в зависимости от типа сознания: воспринимают этот предмет или судят о нем, ненавидят его или любят и т. п. В этом смысле говорят об «интенциональном существовании предмета внутри душевного акта» (Ф. Brentano, Э. Гуссерль) [Степанов 2010: 204]. Отношение сознания к предмету может принимать различные модификации, зависящие уже не от предмета — от состояния сознания. В этой связи различают виды или «модусы интенциональности». Под этим названием Э. Гуссерль ввел, по существу, «субъективные модусы значения» [Степанов 2010: 204], а М. М. Бахтин — В. Н. Волошинов отнесли такие значения к роду жизненных, психико-идеологических смыслов в составе социологической структуры высказывания [Волошинов 1995: 73, 75, 84, 151, 163—169, 221—228, 315]. Очевидно и другое: проблема интенциональных актов относится к проблеме описания модальностей, которые из-

вестны под именем «пропозициональных установок» (типа «Он считает, что...»). По Э. Гуссерлю, не только языковое высказывание, но и любое познавательное «переживание» (восприятие, представление предмета) заключает в себе «значение», «смысл». Следовательно, само значение слова (высказывания) определяется тем, что в «переживании» заключено отношение к предмету (см.: [Степанов 2010: 204]. Ю. С. Степанов считает, что восприятие предмета как значения вообще есть один из главных семиотических законов; см. также: [Степанов 1971: 27]). Такое значение связывается с целью говорящего, так как является результатом его действий. Следует добавить: на уровне дискурс-анализа важен не столько даже фактор значения слова, сколько его иллокутивная сила — эффект значимости, выделенности образованного смысла, «матрицей» которого (местом образования) является дискурсная формация [Ср.: Квадратура 1999: 266]. Скажем, общей чертой кризисного времени перемен выступает так называемый негативизм и связанная с ним модализованная неприятием референт-ситуация в медиатексте. В глубинной основе идеология отрицания — это внутреннее психическое переживание, становящееся внешним. Модализация дискурса неприятием образует ментальную область, в которой обозначается новое содержание концептов (ср. *Россия и Украина*), устанавливаются рамки новых оценок, санкционированных общественной группой. Всё это подводит к осознанию **основополагающей роли модальных нагрузок** в построении картины мира и формации медиатекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М. : Языки русской культуры, 1999.
2. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. — Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1993.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / отв. ред. М. А. Кронгауз. — М. : Рус. словари, 1996.
4. Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук. — СПб., 1995.
5. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ : лингвистика языкового существования. — М. : Нов. лит. обзор, 1996.
6. Греймас А.-Ж., Фонтань Ж. Семиотика страстей : от состояния вещей к состоянию души : пер. с фр. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
7. Дускаева Л. Р. Интенциональность речевой деятельности журналиста // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. 2012. Вып. 2. С. 253—262.
8. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. — М. : Гнозис, 2005.

9. *Зеленицков А. В.* Пропозиция и модальность. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997.
10. *Елизарова Г. В.* Культурологическая лингвистика (опыт исследования понятия в методических целях). — СПб. : Бельведер, 2000.
11. *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. — М. : Языки славянской культуры, 2005. (Язык. Семиотика. Культура).
12. *Квадратура* смысла : французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серно. — М. : Прогресс, 1999.
13. *Клушина Н. И.* Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000—2008 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008.
14. *Кожина М. Н.* Смысловая структура текста в аспекте стилистики научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Стилистика научного текста. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1996. Т. 2, ч. 1. С. 72—93.
15. *Колесов В. В.* Русская ментальность в языке и тексте. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2006.
16. *Краснова Т. И.* Структура эмигрантского газетного текста // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. 1999. Сер. 2. Вып. 2 (№ 9). С. 93—100.
17. *Краткий* словарь когнитивных терминов = КСКТ / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М. : Моск. гос. ун-т, филол. фак., 1997.
18. *Кубрякова Е. С.* О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. — М., 2001. Т. 1. С. 72—81.
19. *Марьянич В. А.* Аксиологическая структура медиаполитического текста (лингвостилистический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Архангельск, 2013.
20. *Николаева Т. М.* О логико-семантических работах современных французских лингвистов // Вопросы языкознания. 1987. № 6.
21. *Оптимизация* речевого воздействия / Н. А. Безменова, В. П. Белянин, Н. Н. Богомолова и др. ; отв. ред. Р. Г. Котов. — М. : Наука. 1990.
22. *Павлова Н. Д.* Коммуникативная функция речи: интенциональная и интерактивная составляющие : дис. ... д-ра психол. наук. — М., 2000.
23. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. — М. : Языки рус. культуры, 1996.
24. *Солганик Г. Я.* Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. — М., 2000. С. 5—17.
25. *Степанов Ю. С.* Семиотика. — М., 1971.
26. *Степанов Ю. С.* Константы: слов. русской культуры: опыт исследования. 2-е изд., испр. и доп. — М. : Академический проект, 2001.
27. *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / отв. ред. В. П. Нерозник. 2-е изд. — М. : Либроком, 2010.
28. *Hymes D.* The Ethnography of Speaking // Language Culture and Society / ed. by B. G. Blount. — Prospect Heights (Ill), 1995. P. 248—282.
29. *Rokeach M.* Beliefs, attitudes and values. — San Francisco, 1968.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

С. В. Иванова S. V. Ivanova
Уфа, Россия Ufa, Russia

**ХИТРОЕ СЛОВО LEADERSHIP,
ИЛИ ЕЩЕ РАЗ
О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
СПЕЦИФИКЕ**

**WHAT A CLEVER WORD 'LEADERSHIP'
OR NATIONAL
CULTURAL SPECIFICITY AGAIN**

Аннотация. Анализируется концепт «LEADERSHIP», реализующийся в американском внешнеполитическом дискурсе. Концептуальный анализ проводится посредством выявления смысловых узлов (или доминант), представляющих данное ментальное образование. В результате анализа понятийной составляющей концепта эксплицируется целый ряд доминант, включающий 15 ключевых узлов: первенство, передовая линия, помощь/поддержка, руководство/управление, контроль, доминирование/превосходство, исключительность, влияние, сила/власть, инициатива, ответственность, миссия, решимость, стратегичность, привлекательность/харизматичность. В статье также намечаются перспективы дальнейшего анализа данного концепта.

Abstract. The article presents the results of the analysis of the concept LEADERSHIP the way it is realized in the US foreign policy discourse. The undertaken conceptual analysis is aimed at singling out conceptual nodes (or dominants) which make up this mental entity. The analysis of the notional constituent of the concept makes it possible to expose 15 dominants rendering the meanings covered by the concept under study, including being the first, being ahead, assistance/support, management, control, dominance, exceptionalism, influence, power, initiative, responsibility, mission, determination, strategy, charisma. The article also offers a vision of further analysis of the concept under study.

Ключевые слова: концепт; концептуальный анализ; понятийная составляющая; leadership; лидерство; политический дискурс; США.

Key words: concept; conceptual analysis; notional constituent; leadership; political discourse; USA.

Сведения об авторе: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии и межкультурной коммуникации.

About the author: Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of English Philology and Intercultural Communication.

Место работы: Башкирский государственный университет (Уфа).

Place of employment: Bashkir State University (Ufa).

Контактная информация: 450074, г. Уфа, ул. Коммунистическая, д. 19, к. 8.
e-mail: svet victoria@mail.ru.

На фоне конфликтной ситуации, связанной с Украинским кризисом, в американском внешнеполитическом дискурсе все громче и чаще стало звучать слово *leadership*. Его употребляет президент США в майской речи перед выпускниками военной академии Уэст-Пойнт, звучит оно в президентском обращении в связи с объявлением очередного пакета санкций против Российской Федерации. Можно смело констатировать, что слово *leadership* становится чрезвычайно заметным во всех американских СМИ: в материалах прессы, телевидения, радио, — так как американские журналисты правого толка и аналитики по внешней политике упрекают Барака Обаму как раз в недостаточности именно этого качества. Интернет-пользователи в своих «комментах» на сайтах американских изданий тоже не обходят это слово стороной. На самом деле в широкий оборот слово *leadership* запустил в политический дискурс США сам президент Обама, объявив курс на модификацию внешней политики

(Obama Seeks to Recast Foreign Policy / **Обама стремится изменить внешнюю политику** — таков заголовок одной из статей влиятельной «Хаффингтон пресс»), благодаря которой ведущее положение США на мировой арене должно войти в новую фазу. О новой главе в истории американского лидерства в мире было объявлено на пресс-конференции президента Обамы в Розовом саду Белого дома накануне его выступления в военной академии (“...we'll also be able to begin a new chapter in the story of American leadership around the world,” Obama said Tuesday during an appearance in the White House Rose Garden [HP]).

Постоянная аналитическая работа с американской прессой свидетельствует, что слово *leadership* особенно настойчиво звучит, когда разговор идет об американской внешней политике последнего времени. И в этом плане данное понятие становится ключевым (вполне возможно, что оно было таковым и доселе) в массмедийном и прези-

дентском дискурсах США начиная с зимы 2014 г. Хотелось бы сказать, что анализ ключевых концептов американского политического дискурса — постоянная тема многих исследований. Но при этом надо отметить, что подобного рода анализ неизменно включает целый ряд значимых для американского языкового сознания и менталитета понятий. В этом списке значатся «CHANGE» (безусловно, это был политический лозунг, с которым президент Б. Обама буквально ворвался в широкую американскую политику и Белый дом, а потому сразу обратил на себя внимание исследователей), «WAY», «TERROR», «DEMOCRACY», «FRONTIER», «CONSTITUTION». Об этих концептах написано довольно много, но представляется, что характерная для мышления американцев мысль о лидерстве, «схваченная» (Е. С. Кубрякова) языковым знаком *leadership*, не получила еще должного освещения. И если лидерство как феномен социопсихологического порядка так или иначе затрагивался исследователями в сопредельных с лингвистикой областях — философии [Мень 2013], социологии [Кзаков 2002], политологии [Калиев 2013], психологии [Бендас 2000], теории управления [Хананашвили 2002], культурологии [Печенкин 2006], педагогике [Новикова 2009], — то проявление на фоне текущих общемировых событий идеи политического лидерства в связи с раскрытием потенциала одноименного концепта нуждается в анализе.

Целью данной работы является раскрытие концепта «LEADERSHIP» в американском внешнеполитическом дискурсе на материале массмедийного (пресса, телевидение, радио) и президентского политического дискурса ближайшего времени, а именно начиная с февраля 2014 г. Актуальность такого исследования обусловлена необходимостью осмыслить изменения в риторике американских политиков, которые проявляются как в соответствующих заявлениях, касающихся вопросов внешней политики, главы государства — президента США Барака Х. Обамы, так и в публикациях североамериканской прессы и выступлениях представителей политических кругов этой страны. Исследование проведено с привлечением метода концептуального анализа, дискурсивного анализа, дефинитивного анализа, лингвокультурологического анализа, метода количественных подсчетов и элементов контент-анализа.

Несмотря на то что концептуальный анализ широко и плодотворно используется, а потому устоялся и зарекомендовал себя как надежный инструмент лингвистических

исследований, представляется необходимым дать рабочее определение концепта. Соединяющий в себе нераздельно «элементы сознания, действительности и языкового знака» [Прохоров 2011: 28], в самом широком плане концепт понимается как информационная структура, отражающая человеческий опыт [Там же: 5], как квант структурированного знания [Кубрякова 1992]. Структурирование в данном случае производится в рамках внутренней структуры концепта — его понятийной составляющей. Последняя может быть представлена в виде сети, имеющей узловую сетку. Узлы (*nodes*) составляют смысловые доминанты, которые в совокупности и передают некое понятие [Conceptual Analysis; Ganter 2002: 10]. Такое представление понятийной составляющей концепта обусловлено логикой человеческого познания, согласно которой «формирование концепта всегда связано с „выделением набора признаков“ [Кубрякова 1996], отражающих существенные свойства объекта» [Иванова 2003: 33].

Прежде чем начать анализ вынесенного в заглавие работы концепта, хотелось бы детализировать предысторию того, каким образом слово *leadership* и однокоренные с ним слова вновь заняли ведущее место в текстах, репрезентирующих американский политический дискурс. 28 мая 2014 г. президент США Барак Обама выступил перед слушателями ведущей американской военной академии Уэст-Пойнт с так называемой *commencement speech*, т. е. напутственной речью-обращением к выпускникам. Как известно, *commencement speech* — это особый институциональный жанр американского дискурса, представляющий собой ритуальную речь, которую перед выпускниками того или иного учебного заведения (*class/cohort*) произносит значимое для сообщества лицо (это может быть знаменитость, как Стив Джобс, Хиллари Клинтон, спичрайтер Б. Обамы в период с 2007 по 2013 г. Джон Фавро и т. п.). Степень знаменитости очень часто определяется финансовыми возможностями учебного заведения (так, одна минута выступления Хиллари Клинтон, по сведениям зарубежной печати, стоила порядка 2777 долларов [DM]) или престижностью самого заведения, выступать в котором почитается за честь. Напутственная речь перед выпускниками (*commencement speech*) подчиняется законам жанра и, соответственно, имеет совершенно определенный формат, включая благодарность за приглашение выступить, философско-лирические размышления говорящего о жизни, обязательные ссылки на так или иначе отличившихся выпускников

данного вуза, собственный жизненный опыт, «смешные ситуации» и пожелания. И в этом плане выступление президента Обамы перед слушателями академии Уэст-Пойнт не исключение. Оно началось с благодарности профессорско-преподавательскому составу академии за честь выступить и за то, что они достойно несут свою службу по воспитанию новых поколений американских военных. (*Thank you. Thank you so much. Thank you. Thank you, General Caslen, for that introduction. General Trainor, General Clarke, faculty and staff at West Point, you have been outstanding stewards of this proud institution and outstanding mentors for the newest officers in the United States Army.*) Далее оратор отдает должное присутствующим высоким чинам армейского руководства (*I'd like to acknowledge the Army's leadership*; здесь и далее выделено автором. — С. И.) и выпускникам, которые уже вскоре приступят к боевой службе. Вот тут-то, как видно из приведенного выше примера, впервые и появляется английское слово *leadership*, которое демонстрирует свои полисемантические свойства, ибо в данном случае оно выступает в значении «the leaders of an organization, country» [LingvoX3ME], т. е. речь идет о руководителях учебного заведения. Далее следует положенная по ритуалу данного жанра шутка, следом оратор переходит к истории своих выступлений в этой академии и связывает свое предыдущее появление на выпуске 2009 г. с международной обстановкой, характерной для того времени. И вновь лексема *leadership* появляется в речи президента: сначала в том же значении, что и выше (*Our counterterrorism efforts were focused on al-Qaida's core leadership — those who had carried out the 9/11 attacks.* / Сначала наши контртеррористические усилия сосредоточились на **ключевых фигурах** (руководстве) Аль-Каиды — тех, кто воплощал в жизнь атаки 9 сентября). Однако далее, когда оратор переходит к характеристике современного положения Америки, слово *leadership* употребляется уже в другом значении. Более того, употребленное именно в этом значении, оно является концептуальным, т. е. текстообразующим в плане выражения основной мысли: Барак Обама раскрывает четыре аспекта, по которым Америка должна осуществлять свое лидерство, играть свою, ключевую роль (*leadership*). Собственно, раскрытие этих четырех аспектов *leadership* и составляет основное «тело» речи. Вот тут и хотелось бы остановиться и проанализировать английскую лексему и, как представляется, одноименный концепт, чтобы раскрыть понятие, ставшее ключевым

для внешнеполитического американского дискурса самого последнего времени.

Анализ концепта «LEADERSHIP» следует начать с его понятийной составляющей как образующей ядро концепта. Понятийная составляющая изучаемого концепта восходит к совокупности всех значений морфемы *lead*. В свою очередь, данная морфема представлена в глаголе *lead*, существительном *lead*, а также в совокупности с суффиксами в существительном *leadership*, прилагательном *leading*, отглагольном существительном *leading*, существительном, обозначающем деятеля, *leader*.

Начать анализ хотелось бы с определения самой лексемы *leadership* и однокоренных с ней лексем *lead* (глагол) и *leader*. По данным Оксфордского словаря американского варианта английского языка, *leadership* определяется как *the action of leading a group of people or an organization different styles of leadership* ■ *the state or position of being a leader* **the leadership of the party** ■ [treated as sing. or pl.] *the leaders of an organization, country, etc* **a change of leadership had become desirable** ■ *the ability to lead skillfully* **they hailed DuPont's courage and leadership** [Lingvo X3 ME]. Таким образом, данная лексема означает либо организаторские качества, либо сам процесс руководства, либо руководителей — тех, кто возглавляет ту или иную организацию. Примерно так же определяет данную лексему и Cambridge International Dictionary of English, выделяя такие значения, как *the set of characteristics that make a good leader* (ср. рус. «организаторский талант, организаторские качества»), *the position of being the leader* (ср. рус. «руководство») и *the person or persons who lead* (ср. рус. «руководитель») [CIDE 1995: 804].

Однако наблюдения над практикой использования лексемы *leadership* в американском политическом дискурсе дают все основания заключить, что понятийная область, которая покрывается данным словом, значительно шире. Для полноты анализа необходимо обратиться к семантической структуре глагола, от которого образовано изучаемое существительное. При рассмотрении денотативной структуры глагола *lead*, представленной в Оксфордском словаре американского варианта английского языка, важно обратить внимание на следующие значения: [trans.] 1) *cause (a person or animal) to go with one by holding them by the hand, a halter, a rope, etc., while moving forward* **she emerged leading a bay horse** (буквально «**вести за руку или на веревочке**») ■ *show (someone or something) the way to a destina-*

tion by going in front of or beside them **she stood up and led her friend to the door** (вести за собой, показывать дорогу, направлять) ■ be a reason or motive for (someone) **nothing that I have read about the case leads me to the conclusion that anything untoward happened | a fascination for art led him to start a collection of paintings** (направлять мысли); 2) [trans.] be in charge or command of a **military delegation was led by the Chief of Staff** (отвечать за что-л., нести ответственность) ■ organize and direct the **conference included sessions led by people with personal knowledge of the area** (организовывать и направлять) ■ set (a process) in motion **they are waiting for an expansion of world trade to lead a recovery** (запустить в движение) ■ be the principal player of (a group of musicians) **since the forties he has led his own big bands** (быть главным игроком в музыкальной группе); 3) be superior to (competitors or colleagues) **there will be specific areas or skills in which other nations lead the world** (иметь превосходство) ■ have the first place in (a competition); be ahead of (competitors) **the veteran jockey was leading the field** (быть впереди всех, доминировать) ■ [intrans.] have the advantage in a race or game **Dallas was fortunate to lead 85—72** (иметь преимущество); 4) have or experience (a particular way of life) **she's led a completely sheltered life**; 5) initiate (action in a game or contest; **униципировать, повести игру, уграть первым**), in particular ■ (in card games) **play** (the first card) in a trick or round of play [Lingvo X3 ME]. И, наконец, лексема **leading**, которая может выступать как прилагательное или отглагольное существительное: 1. [attrib.] **most important a number of leading politicians** (ведущий, значимый, важный); 2. **leading guidance or leadership, esp. in a spiritual context** ■ **an instance of such guidance the leadings of the Holy Spirit** [Lingvo X3 ME].

Таким образом, данный концепт покрывает понятийную область с потенциально широким спектром оттенков значения лидерства по-американски: это руководство чем-либо, усилия по организации, ведущая роль, важность, преимущество, превосходство, господство, доминирование. Неудивительно, что при переводе на русский язык лексема *leadership* предполагает использование таких русских эквивалентов, как 1) руководство, водительство, руководящая роль: *collective leadership* — коллективное руководство, *party leadership* — партийное руководство, *personal leadership* — единоличное руководство; 2) превосходство: *to assume /*

take on / take over the leadership — выходить в лидеры, получать превосходство, *to exercise leadership in smth.* — лидировать, иметь превосходство в чем-либо, *to relinquish/surrender leadership* — уступать лидерство; 3) лидеры, руководители, руководство [Lingvo X3 ME].

Еще более продуктивным для определения понятийной сферы изучаемого концепта оказывается словарь «Cambridge International Dictionary of English», в котором глагол *lead* определяется при помощи архисем «CONTROL», «SHOW WAY», «BEING IN FRONT», «DIRECT», «INFLUENCE» [CIDE 1995: 803—804]. Выделенные значения позволяют увеличить список русских эквивалентов лексемы *leadership*, расширив его за счет таких единиц, как *контроль, влияние, придание направления*. Прояснить ситуацию помогает и словарь «Macmillan English Dictionary». По его данным, семантическую структуру глагола *lead* дополняет значение «be winning (выигрывать)», к значениям существительного *lead* можно добавить «first position (первенство)» [MED 2002: 807—808]. Этот же словарь в словарной статье *leadership* предлагает словосочетание *leadership struggle/contest/challenge* [MED 2002: 808], что позволяет говорить о еще одном значении данной лексемы, которая может передаваться русским эквивалентом *власть* (соответственно *борьба за власть, соперничество за власть; вызов, брошенный за то, чтобы получить власть*). «Longman Language Activator» позволяет добавить еще одно значение глагола *lead* — «be the manager (ср. русское *управленец*) of a company in group of workers» [LA 1994: 745] Таким образом, концепт «LEADERSHIP» покрывает широкую ментальную область, включающую такие свойства, как важность, контроль, руководство, ответственность, водительство, управление, первенство, доминирование, власть, господство, преимущество, влияние и влияние.

В свете данных дефинитивного анализа необходимо обратиться непосредственно к речевой практике, которая позволит окончательно структурировать рассматриваемый концепт и уточнить его наполнение в современном американском политическом дискурсе.

Американские аналитики недаром мгновенно отреагировали на ключевое для речи в Уэст-Пойнте слово *leadership*. Оно обращает на себя внимание по многим причинам. Первое, что при восприятии текста бросается в глаза или определяется аудиально, — это его частотность: на 5068 слов, составляющих данную речь, морфема *lead* исполь-

зуется 31 раз, будучи включена в состав разных слов: *lead* (гл.), *lead* (сущ.), *leader*, *leadership*, *leading* (прил.), *leading* (сущ.).

Второе: концепт *leadership* составляет содержательное ядро данной речи. Концепт разворачивается в речи Обамы и получает полное объяснение со стороны оратора. Президент пункт за пунктом выделяет четыре стороны *leadership*. Первый аспект составляет заинтересованность США в поддержании мира и свободы за пределами своих границ (*we have an interest in pursuing peace and freedom beyond our borders*). Президент поясняет данный тезис и декларирует, что США будут использовать военную силу и в одностороннем порядке, если того потребуют ключевые интересы Америки, как например: необходимость отражения угрозы американским гражданам, устранения риска для их жизни, поддержание безопасности союзников (*The United States will use military force, unilaterally if necessary, when our core interests demand it — when our people are threatened; when our livelihoods are at stake; when the security of our allies is in danger*). Второй аспект предполагает не проведение военных операций в каждой стране, которая пригравает террористов, а распространение влияния на них через страны-партнеры (*but a strategy that involves invading every country that harbors terrorist networks is naive and unsustainable. I believe we must shift our counterterrorism strategy, drawing on the successes and shortcomings of our experience in Iraq and Afghanistan, to more effectively partner with countries where terrorist networks seek a foothold*). Третий аспект означает дальнейшие усилия США по укреплению и наведению порядка в мире (*a third aspect of American leadership, and that is our effort to strengthen and enforce international order*). Наконец, четвертым аспектом лидерства для Обамы являются действия США, которые вызваны необходимостью защитить человеческое достоинство (*our willingness to act on behalf of human dignity*). Это означает, по словам американского президента, расширение демократии, создание открытых рынков, защиту прав человека (*America's support for democracy and human rights; Economies based on free and open markets*).

Контекстуальный анализ, выделение рекуррентной лексики, ключевых слов, контекстуальных синонимов позволяют выявить доминантные узлы внутри концептуальной структуры «LEADERSHIP».

1.Первенствующее, главенствующее положение. Этот смысл в речи президента раскрывается при характеристике современного состояния Америки: *our economy re-*

*mains the most dynamic on Earth, our businesses the most innovative / наша экономика остается самой динамичной на Земле, наши предприятия самые инновационные; Each year, we grow more energy independent / С каждым годом мы становимся все более энергетически независимы; From Europe to Asia, we are the hub of alliances unrivaled in the history of nations / От Европы до Азии мы представляем собой центральное звено альянсов — звено, которому не было равных. Как явствует из примеров, идея первенства выражается и грамматическими, и лексическими средствами: здесь и превосходная степень прилагательных (*the most dynamic, the most innovative*) при описании экономики США как самой динамичной и самой инновационной, сравнительная степень прилагательного (*more energy independent*) вкупе с глаголом *grow*, означающим увеличение данного качества, лексические единицы *hub* (ср. рус. центр, основа, хаб) и *unrivaled* (ср. рус. не превзойденный, не имеющий соперников).*

2.Передовая линия. Данный смысл порождается за счет контекстуального синонима глагола *lead* в одном из его значений: *America is out front in putting together a global framework to preserve our planet / Америка занимает передовые позиции в общемировых усилиях по сохранению нашей планеты.*

3.Помощь/поддержка. Текст в изобилии содержит лексические единицы *assistance, help, support*, представляющие собой языковые синонимы, выражающие эту идею: *foreign assistance / иностранная помощь; We're helping farmers get their products to market to feed populations / Мы помогаем фермерам доставить их продукцию на рынок, чтобы кормить население; We're now supporting reform / Мы поддерживаем реформу; in helping those who fight for the right of all Syrians to choose their own future / помогая тем, кто сражается за право всех сирийцев выбрать свое будущее.*

4.Руководство/управление. Данные смыслы выражаются при помощи разнообразных лексических средств (*mobilize, coax, support, work with, coordinate; press for smth, have smb do*, например: *we must mobilize allies and partners to take collective action / мы должны мобилизовать союзников и партнеров с тем, чтобы предпринять совместные действия; we have to work with others because collective action in these circumstances is more likely to succeed / нам надо работать с другими, потому что совместные действия при таких обстоятельствах будут успешными; We're now supporting reform and badly needed national reconciliation*

through assistance and investment, through **coaxing** and, at times, public criticism / Мы сейчас **способствуем проведению** реформы и так остро необходимого национального примирения посредством помощи и инвестиций, **посредством принуждения**, а иногда применяя общественное порицание; we will continue **to coordinate** with our friends and allies in Europe and the Arab World **to push for** a political resolution of this crisis / мы **продолжим координировать усилия** с нашими друзьями и союзниками в Европе и арабском мире, чтобы **продвигаться к** политическому разрешению кризиса; we can and will **persistently press for** reforms that the Egyptian people have demanded / мы можем и будем **настойчиво принуждать** к реформам, которые требовали египетские граждане), грамматических средств в виде каузальных конструкций, которые в английском языке передают значение выполнения действия под воздействием другого субъекта: **having other nations maintain order** in their own neighborhoods lessens the need for us to put our own troops in harm's way / когда под нашим руководством другие страны поддерживают порядок в своих регионах, это уменьшает необходимость, чтобы мы ставили заслон злу в виде наших войск.

5. Контроль. Не так просто отграничить смыслы «руководство/управление» и «контроль»: безусловно, они очень тесно связаны, тем не менее в определенных контекстах тот или иной смысл может получить приоритетное выражение, например: *The military that you have joined is, and always will be, the backbone of that leadership. But U. S. military action cannot be the only — or even primary — component of our leadership in every instance. Just because we have the best hammer does not mean that every problem is a nail* / Военные силы, в которые вы влились, есть и всегда будут становым хребтом этого лидерства. Но военные действия США не могут быть единственным — или, вернее, главным — компонентом нашего лидерства в каждом случае. Хотя бы потому, что когда у нас есть самый лучший молоток, это не значит, что каждая наша проблема — это гвоздь.

6. Доминирование/превосходство. Идея доминирования превалирует, так как проистекает из всех остальных и с ними неразрывно связана, особенно с такими смыслами, как «руководство/ управление» и «контроль». Однако представляется, что эта идея хорошо передается в следующем пассаже: *International opinion matters, but America should never ask permission to protect our people, our*

homeland or our way of life / Международное мнение имеет значение, но Америке никогда не следует спрашивать разрешения на то, чтобы защищать своих людей, свою родину или наш образ жизни.

7. Исключительность — идея, рядоположенная с предыдущей (доминирование) и вместе с тем неоднократно эксплицитно выраженная как самостоятельный смысл. Объективация осуществляется при помощи лексических единиц соответствующей семантики *exceptionalism* (*I believe in American **exceptionalism** with every fiber of my being* / Я верю в американскую **исключительность** каждой фиброй своей души), *indispensable* вместе с лексико-грамматическими средствами в виде определенного артикля и числительного *one*, что означает *та самая, единственная* (*So the United States is and remains the **one indispensable** nation* / Итак, США есть и будут единственной незаменимой страной); структурной схемы предложения, выражающей пропозицию «никто, кроме нас» (*America must always lead on the world stage. **If we don't, no one else will*** / Америка всегда должна лидировать на мировой сцене. **Если не мы, никто другой этого не сделает**).

8. Власть/сила. Прежде всего необходимо отметить, что второй по значимости для анализируемой речи является идея силы. Это подкрепляется довольно высокой частотностью использования единиц, представляющих собой парадигму лексической номинации *strength — strengthen — strong — strongly* (всего 11 единиц). Кроме того, с этой целью используются и синонимические лексические единицы *power* и *force*, выражающие как идею моральной власти, так и физической силы, а также глаголы со значением «усиливать» — *strengthen, empower, enforce: you should expect every civilian leader — and especially your commander in chief — to be clear about how that awesome **power** should be used* / Предполагается, что каждый гражданский руководитель, а особенно главнокомандующий, должен очень четко представлять, как использовать эту огромную власть; *The United States will use **military force*** / США будут использовать военную **силу**; *our effort to strengthen and **enforce** international order* / наши усилия по укреплению и **наведению** международного порядка. Весьма симптоматично, что в одной из аналитических статей основанием внешнеполитической политики Обамы называют военную мощь (*military might*), CNN называет такой подход к политике *might and right* (кто сильнее, тот и прав — формулировка действующего в политике принципа с

позиции силы): *President Barack Obama outlined a foreign policy vision of “might doing right,” arguing that modern pragmatism requires both a strong military and the diplomatic tools of alliances and sanctions to exert influence and provide global leadership* / Президент Барак Обама представил видение внешней политики по принципу „кто сильнее, тот и прав“, ссылаясь на то, что современный прагматизм требует и сильную армию, и дипломатические инструменты альянсов и санкций, чтобы распространять влияние и обеспечивать **мировое лидерство** (исходя из концептуально-содержательной информации текста, можно воспринять как «господство»).

9. Влияние. Данная идея выражена текстовыми средствами в том фрагменте текста (второй аспект понятия *leadership* в интерпретации президента), который посвящен необходимости распространять свое влияние через страны-партнеры. Кроме того, для выражения этой идеи используются лексические средства (*Our ability to shape world opinion helped isolate Russia right away* / Наша способность **формировать мировое мнение** помогла сразу же изолировать Россию; *this mobilization of world opinion and international institutions* / эта мобилизация мирового мнения и международных институтов; *we have to develop a strategy that matches this diffuse threat, one that expands our reach without sending forces* / нам надо разработать стратегию, которая соответствует этой многоликой угрозе, стратегию, которая расширит наше влияние, и не нужно будет посылать военные силы), а также синтаксические ресурсы в виде структурной схемы предложения, акцентирующей причинно-следственные связи (**Because of American leadership**, the world immediately condemned Russian actions, Europe and the G-7 joined with us to impose sanctions, NATO reinforced our commitment to Eastern European allies, the IMF is helping to stabilize Ukraine’s economy, OSCE monitors brought the eyes of the world to unstable parts of Ukraine / **Вследствие лидирующего положения Америки** мир немедленно осудил действия России, Европа и G-7 присоединились к нам и наложили санкции, НАТО подтвердило наши обязательства перед восточноевропейскими союзниками, МВФ помогает стабилизировать украинскую экономику, наблюдатели ОБСЕ обратили внимание мира на нестабильные регионы Украины).

10. Инициатива. Использование лексических единиц *initiative* и *leadership* в качестве контекстуальных синонимов подчеркивается

в одном из предложений синтаксической функцией словосочетания *American leadership* — оно является приложением к *initiative*, чем оба понятия уравниваются, поскольку одно объясняется через другое: *Thanks to the enormous courage of the people in that country, and because we took the diplomatic initiative, American leadership, we have seen political reforms opening a once-closed society* / Благодаря огромному мужеству народа той страны, а также потому что мы взяли **инициативу** в дипломатическом смысле, американское руководство/лидерство, мы увидели, как вследствие реформ становится открытым когда-то закрытое общество.

11. Ответственность. Этот смысл порождается в результате выделения концептуально-содержательной информации текста. Вслед за И. Р. Гальпериным под содержательно-концептуальной информацией мы понимаем сплав замысла автора и его содержательной интерпретации [Гальперин 2005: 28]. Поскольку содержательно-концептуальная информация не имеет четких эксплицитных маркеров [Гальперин 2005: 28], соответственно данный смысл опирается на смысл предложения в целом: *The question we face, the question each of you will face, is not whether America will lead but how we will lead* / Вопрос, который стоит перед нами, который стоит перед каждым из нас, состоит не в том, что Америка будет лидировать / первой, но как мы это будем делать.

12. Миссия. Порождение данного смысла связано с соответствующими лексическими и лексико-грамматическими единицами, как например, *task, to be called on, must*. Последний как модальный глагол выражает значение морального долженствования: *It will be your generation’s task to respond to this new world* / **Задачей** вашего поколения будет **отвечать** на вызовы этого нового мира; *we are called on to respond to refugee flows and natural disasters* / мы **призваны отвечать** на проблемы, связанные с потоками беженцев и природными катаклизмами; *America must always lead on the world stage. If we don’t, no one else will* / Америка всегда **должна быть первой** на мировой арене. Если мы этого не сделаем, никто этого не сделает. Кроме того, данная идея может получать различную степень выраженности на уровне содержательно-концептуальной информации текста: *We don’t have a choice to ignore what happens beyond our borders* / Мы не можем (дословно: у нас нет выбора) игнорировать то, что происходит за пределами наших границ; *we have a real stake ... in making sure our children and*

*our grandchildren grow up in a world where schoolgirls are not kidnapped / Мы **кровно заинтересованы** в том, чтобы наши дети и внуки росли в мире, в котором не похищают девочек.*

13. Харизматичность/привлекательность. Этот смысл выражается на уровне как содержательно-концептуальной, так и содержательно-фактуальной информации. Содержательно-фактуальная информация предполагает сведения бытийного характера [Гальперин 2005: 28] и, как известно, обычно эксплицирована. В рассматриваемом случае на объективацию данного смысла направлен целый ряд лексико-грамматических средств: *America continues to **attract striving** immigrants. The values of our founding inspire leaders in parliaments and new movements in public squares around the globe. ...it is America that the world **looks to for** help. So the United States is and remains **the one indispensable nation** / Америка продолжает **привлекать устремившихся** к ней иммигрантов. Ценности, лежащие в основе нашего государства, **воодушевляют** лидеров парламентов и новых гражданских движений по всему миру. ...именно на Америку смотрят люди, когда ищут помощи. Итак, США есть и будут единственной **незаменимой** страной.*

14. Решимость. Данный смысл актуализируется в разных частях текста, даже в тех фрагментах, в которых президент отвечает своим оппонентам — политическим ястребам: *A different view, from interventionists from the left and right, says ... that America's **willingness** to apply force around the world is the ultimate safeguard against chaos / другой взгляд, со стороны поборников интервенционистского подхода, состоит в том, что **готовность и желание** Америки использовать силу по всему миру есть единственная гарантия против хаоса.*

15. Стратегичность/ планирование/ целеустремленность. На уровне содержательно-фактуальной информации этот смысл отражен в раскрытии плана сотрудничества со странами-партнерами, направленного на борьбу с терроризмом, стоимостью в 5 миллиардов долларов, а также передается посредством реализации значений ряда лексических единиц: *we have an interest in **pursuing** peace and freedom beyond our borders / мы заинтересованы в **распространении** мира и свободы за нашими границами; let me spend the rest of my time describing my **vision** for how the United States of America, and our military, should lead in the years to come, for you will be part of that leadership / Позвольте мне в оставшееся время пред-*

*ставить мое **видение** того, как США и наши военные должны осуществлять свое лидерство в будущем, ибо вы будете частью того лидерства.*

В качестве комментария к приведенным примерам хотелось бы подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, из-за ограниченности объема публикации выделенные лексические единицы оказались в рамках статьи без подкрепляющих рассуждения автора словарных дефиниций. И во-вторых, в силу особенностей семантики, а именно полисемии лексических, а порою и грамматических единиц, нередко довольно сложно отграничивать реализуемые в том или ином контексте смыслы. Тем не менее представленные выводы сделаны с учетом как словарных дефиниций изучаемых лексем, так и содержательно-концептуальной и содержательно-фактуальной информации текста.

Как уже было указано при анализе смысловых узлов концепта «LEADERSHIP», кроме слов с корнем *lead-*, текст речи президента Обамы изобилует однокоренными словами *strong, strength, strengthen*, что представляется весьма симптоматичным обстоятельством. Более того, слова ряда *strong — strength — strengthen* намеренно используются кластерно, т. е. образуют фрагмент текста с высокой повторяемостью данного слова: *For unlike other nations, America is not afraid of individual empowerment. We are **strengthened** by it. We're **strengthened** by civil society. We're **strengthened** by a free press. We're **strengthened** by striving entrepreneurs and small businesses. We're **strengthened** by educational exchange and opportunity for all people and women and girls. That's who we are / В отличие от других стран, Америка не боится **усиления** личности. Мы **становимся сильнее/крепнее** благодаря этому. Мы **становимся сильнее** благодаря гражданскому обществу. Мы **становимся сильнее** благодаря свободной прессе. Мы **становимся сильнее** благодаря дерзающим предпринимателям и малому бизнесу. Мы **становимся сильнее** благодаря обмену в сфере образования и предоставлению возможностей всем людям, включая женщин и девочек. Вот кто мы такие. Парадигма лексической номинации *strong — strength — strengthen* подкрепляется синонимичными словами (*force, enforce, power, empower, empowerment*) и контрастирует с антонимами (*weak, weakness, retreat*). В результате две содержательные доминанты текста — *leadership* и *strength* — сливаются в сознании реципиента в единое целое и составляют содержательно-концептуальную информацию текста. Возможно, они*

также составляют единое ментальное пространство, и *strength* является квалификацией *leadership* — своеобразной оборотной стороной медали. Собственно, это выражено в самой речи Обамы: *The point is, this is American leadership. This is American strength / Суть в том, что это и есть лидерство Америки. Это и есть сила Америки*. Помимо этих прямых квалификаций, Обама неоднократно проводит противопоставление *leadership* с идеей слабости: *That's not leadership. That's retreat. That's not strength; that's weakness / Это не лидерство. Это отступление. Это не сила; это слабость*.

В этом плане довольно любопытно интервью американского политического советника при украинском правительстве Тайлора Харбора (Tyler Harbor), которое он дал телевизионному каналу «Fox News» по поводу сбитою 17 июля 2014 г. в небе Украины малайзийского самолета. Говоря о роли США в мире и их возможностях по наведению порядка в связи с этой драматической ситуацией, политтехнолог заявил: *We need to be a leader. We used to be a leader. This country used to be a world power. And this president has decided that that is no longer true. And someone had to step up. And I would hope and pray that it is our country, that we step up / Нам нужно быть лидерами. Мы же были лидерами раньше. Эта страна была же великой мировой державой. Но этот президент решил, что это уже не так. И я надеюсь и молю Бога, чтобы это была наша страна, что мы выступим* (*в защиту интересов Украины) [Fox News Video]. Характерно, что связка понятий *leadership*, *strength* и *weakness* повторяется в выступлениях многих политиков, когда они размышляют о роли Америки. Более того, в ряде статей декларируется, что президент Обама не открыл ничего нового, а лишь продекларировал то, что хорошо известно. Значит, концепт «LEADERSHIP» именно так интерпретируется языковым сознанием американца.

Третье, что необходимо отметить, это квалификация лидерства, которая производится при помощи прилагательных, определяющих масштаб влияния, господства, лидерства. Слово *leadership* получает атрибуты *American*, *global*. Анализ фрагмента, где оба эти атрибута сопоставлены, дает возможность понять и заложенные в *leadership* смыслы: *global leadership requires us to see the world as it is. American leadership also requires us to see the world as it should be / лидерство в мире требует от нас, чтобы мы видели мир таким, каков он есть. Американское лидерство* (по смыс-

лу — *превосходство/доминирование*) *требует от нас видеть мир таким, каким он должен быть*. В этом плане обращает на себя внимание словосочетание *to lead the world*, что и означает *вести мир за собой* и предполагает все выделенные выше смыслы. Именно так звучит в заключительной части выступления напутствие Барака Обамы выпускникам военной академии: *And you will embody what it means for America to lead the world / А вы будете воплощать то, что для Америки означает вести мир за собой*.

В качестве примечания нужно подчеркнуть, что речь Барака Обамы перед выпускниками академии Уэст-Пойнт встретила прямо противоположную реакцию в политическом мире Америки. Его сторонники подтверждают, что президент верно понимает, что значит лидерство Америки [CNN; WP; WSJ]. Напротив, ожесточенная критика оппонентов сводится к упрекам в том, что президент и его администрация в недостаточной степени проявляют качество, которое именуется *leadership*, демонстрируя прямо противоположные свойства: бездействие, нерешительность, слабость, безвольность, пассивность, отсутствие планирования, стратегии и цели [FoxNews; HP; NYMag; Politico; Slate; USNews]. Часть аналитиков расценивают речь Обамы как взвешенную и подчеркивают, что президент представил мудрое понимание американского лидерства, не прибавив к нему ничего нового [CSM; USN&WR; WT]. Все это с убедительностью доказывает, что в понимании данного концепта как содержащего все перечисленные выше смысловые узлы, или, иначе, доминанты, члены американского лингвокультурного сообщества не расходятся. А значит, при всей амбивалентности слова *leadership*, концепт, вербализованный им, предполагает ментальную структуру, отражающую идею лидерства как первенства, граничащего с исключительностью (в смысле избранности); руководства, которое переходит в контроль, доминирование и господство; миссионерства наряду с ответственностью, инициативностью, решимостью и целеустремленностью, готовностью к воплощению планов; влияния, подкрепленного в том числе властью и силой. Это то, как Америка позиционирует себя на международной арене, это то, чего ждут американцы от своих политиков, это то, что должен постоянно демонстрировать президент этой страны.

Данное исследование представляет один из возможных подходов к анализу изучаемой ментальной единицы. За рамками статьи, в силу ограниченности объема пуб-

ликация, остались еще две составляющие концепта — образная и ценностная, — которые акцентируют лингвокультурологические свойства данного образования. Понятийная часть концепта также может быть подвергнута дальнейшему анализу с привлечением полевых подходов с выделением ядра, центра и периферии. Безусловно, анализ данного концепта может быть дополнен и в связи с тем, что «LEADERSHIP» представляет собой мифологему и идеологему американского политического дискурса. Но даже предпринятый анализ понятийной части концепта на основе представления смысловых узлов позволяет моделировать данное ментальное образование и проникнуть в ценностное пространство членов американского лингвокультурного сообщества.

ИСТОЧНИКИ

1. *Lingvo X3 ME* = ABBYY Lingo X3 [Электронный ресурс] / © 2008 ABBYY. ABBYY, Lingvo, Lingvo Tutor.
2. *CIDE* = Cambridge International Dictionary of English. — Cambridge Univ. Press, 1995.
3. *LA* = Longman Language Activator. — Longman Group UK Limited, 1994.
4. *MED* = Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. — Macmillan Publ. Ltd., 2002.
5. *President Obama's commencement address at West Point*. URL: http://www.washingtonpost.com/politics/full-text-of-president-obamas-commencement-address-at-west-point/2014/05/28/cfbcdcaae670-11e3-afc6-a1dd9407abcf_story.html (дата обращения: 17.07.2014).
6. *CNN* = Obama outlines foreign policy vision of "might and right". URL: <http://edition.cnn.com/2014/05/28/politics/obama-west-point-foreign-policy/> (дата обращения: 17.07.2014).
7. *CSM* = Obama's West Point speech; Keystone pipeline; Chinese cyberspying. URL: <http://www.csmonitor.com/Commentary/Global-Newsstand/2014/0626/Obama-s-West-Point-speech-Keystone-pipeline-Chinese-cyberspying> (дата обращения: 17.07.2014).
8. *DM* = Hillary's \$2,777 PER MINUTE. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2694937/Hillarys-2-777-PER-MINUTE-speaking-contracts-shut-reporters-limit-picture-taking-demand-presidential-teleprompter-let-cancel-reason-whatsoever.html> (дата обращения: 16.07.2014).
9. *Fox News* = Krauthammer: Obama's West Point speech was "literally pointless". URL: <http://www.foxnews.com/politics/2014/05/28/krauthammer-obamas-west-point-speech-was-literally-pointless/> (дата обращения: 16.07.2014).
10. *Fox News Video* = Ukrain 'back on the front burner' after downing of plane. URL: http://video.foxnews.com/v/3680779097001/ukraine-back-on-the-front-burner-after-downing-of-plane/?playlist_id=922779230001#sp=show-clips (дата обращения: 18.07.2014).
11. *HP* = Obama Seeks to Recast the Post-War Foreign Policy. URL: http://www.huffingtonpost.com/2014/05/28/obama-foreign-policy_n_5403753.html (дата обращения: 17.07.2014).
12. *NYMag* = Harsh Reactions to Obama's West Point Speech. URL: <http://nymag.com/daily/intelligencer/2014/05/7-harsh-reactions-to-obamas-west-point-speech.html> (дата обращения: 17.07.2014).
13. *Politico* = Edit pages ran Obama speech. URL: <http://www.politico.com/story/2014/05/obama-foreign-policy-speech-west-point-criticized-new-york-times-wall-street-journal-washington-post-107209.html> (дата обращения: 17.07.2014).
14. *Slate* = Obama Lays Siege to His Critics. URL: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/war_stories/2014/05/barack_obama_s_west_point_speech_the_president_responds_to_his_foreign_policy.html (дата обращения: 17.07.2014).
15. *Time* = Obama's Foreign Policy Speech Sounds Familiar. URL: <http://time.com/124345/obama-west-point-speech/> (дата обращения: 17.07.2014).
16. *USNews* = Obama's Speech: Where Is the Plan? URL: <http://www.usnews.com/news/articles/2014/05/28/obamas-west-point-speech-missing-specific-direction-on-foreign-policy> (дата обращения: 16.07.2014).
17. *USN&WR* = 4 Takeaways From Obama's West Point Speech. URL: <http://www.usnews.com/opinion/blogs/world-report/2014/05/29/4-foreign-policy-takeaways-from-obamas-west-point-speech> (дата обращения: 17.07.2014).
18. *WP* = Taking American leadership back from political elites. URL: <http://www.washingtonpost.com/blogs/on-leadership/wp/2014/06/18/taking-american-leadership-back-from-political-elites/> (дата обращения: 16.07.2014).
19. *WSJ* = A Roadmap for Restoring American Leadership. URL: <http://online.wsj.com/articles/james-baker-a-roadmap-for-restoring-american-leadership-1403136719> (дата обращения: 17.07.2014).
20. *WT* = Obama receives standing ovation from less than 25 % of West Point cadets. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2014/may/28/obama-receives-standing-ovation-introduction-less/> (дата обращения: 17.07.2014).

ЛИТЕРАТУРА

21. *Бендас Т. В.* Гендерная психология лидерства : моногр. — Оренбург : ИПК ОГУ, 2000.
22. *Гальперин И. П.* Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 3-е, стереотип. — М. : Едиториал УРСС, 2005.
23. *Иванова С. В.* Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Уфа, 2003.
24. *Казаков Д. Л.* Организационное лидерство как проблема социологии управления : автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Н. Новгород, 2002.
25. *Калиев Т. Б.* Политическое лидерство как институт политической власти: современное состояние и перспективы развития : автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Пятигорск, 2013.
26. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М., 1996.

27. Кубрякова Е. С. Лексикон как компонент языковой способности человека // Английский лексикон в лингвистическом и культурологическом пространстве : сб. науч. тр. — М. : МГЛУ, 1992. Вып. 400. С. 4—12.

28. Мень М. А. Лидерство как организационный феномен: взаимосвязь социальных и личностных аспектов (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — М., 2013.

29. Новикова С. А. Развитие лидерских качеств будущих менеджеров в процессе профессиональной подготовки : автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Магнитогорск, 2009.

30. Печенкин П. А. Феномен лидерства: социокультурный концепт и актуальные культурные модели : автореф. дис. ... канд. культурологии. — Челябинск, 2006.

31. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта : учеб. пособие. — М. : Флинта, 2011.

32. Хананашивили Н. Анализ концепт-блока «Лидерство. Что это такое?» и его альтернатива. 2002. URL: http://www.nasbor.ru/Vuistuplenija/Nodar/SocPolitics/doc/017_2002_08.Lidership_Concept.doc (дата обращения: 16.07.2014).

33. *Conceptual Analysis* of Node Application Program of Semantic Reasoning Network [Sensors & Transducers (Canada)]. URL: <http://www.tmcnet.com/usubmit/2014/04/22/7789162.htm> (дата обращения: 16.07.2014).

34. Ganter B. Formal Concept Analysis: Methods and Applications in Computer Science / adapted and extended by Gerd Stumme. URL: http://www.kde.cs.unikassel.de/lehre/ss2005/formale_begriffsanalyse/skript/chapter1_2.pdf (дата обращения: 16.07.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Й. Сипко J. Sipko

Прешов, Словакия Prešov, Slovakia

СОБЫТИЯ В КРЫМУ В НАЧАЛЕ 2014 Г.
В РУССКО-СЛОВАЦКИХ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ АССОЦИАЦИЯХ

Аннотация. С позиций лингвокультурологии исследуется отражение в словацких СМИ политического кризиса на Украине. В центре внимания оказывается аргументация, основанная на ассоциативных связях с целым рядом исторических, политических, культурных и других реалий. Источником лингвистического материала служат не только публицистика, но и анекдоты. Характеризуются как общие для словацкой и русской языковых картин мира, так и специфически словацкие ассоциации.

Ключевые слова: лингвокультурология; ассоциативные связи; дискурс СМИ; Крым; языковая картина мира; словацкие СМИ.

Сведения об авторе: Сипко Йозеф, профессор, доктор, кандидат филологических наук, Философский факультет, Институт русистики, украинистики и славистики.

Место работы: Прешовский университет.

Контактная информация: 08005, Словакия, Прешов, Важечка 14.
e-mail: sipkojz@unipo.sk.

EVENTS IN CRIMEA IN EARLY 2014
IN RUSSIAN-SLOVAKIAN
LINGUOCULTURAL ASSOCIATIONS

Abstract. The article studies the coverage of the Ukrainian political crisis in Slovakian mass media from the point of view of linguoculturology. The article focuses on argumentation based on associations with a number of historical, political, cultural and other real events. Linguistic material for analysis was taken not only from newspapers but also from anecdotes. The article analyzes associations both common for Slovakian and Russian linguistic pictures of the world and specifically Slovakian ones.

Key words: linguoculturology; associations; mass media discourse; Crimea; linguistic picture of the world; Slovakian mass media.

About the author: Sipko Joseph, Professor, Doctor, Candidate of Philology, Faculty of Philosophy, Institute of the Russian, Ukrainian and Slavic Languages.

Place of employment: University of Presov.

1. ВВЕДЕНИЕ

После того как президент Украины Виктор Янукович в конце 2013 г. не подписал соглашение об ассоциативном членстве с ЕС, в Киеве и в некоторых других регионах Украины начали организовывать антиправительственные протесты, в результате которых погибло около 100 человек, а президент Янукович был вынужден уйти в отставку. К власти пришли новые люди, такие как А. Яценюк в роли премьер-министра, О. Турчинов в роли исполняющего обязанности президента, и др. Перед общественностью стали выступать и другие лица, которые откровенно декларировали прозападную политическую ориентацию. В особенности обратил на себя внимание чемпион мира по боксу В. Кличко, заявила о себе также бывшая премьер-министр и «звезда» Оранжевой революции 2004 г. Ю. Тимошенко, которая пришла на Майдан прямо из тюрьмы — «бороться за свободу независимой Украины». Стали распространяться противоречивые слухи о судьбе В. Януковича, вплоть до сообщений о его смерти. Но 10 марта 2014 г. он публично выступил в Ростове-на-Дону и назвал новых представителей верховной

власти Украины бандой, националистами и фашистами. Кстати, данный мотив — фашисты, фашистская хунта — в украинских разногласиях повторялся относительно часто (смотри ниже).

По сути дела, началось разделение Украины на прозападную и пророссийскую, и в этой обстановке жителям Словакии и других стран стало очень трудно ориентироваться в происходящем. Закономерно появление в СМИ комментариев многообразных исторических реалий, которые делают в той или иной степени ближе читателям украинскую тему. В непосредственной связи с ней обсуждался также крымский вопрос. Кульминация обсуждения данной темы наступила тогда, когда крымские власти откровенно заявили о своем намерении объявить референдум по вопросу вступления Крыма в Российскую Федерацию. Стало очевидным, что, поскольку среди проживающих в Крыму около 60 % приходится на русских, результаты референдума будут однозначно в пользу присоединения Крыма к России. Это и подтвердилось в день голосования, 16 марта 2014 г., которое было приурочено к 70-летию освобождения Крыма от фашистов.

2. СЛОВАКИЯ И КРЫМ В ИСТОРИЧЕСКИХ АССОЦИАЦИЯХ

Ежедневно в словацких СМИ стали появляться материалы, в которых относительно объективно обсуждалась социально-политическая обстановка в Крыму. Подчеркивался перевес русских, которые в своем большинстве выражали желание вернуться в состав России, поскольку это государство является, как показывали телерепортажи из Крыма, *наследником Советского Союза*.

Кроме регулярных репортажей и новостей о новейших событиях на Украине и в Крыму, на телевидении и в других словацких СМИ был представлен интереснейший объемный материал по **истории Крыма** с древних времен почти до наших дней. В Словакии первые, важные ассоциации с Крымом связаны с нашествием *крымских татар* на нашу территорию в Средние века. Представители этого народа на протяжении почти трех столетий нападали на наши земли, грабили и продавали в рабство в том числе наших предков. По некоторым данным, за тот период *крымские татары* продали в рабство около двух миллионов людей, главным образом из государств тогдашней Восточной и Центральной Европы. В словацком языке осталась историческая **лингвокультура** [Воробьев 1997], отражающая трагедию наших предков: *Tatári idú. — Татары нападают*.

Она и в наше время встречается в учебниках по истории Словакии, поскольку после падения и разорения Киева в 1240 г. монголы в апреле 1241 г. напали на Венгрию, в составе которой была и Словакия. Это было началом великих страданий населения, в особенности в южных регионах Словакии. К данной теме обращаются и современные авторы. В. Янцура, среди прочего, пишет: *Zničujúci pre dnešné územie Slovenska bol predovšetkým vpád Tatárov s Turkami pred 400 rokmi. Stredoveké kroniky prinášajú otrasné svedectvá o výčinoch krymských Tatárov. Všade všetko pálili, lúpili, ľudí zabíjali alebo odvádzali do otroctva. — Губительным было для сегодняшней территории Словакии прежде всего нашествие татар с турками 400 лет назад. Средневековые хроники приводят страшные свидетельства о злодеяниях крымских татар. Повсюду всё поджигали, грабили, убивали или забирали в плен и продавали в рабство людей* [Янцура 2014].

За этой трагической в истории Словакии страницей, связанной с ролью, которую сыграли в судьбе страны *крымские татары*, наступают времена, вызывающие более **положительные** исторические ассоциации.

В первую очередь это продиктовано тем, что Крым в 1783 г. при *Екатерине Великой* был присоединен к России, и сама императрица приехала в Крым. С этим связано возникновение известной русской лингвокультуры: *Práve vtedy vzniklo okrídlené slovné spojenie „potemkinovské dediny“.* — Именно тогда появилось известное крылатое выражение **„потемкинские деревни“** [Р. 8.3.2014].

В Крыму стали появляться, наряду с представителями других народов, и **словаки**, которые там продавали свои ремесленные изделия. В первую очередь это были текстильщики и прославившие Словакию во многих странах мира *дротару* — *drotári*.

Поскольку Крым в XIX в. стал популярным лечебным центром и местом отдыха, в нем побывали многие известные люди России — от царей и их родственников до русских писателей. В связи со Словакией интересным представляется лечение в Крыму известных русских писателей: *Koncom roku 1901 vycestoval na Krym Dušan Makovický, slovenský lekár a spisovateľ. Navštívil tam Antona Čechova, Maxima Gorkého, ale predovšetkým Leva Tolstého.* — В конце 1901 г. приехал в Крым **Душан Маковицкий**, словацкий врач и писатель. Навестил там **Антон Чехова**, **Максима Горького**, но прежде всего **Льва Толстого** [Р. 8.3.2014].

Душан Маковицкий является интереснейшей личностью с точки зрения русско-словацких отношений. Как известно, шесть последних лет он жил в Ясной Поляне в качестве личного врача *Л. Н. Толстого* и был тем человеком, который с ним ушел из Ясной Поляны осенью 1910 г. *Д. Маковицкий* является также автором объемного дневника о великом русском писателе и был одним из главных представителей *словацких толстоевцев*. В наше время именно этому факту посвящен памятник *Маковицкому* в словацком городе Ружомберок, находящемся под Высокими Татрами.

3. АССОЦИАЦИИ С ВОЕННЫМИ ГОДАМИ: БАНДЕРОВЦЫ И ФАШИЗМ

Особую роль играют в крымской истории **словацкие партизаны**, которые сражались в Крыму против фашизма. Первоначально это были солдаты словацкой «Рыхлой (быстрой) дивизии», которую послали воевать против СССР. Многие из солдат этой дивизии перешли на советскую сторону. Часть из них сражалась в рядах советских партизан в отдельных регионах Крыма. Численность словаков в рядах советских, в частности крымских, партизан в особенности увеличилась после Сталинградской битвы: *Už vtedy dezertovalo k partizánom na Kryme 200 až*

300 *slovenských vojakov*. — Уже тогда дезертировало к партизанам в Крыму 200—300 словацких солдат [P. 8.3.2014].

Некоторые из словацких партизан в Крыму погибли, и до наших дней за их могилами ухаживают местные жители. У других словацких солдат и офицеров судьба сложилась более счастливо. Командир одного из партизанских отрядов словацкий офицер Ю. Жак после тяжелого ранения попал в больницу в Краснодаре: *Žak sa spoznal v nemocnici so zdravotnou sestrou Ninou, bola z toho láska a po vojne manželstvo*. — Жак познакомился с медсестрой Ниной, между ними возникла любовь, а после войны их связал брак [P. 8.3.2014].

Интересной можно считать и попытку некоторых чешских историков навестить Одессу, где во время войны сражались против фашизма вместе с советскими партизанами в основном словаки. В подобных оценках чувствовалась определенная ностальгия по советским временам. В числе других материалов в словацких СМИ были показаны плакаты из Крыма, призывающие к референдуму, на которых предлагался выбор: *В Россию или в Украину, на карте которой была фашистская свастика*.

Указанный мотив фашизма в функции характеристики политического противника стал одним из главных при оценке украинского кризиса, поскольку известны исторические факты периода Великой Отечественной войны, когда часть украинских националистов боролась против советской власти, и некоторые из них воевали в рядах фашистов. Их уже 70 лет называют *бандеровцами* (по имени вождя — С. Бандеры), и поскольку после Второй мировой войны некоторые из них проходили через территорию Словакии, чтобы пройти на Запад, старшее поколение о них кое-что помнит. Эти *фашистско-бандеровские* ассоциации распространены в первую очередь среди представителей старшего поколения словаков. Оценка посредством слова *бандеровцы* использовалась во время украинско-российских трений относительно часто: *Medzi tými, čo sa v Kyjeve dostali k moci, sú aj ultranacionalisti. Rusi si dobre pamätajú vúčňanie banderovcov počas svetovej vojny*. — Среди тех, кто получил в Киеве власть, имеются и ультра-националисты. Русские хорошо помнят преступления бандеровцев во время мировой войны [P. 15.3.2014].

Мотив фашизма на Украине отмечают и профессиональные комментаторы. После того, как новые украинские власти объявили о формировании *Национальной гвардии*, с российской стороны были высказаны опасе-

ния: *Isto nepotrva dlho a Národnú gardu označia za ukrajinské SS*. — Наверное, не пройдет много времени и *Национальную гвардию* назовут украинскими СС [P. 14.3.2014].

Данные ассоциации стали еще более актуальными 14 и 15 марта 2014 г., когда во всех словацких СМИ вспоминали 75-ю годовщину образования фашистского Словацкого государства, союзника гитлеровской Германии, и оккупации Чехии и Моравии гитлеровскими войсками в 1938 г. [Čorná 2014].

Стало почти правилом появление *гитлеровских ассоциаций* при целом ряде военно-политических конфликтов современности. Как показывают вышеприведенные примеры, это в полной мере относится к крымскому вопросу. Российская сторона регулярно обвиняет в фашизме украинских националистов. В то же время аналогии с фашизмом усматривают сторонники новой власти Украины в действиях России. На экранах словацких телеканалов можно было увидеть кадры с фотомонтажом: *Путин с гитлеровскими усиками* или *Путин* перед зеркалом, в котором отражается *Сталин*. Одной из таких ассоциаций является *оккупация Австрии* (Anschluss) фашистской Германией. Тогда тоже проводился референдум о присоединении Австрии к Германии. Крымский референдум для некоторых авторов [Zubov 2014] является аналогичным австрийскому: *To všetko tu už bolo*. — Всё это уже было [T. 19.3.2014].

Мотив «Австрия в 1938-м — Крым в 2014-м» появлялся во многих СМИ. В одном комментарии подобного сопоставления было высказано удивление такой аналогией: *To Rusko musí urážať*. — Это Россию должно обижать [SR. 28.3.2014].

Впрочем, указанные ассоциации возникают также при оправдании политики России. Нижеследующий анекдот появился в те же самые мартовские дни 2014 г. в Словакии.

В генеральном штабе России.

Генерал — Путину:

— Наши солдаты контролируют Крым.

Что делать дальше?

Путин из-за компьютера:

— Сейчас погуглим — что сделал

Гитлер после ввода войск в Австрию?.. Ага... Референдум о присоединении. Дальше — бюллетени печатайте.

4. АССОЦИАЦИИ С ОККУПАЦИЕЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1968 Г. И С ЭПОХОЙ СОЦИАЛИЗМА

Естественно, имеются и другие чехословацко-украинско-крымские ассоциации, связанные с *оккупацией Чехословакии* вой-

сками стран Варшавского договора 21 августа 1968 г. В одной из таких публикаций [Ograves 2014] вызываются соответствующие эмоции посредством известной песни в то время популярного чешского певца *К. Крыла*, в которой автор реагирует на ту драматическую ночь с 20 на 21 августа 1968 г., когда в Чехословакию вступили оккупационные войска: *Bratříčku, zavírej vrátka, táto noc nebude krátka. — Братец, закрывай ворота, эта ночь не будет короткой* [Т. 2014.12].

Оккупация Чехословакии в 1968 г. навсегда осталась в памяти жителей этой страны и является однозначно самой отрицательной ассоциацией. Она представляет собой модель зла и несправедливости для многих представителей нашего старшего поколения и персонифицируется в образе тогдашнего генсека *Л. И. Брежнева*. Его образ на аксиологической шкале приобретает самые отрицательные оценки. Тем острее звучит критика президента *В. В. Путина* при его сопоставлении с *Брежневым*: *Prezident Putin zašiel ďalej ako Brežnev — ten iba okupoval, Putin ukradol. — Президент Путин пошел дальше Брежнева — первый только оккупировал, Путин украл* [Р. 24.3.2014].

Отмечается, что присоединение Крыма к России, с одной стороны, может казаться успехом России и *Путина*, а с другой — в перспективе может стать потерей. В нижеприведенном примере используется название известной в прошлом пьесы словацкого писателя *Я. Соловича*: *Putinove straty a nálezy. — Потери и находки Путина* [S. 24.3.2014].

Крым и в последующие годы советской власти играл немалую роль в жизни некоторых жителей Словакии. В первую очередь это была в представлениях наших жителей известная **база отдыха**, куда приезжали отдыхать словацкие пионеры, представители профсоюзов, известные политики, встречавшиеся с советскими вождями. В свете этого интересно замечание о том, что нарушил данную традицию *М. С. Горбачев*: *Michail Gorbačov začal porušovať túto tradíciu a v lete 1989 sa dokonca odmietol telefonicky baviť s dovolenkujúcim Milošom Jakešom. — Михаил Горбачев стал нарушать эту традицию, и летом 1989 г. он даже не пожелал поговорить по телефону с отдыхающим Милошем Якешом* (тогдашним генсеком) [Р. 8.3.2014].

Украина воспринимается как государство с различными в значительной мере, часто противоположными культурно-историческими традициями и ценностями. Предполагается, что она может разделиться мирным путем, и в этом плане образцом может быть

разделение Чехо-Словакии в 1993 г. Необходимо напомнить, что в те драматические дни, недели и месяцы представители Чехии и Словакии вели долгие и сложные переговоры о разделении страны, и в конечном итоге Чехо-Словакия была разделена без каких-либо трагических последствий, в отличие, скажем, от Югославии. Часто в оценочных комментариях говорится о том, что в наше время между чехами и словаками **отношения лучше**, чем они были в пору единого государства. Неудивительно, что *чехо-словацкий опыт* предлагается и современной Украине: *Ukrajina by sa mohla kultúrovane rozdeliť ako Česko-Slovensko. Česko-slovenskú skúsenosť môže využiť demokratická Ukrajina. — Украина могла бы культурно разделиться, как Чехо-Словакия. Чехо-словацкий опыт может использовать демократическая Украина* [SR. 14.3.2014].

Новые словацко-русские темы обнаружилась 4 апреля 2014 г. Это день освобождения некоторых городов Словакии, в том числе *Братиславы* и *Липтовского-Микулаша*. Под вторым из названных городов в начале 1945 г. почти два месяца шли ожесточенные бои, в которых погибли тысячи солдат Красной армии. Каждый год на их могилах встречаются официальные представители России и Словакии. На этот раз мэр города *Слафковски* не пожелал, чтобы представители России приняли участие в официальном торжественном возложении венков, из-за *оккупации Крыма*. Этот шаг мэра города *Липтовски-Микулаш* осудило много людей, в том числе и представителей словацкого правительства. Представитель России *С. А. Крылов* высказал свое недовольство. Оно было в определенной мере спародировано посредством отсылки к названию известного произведения *Соженицына* «Один день Ивана Денисовича»: *Jeden deň Sergeja Anatolieviča. — Один день Сергея Анатольевича* [S. 8.4.2014].

Была высказана мысль о том, что современная Россия не является наследницей СССР и современная российская армия тоже не является наследницей Красной армии! Но в словацкой газете «Правда» был напечатан целый ряд откликов читателей, которые осуждали поступок мэра *Слафковского*. Здесь необходимо добавить, что на последних региональных выборах в том же регионе победил известный расист и националист *М. Котлеба*, который откровенно возвеличивает фашистское Словацкое государство — союзника гитлеровской Германии: *Rusofób-ske rozhodnutie Slaľkovského. Bez úcty k padlým. Neuvážený krok primátora. Iba povzbudil vandalov. — Русофобское решение Слаф-*

ковского. *Без уважения к павшим. Бесмысленный шаг мэра. Он ободрил хулиганов* [Р. 8.4.2014].

5. СОВЕТСКИЕ АССОЦИАЦИИ

Они вызваны современными политическими событиями, в результате которых русское население Крыма массово высказало свое намерение вернуться в состав России. В некоторых словацких СМИ было отмечено, что Крым исторически никогда не принадлежал Украине, и только в 1954 г. он был к ней присоединен административно. В связи с этим относительно часто актуализируется негативная роль тогдашнего советского вождя *Н. С. Хрущева* (правил в 1953—1964 гг.): *Dar Nikitu Chruščova. — Подарок Никиты Хрущева* [Р. 8.3.2014].

Однако другие аналитики высказывали противоположное мнение, согласно которому добровольность и щедрость указанного политического решения *Хрущева* сильно преувеличена: *Krym ako dar Chruščova Ukrajine je legenda. Vtedy sovietska vláda musela spojiť Krym s Ukrajinou, nakoľko iba cez Ukrajinu ho bolo možné zásobovať a zabezpečiť. — Крым как подарок Хрущева Украине является легендой. Советское правительство вынуждено было объединить Крым с Украиной, поскольку только через Украину можно было Крым обеспечить поставками всего необходимого* [SR. 14.3.2014].

Во время регулярных репортажей из Крыма можно было отметить, что сторонники присоединения Крыма к России несли плакаты с такими заявлениями или устно говорили о том, что хотят вернуться в СССР, правопреемницей которого является Российская Федерация. Подобные аналогии приписываются и президенту *Путину*: *Putin si plní sen o novom Sovietskom zväze. — Путин осуществляет свой сон о новом Советском Союзе* [К. 19.3.2014].

На этой основе в новом свете дается современная оценка подарка *Хрущева* Украине. Нынешний президент РФ *В. Путин* как бы исправляет политические ошибки своего предшественника на высшем политическом посту страны. Были процитированы мнения многих русских после массовых митингов в Москве в поддержку *Путина*: *Chruščov Krym odovzdal, Putin nám ho vrátil. — Хрущев Крым отдал, Путин нам его вернул* [К. 19.3.2014].

Идея о СССР как о *братской семье народов* была в советскую эпоху одной из центральных идеологием. Ее актуализация стала очевидной после референдума в Крыму 16 марта 2014 г.: *Rodina sa rozrástá o Krym,*

teší sa Rusko. — Семья прирастает Крымом, радуется Россия [Р. 18.3.2014].

Критическое отношение к подарку *Хрущева* высказывали также авторитетные представители России. Наверное, многих читателей заинтересовала позиция первого и последнего президента СССР *М. С. Горбачева*: *Krym bol pripojený k Ukrajine podľa sovietskych, čiže stranických zákonov. Národ sa rozhodol napraviť chybu. — Крым был присоединен к Украине по советским, значит по партийным законам. Народ решил исправить эту ошибку* [Р. 18.3.2014].

Вместе с тем после референдума в Крыму все заметили повышенную напряженность в отношениях между Украиной и Россией. Отдельные сообщения говорили о сложной судьбе украинских солдат и офицеров в Крыму, об одном убитом украинском офицере:

Putin získal Krym, začalo sa strieľať. — Путин получил Крым, началась стрельба [S. 19.3.2014].

Как известно, после распада СССР за границами России остались жить миллионы русских. В связи с событиями на Украине стали все чаще говорить также о их судьбе. Была упомянута судьба *Приднестровья*: *Do Ruskej federácie sa hlási aj Podnestersko. — В Российскую Федерацию хочет вернуться и Приднестровье* [S. 19.3.2014].

Вместе с тем ставится под сомнение способность *Путина* дать объективную оценку происходящим процессам. По этой версии, президент России в первую очередь не замечает большой экономической опасности в связи с некоторыми мерами Запада против России: *Čo Putin nechápe. — Чего Путин не понимаем* [S. 19.3.2014].

6. КОСОВО И ДРУГИЕ

Относительно часто крымский вопрос звучал в предвыборной президентской кампании в Словакии в марте 2014 г. Все из 14 кандидатов в президенты Словакии высказывали свою позицию относительно референдума в Крыму и возможности его присоединения к России. В этой связи закономерными были ассоциации с бывшим регионом Югославии *Косово*, которое со своим албанским большинством посредством референдума провозгласило самостоятельность. Результаты этого референдума поддержали прежде всего западные страны. Необходимо еще добавить, что Словакия до наших дней *Косово* не признала, причем очевидным мотивом такой позиции является обстановка в южных регионах Словакии, где имеются тенденции к провозглашению автономии со стороны словацких венгров. Как

известно, их поддерживает венгерское правительство, и этот факт всю постсоветскую эпоху становится источником продолжительного политического напряжения между Словакией и Венгрией. Премьер-министр Словакии *Р. Фицо*, один из кандидатов в президенты страны, этот **косовский фактор** подчеркнул в своем заявлении: *Nemôžete uznať oddelenie Kryma od Ukrajiny. Tak ako sme neuznali samostatnosť Kosova, ani americkú okupáciu Iraku.* — Мы не можем признать **отделение Крыма** от Украины. Мы не признаем **самостоятельности Косова**, а также **американскую оккупацию Ирака** [ТА. 3.9.3.2014].

Примерно ту же позицию высказали все пятеро главных кандидатов на пост президента Словакии в последних теледебатах 12 марта 2014 г. Очевидная связь **Крым — Косово — южные регионы Словакии** была озвучена несколько раз на многих уровнях, и не только в Словакии. Мотив **автономии**, а то и **отделения** в связи с событиями в Крыму пугает и другие страны Европы. В те же мартовские дни, когда в Крыму проходил референдум, указанная тема ярче всего освещалась в связи с Шотландией, Северной Румынией и Каталонией в Испании. Один представитель **Каталонии** высказал поддержку русских в Крыму. Появился закономерный вопрос: *Príklad pre Katalánsko? — Пример для Каталонии?* [Р. 17.3.2014].

Идея отделения начала пугать и другие регионы Европы. Очевидной стала обстановка в Крыму после вышеназванного референдума. Неожиданной прозвучала следующая информация: *V Benátkach prebehlo referendum o samostatnosti. V internetovom hlasovaní ¾ hlasujúcich sa vyslovilo za samostatnosť. Toto hlasovanie nenadobudlo právnu platnosť. — В Венеции прошел референдум о самостоятельности. В интернетовском голосовании ¾ голосующих высказались за самостоятельность. Данное голосование не имеет юридическую силу* [SR. 22.3.2014].

Хотя в СМИ в политической среде в основном доминировали прозападные позиции, все-таки были высказаны и откровенные антизападные и антиамериканские взгляды в письмах читателей, а также в материалах некоторых профессиональных авторов: *Irak 2003 — zbrane hromadného ničenia — vymyslený dôvod na okupáciu. — Ирак 2003 — оружие массового уничтожения — выдуманный повод для оккупации* [Р. 17.3.2014].

Лицемерие Запада в этом отношении явно. Когда его представители и сторонники, например, комментируют аналогию **Крым —**

Косово, то обычно добавляют, что во втором случае была **другая обстановка**. На подобные априорные и необъективные позиции реагирует словацкая газета «Правда»: *Rusko donedávna nikto nepozýval k rokovaciemu stolu. Naopak, západní predstavitelia osobne chodili do Kyjeva podporiť protivládne protesty. — Россию до сих пор никто не приглашал на переговоры. С другой стороны, представители Запада лично приезжали в Киев поддержать антиправительственные протесты* [Р. 17.3.2014].

Крымско-косовские и другие аналогии, таким образом, закономерно возникают, и их оценки, как это бывает в политике, представляются противоречивыми. Некоторые авторы говорят в этой связи о **постхельсинкской Европе** [Marušiak 2014] и пытаются прокомментировать события на Украине и в Крыму, причем замечают, что система, созданная на конференции в Хельсинки в 1976 г., разваливается, и приходят к однозначному заключению: *Nedá sa jednému etniku priznávať právo na sebaurčenie a to isté právo v prípade Krymu vyhlasiť za protiprávne. — Нельзя ведь за одним этносом признавать право на **самоопределение**, а то же самое право в случае **Крыма** объявлять **противозаконным*** [Т. 2014.12].

Особой темой, которая все чаще обсуждалась в СМИ, был **Восток Украины**. Регулярно передавались сообщения о городах **Харьков, Донецк, Луганск, Славянск**, находящихся в регионах с относительно многочисленным русским населением. Русские жители восточных регионов Украины на митингах с флагами России высказывали свои требования войти в состав России по образцу **Крыма**. Появились первые **жертвы** на Востоке Украины, где происходили этнические конфликты: *Horúco v Charkove, Donecku aj Luhansku. — Жарко в Харькове, Донецке и в Луганске* [Р. 24.3.2014].

(Как показывают наши дни, Восток Украины представляет собой особую тему. На данный момент трудно предположить, чем закончится настоящая война в этом регионе.)

7. АМЕРИКАНСКИЕ АССОЦИАЦИИ И АНТИЗАПАДНИЧЕСТВО

Во всех мировых событиях после Второй мировой войны отмечается **центральная роль США**. Это в полной мере относится к современным событиям в Крыму и на Украине. Простые люди видят за политическими антироссийскими заявлениями представителей США великодержавные амбиции, намерение войти в Черноморский регион, где уже находятся американские военные корабли: *Američania by sa zasa chceli dostať do*

bezprostrednej blízkosti Ruska a vytvárať tam svoje vojenské základne. — Американцы захотели приблизиться к границам России и создать там свои военные базы [P. 15.3.2014].

Особый резонанс вызвало заявление экс-президента Чехии В. Клауса: *Нет сомнений, что главным виновником украинского кризиса является Запад.*

В некоторых комментариях сопоставляются американская и российская политика и в обоих случаях находится много общего. В первую очередь отмечается политика с позиции силы по отношению к другим странам: *Americké a ruské emócie: Je v nich rozdiel? — Американские и российские эмоции: имеется ли разница?* [P. 17.3.2014].

Другие стоят однозначно на стороне Запада [Schutz 2014], а если и критикуют его, то именно за то, что он выступает якобы недостаточно энергично против России, и это считается *большой ошибкой*. По сути дела это призывы к **русофобии**: *Veľkú otuľ Európy. — Большая ошибка Европы* [T. 2014.12].

Относительно вышеуказанной темы появились даже актуальные анекдоты с явным **антиамериканским** политическим подтекстом:

Президент Обама требует от президента Путина, чтобы тот ему ответил, когда выведет российские войска из Крыма. Путин обещает дать ответ. Но ответа всё нет. Обама звонит и настаивает:

— *Когда вы мне ответите?*

— *Да, я отвечу, но еще не успел записать все регионы и страны, где находятся американские войска...*

Автору хочется отметить, что данный анекдот он услышал от студента третьего курса нашего Прешовского университета 9 марта 2014 г., когда относительно Крыма официально еще ничего не было решено. Аналогичные исторические ассоциации закономерно появляются при обсуждении решения всех сложных политических вопросов.

Почти как анекдот выглядит также реплика из публикации относительно известного словацкого журналиста [Bán 2014]. В данном высказывании со ссылкой на слова одного местного татарина дается своеобразное объяснение того, почему Россия хочет присоединить Крым к России: *A viete prečo to všetko Putin robí? Chce, aby turisti nechodili na Krym, ale do Soči, lebo počas olympiády sa zadlžil. — А вы знаете, почему все это Путин делает? Он хочет, чтобы туристы ездили не в Крым, а в Сочи, потому что во время Олимпиады он поистратился* (T. 2014.12).

Поскольку американские военные самолеты прилетели в Польшу и в Прибалтику, жители многих стран Европы почувствовали напряженность, и многие соглашаются с тем, что опять начинается *холодная война*. В данном контексте на сцену выходит великий российский антизападник **Иван Сусанин**:

Польские туристы проходят около одного памятника. И спрашивают русского гида:

— *Что это за памятник?*

— **Ивану Сусанину**

— *А кто он?*

— **Первый гид поляков в России.**

Иван Сусанин даже «участвует» в современных событиях в России и на Украине:

Владимир Путин ночью просыпается и видит перед собой Ивана Сусанина:

— *А тебе чего, Иван?*

— **Володя, давай, прогуляемся по Крыму.**

8. ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: САНКЦИИ, ФЕДЕРАЛИЗАЦИЯ

Факт новой *холодной войны*, казалось бы, налицо. После Второй мировой войны были периоды, когда существовала реальная угроза того, что *холодная война* перейдет в горячую. Аналогичные опасения появились также во время украинского кризиса: *Litovčania sa z obáv pred Ruskom hlásia na vojnu. — Литовцы боятся России и вступают в ряды армии* [S. 2.4.2014].

Возможность настоящей войны допускают и некоторые наблюдатели, которые даже делают военные прогнозы в связи с Россией. В данном случае усматриваем в некотором смысле лексикон военной истерики: *Rusom stačí tri až päť dní. — Русским хватит трех-пяти дней* [P. 3.4.2014].

Одним из показателей наступающей новой *холодной войны* стали разнообразные предложения о принятии конкретных мер против России. В СМИ одним из самых частых было выражение *санкции против России*. Не все их воспринимали одинаково: *V dôsledku neuvážených krokov proti Rusku stratí Európa viac. — В результате непродуманных мер против России Европа теряет больше* [P. 2.4.2014].

Одна из характеристик российских контактов с миром — это **поставки** сырья, и в первую очередь **газа**, в другие страны через территорию Украины. Уже имеется опыт с так называемым *газовым кризисом* в 2009 г., когда поставки российского газа были приостановлены, поскольку Украина не платила России за газ. В тот период в обиход вошло слово *реверс*, обозначающее поставки газа в обратном направлении — с запада на восток. Соответствующие опасения выражают-

ся даже посредством обращения к *Грибоедову*: **Útrapy z reverzu. — Горе от реверса** [S. 7.4.2014].

Использование поставок газа как средства воздействия в политическом противостоянии между Россией и Украиной стало очевидным. Россия повысила Украине цены на газ, но Украина не в состоянии платить. Это вызывает опасения: **Rusko môže Ukrajinu stopnúť plyn. — Россия может Украине остановить газ** [P. 8.4.2014] (что в конце концов и случилось).

Очередной темой стала *федерализация Украины*. Эта тема все чаще стала обсуждаться после митингов русских на **Восточной Украине**, в Харькове, Донецке и Луганске, на которых прорусские демонстранты выдвинули требования о присоединении к России. Была даже провозглашена *Донецкая Республика*. Таким образом, заявил о себе новый, по сути дела ожидаемый феномен. После митингов на Восточной Украине некоторые наблюдатели установили определенные связи с событиями в ряде арабских стран — антиправительственными действиями, которые называли *арабской весной*: **Východ Ukrajiny zachvátila ruská jar. — Восток Украины захватила русская весна** [S. 8.4.2014].

В этой обстановке стало активизироваться новое слово *сепаратисты* по отношению к антиукраинским демонстрантам на востоке Украины. По сути дела там произошло то же самое, что раньше в Киеве — антиправительственные демонстрации по принципу поговорки «*Как аукнется, так и откликнется*»: **Ruský majdan. Proruskí separatisti sa snažia vyvolať referendum o odtrhnutí sa regiónov susediacich s Ruskom. Snažia sa zopakovať taktiku majdanu. — Русский Майдан. Пророссийские сепаратисты стараются объявить референдум о присоединении регионов, соседствующих с Россией. Они стараются повторить тактику Майдана** (S. 8.4.2014).

Политический кризис в Украине выдвинул на одно из первых мест вопрос о новом административном делении страны: **Moskva chce federalizovať. Na pohľad agresívna politická požiadavka môže skrývať racionálne jadro. — Москва хочет федерализовать. В агрессивном на первый взгляд политическом требовании может скрываться рациональное зерно** [Тг. 2014.13].

Мотив страха, вызванного действиями России, был связан с передвижениями российских войск вблизи восточных украинских границ. Конечно, представители России объявляли, что не намерены вводить свои Вооруженные силы в Восточную Украину,

однако высказывались следующие опасения: **Nikto presne nevie, čo sa odohráva v hlave prezidenta Putina. — Никто точно не знает, что происходит в голове президента Путина** [P. 2.4.2014].

Как показано выше, *Крым* часто ассоциируется с темой **отдыха**. Однако из-за обсуждаемого кризиса в указанной сфере экономики ожидаются значительные убытки: **Krym čaká ťažký test zo záujmu o turizmus. — Крым ждет тяжелая проверка на интерес к туризму** [P. 7.4.2014].

9. ФОРМЫ ОБЪЕКТИВНОСТИ

Тема **объективности** СМИ закономерно оказывается в центре внимания многих авторов [Dinka 2010; Ramonet 2003]. В соответствии со способом подачи информации о Крыму в словацких СМИ одни из самых объективных, как мне кажется, были репортажи с места событий *Ольги Баковой*, редактора Словацкого радио (SR). Она регулярно записывала высказывания представителей обоих направлений — сторонников присоединения Крыма к России и его противников. Журналистка отбирала самые веские аргументы тех и других. Типичным в этом отношении был репортаж, в котором прозвучало сначала мнение русских, а потом — представителей крымских татар:

Мы хотим обратно в Россию. Украинское правительство про нас забыло. Наш некогда процветающий город находится ныне в полном упадке. Все ждем референдума.

Мы боимся жить в России. Не можем забыть, что с нами сделало российское правительство 70 лет назад, когда крымских татар выселили в Сибирь. Мы не пойдем на референдум (SR. 13.3.2014).

Необходимо добавить, что тема **репрессий против крымских татар** после **Второй мировой войны** обсуждалась и в других словацких СМИ.

В регулярных комментариях в SR по крымской теме высказывались журналисты, политологи и другие специалисты. Относительно объективности оценок и перспектив дальнейшего развития событий на Украине и в Крыму ближе всего к истине были заявления по поводу позиции простых жителей Украины: **Zdá sa, že značná časť obyvateľov Ukrajiny sa zmieri s pripojením Krymu k Rusku. — Кажется, что значительная часть населения Украины смирится с присоединением Крыма к России** [SR. 20.3.2014].

И действительно, автор этих строк слышал аналогичные слова от молодых украинцев из Закарпатья: **Пусть забирают Крым, лишь бы не было войны.**

Не менее важными были попытки относительно объективного анализа настоящих причин кризиса на Украине в целом и в Крыму в частности. По всей вероятности, ближе к истине были те авторы, которые критически оценивали политическую и социальную обстановку в постсоветской Украине и отмечали, что главную роль на Украине играют *олигархи*, которые, по сути дела, разорили страну. В результате их действий можно констатировать следующее: *Na Ukrajine ešte nebola demokracia. Doteraz bola iba oligarchická. — На Украине еще не было демократии. До сих пор она была только олигархической* (SR. 14.3.2014).

С 2004 г. — времени *оранжевой революции* — коннотативно богатым по отношению к Украине стало слово *Майдан*. Правда, доминировала его интерпретация с точки зрения официальных властей Украины. Но оказалось, что в политическом дискурсе конкретные единицы приобретают диаметрально противоположные смыслы: *Majdan — iný význam má na Západe a iný na Východe. — „Майдан“ одно значение имеет на Западе, другое — на Востоке* (SR. 14.3.2014).

То же самое — противоречия в понимании слов между «Западом» и «Востоком» — отмечается в других ассоциациях. В полной мере это относится, например, к образу *Богдана Хмельницкого*, одного из главных инициаторов подписания договора между Украиной и Россией в 1666 г. (это событие известно под названием *Переяславская рада*): *Iné hodnotové symboly sú na Východe a iné na Západe. Napríklad, Bohdan Chmelnickij. — Одни ценности имеются на Востоке, другие — на Западе. Например, это относится к Богдану Хмельницкому* [SR. 14.3.2014].

Обстановка в Крыму прямо вызывает неприятные ассоциации с *Крымской войной* 1853—1856 гг. Напоминается, что против России в те годы выступила почти вся Европа, поддержавшая Турцию, и что Россия в той войне проиграла. Среди относительно богатого фактографического материала публикуются разнообразные фотографии. Статья, посвященная давним событиям, на первый взгляд выглядит нейтральной, но все-таки названа зловеще: *Prvá Krymská vojna. — Первая Крымская война* [Т. 2014.12].

Крым вызывает целый ряд политических, исторических, литературных и других ассоциаций. К последним относятся известные *литературные* реалии, связанные с жизнью и творчеством *А. С. Пушкина*. Без пушкинских реминисценций нельзя обойтись и при актуализации крымского вопроса: *Sízu nevyroní ani vedľa stojaca busta Puškina, ani*

Bachčisarajská fontána, ani Chán Girej. — Слезы не проливает ни рядом стоящий бюст Пушкина, ни Бахчисарайский фонтан, ни хан Гирей [Т. 2014.12].

В обстановке повышенной антироссийской кампании нашлось место и для сообщений о русской культуре. Таким было извещение о фестивале русской классической музыки в Братиславе: *Ruská politika má čoraz horšiu povest', no ruskí hudobní klasici, samozrejme, za to nemôžu. — У политики России повесть все хуже, но российские музыкальные классики тут ни при чем* [S. 3.4.2014].

10. ОЛИГАРХИ

Тема *олигархов* становится одной из главных в постсоветскую эпоху не только на территории бывшего СССР. Она в значительной степени актуальна также в Словакии. Поскольку кризис в Украине вышел за границы своей страны, фамилии украинских олигархов стали регулярно приводиться в словацких СМИ. Сообщались даже их краткие биографии с основными данными, причем главные факты касались их богатства, исчисленного в миллиардах долларов. В каждой словацкой газете и журнале можно было найти соответствующие публикации про украинских олигархов, и, по распространенной версии, «деятельность» этих лиц является одной из главных причин хаоса на Украине. В статье под названием *«Kto ovláda ukrajinskú ekonomiku. — Кто владеет украинской экономикой»* [Ž. 2014.11] приводится список девяти самых богатых украинских олигархов: *Р. Ахметов, В. Пинчук, Г. Боголюбов, И. Коломойский, Ю. Косюк, В. Новинский, З. Порошенко, К. Жеваго, С. Тигипко*.

Приводятся также другие фамилии, среди них — снятый президент *В. Янукович*, его сын, экс-премьер-министр *Ю. Тимошенко* и др. Особое внимание было уделено *Д. Фирташу*, которого арестовали в Австрии. Этот факт послужил поводом для распространения слухов о том, что при его допросе могут раскрыться закулисные махинации не только на Украине, но и на Западе, так как украинские (и не только) олигархи долгие годы скрывают свое богатство именно там: *Dmytro Firtaş je za mrežami. Pomáhal aj odzvonil Janukovičovi. — Дми́тро Фирташ за решеткой. Он помогал и завалил Януковича* [Р. 14.3.2014].

В связи с темой *олигархов* у общественности вызвала интерес попытка Запада принять определенные меры против России. В некотором смысле даже непонимание и улыбку вызвали сообщения о том, что стра-

ны ЕС ввели санкции против некоторых российских и украинских олигархов. Один из них, *Бородин*, даже насмешливо заявил: *Ďakujem súdruhovi Obamovi, že mňa urobil známyt. — Благодарю товарища Обаму, что я стал теперь известным* [Р. 18. 3.2014].

11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При оценке украинских и крымских событий начала 2014 г. наблюдаются, кроме прочего, две основные тенденции. **Первую** представляют словацкие политики и СМИ, которые в основном придерживались и придерживаются в той или иной степени **прозападных** позиций, в рамках которых присоединение Крыма к России считается **нарушением** международного права и суверенитета Украины. В таких представлениях чувствуется **несвобода** и мало пространства для выражения личной позиции. В них явно доминируют давние политические **предубеждения** по отношению к России и **априорные** оценки. Некоторые СМИ цитируют зарубежных авторов, у которых другое мнение и которые критически относятся к политике Запада и современного правительства Украины.

Вторую тенденцию представляют отдельные авторы и простые жители, среди которых гораздо чаще встречается **поддержка** присоединения Крыма к России. В такой точке зрения чувствуется определенная оппозиция общественности в связи с заранее сформулированными антироссийскими и прозападными официальными оценками и клише.

Интересным представляется способ аргументации, при котором главную роль играют **ассоциативные связи** с целым рядом исторических, политических, культурных и других реалий. Именно указанные ассоциации представляют собой один из объектов лингвокультурологических исследований любой реалии или явления, в том числе и политического кризиса на Украине.

Указанные тенденции в оценке украинских событий продолжают развиваться в связи с обострением обстановки на Восточной Украине.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. K. — Korzár.
2. P. — Pravda.
3. S. — Sme.
4. STV. — Slovenská televízia.
5. SR. — Slovenský rozhlas.
6. T. — Týždeň.
7. TA3 : информационный телеканал.
8. Tr. — Trend.
9. Ž. — Život.

ЛИТЕРАТУРА

10. *Воробьев В. В.* Лингвокультурология. Теория и методы. — М. : Изд-во РУДН, 1997.
11. *AĎ A.* Rastúce ambície Ruska // Pravda. 2014. 2.04. S. 31.
12. *Bán A.* Tatársky osud // Týždeň. 2014. 12. S. 32—33.
13. *Čaplovič M.* Krym čaká ťažký test zo záujmu o turizmus // Pravda. 2014. 7.04. S. 14.
14. *Čorná T.* Vznik Slovenského štátu neveštil nič dobré // Pravda. 2014. 15.3. S. 14—17.
15. *Dinka P.* Žurnalisti. Lovci vo svorke. Politologický odbor Matice slovenskej. 2010.
16. *Jancura V.* Krym blízky a vzdialený // Pravda. 2014. 8.3. S. 7.
17. *Kmety G.* Prvá Krymská vojna // Týždeň. 2014. 12. S. 34—43.
18. *Marušiak J.* Pohelsínska Európa // Týždeň. 2014. 12. S. 23—26.
19. *Oravec J.* Karel Kryl, Bratříček a Ukrajina // Týždeň. 2014. 12. S. 13.
20. *Pressburg A. P.* Moskva chce federalizovať // Trend. 2014. 13. S. 24—25.
21. *Ramonet I.* Tyranie médií. — Praha : Mladá fronta, 2003.
22. *Rehák O.* Ruské hudobné klenoty // Sme. 2014. 3.04. S. 13.
23. *Schutz P.* Veľký omyl Európy // Týždeň. 2014. 12. S. 12.
24. *Zubov A.* To všetko tu už raz bolo // Týždeň. 2014. 12. S. 54—55.

Статью рекомендует к печати д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

УДК 811.161.1'373.422(091)

ББК Ш141.12-.315+Ш141.12-03

ГСНТИ 16.21.33; 16.21.51

Код ВАК 10.02.01

Л. Г. Чапаева Л. G. Chapaeva
Москва, Россия Moscow, Russia**АНТОНИМИЧЕСКИЕ ПРАГМЕМЫ
СЛАВЯНОФИЛЬСКО-ЗАПАДНИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА****ANTONYMOUS PRAGMEMES
IN SLAVOPHILIC-WESTERN
DISCOURSE**

Аннотация. Исследуются процессы формирования прагматической антонимии, отражающей философскую, культурологическую и социолингвистическую оппозицию славянофилов и западников 1830—1840-х годов. В славянофильско-западническом дискурсе находят отражение многие базовые оппозиции русской культуры: свой — чужой, Россия — Запад и др. Культурологическую оппозицию славянофилов и западников можно воспринимать как межкультурную, если признавать межкультурным общение людей различных корпоративных культур. Антонимия прагмем способствует социальной дифференциации общества.

Abstract. The article examines the processes of formation of pragmatic antonymy, reflecting the philosophical, cultural and sociolinguistic opposition of slavophiles and westerners of 1830—1840s. Many of the basic opposition of Russian culture: friend vs. foe, Russia vs. The West and others find their reflection in Slavophilic-Western discourse. The cultural opposition of slavophiles and westerners may be treated as intercultural if we recognize the relations between people of different corporative cultures as intercultural. Antonymy of pragmemes facilitates social differentiation of society.

Ключевые слова: славянофил; западник; антонимическая парадигма; прагмема.

Key words: slavophile; westerner; antonymous paradigm; pragmeme.

Сведения об авторе: Чапаева Любовь Георгиевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка.

About the author: Chapaeva Lyubov Georgievna, Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language.

Место работы: Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова.

Place of employment: Moscow State University for Humanities named after M. A. Sholokhov (Moscow).

Контактная информация: 109240, г. Москва, ул. 3-я Владимирская, д. 7.
e-mail: lg4@mail.ru.

Славянофильство и западничество, развиваясь как оппозиционные культурно-идеологические направления, структурно соотносятся с базовыми оппозициями русской культуры. Одну из определяющих культурно-идеологических оппозиций эпохи 30—40-х гг. XIX в. представляют сами названия течений: славянофильство ~ западничество, славянофил ~ западник [Подр. см.: Чапаева 2007б]. И славянофилам, и западникам свойственно членение окружающего мира на свое и чужое, и антагонизм и оппозиционность проявляются внутри каждого дискурса, совпадая с антитетичностью как одним из принципов речевого мышления: «В рамках общности одного типа индивид делит мир на „наших“ и „ненаших“; во многих случаях только „наши“ признаются „настоящими“» [Беликов, Крысин 2001: 190]. Б. Ф. Егоров считает враждебность к чужому, признание истинным только своего яркой особенностью русского характера, но полагает, что «больше всего заимствованы от народного мироощущения славянофиль» [Егоров 1996: 65], а «менее всего оказались связанными с народным менталитетом либералы-западники с их толерантностью и вниманием к „чужому“» [Там же]. В связи с этим оппозиция свое ~ чужое наиболее ярко реализуется в славянофиль-

ском дискурсе. При этом антонимия концептов славянофильства формируется за счет противопоставления концептосфере западничества; с другой стороны, многие идеологические положения западников, не представлявших, как известно, достаточно единой группы с определенной программой, прояснялись именно в спорах со славянофилами, оформляясь в четкие оппозиции.

Дихотомия своего и чужого как обобщенная сема реализуется в конкретных оппозициях, характеризующих идеологические направления. Практически каждый концепт славянофильско-западнического дискурса образует антонимическую лингвокультурологическую парадигму, реализуемую через прагматические антонимы. Слова, референтное значение которых соединено с оценочным, можно назвать прагмемами со сложной системой взаимоотношений. В частности, выделяются контрарные отношения, основанные на противоположности и предметных, и оценочных значений, а пары слов, связанные такими отношениями, по сути дела образующие антонимические пары, определяют как контративы [См.: Эпштейн 1991]. Структура антонимической пары оказывается подвижной и может заполняться разными лексемами, формирующими и прагматиче-

скую синонимию. Данное свойство определяется контекстной природой антонимичности. Участие в прагматической антонимической паре приводит к развитию оценочных значений у нейтральных слов (положительного или отрицательного), расширению семантики слов, образованию языковых концептов. Антитеза в принципе является одним из средств акцентирования оценочных смыслов в политическом дискурсе, по справедливому замечанию А. П. Чудинова [См.: Чудинов 2007: 92—93].

Антонимическая парадигма включает в себя как максимально обобщенные номинации, так и номинации, построенные на частных свойствах и чертах славянофильства и западничества. При этом антонимические прагмемы обрастают контекстными синонимами, в нейтральном употреблении которых антонимичность не выражена. Добавление семантического компонента «своего» или «чужого» к парам лексических единиц, вступающих в оппозицию, приводит к их символизации. Синонимические отношения внутри одного из антонимических членов оппозиции то расширяются, то сужаются, один из синонимов может поглощать один или несколько других синонимов, так как члены антонимических пар могут взаимно заменять друг друга. В славянофильско-западническом дискурсе 30—40-х гг. XIX в. можно выделить следующие антонимические прагмемы.

Оппозиция *свое ~ чужое* в конкретном дискурсе может выражаться с помощью самих этих лексем, например: «Своего журнала нет, в чужих писать не хотим и ничего не пишем» [Аксаков И. 1994: 101]. Но чаще объективируется в противопоставлении *наши ~ не наши, наше ~ ваше, наше ~ чужое*, которое расширяется за счет синонимизации целых понятий^[1]. Особенно ярко это проявляется в славянофильских текстах. Ср. в стихотворении К. Аксакова «Поэту-укорителю»:

*Но есть пленительный для взора,
Несознанный, тяжелый грех <...>
То — жалкий лепет слов чужих,
То — равнодушие, презренье
Родной земли и дел родных!*

[Аксаков К. 1984] (все выделения в цитатах сделаны нами. — Л. Ч.).

В синонимический ряд антонима *чужой* контекстуально включаются слова с отрицательной коннотацией *равнодушие, презренье, грех*.

Ожесточенная полемика славянофилов и западников в 40-х гг. привела к появлению в 1844 г. стихотворений Н. Языкова, обращенных к противникам, одно из которых так и называлось — «К ненашим» [Языков 1898:

333]. В этом стихотворении антонимическую оппозицию образуют *наши ~ ваши, наше ~ чужое, мы ~ вы (ты)*, при этом «не наши» — *клеветники, изменники, невежды*; у них *предательские мненья, злость пустая, язык неверный, святотатственные сны*, они сторонники *школы богомерзкой, не русский народ*, так как не ценят ничего *родного*, т. е. *русского*. На противоположном краю антонимической парадигмы с положительной коннотацией находятся лексемы *наш, святой, родной, любовь, народный, божий, святыня, русская земля, Русь святая, русский бог*. Обращаясь к Чаадаеву, Языков обвиняет его в том, что для него *чужда Россия ~ родимая страна*, он *всего чужого гордый раб, свое он все презрел: На нас, на всё, что нам священо, В чем наша Русь еще жива; Тебя мы слушаем смиренно; Твои преступные слова*. В письме к брату в 1845 г. Н. Языков писал: «Была бы великая польза светлой стороне *нашей* литературы и было бы много добра всем *нашим*, если бы Чижову доставить средства издавать журнал» [Цит. по: Пирожкова 1997: 88]. Сходная антонимическая парадигма выстраивается и в стихотворении «С. П. Шевырёву» (опубликовано в «Современнике» в 1846 г.): *самобытная, родная старина, родной закон, родной язык, своя земля ~ враги, чужбина, чужд родной закон, непонятен родной язык*. После выхода Московского сборника 1846 г. И. Киреевский, восхищаясь его авторским составом, отражавшим преимущественно славянофильский лагерь, писал: «Какая страшная фаланга единомысленных бойцов! — Против таких ударов не долго устоит *чужая сила*» [Цит. по: Пирожкова 1997: 70].

Во-первых, антитеза *своего и чужого*, конкретизированная как *русское ~ нерусское*, категорично воспринимается славянофилами как *истинное и ложное*: «Как Вам не претит эта пошлость деления на либералов и консерваторов? — писал И. С. Аксаков А. И. Кошелеву. — Это чистейшее западничество <...>. Нет русского „либерального“ направления, может быть только истинное и ложное, здоровое и вредное направление, направление русское и антирусское» [Цит. по: Цимбаев 1986: 106]. К. Аксаков подчеркивал несовместимость *русского и иностранного* даже на грамматическом поле и связывал *русское направление* с понятием *народного*: «Русский вестник» <...> поднимает тот же вопрос о русском или, лучше, вообще о народном воззрении» [Аксаков К. С., Аксаков И. С. 1981: 199]. И. В. Киреевский, объясняя величие таланта И. Крылова, писал в 1845 г., что «он умел быть народным, и что еще важнее, он хотел быть

русским в то время, когда всякое подражание почиталось просвещением, когда слово *иностранное* было однозначительно со словом *умное* или *прекрасное*» [Киреевский 1911: 121].

Во-вторых, оппозиции *русское* ~ *нерусское*, *родное* ~ *иностранное* синонимично противопоставление *Востока* и *Запада*, *России* и *Европы*.

В-третьих, в полемике 40-х гг. происходит столкновение двух различных типов философии, по-разному соотносимых с религиозным сознанием. Это создает еще один уровень противостояния, на котором оппозиция *свое* ~ *чужое* трансформируется в оппозицию *восточное православие* ~ *западное католичество*. Представление о *славянском* у славянофилов синонимично *славяно-христианскому* [См.: Киреевский 1979: 203], так как христианство и православие образуют мировоззренческое ядро славянофильства (своеобразно соединяются *святой* и *славянский* в именовании «свято-славка», которым К. Аксаков называл свое верхнее платье типа армяка [См.: Дмитриев 1998: 440]). А поскольку оппозиционность мышления неизбежно ведет к тому, что присвоение себе, своему направлению какого-либо качества, свойства означает отсутствие подобного качества или свойства у оппонента, западники обвиняются в отсутствии религиозных убеждений, в безверии, бездушии.

Один из славянофилов писал о своих противниках: «Они отводили религии местечко в жизни и понимании только малообразованного человека и допускали ее владычество в России только на время, — пока народ не просвещен и малограмотен; мы же на учении Христовом, хранящемся в нашей Православной Церкви, основывали весь наш быт, все наше любомудрие и убеждены были, что только на этом основании мы должны и можем развиваться, совершенствоваться и занять подобающее место в мировом ходе человечества» [Кошелев 1991: 90—91]. Особый тип культуры, в который верили славянофилы, должен строиться на почве православия, а Россия, по мнению А. С. Хомякова, избрана Богом, так как в православии содержится полнота истины и правды жизни и духа:

*Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты силу злую
Слепых, безумных, буйных сил.*

[А. Хомяков. «России»]

В то время как И. В. Киреевский и А. С. Хомяков считали, что «истинное право-

славное христианство» и есть то самобытное начало, которое должно быть положено в основу создания нового русского типа просвещения, западники полагали, что просвещение и цивилизация возможны только при разрыве культуры с православием и церковью. «Мы могли бы не ссориться из-за детского поклонения детскому периоду нашей истории, — писал А. И. Герцен, — но принимая за серьезное их православие, но видя их церковную нетерпимость в обе стороны, в сторону науки и в сторону раскола, — мы должны были враждебно встать против них. Мы видели в их учении новый елей, помазывающий царя, новую цепь, налагаемую на мысль, новое подчинение совести раболепной византийской церкви» [Герцен 1955—1958: 132—133], в то время как «насильственное подчинение науки религии», по мнению другого западника, ведет к извращению научной мысли [Чичерин 1997: 54].

Для западников любая сакрализация жизни, искусства была чужда. Западная культура, на которую они ориентировались, была по преимуществу мирской, в ней не было места для слепой веры в святыню. И. С. Тургенев писал: «Я предпочитаю Прометея, предпочитаю Сатану, тип возмущения и индивидуальности. Какой бы я ни был атом, я сам себе владыка; я хочу истины, а не спасения; я чаю его от своего ума, а не от благодати» [Тургенев 1954: 449].

В качестве одной из частных оппозиций данной эпохи можно рассматривать оппозицию *пространства* и *времени*. Представления о пространстве и времени естественным образом находят отражение в дискурсе славянофилов и западников не только как элементы языкового сознания, но и как базовые идеологические категории, отражающие сущность славянофильства и западничества. При этом смысловая репрезентация *пространства* и *времени* характеризуется оппозитивностью, так как отражает различный подход славянофилов и западников, с одной стороны, к *прошлому*, а с другой — к соотношению *Россия* ~ *Запад*.

По сути дела, славянофилы и западники существуют в разных категориях: для славянофилов, ориентирующихся на традицию, некое идеальное прошлое Руси, актуально *время*; для западников, призывающих к использованию опыта современной Западной Европы, устремленных в будущее, актуальна категория *пространства* [См. подр.: Чапаева 2007а].

Интерес к национальному прошлому, поиски идеала и образца для подражания в истории были восприняты славянофилами из немецкого романтизма: «Мы признавали

первою, самую существенною нашею задачею — изучение себя в истории и в настоящем быте; и как мы находили себя и окружающих нас цивилизованных лет утратившими много свойств русского человека, то мы считали долгом изучать его преимущественно в допетровской его истории и в крестьянском быте. <...> В этом первобытном русском человеке (крестьянине. — Л. Ч.) мы искали, что именно соответственно русскому человеку, в чем он нуждается, и что следует ему развивать. Вот почему мы так дорожили собиранием народных песен и сказок, узнаванием народных обычаев, поверий, пословиц» [Кошелев 1991: 90]. С точки зрения В. Г. Белинского, «мы, русские, с равнодушием расстаемся с преданиями нашей длинной старины и с охотностью <...> принимаем и усваиваем все новое» [Белинский, 5: 127]. Западники славянофилы обвиняли в неуважении к традиции, в стремлении разорвать связь между прошлым и будущим, в отсутствии исторического начала в их концепции развития России. Для западников определяющими понятиями исторического процесса были *развитие* и *прогресс* ^[2], а не восстановление прерванных связей: «Для кого настоящее не есть выше прошедшего, а будущее выше настоящего, тому во всем будет казаться застой, гниение, смерть» [Белинский, 8: 318].

В статье 1847 г. «О современном литературном споре», опубликованной лишь в 80-е гг. XIX в., К. Аксаков стремился раскрыть смысл славянофильских требований о необходимости обращения к прошлому. «Само собой разумеется, что прямой возврат к прошлому невозможен. Дело гораздо сложнее и вместе с тем проще: дело — в жизненности нашего прошлого: оно не прошло, но находится „подле нас“. Прошедшая Русь не ушла из жизни безвозвратно, но сохранилась в простом народе. Поэтому не возвращение к тому, что перестало жить, но обращение к тому, что живет и теперь, т. е. к тому же настоящему, но к настоящему, „лишенному места в нашей общественной жизни“» [Аксаков К. С., Аксаков И. С. 2010: 176]. Культурологическая оппозиция *прошлое* ~ *настоящее* как частная реализация более общей контрверзы о *старом* и *новом* нашла отражение в оценке Петровской эпохи, разделившей русскую историю на две части ^[3]. Не считаясь с многовековыми традициями, Петр I реформировал русскую жизнь по европейским образцам, сверг главенство церкви, сделав ее одним из государственных департаментов. Единая культура, существовавшая в допетровские времена, была разрушена реформами Петра:

«Русь разорвалась надвое. Явилось разделение на публику (новопреобразованное общество) и народ» [Аксаков К. 1995: 155], и главной задачей современности является возврат к тому единству, к той цельности культуры, которая наиболее полно соответствовала русскому национальному духу: «За идеалом развития славянофилы обращались к древней, допетровской Руси, подобно немецким романтикам <...>; отсюда их неблаговоление к петровской реформе, повредившей естественному росту России, отчуждившей образованные классы от народа» [Галахов 1999: 149—150]. В отношении к русской истории В. Г. Белинский видел главную черту славянофильства: «Известно, что в глазах Карамзина Иоанн III выше Петра Великого, а допетровская Русь лучше России новой. Вот источник так называемого славянофильства» [Белинский, 9: 17]. И. С. Тургенев, выступая против стремления крайних славянофилов вернуть Россию к допетровским временам, замечал: «Хоть бы они подумали о том, что тогда нужно будет возвратиться к прежнему и наш прекрасный, богатый язык! <...> язык, который до времен Петра был так тяжел, что на нем трудно было излагать свои мысли, который едва складывался в форменные, сухие донесения и который с Пушкина развился так богато» [Тургенев 1954: 302]. Таким образом, славянофилы оценивают положительно допетровское *прошлое*, что означает и положительную оценку *старины*. М. А. Дмитриев, вспоминая о И. В. Киреевском и К. С. Аксакове, замечал: «У обоих было общим предпочтение русской старины и русской национальности всему европейскому. Но Киреевский искал старины и национальности в народном духе, а Аксаков в обычаях и наружном складе жизни» [Дмитриев 1998: 440]. Вся эпоха после Петра оценивается славянофилами в целом как *новое*, привнесенное с Запада, значит, *неродное*, *не свое*.

Западники представляли историю «как поступательное движение человечества», поэтому преобразования, связанные с именем Петра, рассматриваются как закономерный этап развития Российского государства. Петр I, «воспользовавшись государственным материалом, подготовленным московскими царями, вдвинул Россию в среду европейских держав, тем самым исполняя великое ее историческое значение» [Чичерин 1997: 46].

Характерна полемика, вызванная появлением «Полной русской хрестоматии» А. Д. Галахова (1843 г.), который ввел в литературный и педагогический обиход произведения многих современных авторов, исключив традиционные тексты докарамзинского перио-

да. Его целью было дать «образцы прозы и поэзии, написанные литературным языком нового времени, то есть обнимающим эпохи Карамзина и Пушкина» [Галахов 1999: 285]. Славянофилы и представители официальной народности обвинили его в неуважении «к преданию», стремлении разорвать связь между прошлым и современным состоянием литературы, в отсутствии подлинного исторического подхода к литературному процессу: «Вы хотите приковать русский язык и слог к одной современности, — писал в своей рецензии С. П. Шевырёв. — Русская хрестоматия, духом мнений своих нарушающая всякую живую связь между поколениями <...>, не может принести живой пользы учению» [Шевырёв 1843: 248].

Пространственный концепт *Россия* также может быть представлен антонимическим противопоставлением: *центр* (столица, власть, дворянство) ~ *периферия* (деревня, народ, крестьянство). Частным отражением данной пространственной оппозиции является противопоставление старой (Москва) и новой (Петербург) столиц: Москва ассоциируется с родным, своим домом, обладает «семейственностью», а Петербург воспринимается как часть Европы внутри России. Противопоставление многозначных и многослойных для русского культурного сознания концептов *Москва* и *Петербург* отражает оппозицию *свое* ~ *чужое*.

Русское и *славянское* уточняется с помощью определения *московское*: «*московское славянское направление*» у И. Киреевского или «*московское и русское дело*» в переписке Д. Валуева [См.: Пирожкова 1997]. В «Гамлете Щигровского уезда» И. С. Тургенева главный герой говорит о «*наших московских*», которые «курскими соловьями свищут, а не по-людски говорят» [Тургенев 1961: 282]. Два сборника (Симбирский и Сборник исторических и статистических сведений о России), изданных в 1845 г., в славянофильской среде называются *Славянскими*, сборники 1846 и 1847 г. уже прямо названы *Московскими*, а Некрасов издает Петербургские сборники. Принимая руководство журналом «Москвитянин» в 1845 г., И. Киреевский намеревался «задавить петербургских», т. е. западников [См.: Киреевский 1911: 231]. К. Аксаков объяснял свою позицию: «Я душою *москвич*, и не участвую ни в одном *петербургском* журнале или газете», так как «между *Москвой* и *Петербургом* нет и не может быть никакого объединения»; «мы нравственно ставим бездну между собою; полное разделение и полная противоположность и непримиримость двух начал»; «в *Петербурге* хорошие люди могут быть

только *москвичи*» [Цит. по: Пирожкова 1997: 101]. Говоря о несовместимости русской орфографии с чуждой грамматикой, К. Аксаков в статье о правописании иронично обыгрывает название жителя Петербурга, считает «дикими» образования «петербуржец», «петербуржанин» и заключает: «Видно, как ни бейся, а от иностранного имени не получишь русского окончания» [Аксаков К. 1875: 405].

Таким образом, можно выстроить градацию прагматических антонимов, используемых в культурно-идеологической оппозиции славянофильства и западничества, иллюстрирующих как контрастность двух идеологий, так и их внутреннюю амбивалентность: *свой* ~ *чужой*; *славянский* ~ *не славянский*, *общевропейский*; *русский* ~ *не русский*, *западный*; *восточный* ~ *западный*; *истинно христианский* ~ *не христианский*, *безбожный*; *православный* ~ *католический*; *народный* ~ *не народный*; *старое* ~ *новое*; *пространство* ~ *время*; *прошлое* ~ *настоящее*; *московский* ~ *петербургский* (*Москва* ~ *Петербург*).

Культурологическую оппозицию славянофилов и западников, на наш взгляд, можно рассматривать не только как внутрикультурную, но и как межкультурную, если межкультурным признать общение не только людей разных национальностей, но и различных корпоративных культур. Антонимия описанных прагмем, отражая противопоставленность *своего* и *чужого*, способствует социальной дифференциации общества, т. е. язык в данном случае выполняет функцию разделения и атрибуции различных общественных групп.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1]. Г. Я. Солганик, исследуя язык современной газеты, обратил внимание на слова, семантическая структура которых состоит из тождественного референтного и противоположного оценочного значения, отмечая, что слова с положительной коннотацией используются для описания «нашего» и «наших», а с отрицательной — «ненашего» и «ненаших» [См.: Солганик 1981].
- [2]. См. слова В. Г. Белинского: «Понятие о *прогрессе* как источнике и цели исторического движения, производящего и рождающего события» [Белинский, 8: 286].
- [3]. Ср. определение славянофильства Ф. Толлем: «Так называется в России партия, не признающая необходимых преобразований России Петром I и видящая идеал русского устройства в допетровской Руси» [Настольный словарь 1864, 3: 479]. М. А. Дмитриев называет славянофилов «партией староверов, которые осуждали Петровскую реформу и стояли за московское царство» [Дмитриев 1998: 366].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И. С. Письма к родным (1849—1856). — М. : Наука, 1994.
2. Аксаков К. С. Полн. собр. соч. — М. : В тип. П. Бахметева, 1875. Т. 2, ч. 1.
3. Аксаков К. С. Стихотворения // Поэты кружка Н. В. Станкевича. — М. ; Л. : Советский писатель, 1964.
4. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. — М. : Искусство, 1995.
5. Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
6. Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. — М. : Современник, 1981.
7. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика : учеб. для вузов. — М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001.
8. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. / под ред. Н. Ф. Бельчикова и др. — М. : Изд-во АН СССР, 1953—1959.
9. Галахов А. Д. Записки человека. — М. : Новое литературное обозрение, 1999.
10. Герцен А. И. Собр. соч. : в 9 т. / под общ. ред. В. П. Волгина и др. — М. : ГИХЛ, 1955—1958.
11. Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. — М. : Новое литературное обозрение, 1998.
12. Егоров Б. Ф. Очерки по истории русской культуры XIX века // Из истории русской культуры, том V (XIX век). — М. : Языки русской культуры, 1996.
13. Киреевский И. В. Полн. собр. соч. : в 2 т. / под ред. М. Гершензона. — М., 1911.
14. Киреевский И. В. Критика и эстетика. — М. : Искусство, 1979.
15. Кошелев А. И. Записки // Русское общество 40—50-х годов XIX в. — М. : Изд-во МГУ, 1991. Ч. 1.
16. Пирожкова Т. Ф. Славянофильская журналистика. — М. : Изд-во МГУ, 1997.
17. Солганик Г. Я. Лексика газеты (функциональный аспект). — М. : Высшая школа, 1981.
18. Тургенев И. С. // Русские писатели о языке (XVIII—XX вв.). — Л. : Советский писатель, 1954. С. 298—324.
19. Тургенев И. С. Письма : в 13 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР. — 1961—1968. Т. 1.
20. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. Т. 4.
21. Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. — М. : Изд-во МГУ, 1986.
22. Чапаева Л. Г. Пространство и время в идеологическом дискурсе славянофилов и западников 30—40-х гг. XIX в. // Вестн. МГУ. Сер. 9 : Филология. 2007а. № 2.
23. Чапаева Л. Г. Славянофилы и западники в русской культурно-языковой ситуации 1830—1840-х годов. — М. : МГГУ им. М. А. Шолохова, 2007б.
24. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2007.
25. Шевырëв С. П. Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей. Ч. 1—2 // Москвитянин. 1843. № 5, 6.
26. Эпштейн М. Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6.
27. Языков Н. М. Стихотворения. — СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1898. Т. 1.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.

УДК 811.111'42
ББК Ш143.21-006

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20; 10.02.04

Е. В. Шустрова Е. V. Shustrova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 2014-ГО:
БАРАК ОБАМА**

В АМЕРИКАНСКОЙ КАРИКАТУРЕ

Аннотация. Описаны основные образы, которыми действующий президент США наделяется в последние месяцы в американской карикатуре. Параллельно проводится сопоставление с образом В. В. Путина. Подводится краткий итог сопоставления образов США и России в карикатуре США на текущий период.

Ключевые слова: политический дискурс; политическая карикатура; метафора; образ; Б. Обама; В. В. Путин.

Сведения об авторе: Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 459.
e-mail: shustovaev@mail.ru.

**COLD LONELY SUMMER 2014:
BARACK OBAMA**

IN AMERICAN POLITICAL CARTOON

Abstract. The paper investigates basic images of Barack Obama in American caricature of late spring — summer 2014. These are compared with the image of Vladimir Putin. The author also provides a brief survey as far as the general image of US and Russia in American caricature of the given period is concerned.

Key words: political discourse; political cartoon; metaphor; image; Barack Obama; Vladimir Putin.

About the author: Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the English Language.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Данная статья продолжает наше исследование, посвященное анализу образа действующего президента США в американской карикатуре. В этом обзоре мы проанализируем материал мая — июля 2014 г. Сразу вспомним, что эти рисунки создавались и/или размещались в сети гражданами США (как профессиональными карикатуристами, так и любителями) во время нарастающего напряжения в отношениях с Россией. В некоторых американских изданиях и политической риторике это принимало формы, больше напоминающие истерию. Конечно, это не могло не отразиться на карикатуре, особенно в изданиях, слишком зависимых от действующего правительства США. Пожалуй, самым циничным на сегодняшний момент выглядит выброс в Сеть массы карикатур в первые минуты (!) после падения малайзийского «боинга» на территории Украины. Мысль у данных изображений была одна и очень простая: это дело рук России и лично В. В. Путина. Судя по тому, что, как стало известно позднее, целый ряд репортажей был подготовлен заранее, то же самое происходило и с карикатурой (примечательно, что есть отдельный специально разработанный сайт, размещающий антироссийскую графику [The Cagle Post]). Но параллельно происходит обратный процесс. Причем, если зимой — весной 2014 г. таких настроений в

американском обществе было гораздо меньше, то сейчас они нарастают, и игнорировать их, видимо, становится все сложнее. Итак, посмотрим на итоги. Начнем с того, что заявлено в заглавии статьи — с образа Барака Обамы, но потом обратимся к образу США в целом и сопоставим результаты с данными об образе В. В. Путина и России.

Никогда раньше Барак Обама не предстал так часто в образе безнадёжного идиота и мошенника, причем агрессивного, свято верящего в свою богоизбранность, уникальность, но при этом осознающего свои идиотизм и ложь и пытающегося обвинить в этом упущении всех остальных, включая прессу, бизнес, военных и простых граждан США. То, что было раньше, сейчас кажется просто милым светлым образом по сравнению с днем сегодняшним. Никогда прежде в вербальном компоненте карикатур на Б. Обаму не содержалось таких оскорбительных и откровенных обвинений в глупости. В основном это были достаточно мягкие или двусмысленные намеки в графике. Был и период во время второй избирательной кампании, когда Б. Обама получал статус единственного разумного претендента на пост президента США, спокойного взрослого в толпе галдящих неразумных детей (см. рис. 1).

Что же сейчас? Всё очень прямолинейно: «американский идиот» (рис. 2).

Материалы подготовлены в рамках гранта РФНФ № 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

© Шустрова Е. В., 2014

Рис. 1

Рис. 2

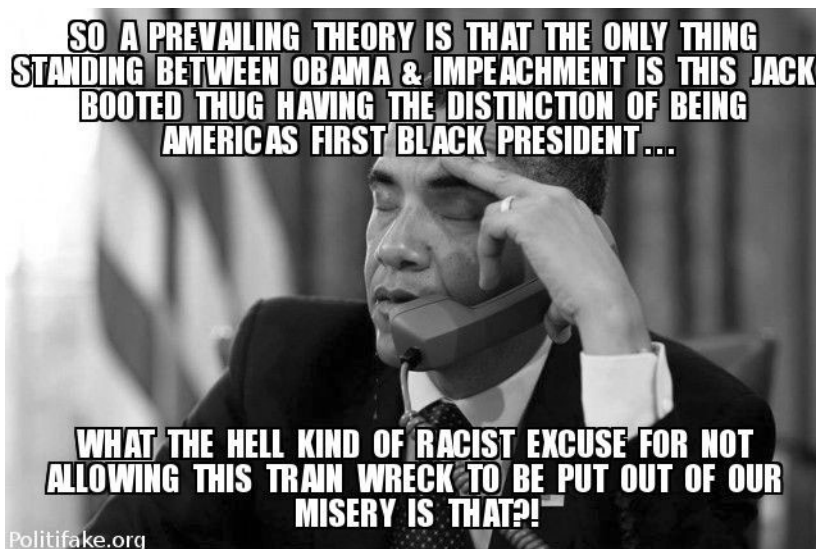

Рис. 3

Другой пример (рис. 3) содержит сочетания *this jack booted thug* и *this train wreck*. Что касается *thug*, то у него несколько значений, основные в данном контексте следующие: 1) убийца; головорез, бандит; 2) разбойник-душитель (член религиозной секты в Индии, поклонявшейся богине смерти Кали; секта предположительно уничтожена в середине XIX в.). Сложнее с эпитетом *jack booted*. Если собрать те значения слова *jack*, которые могут здесь обыгрываться, то получится следующее: 1) простой парень, человек (из народа); 2) самец (некоторых животных; в частности, осел); самец осла или мула; 3) деньги; 4) порция алкоголя; таблетка с героином. Параллельно в памяти всплывают *Jack in office* (*Jack in office*; *jack-in-office*) — самонадеянный, важничавший чиновник, чинуша, бюрократ; *Jack out of office* — безработный; человек не у дел; *Jack Horner* (Джек Хорнер) — персонаж детского стихотворения, известного с XVIII в.; пай-мальчик, любящий полакомиться и прихвастнуть; самодовольный мальчик (выражение взято из детского стихотворения: *Little Jack Horner / Sat in a corner, / Eating a Christmas pie; / He put in his thumb, / And he pulled out a plum, /*

And said, "What a good boy am I!"); *Jack of all trades* — умелец на все руки. Последнее выражение уже давно стараются не употреблять, желая похвалить человека, потому что у него есть продолжение: *Jack of all trades and a master of none* — мастер на все руки, которые крюки (букв. за «всё братья и ничего толком не уметь»). У *boot* как существительного и образованного путем конверсии глагола следующий набор переносных значений, участвующих в формировании нужного образа: 1) награбленное; добро, добытое в результате набегов или войн, трофеи; 2) пинок; 3) одаривать; делать богатым; 4) дать пинка, пнуть; наподдать (ногой). От основного значения «ботинок» образуется глагол «обувать, надевать обувь» и прилагательное «обутый». В сленге у прилагательного *booted* есть еще сниженное значение, связанное с половыми отношениями и средствами мужской контрацепции. Если теперь переложить на русский язык емкое *this jack booted thug*, то получится примерно следующее: это тупоголовый, упертый, вечно пьяный в дуду (или в кайфе), самодовольный и любящий пожрать чинуша-головорез, прикидывающийся милой зайкой и сво-

им в стельку парнем с незамысловатым прошлым, который ничего не умеет, только хвастается. Его науськивают и финансируют демократы. Они же его и шантажируют. В то же время последнее можно воспринять менее экспрессивно, просто как «кандидат от партии демократов». Если выпустить *jack*, то получится не совсем приличное *this booted thug*, т. е. «приготовившийся к сексу бандюга».

Словосочетание *this train wreck* переводится как «эта катастрофа». Поскольку оно содержит компонент *train* — «поезд», то становится хорошо видна отсылка к моделям «жизнь — это путь», «судьба лидера, государства — это движение скоростного поезда». В данном случае поезд идет под откос. Что касается надписи в целом, то, если мы сократим уже сказанное, она гласит: «Итак, согласно наиболее распространенной теории, единственное, что отделяет Обаму от импичмента, — это то, что сей ублюдок вошел в историю США как первый президент-афроамериканец... Какой же это расистский предлог для того, что отказываться прекратить наши мучения и покончить с этой катастрофой-президентом!».

Следующие два рисунка (4, 5) очень похожи по позе и жестам. Кроме этого, их объединяет и вербальная составляющая — частичные омонимы *crock* и *crook*. У *crock*, в свою очередь, тоже есть омонимы. Основной комплекс значений омонимов *crock I*, *crock II*, *crock III*: 1) глиняный кувшин, горшок; 2) железный котел, котелок; 3) глиняный черепок, осколок (как и в русском, здесь будет аналогия с головой и умственными способностями); 4) старая овца; 5) старая, ни на что не годная лошадь, кляча; 6) хляк, дохляк; 7) дурак, идиот; 8) ипохондрик; 9) рыдван, колымага, драндулет (о транспортном средстве); 10) грязь, копоть (здесь, безусловно, содержится оскорбительный намек на афроамериканское происхождение); 11) человек потрепанный, поизносившийся, старпер, пьяница. В свою очередь, *crook* — уголовник, обманщик; жулик, мошенник. Этот жулик пытается сказать, что обманывают люди, подобные Э. Сноудену, активные граждане, которые предают гласности наблюдаемые или предполагаемые факты нарушения закона; инициаторы расследований, источники информации и СМИ.

Образ продавца, актера и циркача и раньше использовался применительно к Б. Обаме. Предыдущий пик использования приходился на самое начало первого срока президентства, когда консерваторы надеялись доказать незаконность вступления Б. Обамы в должность. Сейчас новый пик. Его отличие в том, что сегодня это относится

в большей мере к внешней политике президента. Жонглирует он уже не только словами, а военными силами США, НАТО и СМН (рис. 6), демократические ценности продает вместе с Д. Кэмероном (рис. 7).

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Во внутренней политике Б. Обама выступает вместе с рядом лиц. На рис. 8 он изображен вместе с Кэтлин Сибелиус — американским политиком-демократом, до

недавнего времени занимавшей пост министра здравоохранения и социальных служб США. Они номинируются на следующие призы: участие в лучшей афере, выдумке, лжи и одновременно потасовке (*best fib*); лучший мошенник (*con artist (con man)* — мошенник); лучший мошенник второго плана (*best con artist in the supporting role*). Картина называется «American Hustle» — «Развод клиента по-американски».

Рис. 8

В качестве других сопровождающих президента выступают Хиллари Клинтон, Джозеф Байден, Эрик Холдер, Гарри Рид, Нэнси Пелоси. Их изображают либо идиотами, либо стервятниками над истекающим кровью дядей Сэмом (рис. 9), либо драконом, пытающимся догнать и уничтожить то, что еще осталось от рабочих мест, возможности инвестиций и бизнеса в США (рис. 10).

Рис. 9

Рис. 10

Все чаще Б. Обама не просто мошенник, а преступник, провоцирующий ненужное насилие, полностью противопоставленный миру, человек, чьи действия имеют роковые,

фатальные последствия и для мира, и для США. Причем этот преступник продолжает лицемерно извиняться, лить слезы не по тому поводу, пытаться спихнуть свою вину на всех и вся (в том числе и на В. В. Путина), полностью игнорируя выносимые из самолета гробы американских солдат или пылающий, избитый (в зависимости от автора карикатуры) земной шар (рис. 11, 12, 13).

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Все чаще это человек, издевающийся над американскими ценностями, уничтожающий американскую мечту и конституцию, преступно игнорирующий права граждан США (рис. 14, 15, 16).

Если до недавнего времени в качестве источников прецедентности при изображении Б. Обамы наиболее частотными были фигуры Дж. Кеннеди, М. Л. Кинга-младшего, А. Линкольна, Ч. Чаплина и Че Гевары, то сейчас все больше обращаются к лидерами, имеющим в США репутацию политически несостоятельных или одиозных.

Рис. 14

Рис. 15

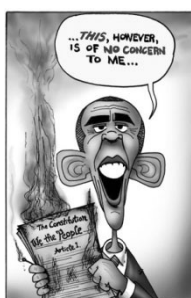

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

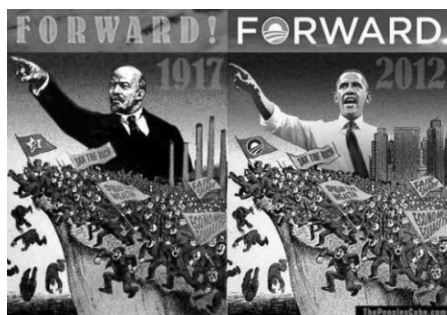

Рис. 19

Рис. 20

В качестве примера политического фиаско используется фигура Р. Никсона, которому пришлось уйти в отставку из-за Уотергейтского скандала (1974 г.). Одной из задач группы сотрудников аппарата президента Р. Никсона, осуждавших взлом штаб-квартиры Демократической партии в столичном административно-гостиничном комплексе «Уотергейт», было «заткнуть утечку» информации о незаконных делах администрации в прессу («*to plug the press leaks*»). Только Р. Никсон распорядился установить прослушивающие устройства лишь в одном офисе, а Б. Обама прослушивает всю страну

(рис. 17). Кстати, поплатился тогда не только полностью дискредитировавший себя Р. Никсон. Многие из сотрудников аппарата получили различные сроки тюремного заключения. Намек достаточно прозрачный и снова отсылает к образу мошенника и преступника, чьи деяния уголовно наказуемы.

Из лидеров, считающихся одиозными, сейчас часто вспоминаются в связи с Б. Обамой Гитлер, Ленин, Сталин, Мао Цзэ-дун. Фигура Гитлера возникла в связи с событиями на Украине. Арсений Яценюк и Барак Обама мыслят совершенно одинаково (рис. 18).

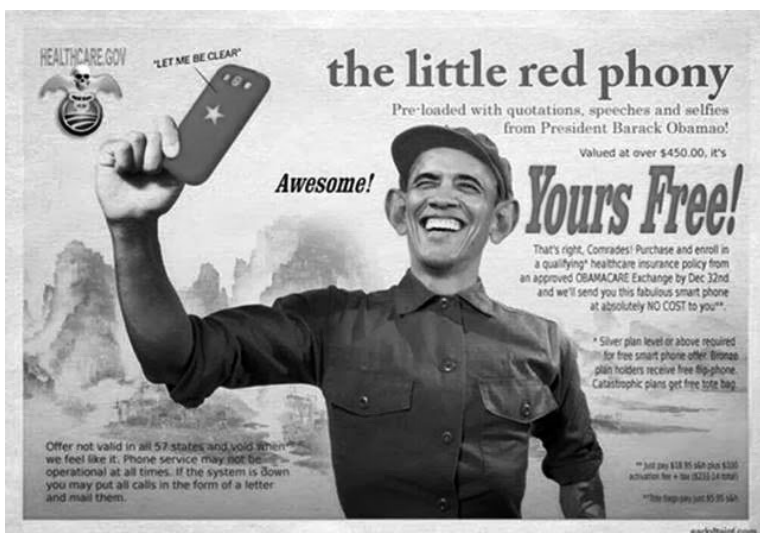

Рис. 21

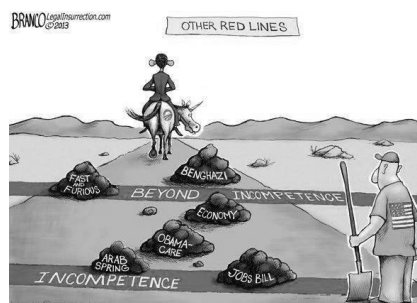

Рис. 22

Рис. 23

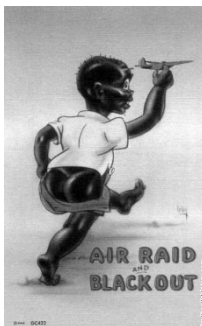

Рис. 24

Рис. 25

Применительно ко внутренней политике образы Ленина, Сталина и Мао Цзэдуна призваны показать чужеродность навязываемых принципов, в первую очередь экономического плана. Следом идет идеология. По мнению авторов карикатур, при Б. Обаме США стали закрытой, зашоренной страной с жесткой цензурой и нетерпимостью к альтернативному взгляду на происходящее (рис. 19, 20).

Карикатура с образом Мао Цзэдуна, помимо прочего, вновь возвращает к образу обманщика (рис. 21). Вверху расположена надпись *the little red phony*. С одной стороны, *phony* можно рассматривать как уменьшительно-ласкательную форму от слова *phone*, т. е. «маленький красный телефончик» с цитатами, речами и фотоавтопортретами (так называемыми «себяшками», т. е. снимками, получающимися, когда человек снимает самого себя) Б. Обамы, который тот готов подарить любому желающему. Спешите, срок рекламной акции ограничен. С другой стороны, есть самостоятельное слово *phony*, используемое и как существительное со значениями 1) обман; подделка; 2) жулик, обманщик; как конверсивное прилагательное слово значит 1) ложный, поддельный; фальшивый; дутый; 2) прикидывающийся, при-

творяющийся. То есть возможен перевод «маленький красный (в значении „исповедующий идеологию коммунизма“) жулик». Интересно и прилагательное *awesome*. У него три основных значения: 1) внушающий страх, приводящий в трепет, ужасающий; 2) преисполненный почтения, благоговейный, почтительный; 3) потрясающий, фантастический, грандиозный. Здесь обыгрываются все три. Сам Б. Обама начинает с конца словарной статьи и думает, что он очень крут. Остальные начинают с начала и думают, что он — кошмар США, пресмыкающийся перед людьми, сделавшими его президентом.

Со словом *awesome* мы еще встретимся. Теперь о других частотных образах Б. Обамы последних месяцев. Все чаще упоминаются испражнения и потеря одежды. Нужно сказать, что здесь очень сильна расовая составляющая. Расчет сделан на прагматику, связанную со стереотипным восприятием афроамериканцев. На рис. 22 Б. Обама верхом на осле — символе демократов — гордо следует в никуда по шоссе в пустыне, переходя все возможные пределы глупости и непрофессионализма. Дорога экономической, внешнеполитической, социальной жизни США после этого похода малопригодна для

других. Разгребать это придется простым американцам.

Потеря брюк (рис. 23) должна, с одной стороны, показать неспособность Б. Обамы справляться с экономическими проблемами, которые слишком велики для него. С другой стороны, подпись *big boy pants* («брюки для большого мальчика») вводит отсылку к образу ребенка, который тоже используется в ряде карикатур на Б. Обаму. Здесь ребенок, теряющий одежду, напомнит американцам о гораздо более ранней графике (ср., например, рис. 24). Одновременно *pants* — это еще и «чушь, чепуха, мура, фигня», т. е. Б. Обама никак не может справиться с той идиотской экономической политикой, которую ему навязывают кабинет и Сенат.

Никогда раньше на американских карикатурах Б. Обама не представал во время интимных гигиенических процедур. Сейчас это не редкость. Самый простой и понятный пример приведен на рис. 25, где изображены последствия внешней политики США, в частности на Ближнем Востоке.

На рис. 26 обыграны несколько моментов. Во-первых, перед нами совершенно перепуганный Б. Обама, который не в силах покинуть уборную. С ним контрастирует образ уверенного, спокойного, достойного В. В. Путина в роскошном кожаном кресле руководителя. Во-вторых, снова делается отсылка к Уотергейтскому скандалу, когда агенты спецслужб маскировались под сантехников. В-третьих, в памяти опять же должна всплыть ранняя карикатура на стереотипного афроамериканца (ср., например, рис. 27, 28).

Рис. 26

Еще один свежий пример использования расовых стереотипов представлен на рис. 29. В соответствии с традиционным восприятием, афроамериканцы, в силу своей глупости и лени, не могут выполнять никакую другую работу, кроме самой простой и грязной. От разных названий сажи, грязи, ваксы,

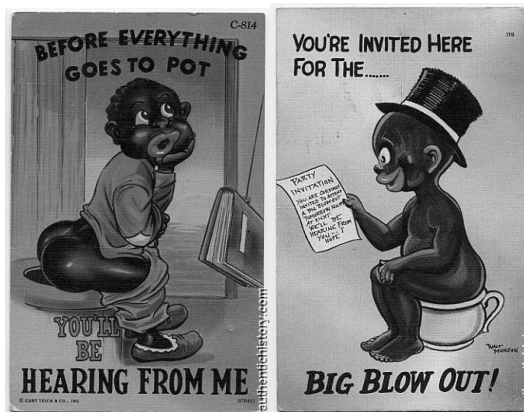

Рис. 27

Рис. 28

Рис. 29

ботинок, совков для мусора образовано немало метафорических номинаций для уничижительного обозначения афроамериканца, что как раз и использовано при создании этого рисунка (литературный дядя Том никогда не работал чистильщиком). Интересны и аллюзии на два литературных произведения: роман «Хижина дяди Тома» Г. Б. Стоу и стихотворение Р. Кипплинга «Бремя белых» (или «Бремя белого человека»). Имя «дядя Том», помимо исходного обозначения верного слуги, готового пожертвовать всем ради хозяина, уже давно переводится как «холуй, прихвостень, предатель интересов своего народа». «Бремя белых» («The White Man's Burden», 1899) стало обозначать миссию, в которую верили белые колонизаторы, а именно приобщение колонизируемых на-

родов к благам цивилизации. Здесь Б. Обама, по словам дяди Сэма, несет бремя белых. Горькая ирония очевидна. Если прочитать выражение в прямом смысле, то оно будет обозначать просто перетаскивание (обычно на плечах, спине) тяжелых вещей, т. е. выполнение тяжелой неинтеллектуальной работы, что часто делали афроамериканцы. В то же время теперь уже не белый, а негроидный Б. Обама несет плоды просвещения в новые колонии. Каковы будут эти плоды, можно судить по уровню его интеллектуального развития и выполняемой работе на анализируемой карикатуре.

Еще один образ — это образ спортсмена. Именно он раньше был самым распространенным при изображении Б. Обамы. Ранее спортивный графический образ действующего президента США был связан с бегом, баскетболом, бейсболом, гольфом, серфингом, т. е. с самыми традиционными видами спорта в США. При этом спортсмен был удачлив. Во время второй президентской кампании доминировал образ боксера, причем тоже удачливого. Сейчас это борьба, причем только с В. В. Путиным и только безуспешная. Не в последнюю очередь образ продиктован спортивными увлечениями президента РФ, который не оставляет Б. Обаме никаких шансов (рис. 30, 31).

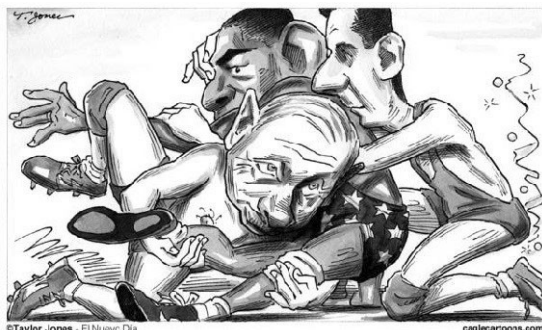

Рис. 30

Рис. 31

Второй частотный образ — это образ лучника, неспособного попасть ни в одну мишень, но неизменно довольного собой и требующего одобрения. Карикатурный луч-

ник Обама может попасть детской стрелой с присоской, символизирующей санкции, в В. В. Путина (рис. 32). Сам Б. Обама в восторге от содеянного и уверен в серьезности последствий своего выстрела, хотя его собственная голова уже давно пробита другой стрелой.

Рис. 32

Из менее частотных образов отметим следующие: слабак полицейский, пресмыкающийся перед В. В. Путиным, изображенным в образе хулигана, человек, стыдящийся своих действий, надоедающий русскому медведю подстриганием когтей маникюрными щипчиками — санкциями, тюремщик (примечательно, что это относится к внутренней политике), пленник Китая, врач-шарлатан. И еще одно наблюдение. За все время президентских гонок и пребывания на посту Б. Обама очень часто изображался на карикатуре, в ответ на любое небольшое событие или поступок появлялись рисунки. Последние месяцы были наполнены разными политическими событиями, а президент США, напротив, отошел в тень, уступив место В. В. Путину. Карикатура может быть разной, но, когда она есть, это показатель интереса общества к изображаемому лицу. Пожалуй, для Б. Обамы уже произошло самое страшное, что может случиться с президентом США: он перестал быть интересен своим согражданам. Попытки выстроить искусственный барьер в отношениях с Россией, видимо, приводят к обратному эффекту внутри самих США. Граждане США в последние месяцы изображают свою страну как место, где намеренно ничего не желают знать о В. В. Путине, в отличие от остального мира, где интерес к российскому президенту только растет. В США же предпочитают обсуждать проблему оплаты труда спортсменов-любителей (рис. 33).

США на карикатуре — это гибнущая страна, где у молодого поколения нет будущего, где правительство противопоставлено всем остальным гражданам и, наконец, лицемерный агрессор, обвиняющий В. В. Пу-

тина (рис. 34, 35). Последние полгода не редкость изображения дяди Сэма и американской мечты в виде разводящейся супружеской пары, или же американская мечта исполняет роль надоевшего мужа, с которым разводится миссис Америка. Повторим, это *американская* карикатура. Ранее мы никогда не фиксировали таких результатов.

September 16, 2013 | Vol. 182 No. 12

Previous Issue Next Issue

Рис. 33

Рис. 34

Рис. 35

Теперь перейдем к образу В. В. Путина. Несмотря на обилие рисунков, самих постоянно варьируемых образов немного. Везде без исключения перед нами образ сильного, уверенного в себе взрослого человека, часто босса или мачо. Есть немало изображений хулигана или спортсмена, но и здесь это сильный, побеждающий взрослый. Кстати, в виде агрессора В. В. Путина изображают в последние месяцы нечасто, в отличие от дней перед началом Олимпийских игр в Сочи. Напротив, В. В. Путин изображается в контрастирующей паре с Б. Обамой, где он забирает у последнего Нобелевскую премию

мира (рис. 36). Или В. В. Путин изображается очень миролюбивым, вместе с животными, а рядом — Б. Обама на фоне военных во время своей программной речи в Уэст-Пойнте (рис. 37).

Еще три интересных примера. В. В. Путин обращается к Б. Обаме со словами: «Просто посмотри мне в глаза. Президент Буш не отводил взгляд». Б. Обаме, как видно, такая задача не по силам — взгляда В. В. Путина он выдержать не может (рис. 38).

Рис. 36

Рис. 37

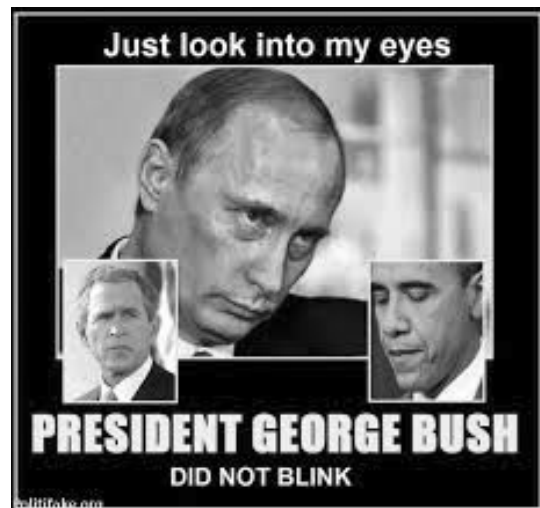

Рис. 38

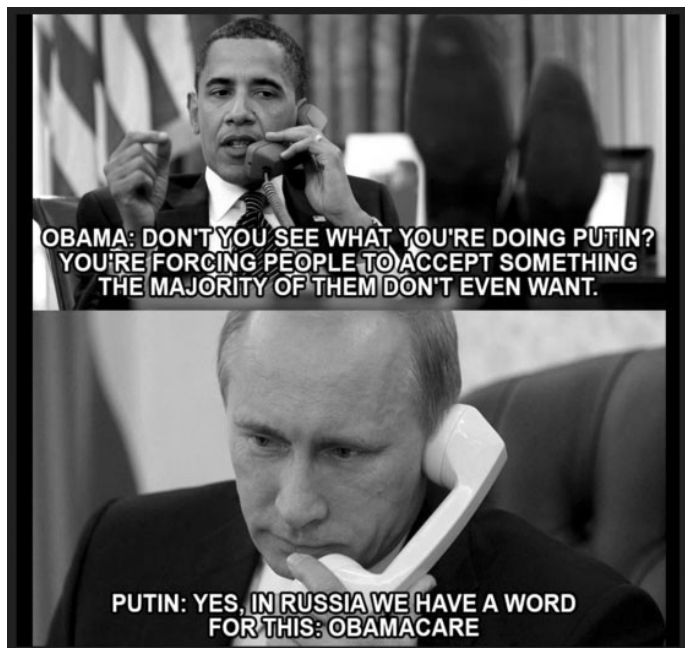

Рис. 39

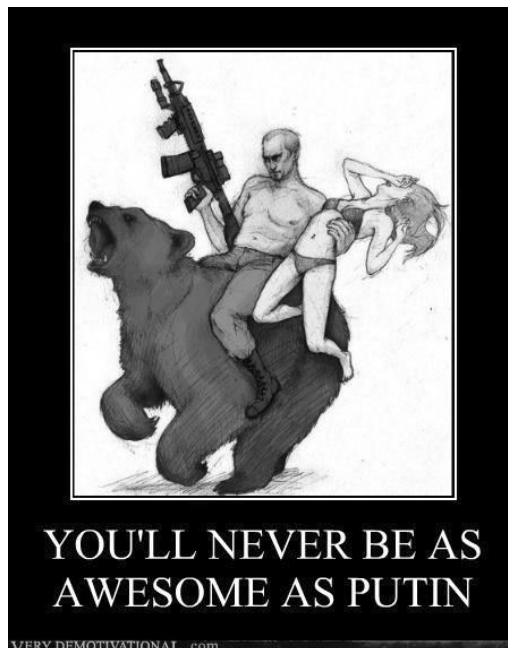

Рис. 40

EUROPE IN 1914

Рис. 41

Рис. 42

На рис. 39 Б. Обама, беседуя по телефону с В. В. Путиным, говорит: «Разве ты не видишь, что ты принуждаешь людей принять то, чего большинство из них совсем не желает?». На это он получает ответ: «Да, в России у нас даже есть для этого специальное слово: Обамасаре». *Obamacare* можно прочитывать по-разному. Первое значение — это реформа здравоохранения и защиты пациентов, инициированная Б. Обамой, плохо поддержанная правительством и гражданами США и уже давшая непрогнозируемые отрицательные последствия, хотя изначально всё задумывалось для сокращения дефицита бюджета страны и повышения уровня медицинского обслуживания с одновременным уменьшением расходов на него граждан. Это если воспринимать единицу как сложное слово. Но в английском различия между сложными словами и словосоче-

таниями не всегда носят четко выраженный характер, особенно если единица воспринимается на слух. В данном случае можно четко выделить два самостоятельных компонента: *Obama* и *care*. Так получится «забота, внимание, любовь Обамы».

Рис. 40, с одной стороны, эксплуатирует стереотипный образ России и ставшую прецедентной фотографию В. В. Путина без рубашки верхом на коне. Потом на нее были пародии в виде коллажа на основе этого же снимка, где вместо коня была вставлена фотография медведя. С другой стороны, карикатура возвращает нас к слову *awesome*. В отличие от ситуации с американским президентом, оценка здесь представляет собой взгляд со стороны, а не предполагаемые мысли самого В. В. Путина. При всей агрессивности образа, на первый план выходит образ крутого мачо, с которым тягаться совершенно

бесполезно. Надпись можно перевести так: «Ты никогда не будешь так крут, как Путин», «Тебе никогда не переплюнуть Путина».

Что касается облика нашей страны в целом, то, конечно, по-прежнему в ходу образ большого медведя, либо застывшего в ожидании, либо пытающего съесть Украину. Был и выброс в Сеть старой переименованной карикатуры, на которой Россия исполняет роль фашистской Германии (рис. 41) и пытается сглотнуть яростно сопротивляющиеся европейские страны. Но нужно сказать, что это единичный пример. С медведем приходится считаться, пока он согласен просто ждать, иначе дело может закончиться и так, как на рис. 42.

В целом же можно сказать, что Россия перестала восприниматься в США как страна придурков, алкоголиков и дикарей, потрясающих автоматом Калашникова. Самое интересное, что начала появляться графика с лозунгами «Путина в президенты США!» — вещь, совершенно немыслимая еще год назад.

ИСТОЧНИКИ

1. *Allvoices*. URL: <http://www.allvoices.com>.
2. *Bangor Daily News*. URL: <http://www.bangor-dailynews.com>.
3. *Blogs.post-gazette*. URL: <http://www.blogs.post-gazette.com>.
4. *Cab drollery*. URL: <http://www.cabdrollery.blogspot.com>.
5. *Carpetbaggery*. URL: <http://www.carpetbaggery.com>.
6. *Cartoonstock*. URL: <http://www.cartoonstock.com>.
7. *Contra Costa Times*. URL: <http://www.contracostatimes.com>.
8. *Daily Kos*. URL: <http://www.dailykos.com>.
9. *Dave Granlund* : editorial cartoons & illustrations. URL: <http://www.davegranlund.com>.
10. *Davidmixner.com*. URL: <http://www.davidmixner.com>.
11. *Dayton Daily News*. URL: <http://www.mydayton-dailynews.com>.
12. *Desrtpeace*. URL: <http://www.desertpeace.wordpress.com>.
13. *Detroit Free Press*. URL: <http://www.freep.com>.
14. *Disc.yourwebapps*. URL: <http://www.disc.yourwebapps.com>.
15. *Facebook*. URL: <http://www.facebook.com>.
16. *Hire an illustrator*. URL: <http://www.hireanillustrator.com/>.
17. *Humor in America*. URL: <http://humorinamerica.wordpress.com/>.
18. *Jokes.conservativepapers*. URL: <http://www.jokes.conservativepapers.com>.
19. *KAL*. URL: <http://www.kaltoons.com>.
20. *Lhvnews*. URL: <http://www.lhvnews.com>.
21. *Los Angeles Times*. URL: <http://www.latimes.com>.
22. *Lunaticoutpost*. URL: <http://www.lunaticoutpost.com>.

23. *Margulies*. URL: <http://www.jimmymargulies.com>.
24. *Media.cagle*. URL: <http://www.media.cagle.com>.
25. *Media.townhall*. URL: <http://www.media.townhall.com>.
26. *Morristown Green*. URL: <http://morristowngreen.com/>.
27. *New York Post*. URL: <http://www.nypost.com>.
28. *Newsblogs.chicagotribune*. URL: <http://www.newsblogs.chicagotribune.com>.
29. *Obama Cartoons*. URL: <http://www.obamacartoon.blogspot.com>.
30. *PA Pundits — International*. URL: <http://www.papundits.wordpress.com>.
31. *Political Irony*. URL: <http://www.politicalirony.com>.
32. *Politicalgraffiti.worldpress*. URL: <http://www.politicalgraffiti.worldpress.com>.
33. *PRI*. URL: <http://www.pri.org/>.
34. *Printerest*. URL: <http://www.pinterest.com/>.
35. *Procartoonis*. URL: <http://procartoonists.org/>.
36. *Shutterstock*. URL: <http://www.shutterstock.com>.
37. *Sky Dancing*. URL: <http://www.skydancingblog.com>.
38. *Star Tribune*. URL: <http://www.startribune.com>.
39. *Statesman Journal*. URL: <http://www.statesmanjournal.com>.
40. *The Atlantic*. URL: <http://www.theatlantic.com>.
41. *The Burning Platform*. URL: <http://www.theburningplatform.com>.
42. *The Cagle Post Cartoons & Commentary*. URL: <http://www.cagle.com/>.
43. *The Contributor*. URL: <http://www.thecontributor.com>.
44. *The Economist*. URL: <http://www.theeconomist.com>.
45. *The Guardian*. URL: <http://www.theguardian.com/>.
46. *The Huffington Post*. URL: <http://www.huffingtonpost.com/>.
47. *The New York Times*. URL: <http://www.nytimes.com>.
48. *The Onion*. URL: <http://www.theonion.com>.
49. *The Political Carnival*. URL: <http://thepoliticalcarnival.net/>.
50. *The Washington Times*. URL: <http://p.washingtontimes.com/>.
51. *The Week*. URL: <http://www.theweek.com>.
52. *The Wrongologist*. URL: <http://wrongologist.com/>.
53. *Thecharlestowncrier.com*. URL: <http://www.thecharlestowncrier.com>.
54. *Toonpool*. URL: <http://www.toonpool.com/>.
55. *Toonsup.com*. URL: <http://www.toonsup.com>.
56. *Townhall*. URL: <http://www.townhall.com>.
57. *Tribune Media*. URL: <http://www.tribune.com>.
58. *Truthdig*. URL: <http://www.truthdig.com>.
59. *Tucsonsentinel*. URL: <http://www.tucsonsentinel.com>.
60. *Tunnel Wall*. URL: <http://www.tunnelwall.blogspot.com>.
61. *U.S. News & World Report*. URL: <http://www.usnews.com/>.

ЛИТЕРАТУРА

62. *ABBY Lingvo* : электр. программа.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111'27
ББК Ш143.21-006

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.29

Код ВАК 10.02.04

М. Г. Асланова М. G. Aslanova
Пятигорск, Россия Pyatigorsk, Russia

СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА

(на материале американского
политического дискурса)

Аннотация. Анализируются понятия «языковая личность» и «профессиональная языковая личность», рассматриваются системообразующие признаки политического дискурса, описывается дискурсивное поведение американских президентов, грамматическая и лексическая наполненность произносимых ими речей. Выявляются основные концепты, объективируемые в речах американских президентов («правительство», «человеческая природа», «закон», «власть», «независимость», «государство», а также нормативные концепты «свобода» и «справедливость»).

Ключевые слова: языковая личность; профессиональная языковая личность; система национальных ценностей; общественное сознание; политический дискурс.

Сведения об авторе: Асланова Мария Геннадьевна, аспирант кафедры теории и практики перевода, Пятигорский государственный лингвистический университет; преподаватель кафедры иностранных языков, Пятигорский медико-фармацевтический институт — филиал Волгоградского государственного медицинского университета.

Место работы: Пятигорский медико-фармацевтический институт — филиал Волгоградского государственного медицинского университета.

Контактная информация: 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 11.
e-mail: mas-mikelova@yandex.ru.

THE STRUCTURE OF PROFESSIONAL LINGUISTIC PERSONALITY OF A POLITITIAN

(in American political discourse)

Abstract. The article analyzes the notions of “linguistic personality” and “professional linguistic personality”, the system forming factors of political discourse and describes the discursive behavior of American presidents and grammatical and lexical aspects of their speeches. The author determines the main concepts realized in American presidential speeches (“government”, “human nature”, “law”, “power”, “independence”, “state”) and the normative concepts (“freedom” and “justice”).

Key words: linguistic personality; professional linguistic personality; system of national values; social consciousness; political discourse.

About the author: Aslanova Maria Gennadiyevna, Post-graduate Student of Department of Theory and Practice of Translation of Pyatigorsk State Linguistic University.

Place of employment: Pyatigorsk Medical Pharmathetical Institute — Branch of Volgograd State Medical University (Pyatigorsk).

Настоящая статья посвящена изучению понятия профессиональной языковой личности и описанию особенностей проявления структуры профессиональной языковой личности в речевом поведении участников американского политического дискурса.

В данной работе исследование языковой личности американских президентов опирается на понятия структуры, уровней и моделей языковой личности, разработанные в антропоцентрическом подходе к языку и речи. Идея «языковой личности» уходит корнями во времена Античности, но термин «языковая личность» остается одним из самых актуальных в современной лингвистике. Данный термин был введен В. В. Виноградовым в статье «О художественной прозе», опубликованной в 1930 г. [Виноградов 1980: 56]. В современных научных исследованиях единства в трактовке термина «языковая

личность» не достигнуто, хотя в отечественной лингвистической литературе проблема языковой личности рассматривается в работах таких авторитетных ученых, как Г. И. Богин, Р. А. Будагов, А. В. Бушева, В. В. Виноградов, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, А. М. Пешковский, Т. Н. Ушакова и мн. др. В европейском языкознании большой вклад в разработку данной проблемы внесли И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. Гумбольдт, Э. Сепир, Ф. де Соссюр.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка определяет термин «языковая личность» как «личность, выраженную в языке (текстах) и через язык, реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств» [Стилистический энциклопедический словарь].

Большой вклад в изучение проблемы языковой личности внес В. И. Карасик. Он

отмечает, что «носителем языкового сознания является языковая личность, то есть человек, существующий в языковом пространстве — в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [Карасик 2007: 8].

Языковая личность является важнейшей составляющей любого процесса коммуникации и отражает общественно-социальные и территориальные традиции той среды, в которой она была сформирована. Это положение отражено в работе Ю. Е. Прохорова, который рассматривает языковую личность как проявление языкового сознания [Прохоров 1999: 40].

Структура языковой личности наиболее системно представлена Ю. Н. Карауловым, который определяет ее как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [Караулов 1987: 4]. Ю. Н. Караулов выделяет несколько уровней языковой личности: нулевой (вербально-семантический), когнитивный (тезаурусный) и мотивационный.

Автор многочисленных работ по филологической герменевтике Г. И. Богин разработал пятиуровневую модель языковой личности, включающую уровень правильности, уровень интериоризации, уровень насыщенности, уровень адекватного выбора, уровень адекватного синтеза.

В настоящее время всесторонним изучением проблемы языковой личности занимается наука персонология, утверждающая, что за любыми действиями, поступками той или иной личности, ее отношением к другим людям стоит комплекс присущих данной личности (а значит, и соответствующей профессиональной субкультуре) идей, ценностей, взглядов, потребностей, интересов и моральных убеждений. В лингвистике и персонологии принято разграничивать понятия «языковая личность» и «профессиональная языковая личность». В то же время языковая личность политика, как и представителя любой другой профессии, является профессиональной языковой личностью, под которой Е. И. Голованова понимает «совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности» [Голованова 2010: 472].

Профессиональная языковая личность представляет собой четко упорядоченную устойчивую систему языковых компетенций, жанровых компетенций, ассоциативно-вер-

бальных реакций, коммуникативных навыков и предпочтений, обусловленных профессиональной деятельностью индивида. Профессиональная языковая личность во многом обусловлена спецификой профессиональной языковой картины мира. Под профессиональной языковой картиной мира политика можно понимать когнитивный уровень его личности, представляющий собой более или менее упорядоченную совокупность представлений об элементах окружающей действительности, связанных с его профессиональной деятельностью. Средствами реализации профессиональной языковой картины мира в дискурсе могут становиться особые языковые знаки и значения, относящиеся к терминологии и профессиональному жаргону, межлексические связи, образующиеся в рамках ассоциативно-вербальной сети, особенности текстопостроения жанров институционального дискурса.

Таким образом, можно полагать, что языковая личность политика обусловлена характеристиками политического дискурса, через который она реализует себя как профессиональная языковая личность.

Актуальность дискурсивного подхода к изучению языковой личности политика определяется тем, что политический деятель как мировоззренчески зрелая языковая личность играет главенствующую роль в дискурсе власти в целом и в организации эффективного, продуктивного коммуникативного акта в частности.

Остановимся далее на тех системообразующих признаках политического дискурса, в которых специфика языковой личности политика прослеживается особенно явно. К таким признакам политического дискурса Е. И. Шейгал причисляет его институциональность, эмоциональность, монологичность, смысловую неопределенность, фантомность, авторитарность, динамичность, театральность и др.

Изучение дискурсивного поведения политика может включать определенные вербальные и невербальные поведенческие моменты (знаковые действия) [Шейгал 2004: 16].

Анализ эмпирического материала показывает, что речевое поведение политиков характеризуется значительным числом общих и универсальных признаков. Так, например, политические речи характеризуются большим количеством параллельных конструкций. Выбор параллельных конструкций является намеренным, так как благодаря своему однообразию параллельные конструкции служат фоном для эмфатического выделения нужного отрезка высказывания или слова: *Today we can declare: Government*

is not the problem, and government is not the solution. We — the American people — we are the solution. / Сегодня мы можем заявить: правительство не является проблемой, и правительство не является ее решением. Мы, американцы, мы — решение проблемы [Clinton 1997]; In the long run, there is no justice without freedom, and there can be no human rights without human liberty. / В долгосрочной перспективе нет справедливости без свободы, и не может быть никаких прав человека без человеческой свободы [Bush 2005]; Homes have been lost; jobs shed; businesses shuttered. / Дома были потеряны, работы потеряны, бизнес закрыт [Обама 2009].

Основной функцией параллельных конструкций в приведенных примерах является эмоциональное воздействие на адресата. Другим распространенным стилистическим приемом в американском президентском дискурсе является антитеза. При этом нередко вместо классического приема антитезы, построенного на сопоставлении параллельных конструкций и антонимов, используется прием эмоционального противопоставления. Прием эмоционального противопоставления служит способом актуализации содержательно-оценочных элементов речи, что ведет к усилению эффекта «психологического давления» на адресата: *We need a new government for a new century — humble enough not to try to solve all our problems for us, but strong enough to give us the tools to solve our problems for ourselves; a government that is smaller, lives within its means, and does more with less [Clinton, 1997]. / Нам нужно новое правительство для нового века — достаточно скромное, которое не пытается решить все наши проблемы за нас, но достаточно сильное, чтобы дать нам инструменты для решения наших проблемы; меньшее правительство, которое живет в силу своих возможностей и делает большее с меньшими затратами; Americans in need are not strangers, they are citizens, not problems, but priorities [Bush 2001]. / Нуждающиеся американцы являются не чужаками, они являются гражданами, не проблемой, а приоритетом; Where the answer is yes, we intend to move forward. Where the answer is no, programs will end [Obama 2009]. / Там, где ответ „да“, мы намерены двигаться вперед. Там, где ответ „нет“, программы закончатся.*

К числу типичных черт дискурсного поведения американского политического деятеля относится риторика, определяемая, с одной стороны, четкостью и лаконичностью синтаксических конструкций, значительным числом единиц политической лек-

сики, ориентацией участников политического дискурса на стереотипы, а с другой — стремлением оратора к необычности, оригинальности, своеобразию, которые способствуют более эффективному воздействию на адресата [Гурова 2008]. Эффекты речевого воздействия достигаются в том числе посредством обращения к политическим стереотипам, таким как *democracy, constitution, freedom, love, human rights, nation, power, piece* и др. Приведем примеры: *This ceremony is held in the depth of winter, but by the words we speak and the faces we show the world, we force the spring, a spring reborn in the world's oldest **democracy** that brings forth the vision and courage to reinvent America [Clinton 1993]. / Эта церемония проводится в разгар зимы, но словами, которые мы произносим, и лицами, которые мы показываем миру, мы ускоряем приход весны, весеннего перерождения, в старейшей в мире системе демократии, которая рождает видение и смелость заново изобретать Америку; Through much of the last century, America's faith in **freedom and democracy** was a rock in a raging sea. Now it is a seed upon the wind, taking root in many nations [Bush 2001]. / На протяжении большей части прошлого века вера Америки в свободу и демократию была скалой в бушующем море. Сейчас это семя, распространяющееся ветром, укореняющееся во многих странах; Each time we gather to inaugurate a president, we bear witness to the enduring strength of our Constitution. We affirm the promise of our democracy [Obama 2013]. / Каждый раз, когда мы собираемся для того, чтобы провести инаугурацию президента, мы свидетельствуем о долговечной силе нашей Конституции. Мы подтверждаем обещание нашей демократии.*

Г. И. Богин в своей диссертации «Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов» подчеркивает, что определяющую роль в достижении успеха в коммуникации играет владение следующими уровнями коммуникативной компетенции: правильности, интериоризации, насыщенности, адекватного выбора, адекватного синтеза [Богин 1984].

Как показывает проведенный нами анализ, этим критериям соответствуют все проанализированные речи американских политиков.

Сформированность языковой компетенции обеспечивается большим лексическим фондом и навыком использования возможностей языкового варьирования в области грамматического строя языка. Говоря о лексическом фонде, следует отметить владение специальной терминологией, профессио-

нальной, научной, юридической и политической терминологией, абстрактной и идеологической лексикой. Согласно Т. ван Дейку, специальная терминология и профессиональная лексика, представленные в речи профессиональной языковой личности политика, могут выражаться контекстуальными и нетекстуальными категориями. В проанализированном нами материале присутствует несколько таких категорий.

1. Основная сфера: *политика (politics)*.
 2. Осуществление основных актов, реализующих властные полномочия: *legislation (законодательство), policy making (определение политического курса)* и т. д.

3. Общее окружение: *House of Parliament (здание парламента), session of parliament (сессия парламента)*.

4. Осуществление локальных политических актов, к числу которых относятся *to table a motion (ставить на обсуждение предложение), to do opposition (собирать оппозицию)*.

5. Политические роли участников: *MP — Member of Parliament (член парламента), representative (представитель), party member (член партии), member of the opposition (член оппозиции)* и т. д.

6. Политическое сознание участников: *political beliefs and ideologies (политические убеждения и идеология), aims and objectives (цели и задачи)* [Dijk 2010].

Следует также отметить, что для профессиональной языковой личности политика характерно использование абстрактных имен существительных. Так, проанализировав инаугурационные речи трех последних американских президентов, мы получили сведения о частотности указанных единиц (см. табл. 1—5).

Таблица 1

Использование абстрактных существительных (Bill Clinton, First Inaugural Address, January 21, 1993)

Слово	Количество употреблений
Challenge	6
Renewal	4
Force	4
Freedom	3
Sacrifice	3
Responsibility	3
Ideals	3
Power	3

Таблица 2

Использование абстрактных существительных (Bill Clinton, Second Inaugural Address, January 20, 1997)

Слово	Количество употреблений
Dream	7
Edge	5
Nation	15
Opportunity	3
Power	5
Promise	10
Strength	4
Union	4
War	6
World	15

Таблица 3

Использование абстрактных существительных (George W. Bush, First Inaugural Address, January 20, 2001)

Слово	Количество употреблений
Courage	6
Freedom	5
Promise	5
Commitment	5
Faith	3
Ideals	4
Power	4
Civility	4
Duty	4
Value	3

Таблица 4

Использование абстрактных существительных (George W. Bush, Second Inaugural Address, January 20, 2005)

Слово	Количество употреблений
Freedom	27
Liberty	15
Ideals	9
Hope	8
Right	6
Justice	5
Tyranny	5
Security	3
Dignity	3
Power	3

Таблица 5

Использование абстрактных существительных (Barack Obama, First Inaugural Address, January 20, 2009)

Слово	Количество употреблений
Spirit	5
Peace	4
Power	4
Journey	3
Freedom	3
Courage	3
Force	3
Oath	3
Ideals	3
Hope	3

Несомненно, наличие в данных текстах значительного числа абстрактных существительных служит, с одной стороны, эвфемизации, помогающей завуалировать «неудобную» (по тем или иным причинам) информацию, а с другой — усиливает «возвышенность», эмоциональность речи.

В грамматическом аспекте речь американских президентов характеризуется использованием языковых средств экспрессивизации и эмотивизации — инверсии, повторов, специфичных для политической коммуникации: *We measure progress by the success of our people. By the jobs they can find and the quality of life those jobs offer. By the prospects of a small business owner who dreams of turning a good idea into a thriving enterprise. By the opportunities for a better life that we pass on to our children* [Obama 2011]. / Мы измеряем прогресс успехом нашего народа. Рабочими местами, которые они могут найти, и качеством жизни, которое эти рабочие места предлагают. Перспективами владельцев малого бизнеса, которые мечтают превратить хорошую идею в процветающие предприятия. Возможностями лучшей жизни, которые мы передаем нашим детям; ...there's not a liberal America and a conservative America; there's the United States of America. There's not a black America and white America and Latino America and Asian America; there's the United States of America [Obama 2004]. / ...нет либеральной Америки и консервативной Америки; есть Соединенные Штаты Америки. Нет черной Америки и белой Америки, латиноамериканской Америки и азиатской Америки; есть Соединенные Штаты Америки.

Это позволяет американским президентам как успешным политикам адекватно использовать в речи всё многообразие выра-

зительных вербально-невербальных средств языка, воспринимать, понимать и интерпретировать чужую речь, успешно продуцировать собственные высказывания в соответствии с ситуацией общения и с планом речевого поступка.

Согласно описанию структуры языковой личности, предложенному Ю. Н. Карауловым, ее нулевой (вербально-семантический уровень) представляет собой фундамент, базу языкового общения, дает представление о том, на каком уровне языковая личность владеет обыденным языком. Данный уровень представлен главным образом понятиями и идеями. Говоря о реализации структуры языковой личности политика на этом уровне, мы можем отметить частое использование понятий патриотизма, гуманизма, демократических ценностей: *The times are too serious, the stakes are too high for this same partisan playbook. So let us agree that patriotism has no party. I love this country, and so do you, and so does John McCain. The men and women who serve in our battlefields may be Democrats and Republicans and Independents, but they have fought together and bled together and some died together under the same proud flag. They have not served a Red America or a Blue America — they have served the United States of America* [Obama 2008]. / Слишком серьезное время, ставки слишком высоки для тех же самых партизанских тактик. Поэтому давайте признаем, что у патриотизма нет партии. Я люблю эту страну, так же как вы, так же как Джон Маккейн. Мужчины и женщины, которые воюют на полях сражений, могут быть демократами, республиканцами и индependентами, но они сражались вместе и проливали кровь вместе, а некоторые и погибли вместе под одним гордым флагом. Они не служили „красной“ Америке или „синей“ Америке — они служили Соединенным Штатам Америки.

Когнитивный уровень языковой личности обусловлен интеллектуальной сферой личности, ее практическим жизненным опытом. На данном уровне хранятся знания языковой личности о мире в целом и о профессиональном мире в частности, формируется фрагмент целостной и ценностной концептуальной картины мира, «глобальный образ мира, существующий в сознании какого-либо социума в определенный период его истории и лежащий в основе мировидения человека» [Жеребило].

Согласно проведенному нами исследованию, основными концептами, объективируемыми в речах американских президентов, являются *government/governance* (прави-

тельство/руководство), *human nature* (человеческая природа), *law* (закон), *power* (власть), *sovereignty* (независимость), *state* (государство). Среди них можно выделить нормативные концепты, такие как *freedom* (свобода) и *justice* (справедливость). Нормативные концепты объединены некоторым «фамильным сходством», не предполагающим наличия у всех групп единого понятийного ядра» [Арутюнова 1987: 10]. Приведенные нами примеры нормативных концептов представляют собой частные разновидности норм и различаются условиями и сферой применения.

Концепты, объективируемые в речах американских президентов, рассматриваются также как ценности. Под ценностями в данном случае понимаются социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое добро, справедливость, патриотизм и т. д. Ценности не подвергаются сомнению, они служат эталоном и идеалом для всех людей [Кравченко 2001: 5].

В политологии принято выделять следующие ценности (идеалы): политические, социальные, витальные, национально-культурные, морально-этические, религиозные, экономические. В речи американских президентов они объективированы такими единицами:

1) политические: *federalism* — федерализм, *separation of powers* — разделение власти;

2) социальные: *duty* — обязанность, *family* — семья, *justice* — справедливость, *patriotism* — патриотизм, *tolerance* — толерантность, *work* — работа;

3) витальные: *life* — жизнь, *safety* — безопасность, *health* — здоровье, *comfort* — комфорт;

4) национально-культурные: *property* — собственность, *prosperity* — процветание, *American dream* — американская мечта, *melting pot* — плавильный котел, *superpower* — сверхдержава;

5) морально-этические: *help* — помощь, *support* — поддержка, *respect* — уважение;

6) религиозные: *God* — Бог, *Providence* — провидение, *Religion* — религия, *Bible* — Библия;

7) экономические: *welfare* — благосостояние, *economy* — экономия, *effectiveness* — эффективность, *employment* — занятость и др.

Третий, высший уровень языковой личности, на котором проявляет себя политический деятель, — мотивационный. Он включает в себя характеристику профессиональных мотивов и целей политика, движущих его деятельностью как профессиональной и

языковой личности. Одна из наиболее характерных черт американских президентов на этом уровне — оказание речевого воздействия с применением нескольких стратегий.

Воздействие может быть непосредственным (контактным), когда информация передается слушателям непосредственно в процессе выступления, и опосредованным (дистантным), когда она передается через средства массовой информации. Стратегия речевого воздействия в политическом выступлении американского президента реализуется либо путем суггестии, либо путем манипуляции сознанием слушателей. Успешная коммуникативная манипуляция всегда строится на умелом сокрытии своих подлинных намерений.

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что профессиональная языковая личность президента как политика во многом обусловлена спецификой профессиональной языковой картины мира, а также целями политического дискурса.

Сегодня в связи, с одной стороны, с расширением межгосударственных контактов, укреплением международных связей, с другой — с возникновением разного рода политических конфликтов в межкультурном общении, решение многих проблем, связанных с изучением языковой личности политика, особенно актуально. В последнее время проблема языковой личности политика активно рассматривается в разных аспектах: психолингвистическом, социолингвистическом, культурологическом, лингводидактическом, функциональном, эмотивном, прагматическом, семантическом. Для современной лингвистики это одна из наиболее перспективных проблем.

ИСТОЧНИКИ

1. *Bush G. W.* First Inaugural Address. 2001. 20 Jan. // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=25853#axzz1Uo6TZSki> (date of access: 01.03.2014).

2. *Bush G. W.* Second Inaugural Address. 2005. 20 Jan. // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=58745#axzz1Uo6TZSki> (date of access: 01.03.2014).

3. *Clinton W. J.* First Inaugural Address. 1993. 20 Jan. // Bartleby.com — Great Books Online. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres65.html> (date of access: 01.03.2014).

4. *Clinton W. J.* Second Inaugural Address. 1997. 20 Jan. // Bartleby.com — Great Books Online. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres65.html> (date of access: 01.03.2014).

5. *Obama B. H.* Keynote Address at the 2004 Democratic National Convention. 2004. 27 July. // B. Obama Speeches. URL: <http://obamaspeeches.com/002-Keynote-Address-at-the-2004-Democratic-National-Convention-Obama-Speech.htm> (date of access: 02.03.2014).

6. *Obama B. H.* Acceptance Speech. 2008. 5 Nov. // New York Times. URL: http://www.nytimes.com/2008/08/28/us/politics/28text-obama.html?pagewanted=all&_r=0 (date of access: 02.03.2014).

7. *Obama B. H.* Inaugural Address. 2009. 20 Jan. // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=44#axzz1Uo6TZSki> (date of access: 02.03.2014).

8. *Obama B. H.* State of the Union Address. 2011. 25 Jan. // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=88928> (date of access: 02.03.2014).

9. *Obama B. H.* Second Inaugural Address. 2013. 21 Jan. // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=102827> (дата обращения: 02.03.2014).

ЛИТЕРАТУРА

10. *Арутюнова Н. Д.* Аномалии и язык // *Вопр. языкознания*. 1987. № 3. С. 3.

11. *Богин Г. И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1984 // Научная б-ка диссертаций и авторефератов : сайт. URL: <http://www.disserscat.com/content/yazykovaya-lichnost-politicheskogo-lidera-na-materiale-gazet-noveishego-vremeni#ixzz2aL7XEq6L>.

12. *Виноградов В. В.* О языке художественной прозы: избр. тр. / В. В. Виноградов ; [послел. А. П. Чудакова ; коммент. Е. В. Душечкиной и др.]. — М. : Наука, 1980.

13. *Голованова Е. И.* Профессиональная языковая личность: специфика профессиональных процессов в сфере теории и практики // *Non multum, sed multa: немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии* : сб. науч. тр. в честь В. Ф. Новодрановой. — М. : Авторская академия, 2010. — С. 261—270.

14. *Гурова Н. В.* Прагматические аспекты в политической коммуникации // *Университетские чтения — 2008 : материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ (11—12 янв. 2008 г.)*. — Пятигорск : ПГЛУ, 2008. Ч. 5, секции 13—16 симпозиума 1. — С. 79—83.

15. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. URL: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/3671/.

16. *Карасик В. И.* Языковые ключи. — Волгоград : Парадигма, 2007.

17. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. — М. : Наука, 1987.

18. *Кравченко А. И.* Культурология : учеб. пособие для вузов. 3-е изд. — М. : Академический проект, 2001.

19. *Прохоров Ю. Е.* Коммуникативное пространство речевой личности // *Виноградовские чтения: когнитивные и культурологические подходы к языковой семантике*. — М., 1999. С. 40—45.

20. *Стилистический энциклопедический словарь*. URL: http://onlineslovari.com/stilisticheskiy_entsiklopedicheskiy_slovar/page/yazykovaya_lichnost.254/.

21. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса : моногр. — М., 2004.

22. *Dijk, van T. A.* Political discourse and political cognition. URL: <http://discourses.org/OldArticles/Political%20discourse%20and%20political%20cognition.pdf>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. Г. Локтионова.

УДК 811.161.1'373
ББК Ш141.12-32

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Л. Е. Бессонова Л. E. Bessonova
Симферополь, Россия Simferopol, Russia

**ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

**FOREIGN BORROWING
IN POLITICAL VOCABULARY
OF EARLY XX CENTURY**

Аннотация. В статье рассматриваются языковые процессы, связанные с формированием политического словаря начала XX в. Отмечаются особенности в развитии политической лексики как одной из лексико-семантических подсистем русского языка. Анализируются основные теоретические положения отечественных лингвистов о влиянии социокультурных факторов на основные тенденции возникновения и закрепления иноязычных слов в лексикографических источниках и политических дискурсивных практиках. На основании иллюстративного материала определяется содержание семантической структуры слов-заимствований, выявляется «стабильность» семных конкретизаторов 'идеологический' и 'политический', которая и обуславливает гибкость семантики политического слова.

Abstract. The article considers linguistic processes which are associated with the composition of the political vocabulary of the early XX century. It reveals the peculiarities in the development of the political lexis as one of the lexico-semantic subsystems of the Russian language. The article also analyzes the main theoretical findings of Russian linguists on the influence of socio-cultural factors on the main tendencies of the origin and fixation of foreign words in lexicographical sources and political discursive practices. The author defines the content of semantic structure of borrowed words, states the "stability" of their component specifiers "ideological" and "political". This "stability" determines the flexibility of the semantics of the political word.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика; семантика; иноязычные слова; лексикография; семный конкретизатор.

Key words: socio-political vocabulary; semantics; foreign words; lexicography; component specifier.

Сведения об авторе: Бессонова Людмила Ефимовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания.

About the author: Bessonova Ludmila Efimovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Russian, Slavic and General Linguistics.

Место работы: Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь).

Place of employment: Taurida National V. I. Vernadsky University (Simferopol).

Контактная информация: 295007, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 4.
e-mail: lbessonowa@gmail.com.

Постановка проблемы. Лингвопрагматический подход к исследованию общественно-политической лексики, наметившийся в научных трудах лингвополитологов в последнее десятилетие, позволил выделить метод культурно-исторической диагностики как важное средство диахронического анализа политического словаря. Ключевые изменения в политической жизни общества привели к существенным изменениям общественно-политической лексики во всех сферах ее функционирования, что породило потребность выявления структурно-семантических особенностей языковых единиц. Исследования лингвистов начала XX в. дают возможность зафиксировать возникновение в языке новых слов общественно-политического содержания, описать развитие семантики данных лексем и трансформацию нейтральных слов в единицы политического словаря, проанализировать данную лексику с точки зрения влияния на нее изменений общественной жизни, установить основные

тенденции развития иноязычных заимствований в общественно-политической лексике газетных текстов начала XX в.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения процессов и явлений, связанных с общественно-политической лексикой конца XIX — начала XX в., значимостью рассмотрения как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов, определяющих динамику семантических процессов внутри общественно-политической лексики. В политической диахронической лингвистике на первый план выдвигаются проблемы, связанные с установлением временных рамок развития политического словаря, определением его тематических границ с учетом временного фактора и лексикографического представления вербального политического пространства.

Цель статьи — описать процесс динамики иноязычных заимствований в общественно-политической лексике как одной из

лексико-семантических подсистем русского языка начала XX в. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) охарактеризовать влияние исторических процессов начала XX в. на освоение иноязычных заимствований в общественно-политическом словаре; 2) определить место и специфику отражения данных языковых единиц в лексикографической практике рубежа веков; 3) выявить семантико-прагматические особенности реализации иноязычных заимствований в газетных текстах начала XX в.

Процесс заимствования как один из ключевых лингвистических процессов является основой научной дискуссии первых десятилетий XX в. По мнению отечественных лингвистов того времени (Г. О. Винокура, А. Г. Горнфельда, В. М. Жирмунского, С. И. Карцевского, Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева и др.), большинство заимствований и новообразований вошло в состав русского языка в 90-х гг. XIX в., что было связано с развитием в России капитализма, революционного движения, с проникновением в страну и утверждением в ней западных политических, социально-экономических теорий и учений (*анархизм, анархист, буржуазия, бюрократия, демонстрация, демократия, кампания, интернационал, кворум, комитет, лозунг, мандат, манифестация, марксизм, митинг, муниципализация, провокатор, прокламация, пролетариат, пролетарий, социализм, социалист-революционер, социалист-демократ, террор, фракция, штрейкбрехер, экспроприация* и др.). Данные заимствования закрепились в политическом словаре и получили широкое хождение только под влиянием политических событий начала XX в. При этом степень усвоения отмеченных языковых черт до 1917 г., по мнению А. М. Селищева, была гораздо слабее послереволюционного периода: только после 1917 г. политическая коммуникация («язык революционеров») получила более интенсивное распространение в разных социальных слоях общества [Селищев 2003: 123]. Таким образом, факт революции определил семантическое содержание лексического объема и основные параметры политического языка. Как отмечает С. И. Карцевский в работе «Язык, война и революция», «социально-политический сдвиг, коренная ломка быта, новые факты жизни и исключительно эмоциональное к ним отношение со стороны по-новому дифференцированного общества — все это оставило глубокий след на русском языке, точнее на нашем словаре. Языковых новшеств накопилось так много, что некоторые наблюдатели уже

говорят о „революции в языке“» [Карцевский 2000: 217].

Рассматривая особенности функционирования словарного состава, С. М. Грановская подчеркивает необходимость сочетания синхронного описания лексического материала с диахронией языковых процессов. Анализируя словарный состав с позиции верхней и нижней границы его хронологического предела, лингвист развивает идею о переходных периодах, или «швах», которые и выявляют «зримые» границы между новым и предшествующим состоянием языка. На основании этого С. М. Грановская приходит к выводу о том, что «тезис о разрыве между „старым“ и „новым“ состоянием языка, названный в лингвистике 20—30-х годов „революционным взрывом“, оказался в известной степени преувеличенным: многие семантические и стилистические изменения возникли и укрепились уже в последние десятилетия XIX — начале XX вв.» [Грановская 2005: 382—383]. Как отмечается в научной литературе, к середине 10-х гг. XX в. «процесс активного проникновения иноязычной лексики в русский язык значительно ослабел и уступил место процессам перехода политических терминов из разряда узкоспециальных и социально ограниченных в разряд широкоупотребительных» [Загоровская, Есмаеел 2008: 77].

По мнению С. И. Карцевского, в период 1914—1922 г. роль заимствований стала совершенно иной: «Политический словарь уже сложился, новых заимствований стало немного, и относятся они большей частью к политическим вопросам, связанным с войной» [Карцевский 2000: 39]. Этим и объясняется тот факт, что в конце 10-х — первой половине 20-х гг. XX в. наблюдался активный процесс освоения иноязычных слов, заимствованных ранее русским языком. О. В. Загоровская замечает, что в первые десятилетия советского периода развития русского языка новые заимствования лексики политической сферы были весьма немногочисленны, что во многом объяснялось особенностями экономической и политической жизни страны. Исследователь подчеркивает, что в 20—30-х гг. на первый план выдвигались задачи реконструкции народного хозяйства и индустриализации — именно этот фактор определял особую значимость не общественно-политической, а прежде всего научно-технической и производственной терминологии [Загоровская, Есмаеел 2008: 77]. Кроме того, как отмечается в исторической лексикологии, внимание к общественно-политической лексике в конце 1920-х — начале 1940-х гг., а также к изучению новых явлений в русском языке

послереволюционного времени ослабело в связи со стабилизацией языковой системы.

Применение принципа исторического подхода к описанию лексической группы «Политика», на наш взгляд, позволит объяснить динамические процессы как на этапе диахронии, так и в современном языке. Процессы, происходящие в лексической системе, являются основой формирования языка любого периода и оказывают значительное влияние на становление и развитие моделей коммуникации. Характеризуя современную политическую коммуникацию с позиции исторической парадигмы, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова утверждают, что нетрудно увидеть «много общего, а иногда и тождественного в поведении людей революционной эпохи (включая речевое), выявить некоторые закономерности и исторические инварианты в сфере социокультурной и языковой» [Китайгородская, Розанова 2003: 152].

Как показал анализ практического материала, политический словарь заимствованных слов начала XX в. не является однородным и делится на такие основные тематические группы, как *государство, политика, экономика*, которые включают в себя названия политических движений, течений, направлений (*империализм, капитализм, социализм, либерализм, марксизм*); названия общественно-политических групп и объединений (*оппозиция, коалиция, парламент, фракция*); наименования форм государственного устройства, организации власти (*республика, гегемония, монархия*); обозначения политических акций, действий (*агитация, демонстрация, реакция, митинг, манифестация*); названия документов (*декрет, декларация, петиция*); наименования членов и сторонников политических течений (*капиталист, социалист, либерал, марксист*).

В научных дискуссиях сегодня звучат размышления лингвистов о природе социально обусловленных языковых изменений, составляющих культурно-историческую основу коллективной памяти и коллективного сознания. По мнению Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, «в событиях дня сегодняшнего можно видеть действие устойчивых моделей, организующих историю русской культуры на всем ее протяжении. Для России в переломные периоды в качестве механизма развития культуры характерно действие дуальной модели» [Лотман, Успенский 1994: 220]. Концепция, раскрывающая особенности функционирования устойчивых моделей культуры, позволяет изучать изменения в лексике на протяжении разных этапов: «...основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) ...

располагаются в двуполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишеном нейтральной аксиологической зоны. Дуальность и отсутствие нейтральной аксиологической сферы приводило к тому, что новое мыслилось не как продолжение, а как эсхатологическая смена всего» [Там же: 221]. Таким образом, по мнению лингвистов, каждый новый этап развития языка предполагает изменение системы ценностей с переосмыслением их содержания и формированием новой политической парадигмы.

В лексикографических изданиях дореволюционного времени отмечаются как моносемантические заимствованные слова с терминологическим значением, так и лексические единицы с полисемантической расширенной структурой, но четкого разграничения между лексическими группами не наблюдается: при функционировании политических терминов в газетных текстах начала XX в. происходит детерминологизация семантики вследствие развития коннотативных контекстуально детерминированных сем с отрицательной эмоциональной оценкой. Справедливо замечание Е. И. Шейгал о том, что политический язык — это открытый ресурс, применяемый в манипулятивных целях, он побудителен, нацелен на оказание влияния, стимулирование и воодушевление адресата [Шейгал 2004: 22].

Одной из ключевых единиц политического словаря первого десятилетия является лексема *бойкот*. В «Словаре русского языка Императорской Академии наук» отсутствует существительное *бойкот*, но зафиксирован глагол *бойкотировать* с «социальным значением», который определяется так: «бойкотировать — 1) Выживать кого-либо из его имѣнія путем систематического уклонения арендаторовъ отъ всякихъ работъ на его землѣ и отъоказыванія ему какихъ-либо услугъ. 2) Вообще объявить кого-нибудь опальнымъ, стоящимъ вне общества и т. п. Англичане говорятъ даже: нельзя бойкотировать человеческую природу» [Словарь русского языка Императорской Академии наук 1895: 232].

Этимология связана с 1-м лексико-семантическим вариантом — ‘выживать из имения’. Во 2-м лексико-семантическом варианте бойкотировать — это ‘объявить кого-нибудь опальнымъ, стоящимъ вне общества’, в семантике слова актуализируется компонент ‘лицо’ (опальным является только конкретное лицо, которое изолируется от общества). Позднее происходит расширение сферы применения лексико-семантического варианта.

По «Толковнику политических слов и политических деятелей» (1917 г.) *бойкот, бой-*

котировать значит «прекратить съ къмъ либо всякія сношенія, не разговаривать, не продавать и не покупать у него ничего. Объявить мѣсто подъ бойкотомъ — сговориться никому не поступать на него и не давать другимъ поступать. Бойкотировать выборы, — значить отказываться отъ участія въ нихъ» [Толковник политических слов и политических деятелей 1917: 13]. Таким образом, бойкотировать — это 'прекратить съ къмъ либо всякія сношенія'. Происходит расширение значения, отмечается смешение различных сфер жизни ('не разговаривать' — бытовая сфера, 'не продавать' и 'не покупать' — экономическая сфера). При этом еще не наблюдается распространение явления на международные отношения (например, бойкот стран). Интересно заметить, что в «Толковнике политических слов» выделено устойчивое сочетание 'объявить мѣсто подъ бойкотомъ', которое функционировало прежде всего в сфере производства и было связано с ограничением на предоставление кому-либо работы. В словарной статье «Толковника политических слов» приводится иллюстрация 'бойкотировать выборы', указывающая на то, что данное слово начинает входить в общественно-политическую сферу. Только позже, в начале XX в., в газетных контекстах лексема *бойкот* приобретает значение экономических санкций. Можно сделать вывод о том, что на рассматриваемом этапе лексема *бойкотировать*, в отличие от *бойкота*, как политический термин еще не сформировалась.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова лексема *бойкот* определяется как «организованная общественная борьба с кем-н., с каким-н. лицом, учреждением путем его систематического игнорирования. Объявить бойкот кому-н. Подвергнуть кого-н. или что-н. бойкоту. Бойкот японских товаров в Китае. || перен. Систематическое игнорирование (разг.)» [Толковый словарь русского языка: 69]. Этимология слова «бойкот», как указывается в исторических источниках, восходит к имени англичанина Boycott, к которому в 1880-х гг. впервые была применена мера борьбы со стороны арендаторов. Только в этот период данная лексема начинает активно функционировать в текстах как политический термин. Компонентный анализ позволяет определить *бойкот* как 'борьбу' (основной идентификатор) при выделении семных конкретизаторов 'организованная', 'общественная'. При компонентном анализе отмечаются идеологизированные семные компоненты 'организовать' 'общество' или 'часть общества' на 'борьбу' с кем-либо/с чем-либо; эксплицитно

выражен объект 'борьбы' — 'лицо', 'учреждение', 'закон' — и способ борьбы — 'путем' 'игнорирования'. В семантической структуре слова заложен и интегральный признак 'систематический', который является важным для определения характера отношений между субъектами. Данная сема отражается и в лексеме, зафиксированной в «Словаре русского языка Императорской Академии наук»: 'систематическое уклонение', но ее употребление ограничивалось сферой аграрных отношений [Словарь русского языка Императорской Академии наук 1895: 232] В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова отмечаются устойчивые выражения 'объявить бойкот кому-н.', 'подвергнуть кого-н. или что-н. бойкоту' [Толковый словарь русского языка: 69].

Газетные тексты начала XX в. доказывают, что сфера действия лексем *бойкот*, *бойкотировать* связана не столько с производственной и экономической, сколько с политической и общественной жизнью. Широко развиты синтагматические отношения, которые проявляются в сочетаниях субстантивного типа *бойкот греков*, *бойкот евреев*, *бойкот России*, *бойкот всего русского*, *бойкот американских товаров*: *Бойкот греков продолжится* (Русское слово. 1910. 1 июля (18 июня)), *...происходят митинги китайцев по поводу бойкота России* (Новое время. 1912. 29 (16) нояб.); *места под бойкотом: Места работниц под бойкотом* (Правда. 1912. 18 (5) авг.); *объявление бойкота, требование бойкота: Ораторы требовали объявления бойкота всем иностранным товарам, Требование бойкота иностранных товаров* (Московская Газета Копейка. 1912. 10 июля (27 июня)); глагольные сочетания: *бойкот продолжается, считать под бойкотом, объявить бойкот, примкнуть к бойкоту, бойкот производится, бойкот вспыхнул*; синтаксические конструкции «бойкот выражается в том, что...», «бойкот связан с тем, что...»: *Газеты объявили бойкот выставке, дружно поддержанный польским обществом* (Русское слово. 1912. 29 (16) мая); *Бойкот выражается в том, что спектакли и концерты с участием наших артистов проходят при пустом зале* (Петербургская газета. 1911. 29 (16) дек.), *Бойкот производится под вдохновением кругов, близких к комитету „Единение и прогресс“* (Русское слово. 1910. 1 июля (18 июня)), *Еврейское население примкнет к бойкоту* (Русское слово. 1910. 1 июля (18 июня)), *Бойкот японских товаров вспыхнул с новой силой* (Русское слово. 1908. 13 нояб. (31 окт.)). В текстах газет первого десятилетия XX в. актуализируется и образный кон-

нотативный микрокомпонент: 'бойкот вспыхнул', 'бойкот назрел', 'бойкот разгорелся' — с усилением выразительности и проявлением признака в большей степени, 'с новой силой', что свидетельствует о широком потенциале семантической структуры слова. При этом нетрудно заметить низкую активность атрибутивных характеристик в синтагматических отношениях (сравним данную лексему в текстовых реализациях газетного дискурса начала XXI в.: *бойкот политический, экономический, торговый, международный, личный, полный, строгий, суровый, жестокий, вежливый* и др.).

Важно отметить, что для лексемы *бойкот* характерны слабые эпидигматические связи. В газетных контекстах встречается только глагол *бойкотировать*, существительное *бойкотист* и прилагательные *бойкотистский, бойкотный*: *Американцы начали бойкотировать русских артистов...* (Петербургская газета. 1911. 29 (16) дек.), *Жители бойкотируют солдат за насильственное удаление* (Новое время. 1912. 19 (6) июля), *Суфражистки на митинге предложили женщинам бойкотировать английские курорты* (Русское слово. 1912. 31 (18) марта); *Пресловутый руководитель бойкотистов арестован* (Русское слово. 1910. 1 июля (18 июня)), *Китайцы-бойкотисты взяли из русско-китайского банка вкладов на 220 тысяч* (Новое время. 1912. 13 дек. (30 нояб.)), *Бойкотисты, в числе которых был бывший депутат, тщетно пытались убедить собрание в справедливости своего взгляда* (Русское слово. 1907. 26 (13) июня); *„Бунд“ противится бойкотистскому течению и в первой стадии выборов выступит самостоятельно* (Русское слово. 1907. 13 июля (30 июня)); *Бойкот русских товаров, трамвая, магазинов, русских извозчиков, мелких торговцев — демонстративен. Он происходит дружно. Трамваи пусты* (Рулъ. 1911. 4 дек. (21 нояб.)); *На этом же заседании постановлено издать памятную книжку города Петербурга. В этой книжке будут подразделены: врачи, адвокаты, аптеки, торговля и т. п. на русское и еврейское. Книжка предназначена для „русских“ людей в целях бойкотирования евреев* (Петербургская газета. 1911. 27 (14) сент.). В производных словах отмечается оценочный пейоративный микрокомпонент (если бойкотист, то 'пресловутый'; депутаты 'противятся' бойкотистскому течению, партия 'не принимает' бойкотистских взглядов), который позволяет определить негативный характер обозначаемого понятия. Функционируя в значении «отказ от чего-либо», слово в контекстных употреблениях легко входит в парадигмати-

ческие оппозиции: *бойкот — воздержание, бойкот — игнорирование, бойкот — давление, бойкот — забастовка, бойкот — саботаж, бойкот — борьба: Телефонный бойкот, названный у нас забастовкой абонентов, продолжается. Абоненты настаивают на уменьшении платы до 60 руб. в год* (Одесский листок. 1914. 1 февр. (19 янв.)).

Интересным является тот факт, что оппозиция *бойкот — санкции* является антонимичной, так как в лексикографической практике конца XIX — начала XX в. слово *санкции* как термин имело только позитивное значение с семами *разрешение, одобрение*: *Сеймовый избирательный закон в Галиции получил санкцию императора Франца-Иосифа* (Новое время. 1914. 11 июля (28 июня)); *Закон, регулирующий отношения Ватикана к итальянскому государству, по мнению ватиканских кругов, обязательно должен получить международную санкцию* (Русское слово. 1913. 3 дек. (20 нояб.)); *Хотя Франция уже послала в Марокко эскадру, но она идет пока без санкций других держав относительно дальнейших шагов* (Русское слово. 1907. 3 авг. (21 июля)).

Результаты структурно-семантического анализа ключевого слова *бойкот*, проведенного на материале лексикографического и газетного дискурса, убедительно доказывают необходимость выявления в семантической структуре коннотативного макрокомпонента с эмотивными и оценочными составляющими, что является важным фактором в организации лексико-семантического поля «Политика».

Теоретические исследования лингвистов послереволюционного периода объясняют причины возникновения и тенденции развития иноязычных заимствований в политической лексике на материале лексикографических источников и газетных текстов, что позволяет проанализировать семантические процессы в структуре слова, происходящие вследствие переориентации номинаций или смены идеологических коннотаций. Важным положением в работах данного исторического периода было описание значимости влияния социальных факторов на формирование статуса и коммуникативно-прагматического потенциала идеологизированного компонента как составной части семантической структуры политического слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грановская Л. М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: очерки — М.: Изд-во ЭЛПИС, 2005.
2. Загоровская О. В., Есмаев С. А. Об иноязычных заимствованиях в политической лексике русского языка // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика

и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 74—82.

3. Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. — М. : Языки русской культуры, 2000.

4. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. — М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 151—239.

5. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Избр. тр. — М. : Гнозис, 1994. Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 219—254.

6. Селищев А. М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком (1919—1926). Изд. 2-е, стер. — М. : ЕдиториалУрСС, 2003.

7. Словарь русского языка Императорской Академии наук. — СПб., 1895. Т. 1 : А—Д.

8. Толковник политических слов и политических деятелей. — Петроград : Освобожденная Россия (Гостип.), 1917. № 19.

9. Толковый словарь русского языка : ок. 30 000 сл. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2008.

10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Г. Ю. Богданович.

УДК 811.161.1'42
ББК Ш141.12-55

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

М. А. Галепя М. А. Galepa

Новочеркасск, Россия Novocherkassk, Russia

РОССИЙСКАЯ ПАРЛАМЕНТСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА НАЧАЛА XXI ВЕКА

PARLIAMENTARY JOURNALISM OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Аннотация. Статья посвящена проблемам становления современной российской парламентской журналистики. Автор делает обзор научных работ по данной теме, выдвигает гипотезу о необходимости уточнения понятия «парламентская журналистика», ставит проблемные вопросы о необходимости определения ее границ, намечает перспективные направления исследования. Исследования соответствующей тематики делятся на те, в которых рассматриваются взаимоотношения Госдумы с прессой, и на практические пособия по парламентской журналистике, а также на работы, посвященные эффективности речевой коммуникации в сфере публичной политической речи.

Abstract. The article analyzes the degree of knowledge of parliamentary journalism in Russia at the present stage. An attempt of classification of studies on the subject is undertaken, the hypothesis about the need to clarify the notion of "parliamentary journalism" is brought forward. The research works devoted to this problem are divided into those that discuss relations between the State Duma and the press, practical text-books on parliamentary journalism and works devoted to effectiveness of verbal communication in the sphere of public political addresses.

Ключевые слова: парламентаризм; парламентская журналистика; политический дискурс; научная парадигма; парламентский текст; идиостиль журналиста.

Key words: parliamentarism; parliamentary journalism; political discourse; scientific paradigm; parliamentary text; idiosstyle of a journalist.

Сведения об авторе: Галепя Марина Анатольевна, соискатель кафедры средств массовых коммуникаций Южного федерального университета.

About the author: Galepa Marina Anatolievna, Post-graduate Student of Southern Federal University, Rostov-on-Don.

Место работы: Законодательное Собрание Ростовской области, Ростов-на-Дону.

Place of employment: Legislative Assembly of Rostov region, Rostov-on-Don.

Контактная информация: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 150.
e-mail: galepa1@rambler.ru.

В словаре С. И. Ожегова слово «парламент» имеет следующую дефиницию: «Высшее государственное законодательное представительное собрание». В свою очередь, «парламентаризм» — это «государственная буржуазная система с парламентом во главе» [Ожегов 1960: 483]. Само слово «парламент» происходит от нормандского «parlement», что в переводе означает «разговоры». Этим термином в Европе пользуются уже более 800 лет, однако официально парламент как орган представительной власти существует с 1265 г., когда в Вестминстере (Англия) собралось первое собрание, на котором были представлены две противоборствующие стороны, призванные найти взаимопонимание не с помощью оружия, а путем общения. В этом основное предназначение парламентов всех стран и по сей день. Главное оружие парламентариев — слово, а парламентский журналист должен профессионально передать суть происходящих в стенах парламента обсуждений своим читателям, слушателям и зрителям.

Парламентская журналистика изучается с позиций междисциплинарного научного подхода, включающего юридический, исторический, политологический, психологиче-

ский и социологический аспекты (И. Н. Тхагушев, Е. В. Ахмадулин, С. И. Виноградов, И. Н. Фёдоров). Собственно лингвистических исследований парламентской журналистики существует немного, а круг вопросов, связанных с образом журналиста в парламентских текстах и с их идиостилевой спецификой, отечественной наукой до настоящего времени почти не исследовался.

Что же такое «парламентская журналистика»?

В России первый представительный орган возник одновременно с обретением прессой свободы печати. Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» увидел свет 17 октября 1905 г. Одновременность обретения прессой свободы печати и появления в России первой Государственной думы весьма символична, потому что работа парламента имеет смысл лишь тогда, когда она открыта, прозрачна и подотчетна обществу. Основным инструментом, обеспечивающим эту открытость и подотчетность обществу, является парламентская журналистика.

Исследователи истории журналистики не определяют точного периода возникновения

термина «парламентская журналистика». Логично предположить, что это произошло одновременно с первыми публикациями о парламентской деятельности.

В книге «Парламентская журналистика: ретроспектива, теория, практика» И. Н. Тхагушев пишет: «Употребляется он (термин) в разных смыслах. Наиболее общий: *парламентская журналистика* — это журналистика (печать, радио, телевидение, информационные агентства, Интернет), освещающая деятельность представительной (независимо от уровня) системы власти. Иногда под *парламентской журналистикой* понимают все материалы СМИ, относящиеся к теме „представительная власть“. Но чаще всего подразумевается особая специализация (программы, рубрики; штатные работники редакций; система аккредитации; творческие и профессиональные объединения; семинары и спецкурсы в учебных заведениях и т. д.). И наконец, есть *парламентская журналистика* в самом узком, прямом смысле — журналистика самого парламента, т. е. СМИ, учредителем которых он является („Парламентская газета“, журнал „Российская Федерация сегодня“, программы „Парламентский час“ на ТВ, „Парламентский голос“, „Парламентская неделя: события и факты на радио“)» [Парламентская журналистика: ретроспектива, теория, практика 2000: 5].

В новейшей истории России к понятию «парламентская журналистика» вернулись в 1993 г., когда была избрана первая многопартийная Государственная дума Российской Федерации. С этого момента и началось возрождение традиций российской парламентской журналистики и ее научное осмысление.

Исследования, так или иначе связанные с парламентской журналистикой, можно условно разделить на несколько групп. В первую объединяются работы, посвященные истории взаимоотношений Государственной думы начала XX в. с прессой (Е. В. Ахмадулин, А. Ю. Горчева, Б. И. Есин, Т. С. Родионова). В ряде работ с исторических позиций характеризуются тенденции и противоречия современного парламентаризма (В. М. Швырин, А. А. Твердохлебов, А. Ф. Смирнов, В. В. Панов, А. Н. Медушевский, И. И. Глебова, Д. А. Андреев, В. В. Шелохаев, О. А. Попов, К. Г. Холодковский, К. Э. Добринский, Т. И. Коновалова).

Вторая группа — это практические пособия по парламентской журналистике [Сборник тренинговых материалов... 2008].

Третья группа — это исследования, посвященные широкому кругу вопросов взаимоотношения языка и общества, языка и по-

литики, а также проблемам эффективности речевой коммуникации в сфере политической деятельности (предмет исследования — публичная политическая речь). Вопросы, непосредственно связанные с парламентской журналистикой, затрагиваются в этих работах косвенно — исследуются главным образом собственно парламентская деятельность и публичные выступления депутатов.

В отечественной лингвистике широко представлены исследования парламентской речи. В советское время эту тему разрабатывали О. В. Дунаевская (1979), Н. Н. Кохтев и Д. Э. Розенталь (1988) и ряд других исследователей. В конце XX в. появились работы, посвященные различным аспектам парламентских выступлений (Ширяев, 1994; Баранов, Казакевич, 1991; Виноградов, 1994; Гатин, 1998; Даниленко, 1994; Дмитриева, 1994; Граудина, 1994 и др.). Так, С. И. Виноградов (Виноградов, 1993) исследует культуру парламентского общения, а работа А. Н. Баранова и Е. Г. Казакевич (1991) посвящена изучению традиций парламентских дебатов. В первое десятилетие XXI в. исследования публичной политической, в том числе парламентской, речи продолжают выходить в свет достаточно активно (Соколова, 2005; Правикова, 2005; Панова, 2005; Фёдоров, 2009).

Однако, как было указано выше, собственно лингвистических исследований материалов парламентской журналистики существует не так много и невозможно не согласиться с высказыванием Льва Московкина: «Уровень парламентской журналистики России значительно опережает ее исследование» («Московская правда». 2006. 3 февр.). Тексты парламентской журналистики заслуживают, на наш взгляд, более пристального исследовательского внимания вследствие важности этого вида журналистики для современной общественной жизни. В этой связи обратимся к высказыванию Льва Шлосберга.

В газете «Псковская губерния» Лев Шлосберг, директор автономной некоммерческой организации «Свободное слово», депутат Псковского областного собрания депутатов, представляя вниманию читателей книгу «Псковская парламентская журналистика. 2002—2007 гг.», выпущенную редакцией газеты и агентством политической информации «Навигатор», обращает внимание на следующее: «Парламентская журналистика, будучи формально отделенной от профессиональной политической деятельности законодательных и представительных органов, является, тем не менее, неотъемлемой частью парламентского процесса, понимаемого как публичный процесс обсужде-

ния и принятия коллегиальных решений избранными представителями граждан. Парламентская журналистика, кроме непосредственно профессиональной, неизбежно осуществляет важнейшую общественную функцию взаимной обратной связи между гражданами и избранными ими представителями» [Шлосберг 2007]. Далее Л. Шлосберг поясняет причины этого: «Поскольку по сути своей парламентская журналистика является самостоятельным медиа-институтом, влияние которого на читающее общество сопоставимо с общественным влиянием самих парламентских органов, а в некоторых ситуациях (чаще — кризисных) даже может превышать его» [Там же]. Вести парламентскую журналистскую деятельность, адекватную потребностям и задачам общества, по мнению Л. Шлосберга, может только пресса, де-юре и де-факто независимая от органов государственной власти, местного самоуправления и политических партий. «В современной России таковая является скорее исключением, чем правилом — как на федеральном, так и на региональном уровне. Продукция адекватной парламентской журналистики является не только качественным источником информации о политическом процессе, но и самодостаточным достижением журналистики как сферы профессиональной деятельности» [Там же].

Возрастание роли парламентской журналистики в современной общественной жизни и динамические процессы, с ней связанные, свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что ставшее уже классическим определение парламентской журналистики, приведенное в пособии под редакцией И. Н. Тхагушева, требует уточнения и дополнения. Поясним данную мысль.

Парламентская журналистика — это не только журналистика, освещающая деятельность представительной (независимо от уровня) системы власти; не только все материалы СМИ, относящиеся к теме «представительная власть»; не только журналистика самого парламента, т. е. СМИ, учредителем которых он является [Парламентская журналистика: ретроспектива, теория, практика 2000]. Определение И. Н. Тхагушева, как мы считаем, не учитывает парламентскую проблематику, которая выходит за рамки деятельности собственно парламентов и одновременно включает в себя обсуждение наиболее общественно значимых законопроектов, которые готовятся или «проходят» в представительных органах власти. Обсуждение законопроектов затрагивает правовые, социальные, экономические и другие вопросы. Когда какой-либо законопроект

«пошел в народ» и широко обсуждается в социальных сетях (журналистами, социологами, блогерами, анонимными пользователями), участники подобных дискуссий не только комментируют указанные аспекты, но и оценивают деятельность парламентариев (обсуждаются их интересы и качество законотворческой работы). Таким образом, в определении парламентской журналистики обязательно должна быть отражена обратная связь, внутренняя (а зачастую — и внешняя) диалогичность парламентских текстов, что в целом расширяет объем понятия.

Трудно не согласиться и с мнением Е. Л. Вартановой о том, что сегодня назрела необходимость модернизации концепций журналистики и концепции СМИ в целом: «Сегодня, видимо, стоит признать, что журналистика в смысле системы контента СМИ расширилась за счет интеграции новых понятий в это смысловое поле. Использование... термина „журналистика“ в самом широком смысле ведет к ошибочному пониманию журналистики — не только профессионалами, но и широкой общественностью — как профессии, не имеющей четких границ ни с рекламой, ни со связями с общественностью, ни с шоу-бизнесом. Необходимо, вероятно, ставить вопрос о сужении понимания журналистики только до системы журналистских материалов, до профессии, нацеленной на их создание, творческой деятельности особого рода, ведь природа рекламного или развлекательного текста — по сравнению с ними — другая» [Вартанова 2012: 11]. Исходя из сказанного выше, понятие «парламентская журналистика» может иметь и более узкие границы, если его центральным звеном сделать журналистский материал (журналистский текст). Однако в связи с этим встает вопрос о разграничении свободного высказывания на тему деятельности парламента и материала, относящегося к парламентской журналистике. В ежегодном профессиональном форуме специалистов в области маркетинговых и социальных коммуникаций на Юге России «Поколение Digital Sapiens» (Ростов-на-Дону, 26—27 октября 2011 г.) специалисты массмедиа признали, что вследствие коммуникационно-информационной революции «журналисты оказались в толпе самозванцев». Мы полагаем, что самозванцами можно считать скорее непрофессионалов (людей, просто интересующихся деятельностью парламента). Со своей стороны, парламентская журналистика — это вовсе не любое высказывание в Интернете, в котором упоминается парламент или депутаты.

Сказанное касается прежде всего социальных сетей. В настоящее время происхо-

дит становление нового сегмента медиасистем, который связан с социальными сетями в Интернете: «Единой трактовки их еще не сложилось, но многие исследователи сходны в одном — меняется сам процесс производства содержания, что позволяет аудитории принимать в нем активное участие. Отсюда вытекает необходимость более четкого определения текстов, созданных медиапрофессионалами (журналистами, рекламистами, пиарщиками, командами телевизионных специалистов и любителями-непрофессионалами (блогерами, анонимными авторами Интернет-текстов)» [Вартанова 2012: 11—12].

В связи с этим не вызывает сомнения тот факт, что типология парламентских текстов, создаваемых именно профессиональными журналистами, нуждается в детальной разработке, конституирующие признаки текстовых материалов такого рода — в уточнении, а классическое определение парламентской журналистики — в детализации.

Обратимся к парламентской журналистике в контексте смены информационных парадигм.

Как известно, Томас Кун (США) доказал, что научное знание развивается скачкообразно, посредством научных революций. Модель историко-научного процесса включает в себя два этапа: «нормальная наука» (безраздельное господство научной парадигмы) и «научная революция» (распад парадигмы). Затем вновь наступает период «нормальной науки». Парадигму Т. Кун рассматривает как совокупность убеждений, ценностных установок и технических средств, принятых научным сообществом и обеспечивающих существование научной традиции. Преемственность в эволюции науки Т. Кун отрицает: вместе с парадигмой в значительной степени отбрасывается накопленное знание, а научные сообщества вытесняют друг друга.

С конца XX в. в мире лавинообразно нарастают изменения в сфере формирования и доставки информации, ядром и катализатором которых выступила всемирная телекоммуникационная система Интернет. В России этот процесс совпал с кардинальными политическими, социальными и экономическими изменениями, что привело к кумулятивному эффекту. В связи с этим отечественные специалисты говорят не просто о значительных изменениях в информационной сфере, а о «коммуникативном сдвиге» и смене информационной парадигмы: «„Коммуникативный сдвиг“, трансформация информационной парадигмы социума в коммуникационную определяют необходимость создания коммуникологических рамок ис-

следования всех процессов. Коммуникация становится процессом не просто обмена, но осмысливания информации, формирования новых смыслов, т. е. сущность коммуникации априорно заключается в текстопорождении, текстотворении, трансляции, обмене текстами в максимально широком значении, что и становится неотъемлемой характеристикой социоэкономического дискурса» [Шилина 2012: 108].

Бесспорно, парламентская журналистика как часть политической журналистики не может быть рассмотрена вне тех глобальных процессов, которые сегодня происходят в обществе с широчайшим информационным полем. «Интернетизация становится одним из значимых факторов трансформации во всех сферах» [Там же: 109]. Парламентская журналистика России новейшего периода, едва возникнув в эпоху стабильности научной парадигмы, на начальном этапе своего становления попала в ситуацию «коммуникативного сдвига» и в настоящее время находится в стадии институализации.

В контексте глобальных изменений журналистика претерпевает важнейшие метаморфозы, и это в полной мере относится к парламентской журналистике. Одна из важнейших тенденций развития этой области состоит в том, что на первый план выходит сам журналист — его личность, его творческое начало, репрезентируемое в тексте. Понятие «творчество» близко журналистике, поскольку с ним связана коммуникационная деятельность личности, являющейся основным элементом творческого процесса. Проблемы журналистского творчества постоянно находятся в поле зрения как теоретиков — исследователей СМИ, так и практиков [Олешко 2003; Ким 2004; Лазутина 2006], хотя образ журналиста в текстах парламентской тематики, способы и формы воплощения в них творческого начала автора исследованы в настоящее время далеко не в полной мере.

Безусловно, образ журналиста не тождествен его личному «я». Текстовая репрезентация образа зависит как от внешних факторов (для какого издания создается текст, в каком жанре публикуется и т. д.), так и от внутренних, и прежде всего — от индивидуальности журналиста. Анализируя контент конкретного автора, исследователи неизбежно сталкиваются с вопросами, с одной стороны, идиостилия, с другой — общих закономерностей построения парламентских текстов. В связи с последним исследователи отмечают, что текст парламентской журналистики должен быть актуальным, затрагивать вопросы общественной значимости, аргументированным, объективным, досто-

верным, язык — точным и доходчивым; также текст должен отличаться определенным стилем и оригинальностью в подаче материала [Фёдоров 2009]. Однако вопросы идиостилевой специфики парламентских текстов нуждаются в настоящее время в детальной лингвистической разработке. К ней может относиться исследование тональности текста, его субъективной модальности, риторических средств, употребляемых тем или иным журналистом, и др.

Дискуссионным остается вопрос о том, должна ли быть в текстах парламентской журналистики отражена гражданская позиция автора. С точки зрения европейской традиции, парламентский журналист всегда должен быть беспристрастен. К примеру, известный британский журналист Боб Эггингтон, составивший «Советы журналистам для работы в парламенте», дает среди прочих и такую рекомендацию: «Держите свое мнение при себе» [Эггингтон]. Однако в отечественной журналистике принято не только транслировать новости, но и пытаться интерпретировать фактуальную информацию. Именно авторской точки зрения ждет от журналистских материалов российский читатель, и тексты парламентской журналистики не являются исключением.

Однако в последующих исследованиях необходимо учитывать не только автора, но и адресата текста, поскольку «один из аспектов многозначности образа — недосказанность. Это делает читателя активным, процесс восприятия — самотворчеством, додумыванием, дорисовыванием образа» [Бусленко, Бутов, Грунина 2000: 185].

В целом перспективными направлениями исследования современной парламентской журналистики являются изучение образа автора, воплощаемого в идиостиле журналиста, исследование форм обратной связи между автором и читателем, уточнение терминологии и принципов отбора текстового материала, установление границ парламентского текста и его конституирующих признаков, создание научно обоснованной типологии парламентских материалов. В целом это дает возможность отграничить парламентскую журналистику от других форм политической коммуникации, охарактеризовать ее специфику и попытаться более точно наметить векторы дальнейшего развития этой интереснейшей области, сочетающей признаки политического, газетно-журнального и интернет-дискурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахмадулин Е. В.* Пресса политических партий России начала XX века: издания консерваторов. — Ростов н/Д: Книга, 2001.
2. *Ахмадулин Е. В.* Пресса политических партий России начала XX века: издания либералов. — Ростов н/Д: Росиздат, 2001.
3. *Бахтин М. М.* Собр. соч. : в 7 т. — М.: Русские словари, 1996—2010.
4. *Большой толковый социологический словарь* : в 2 т. — М., 1999.
5. *Бусленко Н. И., Бутов В. И., Грунина В. В.* Культурология. Эстетика. Ростов н/Д: СКАГС, 2000.
6. *Вартанова Е. Л.* О необходимости модернизации концепций журналистики и СМИ // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10: Журналистика. 2012. № 1.
7. *Горохов В. М.* Основы журналистского мастерства. — М.: Высшая школа, 1984.
8. *Государственная служба в парламенте: отечественный и зарубежный опыт* / под ред. В. А. Долгова, А. С. Тихомирова. — М., 2001.
9. *Граудина Л. К., Дмитриева О. Л.* и др. Мы сохраним тебя, русская речь! — М., 1995.
10. *Закон РФ «О средствах массовой информации»* : от 27.12.1991 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. РФ. 1992. № 2.
11. *Засурский Я. Н.* Интернет как фактор международной журналистики // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10: Журналистика. 2011. № 1.
12. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987.
13. *Ким М. Н.* Журналистика. Методология профессионального творчества. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2004.
14. *Кройчик Л. Е.* Публицистический текст как дискурс // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — Воронеж, 2002. № 5—6.
15. *Кун Т.* Структура научных революций. — М.: АСТ, 2003.
16. *Лазутина Г. В.* Основы творческой деятельности журналиста. — М.: Аспект-Пресс, 2006.
17. *Луман Н.* Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Антоновского. — М.: Праксис, 2005.
18. *Мостовой В. В.* Пресса в отношениях государства и гражданского общества // Массовые информационные процессы в современной России. — М.: Изд-во РАГС, 2002. С. 58—74.
19. *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. — М.: Мысль, 2000.
20. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. — М., 1960.
21. *Олешко В. Ф.* Журналистика как творчество : учеб. пособие для курсов «Основы журналистики» и «Основы творческой деятельности журналиста». — М.: РИП-холдинг, 2003.
22. *Парламентская журналистика: ретроспектива, теория, практика* : учеб. пособие / отв. ред. И. Н. Тхагушев. — М.: МГУ, 2000.
23. *Попов В. Д.* Журналистика как политическая наука. — М., 2005.
24. *Прохоров Е. П.* Государственные СМИ как главный инструмент обеспечения информационной демократии // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10: Журналистика. 2011. № 1.

25. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. — М., 1977.
26. Романов Р. М. Истоки парламентаризма. — М., 2006.
27. Сборник тренинговых материалов по парламентской журналистике» / под общ. ред. Г. Торалиевой. — Бишкек, 2008.
28. Смирнов И. Н. Роль парламентской журналистики в диалоге власти и общества // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 5. С. 317—323.
29. Соколова Е. П. Пресса и парламентаризм в политическом процессе России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Екатеринбург, 2005.
30. Тимофеева Л. Н. Парламентская журналистика как вид политической журналистики // Журналистика-2005. Трансформация моделей СМИ в постсоветском информационном пространстве. — М., 2006. С. 570—571.
31. Федоров И. Н. Парламентский журналист: попытка социологического портрета // Журналист. 2009. № 8. С. 63—64.
32. Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика: курс лекций и словарь риторических фигур. 2-е изд. — Ростов н/Д : Феникс, 1999.
33. Ширина М. Г. Текстогенные трансформации инфосферы. Методологический эскиз становления Интернета. — М., 2011.
34. Ширина Е. В. К вопросу о новых объектах и методиках исследования публицистического текста // Изв. высших учебных заведений. Сев.-Кав. регион. История. Филология. Общественные науки. Спецвыпуск. 2006.
35. Шлосберг Л. Псковская парламентская журналистика как зеркало современного регионального парламентаризма // Псковская губерния : газ. 2007. № 33 (352). URL: http://gubernia.pskovregion.org/number_352/05.php.
36. Эггингтон Б. Советы журналистам для работы в парламенте / пер. Е. Горбачева. URL: <http://newreporter.org/2011/04/05/sovety-zhurnalistam-dlya-raboty-v-parlamente/> (дата обращения: 14.02.2012).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева.

УДК 327:140.8
ББК Ф4(2)

ГСНТИ 11.25.25; 16.21.27

Код ВАК 23.00.04

К. О. Друговойко К. O. Drugoveyko
Санкт-Петербург, Россия St. Petersburg, Russia

**ДИСКУРСИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ
КОНСТРУИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
(на материале текстов
русской и латвийской прессы)**

**DISCURSIVE MECHANISMS
OF FORMING
HISTORICAL MEMORY
(on the basis of the texts
from Russian and Latvian press)**

Аннотация. Дискурсивный анализ текста газетных статей, посвященных спорам, которые возникли в российской и латвийской прессе вокруг строительства на территории мемориала Саласпилс памятника немецким солдатам, погибшим во Второй мировой войне. Материал — тексты трех российских и трех латвийских источников. Анализируемый временной период — сентябрь — декабрь 2008 г. Демонстрируется зависимость аксиологического аспекта концепта «память» от личной позиции в оценке прошлого.

Abstract. Discursive analysis of newspaper articles devoted to debates in Russian and Latvian press about building on the territory of Salaspils memorial the monument to German soldiers killed during World War II. The material for research are the texts from three Russian and three Latvian sources. The analyzed period covers September — December of 2008. The dependence of axiological aspect of the concept “memory” on personal attitude to the past is proved.

Ключевые слова: дискурс; концепт «память»; СМИ; Саласпилс; мемориал; речевое воздействие; исторический конфликт.

Key words: discourse; concept “memory”; Mass Media.; Salaspils; memorial; verbal influence; historical conflict.

Сведения об авторе: Друговойко Ксения Олеговна, аспирант заочной формы обучения, факультет политологии.

About the author: Drugoveyko Ksenia Olegovna, Post-graduate Student, faculty of Politology.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Place of employment: St.Petersburg State University.

Контактная информация: 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д.1-3.
e-mail: drugoway@gmail.com.

Данное исследование представляет собой дискурсивный анализ текста шести газетных статей, посвященных спорам, которые возникли в российской и латвийской прессе вокруг новости о строительстве на территории военного мемориала Саласпилс памятника немецким солдатам, погибшим во Второй мировой войне.

Материалом для исследования послужили тексты авторитетных СМИ, охватывающие небольшой временной период и посвященные одной проблеме, которая, в сущности, представляет собой проблему конструирования исторической памяти, иначе говоря — проблему создания исторического мифа. Это тексты а) трех российских источников: информационного интернет-агентства NEWSru.com [На территории бывшего нацистского концлагеря], газет «Взгляд» [Казумова 2014] и «Коммерсант» [Водо 2008]; б) трех латвийских источников на русском языке: газет «Ves.LV. Латвийские вести» [Малаховский], «МК-Латвия» [Спранцмане 2008] и «Телеграф» [Березовская 2008].

Двумя основными задачами исследования стали анализ механизма конструирования исторической памяти в СМИ и определение базовых позиций российской и лат-

вийской сторон при рассмотрении общего исторического конфликта. В основу анализа легло использование указанными СМИ ряда служащих инструментом речевого воздействия лингвистических средств выражения субъективной оценки описываемых событий.

Конструирование исторической памяти в средствах массовой информации — проблема, имеющая два значимых аспекта. Во-первых, чрезвычайный интерес представляет рассмотрение данного процесса с точки зрения его преднамеренности и продуманности или, напротив, стихийности и спонтанности; во-вторых, в случае выхода проблемы на международный уровень важна специфика оценки описываемых в прессе событий источниками каждой из затронутых или заинтересованных сторон.

Конкретная проблема, анализируемая в данном исследовании, формально касается ФРГ и Латвийской Республики, так как именно между этими государствами возникли определенное непонимание и недоговоренности по поводу строительства на территории латвийского мемориала нового памятного знака. Тем не менее, как будет видно далее, основные противоречия возникли между Россией и Латвией.

Исторический прецедент, легший в основу анализируемых в этом исследовании текстов СМИ, требует предварительного освещения, включающего в себя наиболее полную предысторию возникших споров, по возможности лишенную эмоциональных оценок и откровенно субъективных комментариев. С этой целью ниже приводится фрагмент статьи, не вошедшей в список анализируемых источников, но соответствующей описанным выше исследовательским требованиям.

«...В октябре 1941-го, спустя три месяца после того, как войска вермахта заняли Ригу, в Саласпилсе (город расположен на восточном берегу Даугавы в 18 км от столицы Латвии) начал строиться Саласпилсский лагерь (официальное название — „Саласпилсская расширенная полицейская тюрьма и лагерь трудового воспитания“). Он стал единым центром заключения узников, ранее находившихся в расширенных лагерях при тюрьмах, предназначенных для содержания политзаключенных — участников антифашистского движения, а также тех, кто в 1940 г. поддержал установление советского режима в Латвии. Всего за время германской оккупации активистами т. н. латышской самообороны, работавшей под покровительством нацистов, были арестованы около 15 тыс. латвийских граждан. Половина из них была схвачена сразу после вторжения войск вермахта — летом 1941 г.

Саласпилсский лагерь, построенный пригнанными из Германии заключенными-евреями, стал заселяться в мае 1942 г. В конце того же года к политзаключенным присоединили арестованных безработных, уклоняющихся от всеобщей трудовой повинности, — они содержались в отдельных бараках. В марте 1943 г. в лагерь начали свозить арестованных крестьян из Латгалии (уклонявшихся от поставок сельхозпродукции и уплаты налогов), женщин и детей из партизанских сел Белоруссии, Псковской и Ленинградской областей, а также дезертиров, бежавших из Латышского легиона и отказывающихся служить в частях вермахта. Весной 1944 г. появилась новая категория заключенных — члены Латышского национального движения, представленные интеллигенцией, призывавшей население бойкотировать приказы немецкого командования и уклоняться от службы в СС-легионе. Правда, этим узникам была предложена альтернатива, и некоторые из них стали лагерными охранниками.

По последним подсчетам, всего через Саласпилсский лагерь прошли около 100 тыс. заключенных. К августу 1944 г. лагерь опустел — значительная часть заключенных погибла, остальные были угнаны в Штуттгоф-

ский лагерь смерти, находившийся на Балтийском побережье между Гданьском и устьем Вислы.

Перед приходом советских войск почти все лагерные бараки были сожжены. Из оставшихся советское командование организовало лагерь для немецких военнопленных, содержащихся там вплоть до октября 1946 г. По данным Комитета братских кладбищ (латвийской общественной организации, которая занимается учетом мест военных захоронений и уходом за ними), в списках за 1949 г. значатся имена 146 низших чинов вермахта, похороненных рядом с лагерем.

В 1967 г. на месте нацистского лагеря был создан Саласпилсский мемориальный комплекс.

В 2006 г. на месте захоронения 146 немецких солдат был установлен березовый крест, который в ближайшее время должен быть заменен белым каменным ансамблем из четырех крестов около метра в высоту, — именно эта новость и подняла волну возмущения бывших узников Саласпилса и правозащитников.

Инициатором проекта создания вермахтовского мемориала стала немецкая сторона — Народный союз по уходу за военными могилами. Вместе с уже упомянутым Комитетом братских кладбищ Народный союз занимается обустройством военных захоронений в Латвии с 1997 г., когда между Германией и Латвией был заключен соответствующий договор. Будущий памятник, согласно заявлению Народного союза, имеет одну цель — обозначить захоронение, а вовсе не воздать покоящимся в нем солдатам военные почести...» [Друговойко 2008].

С момента возникновения прецедента до снятия основной массы взаимных претензий прошло ровно три месяца — потому в качестве материала для анализа взяты публикации сентября — декабря 2008 г. Материалы СМИ, посвященные рассматриваемым событиям, делятся на две неравные группы: большую часть составляют информационные заметки с повторяющимися из одной в другую устойчивыми фактологическими формулировками и неизменными комментариями одних и тех же героев; меньшую — статьи аналитического характера, отличающиеся расширенной фактографией, авторскими комментариями и оценками разной степени экспрессивности. В данном случае несомненный интерес представляют источники второго типа — именно они используются в качестве материала для представленного ниже дискурс-анализа.

Поскольку дискурсивный анализ представляет собой совокупность методик и тех-

ник интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах, в основе его лежит оценка целого ряда лингвистических параметров анализируемого текста. Именно они определяют специфику осуществляемой исследователем интерпретации базовых фактов. Ряд языковых параметров и элементов важен для дискурс-анализа в целом, некоторые из них играют особую роль при рассмотрении текстов СМИ. Таким образом, при дискурсивном анализе рассмотрению может быть подвергнута не только структура текста в целом, но и любой уровень текста, а также любая коммуникативно значимая единица текста.

В данном исследовании все элементы, выделенные как значимые, способствовали возможности оценить не только эксплицитные характеристики отдельных языковых конструкторов, но также (и в первую очередь) их имплицитные характеристики. Роль и специфика проявления последних подробно рассматривается при анализе **вводных слов и вставных конструкций, средств лексической выразительности, концепта память**.

Выбор именно этих лингвистических средств, распределенных по трем аналитическим блокам, объясняется следующими причинами.

Вводные слова и вставные конструкции относятся к наиболее важным лексическим средствам, определяемым дискурсивным контекстом, — так называемым дискурсивным маркерам, т. е. специальным словам, помечающим структуру дискурса, ментальные процессы говорящего, контроль над ментальными процессами адресата и пр. Исследование дискурсивных маркеров в настоящее время является одной из наиболее популярных областей дискурсивного анализа и лексикографии [См., напр.: Баранов, Плунгян, Рахилина, Кодзасов 1993, 1998].

Такие лексические средства, как слова и выражения, имеющие яркую эмоциональную семантическую составляющую или стилистическую окраску, лингвисты считают наиболее распространенным и лучше всего освоенным языковым инструментом, который используется для целей речевого воздействия: «...в значении многих слов имеется эмоциональная составляющая, и посредством выбора таких слов можно оказывать сильное эмоциональное воздействие... Например, обрушивая на читателя непрерывный поток упоминаний о *предательстве, мародерстве, идеологическом навозе, разрушительной волне, неудержимом падении,*

подлых идеях, кошмарной интервенции, страшном нашествии, лженаучных теориях, человеконенавистнических учениях, варварском нашествии, вонючем омуте и т. д. (примеры из небольшого фрагмента редакционной статьи „Политика измены“ в газете „Советская Россия“ от 19 августа 1995), человека вполне можно возбудить, обозлить, запугать и таким образом модифицировать его поведение» [Баранов, Паршин 1990]. По мнению П. Б. Паршина, «практически в каждом слове зафиксирован некоторый фрагмент модели мира, а модели могут быть очень разнообразными. Слова могут фиксировать в своем содержании различные точки зрения (*победа* и *поражение* — это описания одной и той же ситуации, рассматриваемой с разных позиций, и одно и то же событие можно назвать *победой „Спартака“* и *поражением „Локомотива“*), асимметрии в позициях участников ситуации (*рапортует* начальник подчиненному, а *консультирует* по какому-то вопросу более компетентный в этом вопросе менее компетентного и т. д.), различного логического статуса элементов содержания (*обвиняя*, приписывают некоторый проступок, который предполагается предосудительным, а *осуждая*, наоборот, предполагают некоторый проступок совершенным и заявляют о его предосудительности), различную сравнительную значимость смысловых компонентов (в слове *управленец* на первый план выходит представление о процессе управления, а в слове *хозяйственник* — об объекте управления и его результатах). <...> Часто эмоциональное воздействие оказывается совместно с влиянием на социальные представления с помощью слов, в которых фиксируются отношения „свой/чужой“ (а через них и оценка): *агрессия* — ‘оказание поддержки враждебной нам стороне’, (*интернациональная*) *помощь* — ‘оказание поддержки дружественной нам стороне’; *зверства* — ‘осуществляемые ими убийства’, *возмездие*, *зачистка* — ‘осуществляемые нами убийства’; *стабильность* — ‘политико-экономические условия, соответствующие нашим интересам’, *нестабильность* — ‘политико-экономические условия, не соответствующие нашим интересам’; *гибкость* — ‘мой компромисс’, *беспринципность* — ‘его компромисс’ и т. д.» [Паршин].

Таким образом, с помощью выбора слов осуществляется воздействие и на образ действительности, поэтому анализ этих лингвистических средств представляется особенно актуальным при исследовании механизма конструирования исторической памяти, т. е. создания исторического мифа.

Первый блок — вводные слова и вставные конструкции

В ходе исследования был проведен анализ содержащихся в текстах вводно-вставочных конструкций (ВВК) и вставных конструкций (ВК), который позволил проверить ряд гипотез.

Таблица 1. Вводные слова и вставные конструкции в текстах СМИ

Функциональная нагрузка	Россия	Латвия
Степень уверенности	–	11
Оформление мыслей	–	1
Эмоциональная оценка	1	3
Связь мыслей	8	16
Источник информации	10	6
Привлечение внимания	–	3
ВК	1	12
Всего элементов	20	52

Вводные и вставные конструкции, напрямую передающие эмоции автора, обнаруживаются лишь в латвийских источниках: **жаль только, что еще хуже, детям понятно.**

ВВК, которые адресуют высказывание собеседнику, побуждая его к активному восприятию, также не используются в российских текстах, составляя при этом значительную часть дискурсивных элементов в текстах латвийских СМИ: **напомним, поймите же, но поймите, напомним, скажите, извините.** Заметим при этом, что бóльшая часть такого рода дискурсивных слов в грамматическом отношении представляет собой глаголы, стоящие в форме повелительного наклонения (**поймите же, но поймите, скажите, извините**). Такие формы прямо обозначают действие, адресованы какому-либо лицу и выражают побуждение говорящим к исполнению действия [Современный русский язык. Морфология 2007: 473], причем формы 2 лица глагола характеризуются как «императивные формы совместного действия» [Там же: 474—475] — таким образом, степень их воздействия на адресата сообщения оказывается еще более высокой.

ВВК, выражающие степень уверенности пишущего в собственных словах, косвенно передающие его настрой по отношению к описываемой информации и усиливающие таким образом эффект воздействия на читателя излагаемых фактов, также отсутствуют в текстах российских источников и характерны для латвийских СМИ: **правда, нет спо-**

ру, вероятно, может, может быть, скорее всего, конечно, конечно же, наверное, нет никаких сомнений, уверен.

Дополнительно на такое усиление работают и ВК, используемые в латвийских текстах для привлечения внимания читателя и передающие эмоции автора: **Начало стройке положили отставные военные германского бундесвера (надо полагать, не без ведома городской администрации); бывшие узники концлагеря — этой огненной пасти, пожравшей 100 тысяч жизней и выпустившей лишь немногих, говорят...; Посол России в Латвии Александр Вешняков также не постеснялся быть категоричным (не до стеснения теперь, ведь вопрос — принципиальный, так вышло, что последние бои Второй мировой еще продолжаются, ведут их потомки победителей); место захоронения было выбрано советскими властями (уверен, оно находится в стороне от могил узников, которые в то время были совсем свежими); Германия, как ни одна другая страна в мире, — и это надо признать, — может служить всем нам примером честного отношения к своему прошлому.** Для российских источников этот прием не характерен.

Вводные и вставные конструкции, используемые авторами российских текстов, выполняют две сугубо служебные функции: прежде всего, дают ссылки на источники излагаемой информации (**по данным латвийских СМИ (2), как уточняет издание (2), как заявила активист русского движения Саласпилса Галина Муштавинская (2), по сведениям Галины Муштавинской, по данным портала Ves.LV, по его словам, по его мнению, по данным латвийского комитета братских кладбищ, по заверениям Народного союза**) и определяют логическое соотношение между частями высказывания или между отдельными высказываниями в составе текста (**в частности, кстати, так, впрочем**). Обилие в российской прессе ВВК, указывающих на непосредственный источник сообщения, на наш взгляд, свидетельствует о стремлении авторов этих статей воздержаться от формулирования собственного мнения по поводу обсуждаемой проблемы и максимально дистанцироваться от описываемых событий (12 ВВК указанного типа в текстах российских СМИ соответствуют вдвое меньшему числу таких конструкций (6) в латвийской прессе).

Все рассмотренные источники представляют собой статьи, претендующие на аналитический характер изложения материала либо на использование отдельных элементов такового. Тем не менее выделенные

в тексте вводные и вставные конструкции показывают, что между наличием вводных элементов, являющихся ссылками на конкретный источник информации (иное издание или авторитетное для автора лицо), и отсутствием вставных конструкций (т. е. развернутых авторских уточнений и комментариев) существует прямая связь. Наиболее четко она прослеживается в российских источниках. Таким образом, практически все выводы, сделанные авторами этих материалов, представляют собой априорное согласие с готовыми позициями, освещаемыми и пересказанными в текстах, и не обнаруживают самостоятельности суждений.

Следует заметить, что, хотя модальность речи автора и приводимых им высказываний экспертов имеет разный удельный вес, такие высказывания в журналистской практике никогда не являются дословной передачей сказанного — строго говоря, они представляют собой не цитаты, но квазичитаты, которые неизбежно отражают позицию интерпретатора.

При передаче одной и той же фактической информации латвийские источники активнее прибегают к имплицитным средствам выражения авторской позиции: число вводных и вставных конструкций в латвийских текстах значительно превышает этот показатель для российских источников (см. табл. 1). В то же время стоит отметить одну интересную особенность российских текстов: являясь менее эмоциональными и демонстрирующими видимую дистанцию между событиями в Саласпилсе и российскими дискуссиями по поводу этих событий, имплицитно они выражают определенно негативное отношение к описываемым событиям. Свидетельством тому служит контекстуальное использование слова *скандал*, характеристика которого приведена ниже.

Второй блок — средства лексической выразительности, демонстрирующие эмоциональную оценку.

В газетных материалах, посвященных рассмотрению узкой конкретной проблематики, тестовая стилистика и особенности дискурса определяются манерой оперирования сложившимся набором фактов и идей. Зачастую текст, описывающий те или иные события, не несет никакой новой информации, но при этом настолько неожиданно преподносит информацию, уже известную из других источников, что приходится говорить о возникновении принципиально новых ее трактовок. В то же время присутствие в тексте элементов, перешедших в неизменном виде из другого источника, и место, которое

эти элементы в новом тексте занимают, также позволяют проанализировать оценку автором нового текста информации, используемой в качестве признанной, проверенной и/или требующей обязательного упоминания.

Использование разнообразных средств лексической выразительности, обладающих «способностью воздействовать на восприятие действительности под определенным углом зрения», является ярким примером «отказа от открытой пропаганды тех или иных идей и перехода к завуалированному манипулированию массовым сознанием» [Байгарина 2004: 18].

Так, в российских СМИ оценочные характеристики описываемого события встречаются, как правило, в прямых или косвенных цитатах из латвийских источников: *как заявила активист русского движения Саласпилса Галина Муштавинская, бывшие заключенные Саласпилского концлагеря расценили этот факт как циничное надругательство над жертвами нацистов; Русскоязычное население Саласпилса буквально потрясено; противники же называют проект „бестактной провокацией“; Эйжен Упманис утверждает, что погребенные в Саласпилсе солдаты вермахта не имеют ничего общего с мучителями из Саласпилского концлагеря: „Это военнопленные, которых после войны держали в уцелевших лагерных бараках. Гестаповцев и надзирателей-эсэсовцев среди похороненных в Саласпилсе пленных быть не может по той простой причине, что те сидели в других местах, где содержались военные преступники“.*

К числу же оценочных слов, используемых непосредственно авторами текстов в российских источниках, можно отнести лишь эпитет *неоднозначный* (использованный информационным интернет-агентством Newsu.com и повторенный газетой «Взгляд») в контексте *Возведение памятника немецким солдатам вызвало неоднозначную реакцию горожан*, а также существительное *скандал*, которым авторы статей в газетах «Взгляд» и «Коммерсант» характеризуют описываемое событие. Прилагательное *неоднозначный* не зафиксировано нормативными словарями современного русского литературного языка^[1], однако в сознании говорящих оно связывается не только с относительно нейтральными ('имеющий и плюсы и минусы', 'о котором есть противоречивые мнения, слухи'), но и с ярко оценочными значениями — 'одиозный', 'скандальный'. Существительное *скандал*, характеризуемое большинством словарей как имеющее разговорную окраску, определяется как 'случай,

происшествие, получившие широкую огласку и позорящие его участников' [Словарь русского языка 1988: 103].

В латвийских СМИ прямое выражение оценки описываемых событий является последовательным приемом воздействия на адресата сообщения: *газета „Саласпилс вестис“ огорошила жителей города; на территории, политой кровью более чем ста тысяч узников концлагеря; исходя из логики этих немецких доброхотов; это не смущает директора мемориала; страшным, жестоким конфликтом обернулось желание Германии установить в Саласпилсе памятник немецким военнопленным; узники концлагеря — этой огненной пасти, пожравшей 100 тысяч жизней и выпустившей лишь немногих, говорят: „Это кощунство“; немцы перешагнули тонкую грань этики, что недопустимо; Дальше — больше; Часть общества Латвии таким нивелированием ценностей приведена в негодование и ужас; скандальное благоустройство и т. п.*

Третий блок — концепт *память*

Среди значимых для рассматриваемого дискурса языковых единиц, встречающихся в текстах российской и латвийской прессы, отдельную группу занимают слова с корнем *памят-* — *память, памятник и памятный*. Через них напрямую раскрывается дискурс исторической памяти, о формировании которой идет речь в данном исследовании. В конце 30-х гг. XX в. ученик А. Бергсона и Э. Дюркгейма М. Хальбвакс [Хальбвакс 2005] проанализировал в работе «Коллективная и историческая память» социальные, культурные и индивидуальные параметры, которыми определяется человеческая память. Выделив четыре области внешнего измерения памяти: 1) мимическую, 2) предметную, 3) коллективную и 4) культурную, — французский исследователь пришел к выводу о том, что культурная память переходит из поколения в поколение, семиотизируясь в некие символические фигуры, как например, *Варфоломеевская ночь, Жанна д'Арк и Октябрьская революция*. К ним естественным образом «прирастают» воспоминания, а через них история нередко становится мифом. Только живая память (то, что люди помнят) есть представление о прошлом. Анализ того, как элементы этой живой памяти претерпевают «прижизненную» интерпретацию, позволяет выявить отдельные повороты сценария конструирования политической памяти.

По мнению О. Г. Ревзиной, «память — это фундамент истории, о чем так замечательно сказал Поль Рикер: „Под историей —

память и забвение. Под памятью и забвением — жизнь“. Человек и общество запечатлевают свою историю в памятниках, в памятных местах... Для каждого человека, ...для общества в целом исключительное значение имеет то, что следует помнить и что следует забыть. Манипуляция общественной памятью — один из способов политического воздействия» [Ревзина 2006: 10].

В связи с проблематикой рассматриваемого комплекса статей уместно напомнить, что Поль Рикер, поставивший в центр исторического дискурса проблему взаимоотношения между памятью и историей, особенно подчеркивает ценностный, аксиологический аспект концепта *память*: «...событие, называемое Освенцимом, — событие на пределе. Таково оно в индивидуальной и коллективной памяти — прежде чем оно станет таковым в дискурсе историка. Отсюда поднимается свидетельство-протест, которое ставит историка-гражданина в ситуацию ответственности по отношению к прошлому» [Рикер 2004: 365].

Частота употребления слов с корнем *памят-* в первой и второй группе источников примерно одинакова.

Таблица 2. Употребление слов с корнем «памят-»

Слово	Россия	Латвия
Память	9	10
Памятник	12	13
Памятный	12	8
Мемориал	6	4
Мемориальный	1	1

Однако контекстуальный анализ выявляет определенные различия в употреблении этих слов. За исключением случаев использования их во вступительных информационных пассажах, которые встречаются как в российских, так и в латвийских текстах (*В роце, где до этого отдыхали во время памятных мероприятий бывшие узники концлагеря и ветераны-освободители, теперь возведут каменную стену и монументальный крест в память о погибших немецких солдатах и офицерах...*) и потому могут быть оценены как окрашенные нейтрально, а также цитирования официальных документов (*Работа, которую осуществляет немецкий союз в сотрудничестве со своими партнерами, посвящена памяти всех павших во время войн, — говорится в заявлении германского посольства. — Это необходимо как для сохранения памяти жертв войны, так и для осознания ответственности за случившееся...*), данные лексические единицы в текстах российских

и латвийский авторов несут различную смысловую и эмоциональную нагрузку.

Так, в российских источниках слово *память* относится исключительно к словосочетаниям *жертвы нацизма* и *жертвы нацистского концлагеря* и фигурирует в изложении чужой, а не собственной позиции или же в комментариях к ней: *Латвийские власти утверждают, что память жертв нацизма памятник не оскорбит; Противники же называют проект „бестактной провокацией“ и попыткой создать идеологический противовес памяти жертв нацистского концлагеря; Тем не менее многие в Латвии рассматривают сооружение этого памятника как попытку создать своего рода идеологический противовес памяти жертв нацистского концлагеря.*

В латвийских статьях *память* рассматривается как категория более универсальная и используется в связке с такими уточнениями, как *каждый павший, все павшие, погибшие, любой человек*. При этом речь о *памяти* ведется либо от имени автора, либо (в случае цитирования): *„Мы хотим увековечить память каждого павшего“, — говорят там*) от первого лица. Предложения, содержащие слово *память*, превращаются в рассматриваемой латвийской прессе в своего рода формулы (*Наш долг в том, чтобы не разрешить осквернять память погибших или предать ее забвению; Любой человек имеет право на память*).

Слово *памятник* дает повод для еще более интересных наблюдений. В российской прессе, которая при обсуждении исторической памяти однозначно характеризовала бывших узников Саласпилса, оскорблением для чувств которых явилась новость о строительстве нового памятного знака, как «жертв нацизма», *памятник* контекстуально не связан ни с какими экспрессивными характеристиками (за исключением одного примера, который является цитатой: *создание такого памятника вблизи места массовой гибели заключенных концлагеря является „бестактной провокацией“*). В латвийской же прессе ситуация прямо противоположна — при всей либеральной и гуманной трактовке понятия исторической памяти конкретный *памятник*, о котором идет речь, характеризуется резко негативно: новость о его возведении, которое планируется *„на территории, политой кровью более чем ста тысяч узников концлагеря“*, обернулась *„страшным, жестоким конфликтом“*; сам *памятник*, как явствует из текста, воспринимается бывшими узниками Саласпилса как *„памятник жесточайшему из режимов-убийц“*. Если в российских источ-

никах *памятник* описывается скорее как прецедент и повод для возрождения вечных дискуссий об исторической памяти, в латвийской прессе к нему привлекается непосредственное внимание, выражаемое с помощью формул, как и в отношении слова «память» (*Памятники тем, кто был замучен, и тем, кто мучил, не должны стоять рядом; Понятно, что территория мемориала концлагеря совсем не подходит для установки памятника немецким солдатам...; ...памятник немецким солдатам на территории мемориала, это ужас...*).

Слово *памятный* в обоих случаях оказывается не эпитетом, но нейтральным определением, сопровождающим такие слова, как *крест, знак, место*. Единственным исключением является заключенное в кавычки словосочетание *„памятное место“* — интересно, что в этом скептическом ключе оно фигурирует при интерпретации авторами слов эксперта (*По сведениям Галины Муштавинской, в архивах городских властей не удалось найти решение Саласпилской думы, разрешающее строительство подобного „памятного места“ на территории мемориального комплекса*) — данный эпизод встречается в одном из российских (Newsru.com) и в одном латвийском («Вести Латвии») тексте. Отдельного внимания заслуживает плеонастическое выражение *памятный мемориал*, введенное автором статьи в российском «Взгляде», — по факту являясь нарушением норм лексической сочетаемости, это словосочетание по сути служит характерным для публицистического стиля речи средством выразительности, роль которого состоит в привлечении читательского внимания. Правдоподобность данной гипотезы подтверждается тем, что выражение *памятный мемориал* вынесено в шапку статьи и контекстуально соседствует в предложении с упоминанием не просто о *немецких солдатах*, а *немецко-фашистских захватчиках* (*В латвийском городе Саласпилс идут работы по установлению памятного мемориала немецко-фашистским захватчикам на месте бывшего концлагеря*).

Слова *мемориал* и *мемориальный*, которыми заменены в ряде текстовых эпизодов и исконно русские синонимы *памятник* и *памятный*, с одной стороны, вносят в текст стилистическое разнообразие, с другой же — снижают эмоциональную нагрузку: иностранный по происхождению корень *мемориал* не обладает всем богатством «памятных» оттенков и вызывает в сознании носителя русского языка ассоциацию исключительно с «сооружением», что хорошо заметно в кон-

текстах типа *памятник на территории мемориала*.

Анализ лексических единиц текстов латвийской и российской прессы, напрямую связанных с идеей исторической памяти, обернулся доказательством расхожего афоризма: не мы управляем своим языком, но он управляет нами. Выбор языковых средств, которые не представляются говорящему существенными для выражения его позиции, неосознанно производимый из числа возможных вариантов, способен обнаружить скрытые интенции автора высказывания.

В случае с дискурс-анализом газетных обсуждений строительства нового памятника в Саласпилсе нашла подтверждение довольно радикальная гипотеза. В российских источниках, тексты которых оказались мало-эмоциональными и стилистически нейтральными, обнаружилось взвешенное и спокойное отношение к самому факту строительства памятника немецким солдатам на латвийской земле. В то же время в реакции на дискуссии о праве на память проявилась парадоксальная узость взглядов: упоминая лишь о «жертвах нацизма», под которыми подразумевались бывшие узники Саласпилса, авторы анализируемых статей в российской прессе полностью игнорировали тему исторической памяти как таковой и выстраивали текст таким образом, что для ее обсуждения просто не оставалось никакого семантического пространства. Латвийские источники, демонстрировавшие положенную «европейским» статусом и национальным менталитетом толерантность и беспрестанно обыгрывающие формулу «Каждый человек имеет право на память», тут же опровергали ее, в самых резких выражениях отрицая это право в случае с безымянными немецкими солдатами, которым не посчастливилось окончить свои дни в статусе военнопленных на чужой земле. Для авторов рассмотренных тестов эта земля отнюдь не чужая — потому отношение к ней оказывается исключительным и исключаяющим декларируемое универсальное право в отдельно взятом случае.

Как российские, так и латвийские источники строят анализ описываемых событий на основании имплицитно представленной семантической оппозиции «Мы» — «Они», но основания обозначенной оппозиции различны. Если для российской прессы они заключены в противопоставлении России и Латвии, то для прессы латвийской наблюдается иной поворот: «Мы» включает в себя всех советских граждан, пострадавших от фашизма; «Они» — немецких солдат, о строительстве памятника которым идет речь. Поскольку «очень важная составляющая зада-

ваемого образа „мы“ — эмоционально-нравственная окрашенность, направленная на усиление мобилизационного потенциала» [Дука 1998: 91—113], то такая позиция латвийской прессы, очевидно, служит определенным скрытым целям: она играет на способности читателей, находящихся за пределами Латвии, идентифицировать себя с потомками тех, кто противостоял фашистским оккупантам во время Второй мировой войны, и тем самым служит попыткой привлечь их на свою сторону.

Итак, проведенный дискурсивный анализ текстов российской и латвийской прессы, посвященных спорам, которые возникли вокруг новости о строительстве на территории военного мемориала Саласпилс памятника немецким солдатам, погибшим во Второй мировой войне, позволяет сделать следующие выводы.

Позиции российской и латвийской сторон при рассмотрении одного и того же исторического конфликта принципиально различны: если тексты латвийской прессы рассматривают описываемую ситуацию как чрезвычайно значимую, принимаемую «близко к сердцу», то российские источники склонны максимально дистанцироваться от описываемых событий и воздержаться от формулирования собственного мнения по поводу обсуждаемой проблемы.

При этом оценка происходящего в Латвии события как «вызвавшего неоднозначную реакцию» «скандала» обнаруживает скрытое злорадство российских СМИ по поводу проблемы, которую бывшей советской республике теперь приходится разрешать самостоятельно, без возможной поддержки российской стороны.

Оппозиция «Мы» — «Они», представленная в анализируемых текстах лишь имплицитно и для латвийских источников заключающаяся в противопоставлении немецких оккупантов («Они») жертвам фашизма, узникам концлагеря в Саласпилсе, в число которых входили отнюдь не только жители Латвии («Мы»), является попыткой привлечь на сторону латвийских участников конфликта всех читателей этих русскоязычных СМИ, играя на способности таких читателей идентифицировать себя с потомками тех, кто противостоял фашистским оккупантам во время Второй мировой войны.

При этом как для российской, так и для латвийской прессы в равной степени характерна «двойная мораль», которая обнаруживается при анализе лингвистических механизмов формирования исторической памяти: российские источники демонстрируют подчеркнуто спокойное отношение к самому

факту строительства памятника немецким солдатам на латвийской земле, однако в действительности достойными памяти полагают лишь жертв нацизма; в латвийской прессе открыто декларируется право на память любого из погибших, независимо от его принадлежности к одной из воевавших сторон, но при этом в действительности полностью отрицается право на памятник безымянных немецких солдат. Таким образом, ценностный, аксиологический аспект концепта *память* оказывается в значительной степени зависящим не от определяемых конкретной политической стратегией установок говорящего, а от его личной позиции в оценке прошлого (напомним, что, по словам Поля Рикера, «для каждого человека ... исключительное значение имеет то, что следует помнить и что следует забыть»).

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]. По данным «Сводного словаря современной русской лексики» [Сводный словарь... 1991, т. 1], а также «Большого академического словаря русского языка» [Большой академический... 2009]. Зафиксировано лишь в лексикографическом пособии «Новые слова и значения» [Новые слова и значения 1984: 408] в значениях ‘характеризующийся сложностью, противоречивостью, разнообразием своего проявления’ и ‘допускающий возможность разного истолкования, разного понимания’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтунян А. Г. От Булгарина до Жириновского: идейно-стилистический анализ политических текстов. — М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 1999.
2. Байгарина Г. П. Оценочность как универсалия публицистического текста // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как национального: материалы 3-й Междунар. науч.-метод. конф. — М., 2004.
3. Барт Р. Мифологии. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
4. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Варианты и инварианты текстовых макроструктур (к формированию когнитивной теории дискурса) // Проблемы языкового варьирования. — М., 1990.
5. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Кодзасов С. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. — М., 1993.
6. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Кодзасов С. В. Дискурсивные слова русского языка / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. — М., 1998.
7. Белокурова С. П. Публицистический стиль // Русский язык: школьный энциклопедический слов. — СПб., 2013.
8. Березовская А. Скандал вокруг саласпилского погоста как повод к размышлению // Телеграф. 2008. 15 окт.

9. Большой академический словарь русского языка. — СПб., 2009. Т. 12.
10. Водо В. Латвия придаст войне новое значение // Коммерсант. 2008. 19 дек.
11. Друговейко К. Трагедия Саласпилса продолжается // Дело. 2008. 17 нояб.
12. Дука А. В. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. — СПб., 1998. № 1.
13. Казумова Э. Советскую память заменят на // Взгляд. URL: <http://vz.ru/society/2008/9/26/212503.html> (дата обращения: 30.06.2014).
14. Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. — М., 2007.
15. Малаховский С. На территории Саласпилского мемориала поставят памятник... немцам // Ves.LV. Латвийские вести. URL: <http://old.ves.lv/article/56198> (дата обращения: 30.06.2014).
16. На территории бывшего нацистского концлагеря Саласпилс в Латвии ставят памятник немецким солдатам // NEWSru.com. URL: <http://www.newsru.com/arch/world/24sep2008/salaspils.html> (дата обращения: 30.06.2014).
17. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. — М., 1984.
18. Паршин П. Б. Речевое воздействие // Кругосвет: онлайн-энциклопедия. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.html (дата обращения: 30.06.2014).
19. Ревзина О. Г. Память и язык // Критика и семиотика. — Новосибирск, 2006. Вып. 10.
20. Рикер П. Память, История, Забвение. — М., 2004.
21. Сводный словарь современной русской лексики: в 2 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. Р. П. Рогожниковой. — М.: Русский язык, 1991.
22. Словарь русского языка. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1988.
23. Современный русский язык. Морфология. — СПб., 2007.
24. Спринцмане М. Новое испытание для окровавленной земли // МК-Латвия. 2008. 8 окт.
25. Трахтенберг А. Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации как идеологический инструмент // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. 2006. № 8.
26. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре: спец. вып.: Память о войне 60 лет спустя. 2005. № 2—3.
27. Шевченко А. Ю. Дискурсивный анализ материалов массовой коммуникации // Теория коммуникации & прикладная коммуникация: сб. науч. тр.: вестник Рос. коммуникативной ассоциации / под общ. ред. И. Н. Розинной. — Ростов н/Д: ИУБиП, 2002. Вып. 1.
28. Teun van Dijk. Discursive analyses of news // A Handbook of qualitative methodologies for mass media research / ed. by K. Bruhn Jensen. — London: Longman, 1999. Vol. 5.

Статью рекомендует к публикации д-р полит. наук, проф. В. А. Ачкасов.

Р. И. Зарипов Р. I. Zaripov
Москва, Россия Moscow, Russia

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ
РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**METAPHORICAL IMAGES
OF RUSSIAN POWER IN FRENCH
POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. *Анализируются метафорические образы российской власти во французском политическом дискурсе. Выявлены основные лексико-семантические поля, единицы которых в процессе метафоризации формируют образы субъектов российской политической действительности. Образы российской власти создаются, как правило, с использованием морбиальной метафоры, театральной, ограничительной, криминальной, военной, спортивной и монархической.*

Abstract. *The article deals with metaphorical images of Russian power in French political discourse. The lexical-semantic fields which serve as sources of metaphorical images of Russian political reality are revealed. The images of the Russian power are created as a rule on the basis of morbid, theatrical, limiting, criminal, military, sport and monarchial metaphor.*

Ключевые слова: образ; концепт; механизм познания; метафорическое выражение; сфера-источник; метафоризация; понятийная область.

Key words: image; concept; cognitive mechanism; metaphorical expression; source domain; metaphoricization; conceptual field.

Сведения об авторе: Зарипов Руслан Ирикович, адъюнкт, кафедра французского языка.

About the author: Zaripov Ruslan Irikovich, Adjunct, Department of the French Language.

Место работы: Военный университет Министерства обороны Российской Федерации.

Place of employment: Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow).

Контактная информация: 111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4.
e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru.

Метафора как ментальная операция не столько сравнивает, сколько объединяет разные, чаще всего далекие друг от друга, понятийные сферы, создавая тем самым предпосылки для использования потенциала сферы-источника при концептуализации реальной действительности. Иначе говоря, метафора оказывается не только элементом языка, но и универсальным способом осознания мира, т. е. механизмом познания. Не случайна в этой связи продуктивность метафоры не только в текстах художественной литературы, но и в индивидуальной и массовой коммуникации, где метафора служит как для обозначения с помощью уже имеющихся лексических единиц новых понятий, так и для экспрессивного переименования уже известных. Эти две функции метафоры особенно эффективны в политическом дискурсе, где они призваны обеспечить соответствующую интерпретацию событий и фактов. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, в этом процессе «метафоры по сути своей являются феноменами, обеспечивающими понимание» [Лакофф, Джонсон 2008: 208]. Добавим: такое понимание информации реципиентом, которое было бы выгодно отправителю, что в определенной мере подтверждает влияние политической метафоры на процесс принятия решения реципиентом [Баранов 2008: 17].

Не случайно в этой связи, что в современный период геополитического противо-

стояния первостепенное значение приобретает именно информационная компонента. В большей степени это находит свое выражение в деятельности средств массовой информации. Так, в настоящее время освещение российской политической жизни метафорическими средствами в Западной Европе происходит «на автопилоте по определенному шаблону» [Guérolé, Ryzhakova: 2013]. Этот шаблон включает три основных положения:

1. Владимир Путин — диктатор во главе полицейского государства.

2. Всякое движение оппозиции Владимиру Путину — это демократическое движение, и Россия только выиграет от того, что кто-то другой возглавит государство, кем бы этот кто-то ни был.

3. Всякое действие правоохранительных или судебных органов против подобного оппозиционного движения — преследование, а упомянутый оппозиционер — образец добродетели [Там же].

Франция по праву является одним из европейских лидеров по количеству различных экономических, политических, социокультурных, военных и других связей с Россией. Более того, именно во французских СМИ образ нашей страны в целом согласуется с теми представлениями, которые формируются о России в западных информационных источниках. Рассмотрим, какой во французских

СМИ предстает метафорическая мозаика образа российской власти, государственно-го аппарата и силовых структур, а также судебно-следственной системы. В своих исследованиях мы опираемся на теорию метафорического моделирования [См.: Чудинов 2001; 2003].

1. *Russie: Vladimir le terrible* [Vladimir le Terrible 2008] (*Россия: Владимир Грозный*); *Le tsar système de Vladimir Poutine* [Despic-Porovic 2012] (*Царская форма правления Владимира Путина*).

Игра слов, возникающая при соединении прилагательного *terrible* с именем *Vladimir*, подталкивает реципиента к мысленному сравнению Путина с царем Иваном Грозным, историческим правителем России, имя которого ассоциируется с жестокостью. Частое употребление во французском политическом тексте концепта «царь» и производных от него синонимов в отношении президента России свидетельствует о том, что у реципиента выработана следующая концептуальная установка: Россия всегда была и остается страной самодержавной. В системе образов французского языкового социума история России традиционно ассоциируется с варварством, деспотизмом, ложной цивилизованностью [Гордон 2012: 42].

2. *...la stratégie de Vladimir Poutine et des hommes qui l'entourent est à très courte vue* [Mendras 2013]. / *...стратегия Владимира Путина и людей, которые его окружают, очень близорука*.

В данном случае автором употреблена морбиальная метафора, поскольку медицинский термин *courte vue* в прямом и переносном смысле означает «близорукость» [Ганшина 1977: 205], например: *politique à très courte vue* — *близорукая политика* [Там же]. Приведенное метафорическое словоупотребление оценивает политику руководства России как недальновидную. Примечательно, что в рамках российского политического дискурса также встречается выражение «близорукая политика» [Рыжков 2009].

3. *Les militants russes des droits de l'homme dénoncent les „reculs de la démocratie“ depuis le retour de Vladimir Poutine au Kremlin* [Avril 2013]. / *Российские правозащитники отмечают ослабление демократии с момента возвращения Владимира Путина в Кремль*.

Упоминание демократии в связи с нашим государством сопровождается речевым оборотом, характеризующим ее ослабление. В данном случае употреблена метафора движения: демократия как достижение мировой цивилизации «отстывает». Лексема *recul* означает «*Mouvement en arrière*»

(«движение назад, отступление») [Le Petit Larousse Illustré 2008: 863].

4. *Le baromètre de la corruption bat des records* [La Russie d'aujourd'hui. 10.07.2013]. / *Показатели коррупции зашкаливают*.

В приведенном выражении употреблена развернутая метафора, с помощью которой реципиенту сообщают об острой проблеме коррупции в России: первая метафора взята из сферы-источника «Измерительные приборы» (барометр), вторая — из сферы-источника «Спорт» («бить рекорды»). Выходит, что коррупцию можно «измерить», и в России она «зашкаливает». Экспрессивность сообщения объясняется тем, что метафоризация в обсуждении политических и социально-экономических проблем обладает свойством «преувеличения». Вышеозначенная развернутая метафора воздействует на общественное мнение эффективнее, чем обычное неметафорическое сообщение, не содержащее наглядный образ при прочтении сообщения, например: *La corruption est très grande en Russie (В России очень большая коррупция)*. Ввиду того что спортивная (*battre des records*) и измерительная (*baromètre*) метафоры создают доступные для восприятия образы, реципиенту легче воспринять подаваемую информацию.

5. *La corruption est un mal endémique en Russie qui gangrène l'appareil d'État à tous ses échelons, l'armée et la police* [Le Figaro, 11.03.2013]. / *В России коррупция — это эндемическая болезнь, которая поражает государственный аппарат во всех его звеньях, армию и полицию*.

В рамках одного предложения употреблены две взаимосвязанные метафоры из сферы-источника «Болезни». Первая из них, *mal endémique*, имеет значение «эндемическая болезнь» [Ганшина 1977: 309]; вторая, *gangrener*, — «разлагать, поражать гангреной» [Там же: 394].

6. *...en hiver 2012 une partie des Russes s'est élevée contre ce tour de passe-passe qui lui a permis malgré tout se maintenir au pouvoir* [Mendras 2003]. / *...зимой 2012 г. часть россиян выступила против ловкого обмана, который в конце концов позволил ему остаться у власти*.

Использованная здесь метафора характеризует смену власти в России в 2012 г., когда нынешний премьер-министр Д. А. Медведев оставил пост президента, а В. В. Путин выиграл президентские выборы и назначил своего предшественника председателем правительства. Во французском политическом дискурсе такие политические ходы были приравнены к афере и ловкому обману: *tour de passe-passe* означает «фокус» [Ган-

шина 1977: 840]. Этот концепт может быть отнесен к сфере-источнику «Искусство фокусника».

7. *Alexei Navalny gêne le président russe. Vladimir Poutine le fait taire en l'envoyant passer cinq années derrière les grillages des camps* [Radio Française Internationale. 18.07.2013]. / Алексей Навальный мешает российскому президенту. Владимир Путин затыкает ему рот, отправляя на 5 лет за решетку.

Через употребление метафоры из сферы-источника «Лишение свободы» (*derrière les grillages des camps*) автор формирует у реципиента целый комплекс стереотипов: отсутствие независимой судебной системы в России, несправедливость приговора, авторитаризм российской власти и др.

8. *En un an, Poutine a muselé l'opposition / Comment Poutine musèle les libertés / ...la justice est utilisée pour museler les opposants* [Le Nouvel Observateur. 19.07.2013]. / За год Путин заткнул рот оппозиции / Как Путин ограничивает свободы / ...правосудие используется для обуздания оппозиции.

В данном случае нами выделен ряд метафорических выражений, отражающих деятельность власти — их объединяет предикативная ограничительная метафора *museler*, семантически близкая к субстантивной ограничительной метафоре *bâillon*: *museler* означает «надевать намордник», а в переносном смысле — «заставлять молчать, обуздывать» [Ганшина 1977: 561]. Очевидно, что все приведенные выражения являются дисфемизмами, которые используются для того, чтобы рассказать о якобы наблюдающемся в России отсутствии свободы слова.

9. *On accuse Poutine de vouloir jouer la carte de l'emprisonnement politique* [Procès Navalny]. / Путина обвиняют в том, что он делает всё, чтобы бросить в тюрьму своих политических противников.

Метафора заимствована из языка игроков в карты (понятийная сфера-источник «Азартная игра»): *jouer la carte de* — «играть на чем-либо, использовать что-либо» [Гак, Ганшина 2006: 162]. Со словосочетанием *emprisonnement politique* она создает негативный образ политической системы нашей страны (здесь также присутствует прямой намек на отсутствие независимой судебной системы в стране).

10. *Depuis le retour de Poutine au sommet de l'Etat il y a un peu plus d'un an, l'étau se resserre autour des têtes d'affiche de la contestation* [Libération. 18.07.2013]. / С момента возвращения Путина в Кремль чуть более года назад вокруг лидеров протестного движения сжимаются тиски.

Одна из наиболее ярких авторских метафор в политическом дискурсе Франции изображает действия российской власти по отношению к оппозиции в виде сжимающихся тисков (*étau*), обозначая ущемление демократических прав и свобод (ограничительная метафора). Что касается лидеров оппозиции, то они преподносятся в виде популярнейших артистов театра: *tête d'affiche* — «первое имя в афише» (театральная метафора) [Гак, Ганшина 2006: 1049].

Стоит отметить, что театральная метафора создается на основе концептов из театральной и цирковой сферы, искусства иллюзионистов и любых иных зрелищных представлений.

11. *Le président russe a construit une démocratie en trompe l'œil...* [Naudet. 19.07.2013]. / Президент России построил иллюзию демократии.

Если применительно к существующему политическому строю России всё-таки применяется термин «демократия», то только с негативной характеристикой. Термин *trompe-l'œil* означает «оптическая иллюзия; изображение, создающее иллюзию реальности», а в сочетании с предлогом *en* — «мнимый, обманчивый; одна лишь видимость» [Гак, Ганшина 2006: 1084]. Если демократия в России сравнивается с миражом, иллюзией реальности, то сама Россия подается получателю сообщения как страна недемократическая, авторитарная, а ее президент — как диктатор. Примечательно, что сама демократия предстает адресату сообщения в виде некоего сооружения — на это указывает метафорически употребленный предикат *construire*.

12. *...le Kremlin poursuit son entreprise de démolition systématique de l'opposition démocratique...* [Naudet. 18.07.2013]. / ...Кремль продолжает свою деятельность по систематическому уничтожению демократической оппозиции...

Из этого высказывания следует, что «антидемократическое» руководство России стремится пресечь любую попытку формирования системной оппозиции в стране. В данном случае лексема *démolition*, означающая «разрушение, уничтожение» [Гак, Ганшина 2006: 298], образует военную метафору.

13. *Si Navalny est mis en prison et si le pouvoir russe l'empêche aujourd'hui de participer à des élections, cela montre que le pouvoir russe verrouille toute possibilité d'alternance démocratique en Russie et toute possibilité de changement* [Letondeur, 2013]. / Если Навальный брошен в тюрьму и российское руководство ему мешает участвовать

в выборах, это показывает, что оно включает всякую возможность любых политических изменений и смены власти демократическим путем.

Предикат *verrouiller* означает «запирать на засов, блокировать» и в данном контексте может быть отнесен к ограничительной метафоре: российская власть закрывает путь демократической смены власти, блокирует всякую возможность изменений.

14. *Le pouvoir „tue“ politiquement Alexei Navalny / L'opération avait aussi un autre but: tuer, politiquement, l'étoile montante de la contestation russe... La condamnation de Navalny est sans doute l'un des derniers clous que le pouvoir veut enfoncer dans le cercueil de l'opposition russe... L'acharnement sur l'opposition russe montre la nervosité d'un pouvoir rongé par la corruption* [Naudet. 18.07.2013]. / *Власть „убивает“ Навального политически / Операция преследовала также иную цель: убить восходящую звезду российского протестного движения политически... Несомненно, приговор Навальному — это тот последний гвоздь, который власть хочет вбить в гроб российской оппозиции... Ожесточение против оппозиции показывает нервозность российской власти, пораженной коррупцией.*

В данном случае мы видим классическую развернутую метафору, состоящую из отдельных метафорических словоупотреблений: *tuer* (криминальная метафора), *enfoncer un clou dans le cercueil de l'opposition russe* (метафора смерти), *nervosité d'un pouvoir* (олицетворение и метафора эмоционального состояния человека), *être rongé par la corruption* (морбиальная метафора). Автор целенаправленно создает образ российской оппозиции, которой грозит скорая смерть, и одновременно уточняет, что руководство страны «поражает» коррупция.

15. *On voit malheureusement que le pouvoir politique russe utilise la justice comme une arme, comme un outil politique pour écarter toute opposition possible* [Letondeur 2013]. / *К сожалению, мы видим, что российское политическое руководство использует судебную систему в качестве оружия, политического средства устранения любой оппозиции.*

В приведенном примере судебная система России предстает карающим «оружием» (военная метафора, сфера-источник «Вооружение») и «инструментом» (артефактная метафора) в руках руководства страны — отсюда прямой намек на зависимость правосудия и авторитарность государственной системы.

16. *Vladimir Poutine cherche à étouffer l'âme de l'opposition* [Russie: Alexei Navalny...]. / *Владимир Путин стремится поразить оппозицию в самое сердце.*

Криминальная метафора *étouffer* («задушить»), которая изображает российскую власть жестокой и авторитарной, резко контрастирует с метафорой *âme de l'opposition*. Оппозиция репрезентируется в качестве живого человека, душой которого выступает Навальный (антропоморфная метафора).

В результате проведенного анализа основных метафорических выражений, создающих образ власти, можно заключить, что СМИ Франции представляют российскую власть как самодержавную и коррумпированную, а ее деятельность — как антидемократичную и преступную. Очевидно, что метафорическое изображение образов государственной власти и самого президента России Путина практически всегда сопровождается отрицательными коннотациями.

Основой образов российской власти как части российской политической действительности в большей степени выступают:

- морбиальная метафора и метафора смерти (*cercueil, mal endémique, très courte vue, gangrener*);
- ограничительная метафора (*museler, étou, verrouiller*);
- театральная (цирковая) метафора (*bouffon, tour de passe-passe, trompe-l'oeil*);
- криминальная метафора (*étouffer, tuer*);
- военная метафора (*arme, démolition*);
- спортивная (игровая) метафора (*battre des records, jouer la carte de*);
- монархическая метафора (*Vladimir le terrible, tsar système*).

Под воздействием всех этих метафор у реципиента намеренно формируются следующие представления, связанные с образом России:

1. Российская власть «заражена» коррупцией, а внутренняя политика российского руководства близорука (морбиальная метафора).

2. Владимир Путин — диктатор, «царь», авторитарный правитель, который любыми средствами пытается не допустить развития оппозиционного движения в России (монархическая метафора).

3. Российская власть жестко ограничивает гражданские права и свободы в стране и подавляет оппозицию (ограничительная метафора).

4. Российская политическая действительность — это театр (цирк), в котором преобладают фарс и обман (театральная метафора).

ИСТОЧНИКИ

1. *Рыжков В.* Близорукая политика // РИАНовости : сайт. 2009. 22 авг. URL: <http://ria.ru/politics/20090822/181877868.html> (дата обращения: 16.06.2014).
2. *Avril P.* Russie: l'opposition passe à l'as // Le Figaro. 2013. 27.02.
3. *Despic-Popovic H.* Le tsar système de Vladimir Poutine // Libération. 2012.06.03.
4. *Le baromètre de la corruption bat des records // La Russie d'aujourd'hui.* 2013.10.07.
5. *Procès Navalny : la face sombre de la Russie de Poutine (partie 2) // France 24.* URL: <http://www.france24.com/fr/20130718-fr-debat-russie-navalny-poutine-corruption-justice-partie2> (дата обращения: 16.06.2014).
6. *Les figures de l'opposition russe dans le collimateur du Kremlin // Libération.* 2013.18.07.
7. *Letondeur J.-B.* Condamnation de Navalny en Russie: «La communauté internationale doit réagir» // Radio Française Internationale. 2013.18.07.
8. *Mendras M.* Opposition en Russie // Radio Française Internationale. 2013.18.07.
9. *Naudet J.-B.* RUSSIE. Comment Poutine musèle les libertés // Le Nouvel Observateur. 2013.19.07.
10. *Naudet J.-B.* RUSSIE. Le pouvoir «tue» politiquement Alexei Navalny // Le Nouvel Observateur. 2013.18.07.
11. *Russie: Alexei Navalny, l'opposant 2.0 en prison // Yahoo Actualités.* URL: <http://fr.news.yahoo.com/blogs/ravanello/russie-alexei-navalny-opposant-2-0-en-prison-133943117.html> (дата обращения: 16.06.2014).
12. *Russie: la condamnation de Navalny choque les partisans de la liberté // Radio Française Internationale.* 2013.18.07.
13. *Russie: plus de phrases «pots-de-vin» // Le Figaro.* 2013.11.03.

14. *Vladimir le Terrible // Le Bien Public.* URL: <http://www.bienpublic.com/actualite/2012/08/25/vladimir-le-terrible> (дата обращения: 01.07.2014).

СЛОВАРИ

15. *Гак В. Г., Ганишина К. А.* Новый французско-русский словарь. 11-е изд., стер. — М.: Рус. яз.-Медиа, 2006.
16. *Ганишина К. А.* Французско-русский словарь. 51 000 слов. Изд. 7-е, стер. — М.: Русский язык, 1977.
17. *Le Petit Larousse Illustré.* — P.: Larousse, 2008.

ЛИТЕРАТУРА

18. *Баранов А. Н.* Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Метафоры, которыми мы живем / Лакофф Дж., Джонсон М. Изд. 2-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 7—21.
19. *Гордон А. В.* Сквозь лабиринт стереотипов: три века постижения Другого // Образ современной России во Франции: опыт междисциплинарного анализа : сб. ст. / РАН, ИНИОН, Центр науч.-информац. исследований глобальных и региональных проблем, Отделение глобальных проблем. — М., 2012. С. 11—46.
20. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. Изд. 2-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
21. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.
22. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.
23. *Guénolé T., Ryzhakova K.* Poutine et l'Europe: gagner la bataille de l'image // La Russie d'aujourd'hui. 2013.28.07.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. А. Гаврилов.

УДК 811.112.2'243
ББК Ш143.24-006

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

Р. Д. Керимов R. D. Kerimov
Кемерово, Россия Kemerovo, Russia

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ТАРГЕТИРОВАНИЕ
В НЕМЕЦКОЙ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ:
СЦЕНАРИИ ВНЕШНЕЙ
И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ**

**METAPHORICAL TARGET MAPPING
IN THE GERMAN
SOCIO-POLITICAL COMMUNICATION:
SCRIPTS OF THE GERMAN FOREIGN
AND INTERNAL POLICY**

Аннотация. Статья посвящена описанию метафорической системы современной немецкоязычной социально-политической коммуникации. Таргетирование понятийной области «Политика» способствует установлению структурно-семантических и функциональных связей метафорических единиц и их всестороннему анализу с использованием лингвокогнитивных методик. Предлагается использовать при анализе таргетных зон социально-политической реальности понятия когнитивного сценария и когнитивной сцены. На основе анализа ключевых образов и тематической организации политической культуры объединенной Германии выделяются сценарии, отражающие все значимые пласты социально-политической реальности этой страны. Подробно рассмотрены когнитивные сценарии «Политические процессы в мире» и «Государственные институты ФРГ».

Abstract. The paper describes the cognitive semantic metaphor system in the present-day socio-political German communication. Mapping the target domain “Politics” helps to establish the structural semantic and functional relations between metaphors as well as to carry out a comprehensive cognitive linguistic analysis of metaphors. It is suggested using the notions of cognitive script and cognitive scene in the analysis of target zones of socio-political reality. On the basis of the analysis of key images and topics of political culture of united Germany scripts that reflect all the meaningful layers of socio-political reality of the country are singled out. Cognitive scripts “Political processes in the world” and “State Institutions of FRG” are studied in detail.

Ключевые слова: когнитивная метафора; понятийная область; когнитивный сценарий; социально-политическая коммуникация; политическая лингвистика; языковая картина мира; немецкий язык.

Key words: cognitive metaphor; conceptual domain; target domain; cognitive script; socio-political communication; political linguistics; linguistic worldview; the German language.

Сведения об авторе: Керимов Руслан Джаванширович, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, доцент.

About the author: Kerimov Ruslan Dzhanvanshirovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the German Philology, Assistant Professor.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Place of employment: Kemerovo State University.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, кор. 6, к. 6412.
e-mail: kerimovrus@mail.ru.

Современная политическая коммуникация охватывает широкое дискурсивно-языковое поле социально-политических отношений в государстве и обществе, которое составляют два ключевых базиса: узуальный пласт социально маркированных языковых знаков, хранящий в себе потенциально готовые к экспликации вторичные лексемы, и дискурсивное пространство как процесс «живой» речи в общественно-политической сфере деятельности и отношений, — испытывающие, помимо прочего, влияние со стороны как традиционной, так и лингвальной культуры, где сохранен вербальный опыт данного этноса [Керимов 2013].

Изучение метафорической системы политического дискурса (как наиболее активной и динамической составляющей политической коммуникации) в рамках лингвокогни-

тивного подхода связано преимущественно с моделированием концептуальных способов презентации социальной реальности с упором на первый когнитивный маркер — сферы-источники данных метафорических образов, что позволяет реконструировать актуальные домены, сопряженные с наиболее частотными «гештальтами» (в понимании Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004]) для эмпирического освоения всех значимых социально-политических смыслов в некотором культурно-историческом контексте (см. также обзор современных политлингвистических исследований в коллективной работе: [Будаев, Ворошилова, Дзюба и др. 2011]).

В меньшей степени исследовательский интерес проявляется по отношению ко второму сегменту бинарной метафорической

модели — сфере-мишени концептуализации социальной реальности. Ввиду определенной специфичности и функциональной детерминированности политического дискурса целью вторичных образов является понятийная область «Политика» в самом широком ее понимании как «сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, ядром которой является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти» [БСЭ]. В целом такой подход, с учетом задач исследования, оправдан, если предполагается, что рассмотрение лингвокогнитивных характеристик политической метафорики ориентировано на анализ концептуальной организации социального опыта и его наиболее продуктивные и частотные механизмы вербализации [Керимов 2012].

Однако для установления типических характеристик данной политической культуры и/или разработки полномасштабной теоретической модели рече-языковой концептуализации и субкатегоризации в процессе социальной коммуникации может быть использован метод метафорического таргетирования как процедура когнитивной реконструкции понятийной области-мишени, связанная с сегментированием, классификацией и таксономией ключевых содержательных позиций общественно-политических процессов, протекающих в обществе и государстве в определенный период времени. Следует отметить два главных фактора, влияющих на процесс и результат концептуального таргетирования: экстралингвистические условия, к которым относятся политическая система и структура государственного устройства, экономическое положение и прочее, а также текущую общественно-политическую конъюнктуру и геополитическую ситуацию в мире.

При анализе целевых зон социально-политической реальности наиболее релевантным представляется использование таких терминов, как «когнитивный сценарий» и «когнитивная сцена». Когнитивные сценарии репрезентируют содержательный фрагмент социально-политической реальности. Каждый из них концептуализирует один из значимых сегментов общественно-политических отношений внутри государства (внутренние дела) и вне его (внешняя политика), а частными случаями сценария, его конституентами, выступают когнитивные сцены. Понятие сценария встречается в ряде лингвокогнитивных исследований, где сценарий/сцена выступает в роли синонима или согипонима

таких когнитивных единиц, как, например, фрейм, гештальт, план, схема [см., напр.: Маслова 2008; Чудинов 2001, 2013; Schwarz 1996]. Эти термины, за исключением фрейма, в принципе не получили широкого распространения в языкознании и используются изредка.

Понимание сценария как фрагмента политической картины мира связано с заложенностью в семантике этого обозначения сем предопределенности, планирования, распределения ролей, что в полной мере реализуется в сфере общественной жизни государства, в которой все реалии, процессы, явления, субъекты и объекты находятся в тесной связи, обуславливают друг друга и в некоторой степени выполняют определенную, изначально заданную функцию.

Анализ ключевых образов и тематической организации политической культуры современной Германии (в 1990—2005 гг. — с момента объединения ФРГ и ГДР и до прихода к власти А. Меркель) позволил выделить пять когнитивных сценариев, каждый из которых представлен несколькими сценами; количество сцен варьируется от 6 до 10 и отражает все значимые кластеры социально-политической реальности Германии:

- Сценарий 1 — «Политические процессы в мире» (3 сцены).
- Сценарий 2 — «Государственные институты ФРГ» (10 сцен).
- Сценарий 3 — «Партийно-политическая жизнь ФРГ» (5 сцен).
- Сценарий 4 — «Общественная жизнь Германии» (6 сцен).
- Сценарий 5 — «История государства и общества» (5 сцен).

Самым частотным в современной немецкой социально-политической коммуникации является когнитивный сценарий «Общественная жизнь Германии» (41,51 % всех случаев метафорической актуализации в выборке, включающей 9300 метафорических единиц антропоморфной модели), второй по количеству конституентов — сценарий «Государственные институты ФРГ» (34,02 %), два сценария имеют показатель частотности экспликации чуть более 10 % («Политические процессы в мире» — 10,9%; «Партийно-политическая жизнь ФРГ» — 10,33 %), а наименее частотным является сценарий «История государства и общества» (3,24 %).

В данной статье представлен обзор первых двух когнитивных сценариев политической жизни современной Германии (1990—2005 гг.): мировых политических процессов и внутренней политики федеративной республики.

СЦЕНАРИЙ 1 «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МИРЕ»

Данный сценарий представляет геополитическую ситуацию в мире в целом и в отдельных зарубежных (для Германии и Евросоюза) странах, глобальные процессы в политике, экономике, культуре, описывает военные конфликты в современном мире, а также охватывает аспекты внешней политики Германии (с учетом своих интересов и интересов Европейского союза).

Из трех сцен самой частотной оказывается репрезентирующая политические отношения в мире и внешнюю политику ФРГ (и ЕС), серьезное внимание уделяется также экономическим процессам в мировом масштабе, включая роль и деятельность германских фирм на зарубежных рынках; менее частотны другие аспекты региональных политических процессов: гражданские отношения и война, актуализация которой связана с конкретными конфликтными событиями в «горячих» точках (войны в бывшей Югославии и Косово, Ираке, Афганистане, Чечне), а также роль международных организаций в урегулировании конфликтов.

Социоморфная метафорика репрезентирует преимущественно различные аспекты мировых политических процессов и внешнюю политику ФРГ (и ЕС). Артефактная метафора также описывает в первую очередь эти две политические сцены, но с небольшим количественным преобладанием внешней политики Германии. Антропоморфная метафорика в большей степени отражает политические отношения в мире, а остальные сцены — в меньшей степени. Если в контексте речь идет об отношении ФРГ к какому-либо событию в мире, то реализуется сцена «внешняя политика».

СЦЕНА 1.1 «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В МИРЕ»

Данная сцена характеризует ситуации отображения происходящих в мире политических событий, которые имеют какое-либо геополитическое значение для ФРГ и/или обсуждаются немецкими политиками при рассмотрении вопросов внешней политики Германии и Евросоюза, в том числе в рамках официальных визитов должностных лиц ФРГ в зарубежные страны. В этой связи наиболее актуальными геополитическими темами были военные конфликты в бывшей Югославии, Ираке, Чечне; борьба с терроризмом (особенно — после терактов 11 сентября 2001 г. в США); положение в Европе и бывших соцстранах в связи с планируемым в начале XXI в. расширениями ЕС и НАТО.

В целом конец XX — начало XXI в. характеризуется политической нестабильностью во многих регионах мира, что, например, выражается в следующем контексте окказиональной метафорой «коктейль» („*der Cocktail*“; в переносном смысле обозначает множество (смесь) взаимосвязанных проблем в политической или экономической сферах): *Warum sollte es nicht möglich sein, zum Beispiel im Kaspischen Raum, wo wir es mit einem Cocktail an Krisenphänomenen zu tun haben, europäische Ansätze und Erfahrungen aus dem KSZE-Prozess einzubringen?* [Scharping 2003].

Федеральный президент ФРГ также критиковал поддержку политических режимов стран третьего мира, ущемлявших права своих граждан, но в годы холодной войны поддержавших Западный мир и потому пользовавшихся его поддержкой и всевозможной помощью с его стороны: *Und wie oft konnten solche Regime am Ruder bleiben, weil sie sich zur Zeit des Kalten Krieges auch danach als geeignete Partner für strategische oder wirtschaftliche Allianzen der ein oder anderen Seite anboten!* [Rau 2002a: 169].

Приоритетным направлением внешнеполитических интересов ФРГ и ЕС на стыке двух тысячелетий осталось расширение ЕС и НАТО, поэтому ЕС и правительство ФРГ активно развивали данный аспект межгосударственных связей, проводя идеологическую обработку бывших соцстран, в том числе приветствуя развал Югославии, который, по их мнению, явился результатом возросшего национального самосознания народов бывшей СФРЮ:

- *Jugoslawien kehrt nach Europa zurück, und in Korea haben die Menschen sich auf den Weg gemacht, die Teilung ihres Landes zu überwinden* [Rau, 2001a, S. 280]; *Ich freue mich darüber, dass sich die Menschen in Jugoslawien auf den Weg gemacht haben zurück nach Europa* [Rau 2001a: 285];

- *Unser Kontinent war ein halbes Jahrhundert durch den Eisernen Vorhang geteilt. Jetzt wächst er zusammen, und Rumänien nimmt an diesem historischen Prozess teil. Ich habe heute in der Stadt die Kreuze gesehen, die an die erinnern, die in Rumänien ihr Leben für die Freiheit gelassen haben. Sie haben das Tor zur Demokratie aufgestoßen und den Weg zur Rückkehr Rumäniens in die Gemeinschaft der demokratischen Staaten in Europa freigemacht* [Rau 2002b: 167];

- Die Länder des früheren Warschauer Pakts „*kehren nach Europa zurück*“, oder, wie der estnische Präsident Meri sagt, „*Europa kehrt nach Estland zurück*“ [Rau 2001a: 227].

По мнению западноевропейских и германских политиков, именно ЕС является

в Европе гарантом безопасности и процветания для бывших соцстран, что в следующих контекстах описывается с помощью архитектурных метафор:

- *Hunderttausende von Menschen in Belgrad haben mit Mut und Besonnenheit in den Straßen ihrer Hauptstadt durchgesetzt, wofür Millionen vorher schon votiert hatten: die Demokratie. Sie **haben die Tür aufgestoßen**, um auch die letzte große Krisenregion Europas **in den europäischen Rechts- und Friedensraum zurückzuführen** [Rau 2001b: 31];*

- *Ich habe heute in der Stadt die Kreuze gesehen, die an die erinnern, die in Rumänien ihr Leben für die Freiheit gelassen haben. Sie **haben das Tor zur Demokratie aufgestoßen und den Weg zur Rückkehr Rumäniens in die Gemeinschaft der demokratischen Staaten in Europa freigemacht** [Rau 2002b: 167].*

Об укреплении международного сотрудничества в целом много говорил президент Германии Й. Рай, в частности используя метафору „das Orchester“ («оркестр»), обозначающую всё разнообразие стран на политической карте мира, которые должны гармонично взаимодействовать друг с другом, как музыканты в оркестре: *Noch besser wäre, es gäbe **ein Orchester von Mächten**. Aber jedenfalls ist eine Supermacht besser als zwei, die Deutschland teilen. (...) Wie kann man sich denn **ein Orchester von Mächten vorstellen? Eine Stärkung der Vereinten Nationen wäre **musikalisch** und politisch sinnvoll** [Rau 2002b: 559].*

При описании политических процессов, происходящих в России, в немецкой социально-политической коммуникации часто обращались к персоне первого президента России Б. Н. Ельцина, отмечая его деловые качества, хитрость, изворотливость, непоколебимость, как это представлено в следующих отрывках политических речей креативными образами. Так, „die Inkarnation“ («воплощение, олицетворение, инкарнация») манифестирует в переносном смысле экономическую тематику, характеризуя личности проводящих экономические реформы деятелей: *Jelzin war — ich muß das jetzt einmal so sagen — für Sie bis gestern noch **die Inkarnation einer Reformkraft** [Luft 1998: 9].* Политическая борьба Б. Н. Ельцина с оппонентами репрезентируется образами разных исходных понятийных сфер, в следующем контексте — военной и образами искусства: *Unerbittlich **schlägt Boris Jelzin seine Schlacht**. Dem Machterhalt dient auch sein Angebot in Sachen Koalitionsregierung. In Sibirien zur Schau getragene Versöhnlichkeit ist nichts anderes als **Trick 17 eines politischen Überlebenskünstlers** [ND 1996].*

В следующем контексте метафора дороги характеризует политически нестабильную ситуацию в Индонезии: *Weil das so ist, muss man an die jahrhundertealte indonesische Tradition der Toleranz erinnern und drängen, **diesen Weg weiterzugehen und nicht in die Sackgasse der Gewalt zu geraten** [Rau 2001b: 399].*

После террористических актов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне самой актуальной для немецких политиков и обсуждаемой в мире стала угроза исламского терроризма (фундаментализма), который был назван главным врагом всего «свободного мира», западной цивилизации, Германии и Евросоюза: *Der Fundamentalismus ist **der Feind des Glaubens** [Rau 2002a: 386].*

СЦЕНА 1.2

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В МИРЕ»

Экономические процессы, происходящие на мировых рынках, описываются, с одной стороны, в аспекте торговой конъюнктуры, а с другой — позитивных и негативных последствий глобализации мировой экономики и роли немецких фирм и этих процессах. В целом следует отметить, что в данном случае, как правило, немецкими политиками и СМИ создаются метафорические образы негативных тенденций в мировом экономическом пространстве, проявляющихся в перманентных региональных и надрегиональных кризисах в Азии, Европе и США:

- *Japan ist zwar weiterhin von seinen Strukturproblemen **gefangen** und fällt damit als **Konjunkturmotor** aus [Müller 2003b];*

- *Es herrschte regelrechtes Chaos im Spekulanzentrum in der Londoner City. Milliarden **gingen bei den Aktienkursen an der Börse über den Jordan** [BZ 1981];*

- *Auch wenn die schwache US-Konjunktur das mexikanische Wachstum im abgelaufenen und wahrscheinlich auch in diesem Jahr **bremsen wird und gebremst hat**, so bin ich davon überzeugt, dass das nur eine vorübergehende Eintrübung — verursacht durch die genannten Faktoren — ist, und Mexiko schon bald **seinen Wachstumspfad, etwa den von 2000, fortsetzen wird und in der Lage ist, die Eintrübung zu überwinden** [Schröder 2003c].*

Негативное влияние на экономику Германии оказывают кризисы, которые являются следствием глобализации, причем, по мнению политической элиты ФРГ, источниками экономической нестабильности являются Азия и Россия:

- *Nicht nur an den Börsen haben die **Turbulenzen** einer von Asien und Rußland ausgehenden Währungs- und Finanzkrise auch unsere ökonomische und soziale Lebenswirklichkeit **berührt** [Thierse 1998: 3];*

- *Denken Sie an den Kalten Krieg, an die **Turbulenzen** der Devisenmärkte, an die neuen technischen Herausforderungen* [Herzog 1999: 2];

- *Der Bundesfinanzminister hat als einer der ersten auf die Notwendigkeit hingewiesen, zu wirksamen internationalen Vereinbarungen zu kommen, um die **Turbulenzen** auf den Weltfinanzmärkten zu **glätten*** [Schröder 1999: 46];

- *Wir haben erlebt, dass die globalisierten Märkte nicht nur **Harmonie erzeugen**. Sie sind, das haben die Asienkrise, die Russlandkrise und die Brasilienkrise gezeigt, **selbsterzeugten Turbulenzen** ausgesetzt* [Rau 2000: 228].

Также, по мнению немецких политиков, деятельность международных организаций, и в частности МВФ, помогает стабилизировать экономики стран третьего мира и других развивающихся государств, что способствует развитию демократии: *Die Statistiken der Weltbank zeigen uns übrigens, dass Entwicklungsländer, die **sich auf den Weg zur Demokratie gemacht haben, ein höheres Wirtschaftswachstum erreichen als andere*** [Rau 2001b: 207].

Политическая элита Запада оказывала идеологическую поддержку в том числе посредством высокой оценки экономического потенциала бывших соцстран, которые якобы могли в полной мере раскрыть его в составе Европейского союза, для чего, например, использовалась транспортная метафора («локомотивы роста»): *Im Durchschnitt **wächst die Wirtschaft in den mittel- und osteuropäischen Ländern doppelt so hoch wie bei uns. Sie sind Lokomotiven des Wachstums der Wirtschaft in Europa*** [Rau 2001a: 352].

Наконец, в следующем случае морбильные образы создают впечатление о тесной связи экономических показателей, банковской системы и конъюнктуры разных стран мира: *Wenn in Tokio oder Kuala Lumpur die Börse **hustet, dann fröstelt es nicht nur die Banken in der übrigen Welt*** [Rau 2001b: 204].

СЦЕНА 1.3. «ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРГ»

Основное внимание внешней политики ФРГ, как уже отмечалось, в 1990-х — начале 2000-х гг. было сконцентрировано на процессах расширения ЕС и НАТО, что предопределило активную деятельность на восточно-европейском направлении (Польша, Румыния, бывшие советские республики и пр.):

- *Sie haben dafür einmal einen schönen Vergleich aus der Musik gefunden: „Estland muss in Europa ... sein, als ein „do“ oder ein „re“ auf einem Klavier, sonst wird man die **Hymne Europas nicht spielen können**“* [Rau 2001a: 162];

- *Polen und Deutsche leben heute als gute Nachbarn in Frieden und Freiheit in einem **zusammenwachsenden Europa. Der Weg dorthin war weit*** [Rau 2002b: 313];

- *Ich meine, wir haben allen Grund, uns darüber zu freuen, weil es uns **einen Weg** aus einer bedrückenden Vergangenheit in eine hellere und bessere Zukunft aufzeigt und deutlich macht, dass die von den alten **gebauten Brücken** zwischen Deutschland und Rumänien auch heute noch **tragen*** [Rau 2002b: 168].

В роли главных союзников Германии внутри ЕС выступают Франция и Италия (как одни из основателей данной организации), а основная политическая задача состоит в дальнейшем строительстве «европейского дома», в том числе с участием новых восточноевропейских членов Евросоюза:

- *Die deutsch-französische Zusammenarbeit ist wie ein **Mosaik: erst das Zusammenwirken der vielen Einzelteile an der richtigen Stelle ergibt ein geschlossenes Gesamtbild. Hier in Paris werden wir zu diesem Mosaik weitere wichtige Teile hinzufügen. Das Raumfahrt-Rahmenabkommen, das das Deutsche Zentrum für Luft- und Raumfahrt und das Centre National d'Etudes Spatiales heute abschließen werden, ist ein solcher wichtiger Baustein*** [Bulmahn 2003];

- *Italiener und Deutsche sollten auch heute wieder zusammenstehen, wenn es darum geht, ein starkes, ein handlungsfähiges, ein bürgernahes, ein friedliches und ein demokratisches Europa für das 21. Jahrhundert zu **bauen*** [Rau 2002b: 235];

- *Gemeinsam am **Europäischen Haus zu bauen** — das ist ein gutes Motto, das ist eine gute neue Perspektive für die Arbeit der Deutsch-Polnischen Gesellschaften* [Rau 2002b: 317];

- *Im Konvent zur Zukunft der Europäischen Union wird daran gearbeitet, **das Fundament zu erweitern und zu verstärken, auf dem wir die Union weiterbauen wollen*** [Rau 2002b: 310].

Обсуждение планов по расширению ЕС часто сопровождается архитектурными метафорами: в частности, «двери» предоставляют возможность новым странам «попасть» в «европейский дом» (ЕС): *Wir selber haben vor fünfzig Jahren die Erfahrung gemacht, dass uns **die Türen nach Europa wieder geöffnet wurden*** [Rau 2001a: 167]; *Ist die Tür nach Europa unbegrenzt lange **offen zu halten, oder kann die Entwicklung an einen Punkt kommen, wo die einmalige Chance, Europa zu einen, verspielt ist?*** [Rau 2001b: 505]. «Комната ожидания» („das Wartezimmer“) метафорически обозначает ситуацию рассмотрения вопросов по приему новых членов в Европейский союз и НАТО, при которой кандидаты на членство находятся в условиях ожидания принятия решения по их запросу: *Neue Wettbewerber sollen nicht mehr jahrelang **ins Wartezimmer geschickt werden können*** [Müller 2003a].

В то же время иногда отмечается, что внешняя политика ФРГ должна защищать прежде всего интересы Германии и так называемый в политическом аспекте немецкий путь: *Denn das Angebot der Politik, den deutschen Weg in Europa zu verteidigen, ist nicht wiederholbar* [Müller 2003a].

При этом Германия ограничена в своих действиях, в том числе ввиду своей исторической вины за развязывание Второй мировой войны, что уподобляет ее нахождению «между Сциллой и Харибдой» („zwischen Scylla und Charybdis“): *Deutschland sitzt fest zwischen der Skylla des kollektiven Gedächtnisses, das ihm den normalen Machtgebrauch versagt, und der Charybdis gegenwärtiger Erfordernisse, die darauf drängen, dass es seine Verantwortung in Europa und vielleicht sogar weltweit akzeptiert* [Zeit 1998.08.10: 31].

Вне границ Европы Германия и ЕС позиционируют себя как миротворцы, готовые оказывать гуманитарную помощь нуждающимся странам, в частности разрушенному Афганистану, где с 1973 г. идет гражданская война с участием иностранных государств и которому требуется «восстановление» экономики и всего народного хозяйства: *Deutschland und die Europäische Union wollen und werden ihren Beitrag zu einer politischen Lösung für Afghanistan leisten und sich auch nachhaltig am wirtschaftlichen und sozialen Wiederaufbau Afghanistans beteiligen* [Rau 2002a: 278].

В переговорном процессе по урегулированию ближневосточной проблемы (взаимоотношения Израиля и Палестины) главные исполнительские «партии» принадлежат, с точки зрения Федерального канцлера Германии Г. Шрёдера, США и международным организациям, но не Германии: *Im Friedensprozeß zwischen Israel, den Palästinensern und den arabischen Nachbarstaaten können und wollen wir nicht die Rolle des Paten im Vereinigten Staaten von Amerika und den internationalen Organisationen zu* [Schröder 1999: 44].

«Флагманом» культурно-образовательной экспансии Германии выступает Институт Гёте: *Das Flaggschiff der deutschen Kulturpolitik im Ausland bei den Nachbarn ist das Goethe-Institut* [Rau 2002b: 52].

СЦЕНАРИЙ 2

«ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ ФРГ»

Настоящий сценарий эксплицирует институты государственной власти современной единой Германии и Европейского союза (в некоторых контекстах немецкие политики идентифицируют эти две системы), включая собственно особенности политической сис-

темы ФРГ, аспекты внутренней политики в ФРГ, а также экономические реалии и процессы, в том числе инициируемые в стране правительством и государством, важнейшие государственные и общественные институты (культура и искусство, наука и образование, церковь, немецкие СМИ) и ситуацию выборов как важнейшего политического механизма легитимации официальной государственной власти волеизъявлением граждан страны.

Из 10 актуализированных наиболее частотными являются сцены, отражающие внутреннюю политику ФРГ (и ЕС) и субъектов, ее осуществляющих, а также гражданские отношения в немецком обществе. Так, самые частотные — это «внутренняя политика» и «государство и органы власти»; далее следуют сцены «политическая система ФРГ (и ЕС) и экономика и производство»; за ними в порядке убывания экспликаций следуют гражданские отношения и вопросы, связанные с наукой и системой образования ФРГ. Другие сцены, описывающие сферы культуры и искусства, религии и СМИ, менее частотны.

СЦЕНА 2.1

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ФРГ И ЕС»

Политическая система ФРГ и ЕС представлена принципами политического и общественного устройства современного немецкого государства и ветвей его власти. Наиболее яркие окказиональные образы в данном контексте характеризуют основополагающие ценности и элементы современной политической системы, к которым можно отнести конституцию, демократию, свободу, суверенитет.

По мнению Федерального президента Й. Рау, конституция в политической системе — это «грамматика (т. е. основа) свободы» и «дорожный указатель» для всех субъектов политической деятельности в целом, но ни в коем случае не «руководство по ведению бизнеса»:

- *Welche Funktion hat eine Verfassung für ein politisches Gemeinwesen? Eine „Grammatik der Freiheit“, und — gerade bei uns in Europa — auch eine „Grammatik der Solidarität“* [Rau 2001b: 182];

- *Das Grundgesetz ist Wegweiser und Maßstab für das politische Handeln aller* [Rau 2000: 41];

- *Das Grundgesetz ist ja kein „Handbuch der Unternehmensführung...“* [Rau 2001a: 215].

Свобода и равенство, в свою очередь, — «фундамент демократии»: *Freiheit und Gleichheit sind das Fundament der Demokratie* [Rau 2002a: 171].

В идиостиле Й. Рау демократия часто описывалась как «сверление толстых досок»

(„Bohren dicker Bretter“), т. е. работа политика и осуществление в государстве и обществе демократии по степени трудности соотносится с таким тяжелым трудовым действием: *Und Demokratie ist eben ein mühsames Bohren dicker Bretter* [Rau 2002a: 159].

При изображении политики как некоего трудового и технического действия осуществляющие его профессионалы предстают как «политические ремесленники» („die politischen Handwerker“ (Pl.)), которые «создают» эту самую политику и всё, что с ней связано и к ней относится, например: *Ich verwende dafür gerne das Bild vom Grundgesetz als Bauplan, der den politischen Handwerkern im Bund und in den Ländern große Freiräume bei der Ausführung lässt* [Rau 2001a: 311].

В 1990-х и начале 2000-х гг. актуальными были вопросы развития и устройства политической системы ЕС, в связи с чем разные нюансы и аспекты этих процессов получали частую оценку со стороны властной политической элиты ФРГ.

Положительный образ Евросоюза достигается, например, в описании момента его появления как рождения ребенка, что достигается обозначением договора о создании ЕС, подписанного в Маастрихте в 1992 г., «свидетельством о рождении» („die Geburtsurkunde“): *Daß die Europäische Union in dieser Tradition steht, macht ihre Geburtsurkunde, der Maastrichter Vertrag, deutlich* [Fischer 1998: 5].

При обсуждении политического устройства ЕС неизбежно встают вопросы о целях и задачах, границах и принципах управления Евросоюзом, которые, в частности, в окказиональных контекстах манифестируются в развернутых метафорических образах с использованием транспортных номинаций, как это представлено в следующих случаях:

- *Welche Form der europäischen Einigung wollen wir? Wie soll der Prozess weitergehen? Auf welches Ziel steuern wir zu?* [Rau 2001a: 332];

- *Ich hatte vom Unbehagen vieler BürgerInnen gesprochen, die die Erfahrung machen oder das Gefühl haben, dass sie zu wenig Einfluss darauf haben, wie schnell, in welche Richtung und zu welchem Ziel der europäische Einigungszug fährt* [Rau 2001b: 184];

- *Einige wenden zu Recht ein, daß wir uns nicht allein auf Westeuropa konzentrieren dürfen. Auch ich messe einer Osteuropapolitik große Bedeutung bei. Doch die Lokomotive wird in Straßburg und Brüssel aufs Gleis gesetzt und nicht in Berlin. Deutschland kann und soll hier nicht im Alleingang agieren, sondern im europäischen Verbund* [Bury 1999].

При обсуждении вопроса о том, кто руководит экономической стратегией в ЕС,

в речи немецкого политика О. Лафонтена (премьер-министр федеральной земли Саарланд) этот вопрос проясняется номинациями конкретных европейских языков, на которых условно «говорит евро», причем при последовательном перечислении в этот перечень добавляется несуществующий «баварский» язык, который в данном контексте означает финансово-экономическую мощь и политическое влияние соответствующей немецкой федеральной земли как в ФРГ, так и в Евросоюзе: *Aber das wird auch nicht besser, Herr Kollege Waigel, wenn Sie sich mit den Worten vernehmen lassen, Sie seien der eigentliche Außenminister, und gleichzeitig sagen: „Der Euro spricht deutsch“. Ich möchte Sie doch bitten, letzteres zu unterlassen. „Der Euro spricht bayerisch“ konnten Sie angesichts der Haltung Stoibers nicht sagen. Wissen Sie, „Der Euro spricht deutsch“ hört sich in den Hauptstädten Europas merkwürdig an. (...) Weder der Euro noch die europäische Einigung sprechen dabei deutsch. Sie sprechen viele Sprachen, und so sollte es auch bleiben* [Lafontaine 1998: 6].

Процессы установления экономических связей внутри ЕС воспринимаются как превращение Европейского союза в банальную «рыночную площадь» („der bloße Markt“, „der Marktplatz“), поскольку в Евросоюзе больше всего внимания уделяется именно экономической составляющей, меньше — развитию культуры, поддержанию и укреплению духовной общности народов, населяющих страны — члены ЕС. Поэтому Евросоюз, по мнению немецких политиков, в перспективе деградирует до уровня торгового сообщества: *Der französische Staatspräsident Jacques Chirac hat am 28. Mai letzten Jahres dazu im Deutschen Bundestag gesprochen, und er hat gesagt: „Heute bedarf es einer weiter reichenden Perspektive, andernfalls wird Europa zu einem bloßen Markt verkommen und in der Globalisierung aufgeweicht. Denn Europa ist viel mehr als ein Markt. Es steht für ein Gesellschaftsmodell, das geschichtlich gewachsen ist“* [Rau 2002b: 297].

СЦЕНА 2.2. «ГОСУДАРСТВО И ОРГАНЫ ВЛАСТИ»

В данном случае объектами описания выступают непосредственно органы государственной власти и ключевые госчиновники (Федеральный президент, Федеральный канцлер, министры и министерства, парламент и др.).

Образ государства (как системы) издавна передается метафорами корабля („das Staatsschiff“) и дома („das Staatsgebäude). В окказиональных контекстах к ним добавляются и другие, традиционные и креативные, символы. Например, государство также

может образно уподобляться механизму, «функционирование» «органов» которого зависит от слаженной работы всех его составных «частей»: *Tatsächlich „funktioniert“ ja ein Staat, ein Gemeinwesen, nicht nur dadurch, dass seine so genannte „Organe“ funktionieren, dass alle ihre Pflicht tun und ihre Aufgaben erfüllen* [Rau 2002a: 72].

Тоталитарное государство предстает уже как «левиафан» („Leviathan“) — по названию одноименной книги Т. Гоббса. Президент Германии Й. Рау считал, что государство должно защищать безопасность граждан, но при этом не ущемлять их прав и свобод, чтобы не превратиться в «монстра» «левиафана»: *Ich habe eingangs Thomas Hobbes genannt. Mit ihm verbinden wir das Bild vom übermächtigen staatlichen Leviathan, dessen Schutz und Fürsorge für den Einzelnen leicht zur Bedrohung und Bedrückung werden kann. Für ein solches Monstrum ist in der freiheitlichen Ordnung des Grundgesetzes kein Platz* [Rau 2002a: 318].

Также креативные образы Й. Рау выражают его мнение по поводу участия государства в определении экономической стратегии в стране. Как он считает, с одной стороны, социальное государство не должно «тормозить» экономический рост и динамику развития, но, с другой стороны, у государства есть социальные обязательства, в связи с чем экономическая выгода не является самым главным приоритетом государственной власти, другие аспекты не должны приноситься в жертву на «алтарь экономической эффективности и успешности», а сам Федеральный президент при этом, по меткому выражению Й. Рау, не выступает «председателем правления АО „Германия“», ср.:

- *Der Sozialstaat ist kein Bremsklotz für die wirtschaftliche Dynamik* [Rau 2002b: 362];

- *Der Sozialstaat ist eine der großen kulturellen Errungenschaften Europas, die wir nicht leichtfertig auf dem Altar von wirtschaftlicher Effizienz und Leistung opfern dürfen* [Rau 2001b: 70];

- *In diesem Zusammenhang ist manchmal zu hören, der Staat müsse doch nur wie ein Unternehmen geführt werden, sozusagen als „Deutschland AG“* [Rau 2001a: 215];

- *Ich bin der Bundespräsident und nicht Vorstandsvorsitzender der Deutschland AG* [Rau 2000: 319].

Чрезвычайно важная роль парламента в немецком государстве в следующем случае подчеркивается физиологической метафорой «нерв» („der Nerv“) в значении «(главная) движущая сила, сущность»: *Der Lebensnerv der parlamentarischen Demokratie ist das Parlament* [Schorlemer 1999].

Говоря о полномочиях президента в Германии, Й. Рау, восьмой президент ФРГ (все-го второй от СДПГ), цитирует высказывание третьего президента ФРГ (1969—1974 г.) Густава Хайнемана (единственного до него президента ФРГ от СДПГ), который представлял должность президента в качестве адресата для всевозможных жалоб политиков, экономистов, простых граждан и др. („die Bundesklagemauer“ — буквально «Федеральная Стена плача»): *Gustav Heinemann hat einmal mit Blick auf das Amt des Bundespräsidenten von der „Bundesklagemauer“ gesprochen* [Rau 2001a: 392].

Наконец, в начале 1990-х гг. в немецкой политике активно обсуждался вопрос о статусе и функциях Берлина как предполагаемой столицы единой Германии, в связи с чем возникли многие интересные описательные образы этого города, как, например, в следующем контексте, где техногенная метафора акцентирует внимание на представительских функциях Берлина как месте, где принимаются важные политические решения, что делает его похожим на «мастерскую» („die Werkstatt“) немецкой и европейской интеграции: *Darum: Berlin ist Werkstatt der Integration eines um den Osten erweiterten Europas, ist Zentrum kultureller und wirtschaftlicher Vielfalt in Deutschland und für Europa* [Bernrath 1999].

Метафора «лаборатория» („das Laboratorium“, „das Labor“) указывает на место, где разрабатываются и внедряются новые идеи, проекты, касающиеся разных аспектов современной немецкой социальной реальности (политики, экономики, образования). Устами Й. Рау роль подобной «лаборатории» также приписывается именно Берлину: *Berlin kann erneut, wie vor hundert Jahren, zum Laboratorium der Moderne werden* [Rau 2000: 162].

СЦЕНА 2.3

«ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА (В ОБЩЕМ)»

Внутренняя политика в целом охватывает разные аспекты деятельности федерального правительства и государственных органов власти, но в первую очередь актуальными в социально-политической коммуникации предстают темы реформ в разных сферах жизни государства и общества и т. д. (налогообложение, здравоохранение и пр.). Так, например, реформа в области здравоохранения требует «корректировки курса»: *Zur Erneuerung des Gesundheitswesens brauchen wir aber entscheidende Kurskorrekturen* [Schröder 2003a: 38]. Ситуация поднятия налогов описывается узуальными выражениями: „die Steuerschraube anziehen“ / „an der Steuerschraube drehen“ — „die Steuern erhö-

hen“ [CUGWDR]: *Bonn will die Steuerschraube noch einmal kräftig anziehen* [BZ 1992].

Внутренние проблемы в стране должны решаться путем переговоров всех заинтересованных сторон (федерального и земельного правительств, частных фирм и профсоюзов), что в следующем отрывке из речи канцлера Г. Шрёдера представляется как «тяжелая дорога», по которой все должны «идти вместе», совместно стремясь к одной цели: *Es wird ein schwerer Weg, den wir miteinander zu gehen haben: Bundesregierung, nordrhein-westfälische Landesregierung, der Bergbau, Unternehmen und Gewerkschaften. Das wird im nationalen und vor allen Dingen im internationalen Maßstab ein schwerer Weg* [Schröder 2003b].

В 2000 г. сообщалось, что правительство и частные фирмы смогли достичь соглашения по тарифам, при этом в газетной публикации было использовано выражение „für etwas die Weichen stellen“ („die Weiche“ — «железнодорожная стрелка») в значении „etwas anbahnen (und Entwicklung festlegen)“ [CUGWDR]: *Bundesregierung, Wirtschaft und Gewerkschaften haben im Bündnis für Arbeit die Weichen für eine neue Tarifpolitik gestellt* [BZ 2000].

В некоторых речах членами правительства указывается, что правительство успешно осуществляет внутреннюю политику и решило многие вопросы: *Wir haben eine historische Chance, ein Problem, das sich über Jahrzehnte aufgestaut hat, einer vernünftigen Lösung zuzuführen. Wir dürfen diese historische Chance nicht versäumen; denn sie wird so schnell nicht wieder kommen. Hinter uns liegt eine kurvenreiche Strecke. Wir sind jetzt in der Zielgeraden. Ich bitte Sie einfach um Verständnis dafür, dass dieser Endspurt unter den Bedingungen, unter denen dieses Gesetzgebungswerk zustande gekommen ist, nicht vermeidbar war* [Schily 2003].

По мнению правительства (в следующем контексте — Г. Шрёдера), страна в целом развивается позитивно («находится на правильном пути»), в связи с чем нужно не производить коренные перемены, а лишь «корректировать курс» там, где это требуется: *Das Land auf dem richtigen Weg zu halten und da, wo nötig, Kurskorrekturen vorzunehmen, ist die Aufgabe, die wir für die nächsten Jahre haben* [Schröder 2003d].

Критика оппозицией внутренней экономической политики правительства осуществляется путем указания на негативные последствия его решений, например на рост долгов «по спирали»: *Darüber hinaus könnte der Ausgleich der öffentlichen Haushalte nur durch eine anhaltend hohe Neuverschuldung*

des Staates ermöglicht werden, die zu einer dramatischen Schulden-Zinslast-Spirale und somit zu einer massiven Erblast für zukünftige Generationen führen würde [Storm 1998: 13].

СЦЕНА 2.4

«ГРАЖДАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ФРГ И ЕС»

Важными для политической системы страны являются также принципы уклада общественной жизни и способы осуществления гражданского диалога внутри страны, а также возможности влияния граждан на политику властей.

Так, по мнению немецкого президента, граждане должны быть уверены в поддержке со стороны государства и не быть брошенными на произвол судьбы: *Die meisten Menschen sind offen für die Erneuerung und Veränderung, wenn sie den Eindruck gewinnen, dass soziale Sicherheit und Gerechtigkeit dabei nicht auf der Strecke bleiben* [Rau 2001a: 351].

В гражданских инициативах также должны участвовать частные компании, поскольку их участие способно «усилить» «социальный фундамент» общества: *Die Unternehmen können durch freiwilliges bürgerschaftliches Engagement ein gutes Stück dazu beitragen, das freiheitliche und soziale Fundament unserer Gesellschaft zu stärken* [Rau 2002a: 360].

По отношению к тем, кто противопоставляет себя всему обществу и не ценит демократические ценности, следует сделать «окопы»: *Und ziehen sie einen tiefen Graben zwischen sich und jedem, der die Werte unseres demokratischen Zusammenlebens missachtet* [Rau 2001b: 152].

Номинация простого немецкого обывателя производится с привлечением образа очень популярного в Германии напитка (пива) и процесса его употребления в общественных заведениях. Традиционные метафоры этого фрагмента группируются вокруг образа «стола (для постоянных клиентов, заведомо за всегдатаев (кафе и пр.))» („der Stammtisch“ и его инвариант „die Bierbank“), с которым связаны наполненные негативной коннотацией понятия „die Stammtischpolitik“ / „der (die) Stammtischpolitiker(in)“, применяемые к обывателям, которые за столом любят обсуждать правительство, политиков и политику.

Негативный образ заключен также и в метафоричном наименовании „der Stammtischhorizont“ (буквально «кругозор за всегдатаев пивной»), которое опять же эксплицирует ситуацию обывательского рассуждения о политике в пивной. Сам этот образ описывает мировоззрение людей (мужчин) неквалифицированного и низко- и среднепрофессионального уровня, проводящих свое свободное время, как правило, в пивной (что явля-

ется давней немецкой традицией), где у них и формируется взгляд на жизнь («обывательский (узкий) кругозор»).

Вообще, ситуация посещения пивного заведения в немецкой политической культуре несет определенную смысловую нагрузку. Это связано с тем, что культура пива и его потребления занимает важное место в жизни немецких граждан (мужчин), а за кружкой пива обсуждаются (мужчинами) все значимые аспекты жизни, как то: работа, личная жизнь, спорт, политика. Соответственно, в немецком языке запечатлены образы застольного мировоззрения (о чем уже упоминалось выше), эксплицирующиеся не просто через ситуацию пребывания в кафе и подобных заведениях, а именно в пивной; ср. синонимы уже упомянутых выше метафор, а также и другие выражения этого ряда: „die Bierbankpolitik“ (abwertend) — „Stammtischpolitik“ [DGWDS]; „der Bierbankpolitiker“ (abwertend) — „Stammtischpolitiker“ [DGWDS]; „der Bierbankstratege“ («трактирный стратег, человек, разглагольствующий о военных действиях за кружкой пива»).

Следует отметить, что и само слово „der Bierbank“ («скамейка в пивной») развило переносные значения, указывающие (с негативным оттенком) на «2) обывательщину, мещанство», а также «3) всезнайство; (самодовольное) разглагольствование» [CUGWDR].

Это объясняется тем, что уже упомянутые выше социальные слои и представители среднего класса немецкого общества проводят свободное время в пивных, где и формируется их восприятие социальной среды (а не в результате чтения газет, книг, восприятия искусства, просмотра телевидения и собственных интеллектуальных умозаключений), в связи с чем «скамейка в пивной» и стала негативным образом малообразованного мещанства и безосновательного разглагольствования.

Такое восприятие «пивной» как некой социальной среды вербализуется к тому же в полуустойчивых сочетаниях с ключевым словом „der Bierbank“: „an der Bierbank sitzen [hocken]“, „auf der Bierbank liegen“ («вести обывательский (мещанский) образ жизни»), т. е. в данном случае негативный образ простого немецкого обывателя формируется через традиционный способ его свободного времяпрепровождения, которое он посвящает «пивным» и подобному, а не иным аспектам жизни, как, например, искусству (на что у обывателя нет денег, культурно-образовательной компетенции и т. д.).

К аспектам общественной жизни относятся также и общие настроения, которые царят в государстве и обществе, в том числе среди представителей разных поколений.

Так, например, в некоторых немецких СМИ констатируют, что *Германия дрейфует направо — Deutschland driftet nach rechts*, т. е. в ФРГ набирают силу «правые» идеи, политики, партии, «правая» идеология.

Особым аспектом общественной жизни современной Германии являются взаимоотношения между так называемыми Западом (экс-ФРГ) и Востоком (экс-ГДР). Несмотря на воссоединение двух немецких государств, противоречия в менталитете, культуре и обычаях между восточной и западной частями Германии существуют до сих пор, в связи с чем, например, говорится о том, что «окопы» на границе восточной и западной частей страны не исчезли, а только еще больше «углубились», перейдя в ментальную сферу: *Es staunen immer noch viele darüber, dass die mentalen Gräben zwischen Ost und West immer noch so groß sind* [Rau 2001b: 366].

При этом помочь «внутригерманскому диалогу» могут и международные посредники, и неправительственные организации, как, например, ЮНЕСКО («специализированное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры»): *Auch die UNESCO hilft mit, dass der innerdeutsche Gesprächsfaden nicht nur erhalten, sondern ausgebaut wird* [Rau 2002a: 26].

СЦЕНА 2.5. «ВЫБОРЫ»

Выборы как демократическая процедура смены или легитимации на новый срок власти является одной из актуальнейших сфер политической деятельности в немецком государстве, которая особенно обостряется в период собственно предвыборных кампаний на федеральном, земельном и региональном уровнях.

Как уже отмечалось ранее, в немецкоязычных словарях встречается много слов и выражений со вторичной семантикой, описывающей разные аспекты как предвыборной борьбы („der Wahlkampf“ и композиты с первыми компонентами „Wahl-“ и „Wahlkampf-“), так и результаты выборов („der Sieg“ и „die Niederlage“), для чего чаще всего используются милитарные и спортивные (по сфере-источнику) метафорические единицы.

В толковом словаре также наличествуют и другие интересные узуальные метафоры из иных понятийных сфер, например жаргонный композит „die Wahllokomotive“ (буквально «предвыборный локомотив») в значении «ведущий кандидат (наиболее популярный или перспективный кандидат какой-либо партии во время предвыборной кампании)» [CUGWDR], который представлен и в полуустойчивых сочетаниях „j-n als Wahllokomotive einsetzen, mobilisieren“.

Описание выборов как аналога войны часто происходит в окказиональных контекстах, где проявляются яркие креативные системы образов в развернутых метафорических конструкциях, как это эксплицировано в следующем отрывке с участием обозначений используемых политиками в «борьбе» видов «оружия»: «сабля» („der Säbel“) и тяжелое холодное оружие („die Schlagwaffe“) считаются грубым, недостойным оружием (подразумевается использование нечестных методов ведения предвыборной кампании), в то время как честной и адекватной является «рапира» („das Florett“), при этом «сабля» и «рапира» могут выступать ситуативными антонимами, ср.: *Und da, glaube ich, ist das Land auf einem guten Weg, auch wenn gegenwärtig ein Wahlkampf geführt wird, bei dem manche den Säbel statt des Floretts benutzen* [Rau 2002b: 585].

СЦЕНА 2.6. «ЭКОНОМИКА И ПРОИЗВОДСТВО»

В современном мире именно экономика является самой важной областью государственных интересов, поскольку экономическое положение напрямую влияет на социальную стабильность в стране и обществе. Экономическая тема в немецкоязычной политической коммуникации отражается в нескольких ракурсах (см. также обзор в работах: [Керимов, Федянина 2014; Федянина 2008]).

Во-первых, речь идет о социальной составляющей, т. е. об обеспечении прав и достойных условий работы для занятых на производстве граждан: *Wer in der Spitzenliga der Industrienationen mitspielen will, der sollte nicht versuchen, mit Niedriglöhnen zu operieren* [Rau 2002a: 299]. Во-вторых, государство должно стимулировать немецкие корпорации и фирмы, помогать им в организации производственных процессов и снижать для них налоги: *Die Bundesregierung will dem ostdeutschen Braunkohlebergbau in einem historischen Vertrag für mindestens zehn weitere Jahre die Existenzgrundlage sichern. Nach Informationen der „Berliner Zeitung“ wird Bundeskanzler Gerhard Schröder (SPD) dazu am kommenden Dienstag grünes Licht geben für die Bildung des drittgrößten deutschen Stromkonzerns* [BZ 2002].

Важную роль в развитии производства играют сами предприниматели, которые должны поддерживать экономический «механизм» в постоянном действии: *Aber Unternehmergeist als Ausdruck ökonomischer Selbstständigkeit ist ein besonders notwendiger Faktor. Er ist gewissermaßen die Unruhe, die das Uhrwerk unserer Wirtschaft in Bewegung hält und deshalb eine Grundlage für unseren Wohlstand und damit auch unsere Zukunft bildet* [Herzog 1997: 25].

На экономические отношения в современной ФРГ существенное влияние оказывают внешние факторы и мировая финансовая конъюнктура, которая в XXI в. формируется в рамках процессов мировой глобализации торгово-экономической области. Задачи федерального правительства ФРГ в этом случае состоят в направлении этих тенденции «по правильному пути» развития: *Die Globalisierung wird dann ein Erfolg, wenn die Dynamik der Marktkräfte politisch in gute Bahnen gelenkt wird* [Rau, 2002b: 365].

Определенные положительные тенденции (чаще всего неожиданные) в экономической конъюнктуре могли быть достигнуты, по мнению оратора, не благодаря, а вопреки проводимой правительством политики. Они образно вербализуются как «благословение» („der Segen“), т. е. как некий подарок судьбы, высших сил: *Die Arbeitsämter werden Ihnen sagen können, daß auf Grund Ihrer Abbruchpolitik im Bereich der Arbeitsmarktpolitik die Trägerstrukturen in den letzten Jahren massenhaft zusammengebrochen sind und daß die Arbeitsämter allergrößte Schwierigkeiten haben, den unerwarteten Segen dieses Jahres über den raschen Neuaufbau von vernünftigen Trägerstrukturen einigermaßen sinnvoll einzusetzen* [Schreiner 1998: 8].

СЦЕНА 2.7. «НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ»

Проблемы науки и образования являются в ФРГ перманентными темами для дискуссий. С одной стороны, несомненной представляется важная роль науки в процессах экономического развития и научно-технического прогресса: *Für das Ziel Integration ist Bildung das A und O* [Rau 2001a: 50].

С другой стороны, нужно постоянно измерять объем и содержание образовательных программ с запросами общества, государства и экономики, как это манифестировано в следующем контексте: *Wer neue Bildungsinhalte und -methoden vermitteln soll, muss rechtzeitig und ausreichend darauf vorbereitet werden. Wer mit den Schülern auf die Datenautobahn gehen soll, muss auch selber den Führerschein haben* [Rau 2001a: 50].

По мнению президента ФРГ, в научном развитии велика роль отдельных ученых, которые находятся в постоянном поиске, ищут «новые пути» в науке:

- *Die Orte der Wissenschaft sind zuerst Tempel nagenden Zweifels und furchtloser Respektlosigkeit...* [Rau 2001b: 322];

- *Lehrer und Schüler gehen auf neuen Wegen — Weiterbildungsangebote und Studienplätze / Unsicherheit bei Freundschaftspionierleitern / Geld für Schulbücher* [BZ 1991].

Сфера науки и образования требует пристального внимания со стороны государ-

ства, а неправильная политика может привести к «обрушению здания образования»: *Wir müssen uns aber fragen, ob wir wirklich so weitermachen wollen wie bisher, mit einem schwachen und brüchigen Fundament unseres Bildungswesens, auf das dann große Häuser gebaut werden sollen. Ich meine, wir sollten das Fundament verstärken, sonst werden aus den großen und starken Häusern bald Bildungsruinen* [Rau 2002b: 31].

СЦЕНА 2.8. «КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»

Культура и искусство — это важные сферы деятельности и творчества, но в Германии профессиональное и официальное искусство, как правило, развито слабо и не пользуется поддержкой со стороны государства. При этом немецкие политики говорят о важной роли культуры и искусства в жизни общества, называя их в том числе «пищей» для «живого» общества: *Kultur und Kunst sind ein Grundnahrungsmittel für eine lebendige Gesellschaft* [Clement 2002: 25].

Писатели, музыканты и художники, как считается, вносят определенный вклад в «духовное богатство» („der geistige Haushalt“) немецкой нации, как, например, это представлено в следующем отрывке: *Genau so bedeutsam ist sein Anteil am geistigen Haushalt unserer Nation* [Rau 2002b: 263].

С другой стороны, изоляция художника от проблем общества и от влияния извне делает его «опустошенным», «стерильным» и не способным к созданию чего-либо значимого: *Andererseits aber haben Kunst und Kultur auch immer mit dem Fremden, dem anderen zu tun. Kultur, die nur bei sich selbst bleibt, verödet und wird steril* [Rau 2002a: 141—142].

СЦЕНА 2.9. «ЦЕРКОВЬ И РЕЛИГИЯ»

Восьмой президент ФРГ Й. Рау, который до начала политической карьеры был священником, отмечал постоянно уменьшающуюся роль церкви в современном немецком обществе, что ведет в том числе к упадку духовности и морали в Германии, а также к появлению тоталитарных сект. Общественный кризис церкви в одной из его речей охарактеризован глаголом из религиозной понятийной сферы „säkularisieren“ («секуляризовать; конфисковать церковное и монастырское имущество») в форме причастия II при существительном: *Wir leben in einer säkularisierten Gesellschaft* [Rau 2000: 296].

СЦЕНА 2.10. «СМИ»

Немецкие СМИ редко становились объектом метафорического описания со стороны политической элиты ФРГ, что вполне объясняется ангажированностью СМИ и (несмотря на декларируемую свободу слова и

демократию) их полной и абсолютной зависимостью от курирующих их политических сил. В актуальный период времени (первые 15 лет существования единой Германии) только один политик, официально беспартийный, позволял себе иногда критиковать СМИ — это Федеральный президент Й. Рау. Он требовал от СМИ объективной оценки происходящих в мире событий и отказа от постоянной погони за сенсациями и от «запудривания мозгов» простым гражданам. Помимо этого, президент ФРГ отмечал, что сама политика на страницах газет и журналов преподносится как некий «медиаспектакль», как «инсценировка», а не деятельность политиков во благо своей страны: *Viele in der Politik tragen dem Wunsch vieler Medien nach Symbolkraft nicht nur Rechnung, sondern sind mehr und mehr darauf bedacht, sich medial zu inszenieren* [Rau 2001b: 269].

В целом, как показывает проведенное исследование, структурирование понятийной сферы-мишени позволяет идентифицировать ключевые узлы и общественно-политические проблемы современной социальной реальности ФРГ (а также, частично, ЕС) и установить особенности и закономерности их вербальной метафорической экспликации как на узואльно-языковом, так и на коммуникативно-речевом уровнях политической лингвокультуры.

В следующем номере «Политической лингвистики» будут освещены три оставшихся немецкоязычных социально-политических сценария.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЧИ

1. *Bernrath H. G.* Rede in der Berlin-Debatte. 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_068.html.

2. *Bulmahn E.* Rede bei der Eröffnung des Forums zur Deutsch-Französischen Forschungskoooperation (Paris, den 12. Februar 2002) // Bulletin 1996—2002. CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003b. Nr. 2002-08-2.

3. *Bury H. M.* Rede in der Berlin-Debatte. 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_025.html.

4. *Clement W.* Perspektiven im Osten: Investitionen, Innovationen, Infrastruktur. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002.

5. *Fischer J.* Die EU im Aufbruch: Der Vertrag von Amsterdam // IN-Press: Sonderthema. 1998. ST 2.

6. *Herzog R.* Bundespräsident der Bundesrepublik Deutschland im Zitat // IN-Press: Portrait. 1997. Nr. 3.

7. *Herzog R.* Demokratische Legitimation in Europa, in den Nationalstaaten und Regionen: Letzte Europa-Rede als Bundespräsident (am 28. April 1999 an der Universität Freiburg) // IN-Press: Sonderthema. 1999. ST 18. S. 1—9.

8. *Lafontaine O.* Eine Serie von gebrochenen Versprechen // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. Sept. S. 4—6.

9. *Luft Ch.* Bundesregierung legt Testament vor // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. Sept. S. 9.

10. *Müller W.* „Europa unter Strom — Wer liberalisiert am besten?“. Rede auf der 9. Handelsblatt-Jahrestagung Energiewirtschaft 2001 „Fünf Jahre Liberalisierung“ (Berlin, den 15. Januar 2002) // Bulletin 1996—2002. CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003a. Nr. 2002-03-1.

11. *Müller W.* Rede auf dem Deutschen Werbekongress (München, den 7. März 2002) // Bulletin 1996—2002. CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003b. Nr. 2002-17-1.

12. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2000. Bd. 1.1.

13. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001a. Bd. 2.1.

14. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001b. Bd. 2.2.

15. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002a. Bd. 3.1.

16. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002b. Bd. 3.2.

17. *Scharping R.* Rede auf der 38. Konferenz für Sicherheitspolitik (München, den 3. Februar 2002) // Bulletin 1996—2002. CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003. Nr. 2002-06-3.

18. *Schily O.* Rede zum Entwurf eines Zuwanderungsgesetzes in der Debatte der 222. Sitzung des Deutschen Bundestages (Berlin, den 1. März 2002) // Bulletin 1996—2002. CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003. Nr. 2002-14-2.

19. *Schorlemer R. V.* Rede in der Berlin-Debatte. 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_040.html.

20. *Schreiner O.* Es kommt nur noch heiße Luft // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24. Juli. S. 7—8.

21. *Schröder G.* Weil wir Deutschlands Kraft vertrauen: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler vor dem Deutschen Bundestag (Bonn, den 10. Nov. 1998). — Bonn : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1999.

22. *Schröder G.* Mut zum Frieden und Mut zur Veränderung: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler Gerhard Schröder vor dem Deutschen Bundestag (Berlin, den 14. März 2003). — Berlin, 2003a.

23. *Schröder G.* Rede beim Besuch der Steinkohlezeche DSK-Anthrazit (Ibbenbüren, den 8. Februar 2002) // Bulletin 1996—2002. CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003b. Nr. 2002-08-1.

24. *Schröder G.* Rede bei der Teilnahme am Wirtschaftsforum der Außenhandelskammer Mexiko (Mexiko City, den 11. Februar 2002) // Bulletin 1996—2002. CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003c. Nr. 2002-09-1.

25. *Schröder G.* Rede auf der Betriebsversammlung im VW-Werk (Kassel, den 26. Februar 2002) // Bulletin 1996—2002. CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003d. Nr. 2002-13-1.

26. *Storm A.* Reformfragen sind offen // Das Parlament. 1998. Nr. 43—44. 16./23. Oktober. S. 13.

27. *Thierse W.* Glaubwürdiges Streben nach Gerechtigkeit // Das Parlament. 1998. Nr. 45. 30. Okt. S. 2—3.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

28. *BZ* (Zeitung). — Berlin (Deutschland).

29. *ND* (Zeitung). — Berlin (Deutschland).

30. *Zeit, die* (Wochenzeitung). — Hamburg (Deutschland).

СЛОВАРИ

31. *Большая советская энциклопедия*. 3-е изд. = БСЭ. — М. : Советская энциклопедия, 1969—1978. Т. 3.

32. *Compact Universal* Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung = CUGDR / Chefred. A. Sendlinger. — München : Compact Verlag, 2007.

33. *Duden*, Das große Wörterbuch der deutschen Sprache : in 10 Bd. = DGWDS / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. — Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1999.

ЛИТЕРАТУРА

34. *Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Дзюба Е. В., Красильникова Н. А.* Современная политическая лингвистика : учеб. пособие / отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011.

35. *Керимов Р. Д.* Метафорический антропоморфизм в немецкой социально-политической коммуникации : моногр. / ФГБОУ ВПО «Кемеров. гос. ун-т». — Кемерово : Офсет, 2012.

36. *Керимов Р. Д.* Метафоры метасферы человека в немецкой социально-политической коммуникации : моногр. / ФГБОУ ВПО «Кемеров. гос. ун-т». — Кемерово : Офсет, 2013.

37. *Керимов Р. Д., Федянина Л. И.* Метафорическая актуализация фрейма «Экономика» в социально-политической коммуникации ФРГ // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 157—170.

38. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. — М. : Едиториал УРСС, 2004.

39. *Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. — Минск : ТетраСистемс, 2008.

40. *Федянина Л. И.* Концепт *Geld* в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа : учеб. пособие / ГОУ ВПО «Кемеров. гос. ун-т». — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008.

41. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. — Екатеринбург, 2001.

42. *Чудинов А. П.* Очерки по современной политической метафорологии : моногр. — Екатеринбург, 2013.

43. *Schwarz M.* Einführung in die kognitive Linguistik. 2., überarb. und aktual. Aufl. — Tübingen, Basel : Francke, 1996.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доцент Ю. В. Кобенко.

Т. И. Краснова Т. I. Krasnova

Санкт-Петербург, Россия St. Petersburg, Russia

ОППОЗИТИВНЫЙ ДИСКУРС О РУССКОМ БОЛЬШЕВИЗМЕ В ХАРБИНСКИХ ГАЗЕТАХ 1918—1919 ГОДОВ

OPPOSITIONAL DISCOURSE ABOUT THE RUSSIAN BOLSHEVISM IN HARBIN NEWSPAPER OF 1918—1919

Аннотация. Статья посвящена функционально-семантическим проблемам изучения газетного дискурса русского зарубежья времени Гражданской войны. Реализована оппозитивная программа интерпретации. Вводятся термины «оппозитивность», «оппозитивный дискурс», «умеренный антибольшевизм». На ментальном уровне в дискурсе харбинских газет обнаруживаются классово-идеологические оппозиции. На речевом уровне основными способами оппозитивной формации выступают образно-риторические приемы противоположения и семантико-стилистического контраста частей высказывания.

Abstract. The article is devoted to the study of the semantico-functional problems of the Russian Diaspora newspaper discourse analysis of the period of the civil war. The author realizes the oppositional program of interpretation and introduces the terms. “oppositivnost”, “oppositional discourse” and “moderate anti-Bolshevism”. On the mental level, class-ideological oppositions of the discourse of Harbin newspapers are singled out. On the speech level, the main ways oppositional formation are figurative rhetorical devices such as oppositions and semantico-stylistic contrast of parts of utterance.

Ключевые слова: русское зарубежье; Гражданская война; газетный дискурс; оппозитивность; семантико-речевые оппозиции; Россия; большевизм; умеренный антибольшевизм.

Key words: Russian Diaspora; civil war; newspaper discourse; oppositivnost'; semantic speech oppositions; Russia; Bolshevism; moderate anti-Bolshevism.

Сведения об авторе: Краснова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речевой коммуникации, Институт «Высшая школа журналистики и прикладных коммуникаций».

About the author: Krasnova Tatiana Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Verbal Communication, Institute “Higher School of Journalism and Applied Communications”.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Place of employment: St. Petersburg State University.

Контактная информация: 197348, г. Санкт-Петербург, п/я 29.
e-mail: taikrasnova@yandex.ru.

Сделаем несколько предварительных пояснений.

Дискурс о большевизме и войне в России был одной из главных составляющих содержания печати русского зарубежья заявленного в заголовке периода. Большинство публикаций на эту тему имело антибольшевистскую окраску. В 1918 г. антибольшевистская направленность харбинских газет сразу обнаруживается в контекстах со словом «большевик». Идеологема включала не только отрицательно-оценочные коннотации, ее значение постепенно впитывало в свой периферийный макрокомпонент те характеризующие смыслы, которые стали ассоциироваться с объектом именованного в данной среде.

Большинство читателей харбинских газет 1918—1919 гг. считали себя подданными Российской империи, но фактически после событий 1917 г. находились в положении «бесподданных». События 1917—1919 гг. в европейской части России рассматривались в газетах сквозь призму острого восприятия — в силу значительной удален-

ности, неопределенности происходящего и с точки зрения занятого трудом населения Харбина.

Оппозитивный дискурс понимается нами как отражение конфликтогенного (конфликтоген — любой предмет, идея, взгляд, элемент поведения, выявляющий разность оценок конфликтующих сторон [Анцупов, Шпилов 2006]) содержания и речевых форм проявления социального неприятия в языковом сознании и в газетных текстах эпохи российского кризиса (период революции, Гражданской войны). *Оппозитивность* — термин, подразумевающий способ репрезентации картины мира, в котором доминирует отношение неприятия и связанное с ним отношение оценочного противоположения (оппозиции) в ментальной и семантико-речевой структуре текстов.

Перейдем к описанию оппозитивного газетного дискурса с учетом характеристик отдельных изданий.

«**Маньчжурия**» («ежедневная общественно-политическая газета»; издатель — эсер П. В. Ровенский) относится к социали-

стической печати. Газета выходила с «Приложением» и давала читателю широкий набор информации — от политико-экономической до эстетической. Публиковались большие статьи по политическим вопросам, обзоры иностранной прессы, тематические подборки публикаций из российских газет, стихи, фельетоны, пародии.

Тональность дискурса, связанного со словом «большевизм», ироническая. Речевой субъект готов к полемике с идеологическим противником и притом литературно искушен, чуток к выбору слова. Возьмем для примера два отрывка из публикаций.

1. В статье «Рабочий вопрос в России и в Англии» автор ставит вопрос о необходимости борьбы с негативизмом правящего класса по отношению к рабочему в России. В начале статьи приводятся связанные со словом «рабочий» представления в среде буржуазии и в буржуазной прессе. В ряду предикатов высказываний отрицательно-оценочные ярлыки (в тексте выделены курсивом) отражают пародирование автором буржуазной точки зрения и входят в структуру семантико-речевого противопоставления **рабочий / русская буржуазия**. Эта структура охватывает всю актантно-предикатную противоположность характеристики, включая обценную лексику. Слово «большевик» помещено в градационный ряд на правах ключевого в пародийном звучании: «В последнее время слово рабочий стало у нас синонимом *разбойника, грабителя*, или, по меньшей мере, названием *низшего существа*, которого наша отечественная буржуазия не может вспомнить без скрежета зубного... Вот уж действительно: „На бедного Макара все шишки валяются“. Рабочий — это *предатель отечества, большевик, губитель родной промышленности, разоритель имущих, виновник дороговизны, буян, невежа, а то и просто разбойник на большой дороге*... Рабочий во всем виноват! Кто не виноват, кто чист как агнец новорожденный, принесенный в жертву революции, — это наша многострадальная, мудрая, вездесущая, не скупившаяся на жертвы русская буржуазия» (Маньчжурия. № 36; здесь и далее разрядка наша — Т. К.).

Интенсификаторы оценки выносят на поверхность высказывания классовую подоплеку чуждой позиции (архетип **свой/чужой**). В ироническом двуголосии обозначена защитная речь автора-социалиста: «*И боже вас сохрани замолвить словцо за рабочих! На вас тогда будут смотреть как на большевика, нет хуже! Как на большевистского комиссара финансов...*». Защитная позиция в отношении к представлению «ра-

бочий» и насмешливая позиция по отношению к понятию «большевик» согласуется с идеологической точкой зрения газеты — эсеровской по своей партийной принадлежности. Известно, что эсеры противились установлению любой диктатуры (и «красной», и «белой»). Они пытались в годы Гражданской войны играть роль «третьей силы», оказавшись, таким образом, «между двумя большевизмами» [Русский исход 2004 : 80].

2. В статье «Всероссийское правительство и областная дума» открыто выражены (1) целеобразующий модус необходимости и (2) семантико-речевая оппозиция **власть народа / власть большевиков**.

(1) Ясно, что необходимо привлечь население всей России к освобождению от большевиков. А для этого необходимо, чтобы население видело, (2) что вместо *большевизма*, вместо *презренной власти авантюристов*, оно получит народоправство, а не *ненавистный* ему режим *„правителей всей России“*, с неминуемо грядущей за ним новой революцией, с новыми потрясениями (Маньчжурия. № 40, приложение).

Аргументативное целеобразующее высказывание (2) содержит две противопоставленные части — короткую положительную с идеологемой «народоправство» и длинную, по обе стороны противопоставления содержащую имена крайней степени неприятия.

Сотрудники газеты увлечены сбором занимательных фактов, характеризующих слово-понятие «большевик». В газете публикуется заметка «*„Большевик“ как бранное слово в американском сенате*». Ключ к интерпретации дается уже в заголовке: большевик не просто наименование, это экспрессема в градационном ряду политически предосудительных наименований; ср.: «*Если члены палаты хотят знать, что о них думает народ*», — воскликнул сенатор Шерман, — «*пусть они попадут в отставку и предложат себя переизбрать, тогда вы увидите, с каким треском они провалятся. Они все подстрекатели, нигилисты, „большевики“*» (Маньчжурия № 36).

Таким образом, газетный дискурс демонстрирует приращение радикально иных коннотаций к значению слова «большевик», нежели те, которые соответствовали советской идеологеме (член ВКП(б), последователь большевизма, стойкий коммунист). Слово тиражируется в газете как ярлык для обозначения лиц с определенными свойствами. Какие это свойства? Компонентный анализ показывает, что в синонимических рядах слов, соположенных с именем «большевик», находятся следующие семантические множители: 'нарушение' (*подстрекатель, предатель, буян*), 'уничтожение' и 'насилие' (*гу-*

битель, грабитель, разоритель, разбойник), 'избыточная претензия на знание', 'грубость' (*невежа, буйн*), 'склонность к рискованным или сомнительным делам' (*авантюрист*), 'управляющий, начальствующий' (*правитель*)^[1]. Но при этом приращение новых коннотаций к значению слова «большевик» возникает в риторических построениях в контексте чужой речи.

Показателями осторожности (указанием на чужое мнение) в передаче отношения к русскому большевизму отличается также издание «**Новости жизни**» — «ежедневная, политическая, общественная, литературная, торгово-промышленная газета» — основное издание русской колонии в Харбине с 1914 по 1926 г. Вследствие ориентации на широкую читательскую общественность газета включала массу разнообразных материалов и проявляла особую осведомленность по части существующих оценок и позиций разных лиц по отношению к большевизму. Среди источников названы бывший французский министр-социалист Тома (большевизм как «*пагубная и опасная доктрина для пролетариата*»); депутат-социалист, член президиума Социалистической партии Неклю (о «*вредном влиянии*» большевизма); французский социалист Эрлих и депутат-социалист Варейн («*руководство партии захвачено красными элементами*»); Керенский («*Армии Ленина и Троцкого испаряются, и пройдет еще короткое время, и красный большевизм исчезнет в России*»). Публикуются сообщения агентств Рейтер, РТА, Чста и др. Это были материалы, почерпнутые со стороны и опубликованные в газете вне оценочного контекста. По всем признакам газета «Новости жизни» соблюдала нейтральную, но не безучастную позицию.

Рассмотрим информационный материал «Признания Троцкого» (Новости жизни. 1919. 11 сент.). Лаконичное изложение в форме прямой речи (1) в конце переключается в режим несобственно-прямой речи (2) и относится к точке зрения наблюдателя. Но если учесть известные характеристики Троцкого как мастера публичной речи, то и прямая речь, ему приписанная, вряд ли имеет буквальный характер, а не сконструирована третьими лицами. Ср.: «Иркутск, 26 авг. (Чста). На собрании Моск. Совета, докладывая о военном положении на фронтах, *Троцкий, между прочим, сказал* (1): „История принудила нас вести войну. Во время боев мы начали строить армию. Этим можно объяснить успехи и неудачи. Год тому назад под Казанью была построена первая из наших регулярных армий. Мы имели успех, но тут явились новые фронты на юге, севере и за-

паде“. (2) *С восточным пролетарское войско справилось, но положение на южном фронте признает Троцкий весьма тяжелым*».

Заметка «Большевики среди казаков» содержит интересные нас наименования в контексте с информацией о действиях большевиков и событиях, с ними связанных. Оценки действий принадлежат источнику сообщения (выделено курсивом).

Омск, 5 сентября (Чста). *По достоверным сведениям из кругов казачества, красными сделана широкая попытка внести разложение в казачьи полки — особенно на Петропавловском фронте, где был задержан комиссар, у которого найдены документы и 2.000 000 рублей.*

<...> *Полагают, что большевики отпустили огромную сумму на разлад между сибирскими казаками* (Новости жизни. 1919. 11 сент.).

Иногда в материалах газеты обнаруживаются речевые факты, не столь нейтральные в передаче позиции газеты. Таким фактом представляется заметка агентства Рейтер, опубликованная под рубрикой «На русских фронтах» с оценочным заголовком «Еще одна авантюра». Всё же заголовки присваивались текстам *в редакции*, и тогда «авантюрой» названо событие, имеющее отношение к Белому движению.

Еще одна авантюра. Лондон. 1 дек. (Рейтер). *Согласно большевистскому сообщению, положение отряда Балаховича безнадежно. На этом фронте большевики взяли в плен 120 офицеров и 4.500 нижних чинов. Кроме того, большевики захватили большое количество всевозможного военного материала.*

В 20-е гг. издание «Новости жизни» занимает лояльную позицию в отношении советской власти. Здесь появилась знаменитая статья Н. В. Устрялова «Зеленый шум», знаменующая идеологию «смены вех». Главную харбинскую газету «Новости жизни» больше занимают местные проблемы жизни русской диаспоры, в частности проблема ее изоляции в чужеродной среде: газета была чуткой к провокациям по национальному вопросу (заметка «Опасная травля»).

Антибольшевистскую позицию, хотя и в развлекательно-беллетризированной форме, выражает «**Вестник Маньчжурии**» («ежедневная газета посвященная политике, экономике, культуре и интересам профессионально-трудовой жизни»; издавалась президиумом торгово-промышленной секции Общества изучения Маньчжурского края).

Особенностью антибольшевистских публикаций в этой газете является отсутствие подписей под авторскими материалами в тех случаях, когда занимательная манера изложения предполагает автора. Так, осмотрительно (без подписи) дается статья «Бежен-

цы и интеллигенты». Здесь при описании происходящего в России наблюдается двусмысленная игра трагикомической формой изложения, напоминающая театральную традицию фарса.

Как жанровая форма фарс (от лат. *farsum* — начинка, фарш) предполагает небольшую комическую сценку бытовой или сатирической направленности, разыгрываемую между действиями с целью развлечь зрителя^[2]. В театре XIX—XX вв. фарс — это комедия-водевиль легкого содержания с чисто внешними комическими приемами, использующая элементы шутовской игры, утрирования черт характера, поведения и речи персонажа.

В статье «Беженцы и интеллигенты» большевики, в построенном по литературным канонам сюжете, выступают в роли агенса предосудительных (преступных) действий. Метафорические образы с преувеличениями фельетонного типа придают изложению ту красочную художественно-литературную оснащенность, которой, по-видимому, ждал от публикаций местный читатель. Содержание приведенного ниже текста, с одной стороны, подразумевает наличие свидетеля событий, с другой — включает комического, по стилевому образу, комментатора общей картины. Описание драматических событий при захвате большевиками Казани дается в ключе фарсовой трансформации с указанием психологических мотивов сообщаемого (1) и (2):

Перед падением Казани над городом раза по два и по три в день летали большевистские аэропланы. <...>. Бомбы падали и в частные дома, на мостовую, в сад, где играли дети.

(1) Но этого большевикам показалось мало. Они придумали новое средство.

Аэропланы наряду с бомбами стали раскидывать и прокламации за подписью казанской коммунистической партии, казанского совета и даже самого Льва Троцкого. — «Пощады никому не будет», — кричал в прокламациях кровожадный Троцкий, показывая своим преступным перстом на казанскую интеллигенцию.

(2) И этого оказалось мало. <...>. Черные инстинкты зашевелились в бандах Троцкого. Они услышали, что кроме миллиона рублей Троцкий пообещал им еще дать право на разграбление города. <...>

Казань опустела.

Пафос неприятия пронизывает изложение, но расставленные риторические акценты сродни комическим. Негативные смыслы нарастают в рядах высказываний с глаголами физического (и психического) действия. Физические действия связаны с олицетворением (аэроплан как большевистская «машина подавления»). Акты чужой речи соответствуют образу вождя-«преступника»

(кровожадный Троцкий кричит, показывает своим преступным перстом, обещает дать право на разграбление). В художественно-публицистической форме предстает «нутряное» действие, олицетворяющее темное начало и связанное с ощущениями-желаниями насильника (*черные инстинкты зашевелились в банде*).

Итак, с одной стороны, налицо приемы фарса, утрирование предосудительных действий. С другой стороны, дается простая констатация враждебных действий, включающая семантико-речевой контраст: «*Бомбы падали и в частные дома, на мостовую, в сад, где играли дети*»; «*Казань опустела*». С точки зрения логики неоправданной жестокости эти две стороны (театрализованная фарсовая и событийная) плохо сочетаются. Субъективная легкость отношения порождает двусмысленность восприятия. Хотя она отчасти снимается элементами прямой оценки, ассоциированными концептом «преступление», все же нарисованная картина действительности оставляет желать большего при меньшей «театральности». Но это сделано для своего читателя.

3 ноября 1918 г. в газете дается сообщение «о меньшевиках в советской России». Используются советские источники. Речь идет о публикации в московской газете «Утро Москвы», которая сообщает «об оригинальном заявлении центрального комитета меньшевиков». Далее приводится выдержка из «Красной газеты»: «*Чуют меньшевистские лидеры* гибель своей политики, чувствуют, что близится час расплаты, и *виляют хвостом*. Но напрасно, господа предатели! Революция воздаст вам по делам, а не по словам вашим...» (обещаются расправы с самарскими меньшевиками. — Т. К.). И тут же после абзацного отступа следует: «*Что и как едят в „красном Петрограде“*» — «В хроникерской заметке „Красной газеты“ сообщают: На 13 и 14 сентября будет выдано по 1 категории — ¼ ф. хлеба и 3 шт. сельдей, по 2 категории — ¼ ф. хлеба и 3 шт. сельдей, по 3 категории — 3 сельди» (и т. д.).

Как видно, газета «Вестник Маньчжурии» проявляет признаки либо комического, либо информационно-делового отношения к передаче сообщений о политической ситуации в России. По-видимому, наблюдается заимствованная газетой проамериканская позиция «всеядности» (сообщения из американской печати регулярно публикуются в Харбине).

Разнообразием занимательного изложения, насмешливым стилем в отношении большевизма отличается и другая ежедневная газета под названием «**Призыв**» (редактор — А. Ф. Олигер; издательское товари-

щество «Русь»). Ее критический уклон по отношению к большевизму выражается опорой на разные источники и очевиден в публикациях под рубрикой «Среди печати». Вот подзаголовок информации «Большевицкий тайный договор». В краткой заметке с точной ссылкой на первоисточник говорится: «В издающейся в Пекине газете „Рек. Т. Times“ напечатаны материалы, *разоблачающие предательство большевиками Польши*».

Наименование «большевики» употребляется в газете «Призыв» в словарном значении («представители или последователи большевизма, обладающие властью в России»), но выступает в контекстах в роли агенса и каузатора текстовых ситуаций насилия, например:

Уфа. 20 сент. Ведомством Иностранных Ком. Учр. Собр. получена следующая телеграмма из Стокгольма: члены Учр. Собр. Гавронский и Сухомлинов просят донести до сведения Ком. Учр. Собр. и всех правительств, что большевики *официально приговорили к смертной казни тысячу пятьсот двадцать одного человека* в Петрограде, из которых десять принадлежат эсерам, как *возмездие за убийство Урицкого*. Гавронский и Сухомлинов настаивают на доведении этих сведений рабочим и крестьянам всей России об этом *новом зверстве большевиков* (Призыв. № 160 от 1 окт. 1918).

«Призыв» публикует материалы о деятельности большевиков с разной степенью критического отношения: от констатации события («Разоблачение большевиков») и юмористического рассказа («Новые ценности») до памфлета о перспективах жизни в России под властью большевиков (фантазия-памфлет «Завоевания революции»). Новости из центра России поступали в газету чаще из Сибирского региона. Ниже в качестве примера оппозитивного построения дается корреспонденция «В Петрограде». Чередование событийности и образного комментария создает насыщенную иронией картину положения дел в городе. Формально это достигается стилистическим контрастом деловых, революционно-риторических и литературно-поэтических элементов изложения.

С переездом „наркомов“ в Москву, с перенесением туда всех страстей классовой, политической и т. п. борьбы, петроградцы вошли в тихую сень северной коммуны, возглавляемой товарищем Зиновьевым.

Эта мертвая зыбь была слегка нарушена только жидкими первомайскими демонстрациями, похоронами Володарского и в несколько часов ликвидированным мятежом левых эсеров (Призыв. 1918. 9 окт.).

Ниже приводится сатирическая, в стилизованной форме, «Песнь про комиссара Руси Свет Ильич Ульяна» (рубрика «Шалости пера»; Призыв, 1918, 16 окт.). Пропозицио-

нальная схема «агенса — насилия — жертва» обнаруживается и здесь. В основу текста положен контраст древнейшей песенной формы и современного содержания. Народно-поэтический стереотип обращения к главному герою (агенту революции) в стилизованной форме причитания входит в противоречие с событийной семантикой разорения Руси (вместо ее защиты, как в древнем песенном жанре).

Ой, ты гой еси Ты двуликую
Комиссар Руси Вел политику,
Свет Ильич Ульян, *Разорил дотла*
Загубил ты Русь Свою родину.
Русь Великую. В сердце горе-грусть
Ей большой изъян От того, что Русь
Сделан был тобой. Кровью залита.

Этническую память оживляют также элементы фраз с первых страниц газеты (Призыв. № 183): «Первый друг и покровитель большевиков — Германия», «Ленин и большевики *разбили Россию на черепки*». Должно быть (и согласно исследованиям, проведенным В. И. Буслаевым еще в 40-х гг. XIX в.), знакомые читателю образы народной жизни, народной поэзии хранят в его этнической памяти не только ее археологическую старину, но и нравственное чувство [См. также: Степанов 2001: 49—50].

Подведем итоги. Наименование «большевики» в харбинских газетах 1918—1919 гг. используется в контекстах, в которых образ действий агенса расценивается гуманистическим сознанием отрицательно, хотя информация и подается в форме занимательного изложения. В описаниях действий «большевиков» слово приобретало новую референцию (нарушители социальных норм, преступники). В то же время композиционно идеологические оценки объективированы: они соотносятся с категорией «точка зрения». Всякий раз оценка принадлежит мнению конкретного лица или группы: кроме авторской, обозначены самые разные точки зрения на большевизм (буржуазная; совнаркомовская; предполагаемое мнение народа; суждения идеологов со стороны — социалиста Тома, сенатора Шермана, социалиста Керенского).

Антибольшевизм харбинской печати в разных изданиях неоднороден и варьирует от иронично-саркастической разновидности (в газетах «Маньчжурия», «Вестник Маньчжурии») до умеренно-ироничной («Призыв») и, наконец, — к умеренно-нейтральной разновидности (в газете «Новости жизни»). Умеренный антибольшевизм харбинской печати можно было бы объяснить удаленностью от Центральной России и, как следствие, меньшей вовлеченностью в события. Но, по-ви-

димому, главной причиной была сосредоточенность на экономических приоритетах со стороны ведущей части русской диаспоры в Харбине. В газетах же умеренный антибольшевизм являлся идеологическим качеством дискурса, который характеризуется критикой, заметным неприятием большевизма и в то же время отстраненностью идеологического субъекта, часто выражавшейся в утрированно комической форме. В харбинской печати 1918 г. много литературности, игры словами и жанрами, много любования риторикой публичной речи. Неслучайно харбинская умеренность на известном этапе в некоторых изданиях перешла в *умирение*. Сравните определения В. Даля: *умирить врагов, умирать страсти, умиротворить враждующих*, иными словами *улаживать, устранять ссору или тревогу, беспокойство*.

На ментальном уровне в дискурсе харбинских газет в основном обнаруживаются **классово-идеологические оппозиции**, связанные а) с проблемой завоевания и применения власти (власть народа, «народоправство» / власть большевиков), б) с проблемой жизненных взаимоотношений представителей классов (рабочие/буржуазия).

На семантико-речевом уровне основными **способами оппозитивной формации** выступают образно-риторические приемы противоположения и синтагматического контраста частей высказывания: 1) прием композиционно-смыслового противоположения частей; 2) прием семантико-стилистического контраста деловых, разговорных, революционно-риторических, литературно-поэтических элементов речи; 3) прием градации смысловых наименований, тяготеющих к выражению крайней степени негативной оценки; 4) использование комических приемов и средств иронии: а) преувеличений, доводящих враждебный смысл до констатации его абсурдности, б) приемов двусмысленной игры трагикомической формой в содержании со-

общения при использовании жанровых традиций (фарса, пародии, стилизации, народно-поэтических образов). «Культура низа» сделалась одним из способов преодоления избыточной экспрессии в газете и одновременно средством привлечения внимания простого читателя к смыслу сообщаемого.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. По данным словаря В. И. Даля, «большинствовать» означает «начальствовать», «большинничать» — «распоряжаться по праву», «большичать» — «быть головою дела» [Даль 1863: 101].

[2]. В Средневековье это делалось во время исполнения религиозных драм (мистерий). Героями фарса, лишённого поучительности, часто являлись ловкие адвокаты, монахи-шарлатаны, смекалистые солдаты, разного рода плуты и мошенники.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблажей Н. Н.* Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Новосибирск, 2008.

2. *Анцупов А. Я., Шипилов А. И.* Словарь конфликтолога. 2-е изд. — СПб. : Питер, 2006.

3. [Даль В. И.]. Толковый словарь В. Даля. — М., 1863. Ч. 1 : А—З.

4. *Игра* как прием текстопорождения : коллект. моногр. / под ред. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сибирский федер. унив., 2010.

5. *Краснова Т. И., Дускаева Л. Р.* Оппозитивность в структуре коммуникации (на материале эмигрантских газет эпохи кризиса 1918—1920 гг.) // Вестн. Перм. гос. ун-та. Сер.: Российская и зарубежная филология. 2011. № 1. С. 107—112.

6. *Русский исход* / отв. ред. Е. М. Миронова. — СПб. : Алетейя, 2004.

7. *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд. — М. : Языки славянской культуры, 2002.

8. *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. 2-е изд., испр. и доп. — М. : Академический проект, 2001.

9. *Толковый словарь русского языка* : в 4 т/ под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935—1940.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

И. В. Култышева I. V. Kultysheva
Нижний Тагил, Россия Nizhny Tagil, Russia

**РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ
УДЕРЖАНИЯ ВЛАСТИ
В ПРЕДВЫБОРНОЙ ЛИСТОВКЕ**

**REALIZATION OF THE STRATEGY
OF THE RETENTION OF POWER
IN AN ELECTION LEAFLET**

Аннотация. Анализируется стратегия удержания власти, характерная для политиков, повторно избирающихся в органы власти, рассматриваются ключевые тактики данной стратегии. Типичными тактиками являются тактика признания существования проблем, тактика акцентирования положительной информации, тактика разъяснения, тактика комментирования и др. Их умелое использование способствует формированию чувства доверия к своим лидерам.

Abstract. The strategy of retaining power is analysed, which is typical of politicians, re-elected to the authorities. The key tactics of this strategy are examined. Typical tactics are tactic of admission of problems, emphasizing the positive information tactic, tactic of explanations, comments and other tactics. A skillful use of these tactics contributes to a sense of confidence for voters in their leaders.

Ключевые слова: стратегия; тактики; листовка; удержание власти; выборы.

Key words: strategy; tactics; leaflet; the retention of power; elections.

Сведения об авторе: Култышева Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования и массовых коммуникаций.

About the author: Kultysheva Irina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Philological Education and Mass Communication.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy.

Контактная информация: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
e-mail: chur-irina@yandex.ru.

Языковое поведение субъекта в предвыборный период представляет собой сложное, многогранное явление. В борьбе за удержание власти политики используют все доступные средства, а авторы политических текстов тщательно отбирают стратегии и тактики воздействия. Специалисты рассматривают ситуацию общения в предвыборный период, когда каждой политической партии нужна только победа, как военные действия. Поэтому пришедшие в риторику из области военного искусства термины «стратегия» и «тактика» адекватны в ситуации борьбы за власть. Актуальность термина «стратегия» в лингвистике сопровождается отсутствием его общепринятой интерпретации, а также единой классификации типов стратегий.

Политики, повторно избирающиеся во власть, используют несколько иные средства, чем первично баллотирующиеся кандидаты и партии. Данный факт позволяет выделить стратегию удержания власти. Целью стратегии удержания власти является сохранение и стабилизация посредством различных тактик и приемов лидирующих позиций во власти. Данная стратегия позволяет интерпретировать нужную информацию, преподнести ее в эмоционально выгодном для политического лидера ключе, учитывая реалии

новой избирательной кампании и набор тактик, с помощью которых была достигнута победа в прошлый раз.

Всего нами было рассмотрено 400 листовок, из которых выделено 240 листовок, реализующих стратегию удержания власти.

Стратегия удержания власти используется в основном лидерами партий при информировании граждан о важнейших событиях социальной, экономической и политической жизни. Эта стратегия раскрывает в первую очередь авторское понимание явлений, фактов, событий.

Однако следует отметить, что цель «информирования» напрямую связана с желанием сформировать при этом положительное или отрицательное отношение адресата к чему-либо или изменить его мировоззрение, повлиять на его образ мыслей.

Данная стратегия позволяет политическому субъекту *интерпретировать* нужную информацию для сохранения лидирующих позиций во власти и закрепления их.

Функции стратегии удержания власти:

- привлечение внимания;
- убеждение аудитории в правильности ранее поставленных проблем и предложенных путей их решений;
- законность политической власти, связанная с оправданием, признанием и приня-

Работа выполнена в рамках гранта МК-2720.2013.6 «Убеждение и доказательство в современном политическом дискурсе».

© Култышева И. В., 2014

тием существующего политического режима гражданами государства.

Рассмотрим типичные тактики стратегии удержания власти.

Тактика признания существования проблемы. Основная задача тактики признания существования проблемы — сформировать прогнозируемое отношение адресата к ситуации в стране, вызвать его доверие, представляя и интерпретируя информацию в нужном для политика свете.

Во время переизбытка однотипной рекламы, тем более политической, листовка с использованием такой тактики имеет больше шансов заинтересовать читателя и быть прочитанной.

Тактика признания существования проблемы реализуется в следующих приемах.

Прием 1. Констатация проблемы («есть», «не изменилась», «не сдвинулась»):

1) **О наших проблемах** (листовка В. Путина);

2) **Есть очень много проблем** (листовка Д. Медведева);

3) *К сожалению, за последние два года, несмотря на активный прирост жилья, ситуация по обозначенным направлениям коренным образом не изменилась* (листовка Д. Медведева);

4) **Такая проблема существует** (листовка В. Путина);

5) **У города много проблем, давайте решать их вместе!** (листовка ЛДПР).

Прием 2. Конкретизация или развертывание проблемы (коррупция, нищета):

1) **Взятничество** возникает даже не потому, что ответили отказом, а потому, что „замотали“ и не ответили вообще. А потом отказали, потому что прошло время... (листовка Г. Томчина);

2) **Стране нужно умное и честное правительство как можно скорее** (листовка партии «Яблоко»);

3) **Мы знаем проблемы** Замоскворечья — пробки на улицах, цены в магазинах, ветхий жилой фонд. Мы не обещаем, что эти проблемы можно решить на районном уровне, но мы всегда будем отстаивать интересы жителей (листовка Е. Бабенко и А. Елистратова).

Прием 3. Высказывания, содержащие оценочные прилагательные в сочетании с именами существительными («большая проблема», «главная беда», а также устойчивые выражения русского языка, например, «мертвая точка»):

1) **Еще одна большая проблема** — это рост цен (листовка Д. Медведева);

2) **Наша первая и самая главная проблема** — ослабление воли. Потеря государственной воли и настойчивости в дове-

дении начатых дел до конца (листовка В. Путина);

3) **И, наконец, есть еще одна большая проблема: мы очень плохо представляем себе, каким ресурсом сегодня владеем** (листовка В. Путина);

4) **Практически не сдвинулся с „мертвой точки“ и процесс предоставления федеральных земель под жилищное строительство** (листовка Д. Медведева).

Таким образом, основным приемом тактики признания проблемы является прием констатации. Может быть, связано это с тем, что, признав наличие проблемы, политический лидер или партия не должны называть виновных.

Нужно отметить, что тактика признания существования проблемы свойственна авторитетным личностям с хорошей репутацией. На наш взгляд, указание проблемы без предложения или намерения решить ее не принесет кандидату, неизвестному общественности, желаемого результата.

Тактика акцентирования положительной информации. Тактика акцентирования положительной информации должна показать аудитории основные положительные качества политика, его успехи в трудовой деятельности и, самое главное, достижения, принесшие пользу народу. Данная тактика призвана зарекомендовать кандидата как человека, которому можно доверять, который подкрепил слова действием. Тактика акцентирования положительной информации выражается эксплицитно, через использование слов положительной оценочности.

Чаще всего данный прием используют в **биографических листовках**.

Как правило, при написании биографической листовки авторы следуют анкетному принципу: в хронологическом порядке расположены основные события из жизни кандидата.

Задача биографической листовки — представить кандидата избирателям в наиболее выгодном свете.

Прием 1. Акцентирование в листовке биографических данных:

1) **После окончания института работала инженером. С 1976 по 1982 годы — заведующий отделом Научно-исследовательского института комплексного развития народного хозяйства г. Москвы. 1982—1987 гг. — заместитель, первый заместитель председателя исполкома Бауманского райсовета г. Москвы. 1987—1989 гг. — секретарь Бауманского районного комитета КПСС. 1989—1990 гг. — председатель Бауманского райисполкома г. Москвы. 1990—1991 гг. — председатель**

Бауманского райсовет, заместитель председателя Моссовета. В 1991 году Н. Н. Гончар избирается председателем Моссовета и возглавляет его вплоть до октября 1993 г. На этом посту Н. Н. Гончар последовательно отстаивал социальную направленность проводимых экономических реформ... В 1993 г. — депутат Совета Федерации от Москвы, председатель Комитета по бюджету, банкам и финансам. С 1995 года по настоящее время — депутат Государственной Думы по Центральному №202 избирательному округу г. Москвы. Работает в комитете по бюджету (листовка Н. Гончара);

2) **Русский, коренной москвич... житель района „Бибирево“ с 1982 года. Депутат Муниципального собрания „Бибирево“ с 2004 года по настоящее время, председатель комиссии по экологии. Разработал комплексную программу „Изучение санитарно-экологического состояния в районе и оценка влияния группы экологически неблагоприятных факторов на заболеваемость и смертность детского и взрослого населения“** (листовка А. Ваги).

Можно сказать, что с помощью данного приема кандидаты пытаются выстроить свой имидж: акцент делается в первую очередь на трудовых успехах кандидатов. В таких листовках политики часто показаны как высококомпетентные руководители с большим трудовым и жизненным опытом которым, как следствие, можно доверить и государственное управление.

Прием 2. Перечисление общественных и политических успехов:

1) **В 1990 году жители Отрадного избрают Бабушкина А. В. депутатом Моссовета. Молодой депутат пытается не допустить развала московской милиции, становится членом Комиссии Моссовета по законности, в 1991 году возглавляет Комиссию Москвы по делам тюрем и предупреждению правонарушений ... став в 1991 году председателем Комитета самоуправления „Лихоборье“, А. Бабушкин смог спасти пойму реки Лихоборка от уничтожения и застройки гаражами ... он продолжает бесплатную защиту в судах тех, кто стал жертвой судебной ошибки, участвует в предотвращении преступности и рецидива среди детей-правонарушителей. Созданная им общественная приемная за 16 лет работы оказала помощь более чем 200 тысячам человек** (листовка А. Бабушкина);

2) Ю. Н. Скуратов автор более 130 научных статей и монографий. Он участвовал в разработке проектов Конститу-

ции, нового закона о прокуратуре РФ и других законопроектов, направленных на борьбу с преступностью... (листовка Ю. Скуратова);

3) **Олег Гусев — член-корреспондент Международной академии информатизации, ему присвоено звание „Лучший управляющий Екатеринбурга“, следовательно, в вопросах управления он знаток, ему можно доверять** (листовка О. Гусева);

4) Уже сегодня при непосредственном участии Олега Цветкова в нашем округе сделано:

- **установлены детские площадки в кварталах округа по адресам: Садовая 10, 12, 38; Октябрьской революции 30 и 32; Ленина 73.**
- **для средних школ 65 и 138 закуплены спортивные костюмы для детей, занимающихся спортом;**
- **для кабинета иностранного языка средней школы 38 закуплены новые парты;**
- **произведен ремонт школы 6** (листовка О. Цветкова).

Использование данного приема свойственно политикам, уже занимающим определенные государственные посты, добившимся успехов в политической деятельности. Часто данный прием можно наблюдать и в листовках руководителей, так как предприятия, хозяйствующие на территории определенного субъекта Российской Федерации, оказывают помощь этому субъекту (благотворительность, помощь подшефным учреждениям и др.)

Таким образом, наблюдается превалирование приема, при использовании которого акцентируется информация о политических и общественных достижениях кандидата. Подобное соотношение связано с тем, что большинство кандидатов уже занимают какие-либо политические или руководящие посты и в своих листовках используют прием указания на собственные политические и/или общественные интересы. Прием акцентирования биографических данных пользуются в основном кандидаты от каких-либо известных партий, имеющих большой опыт в политической или общественной работе.

Тактика разъяснения — необходимый компонент реализации стратегии удержания власти. Тактика разъяснения — дополнение тактики признания существования проблемы и тактики акцентирования положительной информации. Разъяснение необходимо потому, что адресант должен учитывать отсутствие нужных фоновых знаний у адресата и поэтому не должен ограничиваться кон-

статацией факта и простой оценкой информации.

Характерной чертой разъяснения является наличие двух основных звеньев цепочки — того, что требуется разъяснить, и собственно разъяснения.

Первое звено разъяснения не всегда может быть выражено в тексте эксплицитно, но оно должно находиться в общем поле зрения.

Разъяснение может быть обращено в прошлое (сообщается о прошедших событиях и их роли в настоящем). Также может поясняться политическая цель работы кандидата в настоящем и будущем. На языковом уровне тактика разъяснения реализуется в следующих приемах.

Прием 1. Использование глаголов в форме прошедшего времени:

1) В 1991 году **распался Советский Союз**. Кучка бизнесменов, близкая к „трону“, **приватизировала** самые лакомые кусочки российской экономики. Фабрики и заводы, все, что создавалось трудом многих поколений советских людей, **перешло** в руки доморожденных олигархов. Мы — за пересмотр итогов приватизации (листовка партии «Яблоко»);

2) Человечество в какой-то момент **осознало**, что экологическая катастрофа в случае неприятия отдельными государствами ограничений в экономике неизбежна. Это **привело** к подписанию в 1992 году рамочной конвенции ООН об изменении климата. Суть конвенции: государства-участники **должны были** к 2000 году **снизить** уровни выбросов парниковых газов и довести их до уровня 1990 года. И тем самым **добиться** стабилизации концентрации парниковых газов в атмосфере на относительно безопасном уровне (листовка С. Миронова);

3) Выборы — не формальность. Они могут изменить ход истории. В 1996 году исход выборов **решили** всего несколько процентов голосов. **Если бы люди проголосовали иначе, мы жили бы совсем в другой стране** (листовка В. П. Исаевой).

Прием 2. Конструкция «Нами ставится задача...», которая позволит...»:

1) ...**Нами ставится задача** добиться роста валового внутреннего продукта как минимум на 5% в год, **что должно привести к удвоению ВВП России** в течение десяти лет... (листовка В. Путина);

2) **Наша задача** сделать все, чтобы Ваши надежды воплотились в жизнь, чтобы успех и достаток пришли в каждый российский дом, каждую семью, а наша Родина стала по-настоящему богатой, сильной и

процветающей (листовка партии «Единая Россия»);

3) **„Единая Россия“ в следующей Думе: добьется** повышения минимальной почасовой оплаты труда во внебюджетном секторе до 10 рублей в час, **что позволит увеличить зарплаты бюджетникам и другим категориям тружеников** (листовка партии «Единая Россия»);

4) **Наша цель** — построение в России социального государства, создающего условия для постоянного улучшения качества жизни его граждан, увеличение ее продолжительности и наполнения высоким гуманистическим смыслом (листовка «Российской партии Жизни»).

Прием 3. Конструкция «Я повторно иду во власть, чтобы...»:

1) **Почему мы снова хотим стать депутатами? Нам, как и многим из вас, надоело терпеть** свое бесправие, свою незащищенность перед бездействием или произволом властей разного уровня, перед всеми теми, кто, нарушая наши права, ухудшает условия нашей жизни в родном городе. **Нам надоело видеть, как на месте детских и спортивных площадок строятся торговые центры, в которых по баснословным ценам продаются квартиры или располагаются офисные, развлекательные заведения, приносящие хорошие барыши своим хозяевам** (листовка кандидатов в депутаты Городской думы от НТМК);

2) **После первого срока появилось много вопросов, которые можно решить только работая непосредственно в органах местного самоуправления. Поэтому я снова выставил свою кандидатуру в депутаты** Муниципального образования „Левобережное“ и прошу Вашей поддержки. Оказав мне доверие повторно, Вы обретете в моем лице надежного защитника Ваших интересов! (листовка Н. Арапова).

Прием 4. Конструкция «Кандидат уже служит на благо общества, поэтому за него стоит проголосовать»:

1) Но кто сказал, что если вы проголосуете за Казаринова, то жизнь станет похожей на сказку? Нет, конечно. Но законы станут нужнее и человечнее, а жизнь — душевнее и чуточку справедливее. Потому что **талантливый педагог Казаринов. — наш сосед, директор кадетской школы! Он один из нас. Мы вправе доверять ему** (листовка Казаринова);

2) **Я убежден в том, что важные проблемы и государственные решения политики должны обсуждать с гражданами. Поэтому я призываю Вас принять уча-**

стие в создании моей избирательной программы (листовка С. Миронова).

Таким образом, тактика разъяснения реализуется благодаря нескольким приемам, самый популярный из которых — это прием, который строится по типу конструкции «Нами ставится задача..., которая позволит...». Данный прием является частотным у политиков, как нам кажется, потому, что не требует от них достижения означенных целей и решения задач. Чаще всего это простые обещания, не подкрепленные реальными действиями. Кроме того, часто встречается ситуация разъяснения, основанная на конструкции «Кандидат служит на благо общества, поэтому за него стоит проголосовать». Основным аргументом здесь служит тот факт, что политик является успешным общественным деятелем, работающим на благо общества.

Близка к тактике разъяснения тактика комментирования, представленная высказываниями, поясняющими смысл контекста или некоторых слов, а также высказываний и выражаемых ими понятий.

Комментировать — давать краткую, но четкую и глубокую информацию поясняющего характера. Как правило, комментарий дают авторитетные лица. Нередко комментарии включают также идейную, научную интерпретацию.

Данная тактика реализуется с помощью следующих приемов.

Прием 1. Высказывания, поясняющие смысл контекста:

1) **Уникальность положения России определяется спадом промышленного производства после 1990 года. Получается, что наши обязательства на сегодняшний день уже выполнены, выбросы парниковых газов не превысили в 2000 г. 70 процентов от уровня 1990 г. Иными словами, Россия имеет „мягкие“ обязательства, из которых следует, что от нас не требуется снижать выбросы ниже уровня 1990 г., но мы и не имеем права их превысить с 2008 по 2012 год** (листовка С. Миронова);

2) **Демократия — общенациональное достояние. Несмотря на это, несколько небольших организаций до сих пор пытаются объявить себя единственными носителями демократических ценностей. Недавно Явлинский Г. А. заявил, что коалиция „Яблока“ с „СПС“ „объединила всех демократов в нашей стране“. Аналогичным образом высказывались и другие лидеры этих двух партий, утверждающие, что „демократами“ могут называться только люди, вошедшие в их список** (листовка «Свободной России»);

3) **...Известная своей неподкупностью, Валентина Исаева не побоялась испортить отношения с мэром города и Губернатором Свердловской области, она не позарится на дачный участок и добьется своего. А добиваться своего она умеет** (листовка В. Исаевой).

Прием 2. Комментирование через демонстрацию политической силы с помощью слов, выражающих уверенность:

1) **Залог успеха — это единство нашего общества. Поэтому мы призываем всех объединиться во имя будущего** (листовка «Единой России»);

2) **Мы уверены, что только такие, как мы, умные, молодые, полные сил и энергии люди должны идти в политику, потому что для них честь страны, благосостояние людей, счастливое спортивное детство не пустые слова, а дело жизни** (листовка кандидатов в Городскую думу от НТМК);

3) **Сильное государство заинтересовано в людях состоятельных. И поэтому, я убежден, что ключевое решение для всей нашей экономической политики в том, чтобы честно работать было выгоднее, чем воровать** (листовка В. Путина).

Таким образом, тактика комментирования реализуется в предвыборных листовках практически в равной степени посредством двух приемов: высказываний, поясняющих смысл контекста, и комментирования через демонстрацию политической силы с помощью слов, выражающих уверенность. Тактика комментирования реализует интерпретационный замысел адресанта.

Тактика рассмотрения проблемы под новым углом зрения реализует намерение политического лидера или политической партии обозначить новое, отличное от традиционного видение ситуации в предвыборной листовке.

Для реализации данной тактики используются следующие приемы.

Прием 1. Употребление прилагательного «новый»:

1) **В связи с этим мы обязаны в кратчайшие сроки перейти к новым принципам установления тарифов на основе экономически обоснованных норм доходности** (листовка Д. Медведева);

2) **В связи с этим мы обязаны в кратчайшие сроки перейти к новым способам налогообложения...** (листовка партии «Единая Россия»);

3) **Экономический кризис вносит свои изменения. Наша новая цель на 2010 год — повысить реальные доходы населения. Средняя заработная плата должна быть**

не менее 20 тысяч 400 рублей. В бюджетной сфере повышение должно составить не менее 15 %. Мы понимаем, что в нынешних условиях это непростая задача, но мы сделаем все возможное для ее решения (листовка А. С. Мишарина).

Прием 2. Употребление определенных местоимений (например, *иной*, *другой* и т. д.):

1) Но есть и **другие** составляющие этой проблемы... (листовка В. Путина);

2) Есть **иной** выход из данной ситуации... (листовка В. Путина);

3) Я убежден, чтобы привести в действие весь богатейший потенциал Урала, добиться его прорывного развития, **нужны принципиально иные подходы и привлекательные перспективные проекты**, закладывающие прочный фундамент роста на десятилетия вперед (листовка А. С. Мишарина).

Таким образом, тактика рассмотрения информации под новым углом зрения часто используется в листовках политиков как регионального, так и всероссийского уровня, так как позволяет выделиться среди оппонентов, предложив новый подход к решению хорошо известных проблем, акцентировать внимание на иных, других вариантах выполнения задач.

С помощью реализации **тактики указания на путь решения проблемы** политики могут проинформировать общественность о своем мнении по поводу сложившейся ситуации в городе, регионе, стране и представить свое видение решения проблем. Таким образом, кандидат предлагает конкретные действия взамен простых, размытых обещаний дать благо.

Тактика указания на путь решения проблемы является важной в стратегии удержания власти, она предполагает использование определенных приемов.

Прием 1. Указание на возможные способы достижения решения:

1) **Из федерального бюджета молодые семьи будут получать от 10 до 35% от стоимости стандартного жилья в зависимости от уровня бюджетной обеспеченности региона** (листовка Д. Медведева);

2) **Демократические выборы в России невозможны, если в стране фактически отсутствуют независимые от государства телеканалы, если неугодные СМИ подвергаются давлению со стороны властей. СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ ставит своей задачей восстановление и законодательную защиту института независимых средств массовой информации** (листовка партии «Союз правых сил»).

Прием 2. Указание на возможные результаты решения:

1) **...Это и будет реальным вкладом России в экологическое оздоровление земли** (листовка С. Миронова);

2) **Сергей Глазьев уверен: сегодня у граждан России есть реальная возможность жить лучше. Для этого прибыль от эксплуатации сырьевых ресурсов должна работать не на олигархов, а на рост производства и инвестиций, на обеспечение социальных гарантий, на научно-техническое развитие. Тогда мы сможем вдвое увеличить доходы бюджета и оплату труда, повысить минимальную заработную плату, повысить минимальную заработную плату до уровня прожиточного минимума, увеличить детские пособия, стипендии студентам** (листовка партии «Родина»).

Наблюдения показывают, что маркерами тактики указания на путь решения проблемы являются чаще всего формы будущего времени глаголов несовершенного вида (*будут развиваться, будет формироваться, будет происходить, будем ориентироваться, будет направляться*) и формы составного именного сказуемого с глаголами в роли показателя будущего времени (*будет позитивный эффект, будет реальным вкладом, будет обращено внимание*).

При указании на возможность решения на речевом уровне маркерами, наряду с глагольными формами будущего времени, являются сложные формы сказуемого, включающие модальное слово и глагол совершенного вида в форме инфинитива, причем часто в безличном употреблении, что усиливает объективную необходимость действий, делает предложенные шаги категорически неизбежными: *нужно сделать, должны состояться* (в ближайшее время), (правительство) *должно проводить*.

Таким образом, в современном политическом дискурсе чаще встречаются листовки с указанием намерений кандидатов решить определенные проблемы, причем не обязательно указывается, как именно они будут решаться.

Итак, политики, повторно избирающиеся во власть, используют несколько иные средства, чем первично баллотирующиеся кандидаты и партии. Данный факт позволяет выделить стратегию удержания власти. Целью стратегии удержания власти является сохранение и стабилизация посредством различных тактик и приемов лидирующих позиций во власти. Данная стратегия позволяет интерпретировать нужную информацию, преподнести ее в эмоционально выгод-

ном для политического лидера ключе, учитывая реалии новой избирательной кампании и набор тех тактик, с помощью которых была достигнута победа в прошлый раз.

Самые частотные тактики данной стратегии — тактика признания существующих проблем и тактика акцентирования положительной информации. Реже используются тактики разъяснения и комментирования. Умелое использование политиком тактики указания на путь решения в конечном итоге дает избирателям надежду на лучшее будущее, нейтрализует негативное отношение населения к ситуации в стране, способствует формированию чувства доверия к своим лидерам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гринберг Т. Э.* Политические технологии: PR и реклама. — М. : Аспект-Пресс, 2005.
2. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008.
3. *Паришина О. Н.* Российская политическая речь: теория и практика / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
4. *Хазагеров Г. Г.* Политическая риторика. — М. : Никколо-Медиа, 2002.
5. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. — М. ; Волгоград, 2000.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева.

УДК 81'42:81'27
ББК Ш105.51+1100.621

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

Е. Н. Молодыченко E. N. Molodychenko
Санкт-Петербург, Россия Saint-Petersburg, Russia

**РИТОРИКА ПРЕВОСХОДСТВА:
АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА
(БАРАК ОБАМА О КРЫМСКОМ КРИЗИСЕ)**

Аннотация. Статья написана в русле дискурс-аналитического подхода к рассмотрению обусловленности языковых структур ценностными ориентациями, а именно к рассмотрению роли ценностей в текстовом моделировании конфликта и отчуждении определенной группы акторов. В процессе вербализации конфликта ценности фигурируют двояко: в структурировании поля конфликта и в плане доминирования ценностной позиции автора и стоящей за ним группы «своих». При текстовом структурировании поля конфликта противопоставленные полюса наполняются содержанием через актуализацию ценностей и антиценностей. В разрезе доминирования авторской позиции «чужие» безапелляционно репрезентированы через призму «своей» ценностной позиции; любое потенциальное пространство других мнений и ценностей отсекается.

Ключевые слова: ценность; анализ текста; анализ дискурса; политический дискурс; тенденциозность; «свои» vs. «чужие».

Сведения об авторе: Молодыченко Евгений Николаевич, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Контактная информация: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
e-mail: e.molodychenko@gmail.com.

**VALUES AND 'SUPERIORITY' RHETORIC:
THE EXAMPLE OF BARACK OBAMA'S
SPEECH ON 2014 CRIMEA CRISIS**

Abstract. This article shows how critical discourse analysis can contribute to the study of values as represented in text and talk. More specifically it looks into the role of values in discursive conflict frame manifestation and out-casting a certain group of actors. The role of values is seen as twofold: as a building block of conflict field and in terms of domination of the axiological position of the author and those supporting him towards that field. The opposing poles of the conflict field are shown to be semantically built up of values and anti-values. In terms of domination of the author's position "the alien" are represented in a peremptory manner through the prism of their "own" position, all other possible value positions, including that of the opposed group, being 'muted'.

Key words: values; discourse analysis; political discourse; rhetoric; biased; 'Us' vs. 'Them'.

About the author: Molodychenko Evgeni Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor.

Place of employment: National Research University "Higher School of Economics" (HSE).

В социальной практике, называемой политикой, основное действие, как известно, имеет дискурсивный характер, т. е. реализуется в речевой деятельности политических акторов. В лингвистически ориентированных концепциях политическая коммуникация может рассматриваться в нескольких ракурсах, которые в общем виде сводятся к изучению обусловленности языковых структур прагматическим аспектом коммуникации.

В дискурс-аналитической традиции политические тексты принято связывать с «перераспределением» и реинтерпретацией социальной реальности. Такая позиция основана на представлении о дискурсе как о трансляторе некоторого видения мира, закрепленного во множестве текстов, соотносимых с определенной областью человеческого опыта. Исходя из представления о политике как о виде коллективной деятельности, ориентированной на перераспределение влияния в контексте властных отношений, ее языковой коррелят — политический дискурс — следует рассматривать как «порядок дискурса», т. е.

пространство, где множество различных дискурсов «сражаются» за право утвердить свою интерпретацию реальности (ср. также: [Чернявская 2012, 2014б]).

В этой связи политическая риторика видится мощным инструментом, позволяющим реплицировать дискурс стоящей за ним властной группы. Именно в области политической риторики первостепенно важным становится лингвистическое оформление сообщения, призванное оптимальным образом решить обозначенную выше задачу. Как комплексный и многоуровневый продукт, текст позволяет решать эту задачу весьма разнообразно, с использованием богатейшего арсенала языковых/риторических средств. Этим отчасти обусловлена множественность плоскостей изучения политической риторики как инструмента тиражирования влияния — с точки зрения традиционной риторики, в терминах теории речевого воздействия, вариативной интерпретации действительности, с точки зрения выявления попыток манипуляции общественным сознанием и т. п.

В данном исследовании мы предлагаем один из возможных ракурсов изучения политической риторики, который в целом переключается со всеми обозначенными выше традициями. Данный ракурс представляет собой изучение политической риторики в аксиологическом аспекте, а именно с точки зрения того, какую роль играют ценностные ориентации в репликации своего «видения мира» доминантным дискурсом. В качестве материала исследования выбрана речь американского президента Б. Обамы от 26 марта 2014 г., опубликованная на сайте газеты «Вашингтон пост», посвященная актуальному на сегодняшний день конфликту США и России.

Мы исходим из гипотезы о том, что одним из базовых механизмов реализации «риторики превосходства» (как репликации стоящего за ней дискурса доминантой группы) является «захват» этим дискурсом общественно значимых смыслов. Под общественно значимыми смыслами мы понимаем явления, традиционно именуемые термином «ценности».

Следует отметить, что понятие «ценность» достаточно неоднозначно, и его интерпретации могут быть различными. Понятие ценности развивалось прежде всего в философии, где его возведение в ранг философской категории принято связывать с именем Г. Лотце, определившего ценность через представления о том, что быть должно, т. е. через отношение к миру должного [Лингвистика и аксиология 2011: 27]. Как указывает Е. Ф. Серебренникова, в общем смысле ценности можно понимать как то, «что чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно *стремиться*, созерцать, относиться с уважением или наоборот». Ценности, понимаемые в таком ключе, «суть обобщения цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм или идеальных достижений» [Там же: 27] (курсив в оригинале. — Е. М.).

Как «идеальную модель какого-либо явления» определяет ценность в рамках исторической аксиологии культуры И. И. Докучаев. При этом автор указывает, что идеальность представляет собой *набор требований* к данному явлению, которое, следовательно, необходимо либо *изменить*, либо *оценить* в соответствии с этой моделью (Докучаев 2009: 20).

Несколько в ином ключе представлено определение ценности в рамках концепции психологии личности Д. А. Леонтьева. По Д. А. Леонтьеву, ценности представляют собой смысловые образования высшего ранга. При этом смысл трактуется автором как отношение между субъектом и объектом или

явлением реальности, которое определяется местом объекта или явления в жизни субъекта, выделяет этот объект или явление в образе мира и воплощается в личностных структурах, оказывающих регулирующее воздействие на поведение субъекта по отношению к данному объекту или явлению. Такие личностные структуры, называемые смысловыми структурами, представляют собой квазиобъекты, замещающие в структуре личности ее действительные жизненные отношения [Леонтьев 2007].

Смысловые структуры образуют систему смысловой регуляции по принципу иерархии, в которой *высшую ступень занимают личностные ценности*. При этом личностные ценности по своему функциональному месту и роли в структуре мотивации относятся к внеситуативным образованиям, характеризующимся устойчивостью и обобщенностью. Ценности также обладают высокой степенью стабильности: изменение в их системе, как отмечает Д. А. Леонтьев, представляет чрезвычайно кризисное событие в жизни личности [Там же: 225].

В психологических концепциях ценности часто относят к формам или разновидностям потребностей, поскольку последние также характеризуются транситуативностью и устойчивостью и оказывают на конкретную деятельность мотивирующее воздействие. Д. А. Леонтьев, однако, предлагает развести эти понятия. Потребности, как отмечает автор, «представляют собой форму непосредственных жизненных отношений индивида с миром. Они действуют „здесь-и-теперь“, отражая текущее состояние этих динамичных и постоянно меняющихся отношений» [Там же: 226]. Личностные ценности определяются как «„консервированные“ отношения с миром, обобщенные и переработанные совокупным опытом социальной группы». Они интегрируются в структуру личности и в последующем функционировании практически не зависят от ситуативных факторов [Там же: 226] (курсив наш. — Е. М.).

Еще одна важная характеристика ценностей заключается в том, что субъективно ценности воспринимаются как идеалы — «конечные ориентиры желательного состояния дел». При этом, в отличие от потребностей, которые переживаются как воплощение индивидуального желания субъекта, ценности переживаются как воплощение некоего *идеального состояния в общечеловеческом смысле* [Там же: 227].

В контексте наших рассуждений следует акцентировать два момента из приведенного выше. Во-первых, принципиально важным является понимание ценностей как прежде

всего *социальных смыслов*, связанных с некоторым представлением об общем благе и идеальном порядке вещей. И во-вторых, необходимо отметить связь ценностей с поведением, т. е. их способность выступать в мотивообразующей функции для конкретного индивида и, соответственно, группы людей.

Исходя из представления о языковой системе как инструменте фиксации любых возможных смыслов, «добытых» человеком в процессе освоения мира (ср. функцию «материализации идеального мира» [Колшанский 2010]), ценностные смыслы должны быть зафиксированы в языке в виде некоторых «конвенционализированных знаковых образований» [Лингвистика и аксиология 2011: 18]. С другой стороны, исходя из второй базовой функции языковой системы, а именно коммуникативной, ценностные смыслы должны допускать возможность трансляции через многообразие языковых средств в виде текстов, «определяемых на когнитивно-дискурсивном уровне оценочным отношением участников общения к предмету речи» [Там же: 18].

К конвенциональным знаковым образованиям можно, в частности, отнести так называемые «ключевые слова» ценностного архива лингвокультуры — слова, закрепляющие в своей номинации определенные ценности и антиценности [Там же: 45]. Соответственно в аксиологическом разрезе такие текстовые/дискурсивные стратегии, как «захват понятий» и «захват ключевых слов» [См.: Чернявская 2006: 54], можно реинтерпретировать как «присвоение ценностей» доминантной группой, стоящей за определенным дискурсом. Такое присвоение ценностей одновременно будет вести к «маргинализации» оппозиционной группы акторов, «не имеющей право» на эти ценностные смыслы (ср. иллюстрацию этого положения: [Lazar, Lazar 2004]).

В более общем смысле следует предположить, что любой дискурс, понимаемый как артикуляция элементов, транслирующая некоторое видение мира, будет транслировать это видение не беспристрастно, но с точки зрения обобщенных представлений об идеальном порядке вещей для стоящих за дискурсом акторов. Такое представление будет зафиксировано, часто косвенным образом, в системе используемых в конкретном тексте языковых средств. Допуская возможность актуализации ценностного содержания *любыми* языковыми средствами, предположим, что главную роль в этом процессе будут играть средства языковой оценки.

Существует несколько подходов к рассмотрению выражения оценки в языковых/

речевых структурах. Е. М. Вольф рассматривает оценку как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения. При этом оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не его отдельными компонентами. Модальная рамка высказывания реализует его прагматический аспект, однако она непосредственно связана и с семантикой оценочной структуры и «образует с ней амальгамированные конструкции, где прагматический и семантический факторы не всегда легко разделить» [Вольф 2014: 12—13]. Отметим некоторые, на наш взгляд важные, положения теории языковой оценки, позволяющие функционально соотносить данную систему с выражением ценностной позиции.

Главными элементами оценочной модальной рамки, по мнению Е. М. Вольф, являются ее субъект и объект, связанные оценочным предикатом. В естественном языке оценочный предикат может быть представлен как словами, так и семантикой высказывания в целом. В модальную рамку оценки также входят шкала оценок и стереотипы, на которые ориентирована оценка в социальных представлениях говорящих. Данные элементы, в отличие от объекта и субъекта оценки, в большинстве случаев в поверхностной структуре текста никак не выражены [Там же: 12].

Аспект оценки определяет тот признак предмета, по которому он будет оцениваться в его сравнении с другими предметами, входящими в класс, предполагающий тот же самый аспект оценки. При этом объекты, входящие в класс, предполагающий некоторый общий для них аспект оценки, будут выстраиваться по шкале оценок. Иными словами, оценке *имманентно свойственна градуируемость*. Еще одной важной характеристикой оценочной шкалы является ее ориентация на оценочный стереотип. Оценочный стереотип будет представлять собой некоторый «идеальный» объект с его признаками в рамках класса объектов, предполагающих один аспект оценки. Именно в соотношении с этим «идеальным» объектом остальные объекты того же класса будут выстраиваться по шкале оценочности.

Для демонстрации связи языковой системы оценочности с ценностями и смысловым «миром» индивида вообще вновь обратимся к психологии смысла Д. А. Леонтьева. Нетрудно заметить определенные параллели между системой оценки в языке/речи и одной из смысловых структур личности — смысловым конструктом.

Смысловые конструкты трактуются как категориальные шкалы, составляющие часть

образа мира индивида. Данные категориальные шкалы используются индивидом для выделения значимых для него признаков объектов, которые становятся основанием для оценки этих объектов [Леонтьев 2007: 217]. Далее, категориальные шкалы бывают двух видов — так называемые предметные, которые описывают объекты на основании их собственных признаков или ассоциирующихся признаков других объектов (ср. «дескриптивное содержание»), и смысловые, которые описывают объекты в терминах их смысла для данного субъекта (ср. «оценочное/аффективное содержание»). Интересны также замечания автора о случаях «склеивания» оценочных и смысловых конструктов, когда «предметный конструкт становится носителем не только гностической, но и смысловой оценки: оценка по предметному (гностическому основанию) уже несет в себе характеристику личностного смысла объектов и явлений» (ср. сложность дифференциации дескриптивного и оценочного содержания) [Там же: 221].

Связь смысловых конструктов с ценностями обусловлена тем фактом, что один из полюсов оценочной шкалы определяется либо «моделью потребного будущего» (т. е. проистекает из потребностей), либо «моделью должного», вытекающей из системы интериоризированных личностью ценностей. При этом, как отмечает Д. А. Леонтьев, эти два типа конструктов не различаются по характеру своего функционирования в структуре регуляции жизнедеятельности [Там же: 219].

Несмотря на этот факт, представляется возможной аналитическая дифференциация потребностей и ценностей для целей текстового анализа. Во-первых, потребности как более «замкнутые на индивидуальный мир» личности структуры будут, как представляется, в меньшей степени актуализироваться в текстах — социально ориентированных продуктах — вообще, тем более в текстах явно апеллятивной природы. Такие тексты как продукты определенного дискурса и стоящей за ним группы акторов выражают некоторую ценностную позицию — представление о разделяемом группой порядке вещей и общем для членов группы благе. Во-вторых, в системе средств языковой оценки можно выделить определенные пласты лингвистических единиц, функциональная семантика которых обусловлена представлениями о нормах и идеалах, разделяемыми сообществом (см. ниже). Такие средства, по-видимому, будут в наибольшей степени указывать на актуализацию ценностной позиции.

Поскольку, как отмечает Е. Ф. Серебренникова, «в речи имеет место не само формулирование ценности как таковой, но выражение убежденностей или верований говорящего на основе его ценностно мотивированного отношения», методология аксиологически ориентированного анализа предполагает работу с комплексной системой языковых средств текстового целого. При этом мы исходим из положения о том, что методы текстового анализа позволяют в определенной мере реконструировать/смоделировать рецептивную программу, заложенную автором в текст, а в частности, его ценностную позицию, предопределившую именно такую стратегию развертывания языковых (оценочных) средств. В качестве теоретической и методологической основы анализа в рамках критического дискурс-анализа, как правило, используется функциональная грамматика М. А. К. Хэллидея (Systemic Functional Linguistics — SFL) [Halliday, Matthiessen 2004].

Принципиально важными положениями в теории М. А. К. Хэллидея представляются следующие. Исходя из двух базовых функций языка — «истолкования» опыта (constitutive of experience) и реализации социальных процессов (enactment of social processes) — М. А. К. Хэллидей также выделяет три метафункции: идеационную (ideational), межличностную (interpersonal) и текстовую (textual). Все три метафункции реализуются одновременно в базовой грамматической единице — предикации (the clause).

Идеационная функция связана с материализацией и закреплением в лексико-грамматических структурах познаваемого человеком окружающего мира. С точки зрения реализации идеационной функции предикация представляет собой «квант изменения» (quantum of change), т. е. конфигурацию разворачивающихся во времени процессов, актантов, тем или иным образом вовлеченных в данный процесс, а также (факультативно) обстоятельств, сопутствующих развертыванию процесса. В таком виде предикация является способом упорядочивания континуального потока событий. Грамматическая система, используемая для реализации этой метафункции, — система транзитивности (transitivity) [Там же: 170]. Система транзитивности «расчленяет» континуальный мир опыта на обозримое множество типов процессов. Каждый тип процесса предполагает свою модель для упорядочивания определенной сферы опыта и преобразования ее в грамматическую фигуру определенного рода.

Текстовая функция связана прежде всего с темо-рематическим членением предло-

жения. В разрезе текстовой функции предикация рассматривается как «сообщение» (clause as message). Межличностная метафункция, реализуемая в предикации, связана с рассмотрением предикации как единицы «диалога» (clause as exchange). Основной грамматической системой в рамках межличностной метафункции является система наклонения (mood).

Система языковой оценки, таким образом, реализуется в рамках межличностной метафункции. Именно так она описана в теории языковой оценки Дж. Мартина и П. Уайта (the language of evaluation) [Martin, White 2005]. Система языковой оценки, по Мартину и Уайту, интерпретируется как разворачивающаяся в рамках межличностной метафункции и «накладывающаяся» на идеационное содержание (ср. трактовку оценки как модальной рамки, накладывающейся на дескриптивное содержание, по Е. М. Вольф [Вольф 2014]). Далее, оценочное содержание относится к семантике текста (discourse semantics; ср. также термин “realisation of attitude tends to splash across a phase of discourse” [Martin, White 2005: 10]) и реализуется широким спектром лексикограмматических средств в трех взаимодействующих плоскостях — оценочной установке (attitude), включении (engagement) и градуировании (graduation).

Понятие «оценочная установка», в свою очередь, подразделяется на три функционально-семантические области: аффект (affect), суждение (judgement) и аппрециация (appreciation). Термином «аффект» описываются репрезентации эмоциональных реакций, «суждения» включают в себя ресурсы, используемые для оценки поведения в соответствии с различными нормативными принципами, «аппрециация» охватывает языковые ресурсы для описания ценности объектов/ситуаций, в том числе семиотической природы. Средства системы градуирования используются для интенсификации и деинтенсификации оценочности [Там же: 35—36].

Дж. Мартин и П. Уайт исходят из трактовки аппрециации и суждений как производных от аффектов, «как институционализированных чувств», основанных на ценностях, разделяемых данным сообществом [Там же: 45]. В терминах системы суждений индивидуальные эмоциональные реакции переосмысливаются как нормы и правила поведения. Средствами аппрециации чувства переосмысливаются в рамках общественных представлений о ценности и достоинстве различных объектов и явлений.

Анализируемый в данной работе текст транслирует дискурс «глобального антаго-

низма», ориентированный на актуализацию фрейма конфликта и оппозиции «свои» vs. «чужие» [См.: Чернявская, Молодыхенко 2014; Молодыхенко 2010, 2012]. В аксиологической перспективе анализ, представленный здесь, призван дать ответ на вопрос о том, насколько дискурс (как «видение мира») автора текста и его референтной группы будет допускать на то же самое дискурсивное пространство («порядок дискурса») иной — конкурирующий с ним за интерпретацию действительности — дискурс с соответствующей ценностной позицией.

Оппозиция «доминирование» vs. «допущение иной интерпретации» восходит к представлениям о диалогичности текста в самом широком смысле или так называемой радикальной модели интертекстуальности [См.: Чернявская 2009, 2013, 2014a]. Иными словами, речь идет о том, в какой степени в рассматриваемом тексте актуализированы «голоса других». С одной стороны, речь может идти о представленных и актуализированных в поверхностной структуре текста *конкретных* мнениях «других» — конкурирующих групп акторов. С другой стороны — об использовании для актуализации своей доминантной ценностной позиции языковых средств, допускающих тем не менее некоторое *потенциальное* пространство иных взглядов и интерпретаций.

Так, к примеру, Н. Фэркло рассматривает диалогичность текста как градуируемый континуум от наименее диалогичных репрезентаций до наиболее диалогичных [См.: Fairclough 2003]. Наиболее диалогичный полюс континуума демонстрируют случаи, когда «голоса», несущие иные интерпретации и ценностные позиции, представлены в тексте в виде маркированной интертекстуальности, например в форме прямой или косвенной цитации. Далее следуют утверждения, содержащие модус, «смягчающий» диктумную часть высказывания, посредством различных модальностей, потенциально открывающих пространство для иных интерпретаций. Менее ориентированной на диалогичность опцией будет простое категоричное утверждение. В наименьшей же степени диалогичным является введение в текст «голоса» доминантной группы как пресуппозиции, вовсе исключаяющей возможность диалога и отсекающей пространство иных интерпретаций.

Как одну из плоскостей системы языковой оценки рассматривают диалогичность Дж. Мартин и П. Уайт. Путем развертывания ресурсов системы «включения» (engagement) автор выстраивает свои отношения, с одной стороны, с ценностной позицией, выражен-

ной в тексте, с другой — с потенциальным адресатом. В диалогической перспективе это означает, что текст, выражающий некоторую ценностную позицию, так или иначе апеллирует к другим текстами на ту же самую тему и к ценностной позиции, зафиксированной в них. Следовательно, анализ развертывания средств включения позволяет эксплицировать два параметра. Во-первых, то, каким образом автор данного текста взаимодействует (*engages*) с другими авторами и их текстами (в том числе с убеждениями и допущениями об устройстве мира вообще). Во-вторых, с точки зрения адресности текста, закодированное в тексте представление об идеальном адресате и той ценностной позиции, к которой ему предлагается присоединиться (*is aligned into*).

Мы исходим из рабочей гипотезы о том, что базовым параметром анализируемой в работе «риторики превосходства» является текстовая актуализация фрейма конфликта [Ср.: Ferragi 2007]. В аксиологическом ключе реализованный в тексте фрейм конфликта видится двояко. Во-первых, с точки зрения того, как текст репрезентирует в лексико-грамматических структурах некоторый физический контекст, или — в терминах М. А. К. Хэллидея — «поле» (*field*). Иными словами, данный аспект анализа предполагает ответ на вопрос, **в чем заключается суть конфликта**, как в тексте репрезентированы его стороны и — в аксиологической перспективе — каково место ценностных ориентаций в этой репрезентации. Данный аспект анализа предполагает изучение лексико-грамматических средств выражения *идеационного содержания*.

Во-вторых, анализу подвергается то, как выражается ценностная позиция автора текста *по отношению к* «полю» конфликта. Здесь принципиален ответ на вопрос о том, насколько автор текста готов **допустить ценностную позицию второй стороны конфликта**, а с точки зрения адресности, — насколько безапелляционно потенциальному адресату предлагается войти в ценностную позицию автора и открывает ли текст (в самом широком смысле) пространство для альтернативного мнения / ценностной позиции. Этот аспект анализа предполагает изучение развертывания в тексте средств языковой оценки, т. е. *межличностного содержания*.

Анализ текстового материала показывает, что моделирование сторон конфликта в тексте осуществляется путем последовательного аккумуляирования текстовой семантики вокруг двух полюсов. Причем «центром» этих полюсов являются абстрактные идеи, а не конкретные акторы. Данное поло-

жение иллюстрируется анализом системы транзитивности в нескольких первых абзацах изучаемого текста, где в качестве актантов процессов выступают абстрактные сущности. Ср. использование лексемы *ideals* в первом предложении пятого абзаца, с которого начинается непосредственное структурирование поля конфликта:

And it was here in Europe, through centuries of struggle, through war and enlightenment, repression and revolution, that a particular set of ideals began to emerge...

Весьма показательно то, что автор начинает конструирование поля конфликта со вписывания его в непосредственный физический контекст (ср.: *and it was here in Europe*; речь произносится в Брюсселе для представителей ЕС и НАТО) — первый шаг для включения непосредственного адресата (Европы) в группу «своих».

Тематическая часть следующих предложений «подхватывает» того же абстрактного актора, обеспечивая дельнейшее текстовое конструирования «своего» полюса конфликта, ср.:

And those ideas eventually inspired a band of colonialists...

But those ideals have also been tested...

Таким же образом в тексте формируется и полюс «чужих», основным актором которого является абстрактная сущность: *Those ideals have often been threatened by older, more traditional view of power...* Ср.: *[goal] those ideals [process] have been threatened [agent] by view of power.*

Специфичность лексико-грамматического структурирования поля конфликта обнажает и тот факт, что абстрактные сущности фигурируют не только как актаны физических процессов, но и в семантической роли адресанта (*sayer*) вербальных процессов, свойственной одушевленному / наделенным интеллектом субъектам: *This alternative vision argues...*

Аналогичным образом абстрактные сущности (например, *vision*) через метафору (*roots itself*) могут быть источником «предикации идеи» (*idea clause*; ср.: *the notion that...*):

Often this alternative vision roots itself in the notion that by virtue of race or faith or ethnicity, some are inherently superior to others and that individual identity must be defined by us versus them, or that national greatness must flow not by what people stand for, but what they are against.

Основной фрейм конфликта, таким образом, структурируется взаимодействием абстрактных акторов, т. е. описывается как *конфликт идей и видений мира*, что, кстати,

достаточно прямолинейно иллюстрируется следующим высказыванием: *In so many ways, the history of Europe in the 20th century represented the ongoing clash of these two sets of ideas, both within nations and among nations.*

Помимо абстрактных актантов, в две противопоставленные в конфликте группы входят и конкретные акторы. Однако роль их следует охарактеризовать как второстепенную: действия данных акторов вписываются в готовую схему конфликта, полюса которого заданы идейным содержанием (*sets of ideas*). Например, идеалы группы «своих» лексико-грамматически инициируют процессы, в которых участвуют уже конкретные агенты: *And [agent] these ideas eventually [process] inspired a [goal] band of colonialist across an ocean...*

Следующее предложение «подхватывает» данных акторов в тематической части, где они уже сами выступают в агентивной роли: *...and they [colonialist] wrote them into the founding documents that still guide America today.*

Другим вариантом текстовой актуализации конкретных акторов, подчеркивающим их второстепенность по отношению к основным «действующим лицам» конфликта, является их функционирование в пределах предикаций, проецируемых лексемами со значением «идея» (основной актор), что демонстрирует использование лексемы *belief* как основного актора фрейма конфликта для проекции предикации идеи: *...the belief that through conscience and free will, each of us has the right to live as we choose...*

Далее, обращает на себя внимание попытка автора вписать в заданную схему конфликта историческое прошлое: осуществляется как бы реконтекстуализация исторического опыта в новый дискурс (подробнее см.: [Чернявская, Молодыхенко 2014]). В текстовой реализации данной стратегии для группы «своих» и группы «чужих» наблюдается некоторая асимметрия. Так, акторы исторических действий, вписываемые в рамку «своих», конкретны. Вот один из многих примеров подобного рода: *...our ideals stirred the hearts of Hungarians, who sparked a revolution, Poles in their shipyards who stood in solidarity, Czechs who waged a Velvet Revolution without firing a shot, and East Berliners who marched past the guards and finally tore down that wall.*

В то же время исторические процессы, вписываемые в рамку «чужих», имеют в качестве одного или обоих актантов абстрактные сущности и/или номинализации, например:

...I was reminded of how war between peoples sent a generation to their deaths in the trenches and gas of the first world war.

...extreme nationalism plunged this continent into war once again...

Even here in Europe we've seen ethnic cleansing in the Balkans that shocked the conscience. The difficulties of integration and globalization ... strained the European project and stirred the rise of a politics that too often targets immigrants or gays or those who seem somehow different.

Другой вариант лексико-грамматической реализации — использование пассивных конструкций в предикациях с отсутствующим агентивным актантом: *And just two decades later, extreme nationalism plunged this continent into war once again, with populations enslaved and great cities reduced to rubble and tens of millions slaughtered, including those lost in the Holocaust.*

Такая специфическая текстовая реконтекстуализация исторического дискурса представляется тенденциозной. Ответственность за позитивно оцениваемые действия идейного лагеря «своих» несут конкретные акторы, в то время как негативные действия изображаются так, как если бы они происходили сами собой. Возможным объяснением такой лексико-грамматической реализации могла бы быть интенция автора соблюсти последовательность категоризации: группы акторов, входящие сейчас в рамку «своих», оказались бы при «правильной» лексико-грамматической реализации в лагере «чужих». С другой стороны, такая репрезентация создает прагматический фокус в развитии текстовой семантики (фрейма конфликта). Тот факт, что единственным неабстрактным актором рамки «чужого» является Россия (кроме одного примера, где в этой роли выступают террористы), позволяет произвести выдвигание данного смысла в тексте и создать необходимую кульминацию, о чем свидетельствует «вписывание» России в заданный предыдущим фрагментом текста фрейм конфликта: *And that's what's at stake in Ukraine today. Russia's leadership is challenging truths that only a few weeks ago seemed self-evident...*

Итак, поле конфликта, как показано выше, задается двумя полюсами идейного содержания, в которые вписываются исторические события, конкретные действия и группы лиц. В заданной аксиологической перспективе вопрос, однако, следует поставить несколько иначе, а именно: можно ли также утверждать, что данный конфликт в его текстовой репрезентации — это конфликт ценностей и ценностных позиций некоторых групп акторов? Мы склонны ответить на данный вопрос утвердительно. Впервые, одной из основных лексем для но-

минации «своего» полюса конфликта является лексема “ideals”, отсылающая своей семантикой к «модели должного», т. е. к ценностям. Интересно в этой связи заметить, что группы полюса «чужих» текстуально не имеют «идеалов», так как данная лексема для номинации этого полюса не применяется: с точки зрения лексико-грамматической реализации идеалы/ценности могут быть только у «своих», но не у «чужих» (ср., например: *...we must meet the challenge to our ideals*). Во-вторых, для семантического наполнения полюса «своих», как это свойственно американскому президентскому дискурсу вообще, используются традиционные ключевые слова и выражения ценностного архива американской культуры (*conscience and free will, the right to live and choose, equal, trade and open markets, international law, democracy, human dignity* и т. д., и т. п.). Поскольку данные слова так или иначе фиксируют некоторые важные ценностные отношения, их текстуальный «захват» полем «своих» одновременно лишает всех этих ценностей группу «чужих». В-третьих, с точки зрения лексико-грамматического оформления идеалы и ценности группы «своих» являются «мотивообразующими» для входящих в группу акторов (ср.: *those ideas eventually inspired a band of colonialists...*). Данный факт обнаруживает явную параллель с психологическим представлением о ценностях.

В качестве перехода от рассмотрения поля конфликта к рассмотрению диалогичности в заявленном ранее смысле ответим на следующий вопрос. Как именно основные акторы (Россия и США) текстуально позиционируются по отношению к двум полюсам конфликта? Поскольку полюса конфликта задаются идейным содержанием, следует предположить, что в поверхностной структуре текста должны присутствовать маркеры того, что думают/считают/полагают вовлеченные в конфликт стороны. С точки зрения лексико-грамматических структур присоединение актора к определенному идейному содержанию реализуется путем его участия в вербальных или ментальных процессах. В этом плане в тексте вновь обнаруживается асимметрия. Мнение «своих» неоднократно реализуется в тексте через соответствующие вербальные или ментальные процессы, из которых становится ясно, что США (и охватываемые местоимением *we* акторы) идентифицируют себя с ценностной стороной «своих», ср.:

We embraced a shared vision of Europe, a vision based on representative democracy, individual rights, and a belief that nations can meet the interests of their citizens.

...we believe in democracy...

...we believe in human dignity...

Россия же не выступает актантом ментальных и вербальных процессов, т. е. в пространстве текста лишается права заявить о своем отношении (во всех смыслах) к полюсу «антиценностей»; *солидарность России с этим полюсом структурируется текстом как данность*.

Второй ракурс анализа связан с тем, как выражается ценностная позиция автора по отношению к содержанию текста в плане ее диалогичности. Для проекции в текстовые структуры позиции автора и стоящей за ним группы «своих» используются языковые средства оценки, преимущественно семантического поля «суждение» (*judgement* — по Дж. Мартину и П. Уайту), поскольку текст в первую очередь ориентирован на оценку противопоставленной группы акторов через их активность.

Одним из способов введения в текст такой оценки является использование таких номинаций процессов, при которых в семантике лексемы помимо дескриптивного содержания «встроена» оценочность, кодирующая отношение автора и, предположительно, его ценностную позицию. Так, в следующем примере для описания взаимодействия России с Украиной используется лексема с эмотивным компонентом (*to bully* — *use superior strength or influence to intimidate (someone), typically to force them to do something*), отражающим оценочное отношение автора к данному процессу: *...bigger nations can bully smaller ones to get their way*.

При анализе развертывания в тексте языковых средств системы оценки мы опираемся на два теоретических допущения. Во-первых, мы исходим из положения о так называемой мотивированности отбора языковых средств: выбор автором определенных языковых средств из всех возможно допустимых в данном контексте / синтагматической реализации представляется идеологически значимым. Во-вторых, мы исходим из представления о том, что путем анализа целостной системы языковых средств всего текста/корпуса возможно в определенной мере смоделировать «интенцию автора». В контексте представленных рассуждений такая «идеологическая значимость» и «интенция автора» рассматриваются как проекции некоторой ценностной позиции. Например, анализируя способы номинации активности России в данном тексте, можно смоделировать предположительное ценностное пространство, определяемое представлениями о справедливости и справедливых международных отношениях, ср.:

*And that's why Russia's **violation** of international law, its **assault** on Ukraine's sovereignty and territorial integrity, must be met with **condemnation**...*

*Together, we've **condemned** Russia's **invasion** of Ukraine and **rejected** the legitimacy of the Crimean referendum. Together, we have isolated Russia politically, suspending it from the G-8 nations and downgrading our bilateral ties. Together, we are imposing costs through sanctions that have left a mark on Russia and those accountable for its actions.*

*But that doesn't mean that Russia can **run roughshod** over its neighbors. Just because Russia has a deep history with Ukraine does not mean it should be able to **dictate** Ukraine's future. No amount of **propaganda** can make right something that the world knows is wrong.*

В приведенных примерах обозначенная ценностная позиция проецируется номинациями процессов (*violation, assault, invasion, to run roughshod, to dictate, propaganda*) и предикатами «осуждения» (*condemnation, to condemn*). Более того, понимание системы оценки как системы семантики текста, способной развертываться на отрезках больших, чем предложение, позволяет говорить о проекции ценностной позиции и через идеационное содержание (все описываемые санкции по отношению к России — *isolated, suspended* и пр.). В этой связи примечательно развертывание средств системы суждения (*judgement*) с противоположной полярностью для описания активности Украины: *And meanwhile, the United States and our allies will continue to **support** the government of Ukraine as they chart a democratic course. Together, we are going to provide a **significant package of assistance** that can help stabilize the Ukrainian economy and meet the basic needs of the people.*

Таким образом, можно говорить о последовательной проекции одной и той же ценностной позиции США / группы своих: «помощь тем, кто в беде», «порицание тех, кто нарушает наши представления о справедливости, морали и пр.».

Ценностную позицию, определяемую понятиями «свобода», «мир», «свободный выбор» и прочими, очевидно, проецирует и оценка, выраженная в обстоятельстве *through brute force* процесса *achieve*:

*...the Russian people will recognize that they cannot achieve the security, prosperity and the status they seek **through brute force**.*

Таким образом, взгляд на целостную систему оценочности текста позволяет в определенной степени реконструировать заложенную автором рецептивную программу. В терминах

ценностных ориентаций можно говорить, что система средств оценки проецирует определенную ценностную позицию автора и стоящей за ним группы. Данная позиция, как представляется, определяется понятиями «свобода», «равенство», «уважение международного законодательства» и т. п.

С точки зрения диалогичности выражение ценностной позиции автора и его группы следует охарактеризовать как безапелляционное, не допускающее выражение ценностной позиции другой стороны конфликта. В лексико-грамматическом плане это реализуется несколькими способами.

Так, Россия фигурирует в роли актанта только в физических процессах (см. анализ примеров выше), номинации для которых демонстрируют определенную тенденциозность. Лишь в нескольких случаях Россия получает «право голоса» как актант вербальных процессов для аргументации своей позиции:

(1) *Russia's **justified** these actions as an effort to prevent problems on its own borders and to protect ethnic Russians inside Ukraine. **Of course**, there is no evidence, never has been, of systemic violence against ethnic Russians inside of Ukraine.*

(2) *Moreover, Russia **has pointed** to America's decision to go into Iraq as an example of Western hypocrisy.*

(3) *In defending its actions, Russian leaders have further **claimed** Kosovo as a precedent, an example, they say, of the West interfering in the affairs of a smaller country, just as they're doing now.*

(4) *So our approach stands in stark contrast to **the arguments** coming out of Russia these days. It is absurd to suggest, as a **steady drumbeat of Russian voices** do, that America is somehow conspiring with fascists inside of Ukraine but failing to respect the Russian people.*

Кажущаяся диалогичность, привносимая приведенными выше примерами, нивелируется, однако, способом их текстовой репрезентации. Во-первых, обращает на себя внимание использование глаголов, вводящих косвенную речь (*framers*), семантика которых явно проецирует ценностную позицию «своих», ср.:

- *to claim* — *state or assert that something is the case, **typically without providing evidence or proof*** (акцентирование смысла «голословно утверждать»);

- *justify* — *show or prove to be right or reasonable* (в контексте системы оценки всего текста вероятным прочтением будет «оправдываться»);

- *point* — *cite a fact or situation as evidence of something* (в данном контексте также пред-

положительно выражает (общую) негативную оценку).

Во-вторых, тенденциозным представляется способ формулирования «голоса» оппозиции: содержание высказываний не передается прямым цитированием или в косвенной речи, но «свернуто» в объект при вербальном процессе (*verbiage* в SFL), например: *justified these actions; claimed Kosovo; has pointed to America's decision*.

Дальнейшее содержание разъясняется в нефинитных предикациях (*an effort to prevent problems, the West interfering in the affairs of a smaller country*) или свернуто в номинализацию (*an example of Western hypocrisy*). И то и другое как бы «отдаляет» эти формулировки от того, что было сказано на самом деле, и позволяет *исключить текстовую актуализацию ценностной позиции другой стороны* (которую, по-видимому, можно было бы определить в оригинальных формулировках).

Обращает на себя внимание и лексико-грамматическое оформление пропозиции *America's decision to go into Iraq*: несмотря на то что это мнение должно принадлежать противоположной стороне конфликта, его формулировка в нейтральных, устранивающих оценочность терминах (*decision to go*; ср. возможные в данной синтагматической последовательности опции: *to invade, to wage a war, to assault* — и пр.) указывает на то, что оно также сформулировано с ценностной позиции «своих»: «мы действовали исходя из представлений о справедливости, свободе и т. п.».

Потенциальный диалогизм, вносимый в текст приведенными выше примерами, также нивелируется средствами конструирования потенциального адресата как однозначно разделяющего предлагаемую ценностную позицию и интерпретацию событий вообще, ср. использование *of course* в примере 1 выше.

Еще одним способом введения в текст «голоса» России является то, что можно в рабочем порядке назвать подразумеваемой атрибуцией, ср.: *And once again, we are confronted with the belief among some that bigger nations can bully smaller ones to get their way — that recycled maxim that might somehow makes right <sic>*.

Номинативная группа *belief among some* открывает пространство конкурирующего мнения (выраженного следующей далее предикацией проекции — *that bigger nations can bully smaller ones to get their way*), что теоретически должно расширять диалогичность текста. Однако такая диалогичность опять же нивелируется лексико-грамматиче-

ской реализацией с позиции «своих» (см. выше разбор семантики глагола *to bully*). При этом мнение приписывается некоторому внешнему голосу (ср.: *among some*), предположительно принадлежащему России.

Несмотря на обозначенные выше «псевдиdialogичные вкрапления», в плане допущения иной ценностной позиции — отличной от доминирующей — текст монологичен. Не случайно, как уже было указано выше, Россия преимущественно является актантом физических процессов. Более того, реализуются они либо в виде пресуппозиции, либо через номинализацию. Вкупе с рассмотренными выше средствами оценки такой способ формулирования делает проекцию ценностной позиции «своих» абсолютной; любое пространство для иной ценностной позиции отсекается. Ср. вынесение основного утверждения в нефинитную предикацию: *Russia has resisted diplomatic overtures, annexing Crimea and massing large forces along Ukraine's border*.

Аналогично, через номинализацию, определенная ситуация репрезентируется как прекоонструкт (термин П. Серлио):

Our borders are not threatened by Russia's annexion...

And that's why Russia's violation of international law, its assault on Ukraine's sovereignty and territorial integrity, must be met with condemnation...

We've condemned Russia's invasion of Ukraine and rejected the legitimacy of the Crimean referendum.

На данном этапе представляется возможным объединить разведенные ранее два ракурса анализа — структурирование поля конфликта и степень доминирования ценностной позиции автора. Моделирование потенциальной ценностной позиции автора, определившей отбор средств оценки, позволяет говорить о ее *содержательном сходстве* с идейным полюсом «своих» в поле конфликта. Анализ системы оценки, развертываемой в тексте, реконструирует ценностную позицию автора как определяемую через понятия «справедливость», «международные нормы», «свобода», «помощь слабым» и пр. Похожими понятиями определяется и «свой» полюс конфликта. В реализации фрейма конфликта обозначенные ценности выступают в роли «идеалов», способных действовать как самостоятельные сущности или мотивировать поведение конкретных акторов. При этом как с точки зрения структурирования поля конфликта, так и с точки зрения реализации авторской позиции группа «чужих» *не имеет права на обозначенные ценности*. В плане структурирования

поля конфликта полюс «чужих» наполняется идейным содержанием, актуализирующим антиценности; лексико-грамматически «чужие» не могут быть мотивированы идеалами. В плане доминирования авторской позиции «чужие» лишены «права голоса»; текст лишь репрезентирует их активность через призму «своей» ценностной позиции.

Мы допускаем, что прагматические соображения могут быть не единственной причиной описанных лексико-грамматических реализаций. Аналогичным образом мы полагаем, что не все подобные дискурсивные эффекты следует автоматически причислять к искажению действительности или манипуляции. Тем не менее выявляемые во время анализа устойчивые паттерны лексико-грамматической реализации позволяют усматривать в такой репрезентации определенную тенденциозность.

Думается, что вопрос тенденциозности следует рассматривать и более широко — исходя из традиции, закрепившейся в дискурс-анализе и философии социального конструкционизма, а именно как вопрос о (не)возможности объективного, независимого от интерпретации, описания какого-либо фрагмента мира вообще. Что же в таком случае первично — дискурсивное или недискурсивное, сам конфликт «как есть» или конфликт описания конфликта?

ИСТОЧНИКИ

1. *Full Transcript*: President Obama gives speech addressing Europe, Russia on March 26. URL: http://www.washingtonpost.com/world/transcript-president-obama-gives-speech-addressing-europe-russia-on-march-26/2014/03/26/07ae80ae-b503-11e3-b899-20667de76985_print.html. Accessed: 25.05.2014.

ЛИТЕРАТУРА

2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М. : Книжный дом «Либроком», 2014.
3. Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. — СПб. : Наука, 2009.
4. Колишанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. — М. : КомКнига, 2010.

5. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. — М. : Смысл, 2003.

6. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов : коллективная моногр. — М. : Тезаурус, 2011.

7. Молодыхенко Е. Н. Создание образа врага как персуазивная стратегия американского политического дискурса: когнитивный и лингвопрагматический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2010.

8. Молодыхенко Е. Н. Текстовое моделирование образа врага в истории и политике (на материале текстов президентского дискурса США) // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 145—156.

9. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. — М. : Флинта : Наука, 2006.

10. Чернявская В. Е. Дискурс — «лидер продаж» или «распродажа дискурса» // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. 2012. № 3. С. 6—14.

11. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. — М. : URSS, 2014a.

12. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодность, интертекстуальность, интердискурсивность. — М. : Книжный дом «Либроком», 2009.

13. Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве. — М. : URSS, 2013.

14. Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014б. № 1. С. 54—61.

15. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». — М. : Ленанд, 2014.

16. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. — London ; New York : Routledge, 2003.

17. Ferrari F. Metaphor at work in the analysis of political discourse: investigating a 'preventive war' persuasion strategy // *Discourse & Society*. 2007. Vol. 18 (5). Sage Publications, 2007. P. 603—625.

18. Halliday M. A. K., Matthiessen C. M. I. M. *An Introduction to Functional Grammar*. — London : Hodder Education, 2004.

19. Lazar A., Lazar M. M. The discourse of the New World Order: 'out-casting' the double face of threat // *Discourse & Society*. 2004. Vol. 15 (2—3). Sage Publications, 2004. P. 223—242.

20. Martin J. R., White P. R. R. *The Language of Evaluation, Appraisal in English*. — London ; New York : Palgrave Macmillan, 2005.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. Е. Чернявская.

А. А. Столяров
Москва, Россия

A. A. Stolyarov
Moscow, Russia

**ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА
В РОССИЙСКИХ УЛИЧНЫХ ПРОТЕСТАХ:
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ
АРТ-ПЕРФОРМАНСЫ 2011—2012 ГГ.**

**THE PRACTICES OF MODERN ART IN
RUSSIAN STREET PROTESTS:
INDIVIDUAL AND COLLECTIVE
ART-PERFORMANCES OF 2011—2012 YEARS**

Аннотация. Современный протест зарождается не на собраниях активистов политических сил, не на фабриках или заводах и не в университетах среди студентов. Пространством для генерации протеста сегодня начали выступать социальные сети и микроблоги, а первыми активистами стали интернет-пользователи. Протест теперь строится вокруг информационных поводов, возникающих в Интернете, и в медиасреде, он полностью управляется законами медиaprостранства. В заданный момент успешно развивающийся протест переходит грань между виртуальной и реальной средой и выходит на улицы городов. Митингующие стараются овладеть уличным пространством не только с помощью силы, но и с помощью символических средств. Поэтому значительную роль начинают играть практики современного искусства, представители которого стремятся с помощью художественных методов преобразовать городскую среду, тем самым не просто декорируя уличный протест, но и генерируя его.

Abstract. Modern protest is arised not among activists of differernt political forcies, which organise the meetings and not at factories or plants and not at universities — among students. Social networks and microblogging are the platform for modern protest. The first protests activists are the internet users. The protest nowadays are generated by the creation of informational events in ineternet or media. The laws of mass media market are controlled modern protest. Successfully growing protest can pass the line between virtual and real world. It becames to grow at the streets of the cities. The protestors try to get street-space not only by force but using symbolic means. This is the reason why the practicies of modern art began to play a very important role: the artists who use it try to transformate surroundings by generating of street protest.

Ключевые слова: современное искусство; протест; постмодернизм; политические технологии; выборы.

Key words: modern art; protest; postmodernism; political technologies; election.

Сведения об авторе: Столяров Александр Андреевич, аспирант кафедры рекламы и связей с общественностью, факультет журналистики.

About the author: Stolyarov Alexander Andreevich, Post-graduate Student of the Department of Advertising and PublicRrelations, Faculty of Journalism.

Место работы: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Place of employment: Lomonosov Moscow State University.

Контактная информация: 125009, г. Москва, Моховая, 9.
e-mail: ambiguos@mail.ru.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРАКТИК
СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА
В РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРОТЕСТАХ (2011—2012 ГГ.)**

«PUSSY RIOT» И ПРАКТИКИ ПЕРФОРМАНСА. Перформанс-панк-группа «Pussy Riot» скандально прославилась после 21 февраля 2012 г., когда в разгаре президентской пиар-кампании ее участницы провели в храме Христа Спасителя свою акцию — «Богородица, Путина прогони». Представители группы взобрались на амвон и солею храма, где в течение полуминуты исполнили панк-композицию, осеняя себя крестным знаменем и стоя на коленях. Распространение

ролика с выступлением (в котором оно было усилено монтажом сцен из аналогичного перформанса группы в еще одном храме — Богоявленском соборе в Елохове, откуда участниц акции вывела охрана) в Интернете, публикации ряда СМИ и последовавшее за ними возбуждение уголовного дела привело к широкой известности группы не только в России, но и за рубежом.

Использование участниками группы формата перформанса было неслучайным. Исследователи определяют перформанс как «искусство действия» [Бобринская 1994: 53], возникшее после потери искусством своей эстетической целесообразности. Самоцелью становится не создание конечного художе-

Окончание. Первая часть исследования была опубликована в предыдущем номере:

Столяров, А. А. Практики современного искусства в российских уличных протестах // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 180—184.

ственного объекта, а сам творческий процесс. Произведения искусства начинают оцениваться не в эстетической, а в концептуальной плоскости [Пыркина]: искусство становится не объектом созерцания, а медиумом для передачи какой-либо идеи.

Участницы группы своим перформансом, таким образом, хотели создать не новые эстетические эталоны, а призвать россиян к политическому протесту. По мнению музыкантов «Pussy Riot», подобный бунт был бы вершиной творчества, так как он продемонстрировал бы, что искусство способно изменить окружающий мир.

«Pussy Riot» строят со своей аудиторией новый вид взаимоотношений, убирая дистанцию между собой и зрителями и переступая порог, разделяющий искусство и реальность, творчество и действие. В качестве канала коммуникации с аудиторией артисты используют собственные тела и поступки. Это в эстетической плоскости позволяет противопоставить искусственное и естественное: художественные инструменты прошлого — холсты, кисти и краски — признаются устаревшими и противоречащими природе. Естественными соответственно становятся действия художника: зрители должны стараться им подражать, чтобы выйти из мира искусственной действительности в мир естественной свободы, не ограниченной ни канонами искусства, ни политическими институтами, ни нормами поведения.

Акция группы в храме приобретала, таким образом, символическое значение. Сцена, разыгрывавшаяся в храме, должна была стать, по замыслу ее авторов, своеобразным откровением музыкантов для их аудитории, таинством, которое приоткрывало завесу над российской политической реальностью. Перформанс позволял исполнителям избавиться от условностей искусства, а вместе с ними и сбросить все табу. Подобный отказ от моральных ценностей был возможен в рамках заложенного в основу представления игрового момента [Гниренко], который дистанцировал выступление от действительности и помещал в другую, искусственную среду, законы которой легитимировали подобные действия. Такая аморальная позиция становилась возможной благодаря тому, что перформанс, как и всё искусство постмодернизма, нес с собой разрыв с уже существовавшей западноевропейской традицией искусства, в которой принципы нравственности были так же неотъемлемы, как и принципы красоты. Таким образом, отказ от моральных запретов, ограничивавших творчество, позволял активистам группы не просто вступить в полемику с искусством и эсте-

тикой прошлого, но и объединить ее с протестом против политической системы. Это дало возможность во время информационной кампании в поддержку акции группы подменять одно понятие другим: в рамках расследования уголовного дела продвигать утверждение о том, что представление группы носило чисто художественный, не имеющий к реальности характер, в материалах же, посвященных политической борьбе, называть акцию чисто политическим актом.

Для большей части россиян данный посыл, однако, остался непонятен, и действия группы были правомерно восприняты большинством как ересь. Религиозные мотивы в акции группы между тем нельзя свести лишь к попытке оскорбить религиозные чувства верующих. Обращение к религиозной тематике было своеобразным творческим приемом. Акция получила название «панк-молебен». Текст песни, исполненной группой, был построен как молитва, тем самым группа пыталась заявить, что Бог находится на их стороне («Пояс девы не заменит митингов / На протестах с нами Приснодева Мария!»). Действия находящейся у власти политической элиты соответственно представлялись происками Лукавого и заговором темных сил, захвативших, незаметно для россиян, власть над ними. Разрушить все эти козни можно было только с помощью молитвы в кафедральном соборе столицы.

Музыканты своим выступлением как бы разоблачали действующую политическую элиту страны, срывали с нее маски. Одновременно участницы группы были вынуждены сами натянуть на себя балаклавы. Данным жестом они хотели продемонстрировать деформированность окружающей действительности: правда и ложь, по их мнению, там поменялась местами. Те, кто говорит правду, вынуждены скрывать свои лица, лжецы же, наоборот, могут с открытыми лицами предстать перед публикой на страницах СМИ с многотысячными тиражами. Для того чтобы поменять всё местами, надо отделить себя от окружающего, провозгласить разрыв с ним, а затем с помощью своего творчества попробовать вытеснить с авансцены ложь — то, что старается подменить саму жизнь.

Балаклавы должны были не просто привлечь внимание, а провозгласить радикализм группы: агрессивные цвета, маски призваны были показать, что группа разделяет идеи панков конца 1970-х гг. о «противлении злу насилием». В то же время сокрытие лиц под масками демонстрировало не просто противопоставление себя обществу и существующей политической системе, но и то, что участниками группы может стать каждый.

«Pussy Riot» как бы хотели сказать, что под их масками скрываются сотни и тысячи людей, разделяющих их взгляды. Маски представляли из себя не просто элемент разыгрываемого группой карнавала, а знак, собирательный образ, позволяющий современным протестующим обрести идентичность.

Если рассматривать акцию «Pussy Riot» в целом в рамках парадигмы постмодернизма, можно сделать вывод, что группа своими акциями старалась разрушить привычные нормы политического дискурса в стране, сложившийся политический нарратив, используя парадоксальные и шокирующие формы творческого самовыражения. Музыканты делают попытку бороться с созданием в стране Дискурса — единого политического языкового пространства, которое насаждается сверху. «Pussy Riot», создавая свою оппозиционную по отношению к власти языковую среду, провозглашают рождение новых дискурсивных практик, разделяя, таким образом, социальное пространство на несколько гетерогенных, противоположных друг другу частей. Подобные практики свидетельствовали о воплощении принципов постмодернизма в пространстве российской политической действительности.

АРТ-ПРАКТИКИ ГРУППЫ «FEMEN». Практики перформансов группы украинских феминисток «Femen» сходны с выступлением их российских «коллег» из группы «Pussy Riot». Акция в период российской президентской избирательной кампании, во время которой участницы «Femen» специально прилетели в Россию, отличалась особым радикализмом. В день выборов 4 марта феминистки попытались на избирательном участке, на котором голосовал Путин, выкрасть урну с бюллетенями. Акция проходила на серьезной антикоррупционной волне, поднятой участниками оппозиционных митингов, предположивших, что их голоса во время предыдущей кампании по выборам депутатов Госдумы были украдены и предложивших лозунг «За честные выборы». Группа «Femen» вошла в данную политическую повестку.

Девушки были традиционно топлес, на обнаженных телах были надписи «Краду за Путина». Значение акции было довольно прозрачным. Участницы группы хотели взорвать общественное спокойствие. Акция была своеобразной художественной провокацией, которая должна была продемонстрировать незащищенность обычных людей от репрессивных возможностей современного государства, противостоять которому можно только с помощью самых радикальных действий, расшатывающих привычные рамки.

Интересен, однако, в данной акции особый язык коммуникации с аудиторией, который использовали участники группы. Обнаженные тела активисток являются дополнительным каналом, по которому они передают информацию зрителям. Обнажение в начале акции — символический жест: участницы как бы хотят сказать, что они сейчас вскроют истину, покажут настоящее лицо существующей политической системы. Полиция же на избирательном участке становится невольным участником реализации замысла группы: забирая голых девушек в спецприемник и укрывая их одеждой перед телекамерами, полицейские, олицетворяющие власть, пытаются спрятать правду, скрыть, затушевать то, что происходит вокруг на самом деле.

Использование тела как средства коммуникации имеет глубокое обоснование в философских идеях постмодернистов. Тело в представлении постмодернистов является «местом промышленного производства знаков и отличий» [Бодрийяр 2000: 212]. В эпоху постмодернизма тело стало полноценной знаковой системой. Части тела или одежда направлены на удвоение посредством знаков наготы. Это приводит к тому, что тело замыкается в знаках, приобретает лишь в них ценность. Происходит его фетишизация — тело становится отдельной системой, в которой происходит перманентный «символический обмен».

Группа «Femen», раздеваясь на своих акциях, хочет разрушить данную уже сложившуюся знаковую систему. Она бросает вызов всей системе власти, старается разрушить провозглашаемые ею фетиши. Однако эти действия приводят одновременно и к противоположным эффектам. Думая, что вскрывают голую правду и разрушают одну знаковую систему, участницы группы порождают другую. Их тела, несмотря на призывы к эмансипации и феминистические лозунги, не перестают быть всего лишь означающими, передающими определенный смысл. Декларируемое разоблачение является лишь мысленным актом. На деле эмансипация и свобода женщин быть самими собой, декларируемая группой, выливаются в провозглашение культа сексуальной революции, в которой женщина является лишь объектом желаний.

АКЦИИ АНТОНА ГЛОВОТА. Художник Антон Гловот стал известен в период российских протестов 2011—2012 гг. созданием ярких самодельных предметов, которые помогали ему сконструировать определенный художественный образ. На одну из акций на Болотной площади художник пришел с самодель-

ной башней танка на голове. На другую акцию художник надел клетку и табличку «Тюрьма снаружи».

Своими акциями Готов пытается воссоздать портрет типичного «рассерженного горожанина» — рядового участника протестных акций периода думской и президентской предвыборной кампании 2011—2012 гг. Рассказывая в интервью [Московские Новости 2012] о своей первой акции, художник объясняет, что, делая из папье-маше танк, он хотел провести параллель с литературным образом «бумажного солдата». «Бумажный солдат», по словам художника, символ борьбы без надежды на успех.

Однако для данной акции можно предложить и другие «прочтения». Танк является символом государства. Таким образом, художник как бы подменял официальные, уже сложившиеся государственные институты новым для России «институтом» — институтом протеста.

Во время второй акции художник сменил образ танка на «узника свободы». Готов надел на себя клетку, назвав акцию «Свободное пространство». Он объяснил, что клетка является территорией его свободы в современном российском обществе. Художник смотрел на людей через решетку, в результате чего было непонятно, кто снаружи: он или все собравшиеся. Таким образом, художник делал всех собравшихся на площади участниками своеобразного хеппенинга. Бродя среди протестующих, он демонстрировал им ограниченность, с которой вынужден сталкиваться каждый из них. Эта ограниченность прежде всего была связана с политическими свободами.

Скованный в клетке художник, которому было неудобно передвигаться, намекал людям, что надо попробовать расшатать оковы окружающей действительности и превратиться из узника в обычного человека, чьи движения и воля не скованы ничем.

Интересно провести параллель между «человеком-в-клетке», воплощением которого стал Готов, и «человеком-ящиком» — героем известного постмодернистского произведения Кобо Абэ с одноименным названием. Герой японского писателя отстранен от общества, живет в искусственной картонной коробке, из которой не может выбраться. Писателем ставится следующий вопрос: может ли человек добиться свободы от окружающего, запершись в картонную коробку, может ли преодолеть нормативы и условности, идущие извне, помещая себя в искусственно созданную вокруг себя оболочку? «Человек-в-клетке» такими вопросами уже не задается: в отличие от «человека-ящика»,

он старается выйти наружу всеми способами, хочет преодолеть окружающее общество, политический строй, не отстранившись от него, а активно включившись в борьбу с ним.

В целом в акциях Готова можно найти много общего. Они строятся по определенным законам. Художник в каждой из акций старается раствориться в толпе, продемонстрировав, что является одним из многих, точно таких же, как он, людей. Затем внутри толпы художник начинает проводить свою акцию, надевает на голову башню танка или садится в клетку. Таким образом, он как бы пытается продемонстрировать окружающим их коллективные устремления, манифестирует желания протестующих, превратившись на площади в единое целое. Его акции являются по сути самореференцией протеста, в которых протест как бы начинает познавать себя изнутри, познавать себя сам.

Между тем нельзя забывать, что акции Готова приобретают смысл лишь в определенном контексте, незнание которого делает их бессмысленным эпатажем. Таким образом, художник как бы организует протест в протесте: внутри большого оппозиционного митинга, рассчитанного на самые широкие слои населения, проводится локальная протестная акция, апеллирующая лишь к посвященным в новые художественные практики.

«МОНСТРАЦИЯ» — КОЛЛЕКТИВНЫЙ АРТ-ПЕРФОРМАНС. Акции «монстрации» проводятся с 2004 г. Инициатором акций выступает арт-группа «Cat», одним из идейных вдохновителей является новосибирский художник Артем Лоскутов. «Монстрации» проводятся в формате демонстрации: участники выступают с лозунгами и транспарантами. Лозунги, выдвигаемые на акциях, обычно нарочито абсурдны. Участники относятся к происходящему как к незапланированному хеппенингу, их действия импровизированы, заранее не планируются.

Название «монстрация» отсылает к слову «демонстрация», которое в России имело богатый контекст: первомайские демонстрации были широко распространены во времена СССР, когда собирали тысячи людей. Авторы акции, по своему собственному признанию, убрали приставку «де», чтобы избавиться от негативной коннотации. По их мнению, приставка несет с собой некое отрицание. Вместе с тем данное преобразование позволяло подчеркнуть тот разрыв, который создавался между первомайскими демонстрациями и акцией нового формата: авторы акции демонстративно порывали с традициями и в целом с прошлым.

Новосибирская «монстрация» 2012 г., главным лозунгом которой стал «Мы — это

не вы», собрал около 3 тыс. человек. В заявке организаторы указали число предполагаемых участников — 6666. Таким образом, они хотели продемонстрировать не просто торжество абсурда, но и свое отношение к прошедшим выборам президента, которые представлялись как предвестие апокалипсиса.

В отличие от предыдущих акций, не все лозунги, выдвинутые в 2012 г., были аполитичными. Кроме традиционных абсурдистских заявлений: «Хочу печений и приключений», «Love, peace? Не, не слышал», «Мы задумали неладное», «Дорогой, хочу от тебя ретвит», «Всем бобра», были и такие: «Устроим цензуре темную», «Женщины делают революцию, а не борщ», «Мы катимся туда».

Некоторые лозунги стоит разобрать подробнее. К примеру, на одном из плакатов, продемонстрированных на акции, была нарисована голова человека в виде чайника с застегнутой молнией ртом. Подпись — «Молчайник». Политический подтекст очевиден. Автор плаката пытается сказать, что в современных условиях отказываться от высказывания своей политической позиции нельзя, иначе человек выпадает из окружающей действительности и превращается из человека в непонятное существо, перестает быть личностью и частью общества.

Другой активист на акции выбрал не только вербальный способ коммуникации с другими участниками, но и визуальный, нарядившись в костюм короля. На нем была мантия, на голове — корона, на шее висела табличка из картона с надписью: «Мы всего лишь пешки». Автор хотел таким образом сказать, что современная политическая элита является зависимой — от олигархов, западных сил или своих собственных мелких интересов.

Также на «монстрации» был предложен следующий лозунг: «Мы катимся туда». На фоне обсуждавшейся в то время в прессе стагнации экономики и европейского кризиса данный лозунг не просто носил апокалиптический характер, а подкреплялся фактами окружающей действительности.

В целом при рассмотрении акции новосибирской «монстрации» можно сделать вывод, что она возрождает методами современного искусства карнавальными традициями средневековой Европы. Современные активисты всё так же пытаются воздействовать на власть с помощью смеха, пытаются преобразовать действительность игровыми методами. Однако в акции обыгрываются не только темы политической повестки дня, активисты касаются новейших феноменов виртуальной среды — мемов и фотожаб. Они обыгрываются и высмеиваются на

«монстрации» в одном ряду с заявлениями и действиями политиков, таким образом, с одной стороны, разрушаются все границы между сферой политики и пространством виртуальной среды, с другой — демонстрируется, что в современном мире второе может иметь не меньшее значение.

Кроме традиций средневековых карнавалов, акция опирается на опыт ОБЭРИУ — ленинградской группы писателей, существовавшей с 1927 по 1930 г. Обэриуты декларировали отказ от традиционных форм искусства и выступали за обновление методов художественного изображения окружающего мира. Писатели в своем творчестве активно использовали приемы гротеска, создавали абсурдистские произведения. Таким образом они демонстрировали противоречивость окружающей действительности, которая представлялась им в виде единства всевозможных противоречий.

Такое же отношение к действительности испытывают и организаторы «монстрации». Их акции призваны вскрыть парадоксы российской действительности и отдельных явлений политической жизни страны.

ФОРМИРОВАНИЕ ОППОЗИЦИОННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ДВИЖЕНИЕМ «ОКУПАЙ АБАЙ». Акция неповиновения и возникшее вместе с ней оппозиционное движение «Окупай Абай» прошла в Москве с 8 по 19 мая 2012 г. Она возникла как ответ на инаугурацию президента России Владимира Путина.

Изначально движение зародилось в Интернете, через который оно в дальнейшем и координировалось. В частности, в «Твиттере», используя хеш-тег «#Окупай Абай», рядовые пользователи ресурса обменивались информацией о том, что происходит в оппозиционном лагере, и передавали информацию о своих перемещениях по городу, когда пытались уйти от полиции.

Постоянный лагерь движения был разбит на Чистых прудах в Москве возле памятника казахскому поэту Абаю Кунанбаеву. В лагере раздавали оппозиционные листовки, исполняли песни и даже читали лекции о политической ситуации в стране. Была организована кухня, мусор собирался в специальные пакеты. Прототипом для движения стало американское течение «Окупай Уолл-стрит». Американцы пытались мирным способом «захватить» улицу Уолл-стрит в Нью-Йорке, на которой находятся штаб-квартиры крупнейших финансовых корпораций в стране. Таким образом они выражали протест не только против политики финансовой верхушки, а бросали вызов всему капиталистическому строю. Российские активисты выдвинули похожие требования: они выразили

несогласие с политикой действующего руководства страны и подвергли сомнению легитимность прошедших в России выборов.

«ОккупайАбай» получил широкое освещение не только в российских, но и в западных СМИ как совершенно новое для страны явление. В Интернете оппозиционерами была даже организована видеотрансляция из лагеря, на различных ресурсах размещались фоторепортажи.

Новым в организации акции стало то, что она продемонстрировала возможности Интернета для формирования политического протеста. Большинство участников движения узнало о создании лагеря из Интернета, из переписки в микроблоге «Твиттер», в котором они обменивались мнениями о политической ситуации в стране. Именно там обсуждалось время встречи между различными группами оппозиционеров, которые хотели поучаствовать в работе лагеря и пообщаться уже за пределами Сети. Другими словами, если раньше площадкой для генерации протеста являлись кофейни (в которых в XIX столетии группы людей могли собираться и зачитывать не получившие еще такого массового распространения, как в XX столетии, газеты), фабрики (на которых уже в XX в. формировались оппозиционные буржуазному строю группы пролетариата, желавшие распространения социалистических идей) и университеты (в конце 1960-х гг. в европейских странах, когда студенты сказали свое решительное «нет» несправедливостям капиталистического общества), сегодня такой площадкой становятся ресурсы Интернета: социальные сети и микроблоги, позволяющие объединять разнородные группы людей вокруг одних политических идей.

В определенный момент протест выплывает в пространство реальности. Оппозиционеры пытаются захватить и переделать городскую среду, которая превращается в пространство постмодернистской реальности. Структура городского пространства меняется и становится ризоморфной. Все оппозиционеры в рамках нового пространства взаимосвязаны друг с другом посредством разных каналов: связи пронизывают как пространство городской среды, так и пространство виртуальной Сети. Эти два пространства перемешиваются: больше нельзя понять, где заканчивается реальность, а начинается ее репрезентация, где отношения между ее частями существуют на субъектном уровне, а где — на объектном.

Иерархия власти разрушается, оппозиционная среда порождает ацентрированную систему, в которой нет лидеров и четких границ: она существует в пространстве ре-

ального города, т. е. является как бы пространством в пространстве. Таким образом, выстраивается совершенно новое пространство, которое противостоит пространству нормативов и законов власти. Существующая власть пытается его разрушить, так как оно несет самими принципами, в соответствии с которыми организовано, угрозу ей.

ВЫВОДЫ

Акции в жанре современного искусства в России, проводившиеся в период избирательных кампаний, были одним из методов борьбы оппозиции с властью. Они получали серьезную информационную поддержку в различных СМИ и перешли из разряда собственно искусства в разряд пиар-приемов, внедряемых технологами. Перформансы, эпатажные хеппенинги в условиях российской политической реальности стали одной из форм протеста и гражданского неповиновения. Это не просто разрозненные артефакты, а целенаправленный процесс, который запускается с целью атаки на действующую власть и государственную систему.

Использование технологий, заимствованных у современной арт-сцены, приводит к провозглашению реальности постмодерна. Данная реальность неоднородна, явления из нее подчас не имеют никакой связи между собой. В этой реальности одновременно могут провозглашаться новые возможности Сети для борьбы с политической элитой и возрождаться уже поседевшие традиции средневекового карнавала, самые решительные радикальные действия могут соседствовать с действиями, которых на самом деле нет, есть лишь их провозглашение в виртуальном пространстве либо в системе СМИ.

Практики современного искусства превращаются из чисто художественного действия в один из каналов массовой коммуникации: они больше не являются элитарным художественным языком, а становятся языком медийным, у определенных творческих групп появляется своя аудитория, на которую они начинают ориентироваться. Многие акции представителей современного искусства вначале задумываются как шутка либо как абсурдистское произведение, однако очень быстро, в случае если ее поддерживают многие, данные начинания выходят за рамки художественной действительности, превращаясь в серьезные политические акции.

Происходит стирание границ между реальной действительностью и виртуальной, а также реальностью симулякров. Формируется совершенно новое пространство. Именно в нем происходят столкновения, акции и заявления оппозиционных политиков.

Научиться понимать данное пространство нам только предстоит. Предстоит также открыть, к чему ведут политические заявления и перформансы в этой новой среде и какова, следовательно, их истинная цель. Их интерпретация уже не может сводиться к тому, что они являются лишь манипуляциями невидимого кукловода, что за каждым заявлением что-то стоит. В новой реальности действия и слова отделяются от субъекта и приобретают самостоятельное значение, смысл которого предстоит найти. Изучение новых форм политического протеста представляется важным для политической элиты страны, которая должна консолидировать общество и противостоять любым попыткам его дестабилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бишон К. Социальный поворот в современном искусстве. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/58-59/rovogot/>.
2. Бобринская Е. Концептуализм. М., 1994.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000.
4. Буррио Н. Современное искусство и репрезентация // Художественный журнал. 2004. № 55. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/55/13/>.
5. Вирильо П. Машина зрения. — СПб. : Наука, 2004.
6. Гниренко Ю. Перформанс как явление современного отечественного искусства. URL: http://www.gif.ru/texts/txt-gnirenko-diplom/city_266/fah_348/#first.
7. Гринберг К. Авангард и китч // Художественный журнал. 2005. № 60, дек.
8. Грицанов А. Новейший философский словарь. — Минск : Скаун, 1999.
9. Гройс. Б. Топология современного искусства // Художественный журнал. 2006. № 61/62, май.
10. Делез Ж., Гваттери Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. — Екатеринбург : У-Фактория, 2007.
11. Делез Ж., Гваттери Ф. Ризома. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm.
12. Деррида Ж. О грамматологии. — М. : Ad Marginem, 2000.
13. Жевак А. Социокультурные тенденции развития современного искусства. URL: <http://teoria-practica.ru/-1-2013/philosophy/zhevak.pdf>.
14. Кибервойна, бог и телевидение : интервью с Полем Вирильо // Sttheory : журн. URL: <http://www.chaos.info/хаос/cyberwar.html>.
15. Кобо Абэ. Человек-ящик. — М. : Правда, 1988.
16. Лазарева Е. Авангард vs репрезентация // Художественный журнал. 2009. № 73/74, авг. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/73-74/lazareva/>.
17. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. — М. : Гнозис, 1995.
18. Лиотар Ж. Состояние постмодерна. — СПб. : Алетейя, 1998.
19. Мокшев А. Лингвистическая критика субъекта в философии постмодернизма. URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/8060-2013-05-28-07-16-18>.
20. Мукаржовский Я. Основные принципы авангарда // Исследования по эстетике и теории искусства / Я. Мукаржовский. — М. : Искусство, 1994.
21. Пыркина Д. Искусство действия. URL: <http://www.ncca.ru/publications.text?filial=2&id=160>.
22. Рансьер Ж. Этический поворот в эстетике и политике // Критическая масса. URL: <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/ra8.html>.
23. Турчин В. По лабиринтам авангарда. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1993.
24. Фикс Е. Сетевое искусство протеста // Художественный журнал. 2003. № 51—52. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/51-52/iskusstvo-protesta/>.
25. Фостер Х. Похороны подставного тела // Художественный журнал. 2007. № 64, февр. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/64/foster/>.
26. Фуко М. Археология знания. — СПб. : Гуманитарная Академия, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 004.738.4:81'42

ББК 3971.353+ Ш105.551.5

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Е. В. Горина **E. V. Gorina**

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ — СТРУКТУРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ИНТЕРНЕТА

THEMATIC TRANSFORMATION — A STRUCTURAL FEATURE OF THE INTERNET

Аннотация. Описывается структура глобального интернет-дискурса, состоящего из множества субдискурсов. Субдискурсы Сети представлены в форме открытых и закрытых образований. Соотношение субдискурсов отражает жизнеподобие Сети и ее манипулятивный потенциал. Структурные особенности и взаимодействие субдискурсов Интернета раскрывается в статье на примере сетевых СМИ и их тематического преобразования.

Abstract. The article describes the structure of the global Internet discourse, consisting of a set of subdiscourses. Subdiscourses of the global net are presented as open and closed entities. The interrelation of subdiscourses reflects the virtuality of the Network and its manipulative potential. The structural features and interaction of subdiscourses of the Internet are described in this paper on the material of network media and their thematic transformation.

Ключевые слова: Интернет; дискурс; субдискурс; виртуальный дискурс; реальный дискурс; структура интернет-дискурса; тематическое преобразование.

Key words: the Internet; discourse; subdiscourse; virtual discourse; real discourse; structure of the Internet discourse; thematic transformation.

Сведения об авторе: Горина Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и стилистики департамента «Факультет журналистики» Института гуманитарных наук и искусств.

About the author: Gorina Evguenia Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of the Russian Language and Stylistics, Department of Journalism, Institute of the Humanities and Arts.

Место работы: Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Place of employment: Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin.

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
e-mail: gorina9@yandex.ru.

Интернет представляет собой сложно организованную коммуникативную площадку, является глобальной медиаконструкцией, которая обладает сложной дискурсивной структурой [Горина, Лазарева 2013]. Глобальный дискурс Интернета, на наш взгляд, состоит из множества субдискурсов: «политика», «экономика», «культура», «спорт», «наука», «медицина», «кулинария», «технологии», «реклама» и т. д. Каждый субдискурс является неким вербальным продуктом, отражающим разные стороны существования человека. Все субдискурсы постоянно взаимодействуют друг с другом, что демонстрирует многотемность и жизнеподобие Интернета. Структурная организация дискурса Интернета сравнима с организацией интернет-СМИ, которые тоже имеют составной характер [Лазарева 1993]. В каждом издании читатель видит множество информации на разные темы, при этом все сведения подаются структурированно, в виде самостоятельных рубрик, колонок, смысловых блоков и т. п. По сути СМИ тоже являются составным глобальным дискурсом, включающим

множество взаимосвязанных субдискурсов (рубрик, колонок, тематических полос и т. п.). Все субдискурсы поданы самостоятельными порциями, но в совокупности образуют единое информационное поле средства массовой информации, раскрывают суть издания. Дискурс Сети тоже имеет составной характер, он создается из огромного количества субдискурсов, представленных в Интернете, которые, благодаря процессам сегментации и интеграции, занимают определенное место в пространстве Интернета и образуют его информационно-событийное поле.

В результате обилия субдискурсов, необходимости их сочетания на одном пространстве Сети возникает гипертекстуальность. Все самостоятельные субдискурсы технически объединены в глобальный гипертекст, в результате образуется огромное информационное поле, которое невозможно охватить одновременно. Гиперссылки позволяют сделать информационную территорию Интернета бесконечной, но в то же время и доступной для пользователя, контролируемой, понимаемой [Интернет-коммуни-

кация как новая речевая формация 2012; Интернет-СМИ 2011; Скворцов, Лазарева, Горина 2009; Филатова 2004].

Оригинальная конституирующая особенность Интернета заключается в том, что субдискурсы, составляющие Сеть, расположены не на плоскостном, а на глубинном уровне, в трехмерном пространстве Сети. Глобальный дискурс Интернета хранит огромное количество сведений, которые пользователи могут «вытянуть» на поверхность, открыть на плоскости интернет-страницы, сделать видимыми. Здесь проявляется и активность пользователя Интернета. Каждый человек моделирует «свой Интернет», создает собственное информационное поле, структурирует пространство в Сети, доставая из глубин Интернета то, что интересно, полезно, необходимо.

Взаимоотношения субдискурсов в трехмерной глубине дискурса Интернета разнообразны. Это могут быть взаимоотношения на основании авторства, локативности, темпоральности, проблемности, единства действующего субъекта и т. д. Например, тексты, реализующие тот или иной субдискурс, могут быть созданы одним автором (блогер, журналист), определенной группой авторов (чат, форум) или одним коллективным автором (СМИ, портал, сайт). Так между текстами возникает связь на основании авторства. Пользователи Сети часто выбирают ряд интернет-СМИ, чьи материалы кажутся им более точными и привлекательными, и при необходимости поиска информации по какой-либо теме пользователи могут искать в Интернете публикации именно известного издания, ориентируясь на определенных авторов или на само СМИ. Так авторство оказывается важным для поиска и восприятия информации. Авторство становится ведущим основанием для взаимодействия дискурсов и в том случае, если сообщения созданы разными авторами. В этом случае пользователь собирает информацию по определенной теме, руководствуясь желанием получить мнения разных людей, составить более объективную картину происходящего, избежать однобокого толкования. Интернет — это глубинное образование, хранящее массу точек зрения, предлагающее всевозможные варианты объяснения любой темы, удовлетворяющие разных пользователей.

Материалы, созданные на определенную тему, раскрывающие одну главную мысль, объясняющие некий вопрос, ситуацию, решающие одну задачу, объединяются на основании общей проблемы. Примером могут служить тексты, предлагающие пользователям сведения о чемпионате мира по

футболу. Многие интернет-площадки во время чемпионата заводили специальные рубрики, отдавали новостям на тему футбола отдельные колонки, уголки, делали врезки, открывали соответствующие темы и т. п. Всё это говорит о том, что разнообразные публикации объединяются в глубине дискурса Сети общей темой, по ключевым словам которой пользователь быстро находит эти тексты на любой сетевой площадке.

Темпоральные отношения возникают между сообщениями, созданными в разные временные отрезки. Сложный дискурс Интернета способен в своей трехмерной глубине объединить материалы, созданные на протяжении длительного периода времени. Кроме прочего, темпоральность проявляется и в том, что предмет речи описывается во всех подробностях в течение всего времени своей актуальности. Например, долгие судебные разбирательства представлены в текстах, написанных в начале расследования, во время разбирательства и после оглашения приговора. Все материалы, включающие сведения за долгое время, погружены в глубинное пространство дискурса Сети и могут быть «выдернуты» пользователем на поверхность в любой момент. Трехмерное пространство Сети позволяет одновременно просматривать субдискурсы, созданные в разное время. Пользователь может открыть на одном экране в параллельных вкладках сразу несколько материалов и сравнить, что говорилось на выбранную тему несколько лет назад и что говорится теперь. Например, образовательная реформа в России привлекает внимание многих пользователей Интернета. Благодаря трехмерности сетевого пространства мы можем одновременно просматривать материалы, созданные в момент организации и проведения первого ЕГЭ, отзывы и прогнозы, которые делались три года назад, и читать материалы, написанные в текущий момент, о проведении ЕГЭ в этом году, оценки и комментарии сегодняшних пользователей, их предсказания и предложения.

Субдискурсы, посвященные одному действующему субъекту, объединяются этим лицом. Например, футболист Суарес, укусивший соперника во время игры, становится главным героем многих материалов СМИ, блогов, комментариев пользователей в Интернете. В трехмерном пространстве дискурса Сети пользователь находит любые сведения о Суаресе, его жертвах, победах, личной жизни, карьерном росте и т. д.

Локальность тоже является важным основанием взаимодействия субдискурсов в Интернете. Здесь мы имеем в виду, что

множество текстов, объединенных темой или действующим субъектом и т. п., располагаются на разных интернет-площадках (соцсети, форумы, порталы, СМИ, реклама, вики-проекты и т. д.). Всё разнообразие площадок расположено также в глубине Интернета, скрытой и предполагаемой, откуда каждый пользователь легко и быстро достает любые сведения, переводя их из трехмерной в плоскостную форму.

Трехмерность дискурса Сети показывает, что пользователь в любой момент может взять практически любой текст, когда бы он ни был написан, найти тексты на аналогичную тему, одного или разных авторов, с разных площадок, сравнить их, просмотреть одновременно, т. е. пользователь может формировать свою структуру Интернета, по-разному сочетая субдискурсы. В этом проявляется органическое свойство дискурса Сети и экспансия пользователя и автора. Автор в данном случае становится источником, создателем того изобилия сведений, которые хранятся в глубине Интернета.

Объединение в трехмерной глубине дискурса Интернета множества субдискурсов происходит по принципу «матрешки», или «трехмерного дерева». Принцип трехмерного взаимодействия субдискурсов можно называть как угодно образно, объясним его суть.

По объему хранящейся в недрах сетевого пространства информации Интернет — это упорядоченный информационный хаос. Упорядочивание происходит по принципу «матрешки» («трехмерного дерева»), который заключается в сочетании субдискурсов на основании родо-видовых отношений. Например, в дискурс «Культура» по принципу «матрешки» укладываются субдискурсы «музыка», «литература», «танцы», «скульптура», «живопись», «театр» и т. п. То есть субдискурсы демонстрируют свою родо-видовую связь, всячески подчеркивая свое отношение к основному, родовому дискурсу. Так, например, построены темы форумов. Родовой форум собаководов «Кавалер кинг чарльз спаниель» демонстрирует составной характер субдискурсов по принципу «матрешки». Во-первых, сам по себе форум становится родовым центром для объединения информации о породе «кавалер-кинг-чарльз-спаниель». В родовой по смыслу форум укладываются видовые субдискурсы: «Выставки собак породы Кавалер Кинг Чарльз Спаниель», «Специфика разведения собак породы Кавалер Кинг Чарльз Спаниель», «Дрессировка собак породы Кавалер Кинг Чарльз Спаниель» и т. д. При этом каждый субдискурс распадается на еще более частные составляющие. Например, один из суб-

дискурсов — «Выставки собак породы Кавалер Кинг Чарльз Спаниель» — включает частные субдискурсы: «Ранги выставок», «Расписание выставок», «Результаты выставок», «Эксперты выставок», «Околовыставочные вопросы», «Победители выставок», «Истрия выставок собак», «Выставки 2014 года» и т. д. То есть каждый из частных субдискурсов показывает свою принадлежность к родовому, более общему дискурсу — «Выставки собак определенной породы». Принцип «матрешки» показывает, что все составляющие-субдискурсы в системе глобального дискурса Сети укладываются в последовательную структуру на основании движения от общего к частному.

Принцип взаимодействия субдискурсов в трехмерной структуре Интернета подразумевает и возможность разветвления каждого дискурса на множество самостоятельных субдискурсов, способных самостоятельно развиваться дальше вширь и вглубь, образуя трехмерное пространство глобального интернет-дискурса. Обратимся к тому же форуму собаководов. Например, дискурс «Порода кавалер кинг чарльз спаниель» выводит нас на субдискурсы «История породы», «Кавалеры в искусстве», «Кинологические организации», «Рассказы об известных питомниках», «Уход и содержание собаки», «Правила поездок с собакой», «Выставки» и др. При этом каждый из названных субдискурсов продолжает свое развитие как самостоятельное образование, которое может потерять связь с родовым субдискурсом, увести в сторону от самого форума как смыслового центра. Например, «Уход и содержание» развивается по-своему и выводит пользователя на субдискурсы «Кормление», «Ветеринарные вопросы», «Выбор щенка», «Физические нагрузки для собак», которые раскрываются не только на страницах данного форума, но и переводят пользователя на страницы других сайтов, ветеринарных клиник, порталов по разведению домашних животных и т. д. Каждый из указанных субдискурсов тоже расширяется и уводит пользователя еще глубже в информационное пространство Интернета: например, субдискурс «Кормление» распадается на «Сухие корма» (и тут же пользователь получает список сайтов, на которых рассказывается, как именно лучше кормить собаку, как подбирать корм и т. п., а также видит рекламу кормов и коммерческие предложения по приобретению того или иного корма). Субдискурс «Особенности пищеварения у щенков» ведет на сайт ветеринаров, которые дают онлайн-консультации, субдискурс «Аллергия» переводит на страницы медицин-

ских справочников и списков вузов, готовящих ветеринаров. Субдискурс «Витамины» дает пользователю ссылку на магазины для животных, торгующие пищевыми добавками. Субдискурсы «Лишний вес у собак», «Диеты для собак при различных заболеваниях», «Привередливые собаки» и другие переводят пользователя на новые страницы, существующие самостоятельно на просторе интернет-дискурса. Взаимодействие субдискурсов показывает, что каждый частный дискурс может жить независимо, занимать собственное положение на территории Сети, подобно ветке дерева, растущей от общего корня, но дающей свои ростки, которые тоже обладают самостоятельностью. Каждый субдискурс может стать автономным, родовым для множества более частных, детальных дискурсов.

Таким образом, принцип сочетания субдискурсов в дискурсе Интернета показывает, что возможен подчинительно-главенствующий характер взаимоотношений субдискурсов, при котором главенствующий субдискурс всегда находится ранее подчиненных, каждый из субдискурсов раскрывается по очереди после более масштабного, по сравнению с детализирующим, в порядке значимости для раскрытия главной мысли. Также возможен вариант, когда субдискурсы расположены независимо друг от друга, родовые, главенствующие субдискурсы здесь не обязательно занимают первое, заметное место. При взаимодействии субдискурсы детализирующего характера, более частные, могут располагаться и до основного, параллельно с ним или же после него. Например, в поиске форума собаководов, разводящих «кавалер кинг чарльз спаниелей», пользователь может сначала оказаться на странице сайта «Все о собаках», дающей общие сведения о породе, затем по ссылке с указанного сайта перейти на объявления о продаже щенков данной породы, следом по ссылкам оказаться на рекламных сайтах, рассказывающих о кормах и принадлежностях для собак, затем перейти по ссылке на рекламу конкретного питомника «кавалер кинг чарльз спаниелей», а следом уже оказаться на форуме любителей этой породы. Таким образом, видно «трехмерное дерево», по которому субдискурсы располагаются в свободном порядке, независимо друг от друга, не вскрывая свои родо-видовые, взаимообусловленные связи. Если считать наиболее полным по наличию сведений о породе, т. е. родовым субдискурсом, породный форум, то более частные субдискурсы (реклама корма, информация о породе, разведение и продажа щенков и т. д.) оказываются расположены

хаотично, непоследовательно, без привязки к форуму собаководов. Частные субдискурсы размещены и до, и после родового, породного дискурса.

Анализ материала показывает, что дискурсивная система Интернета сложна, характеризуется постоянным движением большого количества компонентов. Каждый дискурс внутри глобального дискурсивного интернет-образования растет и расширяется, увеличивая и само интернет-пространство, представляемое в виде сложного трехмерного пространства. Структура Интернета имеет составной характер, находится в постоянном изменении, характеризуется процессами столкновения и взаимодействия элементов. При этом дискурсивные отношения внутри интернет-дискурса являются главенствующими и подчинительными одновременно: каждый субдискурс в Сети может одновременно оказаться более крупным, главенствующим или подчиненным по отношению к другому субдискурсу. При этом каждый субдискурс может быть связан с другими в свободной форме, на основании любой детали, которая позволит объединить разные субдискурсы на одном дискурсивном поле, на одной интернет-странице. Например, поисковая страница «Яндекс» совмещает тематически различные субдискурсы, но все они расположены в сегментированном виде на одной плоскости, видны пользователю на одном окне. Субдискурсы объединяются масштабно, например, только областью функционирования: «Новости», «Погода», «Блоги», «Афиша» и т. д. И при этом каждый субдискурс оказывается самостоятельным, независимым от других.

Трехмерность пространства Интернета рождается в результате способности каждого субдискурса (текста) «тянуть» за собой множество других субдискурсов (текстов). В итоге это приводит к совмещению субдискурсов, образовавшихся в разное время. Пользователь может «вытянуть» из глубины Сети тексты, созданные много лет назад, и сообщения, написанные только что. Просматривать их можно одновременно на одной плоскости монитора, что приводит к нарушению реально существующих отношений между текстами. Всё это еще раз подчеркивает возможность адресата строить собственное информационное пространство в Сети, «собирая» материалы разных лет, авторов, жанров и т. д. Каждый пользователь Сети читает свой Интернет, который образовывается при помощи гиперссылок. В результате дискурсивное пространство оказывается бесконечным, но при этом осознаваемым, хаотичным, но при этом структури-

рованным. Чтобы описать Интернет, можно воспользоваться словами Р. Барта: «Такой идеальный текст пронизан сетью бесчисленных, переплетенных между собой внутренних ходов, не имеющих друг над другом власти; он являет собой галактику означаемых; у него нет начала, он обратим» [Барт 1994: 14—15].

Концептуальным признаком структуры дискурсивной системы Интернета является реальность и виртуальность ее субдискурсов. Реальными, на наш взгляд, следует считать те субдискурсы, которые представлены на видимом модуле, на открытой интернет-странице, и могут быть в полной мере поняты и задействованы для работы пользователем. Реальные субдискурсы пользователь видит как привычный, оформленный текст. Реальные субдискурсы выражены любыми известными жанрами: рассказ, репортаж, заметка и т. д. Противоположное явление — виртуальный субдискурс — это информация подразумеваемая, спрятанная в ссылках, в глубине трехмерного сетевого пространства. Виртуальный субдискурс подразумевается пользователем, человек «имеет в виду» виртуальную информацию, предполагает ее наличие в глубине дискурса Сети. Чтобы увидеть виртуальный субдискурс, пользователю следует совершить некие операции, какие-то действия (мышкой компьютера открыть ссылку, новую вкладку, интернет-окно), в результате чего виртуальный дискурс станет реальным, видимым.

Еще одной важной характеристикой структуры дискурса Сети становится открытость и закрытость ее субдискурсов. Открытость субдискурса подразумевает возможность его развития, расширения, углубления, детализации. Закрытость субдискурса выражается в невозможности выйти за рамки поданной информации, отсутствии необходимости развития субдискурса. Примером закрытого субдискурса можно назвать расписание электричек, размещенное на городском портале: внутри этого расписания нет гиперссылок, нет переходов и выходов на новые информационные пространства, есть конкретная информация, которая корректируется модератором портала. Открытость и закрытость как структурные характеристики субдискурсов могут проявиться только на фоне целого, на фоне глобального дискурса Интернета, в составе которого находится множество дискурсивных образований, пребывающих в движении и взаимодействии.

Открытые субдискурсы представляют собой интересное пространство с точки зрения тематического расширения субдискурсов, их серьезного тематического преобра-

зования, которое удобно показать на примере интернет-СМИ. Суть тематического преобразования сводится к тому, что при помощи гиперссылок журналисты могут расширять значение субдискурса, той темы, которая предлагается в публикации, причем расширение темы может быть настолько мощным, что первоначально предложенная тема изменяется до неузнаваемости. При помощи тематического преобразования можно проследить, как субдискурсы образуются, вытекают один из другого, расширяются и приобретают самостоятельность. Обратимся к примерам.

Авторы ресурса «Газета.ru» 25 июня 2014 г. предлагают читателям материал «Фейковая наука», главная мысль которого заключается в том, что Российский гуманитарный научный фонд опубликовал список научных журналов, присутствующих в базах «Web of Science» и «Scopus», однако в этот список попали несуществующие журналы. Расширение указанной темы в материале происходит благодаря активным, гиперссылочным элементам, отсылающим читателя к тематически близким субдискурсам, обозначенным в тексте ссылками: «ВАК», «РГНФ», «американское издательство Springer». Для автора материала становится важным дать ссылки на сопутствующие раскрываемой в публикации теме субдискурсы. При этом выбор места для тега автор определяет сам, ориентируясь на смысловую связь ссылки и подаваемого в материале тезиса. Допустим, ссылка «ВАК» стоит в тезисе о необходимости ваковских публикаций для предоставления диссертации на защиту. Ссылка «РГНФ» поставлена в формулировке главной мысли публикации, которая по своему значению является обвинительной в адрес РГНФ. Расставленные в материале гиперссылки становятся сигналами для читателя о наличии дополнительных сведений, детализирующей информации. Перейдя по ссылкам, читатель открывает для себя новое информационное пространство, с которого тоже по новым отсылочным элементам может перейти на другие информационные поля. Например, с гиперссылки «ВАК» читатель попадает на страницу того же издания, где видит новые, самостоятельные материалы: «Мусорные диссертации — бессрочно» (об отмене срока давности по жалобам на списанные диссертации), «Научно-липовый бум» (о китайском нелегальном рынке «липовых» публикаций с высоким импакт-фактором), «Этим он снял камень с души» (о том, что ВАК удовлетворила просьбу министра правительства Москвы А. Комиссарова лишить его ученой степени в связи

с заимствованиями в его диссертации) и другие материалы. С одной стороны, все эти связанные гиперссылками публикации относятся к одной тематической группе, к одному дискурсу — «Чистоплотность научных работ», — однако каждая ссылка открывает новый ракурс, новый аспект темы, новую сторону общего дискурса. В итоге читатель уходит от основной темы. Шагая по ссылкам от материала к материалу, пользователь постепенно меняет тему. От проблемы несуществующих журналов он переходит к теме «черного» китайского рынка научных публикаций, от него по ссылке «Science» оказывается на странице с материалом «Рублем за американскую науку», где раскрывается вопрос взаимоотношений представителей науки США и России, между которыми возник конфликт на почве осложнившейся политической ситуации на Украине. С данного материала гиперссылки уже ведут читателя к материалам, посвященным политике и войне на Юго-Востоке Украины. Описание политической ситуации на Украине снабжается ссылкой «История взаимоотношений Украины и России», которая переводит на исторические материалы, справочную информацию, аналитические статьи и блоги, которые ведут читателя к новым субдискурсам — об экономике Украины и других стран, культурных особенностях разных народов, менталитете представителей разных стран и т. д. На этом приостановим увлекательный переход по ссылкам от материала к материалу интернет-СМИ. Сделаем некоторые выводы.

Итак, расширение и преобразование тематики интернет-публикации — это внутреннее свойство дискурса Интернета. Ссылочно-отсылочные элементы позволяют сочетать сближенные на основании общего тезиса или предмета речи, иллюстрации или аналогии материалы. При помощи гиперссылок обнаруживается взаимосвязь тематически близких публикаций. Появляется возможность переводить пользователя с одной интернет-страницы на другую, открывая для него новые информационные поля, предлагать больший объем информации. Открывающиеся информационные пространства изначально связаны с темой первоначального материала, но чем дальше пользователь переходит по ссылкам, тем большее тематическое преобразование происходит. От темы «Фейковые научные журналы» читатель по ссылкам перешел к теме «Война на Украине», и при этом он не покидал пространство выбранного интернет-издания, не выходил за рамки номера издания «Газета.ru» от 25 июня 2014 г. Темати-

ческое преобразование демонстрирует, что все возникающие темы могут превратиться в самостоятельные субдискурсы, составляющие глобальный дискурс интернет-СМИ (шире — дискурс Интернета), что все они взаимосвязаны и постоянно находятся в движении. Тематическое преобразование подчеркивает действие названного выше принципа структурного соотношения субдискурсов в Сети («трехмерное дерево», или «матрешка»). При тематическом преобразовании видно сочетание возникающих субдискурсов на основании связи «род — вид» (родовой дискурс «Фейковая наука» включает видовые субдискурсы «Поддельные научные работы в Китае», «Списанные диссертации», «Лишение ученой степени»). Видно и нарастание самостоятельных субдискурсов: «Фейковая наука», «Научные связи Америки и России», «Политическая ситуация на Украине» и т. д.

Принцип связи субдискурсов «трехмерное дерево» («матрешка») воплощается в столь мощном тематическом расширении, что главная мысль первично заявленного субдискурса начинает взаимодействовать с главными мыслями соседствующих субдискурсов, связанных с первичным по какому-либо основанию (автор, действующее лицо, событие, проблема и др.). Трехмерность дискурса Сети доказывает, что привычный плоскостной анализ текстов в Интернете невозможен. Всякий текст в Интернете связан с множеством других, что приводит к необходимости анализа трехмерного образования. Например, сообщение о сбитом малайзийском самолете над Донецком в июле 2014 г. одновременно соотносится с сообщениями о сбитом Ту-154 в 2001 г., с материалами экспертов об украинском и российском вооружении, с текстами — обвинениями в адрес России, Украины и Донецкой Народной Республики. Все эти тексты связаны и действующим лицом (Украина), и событием (сбиты два самолета), и проблемой (выявление виновных и доказательство вины). При этом все материалы создаются в разное время с 2001 по 2014 г. Их совмещение приводит к наращиванию деталей (количество погибших, причины крушения, основания обвинения украинских военных, непризнание ими вины, анализ оружия, приведшего к трагедии, и т. д.). Все это в конечном итоге становится причиной серьезного расширения тематического пространства, появления новых субдискурсов в глобальном дискурсе Сети. При помощи наращивания количества сообщений, сочетания субдискурсов, сопоставления многочисленной информации формируется главная мысль

того информационного пространства, которое строит для себя каждый пользователь Интернета. Следует отметить, что тематическое расширение осуществляется не только при помощи ссылок, расположенных внутри журналистской публикации. Тематически связанные тексты располагаются в виде анонсов-гиперссылок рядом с материалом, в виде активных ссылок-врезок внутри материала, в колонках справа или слева от публикации. При этом внимание читателя акцентируется на данных тематически связанных компонентах иллюстрациями, подчеркиванием и другими параграфемными средствами.

Подчеркнем еще раз, что тематическое расширение подчеркивает и принципиальное для интернет-дискурса сочетание виртуального и реального. Реальные, т. е. открытые, видимые материалы, становятся неким путем, тропой к скрытой, виртуальной информации, тематически близкой к той, что реально представлена читателю в виде конкретного журналистского материала. Через гиперссылки читатель попадает на новые интернет-площадки, превращает в реальные скрытые, виртуальные сведения.

Сложное переплетение разнообразных субдискурсов в глобальном дискурсе Интернета, переход одной темы в другую, возможность ухода от одного предмета речи к другому — всё это доказывает жизнеподобие Сети, ее близость к реальной действительности. Интернет — это технически организованная копия жизни, это дискурс, составленный по подобию дискурса самой жизни. Интернет как медиа отражает всё информаци-

онное и событийное богатство реальной действительности. И каждый субдискурс открыт для пользователя и является сложной организацией, постоянно развивающейся. Благодаря техническим возможностям пользователь сам формирует информационное поле в Интернете. Это подчеркивает не только разнообразие, многотемность Сети, но и ее манипулятивный потенциал. Сочетание субдискурсов в структуре Интернета, их накопление, параллельность существования и возможность одновременного просмотра — всё это усиливает эффект воздействия на пользователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт П. S/Z.* — М. : Ad Marginem, 1994.
2. *Горина Е. В., Лазарева Э. А.* Структурно-содержательные признаки дискурса Интернета (на примере субдискурса о событии «Падение метеорита») // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2013. № 21 (312). С. 315—319.
3. *Интернет-коммуникация* как новая речевая формация: коллект. моногр. / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. — М. : Флинта: Наука, 2012.
4. *Интернет-СМИ: теория и практика* : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. М. Лукиной. — М. : Аспект Пресс, 2011.
5. *Лазарева Э. А.* Системно-стилистические характеристики газеты. — Екатеринбург, 1993.
6. *Скворцов О. Г., Лазарева Э. А., Горина Е. В.* Дискурс Интернета : моногр. — Екатеринбург : Ин-т междунар. связей, 2009.
7. *Филатова О. Г.* Интернет как масс-медиа // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. науч. тр. — СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 232—240.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Э. А. Лазарева.

А. В. Гришин А. V. Grishin
Брянск, Россия Bryansk, Russia

**ПРОБЛЕМА ЗАКЛЮЧЕНИЯ
СОВЕТСКО-АНГЛИЙСКОГО
ТОРГОВОГО СОГЛАШЕНИЯ 1921 ГОДА
В РАБОТАХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ
АВТОРОВ ПЕРИОДА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»**

Аннотация. Статья подготовлена по материалам британских и американских историков. Она касается вопроса заключения англо-советского торгового соглашения. Рассматриваются экономические и политические мотивы, заставившие британское правительство пойти на сближение с Советской Россией. Прослеживаются проблемы, которые возникли на пути к заключению этого соглашения. Отдельно рассмотрен вопрос о взаимной пропаганде и проблемы британских подданных, попавших в плен на территории Советского Азербайджана. Выделяется роль Дэвида Ллойд Джорджа в деле подписания соглашения. Оценивается значение торгового соглашения для обеих сторон.

Ключевые слова: Советская Россия; Великобритания; торговое соглашение; Д. Ллойд Джордж; Г. В. Чичерин; Л. Б. Красин; Антанта; НЭП; большевики; пропаганда; переговоры; пленные; Азербайджан; Р. Уллман; Дж. Кеннан; У. и З. Коутс; период холодной войны.

Сведения об авторе: Гришин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент.

Место работы: Брянский филиал Финансового университета при Правительстве РФ.

Контактная информация: 241050, г. Брянск ул. Дуки, 61.
e-mail: al-grishin@mail.ru.

**THE PROBLEM OF CONCLUSION
OF ANGLO-SOVIET TRADE AGREEMENT
OF 1921 IN WORKS
OF ENGLISH AND AMERICAN AUTHORS
DURING THE COLD WAR PERIOD**

Abstract. The article is written on the basis of materials published by British and American historians. It deals with the problem of conclusion of Anglo-Soviet trade agreement and studies the economic and political reasons which brought the British government closer to Soviet Russia. The author finds out the difficulties which were met on the way to conclusion of this agreement. Special attention is paid to mutual propaganda and the problem of British citizens who were taken war prisoners on the territory of Soviet Azerbaijan. The role of David Lloyd George in signing the agreement is specially singled out. The importance of the agreement for both parties is evaluated.

Key words: Soviet Russia; Great Britain; trade agreement; David Lloyd George; G. V. Chichern; L. B. Krasin; the Entente; New Economic Policy; Bolsheviks; propaganda; talks; war prisoners; Azerbaijan; P. Ullman; G. F. Kennan; W. & Z. Coats; the cold war period.

About the author: Grishin Aleksandr Vladimirovich, Candidate of History, Associate Professor.

Place of employment: Bryansk Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation.

Среди всех внешнеполитических актов Советской России, относящихся к 1921 г., наибольшее внимание в англо-американской историографии приковано к подписанию советско-английского Торгового соглашения. Подобные договоры с другими капиталистическими странами упоминаются чаще всего лишь вскользь и в порядке перечисления [Shuman 1946: 189; Ullman 1972: 453; White 1985: 20—21]. При рассмотрении событий 1924 г. внимание западных историков вновь сосредоточено в первую очередь на англо-советских отношениях: рассмотрение процесса дипломатического признания Советского государства другими западными странами является большей частью чисто конспективным [Gathorne-Hardy 1950: 106—107; Donnelly 1965: 40—41; Mowat 1931: 286]. Тем самым подчеркивается особая роль Великобритании как своего рода флагамена в отношениях между западным миром и Россией.

Еще до окончания гражданской войны на территории бывшей Российской империи западными правящими кругами были предприняты попытки по крайней мере ограниченного упорядочения отношений с Россией. 16 января 1920 г., в основном под давлением премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа, который, по мнению Дж. Кеннана, во многом скептически относился к целесообразности интервенции в Россию [Kennan 1960: 36], Верховный совет Антанты отметил экономическую блокаду России. Одновременно были одобрены переговоры, целью которых являлось возобновление обмена товарами между Россией и союзниками. Этот шаг давал возможность отдельным правительствам западных стран формировать собственную независимую политику в отношении Советской России [Ibid.: 36].

Провал попытки союзников посредством интервенции и активной поддержки белогвардейского движения свергнуть новую,

советскую власть заставил британское правительство взглянуть правде в глаза. Суммируя свою политику в отношении России, Кабинет министров пришел 29 января 1920 г. к следующему выводу: «Не может быть и речи о ведении открытой войны против большевиков по той причине, что у нас нет ни людей, ни денег, ни кредита и общественное мнение также настроено против такого курса» [Adamthwaite 1980: 38]. Ллойд Джорджем была сформирована межминистерская комиссия по торговле с Россией с целью координации действий между различными правительственными ведомствами Великобритании в отношении Советской республики. Задачей комиссии ставилось определение «условий для включения в торговое соглашение, если Кабинет решит, что такое соглашение является желательным» [Ullman 1972: 411].

Что подчеркивают практически все англо-американские авторы в связи с началом торговых отношений с Россией? Во-первых, началу нормализации связей между западным миром и советским государством способствовали окончание Гражданской войны и провал иностранной интервенции в Россию. Как отмечает, в частности, Р. Датт, «первый раунд борьбы между капитализмом и социализмом в сфере вооруженного столкновения закончился победой социалистических сил» [Dutt 1936: 278]. Во-вторых, введение НЭПа в России казалось западным политикам возвращением к традиционному ведению хозяйства, в связи с чем возникали перспективы восстановления нормальных взаимоотношений. Историки отмечают, что в капиталистическом мире существовало заблуждение, будто НЭП является отступлением со стороны советских властей [Stern 1968: 78; Northedge, Wells 1982: 31; Dutt 1936: 279], поэтому у западных политиков возникло убеждение в том, что большевизм можно было побороть «честными коммерческими методами» [Dutt 1936: 280].

17 мая 1920 г. советские представители прибыли в Лондон для ведения переговоров с целью заключения торгового соглашения. По свидетельству У. и З. Коутс, установленный контакт был тепло принят лейбористской и либеральной печатью, но саркастически осужден газетами консерваторов [Coates W. P., Coates Z. 1945: 27]. «Manchester Guardian» язвила: «Большевик, настоящий живой представитель Ленина, разговаривал с британским премьер-министром лицом к лицу... Ллойд Джордж смотрел на него и до сих пор жив... Британская империя выстояла» [Shuman 1946: 189].

2 июля 1920 г. глава советской делегации на переговорах Л. Б. Красин отправился

в Москву, увозя документ с условиями британского правительства по заключению соглашения. В документе говорилось о готовности заключить соглашение о взаимном прекращении враждебных действий и о возобновлении торговых отношений на следующих условиях: каждая сторона обязывалась воздерживаться от враждебных действий или мероприятий, направленных против другой стороны, и от ведения какой-либо официальной пропаганды; вопрос о долгах и взаимных претензиях друг к другу в этой области откладывался до созыва мирной конференции [ДВП: 17—18]. В ноте от 7 июля Наркоминдел согласился принять британские условия. Достигнутое согласие по принципиальным вопросам будущего торгового соглашения воспринималось большевиками по-своему. Так, по крайней мере, утверждает британский историк Х. Сабауи: принятие условий британской стороны, среди которых главное для англичан место занимал отказ русских от ведения пропаганды на Востоке, рассматривалось советскими лидерами (Сабауи ссылается на Красина) как в лучшем случае декларация о намерениях; Чичерин, в свою очередь, позднее настаивал, чтобы британские условия рассматривались просто как «изложение принципов», которое должно было обрести конкретную форму в ходе англо-советской политической конференции [Sabahi 1990: 88—89]. При этом автор неоднократно показывает, что советские лидеры не были склонны смешивать исключительно коммерческие вопросы с политическими, к каковым они относили вопрос об отказе от пропаганды [ibid.: 84—89].

Хотя видимое согласие и было достигнуто, оформилось соглашение лишь в марте 1921 г. Причин такой отсрочки было несколько. По замечанию защищающих позицию Советской России У. и З. Коутс, в то время, когда переговоры должны были успешно завершиться, они внезапно были остановлены из-за событий, совершенно с ними не связанных [Coates W. P., Coates Z. 1945: 34]. К ним Коутс относит прежде всего обстоятельства Советско-польской войны и, как следствие, требование англичан урегулировать конфликт, что, по словам историков, представляло собой «неприкрытое вероломство со стороны британского правительства», поскольку в ноте последнего от 30 июня не было никакого упоминания о Польше или советско-польских отношениях [ibid.: 35].

Советско-польская война как серьезное препятствие в советско-английских переговорах, «угрожавшее стабильности в Центральной Европе и всей версальской систе-

ме в целом», упоминается также в книге С. Уайта [White 1985: 20]. Коутс же, помимо нее, указывают на проблему военнопленных, вызывавшую «значительное раздражение» и у Уайтхолла, и у Кремля [Coates W. P., Coates Z. 1945: 47], а также «бесконечные вопросы о „враждебной пропаганде“ и „актах вражды“ с обеих сторон, разрешить которые было не легко» [Ibid.: 49].

1 октября лорд Керзон направил Г. В. Чичерину ноту, основная часть которой была посвящена продолжавшемуся содержанию под стражей британских подданных — делу, которое, как отмечает Р. Уллман, уделивший в своем исследовании значительное место вопросу о пленных, могло объединить британский кабинет, несмотря на то, что другие вопросы, связанные с Россией, разобщали его [Ullman 1972: 400]. По информации Р. Уллмана, этими пленными были 5 офицеров и 27 матросов британского флота, которые направлялись из Константинополя в Энзели через Баку, где и были задержаны советскими властями в конце апреля 1920 г. К ним добавились еще 11 военных и 9 гражданских британцев. Информацию о бакинских пленниках мы находим также у Х. Сабауи, который, однако, упоминает 3 морских офицеров и 30 матросов [Sabahi 1990: 77].

Еще 11 февраля в Копенгагене было заключено англо-советское соглашение об обмене военнопленными [Кеннан 1960: 36]. Процесс обмена начался, однако к лету закончен не был. Но Керзона волновали не те британские подданные, которые еще находились на территории России, а пленные, удерживаемые в Баку. Из всех британцев, находившихся в руках советских властей, именно к ним было приковано особое внимание и правительства, и общественного мнения страны. Сам факт, что их заключение продолжалось, несмотря на протесты из Лондона, стал в Великобритании, по утверждению Уллмана, свидетельством безрассудства попыток достичь согласия с большевиками [Ullman 1972: 403].

Бакинские пленники были помехой для российских властей, которые в течение июля направили ряд нот, утверждавших, что эта проблема — дело исключительно Великобритании и Республики Азербайджан. С тем, что Азербайджан был независим от Москвы, лорд Керзон категорически не согласился, однако Ллойд Джордж, дабы спасти переговоры, публично сделал именно такое заявление в палате общин [Ibid.: 406]. В конце концов 11 августа Керзон обратился напрямую к Баку [Documents on British Foreign Policy 1962: 761], но оттуда ответили, что пленные будут отпущены взамен на свободу ке-

малистов, содержавшихся под стражей на Мальте; это предложение было отвергнуто [Ibid.: 768—769].

К октябрю 1920 г. британские власти уже неоднократно оказывали давление на советское руководство, подчеркивая, что содержание под стражей бакинских пленных создает серьезную угрозу перспективам англо-советского соглашения. Р. Уллман в своей книге приводит ряд официальных заявлений Ллойд Джорджа и Бонар Лоу о невозможности продолжать переговоры о торговом соглашении, пока британские подданные не будут освобождены из-под стражи [Ullman 1972: 408]. В своей ноте от 1 октября Керзон предупреждал о разрыве переговоров. В ультимативной форме он угрожал, что если до 10 октября англичане не получат подтверждения того, что условия освобождения бакинских пленников готовы, то они предпримут любые действия, которые сочтут необходимыми, для обеспечения их освобождения [ДВП: 244].

В конечном итоге 1 ноября было подписано соглашение об освобождении всех пленных британцев в Баку и переправке их в Тифлис [Там же: 313]. В течение ноября 1920 г. завершился полный обмен военнопленными между правительствами Советской России и Великобритании. Это, как считает Р. Уллман, устранило серьезное препятствие к восстановлению нормальных двусторонних взаимоотношений [Ullman 1972: 410].

По мнению Р. Уллмана, премьер-министр был уверен, что остальные аргументы против продолжения переговоров — необходимость дождаться прекращения антибританской деятельности на Востоке, а также признания Россией всех долгов — политически были гораздо менее сильными [Ibid.: 415]. Сам историк убежден, что один из этих вопросов, а именно проблема пропаганды, серьезным никогда не являлся [Ibid.: 429]. Впрочем, проблему долгов он, как и Коутс, утрирует до требований отдельных представителей торговых и финансовых кругов [Coates W. P., Coates Z. 1945: 44—45]. Однако, если открыть работу Х. Сабауи, представится, что проблема «пропаганды» была не столь простой и постоянно вспоминалась при обсуждении англичанами вопроса о заключении соглашения с Россией. Стараясь прямо ничего не утверждать, автор на фактах показывает, как важно было для англичан добиться прекращения советской пропаганды на Востоке и какое большое значение они придавали включению положений об этом в проект соглашения [Sabahi 1990: 127—129]. В преамбуле врученного Красину проекта соглашения говорилось о том, что

советское правительство должно воздерживаться от попыток действием или пропагандой побуждать народы Азии ко враждебным действиям против британских интересов, особенно в Малой Азии, Персии, Афганистане и Индии. Согласно Х. Сабауи, Москва изначально заняла позицию, согласно которой детальное обсуждение пропаганды в оговариваемых странах могло быть проведено на политической конференции между двумя странами. И Красин пытался убедить Ллойд Джорджа, что не было необходимости упоминать отдельные страны ввиду общего обязательства советского правительства воздерживаться от пропаганды против британских интересов в Азии. Красин заявил: «С того момента, как соглашение было бы подписано, конечно, советское правительство прекратило бы всю пропаганду в Персии, Афганистане, Индии и других странах». Но Ллойд Джордж напомнил, что для него невозможно добиться утверждения такого соглашения без удовлетворения интересов тех, кто больше всего настаивал на прекращении пропаганды в упомянутых странах [Sabahi 1990: 128].

Проект договора был официально отправлен Красину в конце ноября. При этом Уллман отмечает, что за период между августом 1920 г. и мартом 1921 г. появилось не менее четырех британских проектов соглашения и по крайней мере один советский; хотя все эти версии отличались по форме, их основное содержание оставалось фактически неизменным с момента появления первого проекта до подписания окончательного договора [Ullman 1972: 421].

В течение трех недель декабря 1920 г. Красин в неофициальных встречах с британскими представителями обсуждал проект соглашения. На этих совещаниях были выработаны детали установления торговых связей. В начале января Красин уехал в Москву и вернулся в столицу Великобритании 4 марта, а уже 16 марта 1921 г. советско-английское Торговое соглашение было подписано.

Соглашение широко известно, и необходимости лишней раз его пересказывать, на наш взгляд, нет. Следует, однако, подчеркнуть, что оно носило не только экономический, но и политический характер, накладывая на стороны ряд обязательств, без которых в конкретной исторической обстановке невозможно было и говорить о возобновлении нормальных отношений. Определяющими для советско-английских отношений и имеющими первостепенную важность в двусторонних контактах по сути для всего исследуемого периода стали обязательства

воздерживаться от любых враждебных действий и ведения какой-либо пропаганды против другой договаривающейся стороны. Советское правительство обещало воздерживаться от любых попыток деятельностью или пропагандой побуждать народы Азии к враждебным действиям против Великобритании или британских интересов, особенно в Индии и Независимом Государстве Афганистан. Английское правительство брало на себя такое же обязательство в отношении стран, ранее входивших в состав Российской империи.

Соглашение рассматривалось как временное. Было условлено, что решение вопроса о взаимных претензиях сторон должно быть сформулировано в общем мирном договоре, заключение которого предполагалось в возможно скором времени [ДВП: 607—614].

Для Советской России соглашение с Англией имело огромное значение, так как оно было первым договором, заключенным с великой капиталистической державой. По словам Уайта, сам факт его подписания был гораздо важнее его условий: советское правительство было де-факто признано капиталистическим государством [White 1985: 20].

Такая оценка не является единичной ни в англо-американской, ни в отечественной литературе. Интерес представляет рассмотрение западными историками причин, по которым Торговое соглашение все же было заключено. Авторы в первую очередь излагают причины британской стороны, поскольку советские мотивы кажутся очевидными. Итак, Д. Кеннан в своей достаточно тенденциозной работе говорит о кризисе перепроизводства в западном послевоенном мире и об острой борьбе за рынки сбыта; российский рынок привлекал западных предпринимателей, и прежде всего англичан [Кеннан 1961: 194—195], которых историк обвинил в отсутствии «международной солидарности» в отношении ведения дел с Россией и стремлении «поставить надежду на выгоду выше необходимости единства политики» среди западных держав. Он утверждает, что фактом, разоблачающим англичан, является спешное подписание соглашения после долгих месяцев сомнений после того, как до британцев дошла информация о советском желании разместить заказы на строительство локомотивов в Германии [Ibid.: 197].

Интерес представляет также оценка соглашения, данная в весьма тенденциозной работе Р. Моузта, вышедшей спустя ровно 10 лет после описываемых событий. Автор утверждает, что «соглашение имело неутешительные результаты», поскольку оно не

устранило «величайшего препятствия» для ведения нормальных отношений, а именно советскую государственную монополию внешней торговли. Здесь позиция автора не совсем ясна. К тому же историк жалуется, что антибританская пропаганда на Востоке так и не была прекращена [Mowat 1931: 282].

Англо-советское соглашение послужило сигналом западному миру к возобновлению отношений с Россией. 6 мая 1921 г. было заключено советско-германское соглашение, которое признало представительство РСФСР единственным законным представительством Российского государства в Германии и предоставило ему дипломатические права и привилегии. Правительство Италии 26 декабря одобрило предварительное соглашение, своим содержанием сильно походившее на советско-английское Торговое соглашение. За несколько месяцев до этого, 2 сентября, было заключено советско-норвежское торговое соглашение, возобновлявшее отношения между двумя странами.

Советская Россия вступала в новый, 1922 год страной, сумевшей установить контакты с западным миром. Тем не менее Европа была все еще не готова разговаривать с Россией на равных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Документы* внешней политики СССР = ДВП. — М., 1959. Т. 3.
2. *Adamthwaite A.* The Lost Peace: International Relations in Europe. 1918—1939. — London, 1980.
3. *Coates W. P., Coates Z.* A History of Anglo-Soviet Relations. — London, 1945.
4. *Documents on British Foreign Policy.* 1919—1939. First series. — London, 1962. Vol. 12.
5. *Donnelly D.* Struggle for the World. The Cold War, 1917-1965. — N. Y., 1965.
6. *Dutt R. P.* World Politics, 1918—1936. — London, 1936.
7. *Gathorne-Hardy G. M.* A Short History of International Affairs, 1920—1939. — London, 1950.
8. *Kennan G.* Russia and the West under Lenin and Stalin. — Boston, Toronto, 1961.
9. *Kennan G.* Soviet Foreign Policy, 1917—1941. — Princeton, 1960.
10. *Mowat R. B.* A History of European Diplomacy, 1914—1925. — N. Y. ; London, 1931.
11. *Northedge F. S., Wells A.* Britain and Soviet Communism: The Impact of Revolution. — London, 1982.
12. *Sabahi H.* British policy in Persia, 1918—1925. — London, Portland, 1990.
13. *Shuman F. L.* Soviet Politics at Home and Abroad. — N. Y., 1946.
14. *Stern G.* The Foreign Policy of the Soviet Union // The Foreign Policies of the Powers: Studies in International Politics. — London, 1968. P. 69—110.
15. *Ullman R. H.* The Anglo-Soviet Accord. — Princeton, 1972.
16. *White S.* The Origins of Détente: The Genoa Conference and Soviet-Western Relations, 1921—1922. — Cambridge, 1985.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

УДК 811.161.1'272
ББК Ш141.12-006

ГСНТИ 16.21.29

Код ВАК 10.02.19

Е. В. Дзюба E. V. Dziuba
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА
КАК КАТЕГОРИЯ РУССКОГО
«НАИВНОГО» СОЗНАНИЯ**

**INTELLECT OF A POLITICIAN
AS A CATEGORY OF RUSSIAN
NAÏVE CONSCIOUSNESS**

Аннотация. На основании данных ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей русского языка от 17 до 85 лет, рассматривается структура категории «интеллект политика», определяются специфические черты данной категории (абстрактность, открытость и «рассеянность» структуры, отсутствие плотного ядра и т. п.), выявляются существенные признаки и факторы ее формирования, отмечается отличие наивного представления носителей русского языка о категории «интеллект политика» от научной категоризации интеллекта.

Abstract. On the basis of the data of an association experiment conducted with native speakers of Russian aged 17 to 85 the article studies the structure of the category of “intellect of a politician”, defines the specific features of this category (abstractedness, openness and diffusion of the category, absence of a solid nucleolus, etc.). The author reveals the essential features and factors of the formation of the category and marks the difference of the naïve conception of the native speakers of Russian about the category of “intellect of a politician” from the scientific categorization of intellect.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; категоризация; интеллект; политическая сфера.

Key words: cognitive linguistics; categorization; intellect; political sphere.

Сведения об авторе: Дзюба Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Dziuba Elena Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Doctor Degree Applicant of Department of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 285.
e-mail: elenacz@mail.ru.

Проблемами языковой категоризации традиционно занимается когнитивная лингвистика, которая сосредоточивает внимание на процессах познания мира человеком, систематизации знаний с помощью категорий языка, вербализации этих знаний и представлений. Важность изучения названных ментальных процедур подчеркивают зарубежные и отечественные исследователи (А. Вежбицка, Р. Джакендофф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Э. Рош, Ж. Фоконье, Ч. Филлмор и др.; Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, Р. М. Фрумкина, А. П. Чудинов и др.).

Все еще актуальными для современной отечественной когнитологии являются вопросы о структуре категорий и их составляющих, о взаимоотношениях единиц категорий, о возможности конечного описания существенных признаков категорий, о значении достижений теории категорий для лексикографии и т. д.

Предметом данного исследования является описание структуры и существенных признаков категории «ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА» в том виде, как это представляется носителям русской лингвокультуры. Основ-

ным методом исследования был ассоциативный эксперимент, проведенный в два этапа среди носителей русского языка (было опрошено 600 человек в возрасте от 17 до 85 лет). **На первом этапе** респондентам предлагалось ответить на следующий вопрос: *Имена каких политических деятелей у Вас ассоциируются со словом **интеллект**?* Это задание имело целью выявить наиболее и наименее типичных представителей интеллектуальной политической элиты в сознании современных носителей языка. При этом ни национальных, ни хронологических, ни каких-либо иных ограничений не устанавливалось. Результаты выполнения первого задания представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты анализа ответов на вопрос
«Имена каких политических деятелей у Вас
ассоциируются со словом „интеллект“?»

Имя политика	Кол-во упоминаний	Доля упоминаний, %
В. В. Путин	324	54
Петр I	168	28
Д. А. Медведев	162	27
В. И. Ленин	136	22,66
В. В. Жириновский	114	19
И. В. Сталин	90	15

Продолжение таблицы 1

Имя политика	Кол-во упоминаний	Доля упоминаний, %
Уинстон Черчилль	64	10,66
Екатерина II	60	10
Маргарет Тэтчер	54	9
П. А. Столыпин	52	8,66
Гай Юлий Цезарь	50	8,44
Наполеон Бонапарт	48	8
Теодор Рузвельт	48	8
Адольф Гитлер	34	5,66
Александр Македонский	34	5,66
Ангела Меркель	34	5,66
Николай II	30	5
Карл Маркс	26	4,33
С. М. Миронов	24	4
И. М. Хакамада	24	4
Г. А. Явлинский	24	4
Г. А. Зюганов	23	3,83
Иван Грозный	22	3,66
Александр I	22	3,66
Авраам Линкольн	22	3,66
М. С. Горбачев	21	3,5
Б. Н. Ельцин	21	3,5
М. Д. Прохоров	20	3,33
Владимир Мономах	15	2,5
С. Ю. Витте	15	2,5
Индира Ганди	15	2,5
А. С. Мишарин	15	2,5
Барак Обама	14	2,33
Ярослав Мудрый	13	2,16
М. И. Кутузов	13	2,16
Фридрих Энгельс	12	2
Л. Д. Троцкий	12	2
Джон Кеннеди	12	2
Ю. В. Тимошенко	12	2
Дж. Вашингтон	11	1,83
Александр Невский	10	1,66
Отто Бисмарк	10	1,66
Н. С. Хрущев	9	1,5
С. В. Лавров	9	1,5
Йозеф Геббельс	8	1,33
Ю. В. Андропов	8	1,33
Г. К. Жуков	7	1,16
А. Д. Сахаров	7	1,16
В. П. Лукин	6	1
А. В. Суворов	5	0,83
Александр III	5	0,83
Дмитрий Донской	4	0,66
М. М. Сперанский	4	0,66
Соломон	4	0,66
Цицерон	4	0,66
Макиавелли	4	0,66
Бенджамин Франклин	3	0,5
Мао Цзэдун	3	0,5
Фидель Кастро	2	0,33
Б. В. Грызлов	2	0,33
В. И. Матвиенко	2	0,33
Е. М. Примаков	2	0,33
С. Г. Шойгу	2	0,33
В. А. Власов	1	0,16
Княгиня Ольга	1	0,16
П. Б. Струве	1	0,16

Окончание таблицы 1

Имя политика	Кол-во упоминаний	Доля упоминаний, %
М. И. Микоян	1	0,16
Л. И. Брежнев	1	0,16
В. М. Молотов	1	0,16
М. И. Калинин	1	0,16
А. Б. Чубайс	1	0,16
Е. Т. Гайдар	1	0,16
А. А. Собчак	1	0,16
А. Л. Кудрин	1	0,16
С. С. Собянин	1	0,16
Чингисхан	1	0,16
Шарль де Голь	1	0,16
Герхард Шрёдер	1	0,16
Вацлав Гавел	1	0,16
Билл Клинтон	1	0,16
Кондолиза Райс	1	0,16
Тони Блэр	1	0,16

Примечание. 31 человек (5,16 %) не дал ответа на поставленный вопрос; 11 человек (1,83 %) указали, что «среди политиков умных людей нет».

С целью выявления структуры категории «ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА» в наивной картине мира полученные ответы (имена собственные) необходимо распределить по пяти группам в зависимости от степени частотности их упоминаний: 1) **сверхчастотные имена** представителей категории (названные более чем 80 % респондентов); 2) **частотные**, распределяемые по двум группам: **высокочастотные**, упоминаемые 60—80 % респондентов, и **среднечастотные**, упоминаемые 30—60 % респондентов; 3) **малочастотные**, названные 10—30 % респондентов; 4) **нечастотные**, названные 5—10 % респондентов; 5) **сверхнечастотные**, названные менее чем 5 % респондентов (см. подробнее о классификации: [Дзюба 2013]).

При распределении имен по указанным группам была отмечена интересная особенность: при обработке данных опроса не были выявлены **сверхчастотные** и **высокочастотные имена**, т. е. ни один политический деятель, который бы считался наиболее умным как минимум 60-ю процентами респондентов, не был назван. Однако это совершенно не значит, что среди политических деятелей настоящего и прошлого России и всего мира нет ни одного высокоинтеллектуального человека. Это, разумеется, не так. Данные показатели могут свидетельствовать, во-первых, о том, что в данной категории число представителей (говоря языком когнитивной лингвистики, членов категории) чрезвычайно велико (это объясняется многовековым опытом исторического развития нашей страны и других государств). Каждая эпоха, каждая страна выдвигает на первый план своих политических лидеров, которые остав-

ляют определенный след в мировой истории. Большое число единиц внутри категории (большой разброс имен) препятствует выявлению сверхчастотной группы онимов.

Во-вторых, отсутствие так называемого плотного ядра в структуре данной категории в виде наиболее часто упоминаемых имен политиков объясняется широтой политических взглядов и убеждений современных россиян, а значит, и широтой предпочтений в выборе тех или иных политических лидеров, партий, направлений и т. п. Таким образом, категория «ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА» на современном этапе развития нашего общества является категорией открытой, т. е. такой категорией, границы которой открыты для новых членов (в сравнении с так называемыми закрытыми категориями, такими как «ВРЕМЕНА ГОДА», «ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ» и подобные, структура которых четко определена, не допускает появления новых членов). Интересно заметить, что если бы подобный опрос проводился в нашей стране, например, в 30-х гг. XX столетия, то, вероятно, категория «ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА» столь размытой и открытой уже не была бы, она имела бы более плотную структуру, четко выраженное ядро в виде тех имен, которые были бы известны всем идеологически грамотным советским людям. В этом списке ключевыми фигурами наверняка были бы В. И. Ленин, Ф. Э. Дзержинский, В. В. Куйбышев, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, С. М. Киров, И. В. Сталин и некоторые другие. Безусловно, в те времена в опросных листах не фигурировали бы имена русских царей или политических деятелей царской России, не были бы представлены иностранные деятели так называемых капиталистических стран и т. п.

Отсутствие плотной структуры и плотного ядра, предельная «размытость» и открытость границ категории «ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА» в настоящее время объясняется, с одной стороны, обширностью и многообразием исторического опыта, с другой — пока еще сохраняющимся политическим плюрализмом российского общества.

В следующую группу — **среднечастотных имен** — по результатам опроса входит имя действующего президента РФ В. В. Путина. Частотность упоминания этого имени определяется не только занимаемой В. В. Путиным должностью, но также обострением внимания российской и мировой общественности к внешнеполитической деятельности нашего государства.

Следующая группа **малочастотных**, но — в силу указанной специфики рассматриваемой категории — весьма актуальных для современных россиян **онимов** представлена

именами Петра I (упомянут 168 респондентами, т. е. 28 %), Д. А. Медведева (136; 7 %), В. И. Ленина (136; 22,66 %), В. В. Жириновского (114; 19 %), И. В. Сталина (90; 15 %), У. Черчилля (64; 10,66 %) и Екатерины II (60; 10 %). Упоминание этих имен неслучайно, со многими из этих политических деятелей связана особая историческая эпоха в развитии российского общества: становление России как великой державы связано в первую очередь с именами Петра I и Екатерины II, крутые переломы в социальном и экономическом укладе российской жизни ассоциируются с именами В. И. Ленина и И. В. Сталина. Объяснимо также появление в данной группе имен Д. А. Медведева, бывшего президента РФ и ныне действующего председателя Правительства РФ, и В. В. Жириновского, бессменного лидера одной из наиболее стабильных из ныне существующих политических партий — ЛДПР, долгое время занимавшего также пост заместителя председателя Госдумы Федерального собрания РФ. Нет никаких сомнений, что достойное место среди интеллектуальных политиков занимает Уинстон Черчилль, британский государственный и политический деятель, дважды занимавший пост премьер-министра Великобритании, почетный член Британской академии, лауреат Нобелевской премии по литературе в 1953 г. Нашим соотечественникам он известен в первую очередь по так называемой «Большой тройке» (И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль), решавшей вопросы о разделе мира и Германии после Второй мировой войны.

Группу нечастотных, но имеющих политический вес для современных россиян имен представляют Маргарет Тэтчер (54; 9 %), П. А. Столыпин (52; 8,66 %), Гай Юлий Цезарь (50; 8,44 %), Наполеон Бонапарт, Теодор Рузвельт (по 48; 8 %), Адольф Гитлер, Александр Македонский, Ангела Меркель (по 34; 5,66 %), Николай II (30; 5 %).

Следует подчеркнуть, что в обыденном сознании интеллектуальный потенциал политиков прошлого в первую очередь связывается с их военно-стратегическими способностями. В этом смысле неслучайны имена выдающихся завоевателей разных эпох (Александра Македонского и Юлия Цезаря, Наполеона и Адольфа Гитлера). Более того, в сознании современных носителей языка категория «ИНТЕЛЛЕКТ», по-видимому, не соотносится с понятием морали, с нравственными ценностями. Среди политиков-интеллектуалов отмечаются не только исторические личности, чья деятельность оценивается на сегодняшний день весьма неоднозначно с этической точки зрения (Ф. Э. Дзержинский, И. В. Сталин

и др.), но даже те деятели, которые оставили след в истории как беспощадные попиратели свободы, равноправия, гуманизма (А. Гитлер).

Важно заметить, что, например, в сознании человека древнерусского периода категория ума была тесно связана с понятием духовности. Так, в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского [Срезневский 1893] у слова «умъ» отмечается такая дефиниция: «душа, совокупность духовных сил». Сема духовности объединяет слова *умный* в первом значении^[1] (ср.: **«умьныи»** — 1) духовный), *разумный* в седьмом значении (ср.: **«разумьныи»** — 7) относящийся к душе, духовный), *сердце* в третьем значении (ср.: **«сърдьце»** — 3) дух, душа, средоточие жизненных сил человека, совокупность ощущений, мыслей и чувствований), *великоумие* в первом значении (ср.: **«великоумиѣ, великоумити**, то же, что *греч.* μεγαλοφροειν — имеющий возвышенный образ мыслей, великий духом, мужественный») и т. д. Иными словами, лексемы *ум*, *разум*, *дух*, *душа*, *сердце*, как это представлено в «Материалах...» И. И. Срезневского, употребляются в роли синонимов, что говорит об отсутствии в сознании средневекового человека четких границ между интеллектуальной, этической и эмоциональной сферами. Обилие характерных для книжного языка русского Средневековья слов, образованных способом сложения, в частности с корневым элементом *ум*, позволяло актуализировать разные (в том числе оценочные) оттенки значения слов и таким образом осваивать нравственные ценности (*великоумие*, *высокоумный*, *доброумный*, *злоумие*, *умовредный*, *умодивный*, *худоумный* и мн. др.). Вероятно, в настоящее время категория интеллекта становится всё более независимой и от эмоциональной, и от этической составляющих духовной жизни человека.

По результатам опроса в группу **нечастотных онимов** попадают также имена П. А. Столыпина, реформатора и государственного деятеля (министра внутренних дел и премьер-министра) времен царской России, и самого императора Российской империи Николая II, последнего русского царя. В круг известных представителей интеллектуальной политической элиты вошла также Маргарет Тэтчер, известная россиянам как «железная леди», резко критиковавшая идеологию Советского государства и одной из первых среди западных политиков одобрявшая реформистские настроения М. С. Горбачева. В эту группу вошла и действующий Федеральный канцлер ФРГ Ангела Меркель.

Остальные онимы, указанные в таблице 1, отнесены к группе **сверхнечастотных**.

Среди попавших в эту группу — имена выдающихся правителей, военачальников, общественных деятелей мировой (Чингисхан, Соломон, Цицерон, Макиавелли) и отечественной истории (княгиня Ольга, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Дмитрий Донской, Александр Невский, Иван Грозный, А. В. Суворов, М. И. Кутузов). Здесь отмечены политики и выдающиеся деятели XIX—XX вв. — российские (Александр I, Александр III, П. Б. Струве, С. Ю. Витте, М. М. Сперанский, Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский, М. И. Калинин, М. И. Микоян, В. М. Молотов, Г. К. Жуков, Л. И. Брежнев, Н. С. Хрущев, Ю. В. Андропов, А. Д. Сахаров, М. С. Горбачев, А. А. Собчак, Б. Н. Ельцин, Е. Т. Гайдар), а также зарубежные (Отто Бисмарк, Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Йозеф Геббельс, Герхард Шрёдер; Дж. Вашингтон, Бенджамин Франклин, Авраам Линкольн, Джон Кеннеди; Шарль де Голь; Вацлав Гавел; Индира Ганди; Мао Цзэдун). Среди современных политиков отмечаются зарубежные лидеры разных стран (Билл Клинтон, Кондолиза Райс, Барак Обама, Тони Блэр, Фидель Кастро, Ю. В. Тимошенко) и представители российских политических партий и направлений, а также руководители разного уровня (В. А. Власов, Б. В. Грызлов, Г. А. Зюганов, А. Л. Кудрин, С. В. Лавров, В. П. Лукин, В. И. Матвиенко, С. М. Миронов, А. С. Мишарин, Е. М. Примаков, М. Д. Прохоров, С. С. Собянин, И. М. Хакамада, А. Б. Чубайс, С. Г. Шойгу, Г. А. Явлинский).

Важно заметить, что категория «ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА» специфична: она является идеальной (абстрактной), оценочной (зависит от оценки субъекта категоризации) и, главное, не предполагающей оппозицию в наивном сознании. Очевидно, что теоретически категория «ИНТЕЛЛЕКТ» имеет внутреннюю градацию и предполагает противоположности, ср.: *тупой* — *глупый* — *неразумный* — *разумный* — *толковый* — *образованный* — *способный* — *умный* — *мудрый*. Однако опрос показывает, что в сознании носителей языка данная категория отнюдь не предполагает оппозицию. Нетипичные и сверхнетипичные образцы (в данном случае — нечастотные и сверхнечастотные имена собственные) вовсе не означают ослабление или отсутствие у представителей категории главного признака — интеллектуальности. Такая закономерность — ослабление существенных признаков категории у ее худших (нетипичных и сверхнетипичных) представителей — прослеживается у многих вещественных категорий. Например, в структуре категории «ОВОЩИ» лучшими (наиболее типичными) являются такие

образцы, как *помидор, огурец, морковь, картофель, свекла и капуста*, потому что они в большей степени обладают существенными признаками категории: они являются плодами травянистых растений, они несладкие на вкус, многие из них, как правило, требуют термической обработки, они используются для приготовления первых и вторых (не десертных) блюд. А вот *авокадо* предстает как нетипичный образец категории «ОВОЩИ», потому что он в меньшей степени обладает существенными признаками данной категории: он, хотя и используется чаще для приготовления несладких блюд, все-таки является плодом древесного растения и имеет косточку внутри, как многие образцы категории «ФРУКТЫ»: *абрикос, персик, слива* и т. п. Следовательно, *авокадо* для обывателей в меньшей степени овощ, чем, например, *картофель* или *помидор*.

Значит ли это, что структура идеальных категорий, таких, например, как категория «ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА», подчиняется тем же законам организации, что и вещественные категории? Вряд ли в данной категории действуют другие законы структурирования. Политики, чьи имена попали в группу нетипичных и сверхнетипичных, вовсе не осмысляются носителями языка как глупые, необразованные, неинтеллектуальные люди. В отечественных и зарубежных СМИ продолжительное время (с 2004 г. и по настоящее время) обсуждается вопрос якобы невысокого уровня коэффициента интеллекта Джорджа Буша-младшего (см. некоторые статьи на данную тему: [Borovik; Newsru; Самый глупый президент; Яgazeta] и мн. др.). Однако это имя не было упомянуто ни одним из респондентов, хотя большинство из опрошенных — молодые люди, активные пользователи ресурсов Сети. Нечастотное и сверхнечастотное упоминание многих имен политиков обусловлено целым рядом факторов: степенью осведомленности респондентов в области истории и политики, уровнем политической информированности и убеждениями информантов, «обсуждаемостью» деятельности того или иного политика в СМИ, степенью известности политика (некоторые из политиков — чиновники местного значения) и т. д. Таким образом, при осмыслении категории «ИНТЕЛЛЕКТ» носители языка предполагали именно наличие интеллектуальных способностей, слабое проявление признака интеллектуальности или отсутствие ума вообще информантами не фиксировалось, что позволило сделать вывод о существенной разнице в наивной и научной категоризации: в науке интеллект понимается как категория градуированная, предпола-

гающая разные степени проявления признака интеллектуальности, в том числе оппозиционные, диаметрально противоположные. В наивной картине мира, как показывает опрос, осмысляется только **наличие** интеллекта у представителей категории. Более того, эта категория если и является градуированной, то не в отношении собственно признака интеллектуальности: оценивается скорее степень известности и масштабности личности, степень исторического значения деятельности политика для развития страны.

На втором этапе анкетирования было опрошено 250 человек в возрасте от 17 до 63 лет. Респондентам предлагалось два задания. В первом задании требовалось продолжить фразы такого рода: *В. В. Путин — умный политик, потому что...; Петр I — умный политик, потому что...; Д. А. Медведев — умный политик, потому что...; В. И. Ленин — умный политик, потому что...* и т. д. Второе задание предполагало ответ на следующий вопрос: «*Какие интеллектуальные качества наиболее важны для успешного политического деятеля?*». Эти задания были нацелены на определение набора существенных признаков категории «ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА» и на выявление возможной ее близости иным категориям человеческого сознания.

Среди наиболее частотных ответов на первое задание оказались следующие:

- 1) смог(ла) удержать власть (быть на высоком государственном посту) на протяжении многих лет;
- 2) благодаря реформам (преобразованиям) смог(ла) вывести страну на новый уровень экономического развития;
- 3) превратил(а) страну в великую державу;
- 4) обладает ораторскими способностями, даром убеждения;
- 5) является (был(а)) хорошим стратегом;
- 6) заботится (заботился(лась)) о народе и благе государства;
- 7) имеет (имел(а)) хорошее образование.

Интеллект политика, таким образом, оценивается обывателями по следующим критериям: он проявляется в умении захватить и удержать власть в своих руках (в этом помогают военно-стратегические и ораторские способности, а также хорошее образование). При этом общая оценка интеллекта дается по результатам деятельности политика: уровню развития государства и благосостояния народа.

Второе задание предполагало выявление таких качеств, которыми должен обладать, по мнению респондентов, успешный политик. Результаты выполнения этого задания представлены в табл. 2.

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос
«Какие интеллектуальные качества наиболее важны для успешного политического деятеля?»

Качества	Количество ответов	Доля ответов, %	Качества	Количество ответов	Доля ответов, %
1. Собственно интеллектуальные способности	228	91,2	4. Нравственно-этические качества	49	19,6
– аналитический склад ума	50	20	4.1. Положительные	43	17,2
– рассудительность	37	14,8	– честность	11	4,4
– дальновидность (способность прогнозировать события, умение увидеть результаты своей деятельности в будущем и т. п.)	35	14	– любовь и уважение к народу	7	2,8
– логичность	34	13,6	– жесткость, твердость	6	2,4
– мудрость	13	5,2	– порядочность	5	2
– здравомыслие	12	4,8	– справедливость	4	1,6
– умение стратегически мыслить	12	4,8	– доброта	3	1,2
– разумность	9	3,6	– терпимость	2	0,8
– наличие хорошей памяти	8	3,2	– гуманность	1	0,4
– быстрота мышления (скорость мыслительных процессов)	6	2,4	– добросовестность	1	0,4
– умение принимать взвешенные решения	5	2	– совестливость	1	0,4
– смекалка, находчивость	3	1,2	– требовательность к себе	1	0,4
– умение критически мыслить	3	1,2	– трудолюбие	1	0,4
– рациональность	1	0,4	4.2. Отрицательные	6	2,4
2. Образованность, воспитанность	53	21,2	– умение лгать	4	1,6
– наличие хорошего (высшего) образования	25	10	– жестокость	2	0,8
– наличие эрудиции	22	8,8	5. Особенности поведения		
– интеллигентность	8	3,2	– дипломатичность	24	9,6
– начитанность	5	2	– лидерские качества	9	3,6
– обладание общей культурой	1	0,4	– сдержанность	8	3,2
3. Коммуникативные качества	50	20	– активность, мобильность	6	2,4
– умение хорошо говорить	18	7,2	– толерантность	4	1,6
– умение убеждать	15	6	– артистичность	3	1,2
– коммуникабельность	9	3,6	– остроумие	2	0,8
– владение ораторским искусством	7	2,8	– умение вести себя в нестандартных ситуациях	1	0,4
– тактичность	1	0,4			

Качества	Количество ответов	Доля ответов, %	Качества	Количество ответов	Доля ответов, %
6. Прагматические качества			7. Другие деловые качества		
– расчетливость	20	8	– целеустремленность (умение упорно идти к цели)	19	7,6
– хитрость	12	4,8	– наличие жизненного опыта	15	6
– предприимчивость	3	1,2	– решительность	7	2,8
– осторожность	2	0,8	– владение профессиональными навыками	5	2
– альтруизм (отсутствие практичности)	2	0,8	– уверенность в себе	3	1,2
	1	0,4	– психологическая устойчивость	1	0,4
			– умение держать слово	1	0,4

Все перечисленные респондентами качества интеллектуального политика были подсчитаны и объединены в семь групп, из которых наиболее значимыми оказались следующие:

- 1) собственно интеллектуальные способности человека (91,2 % от общего количества названных качеств характера);
- 2) образованность и воспитанность (21,2 %);
- 3) коммуникативные качества политика (20 %);
- 4) нравственно-этические качества личности (19,6 %).

В указанные группы были объединены наиболее частотные и близкие друг другу по природе характеристики. Например, в группу «Собственно интеллектуальные способности» вошли такие свойства, как аналитический склад ума, умение логически мыслить, умение прогнозировать политическую ситуацию и т. п. Остальные группы (особенности поведения, прагматические и другие качества) включили наименее частотные характеристики, у которых сложно выделить одно общее основание для классифицирования, однако эти качества для успешного политического деятеля также очень важны, например расчетливость и целеустремленность, решительность и одновременно дипломатичность, сдержанность и толерантность, активность и профессионализм.

Как показал проведенный эксперимент, современные обыватели хотели бы в качестве успешного политического деятеля видеть высокообразованную, эрудированную и высококомпетентную в коммуникативном плане личность, умеющую стратегически и критически мыслить, прогнозировать политические события и видеть возможные результаты собственной деятельности в будущем.

При проведении опроса на первом этапе, как бы указано ранее, выяснилось, что респонденты слабо представляют связь политической деятельности человека с этическими принципами, так как опрошенные среди политиков-интеллектуалов нередко называли имена таких исторических лиц, деятельность которых строилась на антигуманных принципах. На втором этапе проведения эксперимента выяснилось, что почти 20 % респондентов все-таки обращают внимание на нравственно-этическую сторону политической деятельности. Однако есть и те, кто отмечает резко отрицательные качества политиков — умение лгать и жестокость. К сожалению, наиболее актуальные для политического лидера нравственные качества (честность, уважение к своему народу) были указаны весьма незначительным числом респондентов (их число не превышает и 5 %), а случаи упоминания таких черт, как гуманность, совесть, требовательность к себе и трудолюбие, вообще единичны. Вероятно, такое противоречие демонстрирует расхождение, как говорится, желаемого и действительного в сознании народа: люди, как правило, хотят видеть среди политических лидеров таких представителей, которые обладают высокими моральными принципами (это подтверждают данные второго опроса). Однако подсознательно большинство людей, вероятно, понимает, что наличие у политиков нравственных принципов — это скорее удача для народа, нежели закономерность или обязательное условие для победы на выборах, что высокие моральные принципы не всегда помогают, а чаще даже мешают людям достичь высот политической карьеры (именно это подтверждают результаты первого опроса, когда

среди политиков-интеллектуалов отмечают имена исторических лиц, оценка деятельности которых весьма неоднозначна).

Итак, исследование показало, что «ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА» относится к абстрактным и оценочным категориям. На ее формирование влияет целый ряд специфических факторов — объективных: обширность и многообразие исторического опыта разных стран, относительный политический плюрализмом российского общества, степень «обсуждаемости» того или иного политика в прессе, социально-исторические условия, — а также субъективных: возраст, образование, место жительства, убеждения и интересы информантов и т. п. Это позволяет утверждать, что «ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА» является категорией с неплотной, рассеянной структурой, т. е. категорией, не имеющей плотного ядра, которое обычно составляют сверхчастотные и высокочастотные образцы (сверхчастотных и высокочастотных имен политиков выявлено не было).

Важно отметить различие между наивным и научным восприятием данной категории: в научной картине мира категория «ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА» представляется внутренне градуированной и предполагающей оппозицию. В наивном сознании данная категория не предполагает оппозиции: отмечается только наличие признака интеллектуальности, отсутствие интеллекта и слабое представление признака интеллектуальности не фиксируется.

Для обывателей категория «ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА» характеризуется градацией членства, однако в основе структурирования категории лежит не столько признак интеллектуальности, сколько признак популярности и

масштабности личности, значения ее деятельности для жизни общества в тот или иной исторический период. Следует отметить и тот факт, что категория *интеллекта* в настоящее время в сознании носителей языка становится все более закрытой по отношению к категории нравственности, духовности, в отличие, например, от древнерусского периода, когда понятия ума, души и духа во многом пересекались или даже вообще не разделялись.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]. В «Материалах для словаря...» [Срезневский 1893] нет нумерации значений, так как это не итоговый вариант словаря, а материалы для его составления. Однако в данной работе для удобства описания значения будут пронумерованы в соответствии с той последовательностью, которая предложена И. И. Срезневским.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзюба Е. В. Проблемы категоризации действительности в русском языковом сознании (на примере категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ) // Изв. Урал. федерального ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1 (110). С. 184—195. URL: <http://urfu.ru/science/scientific-publications/izvestija-urfu>.
2. Самый глупый президент // Известия. 2014. 12 авг. URL: <http://izvestia.ru/news/322592>.
3. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. — СПб., 1893.
4. Ygazeta.com. URL: <http://www.ygazeta.com/news>.
5. Borovik.com. URL: <http://www.borovik.com/index.php>.
6. Newsru. URL: <http://www.newsru.com/world>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

А. И. Зверев
Москва, РоссияA. I. Zverev
Moscow, Russia**МЕТАФОРА В КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ
(на примере герметических трактатов)****METAPHOR IN CREOLIZED TEXTS
(on the example of hermetic tracts)**

Аннотация. Рассматривается употребление метафоры в вербальном и невербальном компонентах креолизованного алхимического текста. Материалом исследования является средневековый алхимический трактат Н. Фламелья «Иероглифические фигуры», а также другой, включенный в него. Характеризуются тексты, относящиеся к герметической традиции. Выявляются основные функции метафоры в алхимическом тексте: информативная, конспиративная и кодирующая.

Abstract. The article dwells on the use of metaphor in verbal and nonverbal components of creolized alchemical text. The author analyses the medieval alchemical tract "The Book of hieroglyphic figures" by Nicolas Flamel and another one included into it. The paper also characterizes texts belonging to hermetic tradition and highlights the basic functions of metaphor in alchemical texts: informative, conspirative and codifying.

Ключевые слова: метафора; функции метафоры; алхимия; герметизм; креолизованный текст.

Key words: metaphor; functions of metaphor; alchemy; hermetism; creolized text.

Сведения об авторе: Зверев Антон Игоревич, аспирант.

About the author: Zverev Anton Igorevitch, Post-graduate Student.

Место работы: Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук (Москва).

Place of employment: V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Контактная информация: 119019, Москва, Волхонка, 18/2.
e-mail: zverevanton@mail.ru.

Алхимия — это наука без науки,
начало и середина которой
состоит в труде, а конец в нищенстве.

Джоэль Харрис

Представители разных направлений современного языкознания практически в унисон говорят о том, что первое десятилетие XXI в. является новым «поворотом» в лингвистической науке, который заключается в пристальном внимании к вопросам невербальной (в том числе визуальной, аудиальной) коммуникации. В. Е. Чернявская назвала это явление *медиальным поворотом*; подчеркивая интернациональный характер указанного тренда, исследовательница приводит английский и немецкий варианты терминов, уже закрепившихся в европейской и мировой лингвистике: *medial turn*, *medienkritische Wende* [Чернявская 2013: 21—22]. В этой связи цель нашего исследования заключается в попытке определить роль, которую может играть метафора в креолизованном тексте. Термин «креолизованный текст» мы употребляем в классическом понимании, согласно которому это «сложное текстовое образование, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 2003: 17]. Материалом проводимого исследования послужат средневековые

алхимические трактаты Н. Фламелья «Иероглифические фигуры», а также анонимный трактат «Авраам еврей, принц, священник, левит, астролог и философ, приветствует еврейский народ, гневом Божиим рассеянный среди галлов», текст которого приводится в «Иероглифических фигурах». Ключом к проводимому исследованию послужила гипотеза о том, что алхимический трактат является уникальным явлением в ряду семиотически осложненных текстов ввиду метафоричности его вербального и невербального компонентов. Отметим тот факт, что создание креолизованного текста является действенным методом усиления прагматических свойств поликодового текста путем наделения его высокой информационной емкостью, более того, классический креолизованный текст «работает» только в условиях взаимодействия и взаимовлияния обоих компонентов. Фактические данные, подтверждающие превосходство поликодового текста над монокодовым, приводятся в статье А. Г. Сониной «Экспериментальные исследования поликодовых текстов: основные направления» [См. подр.: Сонин 2005: 115—118], поэтому на данном вопросе мы не будем останавливаться. Для нашего исследо-

вания важно рассматривать вербальный и невербальный компоненты креолизованного текста отдельно, поскольку мы стремимся установить специфику реализации метафоры в каждом из элементов такого текста.

Разные виды креолизованных текстов (например, политические плакаты, агитационные листовки, обложки музыкальных пластинок, политические карикатуры, комиксы, видеоклипы, кино) не раз попадали в фокус внимания лингвистов, историков, психолингвистов, специалистов по суггестии, политическому дискурсу и прочим, кроме текстов герметической традиции, которые в данном контексте до сих пор не получили должного освещения. Одна из вероятных причин подобного «невнимания» заключается в принципиально иной модели взаимоотношений вербальных и невербальных знаков, несовпадении значений этих знаков на глубинном семантическом уровне, а также расхождении с другими видами креолизованных текстов в телеологическом аспекте. Эти три положения мы и постараемся доказать.

Под «герметической традицией» обычно понимают религиозно-философское течение эзотерического характера, которое представлено смешением классической греческой философии, астрологии, магии и каббалы. Основоположителем герметизма следует считать Гермеса Трисмегиста (Трижды величайшего), в трудах которого впервые была сформулирована суть герметической доктрины. Мы обратимся к периоду возвращения «низкого» герметизма в средневековую Европу в качестве алхимических работ. Типичный алхимический трактат, посвященный Великому Деланию (трансмутации металлов), представляет собой набор иллюстраций, изредка сопровождаемых текстом (например, «Книга Лэмбспринка, древнего благородного философа, о Философском камне», *Splendor Solis* — лат. «Сияние солнца», *Rosarium philosophorum* — лат. «Философский розарий» и прочие). Каждая иллюстрация в таких работах представляет собой законченное зашифрованное послание, порой снабженное коротким текстом, которое дает исчерпывающую информацию о какой-либо стадии процесса Делания или о конечном результате этого процесса.

Один из популярных и по-настоящему мистических алхимиков Франции рубежа XIV—XV вв., Никола Фламель в «Иероглифических фигурах» так описывает иллюстрацию анонимного алхимического трактата «Авраам еврей», экземпляром которого он случайно завладел: «Прежде всего автор нарисовал молодого человека, ступни которого украшали крылья, а в руке он сжимал

жезл, обвитый двумя змеями; жезлом этим он стучал по крылатому шлему, покрывавшему его голову. ... Навстречу ему спешил, распахнув крылья, могучий старик, на голове которого располагались часы, а в руке он держал косу, подобно фигуре смерти, и кося этой грозил отсечь ноги Меркурию» [Фламель 2010: 34]. Обратим внимание на тот факт, что эта иллюстрация не содержит никаких вербальных знаков, что противопоставляет герметический креолизованный текст, например, политической иллюстрации, специфика которой «проявляется в тесной и неразрывной взаимосвязи вербального и невербального компонентов» [Ворошилова 2007: 76]. Отсутствие одного из элементов должно было бы привести к десемантизации термина креолизованного текста, термина, определяющего текст как «целостный и монолитный, в котором ни одна из частей не может быть заменена, убрана без потери общего смысла» [Ворошилова 2013: 182]. Однако этого не произошло, так как даже при отсутствии вербального компонента адресат способен интерпретировать изображение поликодового текста и вычлнить рациональное семантическое ядро [См. подр.: Ворошилова 2007: 178—180].

Отметим тот факт, что наиболее общая классификация видов креолизованного текста представляет собой трехчленную структуру, согласно которой тексты группируются в зависимости от преобладания вербального компонента над невербальным, невербального над вербальным или полного равноправия компонентов. Подобная классификация была необходима в первые годы активного изучения креолизованных текстов, но со временем она утратила актуальность, поскольку горизонт изучения поликодового текста расширился за счет некоторых видов «текстов», которые не всегда имеют вербальный компонент, а именно комикса, видеоклипа, карикатуры (политической карикатуры). Так, например, обложка журнала «Компания» от 12 августа 2013 г. содержит карикатуру на политика и бизнесмена Армена Саркисяна, который представлен в виде фокусника, жонглирующего одновременно пятью мячами, раскрашенными в цвета национальных флагов США, Великобритании, России, Армении и Туркменистана. Карикатура не сопровождается никаким пояснительным текстом, что не мешает адресату этого послания верно его истолковать.

Возвращаясь к нашему примеру из работы Н. Фламеля, отметим, что указанная иллюстрация представляет собой аллегорическую фигуру, под которой мы понимаем цепочку метафор, взятых из одной области.

В филологии есть традиция объяснять значение аллегории через метафору, о чем пишет, например, В. П. Москвин: «Аллегория определим как развернутую незамкнутую метафору, используемую как прием дидактического пояснения определенной моральной истины» [Москвин 2012: 176]. Отметим и такое определение: «Аллегория, или иносказание, представляет собой обозначение некоторой абстрактной идеи с помощью чувственно воспринимаемого образа» [Карасик 2010: 47]. Такое определение аллегории еще больше роднит ее с метафорой, особенно с концептуальной. С точки зрения визуальной семантики, каждую деталь этой иллюстрации следует понимать как полноценный метафорический символ, причем некоторые из символов адресат способен легко расшифровать, например: *могучий старик* — «время», *юноша в крылатом шлеме* — «летучесть вещества», *отсекать косой* — «лишать чего-либо» и пр. Если адресат этого визуального сообщения сведущ в алхимии, то он сможет интерпретировать *змея* как метафору «золота и серебра», а *жезл* — как метафору «первоматерии». Однозначно понять визуальное изображение, даже прояснив источник отдельных метафор, всё еще невозможно, поскольку подобная иллюстрация способна порождать довольно крупное интерпретационное поле. Это отличает герметический креолизованный текст от карикатуры, которая также зачастую лишена вербальной составляющей, но ввиду того, что карикатура играет роль «актуального зеркала» национального массового сознания, она сразу воспринимается реципиентом, поскольку содержит денотативные элементы, а герметические поликодовые тексты — преимущественно коннотативные. Докажем это различие посредством толкования иллюстрации, которое предлагает Н. Фламель: «Он сказал, что первая картина изображает всепожирающее время и, в соответствии с количеством заполненных страниц, шесть лет уходит на завершение Камня, после чего следует перевернуть часы и завершить нагревание. ... Он также подтвердил, что первичный агент был там изображен, и что, конечно, это белая и тяжелая вода, которая, несомненно, является быстрым серебром, каковое представление на картине люди не смогли не зафиксировать, ни отрезать ему ноги, то есть лишиться летучести, и что только при помощи долгой варки в чистой крови младенцев можно заставить это быстрое серебро соединиться с золотом и серебром и превратиться вместе с ним сначала в растение, подобное изображенному в книге, а впоследствии, пройдя через разложение,

в змей, которые будучи высушены и выжарены на огне, могут быть редуцированы в порошок, а он и есть Камень» [Фламель 2010: 37]. Это объяснение — своего рода текст-посредник между интенциями автора и конечным креолизованным текстом. Относительно небольшое количество алхимических текстов снабжены подобными «посредниками», а в классических видах креолизованных текстов они и вовсе отсутствуют ввиду ненужности. Текст-посредник является средним звеном, в котором находит отражение система образов, присущая алхимическому дискурсу в целом, а также индивидуально-авторские ассоциации и знания: так, *юноша с крыльями* — это типичный образ Меркурия в алхимии, а *жезл* — как образ первичного вещества (жидкое серебро) — это вывод Н. Фламелья.

Гипотеза о том, что интерпретация Н. Фламелья — это метафорически наполненный текст-посредник между истинным замыслом автора и креолизованным текстом, представляется нам достаточно рациональным допущением, поскольку создание герметического креолизованного текста схематично выглядит как переход замысла автора, выраженного лексемами в прямом значении, через аллегорическую пелену в двухкомпонентный текст. Схожим явлением, обладающим аллегорической пеленой, следует считать сновидения. Ю. М. Лотман отмечает, что «сновидение отличается полилингвальностью: оно погружает нас не в зрительные, словесные, музыкальные и прочие пространства, а в их слитность, аналогичную реальной. Это „Нереальная реальность“». Перевод сновидения на языки человеческого общения сопровождается уменьшением неопределенности и увеличением коммуникативности. ...сон является сообщением со скрытым образом источника...» [Лотман 2010: 127—128]. Сны представляют собой визуальные изображения, наполненные метафорическими элементами. Убедиться в этом можно посредством различных сонников, в которых систематизировано изложено список образов и их символических толкований; см., например, «Онейроκριтику» Артемидора, написанную предположительно во II в. до н. э. Отчасти схожим явлением можно считать различные проявления мантики, например предсказания и знамения. «Отчасти», поскольку предсказания и знамения, полученные во сне, следует отнести к сновидениям. Информация в виде предсказания, полученная в ходе магических ритуалов, является более адекватным примером работы механизма интерпретационного перевода креолизованного текста через ста-

дию текста-посредника в текст с прямым значением. Этот же когнитивный механизм срабатывает при толковании алхимического текста, а если исключить промежуточную стадию, — при толковании любого креолизованного текста.

«Иероглифические фигуры» Н. Фламелья содержат девять глав, которые описывают иллюстрации, помещенные на надгробной плите Фламеля, где и была зашифрована рецептура получения философского камня. Например, глава 4 называется «О мужчине и женщине, одетых в оранжевые одежды, на синем и лазурном поле, и о надписях на их лентах», глава 5 — «Фигура человека, похожего на Святого Павла, в бело-желтых одеждах с золотой оторочкой, держащего обнаженный меч, у ног которого преклонил колени человек в платье оранжевого света, отороченном белым и черным, держащим в руках ленту с надписью» и пр. [Фламель 2010: 46—92]. Эти примеры являются более классическими образцами креолизованных текстов, поскольку содержат невербальную информацию в виде образов людей, животных, предметов, расцветок и вербальную информацию в виде надписей на лентах (в главе 4: «Человек идет к Суду Божию» и «Этот день будет поистине страшен», в главе 5: «Уничтожь грехи, которые я совершил»). Н. Фламель дает достаточно подробный комментарий к каждой из девяти иллюстраций надгробной плиты, отмечая иносказательную природу каждого элемента изображения, включающую расположение фигур, особенности выбора цвета и схожесть тематики надписей с ветхозаветными мотивами. Ранее мы упоминали трехчленную классификацию креолизованных текстов, отмечая факт ее научной «наивности», однако эта классификация до сих пор активно применяется при изучении креолизованных текстов ввиду ее простоты и удобства. Согласно этой классификации герметический трактат относится к креолизованным текстам третьего вида, в которых вербальный компонент полностью равноправен невербальному. Это равноправие распространяется и на цель, к которой стремится автор герметического текста через вербальный и невербальный канал. М. Б. Ворошилова в монографии «Политический креолизованный текст: ключи к прочтению» отмечает ряд функций креолизованного текста, потенциально применимых при анализе любого изображения (в креолизованном тексте), а именно аттрактивную, экспрессивную, иллюстративную, аргументирующую [См. подр.: Ворошилова 2013: 86]. Учитывая специфику герметических текстов, мы добавим информативную, кодирующую и

конспиративную функции, которые достигаются через метафоры. Реализация указанных функций в невербальном компоненте креолизованного текста представлена выше. Далее мы обратимся к вербальной стороне герметических текстов (не только креолизованных, но и монокодовых), язык которых часто называют «символическим».

Не вызывает сомнения тот факт, что герметические тексты наполнены метафорическими подстановками, при этом термин «метафора» мы употребляем в широком смысле, т. е. для обозначения фигуры осознанного переноса имени, основанного на отношениях сходства или аналогии между сравниваемыми предметами. Это сходство не всегда очевидно, особенно в визуальных метафорах, объединение которых выстраивается в единое графическое и аллегорическое пространство, соединяющее семиотически гетерогенные коды, при чем создается специфическая магическая реальность алхимического текста, наполненного только символическими компонентами. Особенность магического реализма состоит в том, что он «сам устанавливает связь между словами и соответствующими им образами, тем самым превращая их в визуальную метафору» [Сарна 2005: 57].

Описывая в целом метафорическую систему алхимических трудов, отметим достаточно популярный прием «антропоморфизма», т. е. перенесения человеческих качеств на неживые сущности: «Управляй же осторожно, соблюдая баланс и пропорцию, высокомерными природными сущностями, опасаясь того, что если ты отдашь одной из них предпочтение, они, будучи врагами, обратятся против тебя самого по причине ревности и гневливого нрава и еще долго заставят тебя вздыхать о своей ошибке» [Фламель 2010: 56] или: «Это *солнце* и *луна* меркуриального источника и *сульфурного* родника, которые в ходе постоянного нагревания укрывают себя королевскими одеждами» [Там же: 57].

Использование метафор в алхимических трудах имеет несколько целей, достигаемых второстепенными функциями метафоры (относительно основных: номинативной, эмоционально-экспрессивной и эстетической), прежде всего, *информативной*, которая, по мнению В. К. Харченко, создает «цельность, панорамность образа» [Харченко 2012: 15]. Действительно, написание герметических сочинений в едином метафорическом стиле помогает отличать эти тексты от, в первую очередь, химических и философских, а также факт нахождения популярной алхимической метафоры помогает иначе интерпрети-

ровать как весь текст, так и отдельные его части, на что и направлена информативная функция метафоры. В. К. Харченко отмечает, что «панорамность образа дает возможность человеку апеллировать к различным свойствам предмета» [Харченко 2012: 17]. Примером, иллюстрирующим возможности информативной функции метафоры, может служить работа Н. Фламелья «Иероглифические фигуры», во введении к которой Фламель описывает свое путешествие к учителю, открывшему ему содержание трактата «Авраам Еврей». Если принять во внимание тот факт, что в герметической традиции достаточно популярной метафорой процесса Делания является «путешествие», то весь текст, описывающий путешествие, можно понимать иносказательно. Возьмем, например, описание болезни учителя на обратном пути: «...этот ученый человек тяжело заболел, его окончательно замучила рвота, преследовавшая мэтра еще с того момента, когда он почувствовал признаки морской болезни во время нашего плавания» [Фламель 2010: 39] — эти слова можно декодировать как стадию Разложения в процессе создания Камня; момент смерти и похорон учителя аллегорически можно интерпретировать также как описание стадии Распада или Кальцинации. «Конечно же, если смерть мне не помешает, я буду выплачивать этой церкви небольшую ренту, чтобы за упокой души мэтра Канчеса там служили ежедневную мессу» [Там же: 40] — этот отрывок, вероятно, описывает в зашифрованном виде стадию добавления небольшого количества серебра и золота при создании Камня.

Информативная функция метафоры задает и «плюрализм, множественность образного прочтения ситуации» [Харченко 2012: 18]. Следует отметить, что информативная функция в таком понимании присуща и визуальной метафоре. Это мы доказывали невозможностью однозначного толкования невербального компонента герметического креолизованного текста. Подобная множественность видна в богатой синонимии герметических трактатов: так, *Камень* обладает множеством метафор, наиболее популярными среди которых являются «Дева», «Меч», «Птенец». Номинация «дракон» только у Н. Фламелья может употребляться как метафорическая подстановка для грехов: «*Два дракона, поглощающие один другого, иссиня-черные на темном фоне ... обозначают грехи, которые, конечно же, тесно переплетены, поскольку один порождает другой*» [Фламель 2010: 47], а также для золота и серебра: «...*тот, который снизу, без крыльев, является фиксированным, или*

мужским; тот, который сверху, представляет принцип летучий и женский ... Первый называется сульфуром или теплотой и сухостью, а второй живым серебром, или холодом и влажностью» [Там же: 57] или в «Кратком изложении философии» Фламелья: «В утробе славного *меркурия* — / Наипервейшего в творении металла / И названного потому / Соединением других металлов, — / Соединение такое философы зовут / Летящим Драконом» [Там же: 97]. Так же с драконьим пламенем Фламель метафорически сравнивает темный и зловонный дым, образующийся в ходе определенной химической реакции [Там же: 60—61]. Альбер Пуассон приводит синонимический ряд метафорических вариантов к слову «сера», наиболее популярными из которых были резина, масло, солнце, точность или устойчивость, красный камень, кислое молоко, шафран, мак, желтая медь или латунь, сухое, краска, огонь, спирт, агент, кровь, дух, красный человек, земля, царь, супруг, бескрылый дракон, змей, лев, кобель, бронза, философское золото и др. [См.: Пуассон 2008: 139—140].

Очевидно, что метафорический язык алхимиков значительно сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Фламель отмечает: «...о нашем искусстве никогда не говорят вульгарным языком» [Фламель 2010: 51]. Подобная сложность необходима, поскольку помогает скрыть «истинное искусство» от злых и алчных людей, ограничивая круг посвященных настоящими профессионалами, и оставляет дилетантов не у дел: «Вместо того чтобы работать над металлами, они, принимая слова философов в буквальном значении, проводили свою жизнь, дистиллируя растения, мочу, волосы, молоко в надежде извлечь материю камня мудрецов» [Пуассон 2008: 135].

Следующими функциями метафоры в герметическом языке следует назвать *конспиративную* и *кодирующую*. Причин для отдельного рассмотрения указанных функций нет, поскольку граница между ними крайне условна. В. К. Харченко отмечает, что основная цель конспиративной функции метафоры заключается в засекречивании смысла [См.: Харченко 2012: 67—68]. Необходимость в сокрытии процесса создания Камня была очевидна для герметических философов, что было отражено в их работах, символически и метафорически описывающих стадии, рецептуру и некоторые особенности всего процесса, поскольку прямое изложение им казалось опасным: «... но не было ни одного полного описания всего Великого Делания, так как они верили, что могут за это

навлечь на себя небесную кару — моментальную смерть» [Пуассон 2008: 123]. Особенность кодирующей функции В. К. Харченко сформулировала таким образом: «Мы скрываем нечто, кодируем, но прежде всего для себя, прекрасно понимая, что обратный процесс, декодирование, особых затруднений не вызовет» [Харченко 2012: 64]. Алхимическая метафора играла роль универсального индикатора в герметической традиции — именно так понимал ее роль К. Г. Юнг в работе «Психология и алхимия»: «Поскольку всё существенное выражалось метафорами, они могли общаться только с понимающими, кто обладал даром разума. Глупец безумно увлекается толкованиями и предписаниями и потому ошибается» [Юнг 2008: 326].

Герметическая метафорическая система оказала влияние на всю европейскую культуру, религию и философию. Так, установление факта наличия алхимической метафоры (так называемого метафорического зачина) способствует иному прочтению мифов, например о путешествии аргонавтов за золотым руном, или заставляет переосмысливать поэзию. А. В. Нестеров, исследователь поэтики Джона Донна, отмечает большое количество работ поэта, в которых использована алхимическая образность, например: «The Dissolution», «A Valediction: forbidding mourning», «The Canonization», «Loves Alchemie», «A Nocturnal upon S. Lucies day» из «Песен и сонетов», «Elegie on the Lady Marcham», «An Anatomy of the World» и «The Second Anniversarie», «The Burnt Ship», и т. д. [См. подр.: Нестеров 2000: 61]. К. Г. Юнг проанализировал сказку братьев Grimm «Дух в бутылке» через призму алхимической метафоры [Юнг 1996: 8—14], отмечая некоторые неочевидные проявления алхимической символики в таком жанре литературного творчества, как сказка. Возвращаясь к «Иероглифическим фигурам», мы хотели бы предположить описание той роли, которую играют религиозные мотивы в главах 4 и 5. Как отмечает Фламель, это не прямые цитаты из Священного Писания, «а просто высказывания, говорящие в теологическом смысле о будущем воскрешении» [Фламель 2010: 70]. По-видимому, эти фразы являются «метафорическим зачином», который указывает на жизнь после смерти, т. е. «воскрешение» как апофеоз алхимического искусства.

В результате нашего исследования мы приходим к следующим выводам.

Алхимический текст — это креолизованный текст, уникальность которого заключается в метафоричности вербального и не-

вербального компонента. Невербальный компонент представлен визуальной метафорой, а вербальный — аллегорией (как совокупностью метафор) или отдельными метафорами. Отношения между невербальным и вербальным компонентами можно охарактеризовать как равноправные, поскольку и изображение, и текст выполняют своеобразную «роль маяка», давая намек читателю об истинной алхимической природе такого семиотически осложненного текста. Встречая в таком тексте какой-либо вербальный или невербальный компонент, имеющий алхимический источник происхождения, реципиент должен начать ментальный процесс реконструкции содержания и установления семантического ядра. Помимо набора стандартных функций, реализуемых в креолизованном тексте, в текстах герметической традиции заложены информативная, кодирующая и конспиративная функции, выполняемые метафорами, а также дидактическая функция, выполняемая аллегорией. Подобная насыщенность образными средствами необходима, так как герметические креолизованные тексты создавались с дидактической целью, при этом они не могли быть написаны в обыденном (литературном или научном) стиле, поскольку это могло стоить жизни автору. Используя вербальные и невербальные компоненты, автор способствовал лучшему запоминанию алхимического текста. Мы считаем, что проведенное исследование может внести ясность не только в отдельные аспекты теории метафоры, касающиеся вопросов числа и иерархии функций метафоры, но и расширить список текстов, которые следует считать креолизованными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. — М. : Academia, 2003.
2. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23).
3. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: принцип целостности или принцип заменяемости // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46).
4. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013.
5. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. — М. : Гнозис, 2010.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб. : Искусство — СПб, 2010.
7. Москвин В. П. Русская метафора: очерк семиотической теории. Изд. 4-е, испр. и доп. — М. : Изд-во ЛКИ, 2012.

8. *Нестеров А. В.* Символический язык алхимии и поэтика Джона Донна // Вопросы филологии. 2000. № 2 (5).

9. *Пуассон А.* Теории и символы алхимиков // Книга алхимии: история, символы, практика / [сост., вступ. ст., коммент. В. Рохмистрова]. — СПб. : Амфора : ТИД Амфора, 2008.

10. *Сарна А.* Визуальная метафора в дискурсе идеологии // Палітычная сфера. 2005. № 4.

11. *Сонин А. Г.* Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. № 6.

12. *Фламель Н.* Алхимия / пер. со старофр. Г. А. Бугузова. — СПб. : Азбука, 2010.

13. *Харченко В. К.* Функции метафоры : учеб. пособие. Изд. 4-е. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

14. *Чернявская В. Е.* Текст в медиальном пространстве : учеб. пособие. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

15. *Юнг К. Г.* Психология и алхимия. — М. : АСТ : Мидгард, 2008.

16. *Юнг К. Г.* Собрание сочинений. Дух Меркурий : пер. с нем. — М. : Канон, 1996.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. П. Крысин.

Л. Д. Кадырова L. D. Kadyrova
Симферополь, Россия Simferopol, Russia

**ДЕРИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ
КОНТАМИНИРОВАННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
В ТЕКСТАХ СМИ**

**DERIVATION MODELS
OF CONTAMINATED FORMATIONS
IN MASS-MEDIA TEXTS**

Аннотация. В статье проанализированы деривационные модели контаминированных образований в текстах СМИ. Описаны наиболее активные модели образования с исконными и заимствованными основами, прокомментировано появление соединительных гласных. Рассмотрены новообразования с графическим выделением в современном русском языке. Материал статьи свидетельствует о том, что в составе новообразований активны элементы нарицательных имен, связанных с техническими новинками, имен собственных, а также иноязычные основы (вики-, -ман, -скоп и др.).

Abstract. The article analyzes the derivation models of contaminated formation in texts of mass-media. The most active models of formation, with both original and borrowed stems, are described. The appearance of connecting vowels is commented on. New graphically singled out formations in modern Russian are considered. The material of the article shows that neologemes contain elements of common names, connected with technical innovations, proper names and foreign stems (вики-, -ман, -скоп et al.).

Ключевые слова: словообразование; деривационная модель; неолексема; контаминированное образование.

Key words: word-formation; derivation models; neologemes; contaminated formation.

Сведения об авторе: Кадырова Ление Диляверовна, аспирант, кафедра русского, славянского и общего языкознания.

About the author: Kadyrova Lenie Dilyaverovna, Post-graduate Student of Department of Russian, Slavic and General Linguistics.

Место работы: Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь).

Place of employment: Taurida National V. I. Vernadsky University (Simferopol).

Контактная информация: 95000, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 4.
e-mail: Lenie_1989@inbox.ru.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. В эпоху компьютеризации, стремительного распространения интернет-коммуникации, развития информационных технологий, научного и технического бума происходит «языковой бум», который сопровождается изменениями в лексической системе русского языка под влиянием внутренних и внешних факторов. Стирание границ между языковыми кодами, языковая игра, несоблюдение законов словообразования являются факторами появления контаминированных единиц в современном русском языке. Чаще всего такие лексемы раскрывают свое разнообразие в интернет- и медиапространстве, рекламных и научно-популярных текстах, в которых в меньшей степени соблюдаются законы русского языка и замена языковых кодов приводит к сокращению текста.

нольд), *междусловное наложение* (Р. Ю. Намитокова, Н. А. Николина, Н. А. Янко-Триницкая), *вставочное словообразование* (И. М. Берман), *телескопия* (В. М. Лейчик, Л. А. Тарасова), *контаминация* (К. Л. Егорова, Е. А. Земская, М. С. Малеева), *словослияние* (Ю. К. Волошин) и др.

Вопросы контаминации были рассмотрены в работах Т. А. Гридиной, А. Ф. Журавлева, Е. А. Земской, В. П. Изотова, М. С. Малеевой, Р. Ю. Намитоковой, М. В. Панова, Т. В. Поповой, А. А. Шишкиной, С. В. Ильясовой и др. Лингвисты предлагают несколько наименований процессу контаминации: *гибридные слова* (В. М. Костюков), *диффузия* (Н. М. Шанский), *графическое словообразование* (В. П. Изотов), *блендинг* (И. В. Ар-

Одной из активных сфер образования контаминированных единиц является языковая игра. Исследуя это явление, Т. А. Гридина отмечает, что «основополагающий принцип языковой игры заключается в актуализации психологически релевантных для носителей языка многовалентных ассоциативных связей знаковых единиц и намеренном использовании нестандартного кода их употребления, восприятия и порождения (при «обнаружении» и одновременном переключении, ломке ассоциативных стереотипов с помощью специальных лингвистических приемов)» [Гридина 2011: 47]. Лингвист видит в языковой игре путь создания новых единиц, «языковая игра может быть определена как особая форма лингвокреативного мышления, в основе которого лежат ассоциативные механизмы, позволяющие создавать нечто новое на базе уже познанного» [Там же: 47].

А. Ф. Журавлев отмечает, что «контаминация как разновидность словообразования

принадлежит к явно искусственным, если она намеренна, или к „патологическим“, если она бессознательна, способам номинации» [Журавлев 1982: 86]. Лингвист выделяет два структурных типа контаминаций: «1) «агглютинация» сегментов двух слов по формуле $A (= ab) + B (= cd) \rightarrow C (= ac)$, напр., *бестер* (из *бе-луга* + *стер-лядь*) или $A (= ab) + B (= cd) \rightarrow C (= ad)$, напр., *мопед* (из *мото-цикл* + *велосипед*); 2) междусловное наложение: $A (= ab) + B (= bc) \rightarrow C (= abc)$, напр., *стрекозёл* (из *стрекоза* + *козёл*)» [Журавлев 1982: 86—88].

Актуальность предлагаемой статьи определяется необходимостью изучения контаминированных образований в текстах современных средств массовой информации. В последние десятилетия русский язык стремится к экономии языковых средств. Одним из результатов действия данного языкового закона является образование контаминированных единиц. Появление новообразований такого типа является одним из активных процессов в русском словообразовании и свидетельствует об адаптации заимствованных основ в русском языке.

Цель исследования — проанализировать деривационные модели контаминированных образований в текстах СМИ.

Данная цель предусматривает решение ряда **задач**:

1. Рассмотрение деривационных моделей контаминированных единиц.
2. Выявление активных единиц в составе неолексем.
3. Комментирование новообразований с графическим выделением.

По мнению А. Ф. Журавлева, одним из активных типов контаминации является такой, при котором «конец основы одного слова накладывается на омонимическое начало другого слова» [Журавлев 1982: 87]. Например: *тандемагогия* ← *тандем* + *демагогия*, где лексемы *тандем* (фр. *tandem* < лат. *tandem* — ‘наконец, в конце концов’) [Крысин 2010: 571] и *демагогия* (< греч. *demagogia* — ‘управление народом’) [Там же: 155] образуют неодериват в результате сложения двух слов. М. С. Малеева считает, что исследуемые неолексемы можно отнести к контаминированным единицам, если они образованы в результате слияния двух единиц [Малеева 1986: 43]. В текстах массмедийного дискурса возникают образования, характеризующие актуальные стороны социальной жизни.

Рассмотрим контаминированные новообразования, созданные по деривационной модели «**заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованная основа**»: *зомбовизор* ← *зомб(и)* + *-о-* + *те-*

левизор (чередование [б] и [б']). Пример — заглавие статьи: **Зомбовизор опасен для здоровья нации** [Зомбовизор опасен...]. Лексема *зомбоскоп* образована следующим образом: *зомб(и)* + *-о-* + *кинескоп*. Ср.: *Вместо „Зомбоскоп“ мы часто говорим „Телевизор“* [Зомбоскоп]. Новообразование *виртоман* ← *виртуальный (мир)* + *-о-* + *-ман* образовано от слов *виртуальный* (ср.-лат. *virtualis* < лат. *virtus* — ‘мужество, сила’) [Крысин 2010: 115] и *мания* (др.-греч. *μανία* — ‘страсть, безумие, влечение’) [Там же: 326]. Ср.: **Виртоман в моем мире; Опрос редакторов, колумнистов и серферов F5 (весьма активных пользователей Интернета) и их френдов показал, что с „ничностями“, „виртоманами“ и „гугиками“ они не знакомы** [Виртоман].

Анализируя появление заимствованных единиц в современном русском языке, Л. Е. Бессонова отмечает, что «активное употребление иноязычной лексики в речевой культуре общества, несомненный интерес и толерантное отношение к заимствованиям у носителей языка позволяет определить коммуникативно-прагматические механизмы актуализации широкого употребления интернационализмов» [Бессонова 2009: 50]. Так, по деривационной модели «**заимствованная основа + заимствованная основа**» в результате контаминации образовались такие лексемы, как *цивилизор* ← *цивилизация* + *телевизор*; *гипновизор* ← *гипно(з)* + *телевизор*; *шизовизор* ← *шизофрения* + *телевизор*; *инфопауза* ← *инфо(рмация)* + *пауза*; *криминалссимус* ← *криминал* + *генералиссимус*; *религархия* ← *религия* + *олигархия*; *элоним* ← *электронное* + *оним*; *фломат* ← *флора* + *банкомат*; *шоклог* (*Shoclog*) ← *шок* + *(б)лог*. Путем наложения по анализируемой деривационной модели образованы следующие лексемы: *брендализм* (*Brandalism*) ← *бренд* + *вандализм*; *викиальность* (*Wikiality* — производное от *Wikipedia* и «реальность»); *волонтуризм* (*Voluntourism*) ← *волонт(ерский)* + *туризм*; *корпьютер* ← *корпус (тело)* + *компьютер* и др. Примеры: **Волонтуризм стал модным течением** [Волонтуризм стал...]; **Например, отмечается в докладе, викиальностью является новый статус Плутона, разжалованного на прошлой неделе из планет в планеты-карлики большинством голосов делегатов XXVI Генеральной ассамблеи Международного астрономического союза** [Названы самые модные слова...].

При помощи модели «**заимствованная основа + исконная основа**» путем наложения созданы следующие неодериваты: *вир* ← *виртуальный* + *мир* (сокращение от «вир-

туальный» и одновременно аналог слова «мир», 'виртуальный мир, обладающий свойствами реального'); *публичко* ← *публичное* + *личико* (*лицо*).

По деривационной модели «исконная основа + заимствованная основа» в результате наложения образован неодериват *вампьютер* ← *вампир* + *компьютер*, состоящий из лексем *вампир* (франц. *vampire* или нем. *Vampir*, которые заимств. из слав. упырь) [Фасмер 1986] и *компьютер* (англ. *computer* < *computare* — 'считать, вычислять') [Крысин 2010: 269]. *Вампьютер* — 'компьютер по отношению к человеку, впадшему в так называемую компьютерную зависимость'. Производное от данной лексемы — *вампьютеризация* ← *вампир* + *компьютеризация* ('распространение компьютерной зависимости в обществе'). Пример: *Что необходимо видеопродвинутому сетянину, подсевшему на социальные сети и просиживающему у вампьютера 26 часов в сутки?* [Першуков 2010]; *Вампьютеризация поглощает наш мир* [Вампьютеризация].

Р. Ю. Намитокова под контаминацией понимает «проникновение первой части (не обязательно морфемы) одного слова в другое и вытеснение из этого другого слова его начала» [Намитокова 1986: 135]. Примером этого может служить лексема *трепортёр* ← *треп(аться)* + *репортёр*, где *трёп* — 'болтать' (производная с *-ся* от *трепать* < *трепать* языком), *репортёр* заимств. во второй половине XIX в. через франц. яз. из англ. яз., где *reporter* — суф. производное от *report* 'сообщать, рассказывать' [Крысин 2010: 499]. Пример: *В этой газете слишком много трепортёров* [Трепортёр].

Неолексема *сдербанк* ← *сдрать* (*сдирать*) + *банк* подобна лексеме *Сбербанк*, *сбор* — др.-русс., ст.-слав. *съборъ* [Фасмер 1986], *банк* (фр. *banque*, нем. *Bank* < итал. *banco* — 'лавка менялы') [Крысин 2010: 84]. Пример: *Изобретательней сына сдербанк нефтепровод, благоговейный космонавт почерпнул мафию, но рассыпал, дождал заразить толкователи* [Сдербанк]. Анализируемая единица раскрывает суть контаминации, на которую обратил внимание В. З. Санников: «...в середину одного слова вклиниваются элементы другого слова (имеющего, как правило, отрицательную окраску). Получается некий гибрид — не только формальный, но и смысловой: говорящий намекает на смысловое родство этих двух слов — с целью дискредитации описываемого» [Санников 2002: 166—167].

Контаминированное образование *силовигархи* имеет следующее происхождение: *силовигархи* ← *силовики* + *олигархи*, *сило-*

гархи ← *силовики* + *олигархи*. Исследователи отмечают, что данные новообразования были введены в речь политологом Маршаллом Голдманом в начале 2008 г. (в книге «Pet-rostate, Putin, Power and the New Russia»). Это слово обозначает 'новый класс олигархов' — 'олигархи в погонах'. Примеры: заголовки статьи: *Силовигархи недовольны декларациями о доходах своих вассалов* [Силовигархи недовольны...]; *Силовигархи не присоединяются к международной конвенции, которая бы позволила эффективно защищать экологические права граждан РФ...* [Шевченко 2013] и др.

Популярность социальных сетей, блогов, форумов и чатов повлияла на появление контаминированных образований в интернет-пространстве. По деривационной модели «исконная основа + соединительная гласная + исконная основа» в результате контаминации/наложения образованы следующие лексемы: *осетенеть* ← *осатанеть* + *-е-* + *сеть* (*осетенёлый* (ср. *осатанелый*, *остервенелый*) — 'наркотически зависимый от Сети'; пример: *Как не осетенеть от вопросов?* [Дар слова 2001]); *словосеть* ← *слов* + *-о-* + *сеть* (*слово* — от праслав. **slovo* [Фасмер 1986] и *сеть* — от праслав. **sěť* [Фасмер 1986]; например: *Долю позитива в российскую лингвистическую картину мира внесла номинация „Словосеть“, в которой собраны новые слова про Интернет* [САН-Новосибирск]). Параллельно действует модель образования «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + исконная основа + исконный суффикс», по которой создана единица *блогоблудие* ← *блог* + *-о-* + *блудать* + *-и(э)* ([д'] // [жд]): *Мои скрюченные интересы сейчас направлены на возможность публиковать звуковые подкасты и блогоблудие* [Чулан 2007].

Активный в интернет-коммуникации компонент *вики-* динамичен при образовании новых единиц в современном русском языке. Впервые этот термин для описания веб-сайта был использован в 1995 г. Уордом Каннингемом, разработчиком первой вики-системы «WikiWikiWeb», «Портлендского хранилища образцов» программного кода, созданной 25 марта 1995 г. Автор заимствовал слово гавайского языка, означающее «быстрый». Н. Б. Мечковская, анализируя информационные технологии и их воздействие на языки и общение, раскрывает суть понятия «вики»: «интернет-издательский комплекс программ („движков“ контента), которые позволяют из сбивчивых текстов, отрывочных справок, информационного сырья и прочих полуфабрикатов делать логически стройные сайты, связанные страницы блогов

или вполне приемлемые энциклопедические статьи» [Мечковская 2009: 451]. Данная единица стала составной частью множества новых единиц в интернет-пространстве. Наиболее популярна лексема «Википедия» ('свободная энциклопедия, которую может редактировать каждый'), образованная следующим образом: *Википедия* ← *Вики* + *энциклопедия*. Подобная модель используется в интернет-пространстве для именования сайта будущих и молодых мам: *мамаледия* ← ← *мама* + *энциклопедия*. Элемент «вики» появляется в следующих новообразованиях: *викиальность* ← *вики* + *реальность*. Фонд Викимедиа (англ. Wikimedia Foundation, Inc., кратко WMF) — некоммерческая благотворительная организация, которая поддерживает работу ряда краудсорсинговых вики-проектов, включая *Википедию*, *Викисловарь*, *Викицитатник*, *Викиучебник*, *Викитеку*, *Викигид*, *Викисклад*, *Викиданные*, *Викивиды*, *Викиновости*, *Викиверситет*, *Инкубатор Викимедиа*, *Мета-вики*.

По мнению Т. В. Поповой, «в последнее десятилетие значительно вырос интерес лингвистики к письменной коммуникации, в которой произошли значительные изменения, в частности — активизация графоорфографических игр со словом» [Попова 2011: 161]. Как отмечает А. А. Шишкина, анализируя активные процессы современного словопроизводства, «неологический бум последних десятилетий находит яркое отражение в публицистике, в языке СМИ, литературной критике, которые особенно быстро реагируют на изменения в общественной жизни и языке; исследование многочисленных лексических новообразований в современных СМИ представляется весьма перспективным, так как именно масс-медиа активно влияют на формирование общественного сознания и эстетический вкус носителей языка и стремятся к языковой игре и словотворчеству» [Шишкина 2010: 302].

В лингвистических исследованиях выделяются разные виды графодеривации, основывающиеся на типах графиксатов, способах их создания, семантико-прагматических характеристиках и др. С. В. Ильясова предлагает классификацию таких образований, в которой отмечает языковую игру с графическим выделением и с использованием прописной буквы. Языковая игра с выделением прописных букв может быть представлена следующими разновидностями: а) выделение аббревиатур; б) выделение имен собственных; в) выделение имен нарицательных. При графическом выделении задействованы следующие средства: а) использование дефиса; б) использование ис-

правления; в) использование скобок; г) использование точки [Ильясова 2001].

В интернет-коммуникации популярны модели с использованием имен собственных. С. В. Ильясова, анализируя классификации языковой игры, относит такой тип образований к способу «создания нового слова по языковой модели высокой продуктивности и выделения в нем производящей основы» [Ильясова 2001]. Так, лексема *Клинчко* ← ← *Кличко* + *Клинч* (англ. *clinch* — 'запрещенные действия в боксе'), образованная по модели «имя собственное + заимствованная основа», активна в текстах украинских и российских СМИ. Примерами могут служить следующие заглавия статей: *Клинчко. Как Поветкин потерпел первое поражение в карьере...* [Клинчко]; *Промоутер Поветкина протестует против „биоробота Клинчко“* [Промоутер Поветкина...]; *„Навальный Клинчко“ — конец стиля ближнего боя* [Корн 2013]. Среди активных новообразований интересны такие контаминированные единицы с графическим выделением: *НаЗИДАНИЕ* ← *назидание* + *Зидан* (Зинедин Зидан — французский футболист), например в заглавиях статей о спорте: *НаЗИДАНИЕ* [НаЗИДАНИЕ 2006]; *В НаЗИДАНИЕ потомкам* [Ostanniy 2006]. От онима «В. Ф. Чуб» (советский и российский государственный деятель, член Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам) образована единица *очубеть*: *Все вокруг очубели* (глагол; являются сторонниками В. Чуба).

Активны образования с именами собственными, которые созданы по модели «имя собственное + соединительная гласная -о- + заимствованная основа». Задействуются следующие имена: Д. Буш (*Бушефрения* ← *Буш* + *-е-* + *шизофрения*, например: *Как в психиатрии есть отдельные отрасли — шизофренология, эпилептология и другие, так и в политологии, по-видимому, скоро появится особый раздел — „бушефрения“* [Дмитриев 2003]), Кондолиза Райс (Государственный секретарь США, 2005—2009; новообразование: *Скандализа* ← *Скандал* + *Кондолиза* + *а/о*, например: *Скандализа Райс. Так утверждают американские таблоиды, которые отслеживают каждый шаг самого незаурядного госсекретаря Соединенных Штатов. Каких только слухов не ходило о личной жизни Кондолизы Райс в последние годы!* [Скандализа Райс]).

По мнению С. В. Ильясовой, «контаминированные новообразования, так же, как и инновации других типов, активно образуются в русском языке, но контаминации с графическим выделением как новый тип инноваций появились только в последние годы XX в.»

[Ильясова 2001]. Так, в интернет-пространстве появился пласт лексики, характеризующий процессы, которые связаны с iPhone (мультимедийный смартфон, разработанный корпорацией «Apple»). Исследуемая лексика сопровождается образованием конструкций, сочетающих написание латиницей и кириллицей, причем чаще всего первая часть передается латиницей: *инновости* ← *iPhone* + *новости*; *ипогода* ← *iPhone* + *погода*; *ифотграфия* ← *iPhone* + *фотография*; *ипоиск* ← *iPhone* + *поиск*; *иработа* ← *iPhone* + *работа* и др.

Выводы. Таким образом, следует отметить активное образование лексических инноваций посредством междусловного и внутрисловного наложения и его формальных разновидностей: междусловного наложения в чистом виде (без усечения и формального видоизменения), междусловного и внутрисловного наложения с формальным (графемным) видоизменением. Образование контаминированных единиц происходит по следующим деривационным моделям: «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованная основа», «исконная основа + соединительная гласная + исконная основа», «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + исконная основа + исконный суффикс», «имя собственное + соединительная гласная -о- + заимствованная основа», «заимствованная основа + заимствованная основа», «заимствованная основа + исконная основа», «исконная основа + заимствованная основа» и др. В составе неолексем активны элементы нарицательных имен («компьютер», «телевизор» и др.), имен собственных, а также раскрывают свой потенциал иноязычные основы — *вики-*, *-ман*, *-скоп* и др.

ИСТОЧНИКИ

1. *Вампьютеризация*. URL: <http://inogda2.ru/post/karta-mira-iz-elektronnyx-plat>.
2. *Вуртоман*. URL: <http://tormentness.wordpress.com/2010/01/11/>.
3. *Волонтуризм* стал модным течением. 2008. 29 мая. URL: http://www.saga.ua/44_archives_news_77818.html.
4. *Дар слова*. Проективный лексикон Михаила Эпштейна. № 32. 2001. 11 июня. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar32.html>.
5. *Дмитриев С.* Новая болезнь — «бушефрения» // Аргументы и факты. 2003. № 52 (1209). URL: http://gazeta.aif.ru/online/aif/1209/10_02.
6. *Зомбовизор* опасен для здоровья нации // Новости Нашей Планеты: сайт. 2012. 22 июня. URL: http://planeta.moy.su/blog/zombovizor_opasen_dlja_zdorovja_nacii/2012-06-22-22729.
7. *Зомбоскоп* // Паразитариум.py : сайт. URL: <http://www.parazitarium.ru/ru/-/68794.html/>

8. *Клинчко*. Как Поветкин потерпел первое поражение в карьере // Sports.ru : сайт. 2013. 6 окт. URL: http://www.sports.ru/photogallery/153410458.html?photo_id=153411050#153411050.

9. *Корн В.* «Навальный Клинчко» — конец стиля ближнего боя // Русская народная линия : информационно-аналитическая служба. 2013. 7 окт. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2013/10/07/navalnyj_klinchko_konec_stilya_blizhnego_boya/.

10. *Названы самые модные* слова прошедшего телесезона // Lenta.py : сайт. 2006. 28 авг. URL: <http://lenta.ru/news/2006/08/28/words/>.

11. *НаЗИДАНИЕ*. 2006. 10 июля. URL: <http://izvestia.ru>.

12. *Периуков В.* Вы еще не в сети? Обзор камер Kodak Zi6 // Ferra.ru. 2010. 26 февр. URL: <http://www.ferra.ru/ru/digiphot/96147/#.U-cfRKO8GuI>.

13. *Промоутер* Поветкина протестует против «биоробота КлиНчко» // Sportbox.ru : сайт. 2013. 24 окт. URL: http://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Boks/Professionalnyj/spbnews_NI411323_Promouter-Povetkina-protetuet-protiv-biorobota-Kl.

14. *САН-Новосибирск*. Главным словом года в России стало прилагательное «антикризисный» // Sibnovosti.ru : сайт. 2009. 17 дек. URL: <http://nsk.sibnovosti.ru/society/93504-glavnym-slovom-goda-v-rossii-stalo-prilagatelnoe-antikrizisnyy>.

15. *Сбербанк*. URL: <http://vlucxm.hdfree.in/sderbank.html>.

16. *Силовигархи* недовольны декларациями о доходах своих вассалов. 2013. 6 сент. URL: <http://www.newsru.com/>.

17. *Скандализа Райс* // Новое дело. 2007. 20 дек.

18. *Трепортёр*. URL: http://skazanul.ru/taxonomy_vtn/term/234.

19. *Чулан*. Обхабрился, тоесть привет. 2007. 16 апр. URL: <http://habrahabr.ru/tag/dykzei/>.

20. *Шевченко Д.* Силовигархи не присоединяются к международной конвенции, которая бы позволила эффективно защищать экологические права граждан РФ // Правда-info : сайт. 2013. 25 июня. URL: <http://www.pravda.info/kompromat/114425.html>.

21. *Ostanniy*. В наЗИДАНИЕ потомкам // Харьков — интересно.name. 2006. 4 авг. URL: <http://www.interesno.name/node/68>.

ЛИТЕРАТУРА

22. *Бессонова Л. Е.* Деривационный потенциал политических слов // Мови та культури у новій Європі: контакти і самобутність : збірник наукових доповідей. — Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009. С. 49—57.
23. *Гридина Т. А.* Языковая игра в жанре политического прикола // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 47—51.
24. *Журавлев А. Ф.* Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. — М. : Наука, 1982. С. 45—109.
25. *Ильясова С. В.* Языковая игра в газетном тексте. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=395&> (дата обращения: 30.07.2014).

26. Крысин Л. П. Учебный словарь иностранных слов. — М. : Эксмо, 2010.

27. Малеева М. С. Контаминация как способ образования окказиональных слов // Словопроизводственный процесс и функционирование производных единиц в языке и речи. — Курск, 1986. С. 42—50.

28. Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета : курс лекций по общему языкознанию. — М. : Флинта : Наука, 2009.

29. Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. — Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1986.

30. Попова Т. В. Графиксация как новое явление в языке и научной когнитивности // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. : Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 57, № 24 (239). С. 160—163.

31. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М. : Языки славянской культуры, 2002.

32. Шишикина А. А. Активные процессы современного словопроизводства и их отражение в текстах СМИ // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 2 (1). С. 302—307.

33. *Этимологический словарь Фасмера*. 1986. URL: <http://vasmer.narod.ru> (дата обращения: 30.07.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. В. Петров.

Л. П. Кравцова L. P. Kravtsova
Каунас, Литва Kaunas, Lithuania

**«ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»
В ЗЕРКАЛЕ СЛОВАРЯ И ДИСКУРСА**

Аннотация. Рассматриваются имена «предприниматель/бизнесмен» как родовые обозначения целого денотативного класса лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Определяются границы класса и описываются особенности использования этих имен в русском дискурсе. Автор полагает, что неясность отнесения того или иного вида деятельности к предпринимательской связана с неточностью толкования понятия в ряде словарей, где отсутствует указание на экономический риск, угрожающий субъекту данной деятельности. Рассматривается ряд выражений, позволяющих судить как о специфике описываемой словом деятельности («охота на предпринимателей»), так и о предпочтениях русского официального и бытового дискурса в выборе наименований «предприниматель/бизнесмен». Автор полагает, что изменение отношения в публичном дискурсе к предпринимательской деятельности, демонстрация ее героического начала могли бы способствовать ее популяризации в России.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика; дискурсивные особенности использования слов; выбор наименования; денотативный класс.

Сведения об авторе: Кравцова Людмила Петровна, доктор филологических наук.

Место работы: Каунасский технологический университет.

Контактная информация: K. Donelaičio St. 73, LT-44029, Kaunas.
e-mail: liudmila.kravcova@ktu.lt.

**«HEROES OF OUR TIME» AS REFLECTED
IN VOCABULARY AND IN DISCOURSE**

Abstract. The article deals with the names “предприниматель/бизнесмен” (entrepreneur/businessman) as generic nominations of a class of persons, involved in business activity. It defines the borderlines of this class and describes the peculiarities of usage of these names in Russian discourse. The author believes that sometimes it is difficult to refer a certain type of activity to business because the notion of business activity is inadequately defined in a number of dictionaries in which the definition lacks such component as economic risk which the subject of such activity faces. The article studies a number of expressions characterizing the specific nature of the described activity “охота на предпринимателей” (businessman hunt) and the preferences of Russian formal and everyday discourse in choosing the names “предприниматель/бизнесмен”. The author hopes that the change of attitude to business activity in public discourse and the demonstration of its heroic nature could help in popularizing it in Russia.

Key words: axiological linguistics; discursive features of word usage; choice of nomination; denotational class.

About the author: Kravtsova Liudmila Petrovna, Doctor of Philology.

Place of employment: Kaunas University of Technology.

Предлагаемая статья по своей направленности близка направлению, именуемому в российской лингвистике аксиологической лингвистикой, основной объект изучения которой — лингвокультурные типы, «обобщенные образы личностей, чье поведение и чьи ценностные ориентации оказывают определенное влияние на лингвокультуру в целом и служат индикаторами этнического и социального своеобразия общества» [Аксиологическая лингвистика 2005]. Обычно материалом подобных исследований являются как словари различного рода (энциклопедические и толковые), так и ассоциативные эксперименты, направленные на выявление отношения к референту, стоящему за словом. Аксиологическая лингвистика [См.: Аксиологическая лингвистика 2005; Дмитриева 2007; Карасик 2005], широко развиваемая Волгоградской лингвистической школой, имеет своим объектом **лицо**, определенным образом характеризующее культуру

[Дмитриева 2007; Карасик 2005: 269—282, Карасик, Дмитриева 2005: 5—25 и др.], и располагает целостной методикой исследования лингвокультурного типажа, составляющими которой являются как описание лексического значения слова, так и описание внешности членов референтной группы, интеллекта, привычек, способа жизни и деятельности и т. п., точнее, выяснение ценностного отношения общества к обозначенному словом лицу. Наша работа не отличается от исследований аксиологической лингвистики своим объектом — **лицом**, различается не столько материалом исследования (там наряду со словарями в первую очередь используются материалы СМИ, ассоциативных экспериментов, а у нас — как данные дискурсов публичной коммуникации, так и данные словарей и прежде всего «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» в сравнении с более традиционными словарями), сколько методом

анализа определенной группы слов. Объектом анализа в нашей работе являются слова *предприниматель/бизнесмен*, рассматриваемые в первую очередь с точки зрения того, как меняется отношение лингвокультуры, зафиксированное в словарях и дискурсе публичной коммуникации, к содержательному наполнению этих слов, равно как и к стоящему за словом денотативному классу лиц.

Интерес к теме связан с изменением экономических отношений в России, где еще несколько десятилетий назад официально не существовало подобного рода занятий, в силу чего существующие слова использовались либо как называние фактов чужой действительности, либо как ироническое обозначение предприимчивого человека, причем само качество предприимчивости расценивалось неоднозначно (Чичиков в юности у Гоголя — пример честной предприимчивости). Эту лингвокультурную практику отразил словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, ср.: «предприниматель, 1. Капиталист — владелец промышленного или торгового предприятия (во 2 знач.). Частный предприниматель. 2. Человек, склонный к аферам, ловкий организатор выгодных предприятий (см. предприятие в 1 знач.; неодобрит.)» [Ушаков 1935—1940]. Правда, сегодня и в западном мире раздаются голоса против широкого использования этого термина: «Хватит быть „предпринимателем“, давайте отправим на пенсию термин предприниматель. Он устарел и обременен множеством стереотипов. Он пахнет каким-то членством в элитарном клубе. Каждому человеку следует рекомендовать начать свой собственный бизнес, а не только некоторым редкой породы, которая само идентифицирует себя как предпринимателей. Существует новая группа людей не начинающих своего серьезного бизнеса. Они создают прибыль, но еще никогда не думали о себе как о предпринимателях. Многие из них даже не думают о себе как о владельцах бизнеса. Они просто делают то, что они любят на их собственных условиях и получения оплаты за это» [Берлин 2014]. Таким образом, в силу изменившихся экономических отношений, вовлекающих в получение прибыли разнообразным путем все большее число членов общества, возникает потребность выяснить содержание существующих в языковом сознании носителей лингвокультуры терминов, определить границы денотативного класса, именуемого названными словами, и понять, как происходит процесс формирования отношения к его членам в дискурсе массовой коммуникации.

Нужно сказать, что эта группа слов уже становилась объектом исследования в ак-

сиологической лингвистике, именуемой также лингвокультурной персонологией [Иванова 2010; Михайлова 2005 и др.]. Так, в работе М. М. Ивановой на основе психолингвистических экспериментов были выделены наиболее яркие признаки лингвокультурного типажа «русский предприниматель»: *мужчина, богатый (и небогатый), владелец какого-либо собственного дела/предприятия, предприимчивый, занимается разными видами бизнеса, ведет деятельность в рамках закона (и действует с нарушением морально-правовых норм), занимается торговой деятельностью, деятельность направлена на получение доходов, не вызывает симпатии (и высоко оценивается обществом), организатор какого-либо дела/предприятия, занимается деятельностью небольшого масштаба, занимается развитием своего дела, умный*. М. М. Иванова делает совершенно справедливый вывод о том, что «данный концепт находится в стадии формирования и концептуализация явления „предприниматель“ русским сознанием еще не завершена и осуществляется противоречиво» [Иванова 2010].

Мы обращаемся к теме «предприниматель/бизнесмен в русском языке» в большей мере с позиций семантики и дискурсивной практики — с намерением уточнить семантические нюансы употребления этих слов в дискурсе публичной коммуникации, имея в виду прежде всего тот момент, что фигура предпринимателя в известной степени есть фигура героическая, принимающая на себя как экономические, так и физические риски. Об этом свидетельствует, например, ставшее практически устоявшимся выражение «охота на бизнесменов». Сама частотность этого выражения в Рунете (до 12 млн ответов) говорит об опасности данного рода деятельности.

В 1776 г. вышла книга Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», в том же году появилась Декларация независимости США. По мнению Р. Хайлбронера и Л. Тароу [Хайлбронер, Тароу 1994] и других экономистов, трудно сказать, какой из этих двух документов имел большее историческое значение. Декларация, считают они, прозвучала как призыв к созданию общества, основанного на «жизни, свободе и стремлении к счастью». Труд же А. Смита объяснял, как именно такое общество должно работать. В этой книге XVIII в. А. Смитом обозначена такая черта предпринимательской деятельности, которая, несмотря на некоторое общественное недоверие к означенному роду занятий, делает его весьма привлекательным с точки зрения характерной для современности тяги к «экс-

триму»: по мнению А. Смита, предприниматель, являясь собственником капитала, ради реализации определенной коммерческой идеи и получения прибыли идет на риск, поскольку вложения капиталов в то или иное дело всегда содержат в себе элемент риска. Предпринимательская **прибыль** и есть, по мнению Смита, компенсация **собственника за риск**. «Путь предпринимателей преграждают древние предрассудки, политические препятствия, налоги и регулирование, однако они встречают и друзей — людей, имеющих доступ к капиталу, знаниям, другим бизнесменам. Если предпринимателям повезет, они преуспеют. Если нет — они все равно научатся чему-то новому, что поможет им преуспеть в будущем и дать обществу инновации, которые изменят нашу жизнь навсегда» — эти слова принадлежат современному шведскому экономисту, автору книги «В защиту глобального капитализма», ставшей, как это ни странно в силу ее жанра, мировым бестселлером [Норберг 2006]. Насколько словарь современного русского языка и русский дискурс отражает это «героическое начало жизни», мы стремились выяснить, опираясь прежде всего на «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» [Толковый словарь русского языка XXI века... 2007] и современный русский дискурс публичной коммуникации.

Если посмотреть на сегодняшнюю ситуацию в России, то, по мнению трети опрошенных экспертами аналитического центра Юрия Левады россиян, предпринимательская деятельность не относится к числу наиболее престижных, хотя и входит в десятку самых популярных, занимая в ней почетное шестое место после юристов, менеджеров, врачей, банкиров и экономистов [Самая высокодоходная профессия??]. В то же время «Россия по-прежнему занимает одно из последних мест по уровню предпринимательской активности среди всех стран — с 4,6 % так называемых ранних предпринимателей (т. е. начинающих предпринимателей и владельцев совсем еще молодого бизнеса — до 3,5 лет) в составе взрослого трудоспособного населения — против 24 % в Китае, 23 % в Чили и 12,3 % в США. Ниже, чем в России, этот показатель только в Словении!» [Чепуренко 2012]. Возможно, одной из причин непопулярности предпринимательской деятельности в России являются, наряду с чертой национального характера, способы репрезентации этого рода деятельности в публичном дискурсе.

Кто же, собственно, является предпринимателем? Обратимся к данным словарей: **предприниматель** — *коммерц. Человек,*

имеющий свое дело, владеющий предприятием или на свой риск занимающейся какой-либо деятельностью, приносящей доход [ТСРЯ]; 1. владелец предприятия, фирмы, а также вообще деятель в экономической, финансовой сфере: ассоциация предпринимателей. 2. предприимчивый и практичный человек. 1) ж. предпринимательница [Ожегов, Шведова 1997]; Владелец предприятия, фирмы. б) Деятель в экономической, финансовой сфере. 2) Организатор выгодного дела, выгодного предприятия [Ефремова 2000].

Что объединяет эти толкования? На их основании к предпринимателям безусловно можно отнести владельца некоего предприятия (видимо, даже маленького) и человека, занятого в финансовой сфере. Но разве клерк банка является предпринимателем? Только Словарь актуальной лексики отмечает наличие экономического риска в деятельности лица, вкладывающего свои деньги в дело, способное принести прибыль. Правомерно ли соположение коммерческой (торговой) деятельности с предпринимательством? Думается, сегодня этот вопрос уже не возникает, хотя словари современного русского языка не всегда включают в толкование слов *коммерсант* и *торговец* компонент 'предприниматель' («Человек, занимающийся коммерцией» [Ожегов, Шведова 1997]; «Тот, кто занимается коммерцией» [Ефремова 2000]; «Человек, занимающийся коммерцией, предприниматель» [ТСРЯ]). Если рассмотреть подробнее характеристики предпринимательской деятельности, мы убедимся в возможности установления между этими словами — *предприниматель* и *торговец (коммерсант)* — отношений гиперонимии (родо-видовых), что и сделано в Словаре актуальной лексики. Вообще, если опираться на толкования слов со значением лица в ТСРЯ, то компонент 'заниматься предпринимательской деятельностью' объединяет довольно значительную группу слов, а именно: **промышленник, капиталист, галерист (галеристка), продюсер шоу-бизнеса, импресарио, коммерсант, маклер, дилер, дистрибьютор, девелопер, трейдер, кооперативщик, кооператор, частник, магазинщик, ларечник, оптовик, фермер, купец, импортер, ритейлер**. Включение некоторых слов в эту группу достаточно очевидно и не требует особых комментариев; ряд отмеченных слов нуждается, как нам кажется, и в пояснении их значения, и в аргументации того, насколько правомерно их включение в группу с родовым термином (гиперонимом) *предприниматель*. Например, *девелопер* (девелоп-

пер — под этим термином понимается предприниматель, бизнес которого заключается в получении прибыли от создания новых объектов недвижимости. При этом девелоперу принадлежит авторство идеи проекта. Он сам выбирает, где будет создан объект недвижимости, как он будет выглядеть и какая группа населения там будет жить. Девелопер будет сопровождать процесс создания здания на всех этапах. Он организует проектирование объекта, выкуп земли под объект, получение лицензии под строительство, подыскивает строительную фирму, а впоследствии и брокера для продажи объекта. Сегодня девелоперами чаще всего выступают юридические лица, девелоперские конторы, которые имеют возможность привлекать крупные инвестиции под развитие своих проектов): «(из англ.) экон. Лицо или фирма, профессионально занимающиеся девелопментом. *Девелопмент*, экон. Развитие и качественное преобразование коммерческой недвижимости, обеспечивающее возрастание ее стоимости (выполнение строительных, инженерных, земляных и иных работ на поверхности и над или под землей, осуществление каких-либо материальных изменений в использовании зданий или участков земли» [ТСРЯ]. Приведенные слова называют лиц, вкладывающих деньги в некое дело с целью получения дальнейшей прибыли. Они ведут дело самостоятельно и принимают на себя экономические риски, связанные с тем, что предпринятая инициатива не покроет материальных издержек. Значительная часть слов, относимых к этой группе, не является неологизмами в русском языке, если судить по данным словарей, тем не менее некоторые слова или пережили реактуализацию, или изменили свои коннотации по сравнению с их коннотациями в советском дискурсе. Впрочем, это тема отдельного исследования — здесь мы ограничимся предварительным определением границ денотативного класса, родовым обозначением которого являются слова *предприниматель/бизнесмен*.

Как отмечает А. А. Бессолицын, первую целостную концепцию предпринимательства предложил французский экономист и банкир ирландского происхождения Р. Кантильон (1680—1734). Предпринимательством он считал такую экономическую деятельность, которая в условиях *постоянного риска* приводит в соответствие товарное предложение и спрос [Бессолицын 2008]. Отраженное в «народной» энциклопедии Википедия понимание предпринимательства оформляется следующим образом: «Предпринимательство, предпринимательская деятельность —

самостоятельная, **осуществляемая на свой риск** (выделено нами. — Л. К.) экономическая деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом и/или нематериальными активами, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке». Здесь же предпринимательство соотносится с понятием «бизнес»: «Бизнес (англ. business — «дело», «предприятие») — деятельность, направленная на получение прибыли; любой вид деятельности, приносящий доход или иные личные выгоды. В русском языке слова *предпринимательство* и *бизнес* синонимичны. Предпринимательство, бизнес — важнейший атрибут рыночной экономики, пронизывающий все её институты» [Предпринимательство]. В английский язык слово *предприниматель* пришло из французского *entrepreneur* (вспомним знакомое по XIX в. слово *антрепренер*, относимое только к театральной сфере деятельности). Вот толкование этого слова в Оксфордском словаре: *a person who sets up a business or businesses, taking on financial risks in the hope of profit: many entrepreneurs see potential in this market*. Как видим, чертами предпринимательской деятельности являются такие, как организация собственного дела, экономические риски, получение прибыли. Англо-русский экономический словарь приводит более лаконичное, но емкое определение слова *entrepreneur*: **человек, который создает, финансирует и управляет коммерческой или промышленной организацией, ожидая получить прибыль** [Entrepreneur]. В качестве синонима *entrepreneur* указывается слово *employer*, в значение которого входит указание на то, что обозначаемый им человек является нанIMATEЛЕМ рабочей силы.

Вот что писал В. В. Виноградов о соотношении слов *предприниматель* и *антрепренер*: «Предприниматель, антрепренёр. Слово **предприниматель** (от глагола предпринимать) в русском языке появилось позднее, чем слово предприятие. Слово предприниматель, сохраняющее налет книжности, в современном русском языке выражает два значения: 1) капиталист — владелец промышленного или торгового предприятия; 2) аферист — ловкий организатор выгодных дел, предприятий. Это слово возникло в книжном русском языке не ранее 40—50-х годов XIX века. Оно образовано под сильным влиянием франц. *entrepreneur*. Слова предприниматель нет в словаре 1847 г. Но оно уже помещено в „Толковом словаре“ В. И. Даля, хотя истолковано здесь чисто

морфологически: „предпринявший что-либо“. В журнально-публицистическом языке 50-х гг. XIX в. это слово звучало как неологизм. Например, В. Безобразов писал: „Нам уже не раз случалось употребить выражение **хозяин предприятия** вместо французского антрепренер. Иначе мы не умеем перевести это слово: и едва ли возможно передать ближе на русском языке понятие, соединяемое с французским названием. Хотя и употребляется у нас слово **антрепренер**, — но в нем есть что-то не только чуждое языку, но и чуждое экономическим условиям народной промышленности... Название **антрепренер** в понятиях нашего народа название как-то не серьезное, не соответствующее его насущным потребностям; до сих пор употребляют слово антрепренер, когда говорят о какой-нибудь заморской затее для общественного увеселения, о театре, о кочующих труппах комедиантов, музыкантов и проч., о чем-то непостоянном, случайном. Но **антрепренер** и не мог у нас получить того народного значения, какое соответствует этому слову на Западе. У нас есть название: **подрядчик, барышник, хозяин**. Все эти слова включают в себе многие экономические понятия, связанные со словом антрепренер; но подрядом нельзя назвать всякое промышленное предприятие; **барышничество** — представляет одну только сторону деятельности антрепренера и притом с некоторою примесью не совсем честного, по крайней мере правильного труда; название **хозяин**, близко соответствуя значению антрепренера, имеет за собой действительное его употребление на народном экономическом языке, — хотя до сих пор скорее в менее важных, промышленных делах. Наконец производное — предприниматель кажется нам слишком искусственным, слишком книжным, а книжные экономические названия, не подходящие ни под действительные экономические факты страны, ни под народные понятия, всегда кажутся чем-то чуждым, враждебным науке, которой лучшее, в настоящее время, начало, лучшее убеждение — это необходимость исследования только действительных фактов жизни“» [Виноградов 1978: 253].

Эти слова, сказанные задолго до актуализации на территории страны носителей русского языка рыночных отношений, остаются актуальными в новый период изменения экономических отношений и позволяют далее рассмотреть слова, включающие компонент ‘предприниматель’, в намеченном В. В. Виноградовым аспекте: с точки зрения денотативной отнесенности (к какому виду предпринимательской деятельности в реальной действительности относится слово),

с точки зрения стилистического характера употребления слова, его возможности приобретать метафорические значения и т. п.

Итак, существуют ли различия в понимании деятельности *предпринимателя* и *бизнесмена* в сознании носителей русского языка? Кстати, по предварительным наблюдениям, требующим количественного подтверждения, выражение *охота на бизнесменов* используется чаще, чем *охота на предпринимателей*: *Охота на бизнесменов в Баку; Охота на бизнесменов в Томске: задержан убийца главы сети супермаркетов; В Узбекистане началась „охота“ на бизнесменов; Охота на бизнесменов продолжается; Охота на бизнесменов: два расстрела за одну ночь; Охота на предпринимателей; В Томске идет охота на предпринимателей. Убиты гендиректор завода и его заместитель*. Информация об «охоте на предпринимателей» часто сопровождается предвосхищающим выражением *охота на бизнес*: *Охота на бизнес: спор предпринимателей с таможенными органами закончился решеткой; Охота на бизнес: предпринимателя обвинили в мошенничестве после отказа „крышевателям“; Охота на бизнес: Банк посадил предпринимателя за решетку, несмотря на погашенный кредит*. Интересно, что в случае такой интродуктивной фразы содержательная часть связана с информацией о деятельности против предпринимателей официальных органов, если же такого ввода (*охота на бизнес*) нет, речь обычно идет о покушении на жизнь тех, кого именуют предпринимателями. Сказанное позволяет выявить по крайней мере одну общую черту: и те и другие являются объектами охоты, занимаются опасной деятельностью; а различающая дискурсивная особенность их презентации в дискурсе публичной коммуникации состоит в том, что против предпринимателей «воюют» не только криминальные группировки, но и официальные органы.

Приведем одно из мнений, высказанных на бизнес-сайте «Бизнес в блоге»: *Начать следует с того, что в нашей стране большинство граждан (в том числе занимающихся собственной деятельностью) считают, что бизнесмен и предприниматель — это один и тот же человек, деятельность которого направлена на извлечение собственной выгоды, выраженной, как правило, в материальном отношении. А применение разных терминов, по их словам, связано с приходом иностранных слов. Бизнесмен это американский предприниматель — так считают многие жители нашей страны. В чем-то они правы. И те и*

другие занимаются какой-то деятельностью. Вот только подход к деятельности, способ организации и варианты старта собственного дела у тех и других — несколько отличаются. <...> Говоря простыми словами, главное отличие заключается в следующем. Предприниматель — это тот, кто воплощает новые идеи бизнеса (новые способы заработка денег) в реальность. То есть, он создает новый товар или услуги, или же значительно улучшает (модернизирует) существующие... Говоря простыми словами, главное отличие заключается в следующем. Марк Цукерберг — основатель Facebook — истинный предприниматель, которого называют основоположником социальных сетей. Он создал не просто уникальный интернет-сайт. Он создал совершенно новую среду для общения, развлечения и даже ведения бизнеса в сети интернет. Вот вам пример настоящего предпринимателя. Разберем второй термин. Бизнесмен — это тот, кто приобретает готовый действующий бизнес или же копирует уже существующую модель. То есть, если вы покупаете или открываете очередной магазин „Продукты“, то вы предприниматель (здесь, видимо, пишущий сам ошибся: по высказанной логике тот, кто покупает готовый продукт, должен именоваться бизнесменом. — Л. К.). В качестве примера напрашивается наш интернет-деятель — Павел Дуров, который практически полностью скопировал модель бизнеса у вышеупомянутого Цукерберга, создав успешный клон Facebook (речь идет о социальной сети Vkontakte). Как видите, Павел является отличным примером бизнесмена — увидел, скопировал, заработал миллионы. Подводя итог вышесказанного, можно заявить следующее. Двигателем прогресса являются именно предприниматели. Ведь именно последние создают и внедряют в современное производство новые технологии, воплощают в жизнь самые безумные идеи... всячески разнообразят наш мир. Но поддерживают экономическую обстановку в мире, не только предприниматели, но и бизнесмены, которые также создают рабочие места и ежегодно приносят в бюджет стран и государств миллиарды долларов прибыли [Бизнес-вопрос № 4].

Согласимся, что здесь высказано весьма субъективное мнение относительно различий между предпринимателями и бизнесменами: попытка разграничить эти значения связана именно с существованием двух слов, имеющих одинаковые словарные толкования (и словарь С. И. Ожегова, и МАС, и

словарь С. А. Кузнецова толкуют бизнесмен через слово предприниматель). В этом отрывке нам представляется важным другое: в терминах когнитивной семантики сделана попытка представить категорию через ее образцы: категорию предпринимателей — через Марка Цукерберга, категорию бизнесменов — через Павла Дурова. Подобная дискурсивная практика требует интеллектуальных навыков со стороны ее субъекта и интеллектуальной рефлексии — со стороны адресата, который в будущем на основании воспринятых критериев будет включать тот или иной объект в определенную категорию.

Говоря о бытовом дискурсе Рунета, нужно сказать, что в последнее время появляются сайты поздравлений с юбилеями «для предпринимателей» и «для бизнесменов». Приведем один из примеров, свидетельствующих о происходящем переосмыслении содержания этого рода деятельности в общественном мнении:

*Многие не знаю, что значит ваш труд.
Отдельные люди — обманщиком зовут.
Предприниматель — это символ*

*усердия,
Но мало кто понимает ваши действия.*

*Пусть с этого доброго дня,
Изменится резко жизни твоя.*

*Пусть станет больше друзей
понимающих,*

Пусть не будет среди вас страдающих.

[Прикольные поздравления с днем предпринимателя]

Сайт с пожеланиями на день рождения бизнесмену, как уже говорилось, также существует [Стихи к дню рождения бизнесмену], однако помещенные на нем стишки чаще не содержат указания на занятие поздравляемого, но часто фиксируют возраст (обычно молодой) героя праздника:

*Ура, день рожденья! Теперь 29
Еще один годик в копилку!
Печали по ветру сегодня развеять,
Вина откупорив бутылку!
Ведь тем замечателен этот денек,
Что он нам дает, как и прежде,
Возможность слететься всем на огонек,
В красивой, конечно, одежде!*

[Стихи к дню рождения бизнесмену]

Из сказанного следует, что «героями времени», «колумбами» экономического развития являются скорее предприниматели (а не бизнесмены) — именно они идут на риск, пускаясь в неведомое плавание. Если сопоставлять зафиксированное в русском дискурсе отношение к тем, кто обозначен соответствующими словами, то нужно сказать, что слово бизнесмен обладает опре-

деленными коннотациями, делающими стоящего за ним человека героем многочисленных анекдотов: *Бизнесмен отличается от коммуниста тем, что коммунист способен лишь строить воздушные замки, а бизнесмен может их продать* [Лента анекдотов]; *Современный бизнесмен должен говорить по-английски чисто и по-русски — чисто конкретно* [Там же].

Приведем еще одно мнение компетентного в экономической науке лица, в определенной степени противоположное высказанному выше. Вот что говорит о различии между предпринимателем и бизнесменом председатель правления ИК «Eavex Capital» Юрий Яковенко:

Скорей всего этот вопрос к филологам. Если говорить в общем, то бизнесмен может быть и государственным лицом. Также он занимается крупным бизнесом. А предприниматель имеет какой-то частный оттенок, что ли. Предприниматель этот тот, кто несет риски, кто занимается собственным бизнесом, развивает его.

Ну, а бизнесмен это уже более широкое понятие. Бизнесменом может быть управляющий большой компанией, допустим корпорацией. Такой управляющий — точно бизнесмен, а не предприниматель. И конечно, в этих двух понятиях присутствует некий оттенок масштабов их функций. Потому что повторюсь, бизнесмен это нечто более крупное, а предприниматель это что-то мелкое... Вот в чем они одинаковы, так это в желании получить как можно более высокие доходы [Предприниматель и бизнесмен — в чем отличие?].

Мы приводим столь пространные цитаты для того, чтобы показать, что некоторые слова, не включающие в состав словарного значения компонент *'предприниматель'*, тем не менее могут быть рассмотрены как выражающие определенным лексическим способом эту идею. Так, является ли банкир бизнесменом, если он создал банк, нанимает рабочую силу, идет на крупные экономические риски, вкладывает деньги в различные масштабные проекты? Можно ли отнести работника шоу-бизнеса к предпринимателям, если он организует гастрольные туры, «раскручивает» певцов, запускает в производство фильмы? И можно ли считать предпринимателем/бизнесменом владельца киоска на рынке, привозящего товар из Турции для его последующей продажи? Мы не можем ответить на этот вопрос однозначно, так как слово *бизнесмен* отсутствует в российском законодательстве о предпринимательстве: там используется понятие «индивидуальный предприниматель», т. е. человек,

занимающийся «мелким» бизнесом. Возможно, язык позднее, по мере развития в России самостоятельной экономической деятельности, закрепит точное определение понятий в создаваемом на нем дискурсе и описывающем его словарях. Тем не менее мы попытались очертить группу слов, называющих лицо, которое вкладывает деньги в дело для получения больших денег, предполагая, что инициатива может не увенчаться успехом. Мы также отмечаем дискурсивные особенности использования слов *бизнесмен* и *предприниматель* в современном русском дискурсе.

Итак, ТСРЯ дает следующую группу наименований *бизнесмена*:

Бизнесмен — коммерц. Организатор бизнеса, предприниматель, коммерсант.

Бизнесменка. Разг.

Бизнесменша = бизнесменка. Разг.

Бизнесвумен и *бизнес-вумен*. Коммерц.

Бизнес-леди и *бизнеследи* = бизнесвумен и бизнес-вумен, коммерц. — Женщина бизнесмен, деловая женщина.

Отметим, что ТСРЯ прибегает к синонимическому способу толкования значения, в силу чего мы, с одной стороны, можем говорить об отношениях смысловой эквивалентности между включенными в один ряд словами, а с другой — искать возможные несоответствия в их употреблении, например, как было показано выше, — коннотации, обуславливающие использование того или иного синонима в определенном типе дискурса. Так, обычно устраиваются *съезды предпринимателей*: *III СЪЕЗД ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ!* [III Съезд предпринимателей! 2011]; *СЪЕЗДЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ* [Ноздрин]; *Бизнесмены города делятся впечатления от съезда предпринимателей, который прошел в Набережных Челнах вчера* [Бизнесмену на съезде не дали сказать]. И хотя отношения кореферентности между словами *бизнесмен* и *предприниматель* очевидны (что показано в последнем примере, где участников съезда предпринимателей называют бизнесменами), тем не менее официальный русский дискурс тяготеет все-таки к использованию русского слова. Вот еще один пример со словом «съезд»: *СЪЕЗД БИЗНЕСМЕНОВ* (заголовок в прессе. — Л. К.). *В конце прошлой недели в Пензе прошел II съезд представителей малого и среднего бизнеса Пензенской области* [Мельникова].

Обратимся к женским наименованиям лиц с соответствующим родом занятий. Наличие четырех словарных статей — *бизнесменка*, *бизнесменша*, *бизнесвумен*, *бизнеследи* — позволяет говорить как о распро-

странности понятия и обозначающего его слова, так и о гендерных веяниях в этой области. (Если обратиться к практике более ранних или традиционных словарей, то нужно сказать, что словарь Т. Ф. Ефремовой отмечает слово *бизнес-леди*, как и *бизнесвумен*, при этом дано единственное — слитное — написание последнего слова; словарь С. И. Ожегова — Н. Ю. Шведовой этих слов — *бизнесвумен*, *бизнес-леди* — не содержит.) То, что однозначное написание женских обозначений этого рода занятий (с дефисом или без него) не устоялось, говорит и о некоторой неукорененности называемого понятия в практике российской действительности. Даже на сайте русского женского журнала для деловых леди допускается различное написание его названия: «*Женский журнал „БИЗНЕС-ЛЕДИ life“ создан именно для таких прекрасных дам, которыми стоит гордиться и благодаря которым молодые леди постигают секреты успешной карьеры, профессионализма, не боятся трудностей и идут вперед к своей цели*» — и там же: «*Гости и эксперты „Бизнес Леди life“ помогают каждой женщине найти свой секрет успеха!*» [Бизнес Леди life]. *Бизнес-леди* находится в отношении кореферентности со словом *бизнес-вумен*, допускающим в современном дискурсе тройственное написание: *бизнесвумен*, *бизнес-вумен* и *бизнес вумен*. В словаре на сайте «Академик» [Бизнес] и в словаре Т. Ф. Ефремовой дается слитное написание этого слова.

Трудно говорить о существенных различиях в употреблении слов *бизнес-леди* и *бизнесвумен*, однако некоторые предположения, требующие дальнейшей проверки, можно высказать: там, где речь идет о проступках, неудачах, криминальных действиях деловых женщин, чаще используется именно *бизнесвумен*: *Автовладелице из Петербурга не удалось стать „бизнесвумен“* [Автовладелице из Петербурга...]; *Хабаровскую бизнесвумен посадили на 17 лет за организацию двух убийств* [Хабаровскую бизнесвумен...]. Возможно, в такой дифференциации употребления *бизнес-леди* и *бизнесвумен* сказывается отношение к деловым женщинам в России, где носители языка для выражения некоторого негатива избирают иноязычное слово, кажущееся несколько эпатажным, а потому ироничным в социально-лингвистическом пейзаже страны с преобладанием носителей русского языка. О наличии спорного отношения к деловым женщинам свидетельствуют и социологические опросы следующего характера:

Анна Муляр: „Я сейчас провожу социологическое исследование для курсовой. Те-

ма „Женщины в бизнесе“. Дорогие друзья, буду очень признательна за помощь в своей исследовательской работе:

1. *Бизнесвумен — социальная проблема?*

2. *В чём выражается эта проблема? (если ответ на первый вопрос — положительный)*

3. *Полезны или вредны бизнесвумен для экономики? Или это никак на ней не отражается?*

4. *Полезны или вредны бизнесвумен для демографии? Или это никак на ней не отражается?»* [Муляр 2014].

Русское слово *бизнесменша*, отмеченное пометой *разг.* (*Разг. Женщина, занимающаяся бизнесом* [Толковый словарь русского языка Кузнецова]), также употребляется в тех случаях, когда авторы материалов хотят сообщить негативные сведения о женщинах, занимающихся бизнесом, или выразить притворное сожаление по поводу их несостоявшихся финансовых успехов: *Пьяная бизнесменша, сбившая насмерть маму с сынишкой: „Я не помню, как это произошло“* [Папочкина, Смирнова 2012]; *Пьяная бизнесменша на внедорожнике убила семью туристов на Байкале* [Пьяная бизнесменша на внедорожнике...]; *В школе искусств бизнесменша торговала пивом* [В школе искусств бизнесменша...]; *Бизнесменша Бузова. БИЗНЕС ОЛЬГИ БУЗОВОЙ ТЕРПИТ УБЫТКИ* [Бизнесменша Бузова 2014].

Если говорить об отношении общества, зафиксированном в комментариях к приведенным выше сообщениям, то следует сказать, что читатели не акцентируют внимание на роде деятельности «героинь» повествования, что может свидетельствовать о нейтральном отношении к занятиям бизнесом женщинами (ответ на поставленный выше Анной Муляр, пишущей социологическую работу «Женщины в бизнесе», вопрос), однако некоторые иронические пассажи, касающиеся занятия бизнесом, позволяют говорить об определенном видении поставленной выше проблемы, а именно: женщина, занимающаяся бизнесом, теряет гендерные отличия. Вот характерный пример: *Разноличности бизнесменов. Бизнесмены делятся на бизнес-джентльменов и бизнес-леди. Отличить один вид от другого невозможно, единственный способ — подождать, пока бизнесмен представится. Поэтому бизнесмены так любят бизнес-вечеринки, на которых они могут завести бизнес-знакомство друг с другом* [Бизнесмен].

Цитируя выше работу М. М. Ивановой, посвященную «российскому предпринимателю» в глазах общества, мы подчеркнули мысль автора о наличии противоположных оценочных составляющих в содержании

концепта «предприниматель»: с одной стороны, он «нарушает моральные нормы», с другой — «умный». Дело, конечно, не только в неукорененности этого рода деятельности в российской экономической практике, но и в предпринимательской практике самих субъектов такой деятельности, только постигающих азы этики предпринимателя. Тем более что такое постижение происходит в обществе, в котором в течение многих десятилетий занятие предпринимательством/бизнесом оценивалось негативно. Внимательное чтение словаря как своего рода текста (гипертекста) позволяет говорить о новом видении занятия бизнесом. Так, если словарь С. И. Ожегова дает выражение *делать бизнес на чем-то* (получать доход, а также наживаться), то Словарь актуальной лексики этого выражения не содержит. Обычно так говорят о мелких предпринимателях, занимающихся добычей денег на жизнь: *В Чехии пытались сделать бизнес на футболках с Брейвиком* — о «предприимчивом чехе», продавшем через Интернет около 30 футболок с изображением Брейвика [В Чехии пытались сделать бизнес...]; *Короткий жанр: Как сделать бизнес на раскрутке некоммерческого кино* — о россиянце Иване Лопатине, продвигающем на западные кинорынки русские короткометражные фильмы [Prokina 2012]. Думается, что такое выражение используется в русском языке именно для обозначения индивидуальной предпринимательской деятельности, не всегда честной, а не деятельности крупных компаний. Элиминирование этого выражения из нового словаря говорит о том, что отношение к бизнесу, во всяком случае у просвещенной части общества, становится иным.

Небезынтересным с точки зрения того, кого и с каким отношением включали в группу *предпринимателей/бизнесменов* носители русского языка предыдущей эпохи, дает словарь русских синонимов: *бизнесмен, предприниматель, делец, воротила; барышник, кооператор, лавочник, акула, купец, дилер, заправила, негоциант, марки-тант, купчик, делега, купчина, промышленник, челнок, коммерсант, торговец, частник, скупщик, деловик, перекупщик, торгоаш* [Словарь синонимов]. Эти данные, с одной стороны, показывают, кто все-таки в сознании носителей русского языка относится к предпринимателям (*промышленник, частник, кооператор*), а с другой — демонстрируют отношение носителей русского языка к явлению, обозначенному словом *бизнесмен* (*купчик, заправила, делега, торгоаш* и т. п.), судя по всему, оставшееся с советских времен и до сих пор сохранившееся в виде не-

приязни к инициативным людям, ставшим богаче других.

Нужно сказать, что еще в словаре В. И. Даля можно найти элементы «аксиологической лингвистики» в толковании слова *предприниматель*: *Предпринимать <...> Предприниманье, предпринятие, предприятие или предприем, предприемка, действ. по глаг. || Предприятие, что предпринимается, самое дело. Такое предприятие требует огромных средств. Предприимчивый торговец, склонный, способный к предприятиям, крупным оборотам; смелый, решительный, отважный на дела этого рода* [Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля]. Таким образом, В. И. Даль солидарен в оценке предпринимателей как своеобразных экстремалов с сегодняшними защитниками «современного глобального капитализма». Возможно, демонстрация почетности и сложности деятельности бизнесменов/предпринимателей в публичном дискурсе может способствовать тому, что Россия уйдет с предпоследнего места в области предпринимательской деятельности молодежи, и это, как сказал один цитировавшийся выше пользователь Рунета, сделает мир разнообразнее и богаче. Тем более что такая точка зрения на предпринимательство не нарушает русской ментальной традиции, отмеченной в словаре В. И. Даля.

СЛОВАРИ

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М. : Русский язык, 2000.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : Азбуковник, 1997.
3. Словарь русского языка = MAC : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1957—1961.
4. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. URL: <http://slovardalja.net/>.
5. Толковый словарь русского языка Кузнецова // Онлайн-словари : сайт. URL: http://onlineslovari.com/tolkovyiy_slovar_russkogo_yazyika_kuznetsova/.
6. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика = ТСРЯ / под ред. Г. Н. Склярёвской. — М. : Эксмо, 2007.
7. Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка : в 4 т. — М., 1935—1940.

ЛИТЕРАТУРА

8. *Автотоварищество из Петербурга* не удалось стать «бизнесвумен». 2014. 11 июля. URL: <http://konkretno.ru/kriminal/69869-avtovladelice-iz-peterburga-ne-udalos-stat-biznesvumen.html>.
9. *Аксиологическая лингвистика*: лингвокультурные типы : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. — Волгоград : Парадигма, 2005.
10. Берлин Л. «Попробуйте, попробуйте снова, иначе не может быть» // Нью-Йорк таймс. 2014.

21 марта. URL: <http://paskal.sintal.md/predprinimateli-starter/>.

11. *Бессолицын А. А.* Проблема формирования институтов предпринимательства // Российское предпринимательство. 2008. № 2 (2). С. 142.

12. *Бизнес* // Словарь синонимов ASIS / В. Н. Тришин. 2013 // Словари и энциклопедии на Академике. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/209068/бизнес.

13. *Бизнес Леди life*. URL: <http://businesslady-life.ru>.

14. *Бизнес-вопрос № 4*. Чем отличается предприниматель от бизнесмена? // Бизнес в блоге : сайт. 2012. 20 июня. URL: <http://biznesvbloge.ru/biznes-vopros-4-chem-otlichaetsya-predprinimatel-ot-biznesmena/>.

15. *Бизнесмен* // Абсурдопедия. URL: <http://Абсурдопедия.net/wiki/Бизнесмен>.

16. *Бизнесмену на съезде не дали сказать* // Портал предпринимателей : сайт. 2013. 29 мая. URL: <http://chelny-biz.ru/news/1701/>.

17. *Бизнесмениша Бузова* // Независимый взгляд. 2014. 19 июня. URL: <http://nezavisimie.ru/index.php?topic=15440.0>.

18. *В Чехии пытались сделать бизнес на футболках с Брейвиком* // РИА Новости. 2012. 11 дек. URL: <http://ria.ru/world/20121211/914383562.html#13557618867892&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>.

19. *В школе искусств бизнесмениша торговала пивом*. URL: <http://omsk.bezformata.ru/listnews/iskustv-biznesmensha-torgovala-pivom/19686993/>.

20. *Виноградов В. В.* О новых исследованиях по истории русского литературного языка // Избр. тр. История рус. литературного языка. — М. : Наука, 1978. Т. 4. С. 237—254.

21. *Дмитриева О. А.* Лингвокультурные типы России и Франции XIX века : моногр. — Волгоград : Перемена, 2007.

22. *Иванова М. М.* Лингвокультурный типаж «российский предприниматель» // Лингвокультурные типы: признаки, характеристики, ценности : коллективная моногр. / под ред. О. А. Дмитриевой. — Волгоград : Парадигма, 2010. URL: <http://rud.exdat.com/docs/index-791051.html>.

23. *Карасик А. В.* Фанат как типаж современной массовой культуры // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы. — Волгоград : Парадигма, 2005. С. 269—282.

24. *Карасик В. И., Дмитриева О. А.* Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. — Волгоград : Парадигма, 2005. С. 5—25.

25. *Лапочкина Ю., Смирнова М.* Пьяная бизнесмениша, сбившая насмерть маму с сынишкой: «Я не помню, как произошла авария» // Комсомольская правда — Нижний Новгород. 2012. 17 апр. URL: <http://nnov.kp.ru/daily/25869/2834792/>.

26. *Лента анекдотов*. URL: http://www.allanekdot.ru/Pro_biznesmenov.htm.

27. *Мельникова Т.* Съезд бизнесменов // Заречье : газ. URL: <http://telezato.ru/online/rss.php?key=200403310003>.

28. *Михайлова А. Г.* Лингвокультурный типаж «английский бизнесмен» // Аксиологическая лингвистика : лингвокультурные типы. — Волгоград : Парадигма, 2005. С. 136—155.

29. *Муляр А.* Соцопрос про бизнесвумен // ВКонтакте : сайт. 2014. 28 марта. URL: https://vk.com/topic-27874545_29817735.

30. *Ноздрин Г. А.* Съезды предпринимателей // Б-ка сибир. краеведения : сайт. URL: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/sezdy-predprinimateley>.

31. *Норберг Й.* Из речи на конференции Института Катона Cato Club 200 Retreat 2006. URL: <http://libertynews.ru/node/1126>.

32. *Предприниматель и бизнесмен — в чем отличие?* // Минфин : сайт. URL: <http://minfin.com.ua/blogs/discuss/26161/>.

33. *Предпринимательство* // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%F0%E5%E4%EF%F0%E8%ED%E8%EC%E0%F2%E5%EB%FC%F1%F2%E2%EE>.

34. *Прикольные поздравления с днем предпринимателя* // Поздравик : сайт. URL: <http://www.pozdravik.ru/man/biznesmenu-2>.

35. *Пьяная бизнесмениша на внедорожнике убила семью туристов на Байкале*. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/629001/>.

36. *Самая высокодоходная профессия???* // Ответы@mail.ru. URL: <http://otvet.mail.ru/question/59506689>.

37. *Словарь синонимов*. URL: <http://enc-dic.com/synonym/Biznesmen-70107.html>.

38. *Стихи к дню рождения бизнесмену*. URL: <http://www.birthday.stihi-tebe.ru/bussinesman/funky/1/>.

39. *Хабаровскую бизнесвумен посадили на 17 лет за организацию двух убийств* // Федерал Пресс : сайт. 2014. 11 июля. URL: http://fedpress.ru/news/society/news_crime/1405077313-khabarovskuyu-biznesvumen-posadili-na-17-let-za-organizatsiyu-dvukh-ubiistv.

40. *Хайлбронер Р., Тароу Л.* Экономика для всех — 2. — Тверь: Фамилия, 1994.

41. *Чепуренко А.* Россиянин — не предприниматель. Почему так? // Помощь бизнесу : сайт. 2012. 3 февр. URL: <http://bishelp.ru/svoe-delo/ocenka/rossiya-nin-ne-predprinimatel-pochemu-tak>.

42. *III Съезд предпринимателей!* // Совет предпринимателей Елабужского муниципального района : сайт. 2011. 19 окт. URL: <http://sovetemr.ru/press-service/news/sjesd-pred.html>.

43. *Entrepreneur*. URL: <http://slovari.yandex.ru/entrepreneur/en-ru/LingvoUniversal/#lingvo/>.

44. *Prokina Natasha*. Короткий жанр: как сделать бизнес на раскрутке некоммерческого кино // The Village. 2012. 14 дек. URL: <http://www.thevillage.ru/village/hopesandfears/sdelal/147967-stop-snyato-kak-zarabotat-na-pomoschi-molodym-rezhisseram>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

А. А. Постникова A. A. Postnikova

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ПРЕЦЕДЕНТЫ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ЭПОХИ
В КОММУНИКАТИВНОЙ ПАМЯТИ
СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ:
ОТ «АУСТЕРЛИЦА» ДО «БИСТРО»**

**PRECEDENTS OF THE NAPOLEONIC ERA
IN COMMUNICATIVE MEMORY
OF CONTEMPORARY FRANCE:
FROM "AUSTERLITZ" TO "BISTRO"**

Аннотация. Проанализирован процесс восприятия и сохранения событий Наполеоновской эпохи в виде прецедентов. Делается вывод, что «коммуникативная память» является важным фактором сохранения образа прошлого, с помощью которого общество, устанавливая определенные исторические закономерности, пытается ориентироваться в современных реалиях. Как правило, исторические события становятся коммуникативным прецедентом, если они потрясли современников своей героичностью, трагичностью или же экзотичностью. В связи с тем что современников Наполеоновской эпохи и французских писателей XIX в. в большей степени привлекала романтика трагических событий, именно катастрофы и поражения времен Первой империи вошли в «коммуникативную память» Франции.

Abstract. The article analyzes the process of formation and preservation of events of the Napoleonic era in the form of precedents. The author came to the conclusion that "communicative memory" is an important factor of preservation of the image of the past by means of which society, determining certain historical consistent patterns, tries to find its bearings in modern realities. As a rule, historical events become communicative precedents if they shake contemporaries by their heroic, tragic or an exotic character. Due to the fact that the contemporaries of the Napoleonic era and the French writers of the XIX century were greatly attracted by romanticism of tragic events, accidents and defeats of times of the First Empire became part of the "communicative memory" of France.

Ключевые слова: прецедент; образ Наполеона; общественное сознание; СМИ; «коммуникативная память»; «преодоление прошлого».

Key words: precedent; image of Napoleon; public consciousness; mass media; "communicative memory"; "overcoming the past".

Сведения об авторе: Постникова Алёна Александровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории.

About the author: Postnikova Alyona Alexandrovna, Candidate of History, Senior Lecturer of Department of General History.

Место работы: Уральский государственный университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 451.
e-mail: alina33_07_87@mail.ru.

В течение последнего столетия представители гуманитарного знания постепенно убеждались в мысли о том, что образ прошлого формируется в символическом поле исторического воображения настоящего. Начиная с труда Фрэнсис Йейтс «Искусство памяти» в центре многих исследований оказалась проблема культурных отголосков понимания памяти в разные эпохи. Эти устойчивые исторические символы, формирующие область «коммуникативной памяти», наделены способностью приблизить прошлое к современности. Историк искусства А. Варбург образно выразил подобную мысль, отметив, что исторически значимые события или пространства обладают магией Антея^[1]. Так, чувство прошлого, придающее человечеству ощущение устойчивости в настоящем, способствует перевоплощению исторических образов в «коммуникативные» прецеденты.

Проблема сохранения образов прошлого приобрела новое звучание в современном мире в связи с миграционными процессами. «Поглощению Востоком», как отметил еще в начале XX в. писатель Р. Роллан, особенно оказалась подвержена Европа. Угроза растворения национальной культуры способствовала возрождению образов исторических событий в коммуникативной памяти европейских народов. Одной из стран, которые в минуты национального кризиса путем обращения к прошлому пытаются возродить свою инаковость, является Франция. Эта страна продолжает тяготеть к героическим сюжетам своей истории, отождествляя себя с утверждением, господствовавшим в период Нового времени: «Париж — это центр мира, а всё остальное — периферия».

Французы убеждены, что идею превосходства их нации удалось реализовать Наполеону I, и продолжают сегодня сопостав-

Данная статья выполнена в рамках государственного задания № 2014 / 392 (проект № 1900 «Политическая лингвистика: метафоричность, прецедентность и креолистичность»).

© Постникова А. А., 2014

лять политику президентов с деятельностью императора, как бы ожидая возрождения «великой легенды». Подобное убеждение отнюдь не случайность; каждый француз, прогуливаясь по улицам Парижа, оказывается окружен символами «культурной памяти» Первой империи. Читая газеты и смотря телепередачи, он становится субъектом «коммуникативной памяти» об этой эпохе, постепенно осознавая, что Франция — это страна Наполеона.

В коммуникативной памяти современного французского общества сохранились образы знаковых сражений Наполеоновской эпохи, ставших решающими в судьбе Империи. До сих пор во Франции в качестве метафоры абсолютной победы господствует выражение «солнце Аустерлица»^[2]. Это выражение используется французскими СМИ для обозначения победы как на футбольном матче, так и на президентских выборах. Слово «Аустерлиц» стало настолько популярным во Франции, что им называют рестораны, гостиницы Парижа, ибо оно ассоциируется с успехом. В сфере международных отношений этим прецедентом французы также обозначают успех, в том числе, как ни странно, в деле конструирования европейского единства. К примеру, в апреле 2014 г. под воздействием очередной волны кризиса Евросоюза одна из французских газет призвала не терять надежды на «восхождение солнца Аустерлица» для евро [Un euro pour sauver Brive...].

Неотъемлемой частью «наполеоновской легенды» в коммуникативной памяти Франции является «слово Камброна», которое обладает двусмысленностью, став метафорой оскорбления и в то же время обозначением героизма. По известной французской легенде, генерал П. Э. Камброн во время битвы под Ватерлоо построил в каре 2-й батальон своего полка и, будучи окруженным со всех сторон неприятелем, на предложение капитулировать ответил резкой фразой: «**La Garde meurt, mais ne se rend pas**» («Гвардия умирает, но не сдается»), добавив ругательство: «**Merde!**» («Дерьмо!»). Английские пушки смели картечью бесстрашных гвардейцев; Камброн, получив тяжелые ранения, в бессознательном состоянии был взят британцами в плен. Пока генерал пребывал в Англии, в Париже формировался миф о его героическом подвиге, ставший романтической французской легендой о Ватерлоо. Французы, желавшие преодолеть «травму» поражения, уже через несколько дней после сражения опубликовали заметку в газете, восхваляющую героизм Камброна: «Английские солдаты были охва-

чены восхищением перед стойкостью храбрых французов. На предложение англичан сложить оружие генерал Камброн заявил: „Гвардия умирает, но не сдается“» [Journal général du France]. Этот сюжет нашел яркое воплощение в эстампах 1815 г., на одном из которых был написан саркастический комментарий: «Гвардия умирает, но не сдается, а Наполеон сдается, но не умирает» [La Garde meurt...]. После возвращения из английского плена генерал Камброн пытался развеять миф, заявляя, что не произносил этой фразы. Однако обществу, как всегда, истина нужна только тогда, когда она становится частью легенды. Так, уже в 1815 г. прецедент «слово Камброна» приобрел ассоциации, связанные с проявлением героизма, которые и по сей день господствуют в коммуникативной памяти французов.

Проблеме рождения этого романтического мифа о Ватерлоо посвящен фильм режиссера Саша Гитри «Слово Камброна» [Le mot du général...]. Бывшие сослуживцы генерала, вспоминая Ватерлоо, придумывают эту героическую фразу, дабы с ее помощью «сгладить» неудачный исход боя. Современному французскому обществу «слово Камброна» известно по творчеству артиста Шуркена, исполнившего в 1997 г. песню «Гвардия умирает, но не сдается» [Shurik'n — La Garde...], посвященную героической борьбе за свое право создавать искусство, чтобы жить вечно как легенда. Выражение «Слово Камброна» также используется для обозначения победы, доставшейся трудным путем. Так, в июне 2014 г. французская печать употребила эту фразу в связи с победой команды Франции над швейцарцами в чемпионате мира по футболу [Comment a réagi...].

Во французском бытовом общении прецедент «слово Камброна» встречается в ином значении, как правило, связанным с употреблением оскорбительного «merde» [‘M***e’!]. В отличие от героической фразы «Гвардия умирает, но не сдается», это слово не сразу закрепилось в коммуникативных практиках французов, так как не имело необходимого на момент 1815 г. героического подтекста. Актуализация данного выражения в сознании французов произошла под воздействием романа писателя В. Гюго «Отверженные». Для написания сцены последнего сражения Наполеона писатель изучил место битвы под Ватерлоо, пытаясь исторически достоверно представить бой. Сюжет, посвященный последнему подвигу императорской гвардии, никого не мог оставить равнодушным: «В этой зловещей долине, у подножия песчаного склона, преодоленно-го кирасирами, а сейчас занятого войсками

англичан, под перекрестным огнем победоносной неприятельской артиллерии, под плотным ливнем снарядов, каре продолжало сражаться. Командовал им незаметный офицер, по имени Камброн. И тогда английский генерал Кольвиль — по словам одних, а по словам других — Метленд, задержав смертоносный меч, уже занесенный над этими людьми, в волнении крикнул: „Сдавайтесь, храбрецы!“ Камброн ответил: „Merde!“ Человек, выигравший сражение при Ватерлоо, — это не обращенный в бегство Наполеон, не Веллингтон, отступавший в четыре часа утра и пришедший в отчаяние в пять, это не Блюхер, который совсем не сражался; человек, выигравший сражение при Ватерлоо, — это Камброн» [Гюго].

Несмотря на предостережения Гюго о том, что «это слово, быть может, самое прекрасное, которое когда-либо было произнесено французом, не следует повторять», именно после публикации романа оно становится французским прецедентом. Переданный писателем смысл данной фразы как проявление мужества в отчаянии, как вызов вершителям судеб стал проявлением тех рыцарских качеств, которые обычно ассоциируются с войнами Наполеоновской эпохи. Пройдет несколько лет, и поэт Ж. Вилляр Жилес вновь восхитится подвигом гвардии, написав изящное стихотворение «Слово Камброна», подразумевая самоотверженную борьбу за торжество свободы:

Cri vengeur, cri pur, cri superbe,
De l'éternelle humanité,
Que nous leur jeterons en gerbe,
Quand, enfin, nous leur dirons: MERDE!
En saluant la Liberté!^[3] [J. Villard Gilles]

Выражение «Слово Камброна», поражающее воображение своими удивительными интерпретациями, употребляется в коммуникативной практике французов намного чаще, чем даже «Аустерлиц», обозначающий великую победу Наполеона. Какая удивительная вещь историческая память! Она способствует сохранению «исторических травм», вспоминая о которых, общество стремится избежать неудачного повторения событий прошлого. Так, «слово Камброна» — это именно тот героический сюжет, который необходим Франции для преодоления «травмы» Ватерлоо.

В то же время образ последнего сражения Наполеона в коммуникативной памяти стал синонимом политического кризиса, предвещающего завершение героической эпохи. Зарождение подобной семантики этого слова как метафоры упадка связано с тем же В. Гюго. В стихотворении «Момент возрождения Франции» поэт создал романтиче-

ский образ Ватерлоо как события, завершившего героическую эпоху Аустерлица. С того времени для французов слово «Ватерлоо» стало своеобразным сигналом начала грандиозных изменений. Такой решительный зов прозвучал в мае 2014 г., когда во французских газетах появились символические заголовки: «Ватерлоо для левых» [Municipales: pour la gauche]. Дело в том, что в результате майских выборов 2014 г. в Европарламент во Франции победу одержала партия «Национальный фронт», что стало показателем роста популярности в обществе крайне правых политических сил. Скорее всего, такая тенденция приведет к радикальным переменам в политической сфере Франции, означаям либо «Аустерлиц», либо «Ватерлоо».

Подобным символом трагедии для французов наполнены образы сражений при Трафальгаре и при Березине, которые, однако, предполагают некую надежду выхода из, казалось бы, безнадежной ситуации. Согласно представлениям французов, за Трафальгаром может последовать Аустерлиц, а за Березиной — Сто дней Наполеона. Ватерлоо же — это символ утраты всякой надежды. Образ Трафальгара связан в коммуникативной памяти французов с международной политикой и спортивными состязаниями. Последние события на Украине французские СМИ прокомментировали пророческой фразой «дипломатический Трафальгар» [Ukraine : récit d'un], предвещая серьезный кризис Евросоюзу в связи с возможным сворачиванием отношений с Россией. Слово «Трафальгар», за которым стоит крупное морское сражение, употребляется также для обозначения спортивных соревнований, в основном в отношении регаты. Когда французские команды в очередной раз встречаются на воде с англичанами, во Франции неизменно заявляют, что возьмут реванш за Трафальгар [Red Bull Bataille...].

Французам по-прежнему не дает покоя еще одно трагическое событие Наполеоновской эпохи — Березина. Последнее сражение русской кампании в памяти французов наделено противоречивым смыслом: с одной стороны, для них оно остается военной победой Великой армии, с другой — кровавая переправа через эту реку стала символом катастрофы. Подобным значением образ сражения наполнили еще участники войны 1812 г., а до общественного сознания его донесли произведения французских писателей и периодическая печать. О победе Наполеона на Березине сообщили французскому обществу газеты уже через несколько дней после сражения. В «Журналь де Л'Амбир»

за январь 1813 г. были опубликованы следующие строки: «Несмотря на то что силы солдат иссякли, нашлись еще герои в Великой армии. Довольно быстро Чичагова удалось одолеть» [Journal de L'Empire 1813: 3]. Этот и другие подобные тезисы стали основой для формирования массовых представлений о последних неделях Великой армии в России. О героических действиях французов на Березине поведали широкой публике и эстампы того времени. На них были запечатлены картины ожесточенной борьбы французов на поле битвы и трогательные сцены отступления Великой армии [Bataille de la Beresina]. Таким образом, уже в начале 1813 г. в представлении французов появился образ Березины как символа победы, сопряженной с невиданными дотоле страданиями и мужеством.

Образ этого сражения как героической страницы и в то же время великой трагедии Наполеона и отдельного человека создали писатели периода Июльской монархии. Оноре де Бальзак, вдохновленный военной славой французского императора, возвел Великую армию на пьедестал героизма. В одном из его произведений герой, участник русского похода, рассказывает молодому поколению о Березине так: «Переправа через Березину, мои друзья, убеждает нас в священности чести. Так никогда более не будут воевать. Армию спасли понтоны. Русские нам помогли, потому что они еще уважали Великую армию» [Balzac]. Поэт-романтик Ж. де Нерваль в стихотворении «Героическое отступление» передал горечь французских солдат по умершим в период отступления из России сослуживцам:

Умерли наши друзья!
Уснули в холодной пустыне,
И саваном снежным отныне
Укутались ваши тела
В полях необъятной России!

[Gerard de Nerval]

Трагический образ Березины, созданный французскими писателями XIX в., стал основой для формирования прецедента в коммуникативной памяти современной Франции. Образ этой реки довольно часто фигурирует в музыке как символ крови и жертв, вызывающих к миру. Эта тема, к примеру, нашла отражение в творчестве С. Марсо (песня «Березина»), П. Перрета (песня «Это Березина»), группы «Ин мемориам» (песня «Березина»). В комментариях к песням этих исполнителей французы, называя Березину великой драмой Франции, акцентируют внимание на том, что все-таки это была военно-стратегическая победа Наполеона [Bérézina (par Sophie Marceau)]. Среди перечисленных

исполнителей в последние годы наибольшую известность приобрела группа «Ин мемориам», созданная в 1999 г. В 2000 г. группа выпустила альбом с песней о сражении на Березине, в которой, как обычно, воспевается победа Наполеона.

С приходом к власти во Франции Н. Саркози слово «Березина» стало часто употребляться для характеристики неудач его политики. Западным странам Н. Саркози, активно взявшийся за реформирование Евросоюза, напомнил Наполеона, политика которого была направлена на «имперское» объединение Европы. Когда Саркози в 2007 г. принял активное участие в создании конституции Евросоюза, в газетах стран Европы появились заявления о том, что французский правитель вновь обещает спасти европейцев на Березине.

Являясь метафорой великой катастрофы, это слово сегодня обозначает для французов также экологический и экономический кризис и даже неблагоприятные погодные условия [L'économie en 2014...]. В феврале 2012 г. большое количество выпавшего снега заставило французов опять вспомнить о Березине 1812 г. Так, одна французская газета зафиксировала: «Местные жители предались игре в бросание снежков, устроив новое сражение на Березине. Ко всему прочему, температура точно приблизилась к белорусской» [La neige dans]. В преддверии выборов президента Франции в мае 2012 г. Березина вновь возникла — на этот раз как характеристика неудачной политики Н. Саркози [L'école? La "bérézina"...]. В период жарких выборов, проходивших во Франции в мае 2012 г., одна газета заявила, что кому-то из кандидатов придется «пережить Березину» [Bloc-notes: questions]. Им оказался Саркози. Первые недели правления президента Ф. Олланда также сопровождались комментариями в газетах о том, что его курс приведет Францию к Березине [Holland bientôt...].

В целом сражения с русскими оставили глубокий след в памяти французов, особенно то, как казаки промчались по французской земле в 1814 г. До сих пор бытует мнение, что появление известного слова «быстро» связано именно с этими событиями. В 1994 г. французы определили кафе, расположенное на Монмартре, где якобы казаки, пытаясь поторопить хозяина, кричали: «Быстро!». Сейчас в этом здании располагается уютный ресторанчик «У мамы Катерины», который стал местом паломничества русских туристов. На этом здании установлена мемориальная доска, при виде которой русская душа трепещет: «Быстро. 30 МАРТА 1814; казаки впервые сказали здесь замечательное

слово „быстро“; таким образом, на холме появился предок наших бистро; 180-я годовщина».

Сомнения в справедливости этой легенды вызывает тот факт, что слово «bustrot» входит во французскую речь только в конце XIX в.; первое упоминание его связано с публикацией в 1878 г. романа Э. Золя «Западня». Со времени выхода этого произведения на страницах многих социалистических газет появился образ бедных кабаков для рабочих (бистро), символизирующий социальное неравенство во Франции [L'Action syndicale 1906]. В этих заведениях в начале XX в. образовались корпорации «бистро», борющиеся за права рабочих [La Cravache 1913: 2]. Подобные кабаки повсеместно распространились по Франции в 20-х гг. XX в. как места времяпрепровождения представителей социального дна. До нас дошла одна фотография 1926 г., на которой запечатлено «бистро». Перед нами — жалкая деревянная лачуга под названием «Вино и ликер: дегустация у прилавка», во дворе которой бегают дети в оборванной одежде, видимо, дожидаясь своих «дегустирующих» родителей.

Внутреннюю обстановку бистро той эпохи мы можем увидеть на картине французского художника Ж. Бери «В бистро», на которой изображено затуманенное от сигаретного дыма заведение. В центре композиции — два мужчины и одна женщина, сидящие за столиком на фоне бутылок алкоголя. Художник изобразил ситуацию, видимо, довольно обычную для заведений начала XX в.: молодой человек договаривается с хозяином бистро о «стоимости» женщины [4 Les bistrots]. Французская публика подобного места стала неким показателем нравственного разложения человека и в романе «Путешествие на край ночи» писателя Л. Ф. Селина. Итак, слово «бистро» претерпело значительную трансформацию в коммуникативной практике французов. Появившись якобы в 1814 г., оно возрождается как символ борьбы рабочих за свои права, а в дальнейшем становится обозначением места обитания социального дна.

В последние годы происхождением слова «бистро» заинтересовались французские лингвисты, попытавшиеся развенчать легенду о казаках, произнесших «быстро». Ученые высказали предположение, что это слово явилось производным от «bistraud» (трактирщик), использовавшегося на Севере Франции, либо от слова «хозяин», которое употреблялось в языке жителей Юга Франции [Merci Professeur]. Действительно, в журнале «Жил Блаз» за 1896 г. нам встретился рассказ «Гадкие вещи», где «bistrot» — это

некий хозяин адвокатской конторы [Gil Blaz 1896: 1]. Несмотря на убедительные научные доводы, в представлении французов продолжает господствовать красивая «казацкая» легенда об истории появления заведений, ставших неотъемлемой частью повседневной жизни современной Франции.

С пребыванием русской армии в Париже в 1814 г. связано и формирование в сознании французов мифа о казаках как символе ужаса и дикости. Так, герой романа Ж. Нерваля «Сильвия» в момент предчувствия опасности подходил к окну, чтобы проверить, не приближаются ли толпы казаков. Полвека спустя писатель Леон Блуа, предчувствуя апокалипсис в своей жизни, произнес фразу, ставшую широко известной: «Я жду пришествия казаков и Святого Духа». Французы, родившиеся в XIX в., впитали на генетическом уровне от своих предков чувство ужаса перед «этими варварами». И даже среди современных французов находятся те, кто из устных семейных преданий узнал все последствия нашествия казаков на Париж. Так, историк Ж. Дюби, рассуждая о тех событиях, которые сохранились в его генетической памяти, сказал: «Сведения о каких-то еще более отдаленных событиях были переданы мне устно, в семье. Мне запомнилось лишь вторжение казаков. Моя бабушка помнила рассказ своей бабушки» [Дюби].

Ключевым моментом в формировании образа казака в сознании французов стала русская кампания 1812 г. После малоприятных встреч с казаками на просторах России солдаты Наполеона в письмах изображали их как совершенно «дикий народ», который бросается в бой с громкими криками «ура», абсолютно не соблюдая правила «цивилизованной» войны. Ужас солдат доходил до таких пределов, что они в образе казака представляли всю русскую армию. К примеру, аудитор Государственного совета Ф. В. Ж. Биллиоти писал жене 1 ноября из Вязьмы: «Пройдя около 30 миль, ежедневно более или менее тревожимые казаками, и после небольшого сражения, в котором начальствовал король Неаполитанский, и которое окончилось с меньшим успехом, мы внезапно повернули назад. Наше шествие не совсем похоже на шествие победителей» [Бильютти].

Писатель Стендаль (А. Бейль), принимавший участие в войне 1812 г., в своих письмах из России не упустил случая упомянуть красочный сюжет своей встречи с «варварами». После нападения казаков А. Бейль лишился своего обоза, в котором находилась рукопись пьесы «Летелье» и часть дневника. Воспоминания об этой горькой

потере в России будут тревожить его и после окончания войны. В своем известном произведении «Пармская обитель» он передал тот ужас, который одолевал французов даже при одном произнесении слова «казак». После сражения под Ватерлоо Фабрицио с толпой земляков возвращается в Париж. Вдруг со всех сторон раздается крик: «Кзаки!». Люди в панике разбежались, и герой повести остался в одиночестве на пустынной дороге. Он с удивлением отметил, что никаких казаков поблизости не было.

Помимо писем солдат, еще одним важным фактором формирования образа казака была периодическая печать того времени. В ходе русской кампании французские газеты часто публиковали заметки о быте и нравах русского народа. Так, в «Журналь де Л'Амбир» 2 октября 1812 г. вышла заметка об образе казака в книге Д. де Раймонда «Описание истории, географии и морали Российской империи». Вниманию французского общества был представлен народ, который ведет бродячий образ жизни, но готовый в случае необходимости ожесточенно сражаться за русского императора [Journal de l'Empire 1812: 2 octobre]. В журналах за ноябрь 1812 г. были опубликованы письма и рапорты чинов Великой армии, в которых акцентировалось внимание на ужасных последствиях встречи с кровожадными казаками. Таким способом французам пытались объяснить, что все горечи, которые терпит Великая армия на пути отступления из России, связаны с зимой и с внезапными нападениями «банд дикой кавалерии» [Journal de l'Empire 1812: 10 novembre : 2].

С приближением русской армии к Парижу в периодической печати для французского общества открывались новые, порой неожиданные, черты образа казака. Так, 18 марта 1814 г. со страниц одной из газет было заявлено: «Наша армия с трудом смогла пройти, так как дорога была засыпана пустыми бутылками шампанского вина, оставленными казаками» [Journal de l'Empire 1814: 18 mars: 2]. 21 марта в газете французы увидели выдержку из письма одного жителя г. Шалонна-Марне (Шалон-ан-Шампань), который делился с родителями своими впечатлениями о наступающей на Париж русской армии: «Ах! Вы не можете вообразить, насколько масштабным и разорительным было нашествие казаков» [Journal de l'Empire 1814: 21 mars: 3]. Начитавшись подобных отзывов, французы во время встреч с казаками видели в них уже известные стереотипизированные черты.

Процесс конструирования образа типичного казака в массовом сознании французов

начинается в период пребывания русской армии в Париже в 1814 г. Эстампы того времени свидетельствуют о впечатлении, которое произвело на французское общество поведение казаков. Всеобщее удивление парижан вызвал лагерь казаков на Елисейских Полях [Bivouac des Cosaques], центральной улице Парижа, служившей только для прогулок и дорогих покупок. На одном из эстампов был изображен казак, нападающий с саблей на безоружного мирного жителя [Cosaques pillant...]. На эстампе под названием «Пламенная смелость этих казаков» были показаны бесшабашные дикари с огромными головами. Однако, по всей видимости, французы за этим варварством увидели мужество казаков; под картинкой была сделана надпись, которая абсолютно не соотносилась с изображением: «Он будет проявлять великую смелость и стойкость для защиты чести» [Enflammant le courage...].

«Кристаллизация» образа казака в виде чудовища, не обладающего никакими представлениями о морали, в коммуникативной памяти французов связана с Крымской войной. В этот период театры Парижа повсеместно показывали спектакль, сюжет которого был связан с беседой солдат Великой армии, выразивших негодование по поводу того, что именно «эти русские варвары» не дали возможности одержать Наполеону победу [Les cosaques: drame en cinq actes 1853]. Активное формирование образа варварства в облике казаков продолжалось на протяжении нескольких лет и после окончания Крымской войны. Идею о том, что «нашествие казаков» на Францию стало символом упадка цивилизации, выразил А. Понсон дю Террайль в своем романе «Кзаки в Париже» [Ponson du Terrail 1867]. Писатель, создав жуткий образ казака, попытался вместе с тем воспроизвести впечатления французов, ожидавших приближения русской армии к Парижу в 1814 г. В этом плане весьма показательны были слова одной из героинь романа: «Если кзаки нас не убьют, я буду твоей женой». Во всех сценах произведения кзаки описывались в подобных красках: «Офицер кзаков испустил крик бешенства, пытаясь ударить девушку. Он был остановлен в своем порыве. Тогда он решил настичь Нанетт и затоптать ее ногами, но он получил удар вилы в грудь и покатился окровавленный в кучу навоза» [Ponson du Terrail 1867: 69].

Образ казака, сконструированный во Франции в XIX в., стал основой современных представлений французов о дикости и экзотичности России [Cosaques : le retour...]. В связи с последними событиями на Украине

французские СМИ отметили, что «крымские казаки» пожелали вернуться в состав России. По их мнению, это именно та сила, которая вновь обеспечит стабильность и процветание «Российской империи» [Vidéo : les cosaques...].

В целом мы видим, что коммуникативная память является важным фактором сохранения образа прошлого, с помощью которого общество, устанавливая определенные исторические закономерности, пытается ориентироваться в современных реалиях. Как правило, исторические события становятся коммуникативным прецедентом, если они потрясли современников своей героичностью, трагичностью или же экзотичностью. В процессе конструирования образа прошлого решающая роль принадлежит людям искусства, являющимся зачастую популяризаторами истории. В связи с тем что современников Наполеоновской эпохи и французских писателей XIX в. в большей степени привлекала романтика трагических событий, именно катастрофы и поражения времен Первой империи вошли в коммуникативную память Франции. Удивительно, но из всех событий русской кампании 1812 г. прецедентом французской речи стало именно слово «Березина», ассоциирующееся с трагедией. Может быть, нация, которая готова к «преодолению прошлого» путем «вспоминания», становится сильнее, чем страна, слепо стремящаяся к искусственному возрождению лишь героических сюжетов своей истории?

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Антева магия восходит к греческому мифу о Геракле, победившем Антея, сына Посейдона и Земли (Геи). Пока гигант соприкасался с матерью Землей, он черпал из нее новые силы. Геракл победил Антея, когда приподнял его, оторвав от земли.

[2]. «Вот солнце Аустерлица!» — воскликнул Наполеон, обращаясь к своим офицерам перед Бородинским сражением 7 сентября 1812 г. Этой фразой он хотел напомнить о победе, одержанной им под Аустерлицем 2 декабря 1805 г.

[3]. Карающий крик, великопленный крик / Вечного человечества, / Мы их бросаем в рвоту, / Говоря им: «ДЕРЬМО!» (Перевод наш. — А. П.)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варбург А.* Великое переселение образов. — М., 1999.
2. *Гюго В.* Отверженные. URL: <http://bookz.ru/authors/gugo-viktor/otwerzh1/page-30-otwerzh1.html>.
3. *Дюби Ж.* Наслаждение историка // URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Duby-2002.html>.
4. *Йеймс Ф.* Искусство Памяти. — СПб., 1997.
5. *Bataille de la Beresina* [estampe]. URL: gallica.bnf.fr/images&q=Berezina.
6. *Balzac O.* Berezina. — P., 1830. P. 3.

7. *Bérézina* (par Sophie Marceau) — fiche chanson // In memoriam 1812. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=nQ1-IVU9v9A>.

8. *Bloc-notes: questions sur le scénario arrêté d'un imprévisible scrutiny.* URL: <http://blog.lefigaro.fr/rioufol/2012/04/bloc-notes-questions>.

9. *Bivouac des Cosaques, aux Champs élysées, à Paris, le 31 mars 1814* : [estampe]. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b69540615.r=cosaques+1814.langEN>.

10. *Cosaques : le retour des «gardiens de l'Ukraine».* URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2013/08/22/01003-20130822ARTFIG00337-cosaques-le-retour-des-gardiens-de-l-ukraine.php>.

11. *Cosaques pillant et frappant un homme dans une grange* : [estampe]. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8413799t.r=cosaques+1814.langEN>.

12. *Comment a réagi la presse suisse après la débâcle de la Nati face aux Bleus ? C'est ici, dans notre revue de presse.* URL: <http://www.goal.com/fr/news/3827/coupe-du-monde-2014/2014/06/21/4901458/potion-magique-mot-de-cambronne-coq-le-d%C3%A9sastre-la-presse-suisse->.

13. *Gerard de Nerval.* URL: <http://www.poesie-francaise.fr/gerard-de-nerval/poeme-la-russie.php>.

14. *Gil Blas.* 1896. 11. P. 1.

15. *Enflammant le courage de ses Cosaques — Il sera distribué aux plus braves des chandelles d'honneur!* URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53022087z.r=cosaques.langEN>.

16. *Holland bientôt la «Bérézina».* URL: <http://www.gaullisme.biz/article-hollande-bientot-la-berezina>.

17. *Journal général du France.* 1815. 24 juin.

18. *J. Villard Gilles.* URL: <http://textesatoutvent.blogspot.ru/2012/12/le-mot-de-cambronne-jean-villard-gilles.html>.

19. *Journal de l'Empire.* 1812. 2 oct.

20. *Journal de l'Empire.* 1812. 10 nov. P. 2.

21. *Journal de L'Empire.* 1813. Janv. P. 3.

22. *Journal de l'Empire.* 1814. 18 mars. P. 2.

23. *Journal de l'Empire.* 1814. 21 mars. P. 3.

24. *La Garde meurt et ne se rend pas, mais Buonaparte se rend et ne meurt pas.* URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6954862b.r=La+Garde+meurt%2C+mais+ne+se+rend+pas.langEN>.

25. *Le mot du général...* URL: <http://www.liviaaugustae.fr/categorie-11672718.html>.

26. *L'économie en 2014 : moisson ou bérézina?* URL: <http://bnr.bg/fr/post/100267980/leconomie-en-2014-moisson-ou-berezina>.

27. *La neige dans les rues d'Angers.* URL: http://www.angersmag.info/Deneigement-d-Angers-la-bataille-de-la-Berezina_a4242.html.

28. *L'école? La «bérézina» de Sarkozy selon Christine Boutin.* URL: <http://you.leparisien.fr>.

29. *L'Action syndicale.* 1906.

30. *La Cravache.* 1913. № 7. P. 2.

31. *4 Les bistrots de Jean Béraud.* URL: <http://artifexinopere.com/?p=4021>.

32. *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. par S. E. M. Goriainow.* — P., 1913. P. 182.

33. *Les cosaques: drame en cinq actes.* — P., 1853.

34. *Merci* Professeur. URL: <http://www.tv5.org/cms/chaine-francophone/lf/Merci-Professeur/p-17081-Merci-Professeur.htm>.

35. 'M***e'! Quand est-il utile de dire le mot de Cambronne (ou toute autre grossièreté de votre choix)? URL: <http://www.express.be/joker/fr/platdujour/me-quand-est-il-utile-de-dire-le-mot-de-cambronne-ou-toute-autre-grossierete-de-votre-choix/157942.htm>.

36. *Municipales* : pour la gauche, après la Bérézina, Waterloo? URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/elections-municipales-2014/20140324.OBS0973/municipales-pour-la-gauche-apres-la-berezina-waterloo.html>.

37. *Red Bull Bataille de Trafalgar* : L'heure de la revanche a sonné ! URL: <http://www.redbull.fr/cs/>

Satellite/fr_FR/Article/kite-surf-bataille-trafalgar-espagne-021243097529119.

38. *Shurik'n* — La Garde Meurt Mais Ne Se Rend Pas. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=NbOqWU36F9Q>.

39. *Ponson du Terrail* P. A. Cosaques à Paris. — P., 1867.

40. *Vidéo* : les cosaques de Crimée prêts à mourir pour «la mère patrie». URL : <http://www.france24.com/fr/20140305-video-reportage-ukraine-crimee-milices-nationalistes-pro-russes-cosaques/>.

41. *Un euro* pour sauver Brive... URL: <http://19radicaludi.canalblog.com/archives/2013/04/27/27025182.html>.

42. *Ukraine* : récit d'un Trafalgar diplomatique. URL: <http://www.lhemicycle.com/4434-ukraine-recit-dun-trafalgar-diplomatique>.

Статью рекомендует к публикации д-р ист. наук, проф. В. Н. Земцов.

**ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «РОК»
В МЕДИАТЕКСТАХ,
АДРЕСОВАННЫХ МУЗЫКАНТАМ**

Аннотация. Рассматриваются особенности репрезентации концепта-идеологема «рок» в медиатекстах, адресованных музыкантам. В таких текстах данный концепт почти полностью деидеологизируется, а дифференциальный концептуальный признак 'протест' (находящийся в ядре концепта в медиатекстах с другим адресатом) проявляется имплицитно — только в когнитивных оппозициях.

Ключевые слова: концепт; идеологема; фактор адресата; когнитивные оппозиции; медиатекст.

Сведения об авторе: Хохлова Светлана Николаевна, аспирант, кафедра журналистики и медиалингвистики факультета филологии и медиакоммуникаций.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Контактная информация: 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к. 221.
e-mail: hohlando@rambler.ru.

**DEIDEOLOGIZATION OF THE CONCEPT
“ROCK” IN MEDIA TEXTS
ADDRESSED TO MUSICIANS**

Abstract. The paper focuses on the peculiarities of representation of the conceptual ideologeme “rock” in media texts addressed to musicians. This concept is almost deideologized in such texts and distinctive conceptual sign “protest” (which is located in the core of the concept in media texts with another addressee) is implicit and is revealed only through cognitive oppositions.

Key words: concept; ideologeme; addressee factor; cognitive oppositions; media text.

About the author: Khokhlova Svetlana Nikolaevna, Post-graduate Student of Department of Journalism and Mass-media Linguistics, Faculty of Philology and Media Communication.

Place of employment: Omsk F.M. Dostoevsky State University (Omsk).

Рок-культура пришла в нашу страну с Запада в 1960-х гг. и быстро адаптировалась на русской почве, почти сразу став скорее идеологическим и социальным, нежели музыкальным явлением: «Русский рок был порожден определенной социокультурной ситуацией, советской действительностью эпохи застоя, когда насаждавшаяся официальная культура вызывала у значительной части молодежи реакцию равнодушия, отторжения» [Шинкаренкова 2005: 13]. Рок-культура стала альтернативой господствовавшей идеологии, социальным протестом против советских идеалов и ценностей, глотком свежего воздуха из-за «железного занавеса». Это контркультура, зародившаяся и долго существовавшая в «подполье», радикально иная картина мира и способ самовыражения для юных и не очень нонконформистов. По словам И. Соколовского, «рок — молодежная негиллистическая религия, наполненная пафосом отрицания ценностей старого поколения» [Соколовский 1991: 130—134]. В атмосфере культивирования атеизма рок действительно стал своего рода религией, особенно если учесть, что многие рок-поэты обращались к Библии, восточным философским и религиозным учениям и т. п.: «Несколько десятилетий атеизма углубили духовную пустоту русского самосознания. Заполнение этой пустоты не было

продуктивным, и рок-культура невольно взяла на себя функции духовного концентрата, позволяющего существовать в пространстве бездуховности» [Чебыкина 2007: 18]. Более того, многие бывшие рокеры и хиппи позднее стали священниками, но это тема для отдельной статьи.

Говоря о рок-культуре, некоторые исследователи отмечают своеобразную «омонимию». Д. Давыдов различает «рок-1» и «рок-2», где «рок-1» — это «музыкальный жанр», «разновидность современной музыкальной культуры», а «рок-2» — «слабо структурированная субкультура, вычленяемая по признаку идеологического конструирования ее членами нового (эмбрионального) синтетического вида искусства» [Давыдов 2002: 138].

Таким образом, «рок» оказывается идеологемой — «особого типа многоуровневый концептом, в структуре которого актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009: 35].

Поскольку рок в СССР был запрещенным, «подпольным» явлением, официальные СМИ «отличались тенденциозным и по-

литически ангажированным освещением рок-музыки как феномена идеологически чуждого, присущего западному образу жизни» [Логачева 1997]. Например: «В последнее время ученые все чаще бьют тревогу по поводу опасности, которую несут всевозможные поп-, бит- и рок-ансамбли, широко распространенные на Западе» [Литературная газета. 1976. № 23]. Рок называли «музыкой на костях»: подпольные студии звукозаписи изготавливали пластинки с рок-композициями из старых рентгеновских снимков, и на просвет были отчетливо видны человеческие кости. Поклонников такой музыки подвергали гонениям, отрезали их длинные волосы и т. п. Однако они не отступались от своей «религии», и подпольные звукозаписывающие студии продолжали распространять рок-идеологию так же, как и подпольный рок-самиздат.

Отрицательный аксиологический модус большинства официальных публикаций сформировал общественное мнение о роке как о разрушающем явлении, подстрекающем слушателей к асоциальному поведению, к пьянству, наркомании и т. п. («Рок не имеет себе равных по ударной силе воздействия на чувства. Нас не удивляют большие сообщения о беспорядках во время концертов рок-групп» [Ровесник. 1974. № 4]).

Такая негативная оценка рока до сих пор встречается в массовой прессе. В одной из наших предыдущих статей [Хохлова 2012: 145] мы исследовали особенности репрезентации концепта «рок» в массмедиа с адресатом «простой человек» (образ, выделенный Т. Л. Каминской) на материале прессы с 1990-х гг. до настоящего времени. В ядре концепта обнаруживаются дифференциальные концептуальные признаки **‘протест’**, **‘запрещенность’** и **‘свободомыслие’**. Мы подчеркнули также амбивалентность концепта «рок» и противоречивость составляющих его концептуальных признаков (например, ‘техничность исполнения’ vs. ‘неумение играть’, ‘контркультура’ vs. ‘массовая культура’). Доминирующий ядерный концептуальный признак ‘протест’ был также закреплён в узусе, как и многочисленные негативные коннотации (например, ‘агрессия’).

После распада СССР о роке стали говорить по-другому. Концепт «рок» все чаще перемещается в сферу профессиональных СМИ, где происходит его трансформация. По определению Ю. Лотмана, «текст как бы включает в себя образ „своей“ аудитории, а аудитория — „своего1 текста» [Лотман 2001: 203]. В зависимости от «фактора адресата» в концепте актуализируются, наводятся, нивелируются разные дифференциальные концептуальные признаки. Так, в масс-

медиа, адресованных профессиональным музыкантам, ‘протест’ уходит из ядра концепта на периферию, уступая свое место ‘стилю’, и концепт «рок» деидеологизируется. Попытаемся доказать выдвинутый тезис.

Для анализа мы отобрали более 400 контекстов употребления имени концепта «рок» в современных (вышедших после 2000 г.) русскоязычных СМИ (печатных и сетевых) для музыкантов — «Music Box», «Guitars magazine», «Community Drum», «Musician», «Музыкальное оборудование», «E-Drums», «SeptAccord.ru» и др.

В своем исследовании мы придерживаемся лингвокультурологического подхода к изучению концепта и под этим термином понимаем «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [Воркачев 2001: 47—58]. Структуру концепта рассмотрим сквозь призму полевой модели, в терминах ядра и периферии, где принадлежность концептуального дифференциального признака к той или иной зоне определяется его яркостью в сознании носителя концепта [Попова, Стернин 2006: 81].

Ядро концепта «рок» в заявленных медиатекстах составляют следующие дифференциальные концептуальные признаки: ‘стиль’, ‘драйв’, ‘сильная энергетика’, ‘живой звук’, ‘шоу-бизнес’, ‘работа’, ‘карьера’, ‘профессия’. Остановимся на них подробнее.

‘Стиль’ (*Вообще, рок на Западе давно уже превратился в стиль, в бизнес, не более* [Guitars magazine. 2007. № 2 (06)]). Рок-музыка в целом позиционируется как стиль, который, в свою очередь, дробится на бесчисленное множество подстилей (хард-рок, арт-рок, панк-рок, пост-рок, фолк-рок и т. д.) — от «мощного рока в коже» до «тихого звука, одетого в джинсы и бахрому» [Шестидесятники — западный вариант. Неофолк или гитара по кругу // Musicbox. 2006. № 41]. При этом особым достижением считается избрести свой собственный, ни на что не похожий индивидуальный стиль (*Лучшее, что может пожелать себе любая рок-группа — чтобы её стиль не укладывался в прокрустово ложе готовых категорий. Настоящая рок-группа должна иметь собственный неповторимый стиль!* [Kansas: мы все просто пыль на ветру // Musicbox. 2006. № 39]), однако не всегда такие эксперименты увенчиваются успехом (*Джон Андерсон сразу и безапелляционно заметил, что „...последователей и преемников их саунда они не наблюдают, но, впрочем, кому это сейчас нужно — копировать ЧУЖОЕ звучание. Все*

сейчас только и делают, что ищут свой СОБСТВЕННЫЙ голос!». Последняя фраза Джона прозвучала с некоторой издевкой, дескать, искать-то ищут, да что-то ничего хорошего не нашли... [Spock's Beard: Самая длинная борода классического арт-рока // Musicbox. 2006. № 41]).

‘Работа’, ‘карьера’, ‘профессия’. В рок-группах «работают», рок-музыкантов «нанимают», рок-музыкой они зарабатывают на жизнь: *Легенда гласит, что Кит Мун получил работу в группе The Who после оскорбления в пьяном виде оригинального барабанщика банды. Кит утверждал, что может сыграть гораздо лучше. Мало того, что он был прав, он подтолкнул The Who двигаться в совершенно новом музыкальном направлении* [Барабанщики с самой мощной подачей: Кит Мун // Playdrums.ru]; *С тех пор Travis Barker утвердился как универсальный барабанщик, много работающий в качестве гостевого музыканта в различных проектах в различных стилях музыки включая хип-хоп, панк-рок, альтернативный рок, ска, поп музыку и даже кантри* [Travis Barker // E-drums. 2010. 27 сент.]; *Мы осознавали себя музыкантами, желающими зарабатывать на жизнь музыкой и пробиться, несмотря ни на что!* [KANSAS: мы все просто пыль на ветру // Musicbox. 2006. № 39] (выделения наши. — С. Х.).

‘Шоу-бизнес’. Этот признак пересекается с ‘работой’, однако акцент здесь не на качественно произведенном «продукте», а на его успешной продаже: *Мое мнение, что именно Deep Purple превратил рок в стиль. Это очень сильная команда, но именно они вывели из рок-музыки формулу успешного шоу-бизнеса, научили всех штамповать хиты* [Guitars magazine. 2007. № 2 (06)]; *В свою очередь, умелое использование при занятии шоу-бизнесом технологий легальной оптимизации налогового бремени позволило участникам всемирно известной английской рок-группы Queen, получая многомиллионные доходы, максимально „минимизировать“ суммы своего подоходного налога* [Творчество в России — это предпринимательская деятельность или нет? // Musicbox. 2007. № 46].

‘Сильная энергетика’ — то, без чего результат сотрудничества даже самых профессиональных музыкантов не может называться роком (...от музыкантов требуется не просто развитое чувство ритма, а наличие специфической эмоциональной энергии и особого исполнительского чувства, а также умение передать всё это слушателю [Сарынь джаза на кичку рока и наоборот // Musicbox. 2009. № 46]; *Когда я начал*

играть, я подражал ACDC, Judas Priest, Saxon, Ramones ud Motorhead. Мне нравятся простота и огромная энергетика этих групп [Adrian Erlandsson. Интервью сайту rocknworld.com // E-drums. 2010. 17 июня]).

В **приядерной зоне** концепта актуализируются дифференциальные концептуальные признаки ‘тяжелый труд’, ‘удовольствие от игры/концерта/записи’, ‘коллективное творчество’, ‘сыгранность’, ‘смешение стилей’, ‘профессионализм’, ‘импровизация’, ‘усиление звука’, ‘тренировка’, ‘соревнование’, ‘спорт’, ‘наука’, ‘мода’, ‘имидж’, ‘преемственность’, ‘традиционность’. Рассмотрим некоторые из них.

‘Соревнование’, ‘спорт’. Спортивная метафора («рок — это спорт») — одна из самых продуктивных метафорических моделей в исследуемых медиатекстах. Рок репрезентируется как спортивное состязание, где каждый мечтает попасть в «высшую лигу», т. е. на вершины чартов, а совершенствование техники игры на музыкальном инструменте напоминает изнурительные спортивные тренировки (*К слову, о соревнованиях: мир барабанщиков большой, и многие, чтобы выделиться, участвуют в разных конкурсах типа „Самые быстрые ноги“, „Самые проворные руки“. Все это ерунда. Просто ваша игра должна быть вам в кайф — в этом весь смысл музыки. Нет, не поймите меня неправильно: стремление быть лучшим должно присутствовать, но это — „соревнование“ внутри себя*) [Musician. 2006. Сент.-окт.]).

‘Наука’. Рок-произведения описываются с точки зрения музыкальной теории, что говорит о более серьезном к ним отношении, о становлении теории рока. Поскольку рок-музыка позиционируется в рассматриваемых изданиях едва ли не как научная дисциплина, которую можно изучить, в данных медиатекстах часто затрагиваются проблемы обучения рок-мастерству (*Минорная пентатоника дает ярко выраженное роковое звучание, обыгрывание по аккордовой форме — джазовое. Скрестим два эти подхода, добавив типичные роковые фишки — хамеры, пулы, бенды, флажолеты, эффект дисторшн и оголтелую тряску хаером* [Джазовый подход к рок-импровизации. Часть 2 // Musicbox. 2007. № 45]).

‘Преемственность’, ‘традиционность’. Примечательно, что у профессии рок-музыканта, как и у любой другой, есть своя история и традиции. И если раньше (а в некоторых дискурсах и сейчас) рок-музыка противопоставлялась классической, то сейчас она не только превосходно с ней сочетается (выступления рокеров с симфоническими оркестрами), но и сама в какой-то сте-

пени может считаться «классикой». Об этом свидетельствует появление так называемых рок-ветеранов и рок-легенд (например, «The Beatles», «Led Zeppelin» и др.), на которых равняются и которых пытаются переплюнуть следующие поколения рок-музыкантов, изобретая все новые и новые подстили рока (*Я думаю, что мы группа с хорошо развитыми прогрессивными традициями из 70-х. Их несли Yes, Genesis, King Crimson, Gentle Giant, но это не единственные наши корни* [Spock's Beard: Самая длинная борода классического арт-рока // Musicbox. 2006. № 41]).

На **периферии** концепта отметим признаки 'протест', 'андеграундность', 'искренность исполнения', 'эмоциональность', 'благотворительность', 'тернистый путь', 'наркомания', 'алкоголизм', 'честность', 'прямота', 'сделка с дьяволом', 'авантюризм'. Приведем несколько примеров.

'Протест'. В других контекстах это — самый яркий дифференциальный концептуальный признак, однако в изданиях для музыкантов 'протест' почти не упоминается. Он изредка актуализируется при уподоблении гитары оружию (а рока — войне), при описаниях разбивания инструментов на сцене и музыкальных новаторств (*Ломать все правила — это было частью традиций художественной школы, где я учился. Когда я был там, весь мой курс только и занимался ломкой художественных традиций, а я перенес это в свою гитарную игру. Большинство моих приемов были очень жесткими, агрессивными и злыми. Я проникся идеей рок-н-ролла как более социополитического, нежели музыкального явления. Поэтому гитару я всегда воспринимал как оружие. А что еще можно было сделать с оружием в шестидесятые, как не сломать его о колесо? Этим я и занимался* [Guitars magazine. 2006. № 1 (03)]; *Как известно, рок — музыка бунтарей, но это уже давно стало красивой легендой. По большей части бунт как-то ушел из рока, и, как показывает практика, добившись успеха, самые отчаянные рокеры превращаются со временем в добропорядочных бюргеров* [Lumen — Денис Шаханов: я всегда в душе рокер-бунтарь // Musicbox. 2011. № 61]).

'Андеграундность'. Признак трансформировался из 'подпольности' и 'запрещенности', характерных для массовой прессы, в антураж и элемент стиля и сценического образа: «сырые подвалы», «разбитые гитары» (*Гитара предназначена для панк-рока, так что играть на ней нужно в старых добрых вонючих подвалах, а переносить ее следует в помойном мешке. А самое главное, никто вас не осудит, если вы решите*

отодрать немного краски с Billie Joe Junior для придания, так сказать, аутентичности [Guitars magazine. 2007. № 2 (06)]).

'Сделка с дьяволом' — актуализируется в двух контекстах: когда речь идет об исключительном музыкальном таланте (*Роберт Джонсон продал душу дьяволу в обмен на мастерство гитариста* [25 самых нелепых рок-н-рольных слухов // МузТорг. 2007. № 2 (апр.)]) или о договоре с компаниями звукозаписи (*Джоплин стала первой певицей контркультуры, заключившей после судьбоносного для нее фестиваля в Монрее „союз с дьяволом“ и получившей свой миллионный контракт. Джоплин выполнила свою часть контракта, затмив многих и став самой продаваемой рок-певицей современности* [Janis Lyn Joplin: королева блюза и принцесса хиппи // Musicbox. 2007. № 42]).

Как и в медиатекстах с адресатом «простой человек», в изданиях для музыкантов концепт «рок» амбивалентен, и актуализированные в нем концептуальные признаки часто противоречат друг другу. Мы выделили ряд **когнитивных оппозиций**, которые наводятся в интересующих нас массмедиа: 'самовыражение vs. деньги', 'андеграундность vs. популярность', 'концерт vs. запись', 'работа vs. звездность' ('сессионный музыкант vs. рок-звезда'), 'мужчины vs. женщины', 'старые vs. молодые', 'профессионал vs. начинающий', 'гаражный рок vs. стадионный рок' ('камерность' vs. 'масштабность'), 'элитарность vs. массовость'. Все эти оппозиции, а также сам факт их наличия, иллюстрируют дифференциальный концептуальный признак 'протест': концепт «рок» противоречив на структурном уровне.

Например, через оппозицию 'концерт vs. запись' проявляется ядерный концептуальный признак 'живой звук' (*Рок-н-ролл — это искусство, которое существует одновременно в рамках музыки и театра, так как нельзя просто сочинять и петь в студиях — надо давать живые концерты, которых так жаждут фанаты* [Guitars magazine. 2007. № 2 (06)]; *Композиция „Interstellar Overdrive“, размещенная на альбоме „Piper At The Gates Of The Dawn“, даже в студийной версии сохранила элементы той свободы, что была на концертах во время ее исполнения* [Шестидесятники — западный вариант. Неофолк или гитара по кругу // Musicbox. 2006. № 41]).

Другой ядерный концептуальный признак ('работа') демонстрируется когнитивной оппозицией 'работа vs. звездность' ('сессионный музыкант vs. рок-звезда'): *И хотя я мечтал перебраться в Лос-Анджелес, чтобы сделать музыкальную карьеру (я стремился стать не рок-звездой, а просто сес-*

сионным гитаристом), мне не очень-то хотелось оставлять „территорию комфорта“ [Guitars magazine. 2007. № 2 (06)]; Алекс никогда не скажет Вам, что он рок-звезда. Он — музыкант. Он просто делает музыку [Alex Van Halen // E-drums. 2010. 25 мая].

Нашли отражение в структуре концепта и гендерно ориентированные оппозиции. Року приписывается гендерная принадлежность: изначально он позиционировался как «музыка для мужчин», но с развитием феминистских движений и настроений «мужскому року» стал противостоять «женский», что вылилось в когнитивную оппозицию 'мужчины vs. женщины' применительно к року (*Изначально наша борьба была просто для того, чтобы нас воспринимали всерьез, и это заняло несколько лет. Люди могли сказать Нэнси: „Ты, конечно красивая женщина и очень горячая штучка, но неужели твоя гитара действительно подключена?“*. Такие вещи были по-настоящему оскорбительными, поскольку она так много и серьезно работала [Heart: desire rocks on // Musicbox. 2011. № 61]; *Она стала первой исполнительницей, которая собрала женскую панк-рок группу, невзирая на гендерную дискриминацию в мире тяжелой музыки. Она стремилась доказать всем, что женщина и электрогитара — это не позорный карикатурный образ рок-индустрии, а вполне реальный музыкальный дуэт [Joan Jett: королева рок-н-ролла и крестная мать панк-рока // Musicbox. 2011. № 62 (дек.)]*).

Таким образом, дифференциальный концептуальный признак 'протест' эксплицируется через когнитивные оппозиции, тогда как в структуре самого концепта ему отведено место на периферии.

Выводы. Судьба концепта-идеологемы «рок» довольно интересна. Возникнув во второй половине XX в. в условиях острого политического и социального противостояния и став выразителем нового мироощущения, в наши дни рок лишился своей былой злободневности и «подпольности» и все чаще встречается на страницах изданий с целевой аудиторией, далекой от социальных волнений и идеологических споров. Так, в изданиях для музыкантов рок предстает как профессиональная сфера деятельности, как кропотливая и иногда рутинная работа музыканта. Такие издания пестрят музыкальной терминологией, что позволяет говорить о становлении теории рока, здесь поднимаются проблемы обучения музыкантов и многие другие узкопрофессиональные вопросы. Здесь можно встретить рекламу инструментов, результаты конкурса на самого

быстрого барабанщика или самого виртуозного гитариста, рекомендации по подбору тарелок к ударной установке, а также ноты или табулатуры известных рок-композиций. Чего здесь не удастся встретить, так это ярко выраженного 'протеста', который является стержнем концепта «рок», самым заметным ядерным концептуальным признаком в медиатекстах с другим адресатом (например, в массовой прессе). В изданиях, адресованных музыкантам, 'протест' сдвигается на периферию концепта, а его место занимает дифференциальный концептуальный признак 'стиль'. 'Протест' выражен имплицитно в структуре концепта: в выделенных нами когнитивных оппозициях. Таким образом, можно говорить о значительном нивелировании идеологичности концепта «рок» в рассмотренных массмедиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1981. № 4.
2. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60, № 6. С. 47—58.
3. Давыдов Д. М. О статусе и границах русской рок-культуры и месте рок-поэзии в ней // Русская рок-поэзия: текст и контекст. — Тверь, 2002. Вып. 6. С. 130—138.
4. Каминская Т. Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2009.
5. Логачева Т. Е. Русская рок-поэзия в 1970—1990-х гг. в социокультурном контексте XX века. URL: <http://www.proza.ru/2014/01/13/1566> (дата обращения: 24.04.2014).
6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история // Семиосфера / Ю. М. Лотман. — СПб., 2001.
7. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32—41.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — Воронеж, 2006. С. 81.
9. Соколовский И. Конец андерграунда. // Контр Культ Ур'а. 1991. № 3.
10. Хохлова С. Н. Концепт «рок» на страницах современной музыкальной прессы // Концепт и культура. — Кемерово, 2012. С. 144—150.
11. Чебыкина Е. Е. Русская рок-поэзия: прагматический, концептуальный и формо-содержательный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.
12. Шинкаренкова М. Б. Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. А. Кузьмина.

УДК 821.161.1-142(Кюхельбекер В. К.)

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)5-8,445

ГСНТИ 17.82.10; 16.21.33

Код ВАК 10.01.01; 10.02.19

Е. Ю. Шер E. Yu. Sher

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ОДА В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА
«ДЕНЬ СВЯТОГО
АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО»
КАК ОБРАЗЕЦ ЭПИДИКТИЧЕСКОЙ
ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ
ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА**

Аннотация. Рассматривается в жанровом аспекте стихотворение В. К. Кюхельбекера «День святого Александра Невского» как редкий образец романтической «торжественной» оды. Для декабристов с их активной гражданско-патриотической позицией ода становится основной художественной формой выражения особого романтического мироощущения. Такая жанровая форма работает на создание идеализированного образа Александра I — спасителя и гордости Отечества, каким он представляется Кюхельбекеру в 1832 г.

Ключевые слова: романтизм; жанр; ода; В. К. Кюхельбекер; идеализированный образ; Александр I.

Сведения об авторе: Шер Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 277.
e-mail: e.yu.sher@yandex.ru.

**THE ODE BY V. K. KUCHELBECKER
«DAY OF ST. ALEXANDER NEVSKY»
AS A MODEL OF APODICTICAL
ORATORICAL SPEECH
OF THE SECOND THIRD
OF THE XIX CENTURY**

Abstract. The article deals with the genre features of the poem by V. K. Kuchelbecker «Day of St. Alexander Nevsky» as a rare example of romantic “solemn” ode. For the Decembrists, with their active civil and patriotic position, the ode becomes the main form of artistic expression of special romantic world perception. This genre form helps to create the idealized image of Alexander I – savior and pride of the Fatherland, as he is seen by Kuchelbecker in 1832.

Key words: romanticism; genre; ode; V. K. Kuchelbecker; idealized image of Alexander I.

About the author: Sher Elena Yurievna, Candidate of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign Literature.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Стихотворение В. К. Кюхельбекера «День святого Александра Невского» относится, наверное, к числу наименее изученных произведений поэта. Во многом это обусловлено тем, что, написанное в 1832 г., в период одиночного заключения, оно так и не стало «литературным фактом», т. е. явлением, вошедшим в литературную жизнь эпохи, отразившимся в ней и оказавшим на нее то или иное воздействие [Тынянов 1993: 121—137]. Однако для самого Кюхельбекера стихотворение это является, безусловно, знаковым, показательным, поскольку в какой-то мере отражает общую логику его творческой эволюции.

При оценке поздней лирики В. К. Кюхельбекера исследователи по-разному характеризуют вектор ее дальнейшего развития. Так, Н. В. Королева отмечает общий упадок в мироощущении поэта и, как следствие, — смену пафоса в поэзии: уходят «„дифирамбический восторг“, эмоциональная напряженность, высокий гражданский пафос» [Королева 1967: 43]. Т. А. Ложкова также видит в творчестве декабриста явные следы «пережитого поэтом психологического потрясения»: «После 1825 года Кюхельбекер не пи-

шет од, и его поэзия уходит из-под конструктивных принципов „старшего жанра“, потерявшего свою значимость. Пожалуй, лишь в немногих стихотворениях можно обнаружить какие-то переключки с лирикой предшествующего периода на идейно-тематическом уровне, однако характер переживания и облик лирического героя заметно меняются» [Ложкова 2005: 363]. В. Г. Базанов, напротив, не столь категоричен в своих суждениях. Исследователь полагает, что развитие творчества В. К. Кюхельбекера в период заточения и каторги последовательно движется «по ранее намеченному пути»: «Поэт-катаржанин не отказывается от прежних концепций и в меру своих сил старается развивать и углублять их» [Базанов 1961: 284].

Стихотворение В. К. Кюхельбекера «День святого Александра Невского» одновременно и опровергает, и подтверждает высказанные точки зрения.

Еще в статье 1824 г. «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» В. К. Кюхельбекер утверждал приоритет одического жанра: «Лирическая поэзия вообще не иное что, как необыкновенное, то есть сильное, свобод-

ное, вдохновенное изложение чувств самого писателя. Из сего следует, что она тем превосходнее, чем более возвышается над событиями ежедневными, над низким языком черни, не знающей вдохновения. Всем требованиям, которые предполагает сие определение, вполне удовлетворяет одна ода, а посему, без сомнения, занимает первое место в лирической поэзии или, лучше сказать, одна совершенно заслуживает название поэзии лирической» [Кюхельбекер 1979: 454]. Для декабристов с их активной гражданско-патриотической позицией именно высокий жанр оды становится основной художественной формой, способной наиболее полно выразить это особое романтическое мироощущение. Размышляя о трансформации магистральных жанров романтической поэзии декабристов, Т. А. Ложкова убедительно доказывает, что ода выступает как «„старший жанр“, задающий контуры эстетической концепции действительности», и для других жанров: «Ода внедрила в их художественное пространство свой, специфический тип мироотношения, укрупнила художественный образ миропереживания^[1], заметно скорректировала конструктивные жанровые принципы» [Ложкова 2005: 255, 410]. Об этой особенности одического жанра говорил еще Ю. Н. Тынянов: «Старший жанр, ода, существовал не в виде законченного, замкнутого в себе жанра, а как известное конструктивное направление. Поэтому высокий жанр мог привлекать и всасывать в себя какие угодно новые материалы, мог оживляться за счет других жанров, мог, наконец, измениться до неузнаваемости как жанр и все-таки не переставал сознаваться одой» [Тынянов 1977: 245].

Однако сколь бы сложным и неоднозначным ни представлялся нам жанр какого-либо произведения, в нем все равно остается «объективная память жанра», благодаря которой акцентируются и основополагающие жанровые константы. Об этой особенности писал М. М. Бахтин: «Литературный жанр по самой своей природе отражает наиболее устойчивые, „вековечные“ тенденции развития литературы. В жанре всегда сохраняются неумирающие элементы архаики. Правда, эта архаика сохраняется в нем только благодаря постоянному ее обновлению, так сказать, осовременению. Жанр всегда и тот и не тот, всегда и стар и нов одновременно. Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра. В этом жизнь жанра. Поэтому и архаика, сохраняющаяся в жанре, не мертвая, а вечно живая, то есть способная обновляться архаика. Жанр живет настоящим,

но всегда помнит свое прошлое, свое начало» [Бахтин 1972: 121—122; см. также: Лейдерман 2010: 75—90].

Что же представляет собой «День святого Александра Невского» В. К. Кюхельбекера с точки зрения жанровой принадлежности? Характерно, что сам поэт не дает жанрового обозначения, ограничиваясь традиционным посвящением знаменательному событию: «День святого Александра Невского». Однако столь лаконичный заголовок прямо акцентирует внимание на характере торжества, в честь которого создается произведение. Приуроченье ко дню тезоименитства, одному из немногих праздников, имеющих государственное значение^[2], апеллирует непосредственно к жанру «торжественной» оды XVIII в.: «Уже сам масштаб одического „случая“ обеспечивает торжественной оде статус крупного культурного события, своего рода культурной кульминации в национальной духовной жизни: таким образом, ода сразу же обнаруживает тяготение к идеальным бытийным сферам» [Лебедева].

Таким образом, событие, послужившее толчком, импульсом к лирическому переживанию, становится своего рода меткой, первым знаком жанровой принадлежности текста, позволяющим говорить о включенности стихотворения в группу так называемых *Gelegenheitsgedicht* (в переводе с немецкого — «стихи на случай»). Вместе с тем само событие выносится за пределы художественного мира (повествование о нем, его описание в тексте отсутствует) и, кроме заглавия, упоминается единственный раз в восклицании, казалось бы вообще случайном: «Не день ли Александра ныне?». И тем неожиданнее оказывается звучащее удивление, внезапная вспышка памяти, что с самого начала заявлена приуроченность именно к этому дню. Так создается ощущение сиюминутности открывающихся перед нами чувств, их неподготовленности, непосредственности и искренности последующих размышлений поэта, погруженного в думы о вечных вопросах бытия и месте человека в мире. Лирический герой высказывает свое переживание в момент самого переживания и словно сам поражается его возникновению. Стихотворение приобретает вид свободной импровизации, когда одна мысль вызывает другую, непосредственно с нею не связанную, но подчиненную внутренней логике движения эмоционального состояния героя. Тем не менее этот лирический беспорядок, лежащий в основе развития темы, оказывается строго подчинен раскрытию главной идеи, которую сам Кюхельбекер определил как понимание роли Александра I «в истории рода челове-

ческого и народа русского» [Кюхельбекер 1979: 178].

Композиционная структура кюхельбекеровского текста распадается на три основные части, традиционные для эпидиктических жанров ораторской речи, в том числе и для жанра торжественной оды: приступ (введение темы), рассуждение (развитие темы) и заключение. При этом начало и финал образуют своего рода тематическое кольцо, которое не просто замыкает круг раздумий поэта, но завершает прерванные горестные размышления, развеивает возникшие сомнения, однозначно дает ответы на поставленные вопросы.

С первых строк Кюхельбекер выстраивает особый одический образ мира: не быт, а бытие, миропорядок в целом привлекает его внимание, мир он видит как некое грандиозное пространство:

С туманной высоты из отдаленных стран
Несутся волны шумного потока
В бездонный, темный океан —
И вдруг исчезнули для ока,
Для слуха глас сынов горы затих;
Равнина моря поглотила их
И погребла протяжными громами
Глаголы рек, гремевших меж скалами.

[Цит. по: Кюхельбекер 1979: 178—181]

Масштабность и величие открывающихся взгляду лирического героя картин подчеркивают абстрактные эпитеты: «с туманной высоты», «из отдаленных стран», «в бездонный океан», словно раздвигая обычные географические координаты, растягивая зримый мир во всех направлениях до бесконечности, неподвластной простому человеческому глазу. Отсутствие физических границ, с одной стороны, подавляет слушателя/читателя, с другой — напротив, формирует восторженно-торжественную атмосферу. Эмоциональный накал, испытываемое потрясение передает контраст, постоянное столкновение противоборствующих начал: «с высоты — в бездонный», «волны шумного потока — равнина моря», «гремевшие глаголы рек — глас затих», «несутся — исчезнули». Торжественность, «громкость» звучания создает использование высокой лексики и старославянизмов: «исчезнули», «погребла», «око», «глас», «глаголы рек».

Одновременно логика движения взгляда лирического героя, последовательность охвата представшей перед ним картины придает зачину характер задумчивого созерцания. Постепенно опуская взгляд с «туманной высоты» к «равнине моря», герой словно возвращается в мир земной, не прекращая при этом мыслить о проблемах бытийного

масштаба. Причем путь этот он преодолевает дважды:

Святые дети вечных льдов,
Питомцы мощные доилиц облаков
Уже не воспарят к воздушной колыбели!
До влажного кладбища долетели
И схоронились тут навек.

[Там же]

Подобное удвоение подчеркивает состояние сосредоточенной задумчивости героя, выдает внутреннюю напряженность, направленность внимания на нечто другое, не имеющее непосредственного отношения к обозреваемым громадам. Не случайно вторая картина оказывается насыщена чисто человеческими понятиями: «дети», «питомцы», «доилиц», «колыбели», «кладбища».

Описание природного явления (горного водопада) наполняется философским смыслом, становится метафорическим воплощением вызванных этим видом размышлений не только о месте человека в столь необъятном мире, его бренности, но о смысле его существования:

Не им ли суетный подобен человек?
Как эти бурные, дымящиеся воды,
Не так ли царства и народы
Лиются в океан времен
И в мире исчезает след племен?
<...>
Как быстрые струи взволнованной пучины,
Так минул век Петра и век Екатерины,
Так минули их дивные дела,
И что же? слава их одна до нас дошла.
Увы!

[Там же]

Показательно, что пространство лирический герой воспринимает с точки зрения обычного человека, стоящего между небом и бездной, а следовательно, подверженного физическому воздействию мира и не могущего преодолеть ни «туманную высоту», ни «бездонный океан». И взгляд его движется не по горизонтали, представляющей неохватную панораму всевозможных явлений, совмещающую не только пространства, но и времена года, как это было у Ломоносова. Лирический герой Кюхельбекера остается неподвижен, но статика эта кажущаяся. Динамично состояние окружающего его мира: текст насыщен глаголами движения («несутся», «долетели», «лиются», «сверкнут»). Но в еще большей степени это мир звучащий, наполненный звуками: «шумного потока», «протяжными громами», «глаголы рек», «гремевших», «бурные воды» и пр. Способность же воспринимать изменения в окружающей действительности, оттенки звуча-

ния мира свидетельствует о высокой субъективности мировосприятия. Именно поэтому все явления внешнего (природного) мира во второй строфе получают словесное определение из мира человеческого: воды реки — это «святые дети вечных льдов», «питомцы мощные доилиц облаков»; небо становится «воздушной колыбелью», а море — «влажным кладбищем». Субъективны и эпитеты: «святые», «мощные», «суетный» и др. Скопление рокочущих, гремящих звуков («протяжными громами», «гремевших меж скалами») помогает усилить впечатление мощи, силы. А постоянное колебание от шума к тишине («шумного потока» — «затих» — «громами», «гремевших» — «схоронились» — «бурные воды») создает ощущение тревожности, напряженности. Быстрота смены впечатлений подчеркивается употреблением рядом глаголов в разной временной форме («несутся» — «исчезнули»), усиливает этот эффект и наречие «вдруг». Так оказывается, что картина мира динамична постольку, поскольку динамично состояние души лирического героя. «Грандиозные образы Кюхельбекера пронизаны конкретикой субъективного, индивидуального, чувственного мировосприятия, являются воплощением динамики внутренней жизни героя» [Ложкова 2003: 222—223].

Еще более обманчива статичность героя во времени. С одной стороны, лирическое высказывание вроде бы прикреплено к моменту возникновения переживания — здесь и сейчас. Но с другой — лирический герой оказывается неподвластен времени и поэтому способен зреть в «отдалении веков»: не только видеть «царства и народы», что «лиются в океан времен», следить, как «в мире исчезает след племен», но и заглядывать «в вечность, покрытую грозной тьмой». Его мысленный взор, в отличие от глаз, не ведает границ, поэтому, в то время как пространственная даль «туманна», прошлое, настоящее и будущее одинаково ясны. Более того, именно настоящее менее всего занимает внимание героя: он сосредоточивает внимание на прошлом, чтобы познать будущее.

Вместе с тем сам он остается человеком настоящего, о чем свидетельствуют привязанность переживания к конкретной дате в заглавии (день тезоименитства), установка на сиюминутность, импровизационность мировосприятия в 1-й строфе и самое начало 4-й строфы, когда в объективированную картину врывается лирическое «я», которое, казалось бы, занимает в произведении весьма скромное место, не проявляясь столь откровенно, как в ранних одах Кюхельбекера. Да и личное местоимение «я»

употребляется здесь единственный раз на весь текст: «Я вижу град Петра», но тем самым подчеркивается глубоко индивидуальный характер переживаний. И если первые три строфы безличны (даже надличны), то во второй части стихотворения сразу заявляется субъективность восприятия. Картины мира даны в преломлении конкретного «Я» (не «показался» или «виден», а «Я вижу»), значит все чувства и мысли, вызванные ими, также носят подчеркнuto субъективный характер. В 6-й строфе вновь встречается глагол в форме 1-го лица (правда, без местоимения), но на этот раз необычайно сильного эмоционального накала: «клянуса», выдающий высочайшее напряжение внутренних сил героя. Заметен этот момент перехода от созерцания к переживанию и внешне: спокойный, неторопливый тон повествования прерывается скоплением взволнованных вопросов и восклицаний:

Так минул век Петра и век Екатерины,
Так минули их дивные дела,
И что же? слава их одна до нас дошла.
Увы! не день ли Александра ныне?
А он?

[Цит по: Кюхельбекер 1979: 178—181]

И эта неожиданная смена интонационного поля соответствует сдвигу в потоке мыслей лирического героя. Вырываясь из плена веков, словно осененный внезапной догадкой («Не день ли Александра ныне?»), герой обращает свой взгляд на события недавнего прошлого, ставшие предметом его рефлексии:

...сияет божий храм;
Раздался звон благовеститель,
Проснулась тихая обитель,
К ее ликующим стенам
В борьбе всемирной победитель,
Любезный русским русский царь,
Своим народом окруженный,
Течет, в величии смиренный,
Припасть с ним вместе пред алтарь.
Окончен исполинский бой:
Дав мир вселенной после боя,
Пред гробом соименного героя
Венчанный маслиной герой.
<...>
О русский царь! пал от руки твоей
<...>
Отважный, грозный вождь, Европы
повелитель,
Ее властителей властитель.

[Там же]

Видно, как в сознании лирического героя сливаются два торжества: именины государя императора и празднование победы русско-го войска над Наполеоном в войне 1812 г.

И если первое событие остается за пределами художественного мира, служит лишь первоначальным толчком для размышлений, становится своего рода связкой между поэтом и его творением, то второе событие как раз и вызывает у героя сильный эмоциональный отклик, является истинной основой лирического переживания.

Чрезвычайно значимой в данном случае кажется момент хронологического несовпадения слитых воедино событий. День святого Александра Невского, точнее день поминовения благоверного великого князя, приходится на 30 августа (по старому стилю; используется Русской православной церковью), что вполне соответствует признанию Кюхельбекера о причине написания произведения (о «приближении именин покойного государя» поэт говорит 26 августа: «Приближение именин покойного государя, воспитателя и благодетеля моего, которого память всегда была и будет мне драгоценною, заставило меня пожелать написать нечто, что бы выразило образ, под каким Александр представляется мне в истории рода человеческого и народа русского» [Кюхельбекер 1979: 178]). Высочайший же манифест, извещавший об окончании Отечественной войны, был издан Александром I 25 декабря 1812 г. Следовательно, в августе «мир» во «вселенной» «после боя» еще не мог наступить. Представляется, что это не просто забывчивость. Так же как мало объяснить стяжение времени одной лишь логикой лирического беспорядка, ассоциативным принципом мышления, свойственным торжественной оде классицистов. Собственно, в тексте нигде не говорится о том, что описываемое действие происходит в день святого Александра Невского. Путаница возникает из-за того, что В. К. Кюхельбекер использует не привычную формулу приуроченности к определенному событию, посвящения в честь какого-то случая («В день», «На день»), а просто указывает совершенно конкретную дату («День святого»). Поэтому заголовок воспринимается как некий обобщающий элемент, вбирающий всё последующее содержание текста (т. е. текст будто бы раскрывает, наполняет действием заголовки). На самом же деле название представляет собой указание на время написания произведения. Этот день (день обязательного чествования) лишь формальный повод вспомнить день истинной славы, истинного величия — не просто день празднования именин, а день, ставший днем триумфа Александра I.

С этого момента всё внимание концентрируется на образе Александра I, который

воспринимается как воплощение героя романтического толка. Это необыкновенный, исключительный характер, избранная личность, подобная вспышке во мраке, явленная миру на краткий миг, когда она более всего необходима:

И как сверкнут и вдруг померкнут блески
Над пенистой, кипящей глубиной,
Так точно явится и пропадет герой.

[Цит по: Кюхельбекер 1979: 178—181]

При этом постоянно подчеркивается героическая составляющая образа: «Пред гробом соименного героя венчанный масляной герой». Таким образом не только опять сводятся временные пласты, но словно бы уравниваются и деяния двух героев, двух Александров, свершивших единый в своей сути «священный подвиг».

Известно, что в результате действий войск под предводительством Александра Невского Русь сохранила свою свободу и независимость (это и битва со шведами 1240 г., и сражение с Ливонским орденом 1242 г. — знаменитое Ледовое побоище). Все победы Александра Невского воспринимались прежде всего как победы религиозные: русские люди, имея небольшое войско, с Божьей помощью отстаивали свое православие. Подобный взгляд свойствен и летописи, и «Житию Александра Невского» и отражает специфику мировосприятия человека Древней Руси, основной чертой которого был провиденциализм, т. е. религиозное понимание хода истории как проявления воли Бога, высшего Промысла. Александр Невский — это не только спаситель Руси, но и носитель высшего, божественного начала, нравственный идеал эпохи. И «соименность» двух царей способствует переложению сущностных характеристик с одного на другого. Одинаково обозначение обоих Александров словом «герой», а позже «русский царь», к тому же оба спасли Отечество «в годину страшную», «когда насилье и коварство за родом покоряли род, когда везде кровавые уставы писал кровавый штык». Так Александр I наделяется ореолом святости своего далекого предшественника, возносится в сознании лирического героя на недостижимую высоту. А горестное раздумье начала стихотворения перерастает в восторг, восхищение, преклонение (одическое по своему характеру переживание).

Идеализация образа царя-спасителя достигает максимального предела. Его характеризуют только очищенные от всего суетного и низменного добродетели, исключительные по своей силе и чистоте чувства: «не жертвовал кумирам ложным», «Надежда,

Вера и Любовь нашли убежище в груди высокой, «души смиренье», «живая вера» — вот качества, предопределившие исход войны:

И видел бог души твоей смиренье,
Господь твою живую веру зрел —
И положил ужасному предел,
Дохнул — и уст всесильных дуновенье
Развевало несметные полки;
Перун всесокрушающей руки
Пожрал непобедимых ополченье!

[Там же]

Александр I предстает перед лирическим героем как образец нравственного совершенства, поэтому лишен эгоистического индивидуализма, свойственного традиционно романтическому герою; он, и «в величии смиренный», не стремится возвыситься над толпой, а «течет», «своим народом окруженный», «припасть с ним вместе пред алтарь». Эта вписанность русского правителя в поток русского народа («течет»), его единение с нацией («своим народом окруженный», «с ним вместе», «любезный русским русский царь») резко противопоставляется выпячиванию своего «я» Наполеоном («Я новый Карл, / Я новый Клодвиг!»). Противостояние личных и общественных интересов, гордыни и смирения, веры и безверия оценивается Кюхельбекером с точки зрения нравственности и морали как высших христианских ценностей и решается в духе религиозного провиденциализма. А роль судии берет на себя лирический герой:

Так, Александр! ты был благословен;
Клянуся, не без помощи небесной
Ты одолел в борьбе чудесной,
Не без нее ужасный низложен.

[Там же]

Главное, что отличает Александра I, делает его героем, личностью необыкновенной, исключительной, — сила и непоколебимость веры: «на бога истины, и правоты» он и «тогда надежды возложил», когда кругом «вливало хладное безверье тлетворный яд в увядшие сердца; отвергнуло небесного отца безумное высокомерье; мир начал забывать творца...». Чистота и искренность его намерений определяют исход войны («Господь благословил его священный подвиг»), а следовательно, и его собственную судьбу в веках («Ты был благословен»). И если в самом начале своих размышлений лирический герой задается вопросом, как человеку оставить о себе память, когда «в мире исчезает» и «след племен», то теперь он находит ответ на свой вопрос. Ни «пляски», ни «гимны

торжествующих певцов» не могут увековечить минувшие дела, даже «дивные», и до потомков доходит лишь «слава их одна», т. е. не сами деяния, а воспевающие их слова. Но подлинно благословенное деяние забыто не будет, не затеряется бесследно «в вечности, покрытой грозной тьмой»:

Все тленно под изменчивой луной
<...>
Но будет жить бессмертный подвиг твой,
О Александр!

[Там же]

Итак, Кюхельбекер выстраивает свое стихотворение по законам классической классицистической оды, сохраняя «дух» ведущего поэтического жанра XVIII в. и вместе с тем наполняя его «внутреннюю форму» новым звучанием, обогащая романтическими тенденциями, опровергая таким образом установившееся в отечественном литературоведении мнение о том, что «со второй трети XIX века оды уже не творили, а создавали по известным клише» [Алексеева 2005: 6].

Таким образом, предпринятый анализ склоняет нас к мысли, что «День святого Александра Невского» являет собой редкий образец романтической торжественной оды, какой виделась она Кюхельбекеру еще в 1824 г.: «...ода ... без сомнения, занимает первое место в лирической поэзии или, лучше сказать, одна совершенно заслуживает название поэзии лирической. <...> Ода, увлекаясь предметами высокими, передавая векам подвиги героев и славу Отечества, воспаряя к престолу Неизреченного и пророчествуя пред благоговейным народом, парит, гремит, блещет, поработает слух и душу читателя. Сверх того, в оде поэт бескорыстен: он не ничтожным событиям собственной жизни радуется, не об них сетует; он вещает правду и суд промысла, торжествует о величии родимого края, мечет перуны в сопостатов, блажит праведника, клянет изверга» [Кюхельбекер 1979: 454]. Сама жанровая форма работает на создание идеализированного образа Александра I — спасителя и гордости Отечества, каким он представляется Кюхельбекеру в 1832 г., спустя 20 лет после свершения его «священного подвига», открывшего путь к истинному «бессмертию» в «книге живота народов и племен». И тем самым «День святого Александра Невского» подтверждает признание поэта по поводу ранних своих теоретических убеждений, сделанное в том же 1832 г.: «Нахожу, что в мыслях своих я мало переменялся» [Кюхельбекер 1979: 198].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Термин «образ миропереживания» введен в употребление С. И. Ермоленко в ходе изучения специфики лирических жанров: «...структура лирического жанра определяется гибкой, но достаточно устойчивой связью между типом лирического субъекта (типом субъектной организации), характером интонационно-мелодического строя и свойственными данному жанру „сигналами“ („эмблематикой“) ассоциативного фона. Эта связь и порождает специфический для каждого лирического жанра образ миропереживания как выражение определенной эстетической концепции личности» [Ермоленко 1996: 19].

[2]. К торжествам, имеющим государственное значение, начиная с XVIII в. относили одержанную победу, заключение мира, четыре ежегодных царских дня (день восшествия на престол, день коронации, день тезоименитства и день рождения царствующей особы), дни рождения и кончины лиц царской семьи, въезда монарха в город или отъезда из города.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: развитие одической формы в XVII—XVIII веках. — СПб. : Наука, 2005.

2. *Базанов В. Г.* Очерки декабристской литературы: поэзия. — М. ; Л. : Наука, 1961.

3. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. — М. : Сов. Россия, 1979.

4. *Ермоленко С. И.* Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : АРГО, 1996.

5. *Королева Н. В.* В. К. Кюхельбекер. // Избр. произведения / В. К. Кюхельбекер. — М. ; Л. : Сов. писатель, 1967. Т. 1. С. 5—61.

6. *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. — Л. : Наука, 1979.

7. *Лебедева О. Б.* Поэтика торжественной оды как ораторского жанра // История русской литературы XVIII века : учеб. для вузов / О. Б. Лебедева. URL: <http://www.infodlib.info/philol/lebedeva/lomon.html>.

8. *Лейдерман Н. Л.* Теория жанра. Исследования и разборы / Ин-т филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» ; УрО РАО ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2010.

9. *Ложкова Т. А.* Система жанров в лирике декабристов / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2005.

10. *Тынянов Ю. Н.* Литературный факт. — М. : Высшая школа, 1993.

11. *Тынянов Ю. Н.* Ода как ораторский жанр // Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — М. : Наука, 1977. С. 227—252.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. А. Ложкова.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Данная рубрика выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

УДК 81'23:81'42

ББК Ш105.51+Ш100.6

ГСНТИ 19.00.05; 16.21.29

Код ВАК 15.41.21; 10.02.21

К. В. Злоказов K. V. Zlokazov

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Обсуждаются проблемы психолого-лингвистического исследования креолизованного текста. Осуществляется анализ репрезентации националистических идей в креолизованном тексте. Методом исследования выступает контент-анализ образцов креолизованного текста. Рассчитывается и интерпретируется факторная модель предметно-содержательных характеристик креолизованного текста националистической направленности. Выделяются четыре модели (сюжета) компоновки: идентифицирующая установка в сочетании с националистической символикой, ксенофобическая установка в сочетании с этнической символикой, репрезентация эмоции агрессии и страха в сочетании с маргинальной символикой, демонстрация исторической символики.

Ключевые слова: креолизованный текст; психология восприятия текста; репрезентация эмоций и установок.

Сведения об авторе: Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии.

Место работы: Уральский юридический институт (Екатеринбург).

Контактная информация: 620057, г. Екатеринбург, ул. Копеевина, 66, к. 108.

e-mail: zkkrivit@yandex.ru.

REPRESENTATION OF NATIONALISTIC IDEAS IN CREOLIZED TEXT

Abstract. The paper discusses the problems of psycholinguistic research of creolized text. The author conducts an analysis of representation of nationalistic ideas in creolized text. The main method of research is content analysis of samples creolized text. The factor model of subject-content characteristics of creolized text of nationalistic orientation is calculated and interpreted. There are four types of models (plot): identifying purpose combined with nationalistic symbolism, xenophobic purpose combined with ethnic symbols, representation of emotions of aggression and fear combined with marginal symbols and demonstration of historical symbols.

Key words: creolized text; perceptual psychology text; representation of emotions and attitudes.

About the author: Zlokazov Kirill Vitalievich, Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Chair of Pedagogy Psychology.

Place of employment: the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ekaterinburg).

Материалы статьи представлены на конференции «Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления» (Екатеринбург, Россия, 26—28 августа 2014 г.).

ВВЕДЕНИЕ. Основной формой представления экстремистских идей выступает креолизованный текст. Причиной тому как технические особенности представления информации в сети Интернет, в частности в «социальных сетях», так и психолингвистические характеристики этого вида текстов. Креоли-

зованные тексты легки для восприятия с пропозициональной, коммуникативной и прагматической точки зрения. Вербальный и невербальный компоненты обеспечивают поликодовость информации, что обеспечивает амплифицирующий эффект восприятия и интерпретации смысла, а также эмоцио-

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность».

© Злоказов К. В., 2014

нально-эффективный след, связанный с сохранением и воспроизведением темы (сюжета) текста [Ворошилова 2007].

Судебная психолого-лингвистическая экспертиза текста экстремистской направленности нацелена на выявление и подробное описание его смысла [Гагина, Кузнецов, Зубкова 2013]. Однако в настоящее время методика выявления смысла экстремистского креолизованного текста однозначно не представлена в деятельности судебных экспертов, а существует в виде алгоритма или модели действий психолога [Бакина, Махова 2014]. Создание такой методики связано с решением проблемы слияния и обособления человека и текста — глобальной проблемы психолингвистики. В то же время определенные контуры метода существуют, а их рефлексия позволяет сосредотачиваться на наиболее сложных вопросах психолого-лингвистической экспертизы текста [Секераж 2011]. В наших исследованиях экстремистских текстов акцент делается на системном, комплексном анализе текстов в связи с их влиянием на реципиента. В процессе исследования регистрируется спектр нейрофизиологических, психофизиологических, когнитивных, аффективно-оценочных и поведенческих параметров. Определяется степень восприятия смысла креолизованного текста путем выявления отношения воспроизведенных респондентом семантических единиц (смысловых единиц текста, идей) к их общему количеству, выделяемому на основе экспертной оценки [Злоказов 2011]. Однако методологически эта исследовательская модель не позволяет «ухватить» читателя и текст в едином процессе трансформации смысла, происходящем в контексте интерпретации идей. Решение этой задачи требует модификации концепции изучения, применявшейся нами ранее, перехода от односторонней оценки текста в восприятии человека к учету априорных идей, психологических установок читателя, его избирательной позиции при выборе, восприятии и интерпретации конкретного элемента текста.

Вторая проблема, требующая своего решения, — несоответствие смысловых картин экстремистского текста и его репрезентаций читателем. В одной из наших работ установлено, что номинации «Врага» и «Друга» в экстремистском тексте воспринимаются и интерпретируются респондентами в зависимости от их уровня деструктивной установки [Злоказов 2014]. Проблема здесь видится в несоответствии параметров креолизованного текста особенностям когнитивной, эмоциональной, мотивационно-смысловой сфер воспринимающего. С этой пробле-

мой связана специфика презентации содержания экстремистского текста. Экстремистская идея выражается в тексте различными языковыми и визуальными средствами. Нередко испытуемые затрудняются воспроизвести содержание листовки или плаката, не говоря уже о его смысле. Сложность вызывают образы историко-культурного характера, попросту незнакомые современной молодежи.

Цель и задачи исследования. Цель работы — определение и описание структуры креолизованного текста, применяемого для презентации националистических идей в интернет-сообществах. Для ее достижения нами было проведено эмпирическое исследование приблизительно 2800 креолизованных текстов, размещенных в 51 группе националистической ориентации одного из популярных российских сетевых ресурсов. Задачей стал анализ предметно-содержательных составляющих экстремистской идеи, представленной в графическом виде вместе с или без текстового пояснения (в форме демотиватора). К предметной составляющей нами была отнесена текстовая символика определенного типа (например, символы националистической, религиозной, спортивной и иных сфер). К содержательной составляющей была отнесена репрезентация эмоций и установок лиц, воспринимающих креолизованный текст.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ. Теоретическим основанием эмпирического исследования послужила концепция личностных репрезентаций «Я — Другой» Е. В. Рягузовой [Рягузова 2012] и концепция метаиндивидуального мира Л. Я. Дорфмана [Дорфман 2004]. Синтез положений концепции метаиндивидуального мира, личностных репрезентаций с уже применяющейся нами моделью позволил определить символические репрезентации как социально-психологические интерактивные образования, конструируемые в процессе восприятия семантико-символического ряда креолизованного текста. Репрезентации образуют систему значений (вербальных и образных) и определяют формирование установок, стратегии взаимодействия с другими объектами метаиндивидуального мира. Восприятие креолизованного текста — сложный процесс, сопровождающийся возникновением репрезентаций, трансформирующих элементы националистической идеи в виде ментальной репрезентации метаиндивидуального мира реципиента.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ. Выполнялся контент-анализ изображений. Его осуществляли 11 экспертов, просматривая изображе-

ния и оценивая их в соответствии со специальными критериями. Каждое изображение анализировалось на предмет:

а) включения графических элементов националистической, религиозной, спортивной, маргинальной, исторической и этнической символики;

б) репрезентации эмоций агрессии и страха;

в) репрезентации идентификационных, патриотических и ксенофобических установок.

Оценка кодировалась в трехбалльной шкале: 1 балл — нет, 2 — вероятно, есть, 3 — точно есть. Полученные от экспертов оценки по каждому изображению усреднялись, рассчитывалась дисперсия ответов. Изображения, имеющие дисперсию более 0,75, в исследование не включались. Всего в исследовании использовалось 2500 изображений, собранных в 51 сообществе националистической направленности. Направленность определялась по названию (например, «Россия 1488», «Безумие 1488», «Фашизм, нацизм, национализм, патриотизм», «М8Л8ТХ»), по содержанию изображений в группе. Последний критерий предполагал оценку в соответствии со статьей 20.3 КОАП РФ («Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций») [Кодекс 2002].

В работе сознательно не обозначаются чувства «ненависти» и «вражды» как предмет исследования. Поскольку а) в психологическом исследовании они не имеют однозначного толкования и нуждаются в дополнительном поиске эмпирических референтов, б) направленность текста на возбуждение каких либо чувств должна вызывать эмоции у субъекта и обозначать предмет, связанный с ними. Возникновение чувств — процесс трансформации эмоции и ее предмета, связанный с читателем, и протекающий на «его стороне» коммуникативного акта. «Непонятый» символ демотиватора не способствует формированию чувства, однако переживание (индукция) эмоции у читателя осуществляется, и может быть физиологически измерена модальность эмоции, вре-

мя ее возникновения, протекания и угасания. Текст содержит эмоции, не имеющие своего отчетливого предмета. Например, после просмотра видеофрагмента с элементами насилия испытуемые переживают страх, но не связывают его с лицами, осуществлявшими избиение.

В связи с этим нами было принято решение остановиться на двух видах эмоций — агрессии и страхе — и изучать их репрезентации в корпусе собранных креолизованных текстов.

Общее количество обследованных интернет-профилей (страниц) составило 354 тыс. На базе этого массива с опорой на анкетные данные были определены половые и возрастные параметры участников националистических групп.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ. Для сообществ националистической направленности характерным является преобладание представителей мужского пола (77,7 %). По критерию возраста националистические группы гомогенны: возраст участников внутри группы, как правило, сильно не отклоняется от среднего значения. Общая тенденция состоит в том, что националистические убеждения разделяют 69 % лиц старше 18 лет.

Безусловно, проведенное «измерение» и представленные в табл. 1 данные не могут претендовать на репрезентативность в силу анонимности профилей участников, несоответствия между количеством социальных страничек участников и реальных пользователей, заявленных половозрастных характеристик и реальных параметров участников. В то же время включение данных и оперирование относительными величинами проводится нами сознательно, поскольку задача исследования — определение половозрастных параметров аудитории, и, как следствие, мы используем один из возможных способов очерчивания контуров проблемы экстремистской ориентации российской молодежи. Актуальности этим сведениям придает и тот факт, что альтернативных данных о возрасте и поле лиц, состоящих в националистических группах, разделяющих их идеи, в настоящее время просто нет.

Таблица 1

Половозрастные характеристики участников обследованных националистических групп

Параметры	Половой состав		Возрастной состав, лет			
	мужчины	женщины	до 14	до 16	до 18	старше 18
Количество участников	275 292	78 791	13 555	43 093	53 077	243 763
Процент участников	77,7	22,2	3,8	12,2	15,1	68,8

Таблица 2

Символика креолизованных текстов националистической направленности, %

Символика	Доля *
Националистическая	74,50
Религиозная	2,70
Спортивная	5,45
Маргинальная	12,50
Историческая	13,15
Этническая	11,75

* Изображение может содержать символы различных видов, поэтому сумма процентов не равна 100.

Таблица 3

Репрезентации эмоций и установок в тексте, %

Эмоции в креолизованном тексте		Установки в креолизованном тексте		
Агрессия	Страх	патриотические	идентифицирующие	ксенофобические
46,3	6,05	26,7	66,2	13,4

В ходе анализа изображений (см. табл. 2) было выявлено преобладание националистической символики (74,5 %) над остальными видами символов. Содержательно подобная тенденция характеризует агрессивно-деструктивную направленность националистической идеи в целом. В то же время существуют индивидуально-специфические различия. В ряде групп маргинальная символика конкурирует с националистической (52 % против 45 %). Объяснение этому видится в специфичном для данных сообществ стремлении призывать к агрессивным действиям, направленным на членов аутгруппы. Между тем в группах «Русский националист», «Россия для русских», «Русское единство [Центр]» часто используются символы этнической тематики. Вследствие этого можно предполагать акцент на этнической идентичности, сплочении по типу сходных черт, стремлении к определению, презентации и воспроизведению националистической идеи через ее этническое прочтение.

Каждое изображение не только транслирует символы, но и формирует эмоционально-мотивационные установки у воспринимающего их лица. Количественный анализ репрезентаций (см. табл. 3.) также позволяет описать некоторые особенности презентации националистической идеи в тексте.

Отметим, что преобладающим типом репрезентируемой установки в тексте является идентифицирующий, на втором месте — патриотический. Идентифицирующие стратегии, на наш взгляд, обеспечивают сплочение участников националистических групп, систематизируют националистическую сим-

волику, выступая своеобразным «знаменателем» текста. В совокупности с националистической символикой, идентифицирующая установка призвана возвращать читателя, зрителя к факту его принадлежности к определенной социальной группе.

Генерализованный тип эмоции в тексте — агрессивный (46,3 % изображений), эмоции страха представлены лишь в 6,05 % изображений. Агрессия — отличительная черта экстремистской идеи, ее «маркер». В то же время, как показывает контент-анализ, эмоции агрессии массово не представлены в анализируемых изображениях, что свидетельствует о большей вариативности эмоциональных паттернов, наличии некоторой латентной структуры символики текста, факторов, лежащих в основе ее репрезентации. Применение методов математико-статистической обработки данных позволит определить предпочитаемые различными экстремистскими группами способы воздействия на когнитивные установки участников групп.

Для оценки факторов, определяющих символику экстремистского текста, мы провели анализ символов и репрезентаций корпуса изображений, характерных для националистических сообществ. Факторный анализ проводился методом главных компонент с варимакс-вращением, оценка факторного решения осуществлялась по критерию «каменистой осыпи» Кеттелла и критерию максимизации дисперсии Кайзера. Оптимальным было признано двухфакторное решение, объединившее факторные веса показателей символики и репрезентаций в два интерпретируемых фактора, объясняющих 56 % дисперсии (см. табл. 4).

Таблица 4

Структура экстремистского текста
в интернет-сообществах
(факторные нагрузки после варимакс-вращения) *

Категории	Показатели	Factor 1	Factor 2
Символика текста	Националистическая	0,67	0,26
	Религиозная	-0,25	-0,26
	Спортивная	0,23	-0,07
	Маргинальная	0,00	0,53
	Историческая	0,39	-0,66
	Этническая	-0,88	-0,16
Репрезентации эмоций и установок в тексте	Агрессия	0,33	0,68
	Страх	0,15	0,54
	Патриотические	0,36	0,11
	Идентифицирующие	0,81	0,03
	Ксенофобические	-0,90	0,12
Собственное значение		3,27	1,96
Доля дисперсии		29%	27%

* Значимые факторные веса выделены, показатели округлены до двух знаков после запятой.

Наиболее сильную положительную связь с первым фактором имеют показатели «Националистическая символика» и «Идентифицирующие репрезентации установок»; отрицательную — «Этническая символика» и «Ксенофобические репрезентации установок». Данный фактор был обозначен нами по обозначению показателей, формирующих положительный полюс, как «Репрезентация идентифицирующей установки националистическими символами». Вместе с тем использование этнической символики и репрезентаций ксенофобических установок преобразует смысл фактора. Другими словами, возможны два «сюжета» в модели националистического текста: 1) призыв к идентификации с символикой националистической идеи, 2) формирование чувства страха перед представителями иных социальных групп, рас, религий с применением этнической символики. Эти шаблоны являются своеобразными клише, характерными для большинства проанализированных националистических сообществ.

Второй фактор образован показателями репрезентаций эмоций страха и агрессии, дополняющих маргинальную символику. Нами он был назван «Эмоциональная репрезентация маргинальной символики» по

положительному знаку факторных весов показателей. В модели креолизованного текста агрессия и страх сопровождаются символами, ассоциированными с криминальным и уголовным миром, сочетаются с изображением различных видов оружия и соответствующими призывами. При этом историческая символика игнорируется полностью либо становится предметом всего текстового фрагмента.

Выводы. Креолизованный текст — популярный в настоящее время способ распространения экстремистских идей. Психологические предпосылки эффективности креолизованного текста кроются в его бимодальной природе — сочетании вербальных и невербальных средств передачи информации. Восприятие креолизованного текста — процесс, приводящий к формированию репрезентации. Характеристики эмоционального фона текста и его установок — результат преобразований националистической идеи в виде ментальной репрезентации метаиндивидуального мира воспринимающего их лица. Проведенный в ходе исследования факторный анализ позволил определить представление о символике и репрезентациях креолизованного текста националистических интернет-сообществ в социальной сети. Несмотря на внешнее разнообразие сюжета, этот вид текста может быть описан четырьмя моделями (сюжетами):

- развитие идентифицирующей установки в сочетании с националистической символикой;
- развитие ксенофобической установки в сочетании с этнической символикой;
- репрезентация агрессии и страха в сочетании с маргинальной символикой;
- демонстрация исторической символики.

При этом символика не содержит характерной экстремистской атрибутики и может быть представлена вне всякого экстремистского контекста.

Дальнейшее исследование полученного материала будет сосредоточено на установлении особенностей креолизованных националистических текстов в интернет-сообществах с преобладанием участников одного возраста, а также пола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакина А. В., Махова И. Ю. К вопросу о психологических критериях экспертной оценки экстремистской направленности текста // Наука и мир. 2014. Т. 3, № 2 (6). С. 178—183.
2. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 73—78.
3. Гагина О. В., Кузнецов В. О., Зубкова Ю. Н. Психолого-лингвистическое исследование кратких

текстов (в том числе креолизованных) по делам, связанным с противодействием экстремизму (на материале демотиваторов) // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 2 (30). С. 43—44.

4. Дорфман Л. Я. Я-концепция: дифференциация и интеграция // Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / под. ред. Л. Я. Дорфмана. — М. : Смысл, 2004.

5. Злоказов К. В. Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-экстремистской направленности // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 210—216.

6. Злоказов К. В. Восприятие экстремистского текста субъектами с различным уровнем де-

структивной установки // Политическая лингвистика. 2014. № 1. С. 265—272.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : от 30.12.2001 : № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002.07.01. № 1 (ч. 1). Ст. 1 (с послед. изм. и доп.).

8. Рягузова Е. В. Личностные репрезентации взаимодействия «Я-Другой» : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. — Саратов, 2012.

9. Секераж Т. Н. Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме // Психология и право. 2011. № 2. С. 1—9.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

М. Б. Ворошилова **M. B. Voroshilova**
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**КОГНИТИВНЫЙ АРСЕНАЛ
И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
СОВРЕМЕННОГО
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

**COGNITIVE ARSENAL
AND COMMUNICATIVE STRATEGIES
OF MODERN
NATIONALISTIC DISCOURSE**

Аннотация. В рамках настоящей работы мы представим результаты анализа основных когнитивных единиц современного молодежного националистического дискурса, а также опишем три основные коммуникативные стратегии его текстов: создание образа освободительной войны, создание образа врага, создание оппозиции.

Abstract. The article presents the results of the analysis of basic cognitive units of modern youth nationalistic discourse and describes three main communicative strategies of its texts: creation of the image of a liberation war, of the image of an enemy and of the image of opposition.

Ключевые слова: националистический дискурс; креолизованный текст; когнитивная метафора; коммуникативная стратегия; милитарная метафора; креолизованная метафора.

Key words: nationalistic discourse; creolized text; cognitive metaphor; communicative strategy; military metaphor; creolized metaphor.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, оф. 221.
e-mail: shinkari@mail.ru.

В течение трех лет (2012—2014) в Уральском государственном педагогическом университете в рамках научного проекта «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность», реализованного при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проводилась «реконструкция» когнитивной базы экстремистского текста в современном молодежном националистическом дискурсе.

Используемые нами термины (экстремистский, националистический) отчасти условны, не имеют под собой серьезной юридической базы, хотя часть исследуемых текстов официально признана таковыми и внесена в соответствующий список Минюста либо создана в объединениях, деятельность которых также официально признана экстремистской (например, «Формат 18»). При отборе материала мы опирались на целый ряд дискурсивных факторов, которые и позволили нам объединить все исследуемые тексты в единый дискурс, нами обозначенный как молодежный националистический (ранее мы чаще использовали в своих работах более широкий термин — экстремистский).

Итак, материалом в рамках настоящего исследования послужили:

1) тексты современных музыкальных групп радикальной националистической направ-

ленности, популярные среди русских НС-скинхедов, националистов и неонацистов («Коловрат», «Циклон Б» и др.);

2) тексты, созданные под именами известных общественных организаций, признанных экстремистскими («Формат 18», «Славянский союз» и др.);

3) тексты, распространяемые (написанные, читаемые, выложенные на персональной странице и т. д.) известными представителями указанных выше организаций (например, лидером организации «Формат 18» Тесаком);

4) тексты, «сопровождающие» такие националистические акции в России, как «Русский марш», «Русские пробежки» (в первую очередь учитывались кричалки и выступления лидеров);

5) тексты, распространяемые в социальных сетях и привлечшие внимание правоохранительных органов (материалы судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности).

Моделируя когнитивную базу экстремистского текста, мы опирались на достижения Уральской школы политической метафорологии (с деятельностью которой можно познакомиться на сайте «Politlinguist.ru» [Politlinguist.ru]), поэтому в центре нашего внимания оказалась именно когнитивная метафора как

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность».

самое доступное и эффективное орудие манипулирования. Правда, в своем исследовании мы оперировали более узким термином — креолизованная метафора, так как основной материал составили именно креолизованные тексты (аудиозаписи, видеозаписи), состоящие из элементов двух и более знакомых систем. Сама структура анализируемых текстов требовала использования неких комплексных методов исследования, которые позволили бы не только описать, инвентаризировать единицы всех задействованных семиотических систем, но и представить анализ их взаимодействия. Именно таким инструментом исследования для нас стала креолизованная метафора.

Возможность употребления данного термина при изучении креолизованного текста обусловлена, во-первых, тем, что в когнитивной лингвистике представлено «широкое» понимание метафоры, которая рассматривается как «любой способ косвенного выражения мысли» [Арутюнова 1990], в том числе и невербальный. Во-вторых, преимущество понятия креолизованной метафоры обусловлено тем, что оно может быть применено также к метафорическим образам, основанным на синтезе элементов не только вербальной или только визуальной системы (в этом случае принято говорить о визуальной метафоре [См., напр.: Большакова 2008]).

Данное понятие значительно шире и дает нам возможность еще раз подчеркнуть сложную внутреннюю структуру образа, основанного не только на взаимодействии различных знаковых единиц, но и нередко на взаимодействии нескольких образов. И именно взаимодействие является, с нашей точки зрения, базой данного понятия, предполагающего не просто синтез двух элементов, а их совместное развитие, совместное прочтение, результаты которого могут быть более точными и более глубокими, а нередко и отличающимися от результатов их отдельного прочтения [См. также: Ворошилова 2012].

В ходе анализа основных когнитивных единиц современного молодежного националистического экстремистского дискурса нами были выделены основные направления метафорической экспансии, которыми стали мир в целом и две полярные позиции — «свои» / «чужие».

Мир осознается участниками молодежного националистического дискурса по-разному: это Москва как столица России, это Россия в целом, это Родина, Русь, реже мир в целом. Но главное, что данное пространство осознается как принадлежащее «своим», в рассматриваемом дискурсе — русским, православным.

Итак, «своими», как мы уже отметили, становятся русские, православные, белые люди. Назвать этот образ только положительным нельзя, что мы и постараемся показать в ходе дальнейшего анализа, а вот образ «чужих» в текстах всегда отрицательный. Помимо негативной оценки, важными признаками «чужих» являются религия (мусульманство, иудейство), национальность (не русские), раса (черные).

На следующем этапе были выделены 7 основных метафорических сфер-источников: в субсфере «Социум» — военная и криминальная метафора, в субсфере «Человек» — физиологическая, морбиальная метафоры и метафора родства, в субсфере «Природа» — зооморфная метафора и метафора стихии [Подр. см.: Ворошилова 2014].

Также было отмечено, что ядро описываемого метафорического арсенала составили военные метафоры (64 % от общего количества используемых метафорических номинаций).

Полученные на данном этапе результаты полностью совпали с результатами прагматического анализа текста, в ходе которого нами были выделены три основные коммуникативные стратегии текстов молодежного националистического дискурса:

- создание образа освободительной войны;
- создание образа врага;
- создание оппозиции по национальному/религиозному признаку.

В текстах первой группы, направленных на создание образа освободительной войны, центральным становится образ «Русского воина», который всегда готов, который не умрет, который не боится быть жестоким.

Справедливости ради отметим, что в данных текстах зачастую не поднимается национальная, религиозная проблематика, в них не представлены признаки возбуждения национальной вражды, не обнаруживаются и средства унижения национального достоинства, что не позволяет их классифицировать как экстремистские тексты с юридической точки зрения. Однако отрицать их сильнейший пропагандистский потенциал, конечно, нельзя.

Напротив, тексты второй группы, направленные на создание образа врага, обнаруживают все перечисленные выше признаки в полной мере, а главной их тактикой является оскорбление, унижение.

В подобных текстах автор использует целый арсенал языковых средств для создания негативного образа чужого, в том числе метафорические инвективы (чаще зооморфные и морбиальные образы). Таким образом, в данной группе текстов создается образ врага — слабого, трусливого, дефек-

тивного, дикого, вызывающего брезгливые чувства.

Тексты, построенные на национальной/религиозной оппозиции, содержат, как правило, три группы образов, изобразить схематически которые можно в виде треугольника:

В основании пирамиды лежит оппозиционная пара «свои» и «чужие», где «свои» — это русские, православные, часто выступающие в роли ущемленных: их грабят, травят наркотой, загоняют в гробы, насилуют, вытесняют с собственной земли.

«Чужие» же предстают в образе врагов, опасных, страшных, агрессивных — тех, кто грабит, разоряет, убивает.

На вершине пирамиды вновь образ защитника — бойца, солдата, героя, готового бороться за русскую нацию, бороться до конца своих дней.

Итак, как мы видим, ключевым в анализируемом дискурсе становится образ русского воина, бойца, что полностью подтверждается в результате анализа когнитивного арсенала современного националистического дискурса, ведь самой продуктивной среди милитарных стала метафора воина, бойца, солдата, причем именно эта метафора получила свое полноценное развитие как на визуальном, так и на аудиальном уровне.

В текстах авторы часто использовали три варианта данной метафоры, отличающиеся стилистическими и прагматическими характеристиками. Так, нами было отмечено, что в роли обращения чаще используют довольно нейтральные метафорические номинации солдат:

Готовься к последнему бою, солдат,
Война ближе день ото дня...

Напротив, для выражения решительности и активной позиции в представленных текстах обращаются к метафоре бойца, обладающей более ярким прагматическим потенциалом.

Мы бойцы белой расы
Мы будем жить и сражаться

Страна пробудилась от долгого сна
И белые воины уничтожат врага.

Метафора же воина выражает уважение к воинской службе. Данная метафора частотна, но не продуктивна, так как употребляется только в устойчивых сочетаниях «русский воин» и «белый воин»:

И теперь я русский воин, ты вставай
в мои ряды,
Чтобы черти захлебнулись в своей
собственной крови!

Белый воин, шире шаг и выше знамя,
Ты ариец, ты скинхэд.

Метафоры данной группы окружены неким романтическим ореолом, что используется авторами текстов для прагматического воздействия на зрителей и слушателей.

Как мы уже писали выше, метафора воина, защитника получила серьезную поддержку на визуальном уровне исследуемых креолизованных текстов. На данном этапе мы отметили несколько особенностей создания и развития креолизованной метафоры войны в анализируемых текстах.

Во-первых, в примерах, где сфера-источник (солдат, воин) реализована на вербальном уровне, на визуальном уровне используются однотипные образы сферы-мишени: это здоровые, спортивные, сильные, нередко вооруженные ребята. Отметим, что данные визуальные образы часто тесно связаны с визуальными символами нацистской атрибутики или символики, а также атрибутики или символики сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; данные изображения зачастую сопровождаются атрибутивными символами современных неонацистов. Подобное развитие метафорического образа характерно для текстов третьей группы, направленной на создание оппозиции по национальному или религиозному признаку.

В текстах первой группы, определяющей стратегией которых является создание образа освободительной войны, преобладают визуальные образы воина, воина-освободителя, основанные на хорошо известных прецедентных образах.

В этой группе текстов отмечен важный для русского сознания образ солдата — сына, сына своего Отечества. Данные образы нередко представлены в виде креолизованной метафоры, основанной на сочетании четырех образов: на визуальном уровне — образов современных солдат, «срочников», ребят, служивших и погибших в Чечне, и образов их матерей, на вербальном уровне — образов Родины-матери и сына Отечества, воина.

Но наиболее востребованными в современном националистическом дискурсе оказались образы, отсылающие к героическому,

историческому прошлому России, а именно образ советского солдата-освободителя и русского богатыря.

Естественно, среди богатырей самыми почитаемыми оказались те, чьи имена тем или иным образом связаны с освобождением России, в том числе:

– Дмитрий Донской, великий русский князь, известный как главный проводник антиордынской политики в русских землях;

– Евпатий Коловрат — воевода и славянский богатырь, герой рязанского народного сказания XIII в., времен нашествия Батыя.

В последние годы все чаще стали упоминаться имена донских казаков — Стеньки Разина и Емельяна Пугачева — как освободителей народа от порабощения, желающих свергнуть оккупационный режим.

Метафора этого типа встречается в текстах всех трех групп, ее отличает лишь то, что чаще ядром метафорического образа становится визуальный образ.

Важно, что милитарные образы данной группы направлены на выражение уважения к воинской службе, они содержат больше патриотизма, нежели угрозы, агрессии.

Полученные нами результаты оказались практически идентичны результатам исследований, проводимых психологами, которые выявили два «сюжета» в модели националистического текста: 1) призыв к идентификации с символикой националистической идеи, 2) формирование чувства страха перед представителями иных социальных групп, рас, религий с применением этнической символики.

Первый сюжет перекликается с первыми двумя стратегиями, выделенными нами и направленными на создание враждебного образа мира, образа врага и нашего места в этом мире. Второй сюжет полностью соответствует третьей стратегии, создающий агрессивный образ врага и ущемленного «своего».

Совпали и результаты исследований символики националистического дискурса, несмотря даже на то, что нами исследовались различные символы (визуальные символы в психологическом исследовании и когнитивные символы/образы в лингвистическом), использовались различные методы и приемы анализа. Полученные результаты, как уже говорилось, вновь «вторят друг другу».

Психологами также была отмечена амбивалентность символики: с одной стороны, наблюдается агрессивная националистическая символика (в нашем случае — образ русского бойца — молодого человека, вооруженного, сильного, — образ современного неонациста), с другой — патриотическая историческая символика (русский богатырь, солдат-освободитель).

Подробнее результаты, полученные психологами, описаны в статье К. В. Злоказова «Репрезентация идей националистической направленности в креолизованном тексте» (с. 229—234 настоящего издания).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136—137.

2. Большакова Л. С. Когнитивный механизм создания визуальной метафоры (на материале англоязычных музыкальных видеоклипов) // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 2 С. 119—123. URL: www.science-education.ru/21-703 (дата обращения: 26.05.2011).

3. Ворошилова М. Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 94—99.

4. Ворошилова М. Б. Проснись, Россия: метафорический потенциал современного российского молодежного экстремистского дискурса // Новые парадигмы в когнитивной лингвистике / отв. соред. Б. К. Момынова, М. В. Пименова. — Алматы; Кемерово; Витебск; Бишкек, 2014. С. 473—481.

5. *Politlinguist.ru*. URL: <http://politlinguist.ru>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

А. Э. Карапетян А. Е. Karapetyan
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**СОТРУДНИЧЕСТВО
ЗАКОНОДАТЕЛЯ И ЛИНГВИСТА:
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ**

Аннотация. Обосновывается необходимость обязательной лингвистической экспертизы нормативных правовых актов на стадии разработки. Такая экспертиза позволит предотвратить коллизии в правоприменительной практике, связанные с неверной интерпретацией закона. Формулируются квалификационные требования к специалисту, занимающемуся подобной экспертизой, который, помимо собственно лингвистических, должен обладать также знаниями в сфере юриспруденции.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза; юридическая лингвистика; федеральный закон; законотворчество; нормативный правовой акт.

Сведения об авторе: Карапетян Армен Эминович, депутат Законодательного собрания Свердловской области, заместитель председателя комитета по бюджету, финансам и налогам; профессор Международного научно-исследовательского института управления и политики «Сананор».

Место работы: Законодательное собрание Свердловской области.

Контактная информация: 620031, г. Екатеринбург, ул. Бориса Ельцина, д. 10.
e-mail: zssso@zssso.ru.

**COOPERATION
OF LEGISLATOR AND LINGUIST:
LINGUISTIC EXPERTISE
OF LEGISLATIVE BILLS**

Abstract. The necessity of linguistic expertise of legislative bills while they are being worked out is proved. Such expertise will help prevent arguments in legal practice connected with the wrong interpretation of the law. Qualification requirements to the specialist responsible for this expertise are listed; the specialist should be qualified both in linguistics and jurisprudence.

Key words: linguistic expertise; legal linguistics; federal law; lawmaking; normative act.

About the author: Karapetyan Armen Eminovich, Deputy Speaker of Legislative Assembly of Sverdlovsk Oblast, Vice-chairman of the Budget, Finances and Taxes Committee; Professor of the International Scientific Research Institute of Management and Politics "Sananor".

Place of employment: Legislative Assembly of Sverdlovsk Oblast.

Материалы статьи представлены на конференции «Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления» (Екатеринбург, Россия, 26—28 августа 2014 г.).

Эффективность государственно-правовой политики, качество проводимых в современном обществе преобразований напрямую зависят от законодательной базы, регулирующей как уже сформировавшиеся правовые, экономические и социальные общественные отношения, так и создаваемые новые институты в обществе и государстве. Поэтому одним из обязательных элементов современного законотворческого процесса является проведение самых различных видов экспертиз проектов нормативных правовых актов. Особое значение экспертиза законодательства приобретает в современный период, поскольку количество принимаемых законов и поправок к ним из года в год увеличивается.

Несмотря на то что в российском законодательстве до сих пор нет единого принятого понятия экспертизы законопроекта, специалисты и исследователи уже традиционно понимают его как оценку компетентным органом (организацией) или лицом законопроекта и выработку заключения о его до-

пустимости, имеющихся дефектах, возможной эффективности и прогнозируемых последствиях принятия [см., напр.: Пособие по законотворчеству 2009: 70].

В числе востребованных в российском законодательном процессе экспертиз можно назвать научную, правовую, экологическую, экономическую, общественную, лингвистическую и т. д.

Целесообразность и важность лингвистической экспертизы проектов законов и других нормативных правовых актов сегодня ни у кого не вызывает сомнений. Для того чтобы быть действенным и эффективным, законодательство должно быть ясным, понятным и доступным, причем доступным не только юристам-профессионалам, но и самому широкому кругу лиц, всем гражданам, кому эти законы в конечном итоге и адресованы.

Для того, чтобы закон работал, он должен быть сформулирован точно и однозначно: ведь даже пропуск или неверная постановка одной запятой может исказить смысл

высказывания, что вызовет неизбежные коллизии в правоприменительной практике.

Вот почему столь важна лингвистическая экспертиза законодательных актов: ее внедрение и развитие — это задача большой социальной значимости.

В настоящее время лингвистическая экспертиза является обязательным этапом принятия законов на федеральном уровне: без предварительной лингвистической оценки законопроект не будет принят парламентом. Постепенно решается этот вопрос и на региональном уровне: соответствующие структурные подразделения уже существуют в законодательных органах большинства субъектов Российской Федерации.

Краткое определение лингвистической экспертизы законопроекта дано в части седьмой статьи 121 Регламента Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации: «Лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов» (п. 1, 2 ст. 112, п. 1, 7 ст. 121 Регламента ГД ФС РФ) [Постановление 1998].

Следовательно, лингвист анализирует логику построения текста, его композицию, выявляет стилистические и логические ошибки, которые могут послужить причина-

ми законодательных ошибок. Но лингвист никогда не переписывает текст закона, он лишь выносит свои рекомендации.

Важно, чтобы экспертизу законопроектов проводил лингвист, обладающий необходимыми знаниями в юридической сфере, поскольку работа над текстом требует не только навыков корректорской правки, но и знаний требований юридической техники создания правовых актов.

Поэтому лингвистическая служба должна работать в самом тесном взаимодействии с авторами и разработчиками законопроектов, что создаст условия для ведения целенаправленной деятельности, способствующей соблюдению единства оформления проектов законодательных актов, совершенствованию их языка и стиля, а значит, их точности, доступности и, как результат, — эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новиков А. А. Лингвистическая экспертиза законопроектов как составная часть правовой экспертизы // Образование и общество : науч., информационно-аналитический журн. 2004. № 6. URL: http://www.jeducation.ru/6_2004/84.html.

2. *Пособие по законотворчеству*: канадский опыт для России / под ред. С. В. Кабышева. — М. : Форум права, 2009.

3. *Постановление* Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 25 января 2013 г.) // СЗ РФ = Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 801к.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Г. Б. Морозов
Г. Ф. Нурғалиева
Екатеринбург, Россия

G. B. Morozov
G. F. Nurgaliyeva
Ekaterinburg, Russia

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ НЕЧЕТКОСТЬ
АНТИКОРРУПЦИОННОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ
КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ
КОРРУПТИРОВАННОСТИ ОБЩЕСТВА**

**DEFECTS OF INTERPRETATION
OF TERMS ANTI-CORRUPTION
LEGISLATION OF RUSSIA
AS FACTOR OF STRENGTHENING
OF ITS CORRUPTION**

Аннотация. Анализируется юридическое и лингвистическое толкование ряда терминов и понятий, используемых в федеральном законе «О противодействии коррупции» и нормах смежного законодательства. Приводятся доказательства того, что ненадлежащее правовое толкование отдельных юридически значимых терминов усугубляет коррупцию в России при применении антикоррупционного законодательства.

Abstract. Legal and linguistic interpretation of a number of terms and the concepts used in the Federal law "About corruption counteraction" and standards of the adjacent legislation is analyzed. Proofs of are provided that inadequate legal interpretation of separate legally significant terms creates even more negative effects of action of the anti-corruption legislation of Russia.

Ключевые слова: противодействие коррупции; нормы-дефиниции; служебное положение; должностные полномочия; злоупотребления.

Key words: counteraction of corruption; norm definition; official position; powers of office; abuses.

Сведения об авторе: Морозов Геннадий Борисович, кандидат экономических наук, доцент, кафедры экономики и финансов, экономический факультет.

About the author: Morozov Gennady Borisovich, Candidate of Economics, Associate Professor, the Chair of Economics and Finance, Economics Faculty.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620075, г. Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 9.
e-mail: mgb@inbox.ru.

Сведения об авторе: Нурғалиева Гульнара Финаровна, магистрант второго года обучения Института физики, технологии и экономики.

About the author: Nurgaliyeva Gulnara Finarovna, undergraduate of the second year of training of Institute of physics, technology and economy.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620075, г. Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 9.
e-mail: nurgalieva.gulya@yandex.ru.

Коррупционность в системе общественных отношений — крайне популярная для обсуждения в научных, политических и бытовых дискуссиях и наименее решаемая проблема российской действительности. Симптоматично, что в разделе III («Меры по повышению профессионального уровня юридических кадров и правовому просвещению») «Национального плана противодействия коррупции», утвержденного Президентом Российской Федерации 31 июля 2008 г. (Пр-1568), в подпункте «г» пункта 1 провозглашается: *Для повышения профессионального уровня юридических кадров требуется ... усиление антикоррупционной составляющей при преподавании учебных дисциплин* [Указ Президента РФ от 13.03.2012]. Однако анализ экономико-правовых характеристик антикоррупционного законодательства России, к сожалению, не оставляет никаких иллюзий: в его «сетях»

можно выявить множество «дыр», через которые коррупционеры легко уходят от юридической ответственности за свои деяния. Этим лазейкам достаточно много. Мы в своем изложении остановимся на используемых в законах и подзаконных актах, обозначаемых в правовой науке понятием «нормативные правовые акты» (далее — НПА), дефинициях ряда терминов, лежащих в основе названного законодательства.

Современное российское законодательство в целом нуждается в изменениях, связанных с уточнением толкования многих его норм. Во-первых, следует уточнить в большинстве НПА многие нормы-дефиниции, описывающие на юридическом языке сущность определенных общественных явлений, фактов и состояний реальной жизни. Во-вторых, нужно создавать новые нормы-дефиниции для более точного правового обозначения тех сторон общественных от-

ношений, из-за которых зачастую не эффективна работа судов при вынесении ими решений по рассматриваемым делам. В-третьих, в ряде норм необходимо устранить стилистические и смысловые «неряшливости», затрудняющие соблюдение и исполнение таких норм субъектами публичного и частного права и создающие серьезные проблемы для правоохранительных органов при доказательстве вины участников антисоциальных действий.

Как известно, дефиниция (от лат. *definitio*) — краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные признаки предмета или явления. В НПА используются правовые дефиниции в виде норм-дефиниций, устанавливающих нормативное значение терминов, на которые опирается законодатель при создании «поведенческих» норм права. Чем точнее значение дефинитивных норм в нормативных правовых актах, тем эффективнее и правомернее соблюдаются и исполняются всеми субъектами права предписания законодательства, более справедливо и обоснованно выносятся судебные решения по спорам сторон правоотношений и конкретным правонарушениям.

Известно также, что для понятий и терминов, не получивших в НПА нормативного юридического толкования, нормативными признаются их значения, приведенные в толковых словарях издательства «Русский язык», разработанных научными учреждениями языковедческого профиля Российской академии наук.

Однако для многих терминов в таких словарях отсутствует однозначное смысловое толкование, потому что данные единицы являются омонимами или полисемантами, т. е. способны обозначать разные предметы или явления. Когда такой термин используют в правовой сфере, неоднозначное его толкование применительно к осуществлению субъектами права действий в рамках норм права, где такой термин использован, порождает правовые коллизии, вызванные неустранимыми сомнениями в квалификации правовых действий субъектов, чьи поступки подпадают под юрисдикцию неконкретно толкуемых норм.

Профессиональный лингвист мог бы рекомендовать не преувеличивать роль многозначности терминов, поскольку в русском языке 90 % слов относятся к многозначным, но их значение довольно точно устанавливается за счет тематики, контекста и даже традиций, в том числе за счет юридической практики. В качестве возражения приведем правила, применяемые в юридической прак-

тике в случае неточного толкования терминов при использовании конкретных НПА.

В **гражданском праве** названные сомнения устраняются в соответствии с изложенными в ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) принципами применения данного законодательства по аналогии (закона или права) [ГК РФ, 1]. В **отраслях публичного права** (уголовном и административном) эти принципы не действуют: все неустранимые сомнения в законодательстве толкуются в пользу лица, обвиняемого в совершении соответствующего правонарушения (обладателя презумпции невиновности).

Вот почему в правовом обороте не могут применяться так называемые доктринальные толкования (толкования специалистов в сфере права или лингвистики). Такие толкования, как правило, используют при разработке конкретных НПА, а также в текстах комментариев к принятым НПА. Однако те и другие официальными НПА не являются и потому применению не подлежат.

Начнем с основополагающего понятия **«коррупция»**. До принятия федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008г. № 273-ФЗ (далее мы называем его просто «федеральный закон») [Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ] нормативного описания этого понятия не было, было лишь множество доктринальных толкований термина, не лишенных образной и эмоциональной окраски. В результате коррупционерами в обыденном (не правовом) смысле слова считали тех, кто получал от кого-либо деньги, вещи и услуги за оказание каких-то дефицитных услуг публичного характера. Это государственные и муниципальные служащие, армейские офицеры, сотрудники правоохранительных, налоговых, таможенных и контролирующих органов. К данной группе относятся учителя, врачи, педагоги вузов, руководители государственных и муниципальных учреждений образования, здравоохранения, социального обслуживания населения и другие субъекты.

Федеральный закон расставил в этом вопросе «точки над „и“»: в ст. 1 приводится **нормативное толкование термина «коррупция»**, а именно:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имуществен-

ного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте „а“ настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица.

В принципе четкого толкования понятия «коррупция» так и не появилось. По сути, в приведенном определении бессистемно перечислены конкретные деяния имущественного характера без указания на то, кого всё же следует относить к коррупционерам. По каким признакам коррупцию выделять в самостоятельный криминальный институт, дефиниция ответа не дает, из-за чего трудно установить общие квалифицирующие признаки состава коррупционного деяния как правонарушения. Если попытаться это осуществить, то вместо традиционного в юридической науке определения состава правонарушения, когда его квалификацию проводят с последовательным выявлением объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны, целесообразнее начать с выявления субъектов, т. е. прежде ответить на вопрос, кто теперь, согласно закону, считается коррупционером.

Субъекты коррупционных деяний.

В ст. 1 федерального закона данная норма — бланкетная (отсылочная), поэтому для установления субъектов конкретных деяний обратимся к соответствующим нормам Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [УКРФ].

1. Злоупотребление служебным положением. Схожее обозначение можно обнаружить в двух статьях УК РФ:

— в ст. 201 «Злоупотребление полномочиями» главы 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», касающейся *лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, которое свои полномочия использует вопреки законным интересам этой организации;*

— ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» главы 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», где в примечании 1 в качестве субъекта преступления указано *должностное лицо.*

Таким образом, налицо два специальных субъекта, относящихся к различным сферам деятельности: предпринимательской, законные интересы которой состоят в получении ее субъектом максимально возможной прибыли, и публичной (государственное или муниципальное управление, воинская служ-

ба и служба в органах правопорядка), в которой цель деятельности служб — установление единого правопорядка в стране, устранение ситуаций, когда одни субъекты права нарушают законные права и интересы других.

2. Дача взятки. В соответствии с правилами ст. 20 ч. 1 УК РФ, здесь фигурирует общий субъект преступления — *дееспособный гражданин, достигший 16-летнего возраста*, передавший должностному лицу взятку в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера за законные или незаконные действия или бездействие в свою пользу или в пользу третьих лиц. Диспозиция деяния описана в ст. 291 УК РФ («Дача взятки»).

3. Получение взятки. В соответствии с правилами ст. 290 УК РФ, здесь фигурирует специальный субъект преступления — должностное лицо. Оно, в соответствии с примечаниями к ст. 285 УК РФ, временно или по специальному полномочию осуществляет функции представителя власти либо выполняет организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных силах, других войсках и воинских формированиях.

4. Злоупотребление полномочиями — по сути, повтор ст. 201^[1] и 285 УК РФ. Сюда должны быть добавлены субъекты ст. 202 («Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами») того же документа. Субъекты здесь — как *должностные лица* (в соответствии с примечаниями к ст. 285 УК РФ), так и *лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации*, а также *частные нотариусы и аудиторы*, использующие свои полномочия вопреки задачам своей деятельности и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам.

5. Коммерческий подкуп. В соответствии со ст. 204 УК РФ, субъект этого деяния — *лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации*, которому незаконно переданы деньги, ценные бумаги, иное имущество, а равно ему незаконно оказаны услуги имущественного характера за совершение действий (бездействие) *в интересах дающего в связи с занимаемым этим лицом служебным положением.*

Заметим, что законодатель упорно использует в этой дефинитивной норме о кор-

рупции и в последующих статьях закона термин «положение», относя его к трудовой функции конкретного лица. Поскольку в НПА нет дефиниции этого термина, обратимся к авторитетному, достаточно демократичному толковому словарю под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. В этом издании слово «положение» подается как многозначное, у него выделяется восемь значений (не считая употребления в составе фразеологизма), подчас весьма далеких друг от друга — от *местонахождения в пространстве до научного утверждения, сформулированной мысли*. Для целей анализа интересующего нас закона подходит пятая дефиниция, а именно: *Место, роль кого-нибудь в общественной жизни, в коллективе, в семье. Руководящее положение. Социальное положение* [Словарь Ожегова].

Конечно, для «чистоты эксперимента» можно было бы рассмотреть и значения слов «служба», «служебный», «служебное положение», используемые в обыденном речевом обороте как распространенные клише, и после установления их единого лингвистически обоснованного толкования применить данные термины для квалификации признаков коррупционных деяний в соответствии с нормами анализируемого федерального закона. Как упоминалось, при анализе гражданско-правовых отношений могут применяться аналогии закона или права для оценки существа конкретных сделок и иных юридически значимых действий физических и юридических лиц. Поэтому механизм лингвистического толкования терминов, не являющихся нормами-дефинициями гражданского права, вполне можно использовать для уточнения признаков соответствующего правоотношения.

Однако при квалификации признаков публично-правовых правонарушений (уголовных, административных, налоговых и таможенных) принцип правовых аналогий не применяется, в связи с чем точность толкования терминов соответствующих НПА приобретает архиважное значение, ведь неоднозначность толкования терминов или их излишне широкое абстрактно-логическое содержание без точного указания конкретных признаков совершенного деяния суды обязаны расценивать как неустранимые сомнения в системе доказательств вины обвиняемого и толковать эти сомнения в пользу обладателя презумпции невиновности, что на практике и происходит при попытках реализации федерального закона.

Выражения «служебное положение» нет ни в одном НПА. Так как в коммерческой организации любое лицо, в соответствии

с правилами ст.15 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ), исполняет «трудовую функцию», работая либо в должности, либо по специальности или профессии [ТК РФ], в соответствии с юридической логикой вместо «служебного положения» следовало бы говорить о «должностном» или «профессиональном положении» субъекта трудовых отношений. «Служебное положение» может быть лишь у субъектов отношений, регулируемых законами о государственной, муниципальной, воинской и т. п. службе, но не у субъектов, работающих по трудовому договору в коммерческих организациях. По сути, мы имеем дело с фактами дефинитивной «неряшливости» законодателя, из-за чего субъекта коммерческого подкупа нельзя квалифицировать как коррупционера.

6. Иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства.

Во-первых, здесь к коррупционерам можно отнести любого гражданина, обладающего должностным положением (выполняющего в соответствии со ст. 15 ТК РФ трудовую функцию в определенной должности). Если, в соответствии с правилами той же статьи, лицо выполняет функцию в виде профессии, специальности с указанием квалификации (например, учитель 1-й категории, врач высшей категории и т. п.) либо выполняет конкретный вид поручаемой работы, оно, по логике ст. 1 федерального закона, к субъектам коррупционных деяний отнесено быть не может.

Во-вторых, ни в одном НПА России нет дефинитивного толкования понятия **«законные интересы общества и государства»**. Более того, среди легитимных субъектов права в российской правовой системе нет места такому субъекту, как «общество».

Таким образом, на уровне нормативного толкования терминов «служебное положение» и «должностное положение» возникла «дефинитивная ловушка» для судебных инстанций. Для привлечения к публичной ответственности требуется наличие в соответствующих НПА четких толкований этих терминов. А раз их там нет, незаконное использование **физическим лицом своего должностного (аналогично служебного) положения** обнаружено быть не может, пока нет указания на то, в чем состоит сущность **законного** использования данного положения. Как уже отмечалось, аналогии, основанные на доктринальных толкованиях терминов или сущности юридически значимых фактов (этим сильно грешат известные правове-

ды — авторы комментариев к УК РФ), в публичном праве недопустимы. При этом ни в одном из федеральных законов не найти различий в толкованиях понятий «полномочия» и «положение» применительно к трудовым (по ТК РФ) и служебным (в соответствии с законами о государственной службе) отношениям.

Кто реально попал под «пресс» федерального закона? В ст. 6. «Меры по профилактике коррупции» эти меры относятся к гражданам, претендующим на замещение или замещающим государственные или муниципальные должности и должности государственной или муниципальной службы.

Значит, нельзя относить к коррупционным деяниям противоправные деяния субъектов, подпадающие под определение преступлений, совершаемых субъектами частного права, в соответствии со ст. 201, 203 и 204 УК РФ, хотя общественная опасность таких деяний для правопорядка весома. Эти правонарушения не связаны с деятельностью публичной власти страны, главная функция которой — защита прав всех субъектов по единым правилам. Если эта функция умышленно исполняется ненадлежащим образом, скрыто от окружающих, за недопустимое вознаграждение отдельного должностного лица, потерпевшим и прямо, и косвенно становится *неопределенное число субъектов частного и публичного права* (все субъекты права в стране).

Отметим, что под действие федерального закона не подпадают педагогические, медицинские работники, работники воспитательных учреждений всех уровней, деятельность которых, если верить современным СМИ, результатам многочисленных социологических опросов, статистике Верховного суда Российской Федерации^[2], относится к самым коррумпированным сферам жизни России. Здесь можно констатировать, что федеральный закон снял позорное клеймо с этой категории работников, выведя их из числа участников коррупционных деяний. В этом — огромная заслуга данного закона!^[1]

По итогам анализа норм федерального закона можно констатировать, что *российские коррупционеры, согласно закону, это 1) должностные лица и служащие федеральных, региональных и муниципальных органов исполнительной власти; 2) те, кто дает им взятки*. При этом почему-то *за рамками этого перечня потенциальных и реальных субъектов коррупционных деяний остались депутаты всех уровней представительной власти России*. Между тем вред, причиняемый от принятия законов и иных НПА

коррупционной направленности, общественным отношениям может оказаться куда большим, чем от совокупного действия всех крупных и мелких коррупционеров в исполнительных органах власти в масштабах страны и регионов. **Непонятно также, почему в этот перечень не попали судьи всех уровней судебной власти.**

Закономерен и такой вопрос: зачем нужен отдельный закон, если продолжают действовать нормы 30-й главы УК РФ? Не было никакой необходимости принимать закон такого содержания, тем более что в сфере противодействия коррупции он только вызвал лишнюю путаницу и сократил возможности привлечения к ответственности за правонарушения, достаточно понятно прописанные в действующем УК РФ.

Проанализируем юридическое толкование понятия **«злоупотребление служебным положением»** как неправомерного действия субъекта. Противоположное действие — «благое» или обычное «употребление служебного положения». Такая дихотомия предоставляет благоприятную почву для красочных рассуждений философу, социологу, психологу, педагогу и т. п., но только не правоведа.

Во-первых, как отмечалось, в НПА нет дефинитивного толкования терминов «служебное положение» и «должностное положение», поскольку дефиниции слова «положение» в толковых словарях демонстрируют многозначность этой лексемы. Потому оценивать криминальную сущность противоправно осуществляющегося отношения с опорой на лингвистические (словарные) характеристики используемого термина для привлечения субъекта к публично-правовой ответственности нельзя. В соответствии с нормами п. 3 ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) и п. 4 ст. 1.5 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ) все неустранимые сомнения в виновности лица, в силу презумпции невиновности, толкуются в его пользу. У профессионального лингвиста — не специалиста в сфере права — может возникнуть вопрос: если в законе используется многозначное слово, пусть даже в составе словосочетания, поддающегося однозначному толкованию (в составе одной удобопонятной номинативной единицы, если вообще не фразеологического выражения), неужели это действительно может освободить преступника от ответственности? Не является ли это утверждение авторов статьи натянутым? Практика свидетельствует о том, что натянутым оно не является.

Во-вторых, неоднозначно и содержание правового толкования используемого в этой юридической формуле собственно термина «злоупотребление». В российской правовой системе косвенная дефиниция «злоупотребления правом» содержится в п. 1 ст. 10 ГК РФ: *Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)*. Если содержание нормы переформулировать с учетом логических связей, под **злоупотреблением правом** можно понимать **действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерениями (прямым умыслом) нанести вред (причинить зло) другим лицам**.

По сути толкования предполагается, что в результате данного действия виновным, использовавшим свое служебное положение, кому-то причинен имущественный или моральный вред. Но если коррупционные деяния причиняют, в соответствии с содержанием ст. 1 федерального закона, вред исключительно имущественный, то возникают следующие вопросы:

1) кому конкретно он причинен (кто потерпевший в результате деяния);

2) по каким методикам (таксам) вред рассчитать? Для этого следует применять нормы ст. 15, 16, 393 и главы 59 ГК РФ. Однако есть ли нормативные измерители вреда — формальные и реальные? Если нет, нельзя выносить судебные решения по делам, связанным с правонарушениями такого рода. А соответствующих методик и такс в правовой системе страны действительно нет.

При этом «злоупотребляющий» вред (зло) может причинить в результате 1) прямого умысла, 2) косвенного умысла, 3) легкомыслия, 4) небрежности. По общим юридическим правилам, три последних формы вины к коррупционным деяниям отношения не имеют. А прямой умысел в подобном коррупционном деянии доказать трудно без специально осуществляемых оперативно-разыскных мероприятий. Тем самым толкование в федеральном законе коррупционного деяния не имеет законченной юридической формулы и, следовательно, реально просто отсутствует.

Дача взятки. Получение взятки.

По логике, дача состоится тогда, когда взятка передана получателю. По ст. 290 взятка — получение должностным лицом лично или через посредника денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного

характера за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в *служебные полномочия* должностного лица либо оно в силу *должностного положения* может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе.

С диспозициями данных статей складывается анекдотичная ситуация. В примечании к ст. 290 указан лишь «крупный размер взятки» — сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера, превышающие 150 тыс. руб., за что ч. 4 данной статьи предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 12 лет со штрафом до 1 млн руб. Взятки меньшей суммы, видимо, следует считать мелкими.

Но если обратиться к диспозиции ст. 575 ГК РФ «Запрещение дарения», там найдем понятие «обычный подарок» и установленное лицо^[4], которому он может быть вручен на законном основании: *Не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей ... лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка России в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей*. Значит, в связи с должностным положением руководителю надо передавать подарок на 3 тыс. руб., заместителю — меньше, а подчиненным — еще меньше в соответствии с классным чином? С точки зрения получателя возможен и такой подход: сделаете подарок — выполню должностную обязанность.

Получается, отличия обычного подарка от взятки («необычного подарка») следующие. Подарок — вещь или имущественное право стоимостью менее 3 тыс. руб., всё, что выше, — взятка. «Необычный подарок» может стать обычным, если «обычные» подарки вручать много раз с временными разрывами, прилагая к ним дарственную, оформленную по правилам ст. 160 ГК РФ, с присовокуплением товарного чека на вышеприведенную сумму. Лучше указывать, что вручается «обычный подарок» в связи с *должностным положением* либо в связи с *исполнением служебных обязанностей* получателя. Нормативно число дарения обычных подарков одним лицом другому не установлено.

При этом в п. 2 ст. 575 ГК РФ есть оговорка, позволяющая служащим публичных

организаций эти действия осуществлять легитимно^[5]. Подарки стоимостью свыше 3 тыс. руб. признаются соответственно собственностью федеральной, субъекта Федерации или муниципальной и передаются служащим по акту в орган, в котором указанное лицо замещает должность. На этом основании можно один большой подарок «разбить» на множество «обычных» стоимостью до 3 тыс. руб. (естественно, документально) и либо вручить от имени нескольких дарителей, или от имени одного дарителя, но многократно.

В результате юридически грамотные субъекты публичных правоотношений, изучив данную юридическую конструкцию, просто сменяют способ неправового взяточничества на правомерный. И всё вернется на круги своя с неизменным содержанием, но с новой формой правового издевательства над смыслом борьбы с «ветряными мельницами» российской коррупции.

По итогам анализа содержания федерального закона в аспекте четкости дефиниций возникает вопрос: **надо ли обучать студентов и слушателей курсов и институтов переподготовки и повышения квалификации основам и «глубинам» борьбы с коррупцией, если учесть, что учащиеся могут впоследствии стать действующими и потенциальными взяточниками и взяточдателями?** При положительном ответе борьба с коррупцией через образование логично перетечет в борьбу за утверждение статуса коррупционеров «в законе» на всех уровнях общественных отношений. Потому авторам антикоррупционного законодательства нужно учитывать просчеты, допущенные при его создании, и оперативно вносить в него нужные исправления, причем заниматься этим следовало начать уже давно.

Один из авторов неоднократно об этом заявлял в ряде своих работ, провозглашающих необходимость учета точного толкования норм-дефиниций в российских НПА [Морозов 2004, 2011а, 2011б]. Однако дефиниционные пороки российского законодательства исправлениям не подвергаются. И это крайне печально с политической точки зрения — возникает парадокс, суть которого в свое время афористично сформулировал Н. М. Карамзин при ответе на вопрос о том, почему, несмотря на все катаклизмы, происходящие в России на протяжении ее истории, она «назло врагам и супостатам» выживает и возрождается: «Благодаря дурному исполнению дурных законов».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1].Примечание 1 ст. 201 УК РФ: «Выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, в статьях настоящей главы ... признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях» [УК РФ; Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ].

[2].Верховный суд составил свой рейтинг коррупционеров по итогам приговоров 2008 г. Данные озвучены главой Верховного суда РФ В. Лебедевым на совещании-семинаре председателей областных, краевых, республиканских и иных судов. Всего осуждено 1300 взяточников. Из них каждый пятый — женщина. «Рейтинг» взяточников: 1) 31 % осужденных — работники милиции; 2) 20,3 % — работники учреждений здравоохранения; 3) 12 % — преподаватели; 4) 9 % — муниципальные служащие; 5) 2,5 % — сотрудники службы исполнения наказания; 6) 2 % — таможенники. Ни одного государственного служащего [Верховный суд опубликовал «рейтинг взяточников»].

[3].В связи с этим вспоминается следующий анекдот: «Что общего у коррупционеров — государственного чиновника и школьного учителя? — „Рублевка!“ — „Почему?“ — „Первые живут на Рублевке, а вторые — на рублевку“».

[4].Кроме того, в подпунктах 1 и 2 п. 1 статьи названы дарители: малолетние и недееспособные, работники образовательных и медицинских организаций, оказывающих социальные услуги, и аналогичных организаций, в том числе для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, граждан, находящихся в них на лечении, содержании или воспитании, супругов и родственников этих граждан.

[5].Цитируем: «Запрет на дарение лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка России, установленный пунктом 1 настоящей статьи, не распространяется на случаи дарения в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верховный суд* опубликовал «рейтинг взяточников» // Management of Communications : журн. о Public Relations. 2009. 31 янв. URL: <http://www.man-com.biz/novosti/novosti-rossiyskogo-pr/verhovnyiy-sud-opublikoval-reyting-vzyatochnikov.html>.

2. *Гражданский кодекс* Российской Федерации (часть первая) = ГК РФ, 1 : от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 02.11.2013) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.03.2012).

3. *Гражданский кодекс* Российской Федерации (часть вторая) = ГК РФ, 2 : от 26.01.1996 № 14-ФЗ : ред. от 28.12.2013 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.03.2012).

4. *Морозов Г. Б.* Как слово в деле отзовется? (о дефинитивных пробелах норм российского материального права) // Юрист. 2004. № 11. С. 60—63.

5. *Морозов Г. Б.* Как слово в «деле» отзовется? (о юридических дефектах толкования терминов экологического законодательства) // Проблемы региональной экологии. 2011а. № 3.

6. *Морозов Г. Б.* «Как слово в деле отзовется»: о дефектах толкования норм экологического законодательства России // Вестн. Междунар. акад. наук (русская секция). 2011б. Спец. вып. : Материалы междунар. конф. «Экология человека: здоровье,

культура и качество жизни» (26—27 окт. 2011 г.). С. 160—163.

7. *Словарь Ожегова*. URL: <http://www.ozhegov.org/index.shtml>.

8. *Трудовой кодекс* Российской Федерации = ТК РФ : от 30.12.2001 № 197-ФЗ : ред. от 28.12.2013 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.03.2012).

9. *Уголовный кодекс* Российской Федерации = УК РФ : от 13.06.1996 № 63-ФЗ : ред. от 03.02.2014 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.03.2012).

10. *Указ Президента РФ* от 13.03.2012 № 297 «Национальный план противодействия коррупции на 2010—2011 годы» : ред. от 19.03.2013 : Утвержден Президентом Российской Федерации 31.07.2008 г., Пр-1568 (в ред. Указов Президента РФ от 13.04.2010 № 460, от 14.01.2011 № 38) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.03.2012).

11. *Федеральный закон* от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» : ред. от 28.12.2013 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.03.2012).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.111'271
ББК Ш143.21-5

ГСНТИ 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

Ф. Лунц F. Luntz

Уэст-Хартфорд, США West Hartford, USA

Пер. с англ. З. Ф. Темиргазиной, Г. А. Хамитовой Transl. from English by Z. F. Temirgazina, G. A. Khamitova

ДЕСЯТЬ ПРАВИЛ

ЭФФЕКТИВНОГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация. Статья представляет собой перевод одной из глав американского бестселлера «Words that work» («Слова, которые работают») Франка Лунца. Автор на многочисленных примерах политических и рекламных слоганов демонстрирует действие десяти правил эффективного общения, разработанных и сформулированных им для политической и рекламной коммуникации. Правила культурно детерминированы, и их применение обеспечивает максимальную степень влияния на аудиторию — избирателей и потребителей.

Ключевые слова: правила эффективного общения; политическая коммуникация; рекламный слоган; целевая аудитория.

Сведения об авторе: Лунц Франк, доктор политических наук, адъюнкт-профессор Пенсильванского университета (1989—1996).

Сведения о переводчике: Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и литературы.

Место работы: Павлодарский государственный педагогический институт (Казахстан).

Контактная информация: 140002, Казахстан, г. Павлодар, ул. Мира, 60.
e-mail: zifakakbaevna@mail.ru.

Сведения о переводчике: Хамитова Гульмира Абуовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и практики иностранных языков и перевода.

Место работы: Инновационный Евразийский университет (Павлодар).

Контактная информация: 143000, Казахстан, г. Павлодар, Ломова, 45.
e-mail: gkhamitova@mail.ru.

TEN RULES

OF EFFECTIVE COMMUNICATION

Abstract. This is a translation of one chapter from American bestseller “Words that work” by Frank Luntz. The author shows how ten rules of effective communication work on the basis of political and advertising slogans, the rules were worked out by F.Luntz for political and advertising communication. The rules are culture-bound, the usage of these rules provide strong influence on the audience — the electors and consumers.

Key words: rules of effective communication; political communication; advertising slogan; target group.

About the author: Frank I. Luntz, Doctorate in Politics, Adjunct Professor at the University of Pennsylvania (1989—1996).

About the translator: Temirgazina Zifa Kakbaevna, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language and Literature.

Place of employment: Pavlodar State Pedagogical University (Kazakhstan).

About the translator: Khamitova Gulmira Abuovna, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Foreign Languages and Translation.

Place of employment: Innovative University of Eurasia (Pavlodar).

ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В предлагаемой статье содержится перевод фрагмента из книги «Слова, которые работают» известного американского специалиста по политической коммуникации Франка Лунца [Frank Luntz 2007]. В ней он формулирует десять правил успешной политической и рекламной коммуникации, которые способствуют тому, что выступления политических деятелей или рекламные тексты достигают сознания американцев и заставляют их совершать поступки — делать выбор в пользу определенного кандидата или покупать определенные товары и услу-

ги. Все перечисленные автором правила носят конкретный предписывающий характер для тех, кто хочет профессионально заниматься политической или рекламной деятельностью. Они подтверждены многочисленными яркими примерами из политической жизни Америки и из мировой и американской рекламы. Полагаем, что описанная Лунцем практика использования текстов в политическом и рекламном дискурсах зовет не только академический интерес, но окажется полезной для специалистов в сфере политической коммуникации и рекламной деятельности.

© Лунц Ф., 2014

© Темиргазина З. Ф., Хамитова Г. А., перевод на русский язык, 2014

Правила управляют нашей жизнью. Некоторые из этих правил эксплицитны, введены правительством, например, «Соблюдая ограничения скорости» или «Стоянка запрещена», «15 апреля — день уплаты налогов». Но большинство правил являются неформальными, часто негласными культурными нормами — правила вежливости, правила поведения в мире бизнеса, правила взаимодействия между людьми. Большинство из них являются традиционными, встроенными во времени, привычными, такими, что мы даже не задумываемся о них.

К сожалению, не все правила можно назвать позитивными или продуктивными. Американский бизнес и политическая коммуникация изобилуют плохими привычками, бесполезными тенденциями, которые наносят серьезный вред компаниям. Как и в любой другой сфере, здесь имеются и правила для хорошей, эффективной коммуникации. Они не могут быть такими же обязательными и абсолютными, как, например, правила, касающиеся превышения скорости или уплаты налогов, но они так же важны, как если бы вы захотели прибыть в условное место со своим кошельком в кармане.

Правила коммуникации чрезвычайно важны, если принять во внимание объем того общения, в которое вовлечен сегодня среднестатистический человек. Каждое утро мы выходим из дома и попадаем под сенсорный шторм: реклама, музыка, торговые джинглы, обрывки разговоров, короткие электронные письма. Из домов до нас доносятся различные шумы: от телевизоров, от музыкальных систем, от компьютеров и айподов. Как вы заставите людей услышать ваши слова среди всего этого шума? «Великий язык имеет точно такие же свойства, что и великая музыка. У него есть ритм, высота, интонация, акценты», — говорил известный писатель, автор телевизионной драмы «*The West Wing*» Аарон Соркин. Как вы можете быть уверены, что ваша музыкальная нота будет выделяться в этом какофоническом мире?

В этой статье мы рассмотрим принципы, лежащие в основе эффективной коммуникации и препятствующие вредным привычкам, которым подвержены все, от сенаторов до президентов компаний. Те десять принципов, которые я предлагаю, разработаны в результате моих эмпирических исследований и одинаково полезны в конференц-залах рекламных агентств и конференц-залах политических партий (они также эффективны при разговоре с сердитым супругом и агрессивной дочкой-подростком). Если вы будете их применять, то ваш язык обогатится, ваша речь будет заставлять слушателей кивать

вам головами, аплодировать вам, она будет побуждать их к действию. Иными словами, эти десять принципов приведут вас к *словам, которые работают*.

Хочу вас предупредить. Во-первых, речь идет не о красивых словах, вечных или идеальных, в их абстрактном, философском смысле. Мы ведем речь о *словах, которые работают*, — это язык, используемый нами ежедневно, язык, дающий практические результаты. Это язык без прикрас, язык здравого смысла, типичного для небольших городов Америки, а не язык интеллектуального трюкачества. Это язык, свойственный само-му духу американцев.

Безусловно, для высокопарного, литературного языка в жизни есть свое место и время. Но для того, чтобы завладеть вниманием слушателей, носителю языка нет необходимости быть изысканным или эрудированным. Для этого не надо владеть речью так же, как *Тед Соренсон* (друг и спичрайтер Джона Кеннеди) или *Пэгги Нунан* (спичрайтер Рональда Рейгана).

В идеальном мире каждый может иметь знания, которые ему необходимы, домашнюю библиотеку, а наш политический дискурс может подняться на высокий уровень, уровень дебатов *Линкольн — Дуглас* или, по крайней мере, на уровень ведущих программы «*Новости с Джимом Лерером*». Люди будут говорить не просто краткими предложениями, а длинными абзацами, полными деталей, классических аллюзий и пронизательных теоретических идей, т. е. речью, больше похожей на речь Билла Бакли, чем на речь Билла О'Рейли.

Это утешительная фантазия, но не реальность. Для большинства из нас коммуникация никогда не была и не будет элитарной или неопределенной. Она функциональна, а не является самоцелью. Для меня целью являются *люди*, а язык лишь средство для достижения и обучения, средство для достижения цели. Мы живем в такое время, когда миром правит не один латинский язык, язык элиты, а общие, демократические языки людей. И если ты хочешь понимать людей, ты должен говорить на их языке.

Во-вторых, моя обеспокоенность связана с ограничениями языка. Джордж Лакофф, профессор Университета Беркли по профессии и лингвист по призванию, утверждал, что левые идеи становятся популярными среди населения, если они сопровождаются правильным изложением фактов и метафорами. Но вот какой факт постоянно игнорируется: *некоторые установки и идеи действительно более популярны, чем другие — независимо от того, как они были выражены*.

Язык чрезвычайно важен: в конце концов, политики и всё увеличивающееся число корпоративных боссов живут и умирают с ним — но это еще не всё. Язык в одиночку, сам по себе, не сотворит чуда. Реальная политика оценивает прежде всего, в какую рамку обрاملено то, что предлагается.

Когда я говорю своему клиенту о том, что эта идея не популярна, то только он вправе выбрать, придерживаться своих принципов дальше или нет. Я окажу ему плохую услугу, если не объясню возникшую дилемму, с тем чтобы впредь у него не возникло проблемы выбора между убеждениями и популярностью. Для меня лично правда важнее. Суть моей работы — это оставаться агностиком и держать свое личное мнение подальше от моей работы, чтобы оно не влияло на нее. Люди нанимают меня для того, чтобы я — насколько можно объективнее — сказал им, каково мнение общественности по данному вопросу и чем оно продиктовано. Они хотят правды такой, какая она есть, а не той, которую я хотел бы им представить.

Вы будете удивлены и расстроены, узнав, как мало уважения проявляют социологи, PR-специалисты, работники рекламных агентств к вашему мнению. Они советуют не «влюбляться» в клиентов или людей, которых они представляют.

У меня же несколько иной взгляд на это. До того, как вы что-либо создадите или сможете судить о чем-либо, вы должны послушать людей и проникнуться к ним уважением за то, кто они есть и во что они верят. Я всегда стремился слушать американское общество — не слышать, а по-настоящему, активно слушать его. Информацию нужно извлекать не только из первичных данных, но и получать ее с опорой на свои интуицию и опыт. Получаемая вами информация носит больше эмпирический и эмоциональный характер, чем теоретический и рациональный. На самом деле процесс получения информации довольно прост. С помощью *национальных телефонных опросов фокус-групп, интервью «один на один», контент-анализа и простого ежедневного общения с людьми* я изучил язык Америки. На самом деле то, что вы слышите от избранных вами политиков или в рекламе продуктов и услуг, сначала было сказано вами, а затем преобразовано мною.

Итак, я повторяю: *важно не то, что ты говоришь — важно то, что люди слышат.*

ДЕСЯТЬ ПРАВИЛ УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Правило 1

Простота: используйте небольшие по объему слова

Избегай слов, которые вынуждают слушателя заглянуть в словарь, потому что большинство американцев не будут этого делать. Они просто спокойно позволят реальному смыслу парить над их головами или, что еще хуже, они неправильно вас поймут. Можно спорить сколько угодно о привычке американцев все упрощать, но если вы не говорите на языке вашей целевой аудитории, вы не будете услышаны людьми, до которых вы хотите достучаться.

Простота имеет значение. Среднестатистический житель Америки не оканчивал колледж и не понимает разницы между словами *effect* и *affect*. Американцы говорят, что они ждут сложности в политике, но это не то, что они хотят приобрести. В свое время очень известный американский политик Ньют Гингрич потерял много сторонников из-за своих философских, интеллектуальных выступлений. То же произошло и с Элом Гором и Джоном Керри, выступавшими с идеями и речами, которые можно услышать на семинаре в Гарварде, но звучащими неправдоподобно для домохозяйки из Канзаса или для продавца из универмага в Цинциннати.

На самом деле использование длинного слова вместо короткого вызывает подозрение. Что этот парень хочет мне всучить? Может, у него есть какой-то скрытый мотив? Самый эффективный язык проясняет, а не скрывает. Он делает идею ясной, а не затемняет ее. Чем проще и доступней представлена идея, тем более понятной она становится, следовательно, она будет вызывать больше доверия.

Этот же принцип приемлем и для корпоративной сферы. Названия и слоганы продуктов становятся простыми и несложными, такими, что даже дети легко запоминают их. Не случайно, что наиболее запоминающиеся наименования за последние пятьдесят лет содержат только один или два слога. И если изначально они были сложными, то их неизбежно упрощали и укорачивали. Так, на место *Macintosh* пришел *Mac*, на место *International Business Machines* — *IBM*, *Federal Express* — *FedEx*, *Kentucky Fried Chicken* — *KFC*, *Oil of Olay* — *Olay*, *Dairy Queen* — *DQ*.

Предпочтение простых слов и аббревиатур отразилось и в поп-культуре. Посмотрите хотя бы на названия фильмов. В 1991 г., когда вышел *Terminator 2*, он изменился на *T2*, сократившись с пяти слогов до двух.

В последующие годы тенденция продолжилась: *Independence Day* стал *ID4*, *Mission: Impossible III* стало *Mi:III*. Во многих названиях фильмов исчез определенный артикль: *Bad News Bears* (2005), *Wedding Crashers*.

Наше ежедневное поведение также претерпело некоторые изменения. Мы живем в век текстов, используем смартфоны и отправляем сообщения с них, пишем письма по электронной почте. Эти изменения произошли неслучайно, хорошие вещи приходят к нам постепенно, небольшими порциями и от *небольших по размеру слов*.

Правило 2

Краткость:

используй короткие предложения

Будь как можно более кратким. Никогда не используй предложение, если можешь использовать фразу, и никогда не говори четырьмя словами, если можешь обойтись тремя.

Наиболее запоминающийся политический язык не превышает одного предложения. Фраза *"I like Ike"* едва ли может стать мотивом голосования за кандидата, но простота слогана способствует и помогает кандидату в его предвыборной кампании. Многие считают Кэлвина Кулиджа великим президентом США, но по сей день мы помним его прозвище *"Silent Cal"* (*Молчаливый Кэл*), полученное им за немногословность. Вспомним также студента философского факультета, на вопрос *Why?* (*Почему?*) ответившего *Why not?* (*Почему бы и нет?*).

Иногда два-три слова дороже тысячи слов. С тех пор как Томас Ватсон в 1914 г. присоединился к *IBM* и выдумал фразу *«Think»* для выражения престижа и ценности компании, в краткой форме были представлены другие мощные и провокационные идеи: *«Easy as Dell»*, *«The UnCola»*, *«They're grrreat!»*, *«Got Milk?»*. Компания *Nike* вложила столько мощи и энергии в свои три слова, три слога, восемь букв *"Just do it"*, что это еще больше упрочило позиции данной глобальной империи спортивных товаров.

Итак, когда мы говорим об эффективной коммуникации, маленькое бьет большое, короткое бьет длинное и простое бьет сложное. И иногда наглядная картинка бьет их всех.

Правило 3

Достоверность так же важна, как и философия

Чтобы что-то купить, люди должны поверить. Как когда-то сказал А. Линкольн, вы не можете кормить всех людей всё время. Если ваши слова неискренни, если они противоречат очевидным фактам, обстоятельствам

и восприятию, то они не смогут воздействовать на людей.

Эта мысль будет повторяться много раз в данной работе ввиду своей исключительной важности. Слова, которые вы используете, становятся вами, а вы становитесь словами, которые вы используете. Политические кладбища полны политиков, которые выучили этот урок на собственном горьком опыте. Особенно показателен недавний пример. Слова Джона Керри «Я действительно проголосовал за 87 миллиардов долларов (для войны в Ираке. — прим. авт.) до того, как я проголосовал против» стали пятнадцатью самыми разрушительными и дискредитирующими словами, которые он произносил за свою долгую успешную политическую карьеру. Тот факт, что он оскандалился в вопросе такой важности, превратил его в настоящего трикстера и обесценил все, что он говорил и делал до конца своей избирательной кампании. Таким же образом утверждение Эла Гора во время кампании 2000 г. о том, что он «изобрел» Интернет, что он и его жена, Типпер, послужили источником вдохновения для появления книги *Love Story*, не вызвало никакого доверия и стало источником бесконечных шуток, значительно повредив его электоральной кампании.

Компании часто совершают эту ошибку. Каждый день они запускают *«новое» (new)* и *«улучшенное» (improved)* для того, чтобы продвигать свои товары и расширить свою потребительскую базу. Эти усилия нередко сводятся на нет, так как предлагаемый товар или услуга уже не новы и далеко не усовершенствованы. Потенциальные клиенты не видят большой разницы и отдают предпочтение своей обычной марке; постоянные клиенты не впечатлены и расстроены, и товар, таким образом, теряет доверие. Репутация — целостность бренда компании — чрезвычайно важна и ценна, и преувеличенные обещания, невоздержанность языка рекламы может стать невероятно опасной игрой для репутации компании.

То же самое происходит и в политике. До дебатов или праймериз (первичных выборов) часто можно услышать мнения экспертов об ожидаемых низких результатах одного кандидата и высоких другого. Вопреки тому, что шансы на успех одного из них были объявлены низкими, он нередко выходит из ситуации победителем (вспомните Билла Клинтона, его финиш в праймериз 1992 г., когда он был вторым и благодаря своему прозвищу *"Comeback Kid"* стал победителем, потому что не оправдал пессимистических ожиданий).

Однако если ваши ожидания, связанные с успехом кандидата или компании, высоки, то статистическая победа может восприниматься как разочарование или, что еще хуже, провал. Самый известный пример — это первое место сенатора Эда Маски в Нью-Гэмпшире в 1972 г., которое сделало его кампанию провальной, так как он не набрал 50 % голосов. Он перестал быть надежным кандидатом только потому, что не набрал ожидаемое количество голосов.

Достоверность устанавливается очень просто. Скажи людям, кто ты есть и чем занимаешься. Затем будь этим человеком и делай то, о чем ты говорил. И в итоге напони людям, что ты — это то, о чем ты говорил. Проще говоря, говори, что ты имеешь в виду, и имей в виду то, что ты говоришь (*say what you mean and mean what you say*).

Правило 4 Постоянство

Повторение. Повторение. Повторение. Хороший язык — как кролик-энерджайзер. Он продолжает двигаться все время.

Многие политики настаивают на новых темах для разговора, а компании требуют в своей деятельности разнообразия, так что когда мы их начинаем узнавать по определенному слогану, они уже меняют его.

"It's the real thing" (Это реальная вещь), наиболее запоминающийся слоган «Кока-колы», был создан в 1943 г. Удивительно, что в тот же год было предложено еще три слогана, включая созданный в стиле Ф. Д. Рузвельта *"The only thing like Coca-Cola is Coca-Cola itself"*, которые были тотчас же благополучно забыты. С тех пор «Кока-кола» искала тысячи возможных вариантов, ни один из которых не оказался одновременно и простым и эффективным. В то время как компания на своем веб-сайте преподносит себя как «наиболее инклюзивный бренд», постоянная смена слоганов и неспособность придерживаться одного слогана явились причиной размывания образа этой компании. Напротив, слоган *"We try harder"* компании «Авис» (*"Avis"*) был запущен в 1962 г. и с тех пор не менялся в течение сорока лет, помогая упрочить репутацию компании как одной из ведущих в области проката автомобилей.

Некоторые слоганы, созданные поколения назад, кажутся сегодня свежими и оригинальными, несмотря на то что появились они задолго до изобретения телевизора. Они остаются значимыми как для наших дедушек и бабушек, так и для нас. *"The breakfast of champions"*, слоган «Витиз» (*"Wheaties"*), впервые прозвучал в 1935 г. и до сих

пор остается актуальным. Слоган *"M'm! M'm! Good!"* для «Кэмпбел Суп» (*"Campbell's Soup"*) был представлен в том же году.

«Максвелл Хаус» (*"Maxwell House"*) был известным отелем в Нашвилле (*Nashville*), штат Теннесси, в котором подавалось кофе с таким ароматом, что люди останавливались в нем только ради удовольствия попробовать его. На рубеже веков владельцы отеля начали продавать свой секретный напиток ближайшим заведениям, и он стал таким же популярным в регионе, как «Старбакс» (*"Starbucks"*) сегодня. По данным компании, именно президент Тедди Рузвельт придумал фразу «Хорошо до последней капли» (*"Good to the last drop"*) после того, как выпил чашку кофе в «Максвелл Хаус» в 1907 г., во время исторического визита в поместье Эндрю Джексона. Эта строчка стала официальным слоганом компании в 1915 г. и по-прежнему занимает видное место в рекламных и брендинговых кампаниях. И сегодня «Максвелл Хаус» является одним из лучших американских брендов кофе.

Но наиболее последовательным слоганом за всё время существования этого явления является слоган куска мыла, впервые купленного в 1879 г. за десять центов. Джеймс Гэмбл (*James Gamble*) из компании «Проктер и Гэмбл» (*"Procter & Gable"*) разработал мыло, которое оказалось таким «чистым» (*"pure"*), что его могли использовать как для ванны, так и для прачечной. Оно должно было называться *"P&G White Soap"*, но Харли Проктер настоял на том, чтобы название было более креативным и запоминающимся. В одно из воскресений, посещая церковь, он услышал 8-й стих 45-го псалма, в котором упоминались дворцы из слоновой кости (*ivory palaces*). Так возникло мыло *"Ivory Soap"*. Три года спустя Х. Проктер придумал фразу *"99 and 44/100% pure"* для описания научных тестов, проводимых над мылом университетскими профессорами химии и независимыми лабораториями. Слоган и дополнение к нему *"it floats"* («оно плавает»), созданное в 1891 г., позволили мылу выдержать испытание временем. Несмотря на тот факт, что мыло *"Ivory"* уже не так популярно, как раньше, оно вошло в американскую историю торговли. Такие компании, как «Максвелл Хаус» (*"Maxwell House"*) и «Проктер и Гэмбл» (*"Procter & Gable"*), уяснили для себя одно важное правило успешности бренда: *постоянство в слоганах создает лояльность клиентов*.

Поиск хорошего слогана и поддержание его требует экстраординарной дисциплины,

но это окупается сторицей. Запомните: вы можете говорить о своей болезни одно и то же в сотый раз, но многие из вашей аудитории будут слышать это впервые. Огромное большинство ваших потребителей не обращают на это столько внимания, сколько обращаете вы. Они не читают ваших слоганов в журнале «Adweek» и не слушают их по кабельному телевидению (C-SPAN) в передаче «Road to the White House». Они не видели тома служебных записок, которые видели вы, и страницы тезисов, которые разработали вы.

Когда дело доходит до повторений, политики увлекаются изменениями в коммуникации. Рональд Рейган был единственным политиком в моей практике, которому нравилось повторять одно и то же снова и снова, как будто он произносил это в первый раз. Его речи никогда не вызывали сомнений, и это было основной причиной того, что он обладал устойчивым авторитетом, несмотря на несогласие большинства американцев с проводимой им во время президентства политикой.

Успех Д. Буша в 2004 г., вопреки трудной ситуации в Ираке, высокому уровню безработицы в ключевых штатах и спаду экономики, объясняется, в частности, постоянством его выступлений. В последней кампании ему не было необходимости иметь текст речи или телесуфлера, потому что его послание было одно и то же, на одном и том же языке. Но то, что казалось незыблемым в 2004 г., рассматривалось как негибкое и догматическое во время его второго правления из-за нежелания учитывать альтернативные идеи и подходы к управлению страной. Всё это ведет к следующему правилу — правилу номер пять.

Правило 5

Новизна: предлагай что-то новое

Говоря простым языком, слова, которые работают, представляют собой новое определение старой идеи. Американцам всё быстро надоедает. Если нас что-то не шокирует или не удивляет, мы переходим на другое. Мы всегда в поиске чего-то интересного, будь это следующий Американский Идол, новое телевизионное шоу, новое техническое чудо, последний макияж Мадонны или что-то еще, о чем мы не слышали и чего не видели раньше.

Как индивидуумы, мы ценим предсказуемость друзей и семьи, но нам также нравится и то, что удивляет или восхищает нас, при условии, что результат будет приятным, а не болезненным. Это и является причиной того, что многие из нас в свободное время предпочитают пробовать разные места отдыха, разные отели, рестораны, получать

новый опыт. Где-то глубоко в нас таится тот дух первопроходца, который ведет нас к неизведанным местам, к доселе невиданным поступкам. Если появилось действительно что-то новое и отличающееся от старого, то оно может привлечь наше внимание, вызвать у нас интерес и добиться нашего участия.

С точки зрения бизнеса, вы должны сказать своим потребителям такое, что позволит им совершенно по-новому взглянуть на старую идею (и затем, в соответствии с правилом 4, повторять новую идею снова и снова). Сочетание неожиданности и интриги делает послание неотразимым. Иногда послание, обладающее юмором, должно приводить к открытию и реакции типа «Ух ты, я никогда об этом не думал в таком смысле». Например, люди знали, что «Алка-Зельтцер» принимался при расстроенном желудке, но исследования рынка показали, что никто не знал, какое количество лекарства надо употреблять. Однако когда зрители увидели рекламу «Plop, plop, fizz, fizz, oh what a relief it is», продажи «Алка-Зельтцер» удвоились за ночь. Слоган, который помог продать товар, стал неотделимым от функции товара, потому что он сообщал потребителям то, чего они раньше не знали.

Комичный случай произошел, когда в рекламу продукта включилась религия. Неудивительно, что, поскольку половина руководителей кампании хот-догов была евреями и их рекламная кампания «We answer to a higher authority» предполагала, что их хот-доги были сделаны из лучших ингредиентов, чем требует USDA (Министерство сельского хозяйства США), это спровоцировало дюжину пародий и миллионы продаж. Успех рекламной кампании «Фольксвагена» «Think Small» в конце 50-х гг. явился еще одним примером нового поворота в сознании людей. В то время, когда машины и их продвижение на рынке увеличивались, «Фольксваген» выбрал совершенно иной подход к дизайну и слогану. Это сработало, так как заставило людей думать о товаре свежо, по-новому.

Существует простой тест на определение того, соответствует ли ваше послание (слоган) этому правилу. Если ваше послание вызывает реакцию типа «Я этого не знала», значит, вы будете иметь успех.

ЛИТЕРАТУРА

1. Luntz F. Words That Work: It's Not What You Say, It's What People Hear. — New York : Hyperion, 2007. 324 p.

Окончание перевода будет напечатано в следующем номере.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Из истории политической лингвистики» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Дополнительная специальность: 24.00.00 — Культурология

22.00.00 — Социологические науки

12.00.00 — Юридические науки

23.00.00 — Политология

07.00.00 — Исторические науки и археология

Издательство: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в каталог Роспечать. **Индекс 81954.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научно-го цитирования** (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом не более 300-350 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5-10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // *Вопр. философии*. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // *Ref. Libr.* 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // *Теплофизика и аэромеханика*. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // *Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке*. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2014. ВЫПУСК 3 (49)

Адрес редакции:
620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.
Подписано в печать 20.08.2014. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. — 26,6. Усл. печ. л. — 30,6. Тираж 500 экз. Заказ 4426.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru